МБУК «ТОТЕМСКОЕ МУЗЕЙНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ»
ФГБОУ ВО «ВОЛОГОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

РУССКИЙ СЕВЕР - 2019: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Сборник работ III Всероссийской научной конференции с международным участием

Сборник посвящается светлой памяти учёного, заведующего кафедрой теории, истории культуры и этнологии ВоГУ, профессора, доктора исторических наук Александра Васильевича Камкина

Вологда
«Полиграф-Периодика»
2019

УДК
ББК
Р

Издание выпущено в рамках проекта «Агентство музейного развития “Лоция”», поддержанного грантом Благотворительного фонда Владимира Потанина по программе «Эффективная филантропия» (грантополучатель – Тотемское музейное объединение, руководитель проекта – Новосёлов Алексей Михайлович)

***Автор идеи, куратор проекта** – А. М. Новосёлов*

***Редакционно-издательская коллегия:** Коренева Н. И., Красильников Р. Л. (доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой теории, истории культуры и этнологии ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет»), Новосёлов А. М., Полоцкая О. В. (составитель), Правдина М. Б. (кандидат культурологии).*

***Рецензент** – Ермолин Е. А., профессор, доктор педагогических наук, заведующий кафедрой журналистики и издательского дела ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, Ярославль*

Материалы выпускаются в авторской редакции

Печатается по решению научно-методического совета МБУК «Тотемское музейное объединение»

Р **Русский Север - 2019:** проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия: сборник работ III Всероссийской научной конференции с международным участием

ISBN

УДК
ББК

ISBN

© МБУК «Тотемское музейное объединение», 2019
© ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», 2019
© Оформление. ООО ПФ «Полиграф-Периодика», 2019

Красильников Роман Леонидович,
заведующий кафедрой теории, истории культуры и этнологии ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», доктор филологических наук, профессор

Вместо предисловия
ФЕНОМЕНЫ РУССКОГО СЕВЕРА

Третья Всероссийская научная конференция с международным участием «Русский Север – 2019: опыт изучения и сохранения историко-культурного наследия», безусловно, сама по себе является примечательным феноменом. Она продукт не официальной культуры, но популярной, то есть ее возникновение было обусловлено инициативами не «сверху», а «снизу». Определенный круг людей, а именно сотрудники Тотемского музейного объединения (прежде всего – директор А. М. Новосёлов) три года назад решили, что региону не хватает конференции с таким названием, с таким кругом вопросов, с таким кругом приглашенных специалистов, и запустили данный проект.

Тотемское музейное объединение в последние несколько лет само по себе является примечательным феноменом. Любовь и преданность своей малой родине, активность, инициативность, современность и многие другие прекрасные качества позволяют этому учреждению культуры и его сотрудникам сегодня «греметь» по всей России. Стажировки, музейные школы, новые арт-пространства, гранты и т. д. – нет, пожалуй, такой актуальной формы работы, которая не была бы здесь апробирована.

Конференция стала одной из них. Не все поначалу воспринимали ее всерьез, но форум продолжил свое существование, стал развиваться, и вот уже и Вологодский государственный университет (конкретнее – кафедра теории, истории культуры и этнологии) во второй раз официально принимает участие в этом событии, в рамках которого тотьмичи проявляют себя как радушные хозяева, открытые для любого сотрудничества.

Связь между Вологодским государственным университетом и Тотемским музейным объединением не случайна. В учреждении культуры работают выпускники вуза, которые и стали авторами новых инициатив. ВоГУ гордится ими и надеется, что культурологическое образование помогает им в их деятельности.

Областная и районная столицы связаны также и фигурой **Александра Васильевича Камкина** (1950–2017), заведующего

кафедрой теории, истории культуры и этнологии ВоГУ, памяти которого посвящены конференция и сборник в 2019 году. Он не только внёс большой вклад в обучение тотемских специалистов, но и был редактором трех историко-краеведческих альманахов «Тотьма», вышедших в серии «Старинные города Вологодской области». Безусловно, А. В. Камкин, автор работ по церковной истории и крестьянскому самосознанию, создатель известного во всей стране курса «Истоки», сам по себе тоже является феноменом Русского Севера, который нам предстоит еще осмыслить и изучить.

Особенностью таланта А. В. Камкина было его умение находить точки соприкосновения между различными дисциплинами – то, что в культурологии называется междисциплинарностью. Нельзя не заметить, что конференция вполне отвечает этому принципу. В ней участвуют и историки, и краеведы, и музейщики, и культурологи, и учителя, и представители других специальностей; в ней рассматриваются различные вопросы – историко-культурные, источниковедческие, краеведческие, музееведческие и т. д.

Удивительным качеством А. В. Камкина было также умение услышать личностную и профессиональную позицию другого человека. И, как нам кажется, одной из особенностей данной конференции является возможность выслушать представителя смежной науки и попытаться понять его. Это очень полезно для гуманитарного знания в целом. Это очень полезно для нашего вуза и для нашей кафедры, поскольку мы познакомимся с научными интересами представителей других учреждений.

В связи с темой конференции хотелось бы еще сказать несколько слов о феномене Русского Севера. Нас интересует вопрос существования Русского Севера в условиях эпохи Модерна с теоретической точки зрения. Здесь современная культура понимается нами в контексте противопоставления ее традиционной культуре, антитезы отсутствия и свободы выбора, важности происхождения и личной инициативы, коллективизма и индивидуализма, прогрессивности и консерватизма и других оппозиций. В этом свете эпоха Модерна длится, начиная с эпохи Просвещения, с XVIII в. и до сих пор является, говоря словами Ю. Хабермаса, «незавершенным проектом»[1].

Уже в этом разделении есть интересные моменты, непосредственно касающиеся Русского Севера. Ведь именно с XVIII в.,

[1] Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект // Режим доступа: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Article/Hab_Modern.php (дата обращения: 23.12.2018).

с петровских реформ и строительства Санкт-Петербурга он потерял свое значение и фактически стал «отставать в своем развитии». «Отставание в развитии» означало то, что Русский Север в меньшей степени коснулась европеизация и здесь гораздо дольше сохранялись традиционные ценности и культурные практики. Не случайно еще в начале XX века ученые и публицисты отмечали особую духовную атмосферу, ощущаемую ими во время путешествий по этим территориям. Примечательно, что советскую власть, поставившую перед собой цель разрушить традиционный уклад в России, данная атмосфера не привлекала.

Наверное, не будет преувеличением сказать, что Русский Север связан прежде всего с традиционной культурой. В этом свете эпоха Модерна не может быть не чужда ему. Глобализация и медиализация окончательно разорвали границы данного локального, относительно замкнутого мира, поставили его перед лицом новых вызовов.

Здесь мы подходим к важному вопросу о сохранении традиционной культуры. Его решение, по сути, представлено двумя стратегиями: музеефикацией и брендированием. Первая предполагает консервацию культурных практик и стремится к минимальной потере их аутентичности. Второе нацелено на адаптацию этих практик к туристической отрасли и, в конечном счете, на извлечение из них прибыли. Музеефикацией обычно занимаются ученые и энтузиасты, брендированием – чиновники и бизнесмены. Иногда встречаются специалисты, которые пытаются найти «золотую середину» между этими стратегиями, но сегодня все чаще побеждает вторая из них.

В этом контексте примечательно описание бренда «Вологодская область – душа Русского Севера», которое можно найти на сайте нашего региона: *«...Главная духовная скрепляющая мысль, которая у каждого жителя должна вызвать гордость и близость со своими городами и селами, служить единению и сплочению жителей области, способствовать росту местного самосознания. Бренд несет в себе глубинные духовные идеалы и православное культурное наследие, отражает национальный характер северного региона. Он объемно охватывает всю гамму чувств, создает ментальную модель действительности, состоящую из отдельных образов: визуальных, тактильных, слуховых...»*[2]

[2] Концепцию бренда «Вологодская область – душа Русского Севера» представили в Вологде // Режим доступа: http://vologda-portal.ru/novosti/index.php?ID=248594&SECTION_ID=150 (дата обращения: 23.12.2018).

Может ли бренд нести в себе «глубинные духовные идеалы»? Может ли область быть «душой»? Как тогда называть другие территории, относящиеся к Русскому Северу?

Очевидно, что мы имеем дело уже не с историко-культурным феноменом, а с мифом, симулякром, который может стать успешным, принести деньги, но, по сути, представляет собой набор слов, использованных в несвойственных им контекстах и значениях. И, согласно Ж. Бодрийяру, перед нами феномен современной культуры[3].

Одно из ключевых слов, употребленных при описании бренда,– «духовный». Начиная со времени формирования понятия «Русский Север» эти территории привлекали высоким уровнем духовности, под которой, очевидно, понималась нравственность. На эти представления серьезно повлияло большое количество православных святынь, как известно, побудившее назвать этот регион Северной Фиваидой.

Но что осталось от Северной Фиваиды после советского периода? Насколько религиозны местные жители? Можно ли говорить об особой духовности на Русском Севере сегодня – по сравнению с Сибирью, Югом России, Москвой? Опрос Левада-центра, проведенный в 2013 г., показал, что 68% россиян считают себя православными, однако всего 5–6% соблюдает религиозные обряды[4]. Не думаю, что эти данные не касаются Русского Севера.

Вместе с тем нельзя не заметить, что образ Русского Севера, о котором, например, писала Т. М. Красовская[5], все-таки связан с обликом храмов и монастырей. Этому способствует и неизменная удаленность северных территорий, и суровая северная природа. Другими словами, Русский Север как чувственный гештальт продолжает утверждаться в сознании живущих здесь и приезжающих сюда людей. По всей видимости, ощущается и трудность жизни в этих краях, напоминающая о лишениях наших предков, их упорстве и трудолюбии. В русле формального, но распространенного противопоставления духовной и материальной культуры, как

[3] Симулякр // Режим доступа: https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASHe582c0684b9932e2c8eae5 (дата обращения: 23.12.2018).

[4] Россияне считают себя верующими, но в церковь не ходят // Режим доступа: https://www.levada.ru/2013/12/24/rossiyane-schitayut-sebya-veruyushhimi-no-v-tserkov-ne-hodyat/ (дата обращения: 23.12.2018).

[5] Красовская Т. М. Образ Русского Севера: особенности формирования в современной географии и искусстве // Национальный психологический журнал. 2013. № 3 (11). С. 42–46.

когда-то в «серебряном веке», Русский Север кажется некой утопической землей, «землей обетованной», откуда можно черпать энергию для возрождения нравственных начал. Не случайно документальный фильм 2015 г. о местных деревнях получил название «Атлантида Русского Севера»[6].

Безусловно, в этом свете Русский Север изначально был конструктом, в терминологии Макса Вебера, «идеальным типом»[7], возникшим среди образованных кругов населения. Наверное, в нем не было того единства, которое ему приписывали. Ведь поначалу речь шла только о Поморье, об Архангельской губернии, и только потом в это семантическое поле включили и другие территории, обратив внимание на общность исторической судьбы и социальной структуры. Жизнь у моря отличалась от жизни в глубине материка, старообрядческая традиция – от ортодоксальной. Да и Север был и остается разным: климат в Вологде и на Кольском полуострове довольно-таки сильно отличается. Сегодня многие оппозиции сохраняются и появляются новые – как противостояние Вологды и Череповца, например, за место в новой образовательной системе страны.

И общность теперь распространяется другая, угрожающая стереть отличия на глобальном уровне, поскольку, по словам Э. Гидденса, более семидесяти стран мира обладают примерно одинаковым обликом и примерно одинаковым кругом ценностей[8]. Массовая культура, общество потребления выдвигают новые требования, о которых мы уже говорили: посещение аутентичных мест становится видом развлечения.

Если адаптация Русского Севера пойдет по тому пути, который мы видим в ныне существующих брендах, историко-культурное наследие обречено на серьезные потери, в том числе репутационные. И, как нам кажется, задачей данной конференции является не только осмысление каких-либо фактов, но и через эти факты – подкрепление смыслового наполнения понятия «Русский Север».

[6] Атлантида Русского Севера // Режим доступа: https://www.kinopoisk.ru/film/917293/ (дата обращения: 23.12.2018).

[7] Идеальный тип // Режим доступа: https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH0c181709923b7e0d63380c (дата обращения: 23.12.2018).

[8] См.: Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004.

Всеволодов Антон Владимирович,
Череповецкий государственный университет, г. Череповец

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ КАМКИН: ВРЕМЕНА И ТЕМЫ (ПАМЯТИ ИСТОРИКА)

А. В. Камкин

В статье представлен краткий обзор жизни и творчества Александра Васильевича Камкина (1950–2017) – выдающегося историка, этнолога, культуролога, основоположника комплексного изучения православной традиции на Европейском Севере, создателя кафедры теории, истории культуры и этнологии ВоГУ.

10 декабря 2017 г. ушел из жизни Александр Васильевич Камкин – известный историк, этнограф, культуролог, доктор исторических наук, профессор, крупный специалист по истории крестьянства, один из основоположников изучения истории Православной церкви на Европейском Севере России.

А. В. Камкин родился 14 февраля 1950 г. в Вологде в семье машиниста тепловоза Василия Александровича и акушерки Екатерины Васильевны. Окончив среднюю школу № 29, в 1967 г. он поступил на отделение истории историко-филологического факультета Вологодского государственного педагогического института. Уже в самом начале студенчества произошла его встреча с выдающимся историком Петром Андреевичем Колесниковым (1907–1996), во многом определившая всю дальнейшую судьбу молодого человека. Под руководством Колесникова он написал первую свою статью, посвященную крестьянским порядным записям, и под его влиянием впоследствии сформировался как ученый.

После окончания института Камкин несколько лет преподавал в родной для него 29-й вологодской школе. В 1977 г. он был принят методистом на кафедру истории СССР исторического факультета ВГПИ, а позже поступил в аспирантуру Института истории АН

СССР. Его научным руководителем была Екатерина Иосифовна Индова (1916–1995).[9]

Е. И. Индова, крупный специалист-аграрник, в выборе темы своего вологодского аспиранта проявила известную прозорливость, угадав точку соприкосновения своих собственных и его сформировавшихся еще в институтские годы научных интересов. В 1983 г. в Ленинградском отделении Института истории А. В. Камкин защитил диссертацию «Правосознание и правотворчество государственных крестьян Европейского Севера (вторая половина XVIII века)». Для своего времени это была новаторская работа, выводы которой строились на авторской интерпретации как вновь введенных в научный оборот, так и уже широко известных источников – в частности, крестьянских наказов в Уложенную комиссию. Самобытный, независимо-творческий характер крестьянского правотворчества, выявленный Камкиным, находил свое выражение как в воздействии, оказывавшемся на выработку государственной политики и ее законодательного оформления, так и в коллективных юридических инициативах («починах»), возникавших в среде северных волостных миров. Эти «почины» находились в теснейшей связи с особенностями мировоззрения крестьянства, всей системой его расселения, территориально-административного устройства и обусловленных этим отношений с властями. Правотворчество северного крестьянина, таким образом, не только свидетельствовало об особом строе его правосознания, но выражало специфику его жизненного уклада в целом, а равно и его особую роль в российском социальном универсуме периода Просвещенного абсолютизма.[10]

В 1980-е гг., после защиты, Александр Васильевич быстро стал одним из ведущих преподавателей истфака ВГПИ. Им читались общие и специальные курсы, посвященные преимущественно проблемам истории XVIII в. и отечественной историографии. В 1985–1989 гг. он являлся деканом исторического факультета. Параллельно он вел обширную научную и научно-организаторскую работу в составе созданного П. А. Колесниковым Северного отделения Археографической комиссии АН СССР и Вологодского проблемного объединения по аграрной истории, участвовал

---

[9] Преображенский, А. А. Историк об историках России XX столетия / А. А. Преображенский.– М.: Русское слово, 2000.– С. 125–145.

[10] Камкин А. В. Правосознание и правотворчество государственных крестьян Европейского Севера (вторая половина XVIII века). Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Спец. 07.00.02 / А. В. Камкин.– Л., 1983.– 17 с.

в работе Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Он был членом редколлегии и одним из авторов первого тома «Истории северного крестьянства»,[11] Свода документальных памятников Вологодской области,[12] редактором и составителем ряда сборников научных трудов.

В 1993 г. А. В. Камкин защитил в Институте этнологии и антропологии РАН докторскую диссертацию «Традиционные крестьянские сообщества Европейского Севера России в XVIII веке». Вскоре ему было присвоено ученое звание профессора. На рубеже веков А. В. Камкин стал сопредседателем возрожденного Вологодского общества изучения Северного края, председателем Северного отделения Археографической комиссии. При его живейшем участии создается Вологодское отделение Российского общества историков-архивистов, под эгидой которого почти два десятка лет (1994–2012) в Вологде проводилась научно-практическая конференция «Историческое краеведение и архивы», сыгравшая важную роль в координации усилий историков, архивистов, краеведов по изучению не только Вологодского края, но и Европейского Севера в целом.

В 2001 г. Камкин создает в Вологодском государственном педагогическом университете кафедру теории, истории культуры и этнологии, становится ее первым и почти до самой кончины – бессменным заведующим. На кафедре ему удалось собрать коллектив высокопрофессиональных специалистов. Среди них доктор исторических наук проф. М. С. Черкасова, кандидаты исторических наук И. В. Спасенкова и И. В. Пугач, доктор филологических наук Р. Л. Красильников, кандидат культурологии Л. А. Якушева. Подготовка бакалавров по направлению «Культурология» ведется на кафедре неотрывно от весьма интенсивной научной деятельности. Этому способствовала многогранность исследовательских интересов А. В. Камкина, простиравшихся от крестьянского правосознания XVIII столетия до истории Православной церкви и корневых проблем традиционной культуры русских, от источниковедения до исторической географии и полевой этнографии.

[11] История северного крестьянства. Т. 1. / Отв. ред. П. А. Колесников.– Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во; Вологда: Вологод. отд-ние, 1984. Крестьянство Европейского Севера в период феодализма.– С. 339–347., Камкин А. В. Северному отделению Археографической комиссии – 50 лет / А. В. Камкин, М. С. Черкасова // Вестник Вологодского государственного университета. Сер. «Гуманитарные, общественные, педагогические науки».– 2017.– № 4(7).– С. 19–30.

[12] Памятники письменности в музеях Вологодской области. Каталог-путеводитель. Ч. 4. Вып. 3. Документы XVI – начала XX веков Вологодского государственного историко- архитектурного и художественного музея-заповедника / сост. Н. Н. Малинина, В. В. Морозов; под общ. ред. П. А. Колесникова.– Вологда: ВГИАХМЗ, 1998.– С. 3–7.

А. В. Камкин с выпускниками отделения культурологии 2013 года

Основной сферой занятий Александра Васильевича, сформировавшейся в ходе его многолетних разысканий в архивах Москвы, Ленинграда, Архангельска, Вологды, Великого Устюга, Петрозаводска, Сыктывкара, была история традиционных крестьянских сообществ Европейского Севера второй половины XVIII в. – общины и волости. Александру Васильевичу удалось соединить воспитанное в школе П. А. Колесникова мастерство источниковедческого и историографического анализа, собственный опыт крестьяноведа и авторское видение проблемы. Этот синтез позволил ему прийти сначала к нетривиальным частным заключениям, а потом и к созданию собственной концепции крестьянского жизнеустройства. Так, анализируя комплекс документов о падении урожайности зерновых и росте хлебных цен в нижнем Подвинье второй половины 1760-х гг., Камкин сопоставил статистику ведомостей о посевах, посылавшихся в Сенат, с информацией крестьянских наказов депутатам Уложенной комиссии и мирских челобитий губернским

властям об угрозе голода. Ему удалось установить, что в одном из наказов содержится «свой анализ ситуации в зерновом хозяйстве региона», «напутствие государству о необходимости вмешательства в эту непростую ситуацию»[13]. «Через проблему урожаев и цен,– резюмировал автор,– просматриваются традиционные представления черносошных крестьян на роль и место органов власти в экстремальных ситуациях...»[14]. В данном кратком замечании проявляет себя характерная черта Камкина как историка: тонкое чувствование источника, понимание глубинного единства ментальных структур, относящихся к сфере сословного самосознания, их ситуативных поведенческих проявлений и материальных (природно-экономических) основ.

Рассмотрение общины и волости в их пространственном и, что важнее, сущностном совпадении, формировавшем на Севере, в условиях ослабленного государственного давления, особый тип человеческого характера и общественных отношений подтолкнуло Камкина к вопросу о северном православном приходе как элементе «триады» крестьянского самоуправления. Способствовало этому и обращение к почти не востребованным документам церковных институций – духовных правлений и духовных консисторий Архангельско-Холмогорской, Вологодской, Олонецкой епархий – наряду с материалами волостных изб и правлений. Из многолетних штудий возникла убежденность в том, что «Воссоздание истории крестьянства невозможно более при недооценке или исключении из нее церкви», что «приход не просто веками сосуществовал с крестьянским миром, а органически сливался с его судьбами»[15] [35, с. 25]. В этом А.В. Камкин выступил продолжателем, а вернее – восстановителем дореволюционной историографической традиции, воплощенной в трудах М.М. Богословского и С.В. Юшкова.

Ранний период развития приходской темы (продолжавшийся примерно до 1992 г.) характерен рассмотрением сельского прихода Синодальной эпохи прежде всего как арены общественного

[13] Камкин А.В. «Недородные годы» в нижнем Подвинье (комплекс источников 1766–1767 гг.) / А.В. Камкин // Проблемы историографии и источниковедения истории Европейского Севера: межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. А.В. Камкин.– Вологда: ВГПИ, 1992.– С. 60.

[14] Там же. С. 72.

[15] Камкин А.В. Сельский клир и крестьянство в XVIII в. Некоторые проблемы приходской жизни на Европейском Севере России / А.В. Камкин // Европейский Север: история и современность: тез. докл. Всеросс. науч. конф. / Отв. ред. А.И. Афанасьева и др.– Петрозаводск: КарНЦ АН СССР, 1990.– С. 25.

служения крестьянства. Синкретическое единство территориально-административного и конфессионального начал в мирском самоуправлении выразилось, с точки зрения Камкина, во включении заботы о приходском храме в систему солидарных функций общины-волости и, соответственно, в набор обязанностей ее ответственных лиц и номенклатуру выборных должностей. Роль храма, крестьянской религиозности и православной веры как таковой во внутренней консолидации мира, его статусно-ролевом делении обозначена уже в учебном пособии 1990 г., посвященном проблемам общественной жизни северной деревни[16]. Развитием этой линии в творчестве Камкина стало еще одно его учебное пособие – «Крестьянский мир на Русском Севере: (Материалы по истории северорусских крестьянских сообществ XVIII века)», в котором опубликованы тексты свыше 60 документов мирского делопроизводства, иллюстрирующие в том числе и роль приходского духовенства в повседневной жизни северной общины[17]. Одновременно вышла в свет брошюра «Вопросы истории церкви в школьном краеведении», свидетельствовавшая о начавшейся «легализации» историко-церковной тематики не только в вузовском, но и в среднем образовании[18].

Сюжеты, связанные с историей сельского прихода, духовенства и в целом Православной церкви, стали важной частью работы Александра Васильевича над докторской диссертацией. В 1992 г. он публикует главную свою книгу – «Православная церковь на Севере России: Очерки истории до 1917 г.»[19] Написанная удивительно просто и емко, далекая от сухого академизма, эта совсем небольшая работа ознаменовала собой этап в развитии не только региональной, но и общероссийской историографии истории православия. Она явилась одним из первых опытов монографического изложения проблем церковной жизни в историко-культурном ракурсе – и до сих пор без ссылок на нее не обходится ни одно серьезное исследование темы. Обращенность к самой широкой

[16] Камкин А.В. Общественная жизнь северной деревни XVIII века: пути и формы крестьянского общественного служения: учебное пособие к спецкурсу / А.В. Камкин.– Вологда: ВГПИ, 1990.– 97 с.

[17] Камкин А.В. Крестьянский мир на Русском Севере: (Материалы по истории северорусских крестьянских сообществ XVIII века): учебное пособие / А.В. Камкин.– Вологда: Русь, 1995.– 97 с.

[18] Камкин А.В. Вопросы истории церкви в школьном краеведении. В помощь учителю истории / А.В. Камкин.– Вологда: Газета, 1990.– 67 с.

[19] Камкин А.В. Православная церковь на Севере России: Очерки истории до 1917 года / А.В. Камкин.– Вологда: ВГПИ, 1992.– 164 с.

читательской аудитории предопределила в первую очередь просветительский характер книги, сочетающийся, тем не менее, с подлинной научностью, залогом которой служила прочная источниковая база. Немало в книге и личного во всем – от стилистики до деликатно вплетенного в текст религиозного опыта.

А. В. Камкин с митрополитом Вологодским и Кирилловским Игнатием

«Православная церковь на Севере…» писалась непросто: у книги не было ни сколько-нибудь близких аналогов по замыслу и жанру, ни тем более образца – его приходилось создавать самому. В особенности тяжело было определиться с порядком глав. Будучи сам глубоко верующим человеком, Александр Васильевич сознательно избрал для себя позицию «светского историка», ограничившего свои изыскания «земными судьбами Православной церкви как организации и людского сообщества».[20] Вера и наука в его творчестве, не сливаясь, помогали, взаимно обогащали друг друга. Авторский взгляд на изучаемый спектр проблем был одинаково лишен и холодноватого объективизма, и апологетики – и в этом смысле до конца историчен. Церковь рассмотрена в книге как живой духовный и социальный организм, существование которого, являясь частью исторического процесса, подчинено особой внутренней логике, понять которую нельзя без обращения ко всей полноте народной жизни и без учета внерациональной сущности самой церкви, ее неизбежного обратного влияния на духовный облик народа.[21] Эта нравственная и методологическая позиция определила структуру работы – восходящую от прихода как «основной духовной и организационной ячейки» церкви к другим ее подси-

[20] Камкин А. В. Православная церковь на Севере России: Очерки истории до 1917 года / А. В. Камкин.– Вологда: ВГПИ, 1992.– С. 3–4.

[21] Там же. С. 6.

стемам: монастырям, епархиям и, наконец, духовенству – сословию пастырей, «охраняющих, учащих и управляющих».[22]

В докторской диссертации, констатировав «неразработанность темы о сельском православном приходе», Камкин впервые рассмотрел его параллельно с волостью, как один из «организующих и регулирующих механизмов хозяйственной, общественной и духовной жизни».[23] Им была впервые предложена типология приходов Севера с точки зрения их демографических характеристик и особенностей пространственной организации, выявлена динамика изменения насыщенности приходской сети региона. Трактовка Камкиным феномена прихода, в отличие, например, от Н. Д. Зольниковой, несколько раньше опубликовавшей исследование о сибирской приходской общине XVIII века[24], была историко-этнографической. Соответствующей реконструкции автор посвятил заключительную главу своего исследования. Он обосновал понимание приходской жизни как особой области коллективного бытия крестьянства, реализующейся территориально в виде нескольких зон, в разной степени наполненных сакральными объектами, общим ядром которых служит храм.

Демографии и внутренней организации прихода посвящены несколько содержательных статей середины – второй половины 1990-х гг. В них социально-демографические параметры интерпретировались как объективные основания духовной культуры, вместилищем которой являлась приходская община. Приход и составлявшие его группы верующих рассматривались в контексте происходивших в крестьянской среде естественных процессов передачи и усвоения социокультурного опыта[25]. Отсюда

[22] Камкин А. В. Православная церковь на Севере России: Очерки истории до 1917 года / А. В. Камкин.– Вологда: ВГПИ, 1992.– С. 117.

[23] Камкин А. В. Традиционные крестьянские сообщества Европейского Севера России в XVIII веке. Дисс. … докт. ист. наук. Спец. 07.00.07 / А. В. Камкин.– Вологда, 1993.– С. 3, 6, 12.

[24] Зольникова, Н. Д. Сибирская приходская община в XVIII в. / отв. ред. Н. Н. Покровский / Н. Д. Зольникова. – Новосибирск: Наука, 1990.– 291 с.

[25] Камкин А. В. О системном подходе к изучению северорусского сельского православного прихода / А. В. Камкин // Кичменгский край. Материалы Глубоковских чтений.– Кичменгский Городок: ЭЛПА, 2012.– Вып. 2.– С. 3–10. Камкин А. В. Православные приходы Холмогорского уезда второй половины XVIII века: из истории религиозной жизни северного крестьянства // М. В. Ломоносов и православие: сб. ст. о творчестве М. В. Ломоносова.– М.: «К единству», 2014.– С. 406–411. Камкин, А. В. Севернорусский сельский приход XVIII века: пространство, населенность, клир / А. В. Камкин // Культура Русского Севера: межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. А. Н. Башенькин.– Вологда: Русь, 1994.– С. 91–108., 36. Камкин, А. В. Сельский православный приход в духовной культуре Русского Севера XVIII–XIX веков / А. В. Камкин // Историческое краеведение и архивы: мат-лы науч.-практ. конф. Вып. 6. Вологда, 30 октября 1998 г., 16 марта 1999 г.– Вологда: б. и., 2000.– С. 14–20.

впоследствии возник и авторский интерес к отдельным феноменам церковной жизни – социальной диаконии, островному монастырю, православной топографии северного города и многим другим.

С 1995 г. Александр Васильевич начал работу над циклом учебных пособий для средней школы под общим названием «Истоки», в которых намеревается описать в доступной детскому восприятию форме основные понятия, образы и идеи русской народной культуры, ее предметное и духовное наполнение. Задача тяжелейшая, посильная лишь человеку, хранящему в себе кровную связь с той самой культурой – живущему в ней, задача, требующая труда и таланта совершенно иного, чем те, что нужны и привычны академическому ученому, была им полностью выполнена. За два десятилетия «Истоки» выросли в целостную образовательную программу для младшей и средней школы (со 2 по 9 классы) с собственным методическим инструментарием, обширным и сплоченным сообществом педагогов-истоковедов из 62 регионов России, в которых сегодня преподается этот курс[26].

Во второй половине 1990 – начале 2000-х гг. формируется научная школа Камкина по изучению духовной культуры и православных традиций Европейского Севера. Ядро ее составили аспиранты Александра Васильевича. В их исследованиях характерен не только широкий тематический охват, но и унаследованное от учителя тяготение к междисциплинарности. Не случайно многие диссертации под руководством Камкина защищались сразу по двум научным специальностям – по отечественной истории и этнографии, что отражало новизну не только их проблематики, но и полученных результатов. «Обрастание» аспирантами закономерно сопровождается усилением в творчестве Камкина вологодской темы. В серии историко-краеведческих альманахов «Старинные города Вологодской области» он выступил главным редактором выпусков, посвященных Тотьме, а для выпусков о Вологде подготовил ряд документальных публикаций. Продолжением этого

[26] Камкин А. В. О воспитании этносознания русских в современном российском школьном образовании (программа «Истоки») / А. В. Камкин // Этнопанорама.– 2015.– № 1–2.– С. 23–29. Камкин А. В. О развитии программы «Истоки» / А. В. Камкин // Народное образование.– 2001.– № 9.– С. 59–61. Камкин А. В. О развитии системы духовно-нравственных ценностей в контексте программы «Социокультурные истоки» / А. В. Камкин, И. А. Кузьмин // Воспитательная работа в школе.– 2008.– № 4.– С. 19–27.

А. В. Камкин в жюри олимпиады «Умники и умницы Вологодчины»

стало участие в подготовке «Вологодской энциклопедии» и книги очерков «Вологда в минувшем тысячелетии».

Немало сил приложил А. В. Камкин для увековечения памяти П. А. Колесникова. Он подготовил к печати последнюю книгу Петра Андреевича «Путешествие в родословия» (1997), неоднократно выступал с обзорами его жизни и творчества, участвовал в организации посвященных ему конференций[27] [18, 24–26]. В этом, очевидно, было нечто большее, чем простая признательность или долг по отношению к наставнику. Александр Васильевич, считая себя «выпускником» созданной Колесниковым Вологодской научной школы, остро чувствовал необходимость сохранять и передавать заложенную им традицию, воспринимал ее, вероятно, как часть историко-культурного наследия Севера. Даже краткие рассказы о Колесникове, которые порой возникали в разговорах с собственными учениками (особенно теми, кому не пришлось видеть Петра Андреевича, учиться у него), были для Александра Васильевича важны в смысле передачи этой особой, личной и личностной традиции.

[27] Камкин, А. В. Об авторе и его книге / А. В. Камкин // Колесников П. А. Путешествия в родословия.– Вологда: Русь, 1997.– С. 5–6.

К началу XXI в. труды А. В. Камкина приобретают международную известность. Несколько лет подряд он принимает участие в работе Коллоквиума по изучению славянских культур в Сорбонне, читает лекции в университете Инсбрука (Австрия). В 1998 г. вышел немецкий перевод его монографии о Православной церкви на Севере России [58].

Невозможно переоценить заслуги А. В. Камкина в деле создания исследовательских сообществ, поддержания научных коммуникаций. Состоявшаяся в 2000 г. конференция «Региональные аспекты исторического пути православия» показала, что история церкви и православной культуры на Севере не только оформилась в зрелое научное направление, но и сделалась своеобразным фактором социальной интеграции – соединения творческих сил профессиональных историков, этнологов, культурологов и самых широких кругов светской и церковной общественности. Александр Васильевич – душа и центр этой корпорации – с полным правом принял на себя роль ее историографа.

Эта роль и налагаемая ею высокая ответственность для Камкина была органична – в силу свойственного ему дара общения. Без него невозможно было бы многолетнее сотрудничество с московскими историками (В. И. и А. В. Бугановыми, И. В. Власовой, М. М. Громыко, О. В. Кириченко, А. И. Комиссаренко, В. А. Тишковым, К. В. Цеханской, С. О. Шмидтом и др.), учеными Архангельска (В. И. Голдиным, А. А. Куратовым, Н. М. Теребихиным, С. О. Шаляпиным и др.), Петрозаводска (А. М. Пашковым, М. В. Пулькиным), Сыктывкара (И. Л. Жеребцовым, М. А. Мацуком и др.). Александр Васильевич часто выступал оппонентом на защитах кандидатских и докторских диссертаций в разных городах России, сам постоянно «возил» учеников на семинары и конференции всероссийского и международного уровня – в том числе Поморские чтения по семиотике культуры, Конгресс этнографов и антропологов России и многие другие.

А ведь еще были этнографические экспедиции, непрестанная работа по популяризации историко-культурного наследия и сохранению его памятников, которыми так богат Север, постоянная вовлеченность в церковно-общественный диалог, членство в десятках комиссий, общественных и попечительских советов. Много времени отнимала экспертная и огромная методическая работа по совершенствованию и популяризации «Истоков».

Исследования А. В. Камкина в 2000–2010-е гг. концентрировались вокруг темы этнической идентичности и культурной сукцессии: меняющейся во времени семиотики культурных ландшафтов

Севера, формирования в регионе сети мест памяти, устойчивых зон и очагов культуротворческой деятельности, в которых сопутствуют друг другу расселение, административное обустройство, хозяйственное освоение территории и ее сакральное означение. Троякая топография места (природная, административно-расселенческая и религиозная) как сеть локусов разного порядка соотносится с «универсальной триадой северорусского мира» (волостью-общиной-приходом) и объективируется в целой системе образов и символов. Среди них крестьянские хоромы, деревня, приходской храм, околица, родник, часовня, дорога, монастырь, город, вотчина – и другие. В советское и постсоветское время сформировалась новая логика развития культуры региона, в которой доминировали привнесенные в северную среду смыслы, символы и ландшафты, связанные с форсированной урбанизацией, с одной стороны, и с агрессивными заимствованиями послеперестроечного периода – с другой.

В сжатом виде программа комплексного исследования трансформаций культуры региона с древнейших времен до начала XXI в. была предложена участникам мастер-класса «Русский Север: история образа», проведенного в Вологде в феврале 2001 г. Он состоялся в рамках выездной школы («Зимней академии») Института европейских культур при Российском государственном гуманитарном университете. В дальнейшем А. В. Камкин посвятил данной проблематике целый ряд трудов. Самым значительным среди них стала коллективная монография «Православные традиции на Европейском Севере России в XVIII–XX веках», написанная под его общим руководством. В ней бытование православной традиции было прослежено в разных ракурсах и перспективах – но в русле предложенного Камкиным интегративного подхода[28]. Последний реализовался и в исследованиях аспирантов Александра Васильевича[29]. В том же контексте находится вышедшая в 2014 г. книга об истории храмов и монастырей Вологды[30].

---

[28] Православные традиции на Европейском Севере России в XVIII–XX веках / отв. ред. А. В. Камкин.– Вологда: Изд. центр ВИРО; ВГПУ, 2007.– 220 с.

[29] Матвеев, А. В. Мобилизация русской идентичности в конце XIX – начале XX веков (на материалах Вологодской губернии). Дисс. … канд. ист. наук. Спец. 07.00.07 / А. В. Матвеев.– М., 2011.– 275 с., Шушвал Н. А. Храмопопечение в традиционном укладе жизни севернорусских крестьян (на материалах Вологодской губернии второй половины XIX – начале XX века). Дисс. … канд. ист. наук. Спец. 07.00.07 / Н. А. Шушвал.– Москва, 2014.– 184 с.

[30] История северного крестьянства. Т. 1. Крестьянство Европейского Севера в период феодализма. // Отв. ред. П. А. Колесников.– Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во; Вологда: Вологод. отд-ние, 1984.– 432 с.

В одной из последних крупных статей А. В. Камкин обратился к вопросу о развитии в среде северного клира элементов сословной замкнутости – обособления от веками питавшей его крестьянской среды, что проявилось, по мнению историка, и в нараставшей к концу XVIII в. бюрократизации служения и в становлении наследственности, династийности в передаче приходских мест. Эти практики положительно воспринимались общиной, соответствовали самому характеру пастырских обязанностей и позволяли обеспечить эффективную передачу знаний и опыта в условиях, когда сеть духовно-учебных заведений была еще слаба [37]. Вернувшись к истории столь любимого им столетия, Камкин теперь обратился специально к истории северного приходского духовенства как социальной группы со своей особой внутренней динамикой, а не только участника внутримирских отношений. Статья не только подытоживала сделанное им за два десятилетия, но и намечала перспективы новых поисков, которым, увы, не дано было осуществиться.

Коллектив кафедры теории, истории культуры и этнологии Вологодского государственного университета

Начиная с 2009 г., Александр Васильевич много болел, но вопреки недугу продолжал работать: руководить кафедрой, заниматься с молодыми исследователями, писать, выступать. Его светлое, деятельное жизнелюбие, тонкий юмор, мудрая ирония, неизменная готовность помочь и словом, и делом поддерживали всех, кому повезло быть с ним знакомым, работать вместе с ним, учиться у него. Блестящий лектор, он «влюбил» в историю не одно поколение студентов. Он принадлежал, наверно, к самой редкой разновидности учителей – тех, кто одним нахождением рядом с тобой, как бы случайной шуткой, метким замечанием заставляет расти, задает планку, умственную и нравственную, к которой хочется стремиться. Выдающийся ученый, со всеми он был одинаково прост и скромен, отчего истинный масштаб его личности собеседнику становился понятен далеко не сразу. Автор около 250 научных трудов, руководитель 12 кандидатских диссертаций, он никогда не гнался за показателями, званиями и наградами. Он был подвижником науки – и при этом очень земным человеком.

К Александру Васильевичу безусловно применимо замечательное определение душевед, когда-то придуманное им для П. А. Колесникова. Таким он останется в памяти сотен друзей, коллег, учеников.

Раздел первый

ТОТЬМА И ТОТЕМСКИЙ КРАЙ В КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ РУССКОГО СЕВЕРА

Черкасова Марина Сергеевна,
ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», г. Вологда

ТОТЕМСКИЕ АКТЫ XVII ВЕКА

Предлагаемая публикация является прямым продолжением статьи автора, представленной в сборнике Тотемской конференции «Русский Север» 2018 г.[31] Речь пойдёт о нескольких актовых источниках, происходящих из архива тотемской Троицкой церкви. По её названию в Тотьме образовалась так называемая Троицкая сторона за р. Песьей Деньгою. Помимо Троицкой, в храмовый комплекс в XVII в. входила Благовещенская церковь и колокольня с 5 колоколами. С конца XVIII в. эта часть тотемского посада оказалась за пределами города, образовав подгороднюю Зеленскую слободу[32].

Интересующие нас акты находятся в Коллекции столбцов (ф. 1260) в ГАВО, оп. 7), образуя единый столбец с присвоенным ему архивным № 106. Они интересны тем, что рисуют посадский и торговый мир Тотьмы в послесмутное время, главным образом в 1620–1660-е годы, тесные духовные и хозяйственные связи прихожан со своей церковью. Выявленные документы могут быть сопоставлены с таможенными книгами Тотьмы и Устюга 1620–1630-х гг., поскольку в них упоминаются одни и те же торговые люди. По ходу комментариев придётся обращаться к ценным работам Д. А. Григорова, П. А. Колесникова, Ю. И. Чайкиной, тем более

[31] Черкасова М. С. Тотемские акты XVI века: Предварительный обзор // Русский север – 2018: Проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия. Сборник материалов Всеросс. науч. конф. с международ. участием. Вологда, 2018. С. 7–15.

[32] Григоров Д. А. Тотьма и её окрестности // Тотьма. Историко-краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда, 1995. С. 181–189.

что дозорные, писцовые и переписные книги Тотьмы за XVII в., использованные ими, до сих пор, увы, не опубликованы.

Под № 1 в Приложении приведена данная Антониды Ивановой Чекалевой (вдовы Гаврила Губина) Троицкой церкви на свой огород за р. Песьей Деньгой от 15 октября 1627 г. Дарение было мотивировано поминанием родов Чекалевых и Губиных в названной церкви. Фамилия Чекалевых встречается в купчей Семена Андреева с. Чекалёва Олферию Емельянову с. Росляку на земельный участок на острове Шахтыше[33]. В первой четверти XVII в. в Тотьме могло проживать уже четвертое или пятое поколение этой семьи. А в 1670-е гг. в Тотьме известны, например, «середней человек Федка Иванов с. Чекалёв» и голова казённого промысла Иван Чекалев[34].

Права Троицкой церкви на полученный в 1627 г. огород подтверждались обязательством вкладчицы не отчуждать его. Среди послухов (свидетелей) в данной назван священник Афанасьевской церкви в Тотьме Афанасий Дорофеев с. Попов и два брата, тотемские посадские люди Никон и Панкратий Петровы дети Харламовы-Губины. Видимо, они по линии мужа приходились Антониде родственниками. Никонко Харламов как выборный по сбору налогов посадский человек отмечен в двух указных царских грамотах 1618 и 1619 гг.[35] Он же с Панкратием упоминаются в тотемских и устюжских таможенных книгах 1620–1630-х гг.

Панкратий Харламов к 1634/35 г. состоял уже в гостиной сотне, исполняя обязанности кабацкого головы[36], и фигурирует в духовной посадского человека Тотьмы, купца Естифея Иванова с. Брудачева 1628 г.[37] Дед последнего – Еремей Иванов с. Брудачев дал в 1574 г. в Спасо-Прилуцкий монастырь четверть соляной трубы[38]. В данной отмечены два его сына – Гриша (погибший в смуту в 1613 г.) и Иван – будущий отец Естифея[39]. Естифей Брудачев, таким

[33] Черкасова М. С. Тотемские акты XVI века… С. 10.

[34] Чайкина Ю. И. Старая Тотьма: географические названия и наименования жителей (на материале Переписной книги Тотьмы 1677–1679 гг.) // Тотьма… Вып. 2. С. 34; Колесников П. А. Город Тотьма в XVII в. (К вопросу о социально-экономической истории русского поморского города). Канд. дисс. // Тотьма. Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда, 2001.– С. 258.

[35] Указные грамоты городовым воеводам и приказным людям 1613–1626 г. / Сост И. В. Пугач. М., 2012. С. 208, 216–217, 218.

[36] Таможенные книги Сухоно-Двинского пути XVII в. Вып. 1. СПб., 2013. С. 15, 166, 167, 228.

[37] ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. № 112.

[38] Черкасова М. С. Тотемские акты… С. 12.

[39] Григоров Д. А. Тотемские соляные промыслы… С. 105.

образом, занимался крупнооптовой торговлей солью и промысел этот был им унаследован от отца[40].

Помимо Панкратия, в духовной 1628 г. отмечены ещё двое Харламовых, его братья – Иван и Степан как совладельцы долей соляных варниц. Что же касается попа Афанасия, то и он назван в том же завещании как священник тотемской церкви Афанасия и Кирилла Александрийских и отец духовный Е. И. Брудачева. За сорокоуст ему определялось «на весь крилос 40 алтын да на свечи и на просворы и на кутью 10 алтын». Самому же храму предназначалось 5 руб. «в колокола».

Если же вернуться к данной А. И. Губиной-Чекалевой, то следует отметить наличие второго экземпляра, одновременно написанного ею вместе с сыном Томилой[41]. Текст его практически идентичен первому экземпляру. Различие лишь в составе послухов – вместо священника Афанасьевской церкви Афанасия Дорофеева указан её дьякон – Давыд Дорофеев, несомненно, его сын.

Далее в Приложении под № 2 публикуется данная память Каптелины Елизаровой (вдовы Незговора Овдеева с. Чекалева) попу и прихожанам Троицкой церкви на дворище с лужком и хмельником от 30 марта 1633 г. Вероятно, упомянутые в актах № 1 и 2 женщины: Антонида по отцовской линии Чекалёва, а Каптелина по линии мужа Чекалёва приходились друг другу родственницами. Муж дарительницы Н. О. Чекалев занимался торговлей и отмечен в таможенной книге Тотьмы 1627/28 г.[42] Имеются сведения и об его отце – Овдее Третьякове с. Чекалеве, упомянутом в коллективной поручной тотьмичей по ямщике Т. Я. Сухомесове 1604 г. (см. ниже). Среди прихожан в данной памяти 1633 г. указаны торговые люди Денис Матвеев с. Выдрин[43], Томило Васильев и Нестер Фомин, причем Томило назван носником, то есть лоцманом, проводившем суда по Сухоне, поскольку «река быстра и пороги и каменья великие»[44].

[40] Таможенные книги Сухоно-Двинского пути XVII в. Вып. 3. СПб., 2015. С. 158, 207; Вып. 4. СПб., 2016. С. 171, 175, 192 и др.; Колесников П. А. Указ. соч. С. 238.

[41] ГАВО. Ф. 1260. Оп. 7. № 106. Л. 4.

[42] Таможенные книги… Вып. 4. С. 44, 90, 111, 176, 212.

[43] Тотьмич Первушка Выдрин фигурирует в царских грамотах 1615 г. (Указные грамоты… С. 167–168, 178.). Д. А. Григоров называет Д. Выдрина крестьянином Окологородной волости, оттуда же из дер. Выдриной происходил и Васька Выдрин (Григоров Д. А. Тотемские соляные промыслы // Тотьма… Вып. 2. С. 99–100, 106). П. А. Колесников рассмотрел деятельность Д. Выдрина вместе с И. Усовым-Грудцыным по организации соляных промыслов на Леденьге в 1640–1650-е гг. (Колесников П. А. Указ. соч. С. 195, 217, 237, 239). Выдрина он также считал крестьянином.

[44] Таможенные книги… Вып. 4. СПб., 2016. С. 112, 139, 165, 168, 184, 220; Указные грамоты… С. 225.

Полученным от К. Елизаровой комплексом (дворище-лужок-хмельник) по половинам могли владеть троицкие прихожане «в веки на всякое церковное строение» и поп Иван Гаврилов «безотнимошно до своей смерти» и поминать родителей Каптелины.

Под № 3 приведена собственноручно написанная данная торгового человека гостиной сотни Ивана Петрова с. Харламова Троицкой церкви на свои сенокосные угодья и огородную землю на острове Шахтыше от 1 августа 1654 г. Дарение также было мотивировано поминовением рода Харламова в Троицкой церкви. И. П. Харламов упомянут в нескольких указных грамотах 1619–1620 г. как «лучший посадский человек с братьею сам-третей»[45], а ещё – в духовной Е. И. Брудачева 1628 г. как его душеприказчик, которому тот поручал после своей смерти заботиться о жене Акилине и малолетних детях – сыне и двух дочерях. Он же мог распоряжаться имуществом Брудачева – «животом моим владеть и промыслом промышляти». По достижении сыном Брудачева 18–20 лет И. П. Харламов был обязан передать ему отцовское имущество.

По более поздней заемной кабале вдовы Е. И. Брудачева Акилины на 1000 руб. за долю рассола в старой варнице в одном месте и целый варничный комплекс в другом, заложенные Спасо-Прилуцкому монастырю от 29 августа 1663 г.[46], выясняется, что Акилина была дочерью Ивана Харламова и таким образом тот приходился Естефею Брудачеву тестем (отцом жены), а дети Акилины и Естефея являлись его внуками. Возможно, малолетство детей Брудачева указывает на его второй брак и естественную разницу в возрасте с И. П. Харламовым, умершим, вероятно, ок. 1665 г. дьяком Казённого двора. Однако с его отцом, Петром Ивановым с. Харламовым Е. И. Брудачев менялся долями соляной варницы, о чем упомянуто и в духовной 1628 г., и в закладной 1663 г. Во всяком случае мысль П. А. Колесникова о родственных связях Брудачева и И. П. Харламова подтверждается. Ученый ошибался лишь, считая Брудачева бездетным[47].

Если верно наше отождествление, И. П. Харламов в 1620/21 г. исправно служил таможенным и кабацким головой на Тотьме, за что был пожалован от царя Михаила Фёдоровича в июле 1624 г. правом курить вино, варить пиво и мед «на посаде сколько пригоже с явкою»[48]. Однако в своих деревнях, где на него работали

[45] Указные грамоты… С. 202–203, 218, 237.

[46] ГАВО. Ф. 1260. Оп. 2. № 20. Л. 2 об.–3.

[47] Колесников П. А. Указ. соч. С. 241, 274 – прим. 18.

[48] Указные грамоты… С. 238, 287.

половники, он не мог держать никакого питья. В декабре 1624 г. это право было распространено и на его братьев – Никона и Панкратия, которые также на своих должностях учинили государству «прибыль немалую». Ещё они могли в летнее время топить безпенно баню («мылню»), покупали земельные участки, судились за землю[49]. В январе 1625 г. братья Харламовы получили царскую грамоту о том, чтобы посадские люди не обременяли их излишними казёнными службами и не нарушали очередности в привлечении к подобным обязанностям[50]. Получали братья Харламовы царское заступничество и в урегулировании спорных солеваренных участков с О.Г. Строгановой (женой Д.Г. Строганова) и Николо-Угрешским монастырем[51]. В 1627 г. И.П. Харламов был ларешным целовальником на Устье Толшменском и работал в паре с таможенным головой на Тотьме Лукой Плесовским[52]. В 1629/30, 1634/35 и 1639/40 гг. он служил таможенным и кабацким головой на Устюге[53]. В окладном списке 1632 г. по Москве И.П. Харламов с братьями и детьми указан в окладе 13 алт. 2 ден.[54] Он же как «Иванко Харламов Суконного ряду» подписал коллективную челобитную русских купцов 1645/46 г. о запрете иноземным коммерсантам проникать на внутренний рынок России[55].

Н.Б. Голикова считала, что представители трёх поколений Харламовых-Губиных – Петр (дед), Иван (отец) и Семен со Степаном (внуки Петра) были зачислены в гостиную сотню в 1630-е годы, тогда как Панкратий Петров оставлен в Тотьме и стал её членом лишь в 1640-е годы[56]. Это ошибочное мнение в отношении Панкратия было скорректировано С.Н. Кистерёвым, отметившим зачисление его в неё гораздо ранее, поскольку в таком качестве он был составителем таможенной книги по Устюгу уже в 1634/35 г.,

[49] Указные грамоты… С. 236–239, 292.
[50] Там же. С. 239, 303.
[51] Там же. С. 239–240.
[52] Таможенные книги… Вып. 4. С. 253, 266.
[53] Голикова Н.Б. Привилегированное купечество в структуре русского общества XVI – первой четверти XVIII в. СПб., 2014. С. 174, 187–188.
[54] Привилегированное купечество России во второй половине XVI – первой четверти XVIII в. Сб. док. Т. 1. М., 2004. С. 117; Соловьёва Т.Б., Володихин Д.М. Состав привилегированного купечества России в первой половине XVII в. М., 1996. С. 36, 84. Братья И.П. Харламова – это упомянутые выше Никон и Панкратий, а ещё, возможно, Денис и Емельян; дети – Семен и Степан.
[55] Привилегированное купечество России во второй половине XVI – первой четверти XVIII в. … С. 166.
[56] Голикова Н.Б. Привилегированные купеческие корпорации в России XVI – первой четверти XVIII в. Т. 1. М., 1998. С. 258, 305.

да и в упомянутом окладном списке 1632 г. И.П. Харламов отмечен с братьями и детьми как взятые в гостиную сотню в 138 (1630) г.[57] Без указания на братьев и детей И.П. Харламов включен в список высшего купечества России 1653 г.[58] В 1663–1665 гг. он был дьяком приказа Казённого двора[59].

В генеалогии и предпринимательской деятельности этого торгового рода ещё многое предстоит уточнить, поскольку, помимо тотемских Харламовых, были ещё гости Харламовы, происходившие из Великого Новгорода, поколенная роспись которых была установлена В.А. Варенцовым (там было две ветви)[60], а ещё Иван Харламов-галичанин и Иван Харламов-холмогорец, что затрудняет необходимые отождествления при анализе разных источников. Н.Б. Голикова предлагает тотемских Харламовых называть Губиными, так же называет их и Д.А. Григоров[61]. Заметим, однако, что наименование одной из соляных труб и варницы в Тотьме Харламовскими[62] указывает именно на этих солепромышленников как Харламовых. У П.А. Колесникова они фигурируют как «братья Харламовы» и дано описание их предпринимательской деятельности[63].

В данной И.П. Харламова 1654 г. среди послухов указан Иван Тимофеев с. Сухомесов. Как торговый человек он тоже упоминается в таможенных книгах 1620-х гг. Он ещё участвовал в «обетных» поездках тотьмичей в Николо-Маркушевский монастырь[64]. Имеются сведения и об его отце – Тимофее Яковлеве с. Сухомесове, по котором в 1604 г. была составлена коллективная поручная запись посадских людей и крестьян на исправное исполнение им ямской службы[65].

[57] Кистерёв С.Н. [Предисловие] // Таможенные книги… Вып. 1. С. 7; основной текст – С. 15.
[58] Соловьева Т.Б., Володихин Д.М. Указ. публ. С. 69.
[59] Колесников П.А. Указ. соч. С. 274 – прим. 18; Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 553; Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. (1625–1700). Биографический справочник. М., 2011. С. 603 (если сведения на 1664 г. относятся к «нашему» И.П. Харламову, то данные на 1670–1689/90 гг. имеют в виду, скорее всего, какого-то другого).
[60] Варенцов В.А. Привилегированное купечество Новгорода XVI–XVII вв. Вологда, 1989. С. 87.
[61] Григоров Д.А. Тотемские соляные промыслы… С. 105.
[62] Там же. С. 88, 106; Чайкина Ю.И. Указ. статья. С. 35.
[63] Колесников П.А. Указ. соч. С. 238, 243–244.
[64] Таможенные книги… Вып. 4. С. 89, 121. 181, 241; Вып. 5. СПб., 2017. С. 195, 230.
[65] Гос. музей-заповедник Ростовский Кремль. Отдел рукописей. Ф. 288 (Колл. Б.Н. Эдинга). № 1747. Представители фамилии Сухомесовых продолжали жить на Тотьме и в 1720-е гг. (Григоров Д.А. Тотемские соляные промыслы… С. 108).

Еще один собственноручно написанный документ дается в Приложении под № 4. Это память некоего Петрушки кузнеца от 10 января 1662 г. В ней говорилось о данном им в Троицкую церковь старосте Ивану Выдрину и всем прихожанам угольном огородце. Дарение объяснялось, по-видимому, его долгом церкви в 11 руб. Иван же Выдрин как торговый человек фигурирует в таможенной книге Тотьмы 1629/30 г.[66]

Таким образом, удалось установить несколько новых фактов о родственно-семейной и межпоколенной преемственности посадских людей Тотьмы, их торгово-экономической деятельности, тесных духовных связях с Троицкой приходской церковью. Информация эта в дальнейшем может быть расширена на основе комплекса писцовых и переписных книг.

Приложение

№ 1
1627 г. октября. – Данная вдовы А. И. Чекалевой Троицкой церкви в Тотьме на огород своего покойного мужа за р. Песьей Деньгой

(л. 3) Се яз, Соли Тотемской Антонида Иванова дочь Губина, а упокойного Гаврила Чекалева жена, дала есми в дом Живоначалной Троицы мужа своего упокойного огород за рекою за Песьею Денгою на верхном посаде по благословению и по приказу мужа своего упокойного Гаврила по своих родителех. А тот наш огород в межах с верхную сторону с Василием Тарасовым, а с нижную сторону с Марьею Дружининскою женою Ярославова. И хто будет у Живоначалные Троицы священник, и ему тем нашим огородом владети и за то ему родителей наших поминати. А до того огорода дитям моим, ни роду моему, ни племяни дела нет и от церкви божии николи не отнимати. А хто почнет тот наш огород от церкви божии отнимать, и не буде на них милость божия и Живоначалные Троицы и наше на них благословение.

А у даные седел афонасьевской поп Афонасей Дорофеев сын Попов да Никон да Панкратей Петровы дети Губина, тотмяня.

А даную писал тотмянин Тимошка Нефедиев сын Мармазин лета 7136 году октября в 15 де.

На обороте разным почерком: К сей даной Никонко Харламов сын Губин руку приложил.

К сей даной Панкратко Харламов сын Губин и руку приложил.

ГАВО. Ф. 1260. Оп. 7. № 106. Л. 3-об. Подлинник.

[66] Таможенные книги... Вып. 6. СПб., 2017. С. 71.

№ 2
1633 г. марта 30. – Данная память Каптелины Елизаровой попу и прихожанам Троицкой церкви в Тотьме на дворище с лужком и хмельником, согласно духовной своего мужа

(л. 2) Се яз, Каптелина Елизарьева дочь, а Незговоровская жена Овдеева сына Чекалева, дала есми даную память по благословению и по духовной мужа своего Незговора Овдеева по его приказу из-за Песьей Деньги Живоначалные Троицы и Благовещения Пречистые Богородицы попу Ивану Гаврилову да прихожаном Денису Матвееву сыну Выдрину да Томилу Васильеву, ла Нестеру Фомину и всем троецким прихожаном на мужнее дворище из-за Песьею Деньгой, что бывало попа Максима, и с лужком и с хмельником. И ему, попу Ивану, тем огородом половиною и хмельником владеть владеть ввек безотнимошно до своей смерти, и за то наших родителей поминать. А другою половиною владеть троецким прихожаном в веки на всякое церковное строение. И до того дворища и до хмельника, окроме ево, попа Ивана, или хто по нем будет, и троецких прихожан иному никому дела нет.

На то послуси: георгиевской поп Артемей Максимов сын Кузнецов, да Иван Тимофеев сын Сухомесов, да Клементей Естефеев, тотмяна посацкие люди.

А даную писал тотмянин Титко Фотеев сын Фоминских лета 7141 году марта в 30 де.

На обороте другим почерком: К сей даной георгиевской поп Артемей руку приложил.

ГАВО. Ф. 1260. Оп. 7. № 106. Л. 2-об. Подлинник.

№ 3
1654 г. августа 1. – Данная торгового человека гостиной сотни И. П. Харламова Троицкой церкви на Тотьме на свою пожню

(л. 1) Се яз, Иван Петров сын Харламова, тотмянин гостиные сотни, дал есми в дом к церкви Живоначалные Троицы и к церкви Благовещения Пресвятыя Богородицы сенново покосу на реке на Сухоне на острову на Шахтыше купленую свою пожню, чем я, Иван, владел, по своих родителей в поминок.

И хто будет у тех церквей местной священник, и по нем иные местные священники будут, и им с тое пожни сено косити и свозить на себя и родителей наших и по моее смерти и меня, Ивана, поминати, елико Бог поможет, а от церквей никому не продати, ни заложити, и сыну моему Семену и роду и племяни не вступатца и от церквей не отимати. А будет станет хто вступатца и от церкви отимати, и не будет на нем милость Божия в сем веце и в будущем.

А даную сее писал Иван Петров сын Харламов своею рукою лета 7162 году августа в 1 де.

На обороте никаких современных пометок. В верхней части л. 1 об. пометка чернилами и почерком XIX в.: Прочитать.

ГАВО. Ф. 1260. Оп. 7. № 106. Л. 1.

№ 4

1662 г. января 10. – Память Петрушки кузнеца об отдаче им угольного огородца в Троицкую церковь

(л. 50) Память Петрушке кузнецу а[67] том.

Отдал я, Петрушка, свой огородец, что купил я, Петрушка, Томиловской огородец, которой промежу церковными огороцами, что у Желудякова двора и Ростевским.

А отдал я, Петрушка, тот огородец вместо церковных денег одинацати рублев церковному старосте Ивану Выдрину и всем троецким прихоженям. Уголье с тово огородца снимати им на церковной обиход. А до тово огороца иному никому дела нет, ни детям моим. А в оцищенье тому огороцу я, Петрушка.

Память писал Петрушка сам своею рукою лета 7170 году января в 10 день.

На обороте никаких пометок.

ГАВО. Ф. 1260. Оп. 7. № 106. Л. 5.

Копытков Василий Викентьевич,
культурно-исторический центр «Светоч»,
г. Великий Устюг – г. Москва
Кузнецов Александр Васильевич,
независимый исследователь, г. Тотьма

ТОТЕМСКАЯ ТРАГЕДИЯ 1674 г. ПО МАТЕРИАЛАМ «ОТПИСКИ» ВОЕВОДЫ ИВАНА ВОЛКОНСКОГО «О КАЗНЕНИИ ЖОНКИ ФЕДОСЬИ»

В 1674 г. в Тотьме на реке Сухоне была казнена огнём *«жонка Федосья»*. Первым на этот исторический факт обратил внимание известный русский историк С. М. Соловьев в своём труде «История России с древнейших времён»: *«…сожжена была в срубе, при многих людях, женщина Федосья, по оговору в порче: при казни она объявила, что никого не портила, но что перед воеводою поклепала на себя, не претерпя пыток»*[68]. Чуть позже это сообщение слово в слово перепечатал в своей книге «Город Тотьма», изданной в 1886 г., один из первых тотемских краеведов В. Т. Попов[69]. Спустя несколько лет случай с Федосьей использовал в качестве иллюстрации к нравам русского общества XVII столетия известный бытописатель С. В. Максимов в книге «Нечистая, неведомая и крестная сила» (1903)[70]. В дальнейшем различные советские историки и краеведы лишь повторяли фразу о казни Федосьи либо из труда С. М. Соловьёва, либо из книги С. В. Максимова, не добавляя ничего нового. Но что же произошло в Тотьме в 1674 г. на самом деле?

Все подробности тотемской трагедии можно было бы узнать из материалов следственного дела, которое велось в 1673–1674 гг. Однако нам, к сожалению, указанный источник обнаружить пока что не удалось. Тем не менее, в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) в фонде «Приказных дел старых лет» сохранился другой документ, касающийся этих событий – «Отписка» об исполнении указа, отправленная в октябре 1674 г. царю Алексею Михайловичу тотемским воеводой Иваном Волконским и подьячим Григорием Зыковым. На обратной стороне документа отмечено, что в Москву он был доставлен *«декабря в 29 день с тотменином послужным человеком с Макарком Пивоваровым»*[71].

Из текста «Отписки» видно, что жительница Тотьмы *«жонка Федоска»* была задержана и посажена в тюрьму *«за воровство»* (в старину так именовали широкий круг преступлений, а не только кражу) ещё при воеводе Фёдоре Андреевиче Квашнине, который правил в Тотьме в 1673 г. Федосью обвинили в том, что она наслала *«порчу»* на некую Татьянку, невестку Бориски Линькова из Тиксненской волости. Следуя законам того времени, обвиняемую подвергли жестоким пыткам. Не выдержав истязаний палача, несчастная Федоска во всём *«винилась»*, то есть признала свою вину. После чего из Тотьмы в Москву последовал запрос о её наказании[72].

Согласно «Соборному Уложению 1649 г.» отравление *«зельем»* квалифицировалось как умышленное убийство, и виновный в нём

---

[67] *Так в ркп.*

[68] Соловьев С. М. История России с древнейших времён.– Том XIII.– Изд. 2.– М., 1870. С. 160.

[69] Попов В. Т. Город Тотьма Вологодской губернии: Исторический очерк.– Вологда, 1886.– С. 38.

[70] Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила.– СПб., 1903. Спустя много лет эта книга была переиздана: СПб.: ТОО «Полисет», 1994. С. 116–117.

[71] РГАДА. Ф. 141. Оп. 5. 1674 г. Д. 417. Л. 1–2.

[72] Там же. Л. 1–2.

подлежал казни. Наказание за колдовство тоже было страшным: по указу 1653 г. *«ведьмы», «колдуны»* и их приспособления для предсказаний и сглаза (отреченные, гадательные, еретические книги) требовалось сжечь, а дома снести. Виновных лиц велено было как «*врагов божьих*» жечь в срубах. Исследователи отмечали, что жертвами таких «*ведовских*» дел чаще всего были женщины. По представлениям того времени, именно они легче всего входили в сношения с дьяволом и иной нечистой силой. Женщин обвиняли в том, что они портят погоду, посевы, что они виновницы голода и неурожая, что они могут насылать болезни и порчу на других людей[73]. С. В. Максимов в качестве примера такого рода наказания привёл следующее: *«При царе Алексее, старицу Олену сжигают в срубе, как еретицу, с чародейскими бумагами и кореньями, после того, как она созналась, что портила людей и некоторых из них учила ведовству»*[74].

Оставленной *«для покаяния»* в тотемской тюрьме Федосье оставалось лишь ждать исполнения своей горькой участи. Тюрьма в Тотьме располагалась в стенах старинного, построенного ещё при царе Иване Грозном острога (возобновлённого в 1613 г.), стоявшего на вершине плоского холма при впадении реки Песьи Деньги в Сухону. Кроме тюрьмы, в остроге находились также воеводский двор, приказная изба, *«где сидят воеводы и приказные люди для всяких расправных дел»*, таможенная изба, две деревянные церкви (Богородицкая и Богоявленская), колокольня-четверик, часовня, колодезь, амбар оружейный, сторожня и осадные дворы *«лучших»* людей из посада Тотьмы и Усолья. Здесь, в острожной тюрьме и провела Федосья несколько месяцев… Решивший её судьбу царский указ *«за приписью»* дьяка Семёна Домашнева был доставлен в Тотьму 25 августа 1674 г.[75]

Рассматривая содержание последовавшей на этот указ «Отписки», обратимся к «Переписной книге Тотьмы и уезда 1676–1678 гг.», которая также находится на хранении в РГАДА, и отметим, что в данном источнике ни в одной из деревень Тиксненской волости крестьянин Бориска Линьков не значится[76]. Вероятно, вскоре после завершения следственного дела он перебрался на

[73] Грекулов Е. Ф. Православная инквизиция в России.– М, 1964.– С. 30–32.

[74] Максимов С. В. Указ. соч.– С. 116–117.

[75] Кузнецов А. В. Старая Тотьма на старой карте: Очерки исторической географии родного края.– Тотьма – Вологда, 2010.– С. 108–109; РГАДА. Ф. 141. Оп. 5. 1674 г. Д. 417. Л. 1.

[76] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 15050. Л. 148–179.

жительство в одну из соседних весей. Однако возможны и иные причины его отсутствия. Для нас же важно, что «Отписка» 1674 г. содержит первое известное документальное свидетельство о типичной тиксненской фамилии Линьков (в старину писалась и как *Ленков*, и *Леньков*). Упомянутый в ней Бориска вполне может быть предком всех современных Линьковых из деревень Тотемского района Вологодской области – Погорелово, Горбенцево, Фоминское и заброшенной уже Тетеревихи.

Тиксненская волость в XVII в. находилась в западной части обширного Тотемского уезда. Более двух десятков её деревень стояли по берегам рек Тиксна, Вопра и Лизна. Через Тиксненскую волость проходила важнейшая сухопутная дорога из Вологды на Тотьму (и далее – в Устюг). В центре волости находился Тиксненский Спасо-Преображенский погост, известный тем, что в первой половине XVII столетия на нём подвизался преподобный Вассиан Тиксненский – местночтимый святой. От этого погоста, расположенного при слиянии рек Вопра и Тиксна, до Тотьмы было 45 вёрст. В Тиксненской волости начиналась и другая важная дорога, которая вела в южном направлении. Около села Благовещенского (ныне – Красное) она пересекала реку Сухону, шла вдоль реки Толшмы (волость носила аналогичное название), затем через сухонско-костромской водораздел под названием Чаловы горы доходила до города Солигалича. От Тиксны до него было 70 вёрст. Соль Тотемская (Усолье Тотемское) и Соль Галицкая всегда были тесно связаны друг с другом через добычу и торговлю солью, а Тиксненская волость находилась как раз в самом важном узле этого торгового маршрута. В качестве любопытной взаимосвязи Тотьмы и Солигалича можно назвать также именование двух церквей Входа Господня в Иерусалим, которые располагались на въезде в каждый из этих городов, то есть в начале и в конце упомянутой выше торговой дороги. Кроме тотемского храма, в пределах всей Вологодской области есть ещё только одна Входоиерусалимская церковь (в бывшем Сосновецком монастыре на реке Глушице; храм надвратный, что и объясняет его наименование), и этот факт лишний раз указывает на тесную связь Тотьмы и Солигалича в старину[77].

Далее в «Отписке» говорится, что *«велено ее, Федоску, в том воровстве допросить, подлинно ли она Соли Галицкой Зашугомские волости деревни Пензина Троицкого монастыря у крестьянина у*

[77] Кузнецов А. В. Указ. соч.– С. 10.

Афонки Никитина сына Куракиных тому воровству училась, и травы ей он указывал». В этой фразе имеется явная ошибка. Дело в том, что ныне заброшенная деревня Пензино (Пензина) стояла в старину в междуречье Тутки и Костромы к западу от города Солигалича, в пределах Березницкой волости. Прежде она в самом деле принадлежала монастырю, но не Троицкому, как указано в «Отписке», а московскому Успенскому Симонову[78]. Зашугомская же волость находилась к северу от Солигалича, на самой границе с Тотемским уездом, чуть в стороне от дороги, соединявшей Тотьму и Тиксненскую волость с солигаличскими землями. В списках деревень Зашугомской волости XVII–XVIII вв. деревня Пензина не значится, но церковный погост (а не монастырь) именовался там Троицким. Даже на картах Костромской губернии XIX в. вместо современного села Зашугомье регулярно писалось село Троицкое. Кто тут напутал: сама Федосья на допросе или подьячий с воеводой при составлении «Отписки», сказать уже сложно.

Упомянутый же в документе крестьянин Афонка Куракин, возможно, был «*ведуном*», то есть знатоком трав, которыми он лечил людей. К таким знахарям во времена царя Алексея Михайловича светская и духовная власти относились враждебно. Часто дело доходило до преследования этих людей. Так, например, в 1647 г. Василий Носов из Царевской волости Тотемского уезда во время драки со своим братом Осипом назвал его *«ведуном»*[79], о чём тут же свидетелями драки было донесено куда следует. И Осипу пришлось потом долго доказывать, что он не *«ведун»*... Поэтому и в случае с Федосьей, возможно, обучившейся использованию лечебных трав у Афонки Куракина, последний также мог быть подвергнут наказанию.

К сожалению, цитируемый документ умалчивает, каким образом и при каких обстоятельствах тотемская *«жонка Федоска»* познакомилась с солигалицким *«ведуном»* Афонкой Куракиным. Ведь географически их разделяло расстояние более ста вёрст. Однако учитывая развитые торговые связи, существовавшие между Солигаличем и Тотьмой в XVII столетии, о которых свидетельствуют и «Таможенные книги» того периода, удивляться этому факту не приходится. В. А. Дудин в книге «Из истории Совеги» приводит

[78] Белоруков Д. Ф. Деревни, сёла и города Костромского края: Материалы для истории.– Кострома, 2000. С. 394.

[79] Богословский М. М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в.– Часть 1.– М., 1909. С. 204.

многочисленные примеры торговых операций жителей Солигалича и солигаличских волостей на рынке Тотьме. Кроме соли, туда везли изделия из дерева, в частности, домашнюю утварь, а также лён и сельскохозяйственную продукцию, особенно хлеб и мясо домашней птицы. Обратно привозили меха пушных зверей, рыбу, осуществляли различные имущественные сделки. Торговля стимулировала и развитие деревенских ремёсел и сельского хозяйства. В свою очередь, ремесленники и крестьяне, работая на рынок, способствовали развитию внутренней торговли, а значит, уменьшали замкнутость отдалённых уголков сельского мира тотемской и солигаличской земель[80].

Костромской краевед Д. Ф. Белоруков, автор книги «Деревни, сёла и города Костромского края», считал, что Федоска сама родилась в деревне Пензино (ныне – территория Солигаличского района)[81]. Но, по-видимому, слова из «Отписки» *«велено ее, Федоску, в том воровстве допросить, подлинно ли она Соли Галицкой Зашугомские волости деревни Пензина Троицкого монастыря у крестьянина у Афонки Никитина сына Куракиных тому воровству училась»* Д. Ф. Белоруков истолковал неверно: в Пензине жил именно Афонка Куракин, а сама Федосья, как говорится в заголовке «Отписки», проживала в Тотьме: *«о сделании допроса тотемского жителя жене Федосье и о казнении ее смертию»*[82]. Каких-либо других сведений о её происхождении и социальном статусе в указанном источнике нет...

Вступивший в 1674 г. в должность новый тотемский воевода князь Иван Михайлович Волконский, исполняя полученный на запрос царский указ, повторно допросил находившуюся под стражей Федосью. При нём она показала, что Татьянку из Тиксненской волости *«не портила, а кто ее испортил, про то не ведает».* Также Федосья настаивала, что *«у Афонаски Куракиных тако ж воровству она не училась и про то дело ни про што не ведает. А что, де, она перед воеводою перед Федором Квашниным в том воровстве винилась, будто тою жонку Татьянку испортила она, Федоска, и она, де, тем себя поклепала, говорила на себя напрасно, непретерпя пыток»*[83].

Тем не менее, воевода Волконский к оправданиям Федосьи остался равнодушен и, опираясь на «Соборное Уложение 1649 г.» и царские указы, повелел женщину казнить: *«зжечь в струбе при*

[80] Дудин В. А. Из истории Совеги.– Кострома, 2014. С. 73–74.

[81] Белоруков Д. Ф. Указ. соч. С. 394.

[82] РГАДА. Ф. 141. Оп. 5. 1674 г. Д. 417. Л. 1–2.

[83] Там же.– Л. 2.

многих людех, чтоб то смотря иным людям впредь неповадно было так воровать и людей портить». Иными словами, воевода дал согласие на публичную казнь с «профилактическими» целями – чтоб другим *«неповадно было»* заниматься порчей и ведовством.

Заключительные строки «Отписки» звучат так: *«И по твоему великого государя указу и по грамоте та жонка Федоска на Тотьме казнена смертию, сожжена в струбе при многих людех в нынешнем году сентября в 29 день»*[84].

Это была единственная огненная казнь человека в Тотьме за всю её известную историю. Почему же в XVII в. людей сжигали в срубах? Что за странный способ лишения жизни?

В Древней Руси у язычников существовал обряд огненного погребения в срубе или на костре, который был призван помочь усопшему сразу уйти в блаженные дали потустороннего мира. При первом русском царе Иване Грозном об этом обряде вспомнили снова, но стали применять его уже как способ казни к различного рода «еретикам», то есть к людям, чьи взгляды или действия отличались от государственной, а в особенности от религиозной доктрин. Русская православная церковь в своё время восприняла ветхозаветную традицию погребения тел умерших в земле (сожжение мёртвых у древних евреев применялось только в качестве позорного наказания). Подобная позиция подразумевала важность захоронения тела умершего христианина и, соответственно, нежелательность его сожжения[85].

Для обречённых на подобную казнь рубились небольшие срубы, похожие на колодезные. Иногда в них устраивалась даже дверца, иногда обходились без неё. Внутрь сруба помещался осуждённый человек. Всё оставшееся пространство сруба заполнялось хворостом, паклей и смольём. В отличие от стран Западной Европы, где «ведьм» и «еретиков» инквизиция жгла преимущественно на открытых кострищах и страдания людей были видны собравшимся на площади зрителям, русский способ можно признать даже в чём-то «гуманным».

Где произошло тотемское «аутодафе»? В сохранившейся «Отписке» данных об этом нет. Но, можно предположить, что несчастную *«жонку Федоску»* сожгли там, где ныне в Тотьме находится Торговая площадь.

[84] РГАДА. Ф. 141. Оп. 5. 1674 г. Д. 417. Л. 1–2.

[85] Карпов А.В. Язычество, христианство, двоеверие: Религиозная жизнь Древней Руси в IX–XI вв.– СПб., 2008. – С. 150–151.

Сам посад Тотьма во второй половине XVII в. представлял собой несколько улиц и переулков, протянувшихся ниже острога по берегу Сухоны до Крутого (Дмитриевского) ручья и вдоль левого берега реки Песьи Деньги. Все строения посада, включая церкви, были деревянными. В «Переписной книге города Тотьмы и уезда 1676–1678 гг.» упоминаются такие отдельные части посада, как Верхний посад, Всполье (Сполье), Притыкина слободка, Саблин конец, Звоз.

Главной улицей была Большая Пробойная, которая вела от берега Сухоны (чуть ниже устья Песьи Деньги) через весь посад до Новых Варниц и Старого посада на Ковде. В конце, на незастроенном участке, эта улица называлась ещё Варнишной дорогой. Другие тотемские улицы носили следующие названия: Дерябинская, Даниловская, Ратовская, Ерзовка, Воскресенская, Егорьевская. Улицы соединялись и пересекались короткими переулками: Дудин, Носырев, Кошелев, Ерзов, Климантовский.

Через посад протекало несколько ручьёв с глубокими долинами: Ковалёв, Киселёв, Лысаков, Варакси́н, Исаковский, Куимов, Поповский.

По происхождению все перечисленные топонимы связаны либо с именами-прозвищами людей, либо с наименованиями городских церквей.

Кроме Варнишной дороги от Тотемского посада в разные стороны расходились другие значимые дороги: Кулуйская (на север), Царевская (на запад), Вожбальская (на северо-запад), а Овдокимовская, Пустошная и Заболотная дороги вели к ближайшим деревням. Посад был окружён сенными покосами, полянками пашенными, пенниками и лягами, а в самом городе у многих изб были хмельники. Тотьмичи, кроме торговли и промыслов, занимались ещё и сельским хозяйством[86].

Известно, что в XVII в. по русским городам с очень плотной деревянной застройкой каждое лето издавались указы о запрещении топки печей в избах и каменок в банях с целью предотвращения пожаров. И хотя Федосью казнили осенью, для сожжения в срубе, конечно же, требовалось открытое место, каким на тогдашнем тотемском посаде и была Торговая площадь, чуть пониже Климентовской деревянной церкви.

[86] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 15050. Л. 1–115; Чайкина Ю.И. Старая Тотьма: географические названия и именования жителей. // Тотьма: Краеведческий альманах.– Вып. 2.– Вологда, 1997. С. 30–36.

Приложение

1674 г. декабря 29. – Отписка Ивана Волконского да подьячего Григория Зыкова о сделании допроса тотемского жителя жене Федосье и о казнении её смертию[87]

(л. 1) Государю, царю и великому князю Алексею Михайловичу всея Великия и Малыя и Белыя России самодержцу холопы твои Ивашко Волконской[88] да подьячей Гришка Зыков[89] челом бьют.

В прошлом, государь, во 182 годе августа в 25 день[90] прислана твоя, великого государя, царя и великого князя Алексея Михайловича всея Великия и Малыя и Белыя России самодержца, грамота из Приказу Устюжской чети на Тотму к нам, холопем твоим, за приписью дьяка Семена Домашнева[91].

А в той великого государя грамоте написано: Велети б нам, холопем твоим, по твоему, великого государя, указу и по градцким законам на Тотме жонку Федоску[92], которая была посажена в тюрму за воровство, что она испортила Тотемского уезду Тиксненской волости Борискову невестку Линкова, жонку Татьяну, и в том воровстве при воеводе при Федоре Квашнине[93] с пыток винилась, казнить смертию – зжечь в струбе при многих людех, чтоб на то смотря иным людям впред неповадно было так воровать и людей портить.

А у казни, государь, велено ее, Федоску, в том воровстве допросить подлинно ли она Соли Галицкой Зашугомские волости деревни Пензина Троицкого монастыря у крестьянина у Афонки Никитина сына Куракиных тому воровству училась и травы ей он указывал.

---

[87] РГАДА. Ф. 141. Оп. 5. 1674 г. Д. 417. Л. 1–2.

[88] Волконский Иван Михайлович – царский стольник и воевода. Умер в 1678 г.– *Прим. авт.*

[89] Зыков Григорий – подьячий.– *Прим. авт.*

[90] Дата 25 августа 7182 г. в переводе на новое летоисчисление соответствует 25 августа 1674 г. Все последующие даты, указанные в этом документе, относятся также к 1674 г. Слова «в прошлом…» применяются здесь в соответствии со старым летоисчислением, когда календарный год на Руси начинался с 1 сентября.– *Прим. авт.*

[91] Домашнев Семён Филатьевич – царский дьяк в 1668–1692 гг.– *Прим. авт.*

[92] Феодосия – в заголовке архивного дела, составленном в XIX в. указано, что она «жена тотемского жителя». Однако в самом источнике указания о её происхождении и месте жительства нигде не приводится. На наш взгляд, вероятно, она уроженка всё той же Тиксненской волости, что и её жертва, или же из какой-то соседней веси. Обвинённая в преступлении, вряд ли «Федоска» сама была «ведьмой» или «знахаркой», которая занималась «порчей» людей на постоянной основе, тогда бы в источнике о том были указаны и иные свидетельства. Скорее всего, здесь замешана обычная женская месть сопернице, которую она пыталась извести с помощью «трав» и «порчи». Возможно, у этой «Федоски» были и какие-то другие мотивы, сподвигнувшие её на «преступление».– *Прим. авт.*

[93] Квашнин Фёдор Андреевич – в 1662 г. воевода Тверской, в 1673 г. воевода Тотемский, в 1680 г. воевода Гдовский.– *Прим. авт.*

И по твоему великого государя указу велели мы, холопы твои, тою жонку *// (л. 2)* Федоску казнить и о том роспросить. И в роспросе, государь, она, Федоска, про порчу Тиксненские волости Борисковы невестки Линкова, Татьянки, запиралась, а сказала, что, де, она ее не портила, а кто ее испортил про то не ведает. А у Афонаски Куракиных тако ж воровству она не училась и про то, де, дело ни про што не ведает. А что, де, она перед воеводою перед Федором Квашниным в том воровстве винилась, будто тою жонку Татьянку испортила она, Федоска, и она, де, тем себя поклепала, говорила на себя напрасно, непретерпя пыток.

И по твоему великого государя указу и по грамоте та жонка Федоска на Тотме кажнена смертию, сожжена в струбе при многих людех в нынешнем во 183 году сентября в 29 день[94].

// (л. 1 об.) Государю, царю и великому князю Алексею Михайловичу всея Великия и Малыя и Белыя России самодержцу.

Далее здесь же помета другим почерком:

<Доставлена в Москву> 183 году декабря в 29 день[95] с тотменином послужным человеком с Макарком Пивоваровым.

Головизнин Марк Васильевич,
Институт глобализации и социальных движений, г. Москва

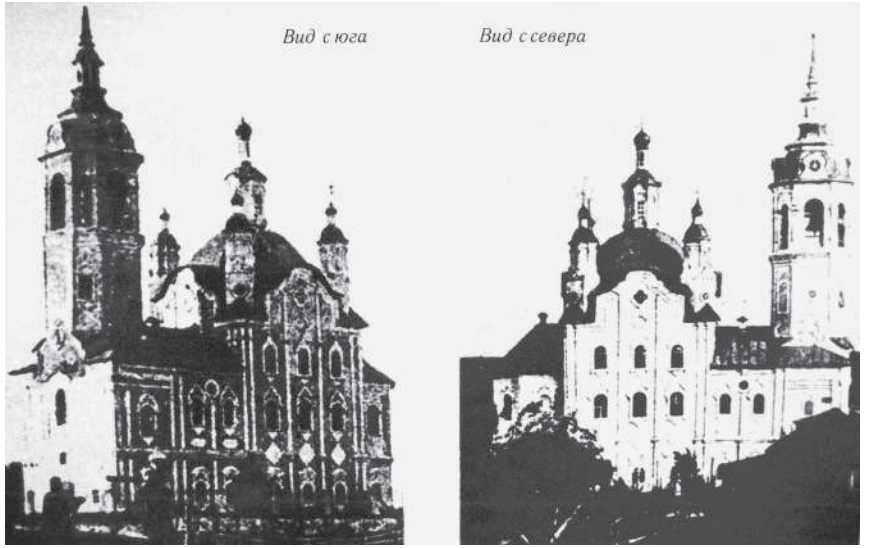
ХРАМОВОЕ БАРОККО ТОТЬМЫ, ВЯТКИ И ЗАПАДНОГО ЗАУРАЛЬЯ. ИРБИТСКАЯ ЯРМАРКА И КЯХТИНСКИЙ ТОРГ КАК СТИМУЛЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ШКОЛ

Освоение Сибири русскими в XVII–XVIII веках резко усилило важность речных торговых путей, соединяющих Сибирь с Европейской частью России, с Архангельском и, позже, Санкт-Петербургом. Одним из таких путей был Вятско-Лузский торговый путь, который с Запада через Вятку шел на Каму и далее в Сибирь, а из Сибири, через реки Вятку и Лузу, в Великий Устюг, на Северную Двину, в Архангельск, Вологду и, далее, в центр России. Купеческие фамилии вятских купцов Анфилатовых, тотемских Пановых и др. установили через этот путь сношения с Америкой. Старинный вятский город Шестаков, входивший в XVI веке в число основных городов этого края, оказался со временем среди тех, которые так и не вышли из экономического упадка. К середине XVIII века он

---

[94] Дата 29 сентября 7183 г. соответствует 29 сентября 1674 г.– *Прим. авт.*

[95] Дата 29 декабря 7183 г. соответствует 29 декабря 1674 г.– *Прим. авт.*

Благовещенская церковь, с. Шестаково Вятской губернии. Фото нач. XX века

потерял статус города, став селом Шестаковым (ныне Слободского района Кировской области). Из двух шестаковских храмов большой интерес представляет Благовещенская церковь, построенная в 1776 году (по другим данным в 1780 г.) на средства купцов Анфилатовых. К сожалению, Благовещенский храм, который после его закрытия в 30-е годы прошлого века неоднократно приспосабливался под различные производственные помещения, в настоящее время фактически полностью разобран. Судить о его архитектуре можно только по сохранившейся фотографии начала XX века.

Из фотографии видно, что архитектурные формы храма совершенно нетипичны для вятского региона. Исторические источники о постройке Благовещенской церкви, к сожалению, крайне скудны и не сохранили сведений о строительной артели, воздвигавшей храм, а свидетельства старожилов Шестакова весьма разнятся, сообщая, что родиной строителей храма являются либо Москва, либо Великий Устюг, либо Тотьма.[96] Однако, по мнению авторитетного исследователя архитектуры Урала и Сибири А. Ю. Каптикова, архитектурные формы Благовещенской церкви Шестакова имеют

[96] Хохряков А. Н. Православные храмы села Шестаково и предания, связанные с ними. // Слободской и слобожане. Сборник материалов II научно-практической конференции.– Слободской, 1997.– С. 28–31.

Щитовидный картуш. Деталь декора Благовещенской церкви с. Шестаково. Слободской район Кировской области. Фото М. В. Головизнина

наибольшее сходство с сибирским, точнее, тобольским храмовым барокко[97] (Каптиков А. Ю., 1996, с. 105). Действительно, форма храма по типу «корабля», архаичное для европейской России конца XVIII века пятиглавие, дугообразные фронтоны четверика и просматривающийся на фото «картушный» декор стен типичны для храмов Сибири, Забайкалья, а также Тотьмы[98].

Все сказанное выше побудило нас провести собственное обследование храмов села Шестакова. Как оказалось, сведения о полном уничтожении Благовещенского храма не совсем точны. До настоящего времени сохранился фрагмент трапезной храма, который может и должен стать предметом изучения. На стенах фрагмента трапезной обращает на себя внимание деталь архитектурного декора в виде межоконного картуша. Данный плоскостной

[97] Каптиков А. Ю. Архитектурные формы храмов 1730–1770-х годов. //Энциклопедия земли вятской.– Т. 5.– Киров, 1996. С. 105.

[98] Несмотря на то, что купцы – выходцы из Тотьмы вели активную торговую деятельность во многих регионах, в частности, в Иркутске и на Кяхтинской таможне, нам не удалось обнаружить источников, показывающих их присутствия в Шестакове. Очевидно, что постройка Шестаковской Благовещенской церкви связана с активной сибирской деятельностью Ксенофонта Анфилатова, который даже пытался снарядить торговый караван с сибирскими товарами из Архангельска в Америку.

«щитовидный» тип межоконного картуша не встречается в декоре церквей Тобольска и Тотьмы, однако, он вполне типичен для храмов Иркутска и Западного Забайкалья. Тем самым можно предположить, что в архитектурных формах и декоре Благовещенской церкви Шестакова прослеживаются не только тобольские, но и восточносибирские элементы.

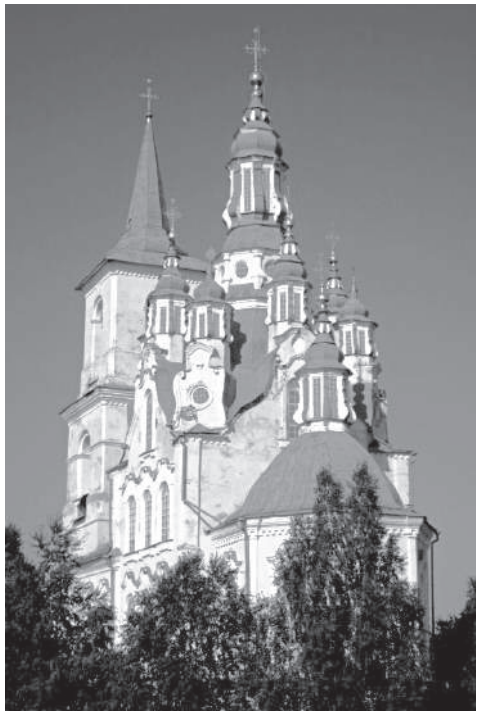
Если не считать Шестаковскую Благовещенскую церковь случайным артефактом, то необходимо искать причины и закономерности проникновения сибирских форм в европейское Предуралье. На наш взгляд, одним из существенных факторов экспансии сибирских (а также – азиатских) архитектурных форм и приемов в Европейскую часть России стал экономический подъем Сибири, состоявшийся во многом благодаря сложившейся в XVIII веке новой структуре международной торговли, в которой значительную роль играл Кяхтинский «китайский торг» и Ирбитская ярмарка. Последняя, по причине ее близости к землям Русского Севера, заслуживает детального рассмотрения. Ирбитская ярмарка в «житнице Сибири» Западном Зауралье была, по-видимому, организована «снизу», стихийно, по инициативе крестьян-«слободчиков» и купцов, которые останавливались в слободах и покупали у крестьян хлеб и суда для доставки своих товаров водным путем. Источники также утверждают, что ирбитские крестьяне были большими мастерами по изготовлению колес. Потребностями гужевого транспорта объяснялась и все возрастающая торговля лошадьми, которая происходила с юга от башкир и казахов[99]. Немалую роль в становлении Ирбитской ярмарки играло желание частных торговцев уклониться от избыточного, по их мнению, налогового бремени Верхотурской таможни, в связи с чем воеводская администрация неоднократно предпринимала попытки пресечь ирбитский торг и вынуждена была с ним смириться лишь в конце XVII века, когда сборы Ирбитской ярмарки стали сопоставимыми со сборами Верхотурской таможни.

В XVIII веке Ирбитская ярмарка встроилась в общероссийскую систему торговли, будучи посредником между «Кяхтинским торгом» и Нижегородской ярмаркой, крупнейшей в Европейской России. О размере притока купцов в Ирбитскую слободу на время ярмарки позволяют судить такие данные: в 1734 г. с 18 по 26 января здесь побывали купцы из 26 европейских и уральских городов

[99] Вершинин Е.В. Очерки истории Урала. Ирбитская ярмарка. Ирбитская слобода и Ирбитская ярмарка в XVII–XVIII веках. Вып. 20.– Екатеринбург, 2003. С. 22.

и 8 сибирских[100]. Торговые караваны бухарцев и русские купцы доставляли на нее товары из Средней Азии, Джунгарии, Китая[101].

С расцветом Ирбитской ярмарки очевидно связан поздний, но яркий подъем Сибирского храмового барокко в Западном Зауралье на территории современных Курганской и Свердловской областей. Монументальные барочные храмы, имеющие небольшую примесь «классических влияний», стали строиться в городе Туринске и, несколько позже, в торговых селах в Южном и Западном Зауралье[102]. Среди них выделяются пятиглавый «Трехсвятительский» храм в селе Карачельском (1825 г.) и церковь Флора и Лавра в селе Белоярском (1823–1833). Оба находятся на территории современной Курганской области. Наконец, подлинным шедевром «поздней волны» сибирского барокко можно назвать Спасо-Преображенскую церковь в поселке Нижняя Синячиха (ныне Алапаевский район Свердловской области), сохранившуюся благодаря усилиям краеведов-энтузиастов во главе с И.Д. Самойловым. Десятиглавый храм, не имеющий аналогов по части барочной вычурности, был

Спасо-Преображенская церковь в поселке Нижняя Синячиха. Алапаевский район Свердловской области. 2017 г. Фото М.В. Головизнина

[100] Корепанов Н.С. Ирбит и Ирбитская ярмарка в XVIII веке // Очерки истории Урала. Ирбитская ярмарка. Ирбитская слобода и Ирбитская ярмарка в XVII–XVIII веках. Вып. 20.– Екатеринбург, 2003. С. 50–51.

[101] Вершинин Е.В. Очерки истории Урала… С. 33.

[102] Головизнин М.В. «Диалог» барокко и классицизма в архитектуре как отражение социальной динамики «третьего сословия» Западной Сибири начала XIX века // Труды Тобольской комплексной научной станции Уро РАН. Вып. 3.– Тобольск, Исторические науки, 2013. С. 50–55.

освящен предположительно в 1823 году[103]. Его высокий купол с переломом скатов, фигурные фронтоны и главы, стоящие на разных уровнях, создают то впечатление дискретности, о котором говорил В. В. Згура, описывая китайскую архитектуру[104]. Колокольня, выстроенная в формах классицизма, имеет характерное для иркутских храмов «ступообразное» завершение, а сам храм напоминает культовые сооружения Юго-Восточной Азии. Помимо церкви в Нижней Синячихе, в Алапаевском районе есть несколько менее монументальных храмов, выстроенных в стиле барокко. В этом же стиле, по-видимому, был построен и Петропавловский кафедральный собор г. Алапаевска, перестроенный в середине XIX века.

Нетипичная для сельских храмов монументальность вышеупомянутых церквей позволяет предположить, что заказчики их строительства обладали внушительными капиталами. Города Тобольской губернии отличались тем, что на их окраинах проживали городские крестьяне, которые занимались сельским хозяйством и промыслами. Они являлись главными поставщиками сельскохозяйственной продукции на городские рынки. С 1812 по 1822 гг. крестьянские права были расширены, им разрешалось заводить в деревнях фабрики и заводы. На наш взгляд важно, что постройку барочных церквей в Южном и Западном Зауралье нельзя объяснить прямым влиянием тобольских церковных иерархов. В конце XVIII века в связи с административной реформой и образованием губерний эти области были выведены из Тобольской епархии и переданы вначале Пермской, а позже вновь образованной Екатеринбургской епархии. Объяснение «позднего подъема» сибирского храмового барокко может заключаться в том, что все перечисленные населенные пункты (включая г. Туринск, храмы которого не сохранились) географически находятся почти точно по окружности, центром которой является современный г. Ирбит.

Торговые артерии из Кяхты в Ирбит и дальше в Европейскую Россию шли через Верхотурье, Соликамск, Вятские земли, Великий Устюг и далее – на Архангельск или на Вологду. С закрытием Верхотурской таможни стал легальным и южный путь: Кунгур – Екатеринбург – Сарапул – Елабуга – Казань. С постройкой Петербурга Архангельский путь по Северной Двине и, соответственно, его перевалочный пункт Великий Устюг теряют свое значение, а пути через Каму и Вятку на Волгу, напротив, становятся главными артериями, по которым сибирские и китайские товары Кяхтинского торга поступали на европейские рынки России. Тотьма, стоящая на пути в Вологду и, следовательно, в Петербург, еще какое-то время сохраняла свои торговые функции. Вкусы к «китайщине» проникают в быт Великого Устюга, Тотьмы и Вятской земли[105]. Об этом, в частности, свидетельствует сохранившийся «китайский домик» XIX века в вятском городке Лальск, лежащем на Лузском торговом пути. На наш взгляд Среднее Прикамье и Вятские земли вслед за Западным Зауральем также стали местом, где приток сибирских товаров возбудил интерес к восточной экзотике, которая нашла отражение и в храмовой архитектуре. Хотя сложный генезис Вятской храмовой архитектуры, развивавшейся под влиянием московской, великоустюгской, пермской и поволжской архитектурных школ, выходит за рамки данной статьи, вопрос о взаимодействии «Сибирского барокко» с вятской (или, в более широком смысле – с Уральской) региональной школой архитектуры, на наш взгляд, имеет под собой научное основание. В отличие от Урала, полных аналогов «Сибирского барокко» на Вятке, за исключением пятиглавой Благовещенской церкви в Шестаково, пока обнаружить не удалось, но это лишь актуализирует их дальнейший поиск, в том числе по архивным фотографиям утраченных храмов. Так, обращает на себя внимание Вознесенская церковь в с. Слудка (ныне Прилузский район Республики Коми), расположенной недалеко от Шестаково. Храм был полностью разобран в 30-е годы XX века, однако, по фотографиям можно судить, что церковь была построена по «трапезной» схеме «кораблем». Кубический четверик храма перекрыт куполом, увенчанным барабаном-фонариком, а сам купол имеет перелом скатов в верхней части. Все это не противоречит формам сибирского, в частности, тобольского, барокко,

[103] По сохранившейся легенде, причиной такого необычного многоглавия Нижнесинячихинской церкви явился своеобразный «кураж» местных заказчиков и строителей: «раз победили Наполеона с Божьей помощью», так значит и в десять глав храм построить можем» (сообщение И. Д. Самойлова автору, 2006 г.). Эта легенда косвенно согласуется с весьма поздней постройкой барочного храма в Нижней Синячихе, инициаторами которой, судя по всему, были местные крестьяне.

[104] Згура В. В. Китайская архитектура и ее отражение в Западной Европе. М.: 1929. С. 16–17.

[105] Б. П. Денике упоминает о китайской шелковой ткани конца XVII века с сюжетным изображением рыбы, взятой из церкви Великого Устюга (Денике Б. П. Выставка китайского искусства и новые археологические памятники древнего Китая // Вестник древней истории, 1940. С. 178). Многочисленные образцы китайской фарфоровой посуды, китайские и японские монеты XIX века находятся в частности, в краеведческом музее г. Тотьмы.

равно как и массивная колокольня из восьмериков, надстроенных друг над другом.

В контексте «движения архитектурных форм с Востока на Запад» интересно рассмотреть предполагаемое взаимовлияние архитектур Вятско-Камского региона и Тотьмы. Тотьма – город в Вологодской области, расположенный на берегу Сухоны, находится не так далеко от вятской земли и стоит на старинном водном пути в Сибирь. Его предприимчивые жители мигрировали в Прибайкалье, достигли Аляски, Алеутских островов, а позже основали Форт Росс – первое русское поселение в Калифорнии. В конце XVIII века в этом небольшом купеческом городе за 25–30 лет было возведено более десятка монументальных храмов в стиле барокко, стены которых украшены витиеватыми картушами. Данные о строителях тотемских храмов история не сохранила. Архаичные для своего времени пятиглавые конструкции храмов Тотьмы не имеют аналогов в европейской части России, однако, постройки с подобным картушным декором распространены в Восточной Сибири – в Иркутске и западном Забайкалье, по берегам реки Селенги – в регионах, где существовало богатое землячество купцов-тотьмичей, державших в руках торговлю с Китаем, Монголией и «Русской Америкой». Происхождение архитектурного стиля «тотемского барокко» до конца не разгадано. Развитие барочного зодчества Тотьмы продолжается недолго, в начале XIX века на смену ему приходят формы классицизма. Тем не менее, относительно тотемских храмов можно говорить об особой региональной школе барокко, не имеющей аналогов в европейской части России.

Существует точка зрения, что тотемский стиль в «деградированной» форме был воспринят сибирскими мастерами, так как богатые купцы, тотьмичи по происхождению, выступали заказчиками строительства церквей как в Прибайкалье, так и у себя на родине[106]. Ранее мы, анализируя этот вопрос, высказали иной взгляд на проблему: не забайкальские храмы были результатом упрощения тотемского искусства, а наоборот, тотемское барокко было результатом дальнейшего развития эстетических приемов, привнесенных из Восточной Сибири в Европейскую Россию тотемскими купцами и сибирскими строителями. Т. е., храмовое барокко

[106] Масиель-Санчес Л. Православные каменные храмы Западного Забайкалья XVIII – первой половины XIX в. История региональной традиции. // Памятники русской архитектуры и русского монументального искусства XVI–XX вв. Вып. 7.– М.: 2005. С. 190–193.

Тотьмы явилось результатом «реэкспорта» Сибирского барокко в европейскую часть России[107].

Спор о происхождении тотемского барокко, думается, далек от завершения, но уже первая научная публикации о тотемской архитектуре П. А. Тельтевского[108] дала возможность предположить, что аналоги «выстроенных безвестными мастерами» храмов следует искать к востоку от Тотьмы. Так архитектурные формы самой ранней барочной – Воскресенской (Максимовской) церкви в Варницах (1772–1775 гг.), во многом упрощенно повторяют формы храма Иоанна Предтечи в селе Красном близ Соликамска, построенной почти на полстолетия раньше. Возвращаясь к храмовому декору вятской региональной школы, уместно сказать, что геометризированные «добарочные» картуши присутствуют на целом ряде вятских храмов (Воскресенский собор пос. Лальск, колокольня Никольской церкви в с. Сырьяны). Их аналоги можно встретить на некоторых сельских храмах Тотемского района (Христорождественская церковь на Сондуге). Что касается «барочного» картуша, то интерес представляет Спасская церковь с. Спас-Талица Оричевского района Кировской области. Строительство этого храма относится к периоду 1765–1778 годов. Описавший его А. Ю. Каптиков, в частности, замечает: «Памятник доказывает, что вятские строители были способны сохранять самобытность, даже занимаясь имитацией барочной лепнины»[109]. Примечательно, что почти полные аналоги Спас-Талицких картушей имеются и на некоторых храмах Тотемского района, выстроенных значительно позже: храм Николая Чудотворца в «нутряном улусце» (1795–1798 гг.) и Троицкая церковь в с. Покровском на Моле (ныне Сокольский район Вологодской области) (1790-е годы постройки).

Господство классицизма, пришедшее на смену барокко и в Вятско-Уральском регионе, знаменовало собой строгость архитектурных форм. Примечательно, что при этом элементы барочного декора, исчезающие с внешней стороны храмовых стен, стали сохраняться в интерьере. Так среди элементов внутреннего

[107] Головизнин М. В. Православно-буддийский диалог и его культурно-исторические последствия в Южной Сибири XVII–XVIII веков // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Вып. 3.– Барнаул, 2009. С. 30–32.

[108] Тельтевский П. А. Памятники архитектуры XVIII века в Тотьме // Архитектурное наследство. Вып. 14.– М.: 1962.– С. 203–210.

[109] Каптиков А. Ю. Каменное зодчество Русского Севера, Вятки и Урала XVIII в. Проблема региональных школ.– Свердловск, 1990. С. 120–122.

Картуш. Храм Покрова Богородицы – внутренний вид (до реставрации). г. Сарапул, Удмуртия. 2009 г. Фото М. В. Головизнина

убранства храмов Вятского «раннего классицизма» (храм Покрова Богородицы, г. Сарапул) находятся картуши, весьма сходные с тотемскими. Данный храм, выстроенный предположительно в 90-х годах XVIII века в стиле «Вятского барокко», был перестроен в 1805–07 гг. по проекту губернского архитектора Ф. М. Рослякова. Аналогичные «внутренние картуши» имеются и в других храмах Сарапульского района (ныне Республика Удмуртия). Вышеуказанное явление побудило нас к поиску аналогий в тотемской архитектуре. И действительно, в 2012 году в интерьере храма Воскресенье на Цареве (окончен в 1811 году в формах раннего классицизма) на сводах потолка нижнего храма нами был обнаружен криволинейный картуш, типичный для тотемского барочного декора внешних стен храмов более раннего периода[110].

[110] Фотография «внутреннего картуша» храма Воскресенья на Цареве опубликована во 2-м издании альбома-путеводителя «По следам Тотемского барокко». // Сост. А. В. Кузнецов, А. М. Новоселов.– Вологда, «Древности Севера», 2018 год. С. 20.

Таким образом, в самом конце XVIII – начале XIX столетий в России оставалось два региона, переживавших значимый расцвет региональных школ архитектурного барокко: Сибирь (прежде всего, Прибайкалье и западное Зауралье), а также Тотьма. Между этими регионами находилась переходная Уральско-Вятская зона, в которой господствовали местные архитектурные стили, имевшие «вкрапления» сибирских элементов. Не подлежит сомнению, что тотемская и сибирские школы взаимодействовали между собой. Сам интерес к тотемской архитектуре, возникший в 70-е годы прошлого века, был напрямую связан с оживлением среди ученых дискуссий о «Сибирском барокко». Тезис о тотемском влиянии на храмовую архитектуру Восточной Сибири был взят на вооружение теми исследователями (Л. К. Минерт, С. Н. Баландин, Л. К. Масиель-Санчес), которые с разной степенью категоричности отрицали существование Сибирского барокко как единого стиля, низводя его до уровня разнородных региональных школ, формировавшихся под прямым влиянием архитектуры Европейской России и Украины. В данной работе мы считаем необходимым актуализировать общие социально-экономические причины подъема и поразительной «живучести» «Сибирского барокко» безотносительно к архитектурно-стилевой специфике Иркутска, Енисейска, Тобольска или Западного Зауралья. Это, прежде всего, сложившаяся в конце XVIII века новая система международной торговли, вектор которой (в отличие от предыдущего столетия) был направлен с Востока на Запад через разветвлённую сеть торгов и ярмарок. Это последнее стало мощным фактором обогащения сибирских торговцев, происходивших из разных сословий. Сеть сибирских ярмарок, имевших общероссийское значение, во многом функционировала как единый торгово-экономический механизм. Несмотря на огромные расстояния и пестроту населения Сибири того времени, мы считаем возможным согласиться с Д. К. Болдыревым-Казариновым, писавшим в 20-е годы прошлого века о формировании особого «сибирского менталитета» со специфическим чувством эстетики. Скажем, более «Сибирское барокко» и связанный с ним «сибирский вариант» классицизма воспринимались осевшими в Сибири и обогатившимися представителями бывших податных сословий как антитеза «высоким» образцам этих же стилей в европейской России, которые ассоциировались с чуждой им дворянской культурой. Что касается происхождения архитектуры Тотьмы, то вопрос этот остается открытым. Либо Тотьма с 5-тысячным пассионарным населением XVIII века внедрила свой вариант барокко в сибирскую архитектуру, либо Сибирь с тогдашним 500-тысячным населением каким-то образом повлияла на Тотьму.

Притчина Валентина Алексеевна,
МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма

ИКОНОСТАСЫ В ЦЕРКВЯХ ТОТЕМСКОГО УЕЗДА, МАСТЕРА И РЕЗЧИКИ ПО ДЕРЕВУ (XVI – НАЧ. XX ВВ.)

История возникновения иконостаса уходит в далёкую древность. Его формирование имеет длительную традицию. Известно, что самой древней считается тябловая конструкция, когда ряды икон устанавливались на тёсаные брёвна - тябла с продольными пазами-желобами.

Сведения о ранних интерьерах тотемских церквей практически отсутствуют. Фрагментарно они представлены в книге тотемского краеведа Д. А. Григорова «Тотьма и её окрестности»[111]. Исследователь не даёт описания тяблового иконостаса, есть лишь краткое упоминание в связи с выпуклыми и изогнутыми иконами, которые для тяблового иконостаса не подходят*: «Большая часть остальных местных икон, доски которых или выпуклые, или изогнутые, как видно первоначально были изготовлены не для прямого или тяблового иконостаса, а с выступами или закруглениями, в стиле барокко…»*[112]

Так, автор приводит краткие сведения об иконостасах деревянных храмов, бытовавших в Тотьме до пожара 1743 года. Сведения однообразны и лаконичны: *«Храм холодный Воскресения Христова клетцки, да другой храм теплой Дмитрея Прилуцково чудотворца, а в них деисусы и образы местные…».*[113]

Об убранстве древних иконостасов свидетельствуют представленные в коллекциях Тотемского музейного объединения (далее ТМО) иконы и царские врата. Известно, что в сельских и монастырских церквях Севера большой популярностью пользовались деисусные чины, написанные на одной доске, из которых до настоящего времени сохранились лишь единицы. Одним из таких примеров является деисус, датированный сер. XVI в.[114] *«Деисусный чин из Тотьмы уникален тем,*– пишет профессор А. А. Рыбаков,– *что он дополнен ещё праздничным и пророческими чинами».*[115]

[111] Григоров Д. А. Тотьма и её окрестности. // Тотьма. Историко-литературный альманах. Вып. I.– Вологда, «Русь», 1995.
[112] Там же. С. 138.
[113] Там же. С. 133.
[114] ТМО КП 9486.
[115] Рыбаков А. А. Вологодская икона.– М.: Галарт, 1995.– С. 352.

Григоров Д. А. фиксирует пророческие чины в двух церквях Тотьмы XVII в.: в церкви Николая Чудотворца и церкви Рождества Христова: *«От торгу идучи, меж Пробойные Большие улицы и Егорьевской – церковь Николы чудотворца, древяна, клетцки, а в церкви образов местных: образ Николы чудотворца на золоте, а у него прикладу венец да гривна серебряны; образ Пречистыя Богородицы Одигитрия; деисус с праздниками и пророки, двери царския и северныя на празелени».*[116]

В запасниках ТМО хранится несколько царских врат из церковных интерьеров Тотемского уезда, например, царские врата из интерьера городской Георгиевской церкви.[117] Они датированы XVII в., выполнены в технике сквозной резьбы с растительным орнаментом со сценами Благовещения и четырьмя евангелистами. Надвратная сень на вратах отсутствует. Из сельских церковных интерьеров в музее представлено несколько единиц царских врат. Наиболее ранние – XVI в. Они происходят из церкви Афанасия Александрийского, экспонируются в краеведческом музее.[118]

«Врата имеют характерное для периода XVI в. округлое подковообразное завершение. На плоскости их створ расположены шесть миниатюрных живописных клейм в фигурных резных киотах, исполненных в виде храмов. Киотцы окружены растительным орнаментом. Царские врата удерживаются привратными столбцами… Столбцы, также, как и створы царских врат, украшены миниатюрными трёхглавыми храмами-киотами, в которые помещены изображения избранных святых.»[119]

Среди экспонатов выделяются царские врата II пол. XVI в. из Верхнекокшеньгской церкви.[120] В навершии врат на фоне архитектурного стаффажа размещена традиционная композиция «Благовещение». На створах – святители: Григорий Богослов и Иоанн Златоуст, удивительно красивые образы, которые по исполнению близки образцам вологодской иконописи XVI века. Святители изображены в полный рост, Григорий Богослов – в кресчатой фелони, Иоанн Златоуст – в саккосе с белым омофором.

[116] Григоров Д. А. Указ соч. С. 158.
[117] ТМО КП 9776.
[118] ТМО КП 9477/1-2. В 1973 году врата экспонировались в Париже на выставке «Русская деревянная пластика с древнейших времен до наших дней».
[119] Бурганова М. А. Русская скульптура XVI–XIX вв. Тотьма. М., 2013. С. 26–27, 32.
[120] ТМО КП 9476. 258,5 × 36,3 (каждая створка). Реставратор М. Скутте. (ВХНРЦ им. И. Э. Грабаря).

На царских вратах XVII века из Николаевской Ивасской церкви Верховской волости Тотемского уезда[121] изображение Благовещения и четырех евангелистов. Венчает врата сень с «Причащением апостолов» и «Отечеством». *«Колорит царских врат составляют написанные тёмно-зелёные и коричневые цвета, тактично акцентированные белилами. Посредине створок на «нащельнике», расположена декоративная накладка, растительный узор которой выполнен в золотисто-охристых и зелёных тонах по белому фону, благодаря чему царские врата приобретают особую торжественность и звучность колорита».*[122]

По конфигурации и декору в какой-то степени похожи врата XVII в. из Верхнекокшеньгской Воскресенской церкви[123] и врата неизвестного происхождения, также датированные XVII в.[124] На резной с пустотами поверхности – шесть попарно расположенных клейм в бутонах с евангелистами и сценой Благовещения.

Кроме царских врат в запасниках ТМО хранятся разрозненные фрагменты иконостасов. Представить иконостас полностью можно только, опираясь на сведения Д. А. Григорова и сохранившиеся в архиве музея фотографии.

В работе краеведа представлено описание резных золочёных иконостасов тотемских городских храмов XVIII в. В одной из ранних каменных построек города церкви Иоанна Предтечи (1738 г.) иконостас был пятирядный, резной, золочёный с круглыми клиросами, на которых красками были выполнены святые праотцы. *«В Ильинском приделе иконостас был о двух ставах, гладкий, точин с резьбой и высеребренный».*[125]

Перестроенный после пожара 1743 года главный храм города Богоявленский собор (особенно верхний его храм, освящённый во имя Рождества Пресвятой Богородицы) отличался роскошной отделкою, иконостасом резным, золочёным «из шести ставов».[126]

[121] ТМО КП 9742. Правая створка – 145 × 45; левая створка – 128 × 40. Сень – 52 ×106. Столбцы – 130 × 13,2 (каждый). Реставратор Л. Миронова. (ВХНРЦ им. И.Э. Грабаря).

[122] Рыжакова Е.В. Памятники древнерусской живописи Тотьмы, реставрированные во Всероссийском художественном научно-реставрационном центре имени академика И.Э. Грабаря. //Историко-литературный альманах «Тотьма». Вып. 1. Вологда, «Русь». 1995. С. 604.

[123] Бурганова М.А. Русская скульптура... С. 34. ТМО КП 9756/1-2.

[124] Там же. С. 36, 40. ТМО КП 40424/1-2, ТМО КП 40425/1-2.

[125] Григоров Д.А. С. 166.

[126] Там же. С. 144–145.

Особенно интересен в художественном плане был многоярусный, резной, золочёный, с фигурами ангелов иконостас верхнего Никольского храма Входоиерусалимской церкви, построенный в стиле барокко в посл. четв. XVIII в. Он представлял собой сочетание резьбы и живописи, талантливо переплетённых, и лучше, чем в других церквях на начало XX века, по мнению Д.А. Григорова, сохранил свой первоначальный вид. Краевед пишет: *«Иконостас резной, золочёный пополименту червонным злотом <...> У царских врат, сторонам, два ангела предстоящих, резных».*[127] Несмотря на Указы Святейшего Синода 1723 и 1832 гг., скульптура бытовала в тотемских храмах. Запись 1911 г из дневника вологодского архиепископа Никона: *«...В Тотьме, например, в Предтеченской церкви сень над престолом поддерживается четырьмя фигурами ангелов с обнажёнными ногами, а у царских дверей с одной стороны стоит ангел-хранитель с младенцем, которому показывает рукою на небо, а с другой – архангел Михаил, поражающий сатану. Но копьё архангела давно сломано, осталась только поднятая рука, а сатана с рогами, оскалив зубы, смотрит на молящихся и будто смеётся... Я приказал немедленно убрать эти фигуры...»*[128]

Херувимы. XIX в. Дерево, левкас, темпера; роспись, позолота. КП ТМО 9818, 9819. Из Казанской Старокуножской церкви

[127] Григоров Д.А. С. 167.

[128] Бурганова М.А. С. 163. Приписка автора статьи: «В настоящее время фигуры ангелов экспонируются в Музее церковной старины. Один из них – это Архангел Михаил, попирающий сатану, второй – Архангел Рафаил и Товий)».

Кроме указанных в дневнике Никона ангелов, краевед Д. А. Григоров описывает другие резные фигуры иконостаса: *«Над царскими дверьми Духа Святого сияние, а над сиянием Отечество, резное, на облацах, а при нём шесть херувимов летящих. А над Отечеством сень с завесою: над нею два ангела, сидящие с кадильницами»*[129]. Над южными вратами храма, отмечает Григоров, два стоящих ангела резных, над северными – два ангела, стоящие на облаках резные. Церковная летопись свидетельствует, что Никольский храм вторично был освящён в 1864 году. Переделкам и поправкам подверглись как иконостасы, так и иконы.

Своё впечатление от иконостаса выразил в 1920 г. в работе «Памятники церковного зодчества в Тотьме и уезде» исследователь П. Полиевктов: *«Взор приезжих любителей оригинального зодчества невольно останавливается на храме Иоанна Предтечи... (Входоиерусалимском).*[130] *Оригинальный иконостас с ангелами и драконом, алтарным киворием, поддерживаемым херувимами, говорит о времени проникновения ложноклассического стиля в потерявшую свою самобытность петербургскую архитектонику».*[131]

Ангел. Кон. XVIII в.
Дерево, резьба. КП ТМО 9733.
Из Воскресенской Варницкой церкви

Красоту Входоиерусалимской церкви неоднократно отмечали исследователи. Брусилов Н. в работе «Опыт описания Вологодской губернии» (СПб 1833) пишет: *«Из приходских церквей особое внимание заслуживает Входо-Иерусалимская церковь по огромности и богатству иконостаса».*

Красивы были и многоярусные, резные, золочёные иконостасы варницких храмов, выполненные в стиле барокко: Богословской кладбищенской церкви и Воскресенской. *«Иконостас в Воскресенском храме о пяти ставах, в средней части украшен колоннами, весь покрыт плоской резьбой и вызолочен».*[132] В местном ряду иконостаса находилась икона Иоасафа Каменского XVIII века.[133]

До начала XX века сохранялся первоначальный иконостас в стиле барокко в нижнем храме городской церкви Рождества Христова. Он был крупной резьбы, гладкие его поверхности украшал красивый рисунок, выполненный мелкой прорезью. В иконостасе сохранялись древние иконы: Знамения Пресвятой Богородицы, Николая Чудотворца, Седмичная и великомученицы Параскевы.[134]

Иногда, особенно после пожаров, иконостасы могли быть сборными. Например, иконостас Пятницкого храма (под колокольней) после пожара 1843 года был изготовлен заново. Его также дополнили сохранившимся не полностью иконостасом второго этажа соседнего Рождественского храма, на месте которого был в XIX веке сделан новый иконостас.[135] В настоящее время в городских церквях не сохранилось храмовых интерьеров.

В настоящее время на территории Тотемского района сохранился лишь иконостас XVIII в. в летнем Покровском храме в Усть-Печеньге. «*Иконостас посл. четв. XVIII в. исполнен по проекту, аналогичному проекту Входоиерусалимской церкви. Он отличается подчёркнуто мощной архитектурной разделкой структурных элементов, более соотносимыми с наружными архитектурными формами, чем с интерьером. Вся плоскость иконостаса покрыта тончайшим резным узором. Створы царских врат украшены рокайльными клеймами неправильной формы с виртуозно исполненными резными позолоченными обрамлениями. В сквозном проёме над Царскими вратами помещено изображение Всевидящего Ока в сиянии над клубящимися облаками».*[136] Исследователь Бурганова М. А. считает, что в создании данного иконостаса принимали участие мастера, возводившие храмовое убранство городского Входоиерусалимского храма.

Встречаются краткие описания иконостасов конца XVIII в. в других сельских церквях Тотемского уезда. В Демьяновском Троицком приходе в кон. XVIII в. при завершении строительства первого этажа тёплой церкви сразу приступили к росписи стен и установлению иконостаса, к обустройству помещения.

[129] Григоров Д. А. С. 167.
[130] Приписка автора статьи.
[131] Полиевктов П. Памятники церковного зодчества в Тотьме и уезде.– Тотьма, 1920 г. (научный архив Тотемского музейного объединения № 28).
[132] Григоров Д. А. С. 220.
[133] Мильчик М. И. Древнерусская иконография монастырей, храмов и городов XVI–XVIII веков: Статьи 1973–1917.– СПб.: Коло, 2017. С. 295.
[134] Григоров Д. А. С. 160–161.
[135] Там же. С. 161.
[136] Бурганова М. А. С. 58.

Расписывали храм монахи и послушники вологодских монастырей.[137] Сохранилось описание демьяновского иконостаса, сделанное крестьянином д. Митино Михаилом Павловичем Поповым в 1916 г.: *«В приходе каменная 2-х этажная церковь, довольно красивая, в нижнем этаже престол св. Николая Чудотворца и в верхнем Святой Троицы. Иконостас в верхней церкви трёхъярусный, довольно красивой. По преданию церковному построен между 1770 и 1780 гг. Записей никаких нет».*[138]

Хотелось бы назвать фамилии иконостасных мастеров XVIII в., на данный момент их выявлено немного. В открытом фондохранилище скульптуры музея церковной старины экспонируется херувим кон. XVII – нач. XVIII вв. работы мастера Кокорева из Шейбухтской Воскресенской церкви Тотемского уезда.[139] К сожалению, информация о самом мастере неизвестна.

Ангелы, поддерживающие сень. Кон. XVIII в.
Дерево, левкас, темпера; резьба, роспись, позолота. КП НВ ТМО 6203/4, 5, 6.
Из Входоиерусалимской церкви г. Тотьмы

[137] Родословная деревень Троицко-Демьяновского прихода. // Сост. О.А. Коточигова. Вологда – Молочное, 2015. С. 33.
[138] Попов М.П. Описание деревень Тотемского уезда., д. Демьяново. 29.03.1916 г.– Тотьма (научный архив Тотемского музейного объединения № 21). Л. 1.
[139] ТМО КП 9493/1.

Общеизвестным является факт выполнения в XVIII в. тотьмичами – братьями Николаем и Тимофеем Богдановыми иконостаса в Троице-Гледенском монастыре в г. Великом Устюге. Была ли ими выполнена скульптура в этом иконостасе – неизвестно. Но по художественным особенностям она очень близка со скульптурой иконостаса тотемской Входоиерусалимской церкви, поэтому мы можем сделать предположение, что это работа одного мастера или мастеров этого круга. В архиве г. Великого Устюга хранятся документы «Опись имущества Гледенского Троицкого монастыря за 1784 год»[140] и «Опись церковного и монастырского имущества Троицкого Гледенского монастыря за 1798 г. и церкви Устюгского чудотворца Иоанна что на Пухова (?)», где сделано описание нового золочёного иконостаса с резной скульптурой, выполненного тотьмичами Богдановыми; значит, к этому времени иконостас уже был сделан.

«В ней иконостас со святыми образами, весь резной, с круглыми столбцами, перевитыми резьбою карнизами и тумбами, весь вызолочен на (?) двойником с цирковкою и резными росписными Ангелами и херувимами. В том иконостасе царские врата с резными Евангелистами в натуре с их привилегиями, держащие клеймо с изображением Благовещения Пресвятые Богородицы: в верху Господа Саваофа и Духа Святого и херувимами резными. А под ними балдахин с короною, и завесами резными, всё вызолочено, на полименте червоным золотом, а Евангелисты расписаны живописью и с (?) золотом. Позади их, между резьбою убрано зеркальными стёклами».[141]

В ГАВО удалось найти документы и выявить фамилии мастеров, исполнявших иконостасы в XIX в. Конструкции иконостасов XIX в. были более строгие и лаконичные. Например, иконостас городской Воскресенской церкви – *«столярной работы, выкрашен белой краской, с колоннами, устроен <…> в половине XIX в. в классическом стиле николаевских времён. Иконостас Успенской церкви одноярусный, довольно простой и в художественном отношении не интересен. Из местных икон выделяется образ Пресв. Богородицы «всех скорбящих Радости», писанный, как говорит церковная летопись, по заказу воеводы Максима Григорьева еще при жизни прав. Андрея в ознаменование исцеления этим угодником Ртищева от головной боли.»*[142] Иконостас Георгиевской церкви, внутренняя

[140] ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 6301.
[141] ВУЦА. Ф. 364. Оп. 1. Д. 1662.
[142] Григоров Д. А. С. 137.

отделка которой была «бедна», по мнению Григорова Д. А. был поздним, простой столярной работы. Из икон краевед упоминает о наиболее чтимой иконе Николая Чудотворца, сопровождавшей тотемских ратников на Крымскую войну.[143]

Константин Случевский, посетивший Тотьму в 1885 году, даёт описание перестроенного в XIX в. иконостаса для расширения внутреннего пространства Тотемского Богоявленского собора*: «Иконостас его в стиле Возрождения, с коринфскими колоннами; над царскими вратами, под высокою дугой, писанная масляными красками Тайная Вечеря...»*[144] Григоров Д. А. в своей работе иконостас собора характеризует устроенным в классическом стиле и неинтересным, выделяя написанную на доске красного дерева чудотворную икону Смоленской Божьей Матери (на обратной стороне изображение Богоявления), спасшую по преданию в 1613 году город от литовского разорения.[145]

Говоря об иконостасах XIX в., хотелось бы выделить церковный интерьер с двумя иконостасами в приделах из итальянского каррарского мрамора в зимней Покровской Усть-Печенгской церкви, которые были выполнены на средства петербургского гражданина Павла Пожарского (одного из потомков знаменитого предводителя народного ополчения 1612 года). Благотворители устраивали иконостасы на свой, столичный, вкус, иконы написаны в классическом стиле, поэтому при взгляде на них очень легко может возникнуть впечатление, что стоишь в одном из храмов северной столицы. Но, в основном, работы выполнялись на церковные деньги и пожертвования местными вологодскими мастерами.

В Воскресенскую Шейбухтскую церковь Тотемского уезда в 1853 году был приглашен крепостной грязовецкой помещицы О. Ф. Харламовой Борис Егорович Монаков*. «Порядили мы его Монакова в теплой нашей церкви по нарисованному им плану сработать новый иконостас для двух приделов, по правую сторону во имя Казанской Божией Матери – а по левую – святителя Афанасия Александрийского...».*[146] Известно, что в 30–50-х гг. Монаковым была создана частная художественная школа.

В 1898 году подряд на работы в Петропавловской Жаровской церкви (территория бывшего Вельского уезда, ныне территория

[143] Григоров Д. А. С. 152.

[144] Кузнецов А. В., Новоселов А. М. По следам Тотемского барокко. Альбом-путеводитель.– Вологда. «Древности Севера», 2016. С. 22–23.

[145] Григоров Д. А. С. 140–141.

[146] ГАВО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 209. Л. 3.

Середского) был выполнен крестьянином Верховской волости д. Климушинской Вельского уезда Николаем Петровичем Шаминым.[147] В фондах Тотемского музейного объединения хранятся иконы, вывезенные в январе 1983 года из иконостаса Петропавловского храма.[148] Позднее из церкви для обустройства вновь открываемого Троицкого Зеленского храма в 1990 году был вывезен и иконостас.

В ГАВО удалось найти документы 1893 года о тотемских мастерах. Например, Михаил Андреевич Сергачёв, в списке ремесленных заведений и хозяев значится как позолотчик, резчик по дереву[149], тотемский мещанин, имеющий собственный дом в 18 квартале. В вопросном листе[150] Сергачёва помещены следующие сведения: собственное заведение имеет с 1876 года. Учеников нет. Дата рождения 1854 год. Русский, православный, грамотный, не учился ни в каком учебном заведении. Ремеслу обучался в частной мастерской у вологодского мещанина Ившукова. В заведении Сергачёва есть помощник – рабочий, личный почётный гражданин Чевский Иван Александрович. 1869 г. р. Русский, православный, грамотный, нигде не обучался. Уроженец Тотемского уезда. Ремеслу обучался в частной мастерской у вологодского купца Пастухова.

Здесь же приведены сведения о мастере в заведении Сергачёва М. А. – Сарынине Евгении Аркадьевиче. 1838 г. р. Русский, православный. Мещанин, уроженец г. Вологды. Ни в каком учебном заведении не обучался. Ремеслу обучался в частной мастерской вологодского мастера Ложкова. Вторым рабочим в заведении Сергачёва М. А. был Сорокин Григорий Герасимович 1871 г. р. Русский, православный, мещанин г. Вологды. Неграмотный. Ремеслу обучался в частной мастерской, как и Чевский, купца Пастухова.

Своим мастерством в кон. XIX в. выделялся тотьмич, резчик по дереву, позолотчик Михаил Дмитриевич Мараков. В 1895году он выиграл торги среди пяти мастеров для исполнения иконостаса и его позолоты Кобыльской Георгиевской церкви Никольского уезда. *«В марте месяце 16 числа при нашей церкви происходили торги на отдачу работы наваго иконостаса в новом храме. На торги*

[147] ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 17196. Л. 40, 40 (об.).

[148] ТМО КП 29436 – ТМО КП 29442. «Св. апостол Филипп» (120 × 63), «Св. апостолы Матвей и Павел» (120 × 79), «Св. апостолы Симон и Варфоломей» (120 × 81,5), «Св. апостол Иаков» (120 × 80), «Св. апостолы Петр и Иоанн» (120 × 81), «Св. апостолы Андрей и Иуда» (120 × 81,5), «Св. апостол Фома» (120 × 83).

[149] ГАВО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 239. Л. 4 (об.).

[150] ГАВО. Там же. Л. 29 (об.).

явилось пятеро. Пред началом торгов каждый из них внёс залогу по 100 рублей. На торгах работа осталась за тотемским мещанином Михаилом Дмитриевичем Мараковым, который по представленному им рисунку взялся приготовить к 1-му октября 1896 года весь иконостас вместе и доски для икон и вызолотить оный по полименту за 1634 р.»[151] (слайд) Рисунка иконостаса, выполненного Мараковым, в архиве не обнаружено, но рисунок другого мастера – Архипова, выполненный примерно в эти годы, даёт представление об этой работе.

Этим же мастером в 1897 году произведена позолота иконостаса Черевковской Успенской церкви Сольвычегодского уезда, за эту работу мастер получил 1450 руб.[152] Согласно документам, позолотчик, резчик по дереву Михаил Дмитриевич Мараков – 1853 г. р., тотемский мещанин. Имел собственный дом в 32 квартале и собственное заведение в г. Тотьме – с 1880 года. Грамоте обучался в Тотемском приходском училище. Ремеслу – в г. Вологде в частной мастерской у Константина Логинова.[153]

Страницы Летописи Николаевской Тафтенской церкви за 1900 год[154] также содержат сведения об этом мастере. М. Д. Мараковым в зимнем храме выполнен новый иконостас на церковные средства. Прихожане Тафтенской церкви после сооружения Мараковым иконостаса в тёплом храме в 1906 году *«возымели желание соорудить новый иконостас и возобновить стенную живопись и в холодном храме для этого постановили сделать раскладку по душам на несколько лет и вот, когда собралась с свободным церковным капиталам достаточная сумма, в нынешнем 1906 году, с разрешения епархиального начальства. Были назначены торги и работы принял на себя вологодский фабрикант Николай Захарович Капченко за 1725 руб. с рассрочкой платежа и к октябрю были закончены. По окончании литургии были освидетельствованы работы, которые найдены удовлетворительными. Согласно условия, о чём состоялся акт. Установленный иконостас 2-х ярусный, золочёный по полименту, иконы чеканной работы.»*[155] Как видим, церковные летописи дают интересный материал по теме выявления строительства иконостасов и авторов их исполнения.

[151] ВУЦА. Ф. 26. Оп. 1. Д. 374. Л. 35, 35 (об.).
[152] ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 17196. Л. 68.
[153] ГАВО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 239. Л. 4 (об.).
[154] ГАВО. Ф. 1063. Оп. 1. Д. 1092. Л. 10 (об.), 11.
[155] Там же. Л. 13 (об.), 14, 14 (об.).

Фамилии мастеров также можно встретить в Рапортах в Вологодскую духовную консисторию за 1897–1898 гг., где названы мастера, выполнившие новые иконостасы в следующих церквях Тотемского уезда: в Верхнекокшенгской Воскресенской – мастер Марков (за 750 руб.), в Заячерецкой Богородской – Михаил Михайлович Сергачёв (возможно, сын Михаила Андреевича) (за 6400 руб.).[156]

Книга для записи расходов Александрокоровинской церкви Тотемского уезда содержит сведения о мастере о Рендике (?) Николаевиче Миловановом, которому были уплачены деньги за изготовление царских врат. *«В марте месяце плачено Рендику (?) Николаеву Миливанову (?) за зделание новых царских врат сорок шесть рублей восемьдесят копеек. Плачено к ним за двои петли два рубля».*[157] Подобные сведения дают возможность предположить сумму расхода на постройку всего иконостаса.

В процессе исследования удалось выявить ещё несколько фамилий иконостасных мастеров из Тотьмы. В библиографическом словаре «Северные иконописцы»[158] упоминаются: П. А. Макушин, И. П. Двойнишников, К. И. и С. К. Серегодские, которые не только работали, но и проживали в Архангельской губернии.

В ряде архивных документов и литературе мастера не названы, но сделано полное или краткое описание иконостасов. В «Сведениях о церковном имуществе Совдюжской Христорождественской церкви» читаем: *«В церкви святых образов, поставленных во иконостасе новом гладевом золочёной столярной работы и по оному по приличным местам резьба золочёная».*[159]

В 1869 году была окончательно достроена Илезская Воскресенская церковь Тотемского уезда. *«…покрыта железом, внутри отштукатурена и украшена великолепной стенной живописью, установлен новый иконостас с резьбой и позолотой, иконы отличного письма». Работы проводились на пожертвования прихожан. Больше всех при сборе пожертвований потрудился крестьянин Иван Григорьевич Поповский.»*[160]

Об иконостасе Тиксненской церкви Святой Троицы пишет Корешкова О. М.: *«Трехъярусный иконостас очень изящной работы,*

[156] ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 17196. Л. 82, 82 (об.).
[157] ГАВО. Ф. 1063. Оп. 1. Д. 19. Л. 3.
[158] Кольцова Т. М. Северные иконописцы: опыт библиографического словаря.– Архангельск, 1998.
[159] ГАВО. Ф.496. Оп. 1. Д. 6952. Л. 3 (об.).
[160] Коточигова О. М. Харинская волость. Летопись родного края. С. 43.

с пилястрами, колоннами и фронтонами, с накладной золоченой резьбой… Царские врата… тоже позолочены».[161]

В данной местности иконостасы обустраивались в пещерах и часовнях. *«Пещерка под церковью св. Троицы. На восточной стороне пещеры находится иконостас с четырьмя большими иконами; иконы все старинные, вероятно, этот иконостас был в прежней деревянной церкви».*[162] *«Приходская часовня в д. Маныловица. Снаружи опушена тесом, окрашенным в белую краску. Крыша железная. Кругом часовня обнесена деревянной оградой. Внутри находится великолепный иконостас, стоимостью свыше 500 рублей».*[163]

Херувим. Резчик Кокорев. Кон. XVII – нач. XVIII вв. Дерево, левкас, темпера; резьба, роспись, позолота. КП ТМО 9403/1. Из Воскресенской Шейбухтской церкви

Документы Великоустюгского архива также хранят сведения об иконостасе Тикснен-ской Спасо-Преображенской церкви. «*В куполе церковном на трех цках страсти Господни над страстеми распятие Господне резное и с предстоящими*».[164] Наличие таких материалов является подтверждением того, что скульптура присутствовала не только в городских, но и во многих сельских храмах Тотемского уезда. Примером могут быть парные херувимы XIX в. из Казанской Старокуножской церкви[165], головка ангела из Введенского (?) храма с территории Заозерья[166], херувим в облаках XIX в. из села Тарногский Городок[167], ангел кон. XIX в. из Заборской церкви[168] и другие.

[161] Корешкова О. М. Тиксна православная. Часть 1. Вологда, 2015. С. 21.
[162] Там же. С. 22.
[163] Там же. С. 79.
[164] ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 3623. Л. 1–7. Вологодские епархиальные ведомости. 1864 год – № 3.– Прибавление к Вологодским епархиальным ведомостям. 1864 год – № 1, 4, 6. За информацию благодарю О. М. Корешкову.
[165] ТМО КП 9818, ТМО КП 9819.
[166] ТМО КП 40767.
[167] ТМО КП 40433.
[168] ТМО КП 21395.

Как воспринимало местное население наличие в церкви культовой скульптуры? Своими воспоминаниями поделилась уроженка д. Леваш Нижне-Печенгского с/с Ангелина Александровна Никитинская 1937 г. р.*: «Церковной службы я не застала, но мама моя рассказывала про венчание в церкви. Когда молодых венчали, они старались смотреть во время венчания на красивые лица выполненных из дерева ангелов, чтобы дети в семье красивыми рождались».*[169]

Описаний иконостасов XIX в. других сельских церквей Тотемского уезда в литературе и в источниках немного, да и они кратки. Например, в описании интерьера Вознесенской Толшемской церкви приведены следующие сведения об иконостасе*: «Внутри церкви высоко, светло и просторно, в церкви один престол, он учрежден во имя Вознесения Господня, иконостас состоит из одного яруса; иконы в нем почти все старинной живописи; стены церкви изукрашены новейшей живописью».*[170]

Преподаватель Учительской семинарии, краевед Н. В. Ильинский оставил воспоминания об интерьере Спасской Леденгской церкви. *«Внутренность 2 этажа поражала классическими формами (ампир), а придел Иверской Божией Матери на третьем этаже – иконостасом и иконами западного письма: святой Марии Магдалины, святого Александра Невского,*[171] *«в храме Воскресения Христова в с. Миньково в 1863–64 гг. были произведены следующие работы: устроен новый иконостас, написано несколько новых икон, сделана резьба с позолотою, стены раскрашены живописью.»*[172] В Троицком Демьяновском приходе, о котором упоминалось ранее, в XIX в. *«иконостас храмовый, деревянный, резной позолоченный, возведен заново (иконостас из деревянной церкви частично перевезли в часовню д. Косиково).*[173]

В документах архивов встречены записи, когда при переделке иконостасов храм освящали заново. Так было в Николаевской церкви Тотемского уезда, что на Реже. *«Теплая церковь построена и освящена в 1800 году тщанием прихожан, а по случаю поправки в ней иконостаса снова освятили в 1849 году».*[174]

[169] Воспоминания А. А. Никитинской. Личный архив В. А. Притчиной.
[170] Мартюкова Г. А. История Толшемских храмов. // Толшма. Краеведческий альманах. Вып. I. Архангельск, Лоция, 2017.– С. 168.
[171] Из истории православных храмов Бабушкинского района. / Сост. Г. А. Илюшина. С. Бабушкино. 2013.– С. 14.
[172] Там же. С. 39.
[173] Родословная деревень Троицко-Демьяновского прихода. / Сост. О. А. Коточигова. Вологда – Молочное, 2015.– С. 36.
[174] ГАВО, Ф. 496. Оп. 4. Д. 707. Л. 145.

Документы архивов хранят сведения о работах, выполненных по золочению иконостасов. В Вологодской духовной консистории имеются материалы о выполнении золочения тотемским мещанином Ушаковым Иваном Ивановичем в 1864–1865 гг. при росписи П. С. Тюриным Вознесенского собора Спасо-Суморина монастыря: *«Плачено за вызолочение золотом на мардане в холодной Вознесенской церкви 16 колонных капителей и 6 капителей над пилястрами и во всей церкви над колоннами и пилястрами большого карниза с медальёном на протяжении 26 сажен и архитрава на 20 саженях и на троих хорах точёных деревянных балясин 96 штук».*[175]

Печальна судьба всех, за исключением нескольких иконостасов Тотемского уезда. Например, когда в 1936 году Демьяновскую Троицкую церковь закрыли, иконостас разобрали, часть икон местные жители разнесли по домам, спрятав в подвалах и на чердаках домов, вход в алтарь заколотили досками, где спрятали церковную утварь и разобранный иконостас.[176] Иконостас Николаевской церкви на Реже тоже был разрушен. Книги, иконы утрачены. В 30-е годы кладбище у церкви сравняли с землей, следов могил не осталось.[177]

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что в XVI – нач. XX вв. Тотьма была одним из центров художественной культуры Русского Севера. Тотемские мастера в совершенстве владели своим мастерством, их работам была присуща виртуозность исполнения. Вероятно, при разработке скульптурных образов мастера обращались к гравюрам, иллюстрациям из книг, иконописным подлинникам. Благодаря документам ГАВО удалось получить сведения о мастерских тотемских резчиков Маракова М. Д., Сергачёва и др. Но данные, полученные из архивных источников и краеведческой литературы, не дали возможности выявить фамилии тотемских мастеров XVIII и более ранних веков. Значит, работу по исследованию данной темы следует продолжить.

[175] ГАВО. Ф. 526. Оп. 1. Д. 72.

[176] Коточигова О. А. Родословная деревень Троицко-Демьяновского прихода.– Вологда – Молочное, 2015. С. 41.

[177] ГАВО. Ф. 496. Оп. 4. Д. 707. Л. 16.

Ромашкина Светлана Николаевна,
культурно-исторический центр «Светоч», г. Великий Устюг

ЦЕРКОВНЫЕ МАСТЕРА ТОТЬМЫ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX В.)

В XIX в. Тотьма входила в состав Вологодской губернии и была одним из ее крупных художественных центров. На рубеже столетий известны тотемские живописцы Вахрушов Ф., Куций Ф. Б., Нечаев Г. Д.[178] Во второй половине XIX – начале XX в. в Архангельской губернии работали и длительное время проживали тотемские иконописцы Г. Ф. Ветров, Ф. И. Никоновский, а также иконостасные мастера П. А. Макушин, И. П. Двойнишников, М. Д. Мараков, К. И. и С. К. Серегодские[179]. В конце XIX – начале XX в. в уездах Великоустюжского викариатства Вологодской епархии работали тотемские мастера: иконописец Н. П. Кириллов; иконостасные мастера М. А. Сергачев с сыном; содержатель иконостасной мастерской в г. Тотьме М. Д. Мараков; резчик И. А. Горбачев.[180] Тотемский мещанин, живописец И. П. Кузнецов имел в Тотьме собственное заведение, в конце XIX в. работал в Тотьме, а также в храмах Никольского и Вельского уездов Вологодской губернии[181].

[178] Притчина В. А. Иконописцы и стенописцы Тотемского края (XVII – нач. XX в.) // Русский Север – 2018. Проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия. Сб. материалов II Всероссийской научной конференции Тотемского музейного объединения. Вологда, 2018. С. 23–24.

[179] Кольцова Т. М. Северные иконописцы. Опыт биобиблиографического словаря. Архангельск, 1998. С. 30, 133–134, 163; Кольцова Т. М. Росписи Покровской церкви с. Морозово Верховажского района Вологодской области // Важский край: источниковедение, история, культура. Исследования и материалы. Вып. 7. Вельск, 2016. С. 132–133.

[180] Ромашкина С. Н. Иконописцы и иконостасные мастера в уездах Великоустюжского викариатства Вологодской епархии (1888–1918) // Страницы истории и культуры Великого Устюга. Сб. статей. Вып. 1. Котлас, 2013. С. 60–63; Летопись Кобыльской Георгиевской церкви 1868–1895 г. (подготовка к публикации, предисловие и приложение – Саблин В. А.) // Кичменгский край: материалы Глубоковских чтений. Вып. 2. Котлас, 2012. С. 62; Ромашкина С. Н. Аникинская Иоанно-Предтеченская церковь Великоустюжского уезда в составе Кировской области: мастера строительства и церковных интерьеров // Обретение святых – 2013. Сб. материалов V Межрегиональной церковно-научной конференции. Киров, 2014. С. 89.

[181] Кольцова Т. М. Росписи Богоявленской церкви села Туровец // В созвездии Льва. Сб. статей по древнерусскому искусству в честь Льва Исааковича Лифшица. М., 2014. С. 211; Кольцова Т. М. Росписи Покровской церкви с. Морозово … С. 125 – 140; Ромашкина С. Н. Атрибуция росписей «живописца Кузнецова» в храмах Никольского уезда Вологодской губернии (конец XIX века) // Российский Север и Арктика: история, традиции, образы (к 150-летию А. А. Борисова). Сб. научных статей. Архангельск, 2016. С. 287–295; Притчина В. А. Иконописцы и стенописцы Тотемского края… С. 20.

Иконо-живописный цеховой мастер, Тотемский мещанин Кириллов Николай Платонов в конце XIX в. работал в церквях Сольвычегодского уезда[182]. Благочинный 4 округа Тотемского уезда священник Александр Голубев рапортом в Вологодскую Духовную Консисторию от 24 июля 1902 г. доносил, что «при Заячерицкой Богородицкой церкви с Июля месяца сего года начата стенная живопись в летнем каменном храме Тотемским мещанином, живописцем Николаем Платоновым Кирилловым за две тысячи четыреста (2400) рублей; означенная работа будет продолжаться три года»[183].

Конкуренция на тотемском рынке церковных работ была довольно значительной, так в марте 1904 г. Кириллов Николай Платонов обратился к Преосвященному Алексию, Епископу Вологодскому и Тотемскому с «почтительнейшим заявлением» о том, что в приходах «отдают живописные работы не цеховым <…>, а также позолотчикам и резчикам», и назвал таких мастеров как «мещане города Тотьмы Михайло Андреев Сергачев и Михаил Дмитриев Мараков»[184]. М. А. Сергачев в 1896–1897 гг. в Заячерицкой Богородской церкви Тотемского уезда начал «устройство нового иконостаса и живописи» за 6400 руб.[185] Причиной жалобы Н. П. Кириллова послужило то, что ранее «при той же Заячерицкой Богородской церкви в теплом главном каменном храме был отдан сделать иконостас тому же позолотчику Михаилу Сергачеву совместно с живописью в нем за 1050 рублей, который, вместо икон церковной живописи во 2-м ярусе иконостаса, дванадесятые праздники, наклеил на черное железо бумажныя картины двухкопеечнаго достоинства лубочной работы, издания Сытина, которых насчитывается до восьми картин <…> сумел сдать за написанные на досках иконы <…> в настоящее время: железо ржавеет, клей выступает из под картин и оказались черныя пятна на лицах святых. <…> Подобныя иконы на железе дванадесятых праздников им же, Сергачевым, сделаны в холодном каменном храме при Жиховской Николаевской церкви Вельскаго уезда». В связи этим Н. П. Кириллов «просил проверить сие заявление по работе позолотчика Михаила Андреева Сергачева при вышеозначенных церквах». Рапортом благочинный 4 округа Тотемского уезда Маркушевской Благовещенской церкви священник Александр Макарьев, на основании отношения священника Заячерицкой Богородицкой церкви Василия Преображенского, также подтвердил сведения Н. П. Кириллова. Духовной Консисторией было принято решение от 8 апреля 1904 г., с резолюцией Его Преосвященства, «затребовать, во исполнение Архипастырской резолюции, от причтов всех церквей епархии циркулярным указом чрез благочинных сведения о работах живописных и иконостасных, производимых тотемскими мастерами Сергачевым и Мараковым».

[182] Ромашкина С. Н. Иконописцы и иконостасные мастера… С. 60.
[183] ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 17781. Л. 68.
[184] Ромашкина С. Н. Иконописцы и иконостасные мастера… С. 60–61.
[185] ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 17196. Л. 46, 82 об.; Д. 18180. Л. 11 об.

Михаил Сергачев, узнав о том, что Епархиальным начальством наводятся справки о степени добросовестности исполнения им церковных работ, написал в июле 1904 г. объяснение Епископу Вологодскому и Тотемскому Алексею. Мастер признал свой недосмотр за иконописной работой в теплом храме Заячерицкой Богородской церкви, которую он четырнадцать лет назад поручил «Цеховому мастеру Дмитрию Петрову Турчакову <…> о каковом исполнении им этих работ у меня имеются собственноручныя письма». В мастерстве живописца он не сомневался, так как восемнадцать лет назад тому же Турчакову им была отдана иконописная работа для церкви Жиховской Николаевской и никаких претензий до сих пор нет. Услышав о недоброкачественности исполнения работ в церкви Заячерицкой, Сергачев немедленно отправился туда «и нашел, что несколько клейм дванадесятых праздников во втором ярусе 8 вершковаго размера оказались не от руки писанными, а наклеен[н]ыми и прописанными масляными красками, притом так искусно, что несмотря на 14-летнюю давность и теперь представляют большое затруднение в определении наклеены они или написаны. Я заявил о сем Священнику Заичеритской церкви О. Василию Преображенскому, что это мое неусмотрение и обязался переменить иконы за свой счет». В конце заявления Сергачев просит не ставить ему в вину «недосмотр работы Заичеритской цер.кви, исполненный иконописцем Турчаковым, ради котораго теряется мой авторитет <…> Каждый заказ по церкви я всегда старался исполнить добросовестно и не только не встречал подобных неприятностей, но даже не приходилось слышать частных отзывов, унижающих достоинство моих работ»[186]. За мастеров заступился благочинный 1 округа Тотемского уезда священник Феодосий Панов, сообщив в рапорте, что Сергачев ему «известен 15 лет <…> Сергачев Петербургский мастер. Случайно акклиматизировался в Тотьме, благодаря происхождению и родственным связям», и считая, что «Тотемский уезд много потеряет с устранением от дел домашних мастеров Сергачева

[186] ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 18180. Л. 11–18 об.

и Маракова. Они удовлетворяют существенным нуждам уезда, да и не одного Тотемскаго, а и соседних: Вельскаго и Никольскаго. Не все новыя и ценныя работы приходится производить, а больше поправлять старыя, чтобы стоило для церкви подешевле. А этому и могут удовлетворить только местные мастера»[187].

Члены Консистории подготовили справку Преосвященнейшему Алексию, Епископу Вологодскому и Тотемскому от 25 апреля 1905 г. «о церковных работах, произведенных тотемскими мастерами Сергачевым и Мараковым, из коей усматривается, что на основании донесений благочинных епархии,– тотемским мастером Сергачевым произведены были работы при 21 церкви, по преимуществу в Тотемском уезде. Работы выполнены им при всех церквах, за исключением одной Лондужской церкви, по сообщениям причтов, «добросовестно, честно, удовлетворительно, безукоризненно, очень хорошо». По отзыву причта Ильинской Лондужской церкви Сергачев в 1901 году перекрашивал иконостас теплаго храма и наложил новую позолоту двойником за 300 рублей, работа произведена неудовлетворительно и материал употреблен неудовлетворительный. Мастером Мараковым произведены работы при 15 церквах епархии и также «добросовестно, отлично, прочно и искусно, чисто и с[о] знанием дела», кроме работ при Воскресенской Печенгской церкви Тотемскаго уезда. По отзыву причта, при означенной церкви в теплом и холодном храмах Мараковым устроены новые иконостасы с прибавлением некоторых новых икон. Работы в верхнем храме исполнены добросовестно; в нижнем же храме некоторыя иконы оказались картинами, наклеенными на картон»[188].

Из рапортов благочинных узнаем, где и как работали тотемские мастера. Мастером Михаилом Сергачевым были произведены работы при следующих церквях: 1) Николаевской Жиховской церкви Вельского уезда в 1885 г. строил новый иконостас в холодном храме; по удостоверению благочинного 2 округа Вельского уезда Протоиерея Александра Якубова «иконы писал не Сергачев, а крестьянин Грязовецкаго уезда Дмитрий Турчаков <...> работа иконостаса и написание икон исполнены вполне добросовестно»; 2) Успенской церкви г. Тотьмы в 1891 г. производил резьбу и позолоту иконостаса; 3) Христорождественской Брусенской церкви Тотемского уезда в 1902 г. производил окраску и позолоту одноярусного иконостаса

[187] Ромашкина С.Н. Иконописцы и иконостасные мастера... С. 61; ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 18180. Л. 37 об.

[188] ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 18180. Л. 27–27 об.

в теплом храме своими материалами за 850 руб.; 4) Вотчинской Введенской церкви Тотемского уезда работал иконостас; 5) Спасо-Преображенской Коченгской церкви Тотемского уезда в 1900 г. делал иконостас; 8) Кулибаровской церкви-школы, приписной к Вотчинской Воскресенской церкви Тотемского уезда, по умеренной цене сделал иконостас; 9) Воскресенской Вотчинской церкви сделал два новых иконостаса в теплом храме; 10) Тиксненской Спасо-Преображенской церкви Тотемского уезда в 1901 г. произведены работы по устройству иконостаса с новыми позолоченными по фону иконами; 11) Никольской Нутренской церкви Тотемского уезда выполнил устройство двух киотов; 12) Воскресенской Кулойской церкви Тотемского уезда в 1882 г. возобновил иконостас в теплом храме. Резьба вызолочена на мардане, тело иконостаса выкрашено на масле под лак; 13) Николаевской Чаловской церкви Тотемского уезда в 1893 г. производил позолоту иконостаса в холодном храме: 14) и 15) при Христорождественской Совдюгской и Благовещенской Устьтолшемской церквях Тотемского уезда Сергачевым (вместе с Мараковым) были произведены иконостасные работы; 16) Илиинской Лондужской церкви Тотемского уезда в 1901 г. перекрашивал иконостас теплого храма и наложил новую позолоту двойником за 300 р.; 17) Введенской Ромашевской церкви Тотемского уезда производил работу; 18) Халезской Введенской церкви Никольского уезда в 1902–1903 гг. провел окраску и позолоту иконостаса верхнего холодного храма; 19) Воскресенской Юзской церкви Никольского уезда в 1899 г. делал новый иконостас в холодном храме; 20) Воскресенской Березниковской церкви Никольского уезда в 1891 г. строил новый иконостас; 21) Леонтиевской Дорожковской церкви Никольского уезда в 1903 г. производил работу позолотную и малярную на 1000 руб.[189] В приведенном списке Консисторией допущена ошибка в подсчете церквей, а именно, в перечне пропущены № 6 и 7, однако, это не умаляет объема работ, выполненных Сергачевым в церквях Вологодской губернии. Известно, что в 1911 г. в Сараевской Троицкой церкви Никольского уезда мастер Михаил Сергачев получил работу по золочению двух иконостасов в новом храме[190].

Жалоба и разбирательство Духовной Консистории не прошли бесследно для репутации Михаила Сергачева. Так как всей сути

[189] Ромашкина С.Н. Иконописцы и иконостасные мастера... С. 61; ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 18180. Л. 28–29, 44 об., 78; Д. 17781. Л. 65, 95.

[190] Ромашкина С.Н. Иконописцы и иконостасные мастера... С. 60–61.

дела в приходах не знали, то распространился слух, «что работы по устройству иконостасов запрещены мастеру Сергачеву Преосвященнейшим Алексием бывшим Епископом Вологодским и Тотемским за то, что Сергачев при разных церквах недобросовестно исполнил работу». В 1908 г. на торгах в Липецкой Воскресенской церкви Вельского уезда Михаил Сергачев получил подряд на иконостасные работы за 1500 р., однако вскоре ему было отказано в его исполнении. В поданном прошении Преосвященнейшему Никону, Епископу Вологодскому и Тотемскому, «Тотемский мещанин, Вологодский цеховой иконостасных дел мастер Михаил Сергачев» покорнейше просил «Ваше Просвященство поставить на вид Священнику о. Николаю Андрееву, что я имею право, как цеховой мастер, на производство иконостасных работ». После проведенного разбирательства в журнале Консистории от 21 Января 1909 г. было определено, что «дело дальнейшим движением прекратить тем более, что большинство прихожан Липецкой церкви отказались от мысли устройства новаго иконостаса».[191]

Боролись мастера и за получение заказов. В 1901 г. Тотемский мещанин, цеховой мастер, позолотчик Михаил Дмитриев Мараков, жительствующий в г. Тотьме, подал покорнейшее прошение Епископу Вологодскому и Тотемскому Алексею о том, что «в июне месяце сего 1901 г. при Иоанно-Предтеченской Вотчинской церкви Тотемскаго уезда была отдана работа новаго, в правом приделе храма, иконостава подрядчику Тотемскому мещанину Михаилу Андрееву Сергачеву за шестьсот (600) рублей хозяйственным подрядом, без объявления времени отдачи работ, для устных состязаний на торга». При этом сообщает, что настоятель взял у него рисунок иконостаса, а отдал работу другому, поэтому просил выплатить за свой рисунок 10 рублей. В ответ благочинный 1 округа Тотемского уезда священник Феодосий Панов, по прошению прихода, обращается в Консисторию за разрешением сдать один придельный иконостас Сергачеву» за минимальную цену 600 руб. из его материалов по прилагаемому рисунку; на главный средний трехярусный иконостас поручить Сергачеву составить рисунок; на сдачу же работ главного иконостаса назначить формальные торги, «а до торгов к 1 февраля 1902 г. мастер Сергачев должен приготовить и поставить на место придельный иконостас». После длительной переписки Консистории с приходом рисунок иконостаса был возвращен Михаилу Маракову.[192]

[191] ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 18180. Л. 131–131 об., 133–133 об., 140, 141–141 об.
[192] ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 17804. Л. 232–249.

Из рапортов благочинных известно, что иконостасным мастером Михаилом Мараковым были выполнены работы при следующих церквях епархии: 1) Тотемском Духовном училище в 1901 г. производил работу и позолоту нового иконостаса; 2) Вотчинской Воскресенской церкви Тотемского уезда позолотил две рождественных иконы; 3) Спасо-Преображенской Тиксненской церкви Тотемского уезда в 1903 и 1904 гг. устроил два новых иконостаса; 4) Воскресенской Кулойской церкви Тотемского уезда в 1893 г. реставрировал иконостас в летнем храме; 5) Воскресенской Печенгской церкви Тотемского уезда в 1889–1893 гг. сделал новый иконостас в холодную и теплую церковь; 6) Троицкой Шебенгской церкви Тотемского уезда в 1882 и 1883 гг. производил позолоту иконостаса в холодном храме; 7) Николаевской Шонгской церкви Никольского уезда в 1891 г. производил живописные работы в левом приделе верхнего храма на 500 рублей, а в 1901 г. золотил в 3-х приделах нижняго храма на 1860 рублей; 8) Кобыльской Гергиевской церкви Никольского уезда в 1895–1896 гг. выполнил в теплом храме столярную, резную, малярную и позолотную работы за 1634 руб. Также в 1895 г. на торгах работа нового иконостаса в нижнем теплом храме «осталась за Тотемским мещанином Михаилом Дмитриевым Мараковым, который по представленному им же рисунку взялся приготовить к 1-му октября 1896 весь иконостас вместе с деки для икон и вызолотить по полименту»; 9) Ильинской Кобыльской церкви Никольского уезда в 1897–1899 гг. производил малярную, столярную, резную, позолотную и иконописную работы на 3000 руб.; 10) Александро-Невской Кузюгской церкви Никольского уезда производил позолотную и малярную работы на 500 руб.; 11) Троицкой Шолгской церкви Никольского уезда сделал следующие работы: в 1880–1882 гг. золотил иконостас верхнего храма; в 1883 г. красил полы в храме; в 1884 г. работал иконостас в Флоро-Лаврском приделе и в 1891 г. устроил и позолотил иконостас в Илиинском приделе; в 1890 г. составил рисунок иконостаса; 12) Илиинской Утмановской церкви Никольского уезда сделал три иконостаса. В 1889 г. выполнил золочение иконостаса южного придела верхнего храма; 13) Михайло-Архангельской Утмановской церкви Никольского уезда производил позолоту иконостасов: в 1887 г. холодного храма; в 1892 г. в теплом храме; 14) Богоявленской Яхренгской церкви Никольского уезда в 1890 г. золотил иконостас в теплом храме; 15) Успенской Черевковской церкви Сольвычегодского уезда в 1896 г. вызолотил придельный

иконостас в Илиинском храме.[193] На запрос Вологодской Духовной Консистории от 16 февраля 1898 г. о производстве строительных и ремонтных дел при церквах округа, разрешенном на сумму свыше 300 руб., исполняющий дела благочинного 3-го округа Тотемского уезда священник Виктор Попов рапортом доносил, что работы были <...> при Благовещенской Усть-Толшемской по договору с Тотемским мещанином Мараковым»; Благочинный 4 округа Тотемского уезда священник Лондужской Ильинской церкви Владимир Правдин рапортом доносил, что при Верхкокшенгской Воскресенской [церкви] отдано «устройство новаго иконостаса и живописи за 750 рублей мастеру Маракову, работа начата и неокончена». Благочинный церквей 2 округа Тотемского уезда священник Александр Суровцов рапортом в Вологодскую Духовную Консисторию от 4 мая 1902 г. доносил, «что в текущем году при подведомственной мне Введенской Заозерской церкви имеют быть произведены столярная, иконостасная, живописная и позолотная работы на сумму 750 р. Подряд принял мещанин г. Тотьмы Михаил Мараков».[194]

В Тотемском уезде работали и пришлые мастера. Исполняющий дела благочинного 3-го округа Тотемского уезда священник Виктор Попов рапортом в Вологодскую Духовную Консисторию от 16 февраля 1898 г. доносил, «что производство строительных и ремонтных дел при церквах округа было разрешено на сумму свыше 300 рублей: Димитриевской Шейбухтской [церкви] по подряду с цеховым мастером из крестьян Грязовецкаго уезда, Авнежской волости Дмитрием Турчаковым; при Леонтьевской Кочковской церкви по контракту с крестьянином Семенковской волости Вологодскаго уезда Александром Бородкиным; при Предтеченской Толшемской церкви по подряду с Солигаличским мещанином Василием Еременским; при Успенской Шуйской церкви при подрядчике Вологодском мещанине Афанасие Немчинове; при Чаловской Николаевской церкви по подряду с Галицким мещанином Василием Сараевым»[195]. Благочинный 3 округа Тотемского уезда священник Виктор Попов рапортом от 8 ареля 1902 г. сообщает Духовной Консистории, что «при Царе-Константиновской Козлангской церкви золочение новаго иконостаса во храме принято

[193] Летопись Кобыльской Георгиевской церкви... С. 62; Ромашкина С.Н. Иконописцы и иконостасные мастера ... С. 61–63; ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 18180. Л. 29–29 об.
[194] ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 17196. Л. 45–45 об., 46 об.; Д. 17781. Л. 66.
[195] ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 17196. Л. 45, 46.

подрядом Александром Ратьковым, цеховым мастером, имеющим жительство в селе Святогорье Грязовецкаго уезда; работы производятся с Мая месяца 1901 года и настоящаго года летом должны быть окончены; договор подряда простирается на сумму в 1600 руб.». Священник Троицкой Долговицкой церкви Тотемского уезда Ликарион Кубенский рапортом от 26 мая 1902 г. доводит до сведения Духовной Консистории, «что причтом и приходским попечительством Долговицкой Троицкой церкви заключено условие с подрядчиком крестьянином Вельскаго уезда, Устьвельской волости, Усть Кулойскаго общества, дер. Неплоковской Алексеем Андреевым Пешковым на штукатурку вновь построенной церкви. Работа распределена на 1902, 1903 и 1904-й годы сообразно чему и уплата денег в количестве 1 300 руб. разложена равномерно на три года»[196].

В Вологодской губернии было две Ремесленные Управы: Вологодская и Великоустюжская. В Вологде в рассматриваемый период было восемь цехов: калачный, столярный, портной, серебряный, сапожный, кузнечный, малярный и кирпичный (иначе печной). Назовем наиболее распространенные виды деятельности в двух цехах Управы. В столярный цех входили столяры, иконостасные мастера (резчики по дереву и позолотчики), мастера по гармонному мастерству, токарному, фортепианному, зонтичному. В малярный цех входили мастера по малярному мастерству, живописному и красильному.

Большинство мастеров, работавших в Тотемском уезде в конце XIX – начале XX в., были жителями Вологодской губернии и состояли в цехах Вологодской Ремесленной Управы. Например, Вологодский мещанин Бородкин Александр Артемьев вступил в цех в 1878 г., мастерство малярное. Вологодский мещанин Немчинов Афанасий Павлович, год вступления в цех не указан, по столярному мастерству. Грязовецкий мещанин Ратьков Александр Васильев вступил в цех 13 апреля 1901 г., позолотное мастерство. Крестьянин Грязовецкого уезда, Авнежской волости Турчаков Дмитрий Петров вступил в цех 31 мая 1893 г., мастерство живописное. Большинство местных мастеров были Тотемскими мещанами и цеховыми мастерами. В основном они также состояли в цехах Вологодской Ремесленной Управы. Так, Тотемский мещанин Двойнишников Изосима Петров вступил в цех в 1878 г., мастерство позолотное. Тотемский мещанин Кузнецов Иван Павлов вступил в

[196] ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 17781. Л. 65, 67–67 об., 70.

цех 3 мая 1891 г. по живописному мастерству. Тотемский мещанин Кириллов Николай Платонович вступил в цех 29 января 1894 г., мастерство живописное. Тотемский мещанин Сергачев Михаил Андреев вступил в цех 28 сентября 1892 г., мастерство резное по дереву и позолотное. В числе мастеров Вологодской Ремесленной Управы находим еще одного тотемского мастера – это Тотемский мещанин Архипов Григорий Иванов, вступивший в цех 17 мая 1911 г. по иконостасно-резному мастерству. Пока не установлено, в каком цехе состоял цеховой мастер, Тотемский мещанин Мараков Михаил Дмитриев, так как в составе мастеров Вологодской Ремесленной Управы его нет, то возможно он был Архангельским или Великоустюжским, или Костромским цеховым мастером. Тотемские мастера много работали в Тотемском уезде, а также в Никольском, Вельском и Сольвычегодском уездах Вологодской губернии, а также в г. Архангельске и уездах Архангельской губернии. Тотемский мещанин Горбачев Илья Алексеев выполнял заказы в Великоустюжском уезде и, возможно, стал великоустюжским цеховым мастером. За пределами Вологодской губернии работал и Тотемский мастер Сергачев Михаил Андреев, он сделал иконостас в Богородице-Феодоровском женском монастыре Солигаличского уезда, «коего заказчицы остались довольны и благодарны». В конце XIX – начале XX в. известно достаточное количество мастеров в цехах обеих Управ Вологодской губернии. Из мастеров, работавших в уездах Великоустюжского викариаства, в Вологодскую Ремесленную Управу входили: Архипов Зосима Андреев, Великоустюжский мещанин, вступил в цех 9 ноября 1912 г., мастерство иконостасное; Васильев Иван Иванов, Вологодский мещанин, вступил в цех 6 июня 1892 г., мастерство иконостасное; Демидов Владимир Осипов, мещанин посада Большие Соли, Костромского уезда, вступил в цех 14 марта 1901 г., мастерство «орнаментное»; Дмитриев Михаил Николаев, мещанин г. Никольска Вологодской губернии, вступил в цех 12 мая 1892 г., мастерство иконостасное; Дофин Николай Алексеев, крестьянин, год вступления в цех не указан, мастерство малярное; Козырев Василий Михайлов, мещанин Костромской губернии, Кологривского уезда, вступил в цех 1 мая 1899 г., мастерство живописное; Котлов Павел Иванов, Кологривский мещанин, Костромской губернии, вступил в цех 16 июня 1892 г., мастерство живописное; Мезенцев Николай Алексеев, Вологодский мещанин, вступил в цех 30 апреля 1890 г., мастерство позолотное по дереву. В цехах Вологодской Ремесленной Управы были и вельские мастера: Вострокнутов Василий Михайлов, крестьянин Вельского уезда, Тавринской волости, д. Коништевой, вступил в цех 25 января 1894 г., мастерство живописное; Куклин Алексей Васильев, крестьянин Вологодской губернии, Вельского уезда, Никифоровской волости, д. Никифорова, вступил в цех 22 февраля 1912 г., мастерство живописное; Кузнецов Иван Михайлов, Вологодской губернии, Вельского уезда, Чушевице-Покровской волости, д. Мосеева, вступил в цех 8 марта 1913 г., мастерство позолотное. Возможно, что крестьянин Кузнецов И. М. тоже работал в уезде Великоустюжского викариатства. Также в Вологодских цехах состояли и архангельские мастера, например, Петровский Михаил Тимофеев, крестьянин Архангельской губернии, Шенкурского уезда, Благовещенской волости, д. Брюховской, вступил в цех 22 января 1905 г., мастерство иконостасное. Полагаем, что это названный в словаре Т. М. Кольцовой «иконостасный мастер из посада Верховажье Вологодской губернии»[197], с полным совпадением фамилии, имени и отчества, скорее всего, после вступления в Вологодский цех Петровский М. Т. сменил место жительства на Верховажье, возможно переехал к родственникам, но продолжал работать в Шенкурском уезде.

В конце XIX – начале XX в. тотьмичи работали не только в своем уезде, но и на других территориях Вологодской и соседних губерний. В то же время и на Тотемской земле были активны мастера как из Вологды и других городов и деревень губернии, так и представители ближайших художественных центров России. Несмотря на большое количество в уездах цеховых мастеров тотьмичи успешно выдерживали конкуренцию на рынке церковных работ и органично встраивались в процесс формирования и развития единого художественного пространства России.

Пшеницын Дмитрий Александрович,
культурно-исторический центр «Светоч», г. Вологда

ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ЛЕТОПИСЬ НОВОКУНОЖСКОЙ ТРОИЦКОЙ ЦЕРКВИ ТОТЕМСКОГО УЕЗДА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВВ.

Церковно-приходские летописи – ценнейший источник по местной церковной истории и повседневной жизни русского крестьянства на протяжении нескольких десятилетий, в которых

[197] Кольцова Т. М. Северные иконописцы... С. 165–166.

зафиксированы различные события – от местной истории и до событий общероссийского масштаба, описание необычных погодных явлений.

Летописи являются малоизвестными и малоизученными по причине того, что данный вид источников имеет малую степень сохранности, а также широкий территориальный разброс по местам хранения, и поэтому малодоступен для исследователей. Но всё больше и больше появляется научных публикаций по результатам изучения церковных летописей (например, работы таких авторов как Е. А. Агеева, Р. П. Биланчук, Н. В. Гурьев, С. И. Добренький, А. А. Истомин, С. А. Красавцева, В. А. Саблин, К. А. Степанов, Г. Н. Чебыкина, С. О. Шмидт и др.)[198], а это, в свою очередь, создает базовую основу для их более широкого и сравнительно-исторического изучения, говорит о содержательности, большом информационном потенциале этого вида исторического источника. В связи с возрождением краеведения и возрастания интереса к региональной истории можно говорить об актуальности и перспективности дальнейшего исследования церковных летописей в силу их значения для отдельно взятого микрорегиона.

[198] См., напр.: Агеева Е. А. Церковная жизнь и повседневный быт русского села по приходским летописям XIX – начала XX века // Исторический вестник. 2000. № 7–8. С. 166–195; Биланчук Р. П., Истомин А. А. Церковно-приходская летопись Дмитриевской Николаевской церкви Вельского уезда Вологодской губернии 1868–1913 годов как источник по истории и культуре Верхней Устьи // Заволочье. Устьянская земля. Вып. 2: Исследования и материалы. Статьи и сообщения VII–IX межрегиональных историко-краеведческих чтений, посвященных памяти М. И. Романова. Вельск, 2014. С. 362–469; Гурьев Н. В. Церковные летописи как источник изучения сельского хозяйства // Краеведение. 1925. № 3–4. С. 288–290; Добренький С. И. Церковно-приходские летописи Никольского уезда Вологодской губернии второй половины XIX – начала XX века // Никольская старина: исторические и этнографические очерки. Вологда: «Древности Севера», 2000. С. 356–382; Добренький С. И. Церковно-приходские летописи как исторический источник (середина XIX – начало XX в.). Дисс. на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Москва, 2006; Красавцева С. А. Из летописи Шарденгской Николаевской церкви // Великий Устюг: Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда, 2004. С. 41–53; Летопись Кобыльской Георгиевской церкви 1868–1895 гг. (подготовка к публикации, предисловие и примечание – Саблин В. А.) // Кичменгский край: материалы Глубоковских чтений. Вып. 2. Кичменгский Городок, 2012. С. 11–63; Степанов К. А. Церковно-приходская «летопись» событий, происходивших в России, городе Ростове Ярославской губернии и церкви святого Иоанна Предтечи // Сообщения Ростовского музея. Вып. XXIII. Ростов, 2018. С. 192–233; Церковная летопись Яренского Преображенского собора / Сост. Ю. Л. Сирота. СПб., 1994; Чебыкина Г. Н. Церковно-приходское летописание в Устюжском крае во второй половине XIX – начале XX века // Религия и церковь в культурно-историческом развитии Русского Севера. Материалы международной научной конференции. Киров, 1996. Т. 1. С. 456–459; Шмидт С. О. Сельские церковно-приходские летописи как историко-краеведческий материал // Шмидт С. О. Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М. 1997. С. 136–153; Он же. Церковно-приходские летописи как источник по изучению русской деревни // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1971. Вильнюс, 1974. С. 397–404.

Опыт церковно-приходского летописания в России ведет начало с указа Святейшего Правительствующего Синода «о поощрении современных летописцев» (22–23 марта 1792 г.). Появление данного указа было инициировано обер-прокурором Синода А. И. Мусиным-Пушкиным и одобрено императрицей Екатериной II Великой[199]. Однако в течение XVIII – первой половины XIX в. исполнение указа в российских епархиях имело ограниченный характер и не привело к развитию нового опыта местного «летописания» как заметного культурного явления.

Церковно-приходское летописание оживляется в 60-е гг. XIX в., что связывается исследователями с появлением ряда синодальных указов и поддержкой Синода инициатив, исходящих из отдельных епархий[200].

Инициатива заведения приходских летописей принадлежит преосвященному Варлааму (Денисову), епископу Оренбургскому и Уральскому. Он еще в 1865 г. сдал предложение в духовную консисторию Оренбургской епархии о ведении летописей причтами церквей. Это предложение было поддержано на всероссийском уровне, и 12 октября 1866 г. опубликован Указ Святейшего Правительствующего Синода о возрождении составления летописи при каждой приходской церкви. Так, в 1867 г. из Тобольска сообщали, что «*при церквах Тобольской епархии приходские летописи существуют уже 20 лет: они были заведены покойным архиепископом Георгием (1845–1852). Эти занятия поддерживал один из его преемников преосвященный Феогност, который посещая церкви, просматривал летописи и иногда брал себе для прочтения*»[201]. Идея привилась, и в России повсеместно стали вести церковно-приходские летописи.

В Вологодской епархии довольно скоро откликнулись на предложение Синода. По инициативе епископа Вологодского и Устюжского Павла 12 декабря 1866 г. вопрос о заведении церковных летописей слушался в Вологодской духовной консистории,

[199] Добренький С. И. А. И. Мусин-Пушкин и церковное летописание конца XVIII – начала XIX в. // 200 лет первому изданию «Слова о полку Игореве»: Материалы юбилейных чтений по истории и культуре древней и новой России. Ярославль, 2001. С. 330–333.

[200] Бернштам Т. А. Приходская жизнь русской деревни: Очерки по церковной этнографии. СПб., 2005. С. 19.

[201] Православное обозрение. 1867. Т. 2. С. 94.

и новое дело было признано «не лишним». В церковно-приходских летописях Вологодской епархии встречается ссылка и на Указ Вологодской духовной консистории от 6 ноября 1867 г. о заведении церковных летописей[202].

Современное местоположение недействующей Новокуножской Троицкой церкви. Полуразрушенный Троицкий храм в настоящее время находится на территории Бабушкинского района Вологодской области недалеко от д. Юркино, отстоящей к юго-востоку от села имени Бабушкина в 51 км, а от г. Тотьмы 86 км и в от областного г. Вологды в 300 км, в живописном месте на левом берегу р. Кунож, длина которой составляет 98 км, она впадает в р. Унжу и относится к Верхневолжскому речному бассейну.

Из истории Новокуножского прихода. В XVII в. погост входил в состав Куножской волости Кологривской осады Галичского уезда. В 1628 г. упоминается церковь «Живоначальныя Троицы на Куноже». В 1671 г. упоминается церковь «Воскресения Христова Кологривские осады Березовских починков». С 1689 г. пишется: «Живоначальной Троицы». В 1746 г. уже упоминается церковь «Живоначальныя Троицы да Воскресения Христова Кологривской осады Березовских починков на Куноже новой»[203].

7 ноября 1775 г. императрица Екатерина II издала «Учреждение для управления губерний Всероссийской Империи»[204], а императорским указом от 25 января 1780 г. вместо Архангелогородской губернии учреждено Вологодское наместничество (губерния) с областями, или провинциями: Вологодской, Великоустюжской и Архангельской[205]. В связи с этим церкви Куножской волости вошли в состав нового, образованного в 1782 г. Никольского уезда Великоустюжской епархии, а затем с 1796 г. в составе Тотемского уезда Вологодской епархии и оставались в пределах её вплоть до начала XX в.

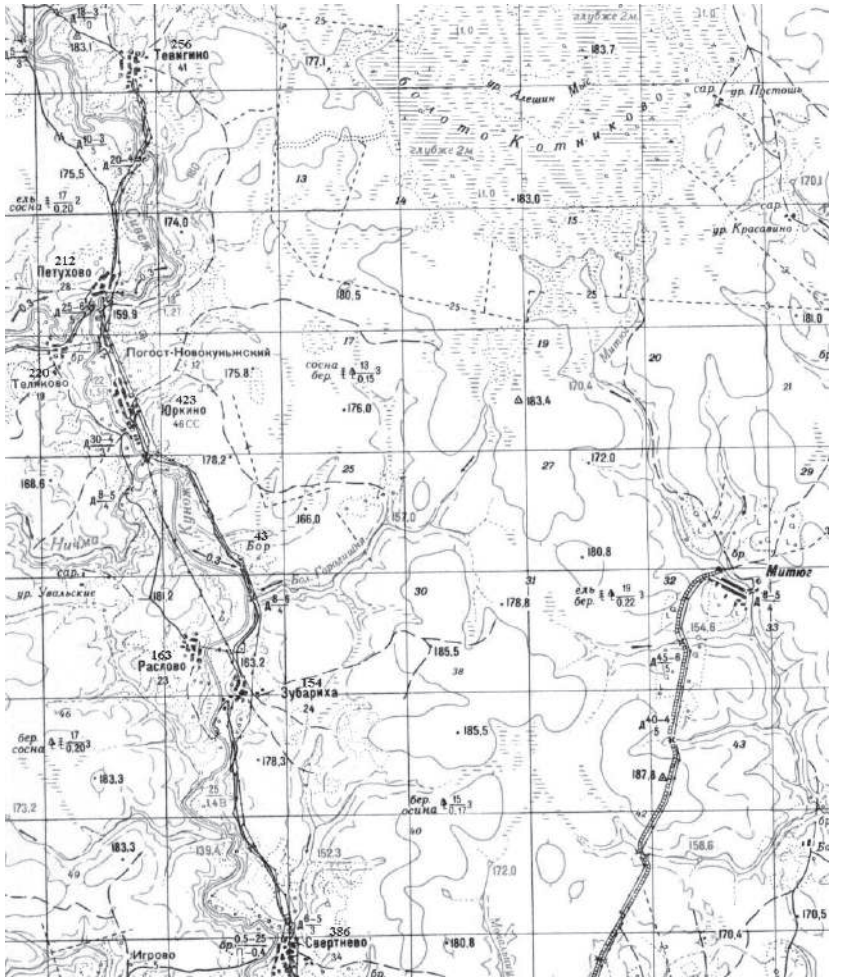
Хотя Новокуножская Троицкая церковь и вошла в состав южной части Тотемского уезда, где издавна находились государственные (черносошные) крестьяне, но с наследием – население прихода составляли помещичьи крестьяне. Сам же приход являлся

[202] Добренький С.И. Церковно-приходские летописи Никольского уезда Вологодской губернии второй половины XIX – начала XX века. // Никольская старина: исторические и этнографические очерки. Вологда: Древности Севера, 2000. С. 359.

[203] Материалы для истории Костромской епархии. Вып. 1: Галичская десятина с пригороды Солигаличем, Судаем, Унжею, Кологривом, Парфеньевым и Чухломою жилых данных церквей 1628–1710 и 1722–1746 гг. Кострома, 1895. С. 245, 311.

[204] ПСЗ. Собр. 1. Т. 20. № 14392.

[205] ПСЗ. Собр. 1. Т. 20. № 14973.

Окрестности Новонужского Троицкого прихода на 1916 г.

изначально небольшим и состоял из 7 селений: Зубариха, Петухово, Раслово, Свертнево, Тевигино, Теляково, Юркино, а с 1890 г. добавилась д. Бор, численность же населения в 1909 г. составила в 8 деревнях 264 двора, 836 муж. и 861 жен. (для сравнения, в 1851 г. – 7 селений, 106 дворов, 332 муж. и 408 жен.)[206].

[206] ГАВО. Ф. 496. Оп. 4. Д. 708. Л. 74 об.; там же. Оп. 4. Д. 768. Л. 291 об.

Настоящей публикацией автор продолжает свои разработки данного вида источников[207], представив текст одной из церковных сельских летописей Новокуножского Троицкого прихода Тотемского уезда второй половины XIX в. Хотя хронологический охват составляет всего 15 лет, но это насыщенная местными событиями история прихода на протяжении указанного времени. Летопись не имеет окончания, обрываясь на полуслове, текст её воспроизведен по источнику, орфография сохранена, трудно разборчивый текст оставлен за скобками.

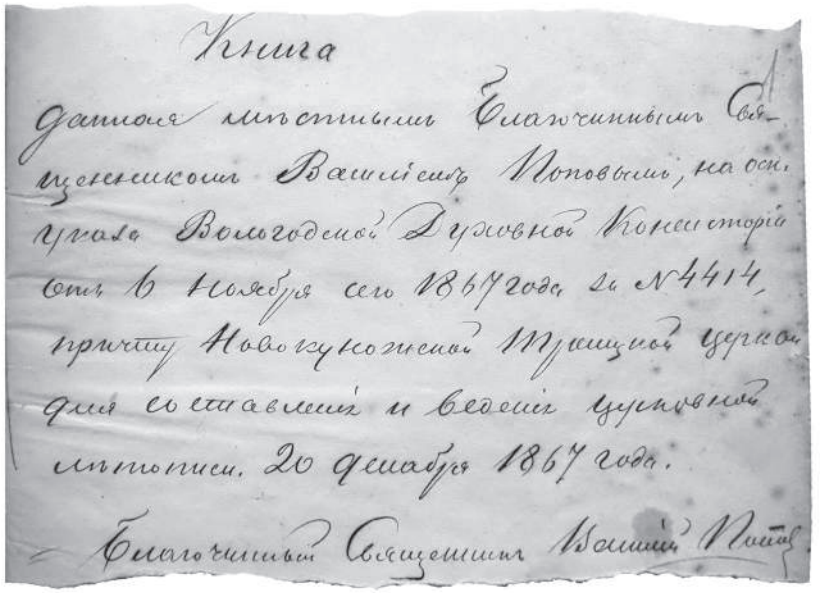
Летопись Новокуножской Троицкой церкви Тотемского уезда 1867–1881 гг.

(л. 1) Книга, данная местным благочинным священником Василием Поповым на осн[овании] указа Вологодской духовной консистории от 6 ноября сего 1867 года за № 4414, причту Новокуножской Троицкой церкви для составления и ведения церковной летописи. 20 декабря 1867 года. Благочинный, священник Василий Попов.

(л. 1.) Летопись Вологодской епархии Тотемского уезда по Троицкой Ново-Куножской церкви за 1868 год.

О церкви. Первоначально, когда был построен храм, неизвестно; из храмозданной грамоты, данной в 1776 году Преосвященным Симоном Костромским и Галицким, известно, что храм был до сего времени деревянный, небольшой, ветхий во имя Казанской Божией Матери, в 1776 году вместо коего разрешено было устроить два храма, оба деревянные: один, холодный – во имя Живоначальныя Троицы, а другой, теплый – во имя Казанской Божией Матери. Холодный храм в скором времени и был построен, а теплый, как видно из плана, данного в 1800 году Преосвященнейшим Арсением, епископом Вологодским и Устюжским, был построен несколько позже, который в 1833 году сгорел от неосторожного топления и худой печки. Настоящий Троицкий храм каменный, одноэтажный в одной связи с колокольнею построен с благословения Преосвя-

[207] Пшеницын Д. А. Церковно-приходская летопись Спасо-Преображенской Сеньговской церкви // Лежский Волок в XVII–XX веках: документы, материалы, исследование. Вологда, 2017. С. 100–119; Пшеницын Д. А. Церковно-приходские летописи Тотемского уезда второй половины XIX–XX вв. // Русский Север-2018: проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия: сборник материалов второй Всероссийской научной конференции с международным участием (Тотьма, 1–4 марта 2018 г.). Вологда, 2018. С. 45–57; Пшеницын Д. А. Церковно-приходская летопись Успенской Толшемской церкви Тотемского уезда *(рукопись)*.

Книга
данная местным Благочинным Свя-
щенником Василием Поповым, на осн.
указа Вологодской Духовной Консистории
от 6 ноября сего 1867 года за №4414,
причту Новокуножской Троицкой церкви
для составления и ведения церковной
летописи. 20 декабря 1867 года.
Благочинный Священник Василий Попов.

Летопись (начало) Троицкой Новокуножской церкви Тотемского у. за 1868 г.

щеннейшего Стефана, епископа Вологодского и Устюжского данного окончательно в 1834 году, усердием же прихожан достроен в 1852 году. Престолов в оном храме три: которые все и освящены; холодный во имя Живоначальной Троицы в 1852 году, теплый во имя Казанской Божией Матери в 1837 году; а во имя (л. 1 а об.) св. бессребреников Козьмы и Дамиана в 1863 году в благодарность государю императору Александру II и в воспоминание крестом по освобождению их из крепостной зависимости. Деревянный холодный храм разломан в 1835 году для устройства пола церкви теплой, колокольня деревянная разломана для полов церкви. Часовен в оном приходе 3 в деревнях: Телякове во имя Владимирской Божией Матери, Зубарихе в честь св. пророка Илии, Свертневе в честь св. Николая Мирликийского Чудотворца, но когда они построены и по какому случаю, неизвестно. Кладбище, обнесенное деревянным балясником, с давнего времени находится при церкви.

Причта при сей церкви было до 1855 года священник, дьячек и пономарь. А по штатам с назначенного времени положено два священника с дьячком, на коих и получается жалованья 96 руб., а от земли и сборного хлеба и других добровольных подаяний от

прихожан на 60 руб. Училище открыто причтом в 1862 году, и в оном обучалось 15 человек обоего пола.

Ново-Куножским храм называется в различие от Старо-Куножского, который находится ниже по течению реки Куножа, в 20 верстах от сей церкви. Жители прихода все русские, греко-российского (л. 2) исповедания – раскольников и других сектантов в приходе не обретается. Жители по наречию и фамилиям переселенцы, то из Тотемского уезда реки Толшмы, то из разных губерний по случаю переселения господских крестьян с семействами, но в какое время в сию местность они переселились, достоверно неизвестно. Прежде приход существовал из 6 деревень, а в настоящее время из 7. Прихожане все крестьяне временнообязанные, кроме 70 душ мужеска пола и 80 женска, которые в 1850 году по духовному завещанию помещика Ассонова отчислены в число государственных крестьян; есть же часть и военного сословия нижних чинов. Волостное правление открыто в приходе сей церкви в деревне Юркине в 1861 году, и заведывает двумя волостями Ново-Куножскою и Верховинскою.

В сем 1868 году перемен и построек при церкви не было.

Священник Василий Семенов Полиевктов, к сей церкви рукоположен в 1855 году декабря 6 дня, из кончивших курс Вологодской семинарии, имеет в память войны 1853–1856 гг. бронзовый наперсный крест. Дьячек Иван Федоров Пахолков, с 1837 года мая 1 дня, уроженец бывшего при сей церкви дьячка. Церковным старостой – государственный крестьянин деревни Юркина Михайло Авдиев Климов, с 1863 г. по 1869 г. л. 2 (об.) В настоящее время церковным старостой состоит временнообязанный крестьянин деревни Телякова Михайло Спиридонов Князев.

Прихожане к храму божию ревностны, каждогодно исповедываются и св. таин приобщаются. Молебства и поминовения по усопшим исправляются часто и рачительно; к грамоте малорачительны и плохо расположены; во время праздников храмовых и обещальных гостеприимны.

Все занимаются хлебопашеством и лесопромышленностью: в весеннее время сплавляют лес сосновый и еловый по рекам по Куноже и Унже до г. Макарьева Костромской епархии, чем и отбывают оброк помещикам и казенную повинность на вырученные за труды деньги; есть малая часть, проживают по паспортам и в столицах. Быт крестьян небогатый от налогов прежде бывших помещиков и их прикащиков и по случаю худого урожая хлеба.

В 1869 году озимовые в полях выбило червем, а у священноцерковнослужителей поля выбило градом 18 июля.

Родившихся было мужеска пола 25, женска 23, умерло мужеска пола 6, женска 10, браком сочеталось 5 пар, исповедалось и причастилось мужеска 338, женска 392, не причастившихся муж. 7, жен. 2, по малолетству 73 муж., 76 жен., по отлучкам муж. пола 5, а всех душ: муж. 423, жен. 470, обоего пола 893.

(л. 3) В сем году церковной суммы с остаточною было 335 р. 91½ к., к 1869 году осталось 72 р. 7½ к., а от 1869 года к 1870 году осталось суммы 128 р. 61 копейка.

К сей церковной летописи Троицкий Ново-Куножский церкви священник Василий Полиевктов подписуюсь. Дьячек Иван Пахолков подписуюсь.

1872 год. В сем году открыто при церкви попечительство с благословения Преосвященнейшего Палладия, епископа Вологодского и Устюжского,– председателем утвержден крестьянин деревни Петухова Андрей Васильев Обресков. В означенном году с благословения того же Преосвященнейшего Палладия происходила при церкви постройка, вместо ветхой деревянной крыши как над холодной, так и теплой церкви, равно и на колокольне, устроена железная крыша, купол на холодной церкви и шпиль на колокольне покрыты белым железом, кресты на церкви и на колокольне покрыты желтым креном. Железа листового употреблено на крышу 160 пуд. на 560 руб., на белое железо и гвоздья 60 руб., подрядчику Маймистову за работу 300 руб., на краски и масло для окрашения крыши 30 руб., а всей суммы употреблено на устройство железной крыши 950 руб., из числа (л. 3 об.) этих денег 350 руб. поступило из церковной кошельковой суммы 350 руб., а остальные собраны попечителями в числе 600 руб. с прихожан.

14 июля был большой град в здешней местности, отчего в трех деревнях близ прихода побило градом озимые и яровые хлебы.

В сем 1872 году земством открыты при сей церкви Юркинско-Фетиньинская школа, наставнику жалование назначено 60 рублей, за квартиру и на учебные пособия 10 рублей, должность наставника в сем году проходил приходской священник Василий Полиевктов.

К сей церковной летописи Троицкий Ново-Куножский церкви священник Василий Полиевктов подписуюсь. Дьячек Иван Пахолков подписуюсь.

В 1873 году 7-го числа июня был град, от чего в 3-х местностях близ церкви рожь, овес и прочее жито побило градом.

К сей церковной летописи Троицкий Ново-Куножский церкви священник Василий Полиевктов подписуюсь. Дьячек Иван Пахолков подписуюсь. Свидетельствовал благочинный, священник Фавст Яблонский. 11 декабря 1873 года.

(л. 4) 1874 года в генваре месяце обнародован Высочайший Манифест, указ и Устав о воинской повинности.

В сем 1874 году крестьянами, заботливостью и рачением приходского попечительства вывезено лесу для устройства церковной сторожки и училища для крестьянских детей 360 дерев на 100 руб. 50 копеек.

В оном же году окончательно в марте месяце построена как сторожка, так и училище – на сумму 190 руб., каковые деньги собраны были старанием приходского попечительства. В означенном году вновь избрано и утверждено приходское попечительство Преосвященнейшим Феодосием, епископом Вологодским и Устюжским, 25 генваря, председателем коего утвержден крестьянин дер. Петухова Михей Князев.

К сей церковной летописи Троицкий Ново-Куножский церкви священник Василий Полиевктов подписуюсь. Дьячек Иван Пахолков подписуюсь.

В сем же году обнародован Высочайший Манифест, указ и Устав о воинской повинности.

4-го ноября сего года скончался Преосвященный Павел, епископ Тотемский, викарий Вологодский.

В этом же году получен указ о новом положении духовенства и штаты о церквах, по которому церковь Троицкая оставлена самостоятельною, утверждены два члена: настоятель с псаломщиком.

3-го октября выгорела в сем приходе деревня Тевигино в числе 14-ти домов.

Настоятель, священник Василий Полиевктов. Псаломщик, дьячек Иван Пахолков. Читал благочинный, священник Фавст Яблонский. 30 декабря 1874 года.

(л. 4 об.) 1875 года. В сем году прибыл в Вологду Преосвященнейший Варлаам, викарий Вологодской епархии, епископ Тотемский.

В июле месяце сего года в теплой церкви поправлена была щекатурка и вся церковь выбелена известкой – на сумму 15 рублей.

В сем же году выстроено новое Юркинское правление близ деревни Петухова, и в означенном году избран вновь в церковные старосты крестьянин деревни Петухова Яков Махин.

Настоятель, священник Василий Полиевктов. Псаломщик, дьячек Иван Пахолков подписуюсь. Смотрел благочинный, священник Фавст Яблонский. 29 декабря 1875 года.

1876 год. В сем году в реке Кунож четыре раза вода поднималась, от чего леса были задерживаемы,– и сплав оных был очень медлителен. Весна стояла очень холодная – 8-9-10 числа мая выпало снегу на четверть аршина,– и был сильный мороз; 10-го июня был холод и сильный снежный дождь; хлеба озимые по случаю холода очень оказываются плохими.

Священник Василий Полиевктов. Дьячек Иван Пахолков.

В означенном году рожь была плоха, а яровые хлебы порядочны.

(л. 5) В этом же году пожертвовано напрестольное Евангелие, стоящее 40 рублей,– крупной печати в лист с отделкою медною, обложенное алым бархатом,– отставным рядовым солдатом Максимом Ивановым Кобосовым.

Настоятель, священник Василий Полиевктов. Псаломщик, дьячек Иван Пахолков. Свидетельствовал благочинный, священник Фавст Яблонский.

1877 года. Марта 31-го дня в погосте у дьячка Ивана Пахолкова сгорел дом со всей постройкой,– убытку в пожаре понесено на 150 рублей.

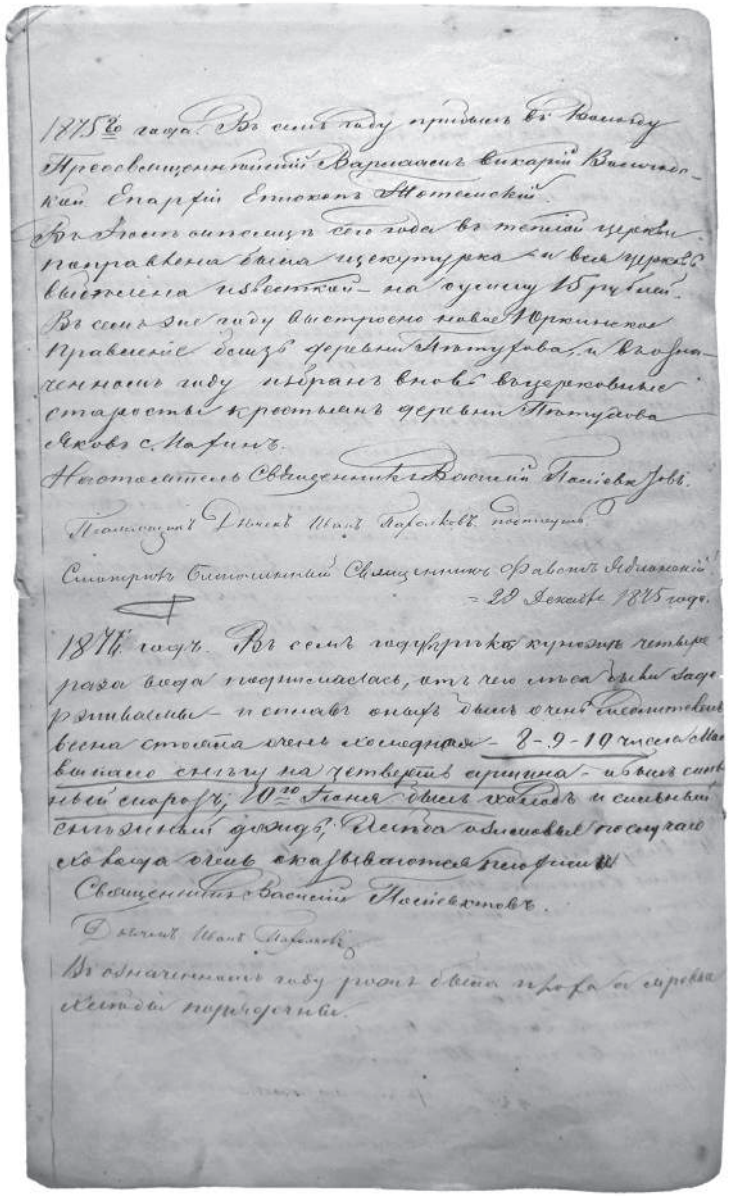
12-го мая объявлен Высочайший Манифест, в котором объявила Россия войну с Турцией в защиту жителей Балканского полуострова.

28 и 29-го июня была грозная туча с сильным ветром и градом,– много повредило на домах крыш,– равно и на других постройках; также повредило хлеба яровые и ржаные градом.

Крестьяне в нынешнюю навигацию весеннюю по случаю маловодия много понесли убытка от продажи лесов на сплав в город Макарьев. Настоятель, священник Василий Полиевктов. Псаломщик, дьячек Иван Пахолков. Благочинный, священник Фавст Яблонский.

(л. 5 об.) 1878 года 25 июля. В настоящий день с 4 часов утра прибыл к месту служения в настоящий Новокуножский приход священник Василий Царевский, из кончивших курс семинарии, состоящий учителем Кубенской церковной школы Вологодского уезда.

Августа 1-го дня. В час пополудни разразилась над приходом грозная туча с потрясающим громом, молниею и градом величиною с воробьиное яйцо. Грозовое явление было непродолжительно,

Летопись (продолжение) Троицкой Новокуножской церкви Тотемского у. за 1875 и 1876 гг.

зато в ливень пострадали посевы ржаные и яровые, которые, по словам местных жителей, даже старожилов, не подвергались в продолжение многих и многих лет.

Сентября 15 дня произведен расчет местным крестьянам за крашение церковной крыши в количестве 35 руб.

В сем месяце состоял подряд членом попечительства по устройству священнического дома, в котором 275 руб. определено по соглашению с мастером выдать за работу. Предположено в сию осень срубить двор, что и было выполнено.

Хлеба озимовые и яровые были крайне неудовлетворительные. Причиной червобития <...> послужило событие 1 августа. Многие семейства с ранней осени принуждены содержаться купленным хлебом. Цена хлеба слишком велика: 1 пуд ржи 1 р. 10 к. и более.

Священник Василий Царевский. Псаломщик Иван Пахолков.

(л. 6) 1879 год. По ходатайству местного священника Тотемским земством в сем году открыто училище под названием церковно-приходская Юркинская школа. Преподавателем ея состоит местный священник. Тотемским земством ассигновано 70 руб. на содержание училища, из которой учителю назначено 60 руб., остальная часть на училищные расходы. Уроки начались с 9 января, учащихся были до 15 местных.

Мая 9-го дня в деревне Свертневе сгорело 10 домов. Несчастье случилось от неосторожности. Убытку понесено до 1000 рублей. Уцелел от пожара домашний скот.

Августа 6-го доверенным лицом г. Обтяжнова Максимом Ивановым Кобосовым пожертвован в приходскую церковь следующие вещи: семисвечник в 110 руб., два подсвечника в 13 руб., крестильный ящик в 3 руб., цветной ковер в 6 руб. и сосуд для поминовения в 8 руб., все на сумму 140 руб.

К 1 декабря окончательно построен дом для священника. Освящение дома по чиноположению совершено 6-го декабря месяца.

К сей церковной летописи подписуюсь священник Василий Царевский. Псаломщик Иван Пахолков.

(л. 6 об.) 1880 года. Март. В сем месяце пожертвован Кологривской мещанкой г. Невзорихой посеребряный венчик на икону Казанской Божией Матери в правом приделе теплого храма находящейся, самая же икона по воле ея помещена в деревянный футляр за стеклом, всего на сумму 8 руб.

19-го июня в 6-ть часов вечера разразилась потрясающая погода с громом и с сильным ветром при крупном дожде. В один из

громовых ударов залетела молния в квартиру священника, повредила часть косяков у двух окон комнат и вылетела на улицу сквозь маленькое отверстие стены.

С 24 числа в сем месяце произведена работа, имеющая в крашении стен холодного храма местными малярами на сумму 17 руб.

Июль 4. В полдень сего числа посетил местный храм Преосвященнейший Феодосий, епископ Вологодский и Устюжский. Прихожане никогда не видели в своей местности архипастырей, в значительном количестве собрались в церковь, в которой и были благословлены владыкой. Упомянутый архипастырь посетил и дом местного священника.

Третьего числа пожертвован в приходскую церковь временно проживающим доверенным г. Обтяжнова Максимом Кобосовым серебряное кадило и серебряные ковшичек и тарелочка для подлития теплоты на сумму 60 руб.

30 и 31-го чисел были сильные грозовые явления в дер. Петухове и частию в высеянных полях церковнослужителей, повредило яровые и озимовые поля все, впрочем, вред посевам нанесен незначительный.

(л. 7) Октября 8-го три раза ударял гром, от сильного ветра повредило дома четырех крестьян, часть соломенных крыш.

30 ноября солдат Гуриан Рыжев, дер. Свертнева отправился с книгой, выданной из духовной консистории. 31-го ноября для сбора пожертвований в пользу <...> строительства каменной ограды сроком на полгода. В сем годе приготовляется на устройство чего кирпич в количестве 75 тысяч.

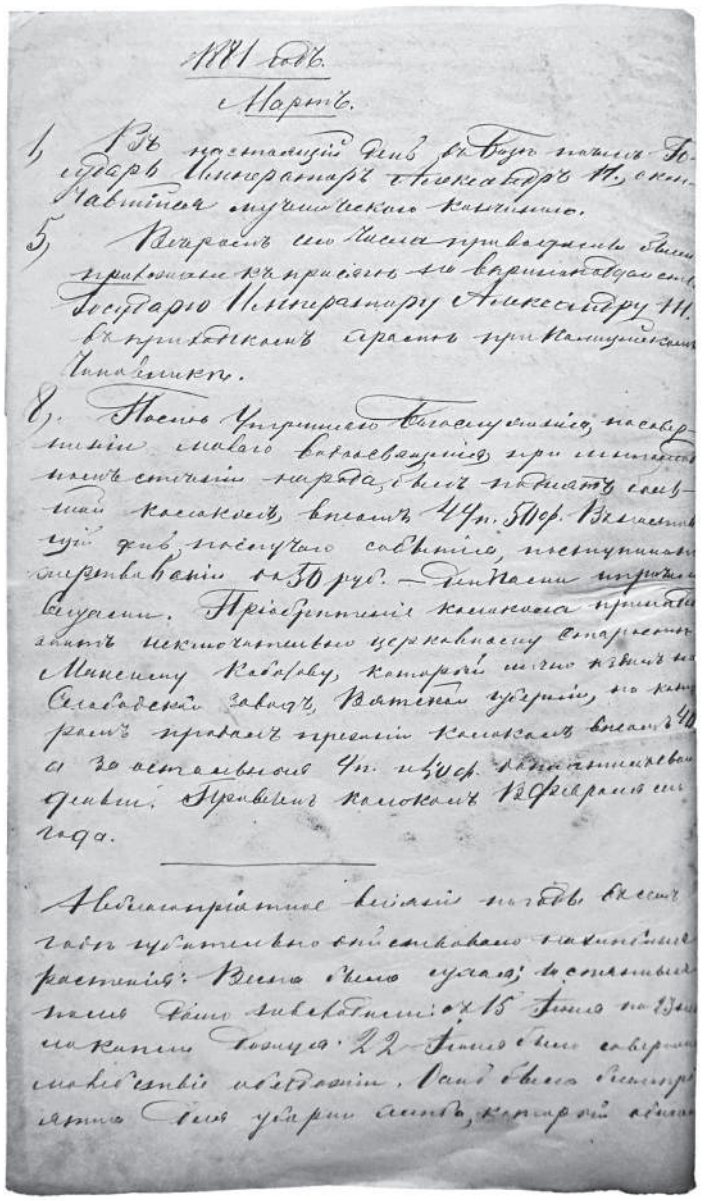
Зима застигла слишком рано; с первых чисел октября ездили на зимних подводах. Число учащихся в Юркинско-Троицкой школе было 15 мальчиков.

7 декабря пожертвован в приходскую церковь М. И. Кобосовым медная отбеленная для водоосвящения чаша на сумму 10 руб.; того ж числа пожертвовано два воздуха и покрой на сосуды Тотемской мещанкой Анной Кумовой.

К сей церковной летописи приходской священник Василий Царевский подписуюсь. Псаломщик Иван Пахолков подписуюсь. Читал благочинный, священник Фавст Яблонский.

(л. 7 об.) 1881 год. Марта 1. В настоящий день в бозе почил государь император Александр II, скончавшийся мученической кончиною.

Марта 5. Вечером сего числа приведены были прихожане к присяге на верноподданство государю императору Александру III в приходском храме при полицейском чиновнике.

Лист (окончание) из летописи Троицкой Новокуножской церкви Тотемского у. за 1881 г.

Марта 8. После утреннего богослужения по совершении малого водоосвящения при многолюдном стечении народа, был поднят большой колокол весом 44 п. 50 ф. В настоящий день по случаю события поступило пожертвований на 50 руб. – деньгами и прочими вещами. Приобретение колокола принадлежит исключительно церковному старосте Максиму Кобосову, который лично ездил на Слободской завод Вятской губернии, на котором продал прежний колокол весом 40 п., а за остальные 4 п. и 50 ф. доплатил свои деньги. Привезен колокол 13 февраля сего года.

Неблагоприятное влияние погоды в сем годе губительно действовало на хлебные растения. Весна была сухая; засеянные поля рожью не всходили: с 15 июня по 23 не было капли дождя. 22 июня было совершено молебствие о бездождии. Осень была благоприятна для уборки хлеба…

ГАВО. Ф. 1063. Оп. 1. Д. 1091. Л. 1–7 об.

Полоцкая Ольга Владимировна,
МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА СУЩЕСТВОВАНИЯ В ТОТЬМЕ ИЗРАЗЦОВОГО ПРОИЗВОДСТВА

В XVI–XVII веках изразцовое производство в России было строго централизовано. Моду на изразцы диктовала Москва, а их изготовление регламентировалось Приказом строительных дел. В XVII столетии в ряде русских городов стали возникать свои собственные очаги изразцового производства. Наиболее крупные центры ценинного дела – это Ярославль, Великий Устюг, Псков, Смоленск, Владимир и ряд других городов. В этот период времени в них активно велось каменное строительство, изготовлялось много кирпича, а также изразцы[208]. Даже самые маленькие мастерские, где их производили, именовались не иначе как «заводами».

В Великом Устюге изразцовое убранство можно увидеть на фасадах Вознесенской церкви, в Троице-Гледенском монастыре и ряде других архитектурных сооружений. Большое влияние на церковное строительство в Устюге оказывал архиепископ Великоустюжский и Тотемский Александр (1685-1689 гг.), который стремился украсить городские храмы на манер столичных. Часть своей жизни он провёл в Москве, был знаком с убранством Московских храмов. Выступая как заказчик строительства местных церквей, архиепископ ориентировался на увиденное им в столице, поэтому схожесть устюжских и московских изразцов не удивительна[209].

В Тотьме каменное строительство развернулось достаточно поздно по сравнению с вышеперечисленными городами – во второй половине XVIII столетия. Но архитектурным изразцам места на фасадах тотемских церквей не нашлось. Вместо них мастера украсили церкви картушами.

О существовании изразцового производства в Тотьме не выявлено на данный момент ни одного письменного источника, хотя известно, что производство кирпича велось ещё в XVI столетии, о чём упоминается в духовной грамоте Феодосия Тотемского (1568)[210].

В 1798 году Спасо-Суморин монастырь выкупил кирпичный завод для нужд внутреннего строительства. Часть кирпичей была продана городу для завершения работ по возведению колокольни Сретенской церкви[211]. Производились ли там изразцы – не ясно, но всё же в расходных книгах монастыря упоминается о том, что в Вознесенском соборе имелась печь, украшенная синей плиткой, то есть, вполне возможно, что это были так называемые голландские изразцы.

Единственным достоверным источником о существовании в Тотьме в XVIII веке изразцового производства являются археологически находки, сделанные в 1918–1925 гг. сотрудником Тотемского музея Е. И. Праведниковым в местности «Крестовка». Праведников занимал должность заведующего историко-археологическим отделом и исследовал берега Сухоны в поисках памятников древности. Праведниковым были открыты стоянки эпохи неолита – раннего металла: Черняковская, Крестовская, Боровская, проводились археологические разведки по берегам реки Старая Тотьмы[212].

---

[208] Лисенкова Ю. Ю. Роль заказчика в истории устюжского изразца XVII века. // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА.– № 4–2.– М.: МГХПА им. С. Г. Строганова, 2011. С. 128.

[209] Лисенкова Ю. Ю. Роль заказчика в истории устюжского изразца XVII века. // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА.– № 4–2.– М.: МГХПА им. С. Г. Строганова, 2011. С. 131–133.

[210] Полоцкая О. В., Черкасова М. С. Духовное завещание пр. Феодосия (Суморина) 1567 г. // Вестник церковной истории.– М.: Православная энциклопедия, 2016. С. 118.

[211] Государственный архив Вологодской области (далее ГАВО). Ф. 526. Оп. 1. Д. 7. Л. 4.

[212] Иванищева М. В., Спирина Д. В. Археологические памятники Тотемского района // Тотьма. Краеведческий альманах.– Вып. II.– Вологда: ВГПУ, Русь, 1997. С. 22–24.

В 1918 году, примерно в четырёх километрах от Тотьмы, напротив Еденьгских островов, на левом берегу Сухоны, Праведниковым были найдены обломки рельфных изразцов, лежавших на песке. Нужно заметить, что по образованию Евгений Иванович был художником, поэтому неудивительно, что находка заинтересовала его. Он датировал находки первой половиной XVIII столетия, обратив внимание на барочный орнамент на поверхности фрагмента[213].

Берег, где была сделана находка, был усыпан кирпичной щебёнкой. При осмотре береговой осыпи Праведников также обнаружил остатки трёх печей. По его свидетельству, от них остались только задние стенки, поэтому определить их точные размеры и форму было невозможно. Также сотрудник Тотемского музея отметил, что печи были довольно примитивного устройства, так называемые чёрные[214].

Рядом с одной из печей были найдены обломки бракованных изразцов, а также две мусорные ямы. В 1921 году было принято решение провести небольшие археологические раскопки на данной территории в связи с тем, что на этом месте должны были построить дорогу. Вместе с Праведниковым в работах участвовал директор Тотемского музея Н. А. Черницын, учитель А. Р. Бурачек, а также студентка Московского университета М. А. Арсакова, впоследствии ставшая профессиональным археологом[215]. В ходе раскопок было обнаружено несколько десятков фрагментов изразцов, а также составляющие для глазури: остатки слюды, кобальта, белый полевой шпат. По предположению археологов – это далеко не главная часть завода, а, как выразился Праведников, его «задворки»[216].

Е. И. Праведников начал документальные поиски следов существования Тотемского изразцового завода в источниках и литературе, опрашивал местных жителей, но безуспешно. Единственное, что удалось сделать – это сравнить найденные обломки с изразцами в домах жителей Тотьмы. Похожие изразцы были выявлены в домах священника Григорова и мещанина Логинова[217]. В настоящее время дома не сохранились, но печные изразцы были переданы в музей. Ближе к находкам Праведникова два фрагмента изразцов из дома Григорова по улице Садовой.

[213] Праведников Е. И. Тотемское ценинное дело. 1921 год. Рукопись. (Научный архив Тотемского музейного объединения № 33.). Л. 1.
[214] Там же.
[215] Там же. Л. 1. об.
[216] Там же. Л. 3.
[217] Там же. Л. 2.

Изразцы Тотемского производства выполнены из красной глины – самого распространённого материала для их изготовления. Среди обнаруженных фрагментов большая часть без поливы. Найдены и раскрашенные фрагменты: светло-голубой, с остатками зелёной, белой краски. Один обломок четырёхцветный: синего, жёлтого, коричневого, белого, зелёного цветов (ТМО-8785). В 1925 году от Е. И. Праведникова в музей поступил фрагмент глазурированного изразца с рельфеным растительным орнаментом синего цвета на белом фоне (ТМО-8746). Подобный был найден в 2010 году под склоном, на котором возвышается бывший Богоявленский собор. В настоящее время фрагмент находится в частном собрании.

Клейма на изразцах отсутствуют. На крупных фрагментах имеются коробчатые высокие румпы с круглыми крепёжными отверстиями. По виду и форме – это фрагменты плоских, карнизных, цокольных, угловых изразцов, круглых, полуколонок.

Орнамент на изразцах представлял собой арабеску. Плитка обильно украшалась растительным орнаментом: розетками цветов, лилиями, тюльпанами, ветвями растений, гроздями винограда, изображениями пальмового листа (пальметта). На изразец наносились изображения вазонов, раковин, кнольперверков, столь популярные в эпоху барокко. Всё это обрамлялось фигурной рамкой.

Схожие по декору целые изразцы, а не фрагменты, имеются и в фондах Тотемского музейного объединения, в коллекции «Керамика. Стекло». В настоящее время они находятся в экспозиции музея «Открытое хранение фондов». Это поливные изразцы с высокой коробчатой трапецевидной

формы румпой. Раскрашены они четырьмя цветами: доминирующим тёмно-зелёным (или муравчатым), белым, коричневым, жёлтым и синим. В музейной книге поступлений указано, что данные изразцы поступили в Тотемский музей из кладовой Рождественской церкви (ТМО-8786/1-28).

Данный храм строился в два этапа. Тёплая, то есть отапливаемая, церковь была возведена 1745 и 1755 гг., а холодная надстроена и освящена к 1793 году[218]. То есть можно предположить, что изразцы из кладовой были изготовлены для облицовки печей тёплого нижнего храма в первой половине XVIII столетия.

Подобные керамические изделия производились в 30–40-е годы в Великом Устюге[219]. Безусловно, между Тотьмой и Устюгом существовали тесные экономические и культурные связи, что обуславливалось и местоположением городов, связанных главной водной артерией края – Сухоной. Без изучения письменных источников трудно сказать, принимали ли участие в создании и работе Тотемского керамического завода мастера из Устюга, хотя, некоторые исследователи пишут о том, что устюжские строители принимали участие в возведении Тотемских храмов. Вероятно и то, что в Тотьме, Устюге, Сольвычегодске и ряде других северных городов имела распространение единая архитектурная школа, мастера которой занимались также и изготовлением изразцов.

Скорее всего, печи в Рождественском храме неоднократно переделывались в ходе перестроек храма, а изразцы были сняты. Непосредственно из самой Рождественской церкви, а не из её кладовой, поступили керамические изделия другого типа – плоскостные, белого цвета, с растительным орнаментом.

[218] Григоров Д. С. Тотьма и её окрестности. // Тотьма. Историко-литературный альманах. Вып. I.– Вологда: Русь, ВГПИ, 1995. С. 160.

[219] Великоустюгский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник: альбом-путеводитель по коллекциям народного и декоративно-прикладного искусства.– М.: Три квадрата, 2013. С. 14–31.

Помимо культовых сооружений, в Тотьме в XVIII веке строились и каменные гражданские постройки, хотя их было не так много. В частности, дом купцов Пановых. Точная дата строительства не известна. Однако барочные орнаменты на фасаде здания опять же указывают на середину XVIII столетия. Несомненный интерес представляет фигурная изразцовая полуколонна с изображением женского лица, покрытая зелёной, белой и синей глазурью, найденная на чердаке здания в 1924 году (ТМО-8790). В связи с этим можно выдвинуть гипотезу о том, что для облицовки печей в доме использовались изделия Тотемского керамического завода.

Из всего вышесказанного можно сделать следующие выводы. Изразовый завод в Тотьме существовал, начиная с первой четверти XVIII века. Необходимость в нём появилась в связи с активным каменным строительством в городе. Всего за XVIII столетие в городе было возведено десять каменных храмов, а также ряд частных домов.

Археологические работы Е. И. Праведникова на месте существования Тотемского керамического завода не являлись полноценными археологическими раскопками, скорее, их можно назвать разведкой. Тем не менее, собранный им и его единомышленниками материал даёт повод к более серьёзному изучению ценинного дела в Тотемском крае, а также поискам соответствующего архивного материала по данному вопросу.

Гладких Сергей Александрович,
Котласский филиал Государственного университета морского и речного флота имени адмирала С. О. Макарова, г. Котлас, Архангельская область

ТОТЕМСКИЕ МОРЯКИ – УЧАСТНИКИ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904–1905 гг.

Тотьмичи давно, справедливо и с заслуженной гордостью говорят о том, что Тотьма – «город мореходов». Связано это в первую очередь с промыслово-исследовательскими экспедициями местных купцов на Тихом океане в XVIII веке. Однако среди жителей Тотьмы и Тотемского уезда было немало и «мореходов поневоле» – новобранцев, призванных на службу в российский военно-морской флот. Число таковых существенно возросло в период стремительного роста отечественного флота на рубеже XIX–XX веков. Именно этим людям довелось принять участие в самой «морской» войне из всех, которые когда-либо вела Россия – русско-японской войне 1904–1905 гг.

Русско-японская война, вызванная великодержавными амбициями сторон и пересечением их колониальных притязаний в Китае и Корее, в силу трагического для России исхода этого конфликта не пользуется популярностью в массовом сознании россиян. Поэтому тема участия тотьмичей в войне 1904–1905 гг. также долгое время оставалась «за бортом» интересов местных краеведов и историков. Однако это не даёт никакого морального права забывать имена героев-земляков, честно сражавшихся и погибавших на заре XX столетия. В данном исследовании термин «тотьмичи» будет применяться в широком смысле, объединяя не только жителей города Тотьмы, но и обширной территории существовавшего в те времена Тотемского уезда Вологодской губернии.

Проведённый автором архивный поиск позволяет в настоящий момент говорить о 69 тотьмичах – участниках русско-японской войны на море. Правда, эту цифру можно оспорить, ибо в отношении двух моряков существует определённый историко-географический казус: Н. С. Дудин в 1903 г. перестал быть жителем Тотемского уезда, поскольку его родную Великовскую волость перевели в состав Солигаличского уезда Костромской губернии[220]; а И. С. Денежкин ещё в младенчестве переехал вместе с родителями из родной Вожбальской волости в Верхне-Ёнтальскую волость Никольского уезда Вологодской губернии[221]. В решении данной проблемы автор использовал формальный подход: поскольку в документах военных лет Н. С. Дудин числится уроженцем Тотемского уезда, а И. С. Денежкин – Никольского, то первый в статистических подсчётах учитывался, а второй – нет.

Роль флота в русско-японской войне определялась тем, что одно из воюющих государств было островным, поэтому гарантию победы обеспечивало лишь достижение господства на море, позволявшее перенести боевые действия на территорию противника. Поскольку японский флот на Тихом океане был сильнее русского, Япония смогла сначала блокировать, а затем и уничтожить основные силы 1-й Тихоокеанской эскадры в Порт-Артуре, нанести поражение действовавшему отдельно Владивостокскому отряду крейсеров, а затем разгромить запоздало пришедшую с Балтики 2-ю Тихоокеанскую эскадру в Цусимском сражении. Все эти события теснейшим образом связаны с биографиями тотемских моряков.

Простейший статистический подсчёт показывает, что тотьмичи служили на 27-ми кораблях: 38 человек – на 15-ти кораблях 1-й эскадры и 24 человека – на 12-ти кораблях 2-й эскадры. Точное место службы семерых пока не установлено. Дважды зафиксирован переход моряков из экипажа одного корабля в команду другого: квартирмейстер М. А. Тимофеевский переведён с броненосца «Пересвет» на крейсер «Паллада», а минёр В. Н. Шишкин – с крейсера «Аврора» на буксирное судно «Русь». Больше всего тотьмичей числилось на броненосном крейсере «Громобой» – 13 человек. 31 моряк защищал Порт-Артур, 14 сражались на крейсерах Владивостокского отряда, 24 – при Цусиме. Погибли и умерли от ран 32, ранено 9, контужен 1, взято в плен 24 (в том числе четверо раненых). Таким образом, суммарно боевые потери среди моряков-тотьмичей составили 88%, из них 46% – потери безвозвратные.

Перечисленные моряки являются выходцами из 16-ти волостей Тотемского уезда и уездного города Тотьмы. К сожалению, точное место жительства 19-ти тотьмичей не выяснено, что не позволяет установить лидирующий «морской» регион уезда (исходя

[220] Государственный архив Вологодской области. Путеводитель.– Вологда: СЗКИ, 1970. С. 371.

[221] Гладких С. А. Забытые герои: История русско-японской войны 1904–1905 гг. в биографиях, дневниках и воспоминаниях военных моряков.– СПб.: Морское наследие, 2013. С. 9.

из имеющихся цифр, предварительно таковым можно считать Спасскую волость – 11 моряков). Тотьмичами представлены почти все основные военно-морские специальности: от марсовых до трюмных, от гальванёра до кока. Количественно преобладают строевые матросы, затем в порядке убывания следуют кочегары, машинисты, артиллеристы, минёры... Обращает внимание значительное число представителей достаточно редкой флотской профессии водолаза – таковых из Тотемского уезда было четверо. 12 тотьмичей дослужились до унтер-офицерских званий, выше всех в корабельной иерархии удалось подняться боцманматам И. М. Лесукову и Е. В. Неклюдову. Дослужиться до офицерских чинов в те годы выходцам из крестьян было крайне сложно, и среди моряков-тотьмичей таких случаев не отмечено.

О проявленном в ходе войны героизме тотьмичей ярко свидетельствуют их боевые награды. Самой ценной наградой тех лет для рядового состава являлся подразделявшийся на четыре степени Знак отличия Военного ордена, более известный как Георгиевский крест. В ходе русско-японской войны Георгиевскими кавалерами стали 24 моряка-тотьмича (35%), из них шестеро получили третью и четвёртую степени этого знака отличия. Двое тотьмичей (А. П. Голубцов и И. П. Панкратов) числятся кавалерами только III степени, что означает либо ошибку в порядке награждения, либо утрату сведений о их предшествующем награждении знаками IV степени. Степан Каплин и Гавриил Романов ошибочно получили по два креста IV степени за один и тот же подвиг. Поскольку посмертно в те времена не награждали, можно предположить, что многие из погибших тотьмичей также были достойны высоких наград.

Сохранившиеся наградные формулировки в большинстве случаев малоинформативны, но иногда позволяют выявить обстоятельства совершённых тотьмичами подвигов по датам, фиксирующим момент их боевого отличия. Так, служившие на минном заградителе «Амур» П. Ф. Ежов и С. П. Каплин получили Георгиевские кресты за минную постановку под Порт-Артуром 1 мая 1904 г.[222], ставшую самой успешной минно-заградительной операцией в истории русского флота. На следующий день на выставленных «Амуром» минах погибли два японских броненосца –

[222] Российский государственный архив военно-морского флота (далее – РГАВМФ). Ф. 452. Оп. 1. Д. 21. Л. 111 об., 127 об., 133. Все даты в тексте даны по Юлианскому календарю (старому стилю).

«Хатсусе» и «Ясима», до сих пор остающиеся крупнейшими боевыми судами, уничтоженными военно-морскими силами России.

Кочегарный квартирмейстер крейсера «Громобой» И. А. Соболев был награждён во Владивостоке лично Командующим флотом в Тихом океане вице-адмиралом Н. И. Скрыдловым 20 июля 1904 г.[223] – на следующий день после возвращения Владивостокского отряда крейсеров из океанского боевого похода, в котором «Громобой» израсходовал почти всё топливо, но стараниями кочегаров всё же «дотянул» до родного порта[224]. Боцманмат Е. В. Неклюдов получил два Георгиевских креста с промежутком в месяц – 17 сентября и 17 октября 1904 г., за участие в отражении японских штурмов на береговых позициях Порт-Артура.

Матрос крейсера «Паллада» П. И. Выдрин удостоился Знаков отличия Военного ордена IV и III степени за подвиги, совершённые в Порт-Артуре в течение одного дня – 18 декабря 1904 г. Сходная ситуация сложилась с водолазом крейсера «Баян» П. Л. Паневым: Георгиевский крест IV степени получен им за отличие, оказанное 18 декабря, а III степени – за 19 декабря[225]. Впрочем, именно на эти даты, непосредственно предшествующие капитуляции Порт-Артура, приходится массовое награждение моряков 1-й Тихоокеанской эскадры – фактически по совокупности боевых заслуг, проявленных при обороне крепости.

Вне зависимости от полученных наград необходимо рассмотреть участие тотьмичей и в коллективных подвигах экипажей русских кораблей. Но прежде следует вспомнить тех, кто попросту не успел совершить свой подвиг, став жертвой трагических обстоятельств военного времени. Первые погибшие в русско-японской войне тотьмичи положили жизнь в ходе минной войны. Так, уже на третий день войны, 29 января 1904 г., минный заградитель «Енисей» вследствие опасного маневрирования подорвался на собственной мине и пошёл ко дну[226]. С кораблём погибли 95 человек, в том числе машинист 1-й статьи А. Я. Монзиков из Кожуховской волости[227]. Среди спасшихся оказался другой машинист из числа

[223] РГАВМФ. Ф. 524. Оп. 1. Д. 97. Л. 71 об.

[224] Егорьев В. Е. Операции владивостокских крейсеров в русско-японскую войну 1904–1905 гг.– М.: ООО «Военная книга», 2006. С. 109.

[225] Знак отличия Военного ордена Святого Георгия: Списки пожалованным за русско-японскую войну 1904–1905 гг.– М.: [Б.и.], 2006. С. 152, 192, 1165, 1479.

[226] Крестьянинов В. Я. Морская минная война у Порт-Артура: Минные и противоминные действия русского флота при обороне Порт-Артура в 1904 г.– СПб.: Издатель М. А. Леонов, 2006. С. 12.

[227] РГАВМФ. Ф. 452. Оп. 1. Д. 20. Л. 21 об.– 22.

тотемских моряков – Е. Н. Марков, в дальнейшем раненый и плен-ённый при обороне Порт-Артура.

31 марта 1904 г. близ Порт-Артура подорвался на японской мине эскадренный броненосец «Петропавловск». Взрыв мины вы-звал детонацию погребов боезапаса, а хлынувшая внутрь корпуса вода привела к взрыву паровых котлов. В результате огромный корабль затонул менее, чем за две минуты. Вместе с броненосцем погибли 650 человек, в том числе Командующий флотом в Тихом океане вице-адмирал С. О. Макаров и знаменитый художник-бата-лист В. В. Верещагин[228]. Из пяти служивших на «Петропавловске» тотьмичей погибли четверо. Уцелеть довелось лишь одному – кон-туженному при взрыве кочегарному квартирмейстеру 2-й статьи П. М. Романову[229].

Посетивший спасённых с «Петропавловска» военный корре-спондент газеты «Русский инвалид» Агафонов сообщал: «Матрос Романов (Вологодской губернии) рассказал, что, когда его сбро-сило [взрывом с корабля], то ему удалось ухватиться за ящик с сигнальными флагами, с которым он отлично держался на воде... Увидав выбивавшегося из сил и захлёстываемого волной лейте-нанта Унковского, Романов сунул ему весло, но лейтенант не брал или не мог взять его, тогда он подсунул весло ему под ноги. Таким образом, лейтенант Унковский своим спасением много обязан это-му молодцу»[230]. К этому можно добавить рассказ самого В. Д. Ун-ковского: «У меня было что-то под ногами, кажется, весло, весло же было и под головой. Недалеко плавал квартирмейстер и пред-лагал за что-то ухватиться. Я отказывался»[231]. Следует вспомнить и о том, что большинство уцелевших моряков «Петропавловска» спас оказавшийся ближе всех к месту катастрофы минный крейсер «Гайдамак»[232], в экипаже которого числился тотьмич В. П. Дмитри-евский.

На первый взгляд, нет ничего геройского в обстоятельствах гибели квартирмейстера А. П. Косарева, которого смыло волной за борт на транспорте № 5 во время шторма. Однако за этой скупой

[228] Подробно см.: Гладких С. А. Роковая «восьмёрка» вице-адмирала С. О. Мака-рова // Гангут. Вып. 44. 2007. С. 21–33.

[229] РГАВМФ. Ф. 452. Оп. 1. Д. 403. Л. 150–150 об.

[230] Иллюстрированная летопись русско-японской войны. Вып. 3. СПб.: Издание редакции «Нового журнала иностранной литературы», 1904. С. 111.

[231] Там же. С. 108.

[232] Мельников Р. М. Минные крейсера России. 1886–1917 гг. СПб.: Издатель М. А. Леонов, 2005. С. 99.

информацией скрываются обстоятельства крайне рискованной операции. Транспорт № 5 был тайно приобретён во время войны в Шанхае и под командой лейтенанта А. М. Веселаго пытался до-ставить продовольствие и вооружение из Владивостока в блоки-рованный с суши и моря Порт-Артур[233]. Однако неоднократные попытки пробиться в крепость, пользуясь ночной темнотой и ненастной погодой, не удались. Пытаясь помочь своим боевым товарищам и сложил свою голову Георгиевский кавалер А. П. Коса-рев. Остальные погибшие тотьмичи пали непосредственно в боях с врагом.

Моряки, служившие в Порт-Артуре на крупных кораблях, ред-ко выходили в море, тогда как члены экипажей малых кораблей несли изматывающую повседневную службу по охране водного района крепости[234]. Старший комендор В. Н. Красильников из села Шуйского служил на самом быстроходном корабле русского флота – эскадренном миноносце «Лейтенант Бураков», дважды прорывавшем блокаду Порт-Артура с секретными донесениями[235]. Однако основная тяжесть борьбы за Порт-Артур постепенно пере-мещалась с моря на сушу.

После неудачной попытки прорыва русской эскадры из Порт-Артура 28 июля 1904 г. многие моряки в составе морского десанта сошли на берег и участвовали в сухопутной обороне крепости. Ма-трос крейсера «Паллада» П. И. Выдрин был ранен при отражении первого штурма Порт-Артура 9 августа 1904 г.[236] Старший санитар эскадренного броненосца «Полтава» Гавриил Романов удостоился Георгиевского креста IV степени «за выдающуюся храбрость во время штурма Высокой горы». Отстаивая этот ключевой пункт обороны крепости, 18 ноября 1904 г. моряк получил 35 осколочных ранений при разрыве японского снаряда и скончался в госпитале уже после капитуляции Порт-Артура, 5 января 1905 г.[237] Уцелев-шие моряки отправились в плен на японские острова до конца войны.

[233] Владивостокский отряд крейсеров 1904–1905 гг. (Биографический справоч-ник и статьи).– Владивосток: Русский Остров, 2012. С. 36, 167.

[234] Подробно см.: Порт-Артур: Действия флота в 1904 году. СПб.: «АНТТ-Принт», 2003. 144 с.

[235] Афонин Н. Н. Эскадренный миноносец «Лейтенант Бураков» // Гангут. 2008. Вып. 50. С. 13–16.

[236] РГАВМФ. Ф. 452. Оп. 1. Д. 9. Л. 10.

[237] Знак отличия Военного ордена Святого Георгия: Списки пожалованным за русско-японскую войну 1904–1905 гг. М.: [Б.и.], 2006. С. 1104; РГАВМФ. Циркуляр Главного морского штаба № 532 от 07.11.1905 г.

Владивостокский отряд крейсеров активно действовал на коммуникациях противника, перехватывая и уничтожая суда с военными грузами. Долгое время ему удавалось уходить от «охотившейся» за ним японской эскадры, но 1 августа 1904 г. отряд был отрезан от Владивостока и атакован превосходящими силами. Бой продолжался пять часов, являясь на тот момент времени самым длительным вооружённым столкновением паровых кораблей. В результате был потоплен крейсер «Рюрик», а крейсера «Россия» и «Громобой» смогли прорваться во Владивосток. Из тотьмичей, участвовавших в этом бою, погиб один – комендор «России» М. Ф. Ломанов, пятеро были ранены, несколько человек получили Знаки отличия Военного ордена. Один из героев «Громобоя», уроженец деревни Марачевской Спасской волости А. П. Угрюмов, был удостоен Георгиевского креста IV степени лично Главнокомандующим, адмиралом Е. И. Алексеевым при посещении раненых участников боя 1 августа в госпитале Владивостока[238].

Среди тотьмичей, служивших на 2-й Тихоокеанской эскадре, числились не только призывники довоенных лет, но и мобилизованные согласно императорскому указу о пополнении личного состава флота от 22 марта 1904 г.[239] Эскадра погибла в завершившем войну на море Цусимском сражении[240], которое стало роковым и для двадцати тотьмичей. Самая тяжёлая участь ожидала служивших на флагманском русском броненосце «Князь Суворов», в течение боя не раз попадавшему под сосредоточенный огонь противника. Корабль был настолько изуродован и неузнаваем, что после его выхода из строя эскадры по нему временами открывали огонь даже русские корабли. Под огнём двух флотов броненосец продержался до вечера, когда был торпедирован и затонул. «Суворова» до последнего пыталась защищать из своих малокалиберных орудий плавмастерская «Камчатка», потопленная почти одновременно с броненосцем. Двое тотьмичей, числившихся в экипаже «Камчатки», были подобраны с воды японцами и попали в плен[241]; а на «Князе Суворове», с которого спаслись единицы, погибли шестеро моряков-тотьмичей.

Столько же ушли на дно вместе с эскадренным броненосцем «Бородино», потопленным одним из последних выстрелов противника на исходе боя 14 мая. Трое тотьмичей погибли на затонувшем получасом ранее однотипном броненосце «Император Александр III». Этот корабль был укомплектован матросами Гвардейского флотского экипажа – людьми высокого роста и богатырского телосложения, что позволяет отчасти представить и внешний облик служивших на нём тотьмичей. Из гвардейцев частично состоял и экипаж броненосного крейсера «Адмирал Нахимов». Среди них числился комендор А. И. Мальцев – выходец из деревни Сергиевская слободка Бережнослободской волости[242]. Сохранилось описание его гибели, сделанное сослуживцем по крейсеру Михаилом Мишуровым: «Около четырёх часов... неприятельский снаряд попал в правый борт около третьего орудия. Разорвавшись, он сделал большую пробоину и убил... Мальцева, вырвав ему живот»[243]. «Адмирал Нахимов» затонул от полученных повреждений на рассвете 15 мая.

Смерть в морском бою редко бывает красивой. Об этом свидетельствует и описание гибели при Цусиме другого тотьмича, кочегара военного транспорта «Иртыш» Павла Выдрина, оставленное известным флотским мемуаристом, а тогда мичманом «Иртыша» Г. К. Графом: «снаряд крупного калибра попал в спардек, разорвался, сделал огромную дыру в палубе, и его осколками оторвало ноги у кочегара, который только что вылез полюбоваться, что происходит наверху. От боли он начал пронзительно кричать, что угнетающе подействовало на всех... Сейчас же подбежали санитары с носилками и унесли несчастного на перевязочный пункт». Однако чуть позже Г. К. Граф, описывая отравление машинистов и кочегаров транспорта парами разлившейся серной кислоты, пишет: «раненого кочегара не успели вынести, и он пролежал всё время на кочегарной площадке. Его нашли буквально почерневшим и тяжело и прерывисто дышащим. Быстро вынесли его на свежий воздух, но ничто ему уже не могло помочь, и он умер». Хотя фамилии Г. К. Граф не называет, но единственный кочегар «Иртыша», погибший в бою – это Павел Выдрин[244]. Поскольку цитируемые мемуары написаны спустя четверть века после описанных событий, точно восстановить обстоятельства гибели тотьмича, видимо, невозможно. В ночь на 15 мая 1905 г. вместе с другими погибшими на «Иртыше» моряками он был похоронен в Японском море.

---

[238] РГАВМФ. Ф. 524. Оп. 1. Д. 97. Л. 127; Д. 98. Л. 60 об.– 61.

[239] Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXIV. 1904. Отделение I. -СПб.: Государственная типография, 1907. С. 276.

[240] О событиях Цусимского сражения подробно см.: Крестьянинов В.Я. Цусимское сражение 14–15 мая 1905 г. СПб.: Остров, 2003. 272 с.

[241] РГАВМФ. Ф. 453. Оп. 1. Д. 100. Л. 162.

[242] Государственный архив Вологодской области (далее – ГАВО). Ф. 18. Оп. 1. Д. 5136. Л. 14; РГАВМФ. Ф. 452. Оп. 1. Д. 217. Л. 30.

[243] Крейсер «Адмирал Нахимов» в Цусимском сражении. Воспоминания членов экипажа // Гангут. Вып. 67. 2012. С. 48.

[244] Граф Г. К. Моряки. СПб.: Корабли и сражения, 1997. С. 170, 172, 223.

Буксирный пароход «Русь» в неразберихе боя 14 мая был протаранен военным транспортом «Анадырь» и пошёл ко дну. Экипаж удалось спасти. Уцелел и единственный тотемский моряк «Руси», минный квартирмейстер В. Н. Шишкин. Интересным положительным штрихом к его психологическому портрету является тот факт, что «за непитое им вино» (то есть отказ от положенной во флоте ежедневной «чарки») с 15 ноября 1904 г. по 14 мая 1905 г. он получил 10 руб. 74 коп.[245] Спасённые с «Руси» после боя были доставлены другим буксирным пароходом – «Свирь» – в Шанхай и тем самым избежали японского плена.

Ночью потерпевшая поражение русская эскадра распалась на отдельные отряды и корабли, и следующий день сражение продолжалось в форме ряда боёв на обширной акватории. В неравной схватке с двумя японскими крейсерами утром 15 мая погиб лёгкий крейсер «Светлана». Полностью израсходовав боезапас, корабль был затоплен экипажем. Уничтожившие «Светлану» крейсера не стали спасать русских моряков, и лишь несколько часов спустя уцелевших подобрал японский вспомогательный крейсер «Америка-Мару». В числе спасённых оказался и минный машинист «Светланы», уроженец Пятовской волости Н. Ф. Слезин.

Почти одновременно со «Светланой» вёл свой последний бой против двух вражеских кораблей эскадренный миноносец «Громкий». Когда закончились снаряды, экипаж тонущего миноносца продолжал вести огонь по приблизившемуся противнику из винтовок. Вместе с «Громким» погиб кочегар 1-й статьи П. В. Салинский из Шевденицкой волости. Ближе к вечеру японскими броненосными крейсерами был расстрелян с недосягаемого для русских орудий расстояния отказавшийся спустить флаг броненосец береговой обороны «Адмирал Ушаков». На «Ушакове» погиб кочегарный квартирмейстер Василий Зевакин из Чучковской волости. А последней жертвой русско-японской войны среди моряков-тотьмичей стал матрос 1-й статьи А. Ф. Лихачев из деревни Черняково Пятовской волости[246], погибший в завершившем Цусимское сражение геройском бою крейсера «Дмитрий Донской» с шестью крейсерами противника вечером 15 мая 1905 г. Для выживших же «цусимцев» и «порт-артурцев» война, по существу, закончилась лишь с возвращением на Родину из японского плена.

Представленные данные о моряках-тотьмичах не являются окончательными. Число участников войны на море, безусловно, было несколько больше. Известен ряд имён, в отношении которых пока нельзя сделать ясного вывода об их участии в боях. В связи с многочисленными ошибками и неточностями в служебных документах возможно внесение поправок и дополнений в биографии героев. Местные краеведы могут уточнить места рождения и проживания тотемских моряков, правильное написание и произношение их фамилий, послевоенные судьбы. Поисковую работу в этом направлении нельзя считать завершённой.

Хотя участие тотьмичей в русско-японской войне доныне остаётся «белым пятном» в исторической памяти их земляков, имена некоторых из упоминавшихся выше героев увековечены в камне и бронзе. Так, имя И. А. Денежкина помещено среди имён его сослуживцев на тыльной стороне знаменитого памятника миноносцу «Стерегущий» в Санкт-Петербурге. На здании бывшей школы в селе Верхняя Ёнтала Кичменгско-Городецкого района, где он учился, открыта мемориальная доска. В верхнем храме Николо-Богоявленского Морского собора Санкт-Петербурга на одной из мраморных досок с именами погибших моряков выбито имя А. И. Мальцева[247]. Но остальные герои войны из Тотемского уезда пока не удостоились заслуженной ими посмертной чести. Теперь, когда их имена наконец возвращаются из небытия, настало время задуматься об увековечении памяти моряков-тотьмичей и на родной земле.

Коренева Наталья Ивановна,
МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма

ПО ТУ СТОРОНУ ПРАВДЫ: ИЗ ИСТОРИИ СПЕЦПОСЕЛКОВ ТОТЕМСКОГО РАЙОНА (НА ОСНОВЕ СЕМЕЙНОГО АРХИВА ШАМУРИНЫХ – МАЛЫШЕВЫХ)

Города Русского Севера в карательной политике Российского и затем Советского государства – это уникальный исторический феномен. Особая роль северной территории именно в этом плане во

[245] Васильев Д. М. Немцы в Цусимском бою // Гангут. Вып. 42. 2007. С. 44.
[246] ГАВО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 5136. Л. 13, РГАВМФ. Ф. 452. Оп. 1. Д. 409. Л. 40.
[247] Гладких С. А. Моряки Вологодской губернии – участники русско-японской войны 1904–1905 гг.: К составлению региональной Книги Памяти // История и культура Российского Севера в исследовательском, образовательном и просветительском измерениях. Ч. 1.– Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2016. С. 98.

многом объясняется ее природно-географическим положением, а именно: обширной территорией, суровым климатом, малонаселенностью, бездорожьем, удаленностью от административно – политических центров страны. Город Тотьма Вологодской губернии в XIX–XX вв. стал местом ссылки для многих политических деятелей, ученых, писателей (идеолог народничества, ученый и философ П. Л. Лавров, народник Н. В. Шелгунов, исследователь – этнограф Г. Н. Потанин, А. В. Луначарский, В. М. Молотов, А. Аросев и другие). В годы Первой мировой войны под надзором полиции находились немецкие и австрийские военнопленные.

В 30-е гг. XX века Тотемский район вновь становится местом ссылки, но местом ссылки кулацкой и «наказанных народов». В январе 1930 года вышло Постановление ЦК ВКП(б) «О мерах по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». Согласно постановления, кулаков поделили на три группы. Первая – это организаторы и исполнители террористических актов. Они изолировались и подвергались наказанию: либо к высшей мере наказания, либо к заключению в исправительно-трудовые лагеря. Кулацкий актив, особенно из числа наиболее богатых, было намечено выслать в отдаленные районы Северного края, в Сибирь, на Дальний Восток. Третью категорию решено переселить в границах районов своего проживания, но за пределами колхозов.

В общепринятом смысле кулаком считался тот, кто использовал наёмный труд. В реальности в кулаки записывали и тех, кто имел две коровы, две лошади или добротный дом. Каждый район получал норму коллективизации и раскулачивания. Власти старались эту норму выполнять и перевыполнять. Зачастую в кулаки записывали середняков и даже просто неугодных по тем или иным причинам.

31 января 1930 года крайком ВКП(б) утвердил «План расселения кулачества в Северном крае». В нем без обиняков было сказано, что высланным «эксплуататорам трудового народа предстоит освоить «наименее обжитые районы» и «худшие земли». Прежде учитывалось то обстоятельство, что в планах партии и правительства Европейскому Северу отводилась роль «всесоюзной лесопилки». Поселенцы,– говорилось далее в документе – должны рассматриваться как кадры для форсирования лесозаготовок[248]. В сводках НКВД раскулаченные крестьяне именовались спецпереселенцами, с 1934 – трудпоселенцами, а с марта 1944 снова спецпереселенцами. 7 февраля 1930 года стало известно о решении Политбюро разместить в Северном крае 45 тысяч крестьянских хозяйств. Тотемскому району предстояло принять 7800 семей, для чего было отведено 75642 гектара и нарезано 65 отдельных поселков. В тотемском леспромхозе «Северлес» был создан специальный переселенческий отдел, который занимался вопросами переселенцев.

[248] Конасов В. Б. История политических репрессий и пенитенциарной практики в Вологодском крае (1918–1953).– Вологда, 2007. С. 73–74.

С начала лета началось активное строительство поселков в Чуриловском, Вожбальском, Пельшменском участках и на участке Пиньги. В итоге на территории района в 30–50-е гг. XX в. было размещено более 30 спецпоселков, куда переселено более 4 тысяч семей украинцев, немцев, поляков. До середины июня 1930 года на местах переселенцев еще не было. Основная масса переселенцев была заброшена в район в июле. Переселенческому отделу было сообщено, что количество семей сокращается до 4329.[249]

В Тотемский район начали прибывать переселенцы с Украины и Поволжья. Транспортировка спецпереселенцев осуществлялась в ужасающих условиях. Как правило, воспоминания об этом у многих одинаковые. *«Всех нас погрузили в вагоны, в которых перевозили скот, и они не совсем были очищены от навоза. Заставили из сырых досок построить двухэтажные нары, дали по два ведра на каждый вагон справлять человеческие надобности, закрыли ворота вагонов, повесили на них замки и повезли на голодную смерть, не взирая на возраст человека, старик или старуха, подросток или грудной ребенок. Голод, нечистоты... Ехали больше недели, и концу недели появились первые мертвецы, которых даже похоронить не давали».*[250]

Возможно, кому-то покажется, что раскулаченные крестьяне сознательно драматизируют происходящее. Однако в их воспоминаниях и откровениях нет ни капли вымысла. Сегодня историю спецпоселков приходится восстанавливать в прямом смысле слова «по крупицам»: скупым архивным данным и отрывочным воспоминаниям очевидцев того времени, многих из которых сегодня уже нет в живых. Правда у советских СМИ и архивов СССР была своя. У раскулаченных семей она тоже оказывалась своя. Правда в том, что переселенцы лишались крова, у детей отбирали детство и лишали их будущего, вселяли недоверие к людям. Судьбы, полные трагизма…

[249] ВОАНПИ Ф. 1634. Оп. 1. Д. 50. Л. 33.

[250] Конасов В. Б. История политических репрессий и пенитенциарной практики в Вологодском крае (1918–1953).– Вологда, 2007. С. 74.

Несколько лет назад Малышев Владимир Александрович (1954 г. р., в настоящее время проживает в городе Вологда) передал в тотемский музей две копийные фотографии и воспоминания о раскулаченной семье мелких торговцев из села Базарный Карабулак Саратовской области. Воспоминания написала Зоя Ивановна Федосеева, в девичестве Малышева. Зоя Ивановна родилась в феврале 1936 года в спецпоселке Высокое Матвеевского сельсовета Тотемского района. В настоящее время проживает в городе Оренбурге. Поселок Высокое (второе название Холм)– это один из тридцати тотемских спецпоселков. Поселок располагался в междуречье Пельшмы и Лохты, близ границы с Тарногским районом. Поселок был построен на вершине холма, отсюда и название поселка.[251]

А теперь обратимся к личной истории семьи Малышевых – Шамуриных. Но прежде давайте посмотрим на их семейную фотографию, где они запечатлены еще до 1917 года, задолго до раскулачивания. На тот момент еще вполне счастливую семью, не познавшую бед и утрат и всей тяжести жизни на Севере. Это многочисленное семейство проживало в селе Базарный Карабулак Саратовской области. Читаем воспоминания Федосеевой (Малышевой) З. И.: *«Фамилия по материнской линии была Шамурины. Дедушку звали Иван, бабушку Мария. Вся семья на фотографии. Моя мама невеста нарядная, в золотых украшениях, стоит в верхнем ряду. В центре бабушка и дедушка, рядом с бабушкой сестра мамы тетя Катя и стоит рядом ее муж, зять бабушки, рядом с дедушкой сидит тетя Таня, старшая сестра мамы, дальше сидит сноха бабушки с мужем- братом мамы Егором и их два сына. Внизу сидят братья, не знаю как их зовут, стоит дядя Ваня (был выслан в Вологодскую обл.) и стоит их младшая сестра Маруся, которая была выслана с родителями, оказалась в Оренбурге, рядом с Марусей сидит дочка тети Тани, рядом с мамой наверху два брата (будущие офицеры, они пропали во время революции), а третий брат, дядя Семен был выслан в Армавирскую область. Семья Шамуриных занималась мелкой торговлей (была шляпная лавка, там была еще всякая мелочь). По линии отца – Малышевых семья тоже была большая. Моего дедушку звали Федор, а бабушку Мария. У них было 7 сыновей и одна дочка Таня. Дедушку и бабушку раскулачили, отобрали лавку и выслали вместе с нашей семьей в Тотемский район».*

Семью Малышевых – Шамуриных раскулачили в ноябре 1929 года, а выслали на поселение только в феврале 1930 года. Малы-

[251] Кузнецов А. В. Тотемский ономастикон.– Вологда, 2007. С. 281.

Семья Малышевых – Шамуриных. Фото до 1917 г.

шев Иван с семьей оказались в Вологодской области, Малышев Петр – в Архангельской, Малышев Василий – где-то в Казахстане. Из воспоминаний Федосеевой (Малышевой) З. И.: *«Папу посадили. Мама осталась одна с 4 детьми. Через некоторое время пришли ночью всех выгнали из дома. Мама с детьми ушла к родителям. Вещи отдали на сохранение папиным сестрам. И вот в конце января пришли к бабушке домой, сказали: «Собирайтесь, возьмите, что сможете унести, на детей оденьте побольше вещей, дайте им в руки, что они могут унести, посадили в товарняк и отправили на север».* Дальше их жизнь один к одному стала похожа на жизнь других раскулаченных спецпереселенцев. Обе семьи (Малышевы и Шамурины) вместе ехали до Вологды в товарном вагоне, вместе обживали северные леса, строили жилье, голодали. Привезли их сначала в Вологду. Дальше ждали распределения – в какой район Северного края их направят. Отправили в Тотемский район. От Вологды до Тотьмы добирались на лошадях; дети в санях, а взрослые пешком рядом. Высадили прямо в лес, под елки. На улице мороз. *«Вначале папа с дедушкой построили шалаш из веток, соорудили очаг (по дороге у жителей деревень мимо которых проезжали попросили кирпичей).*

В одну из ночей шалаш сгорел, дедушка заснул, и костер потух. Хорошо, что все выбежали и сохранили жалкий скарб»,– из воспоминаний Федосеевой (Малышевой) З. И. Основным занятием ссыльных на Европейском Севере СССР являлась работа на различных объектах лесной промышленности. Сразу же после прибытия все взрослые мужчины рубили лес, начинали строить бараки. Семья Малышевых – Шамуриных смогла вселиться в барак только летом 1931 года. Первые годы на поселках жилось трудно: не хватало продуктов и одежды. Федосеева (Малышева) З. И. вспоминает: *«Папа с сестрой Валей были направлены на лесозаготовки, зимой рубили лес, весной сплавляли, летом корчевали пни. Очень было голодное время, паек давали только работающим, а дети ничего не получали. Поэтому папа с дедушкой по ночам ходили в соседние деревни меняли махорку, мыло на муку, а утром надо было идти на работу. Однажды папа пошел один, выменял 5 кг муки, подошел к поселку, а тут КГБ-эшник, забрал его, муку отобрал и посадил на сутки без еды в так называемую холодную. Вся семья осталась голодной, выживали только лесом (грибы, ягоды)»*.

Зоя Ивановна родилась уже на новом поселке Высокое (Холм) в 1936 году. В то время в семье уже было четверо детей: Валентина, Анна, Фаина, Александр. В 1937 году родилась Маруся. Самая трудная судьба была у Вали. Она работала на лесозаготовках и на сплаве. Несмотря на то, что выезд с поселков был запрещен

Фрагмент карты Тотемского района с указанием поселка Холм

как «врагам народа», трое детей из семьи Малышевых с поселка уехали: Аню отправили в Омск к родственникам, а Фая и Саша поступили учиться. Отец каким-то удивительным образом достал справки, паспортов у спецпереселенцев в то время не было.

Перед войной семья переехала в лесопункт Михайловка, где им выделили комнату в бараке. Отец работал в конторе лесопункта сначала счетоводом, потом кассиром, потом бухгалтером. Но вскоре началась Великая Отечественная война. В годы Великой Отечественной войны бывшие кулаки, как и весь советский народ, стойко переносили все тяготы и лишения. Многие ударно трудились на лесозаготовках, в колхозах, на предприятиях. В первый год войны из Омска приехала Аня с сыном Колей. В семье уже стало 8 человек. Дополнительно выделили еще одну комнату в бараке. В 1942 году пришло извещение, что Саша пропал без вести. Все очень горевали. И вот однажды сообщили, что пропавшего Сашу видели в Вологде. А через месяц Саша пришел пешком от Вологды до Михайловки очень худой, в бушлате, в ботинках с обертками. Это произошло в феврале 1943 года. В мае он уже сдал экстерном экзамены за 4 курс и завершил свое обучение. Конечно, жить большой такой семьей было голодно. Чтобы выжить, Иван Малышев вспомнил свое прежнее умение выделывать кожи, и он начал сначала тайно в подвале выделывать кожи и продавать. Власти об этом узнали, но не наказали. Ведь обуви тогда ни у кого не было, и вновь выделанная обувь быстро расходилась среди местного населения. Вскоре кожевенных дел мастера пригласили на работу в кожевенную мастерскую в Нюксенский район. Семья переехала в деревню Шипичиха Брусенского сельсовета, где прожили 3 года. В 1947 году на основе приказа МВД СССР от 16 мая началось освобождение еще находившихся в Вологодской области бывших кулаков и членов их семей. Еще несколько месяцев спустя и кулацкая ссылка на тотемской земле вообще прекратила свое существование. С семьи Малышевых – Шамуриных, как и с тысяч других спецпереселенцев, было снято клеймо «классово чуждый элемент». И в этом же году семья Малышевых – Шамуриных переехала в районный центр Тотьму.

На сегодняшний день в разных городах продолжают жить потомки этой семьи: Вологда, Оренбург, Москва, Краснодар… Главное, наверное, сохранить историю семьи, чтобы помнить и уважать своих предков, стойко перенесших все тяготы и лишения страшного времени политических репрессий.

Коренева Наталья Ивановна,
МБУК «Тотемское музейное объединение»,
Рычкова Александра,
МБОУ «Тотемская СОШ № 3», г. Тотьма

СПЕЦПОСЕЛЕНИЯ ВЕЛИКОДВОРСКОГО СЕЛЬСОВЕТА ТОТЕМСКОГО РАЙОНА ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Тотемский район Вологодской области наряду со многими территориями Русского Севера занял свое особое место в карательной политике Советского государства в 30–50-е гг. XX века. Это весьма непростой исторический отрезок времени XX века. Одна из трагических страниц отечественной истории, связанная с периодом массовой коллективизации, сопровождавшейся раскулачиванием крестьян и выселением их с постоянного места жительства. Сегодня историю спецпоселений приходится восстанавливать по скупым архивным данным и отрывочным воспоминаниям очевидцев и современников того времени.

В начале 1930-х гг. в Тотемском районе образуется целая сеть поселков для спецпереселенцев. Практически они были построены на территории каждого сельсовета. Не исключением оказался и Великодворский сельсовет. На территории сельсовета было построено 4 поселка: Муравьево, Березник, Рябиновец, Третий. Расположены поселки были примерно в 3–4 км друг от друга.

Муравьево – спецпоселок, который располагался среди глухого лесного массива в междуречье Войманги и Печеньги. Рядом протекает ручей Лапин, левый приток Малой Войманги. Возможно, в основу названия было положено обилие муравьев в близлежащей тайге или прозвище человека Муравей.[252]

Рябиновец – спецпоселок на левом берегу реки Печеньги, недалеко от хутора Березова Великодворского с/с. Название дал ручей Рябиновец, которое ему дали заросли рябины по берегам.[253]

Березник – спецпоселок в междуречье Толшмы и Печеньги. Стоял в 30–50-х годах около самого истока реки Войманги. Рядом росли березовые леса.[254] Последний (Третий) поселок не получил конкретного названия в силу своего недолгого существования. Через некоторое время после постройки поселок сгорел.

[252] Кузнецов А. В. Тотемский ономастикон.– Вологда, 2007. С. 170.
[253] Там же. С. 227.
[254] Кузнецов А. В. Указ. соч. С. 32.

Ссыльными на поселках, в основном, были украинцы, но встречались и немцы, и болгары, и татары. Судьбы раскулаченных крестьян были очень похожи друг на друга.

Из воспоминаний Лебеденко (Тереховой) Александры Егоровны: *«Жили мы на Украине. Семья была раскулачена в 1930 году. Ночью пришли и сказали, чтобы готовились к выселению. Утром всех погрузили и повезли на Вологду. О причине раскулачивания говорить было не принято. В Вологде привезли всех в холодную, неотапливаемую, ледяную церковь, выгрузили. Еды не хватало, люди стали болеть, умирало очень много детей. Хоронить не было возможности, поэтому всех закапывали в одну яму, «как поросят», за ночь могли заложить трупами целую часовню».*[255]

Из воспоминаний Нелли Густавовны Спасской (Гуссер), проживающей в настоящее время в городе Грязовец Вологодской области: *«Родилась я в поселке Рябиновец Тотемского района в 1934 году. Родители проживали на Украине, в 1930 году были раскулачены и сосланы в Рябиновец. Тонкостей произошедшего я не знаю, ни мать, ни отец, ни бабушка об этом никогда не говорили, эта тема для разговора была всегда нежелательна и даже запрещена в нашей семье. По рассказам бабушки Гуссер Маргариты Готлибовны, вместе с нами еще несколько десятков раскулаченных семей привезли на лошадях в густой хвойный лес Тотемского района, выгрузили, дали топоры и сказали строить жилище. Зыбку (люльку), в которой находилась моя сестра Тамара прямо на лапаки елки повесили и качали…Теплой одежды, еды, лекарств было очень мало, а порой не было совсем. То немногое, что привезено с собой с Украины, было быстро распродано местному населению за хлеб. Многие умирали, не выдержав страданий и испытаний».*[256]

Хребтова Алла Даниловна, внучка раскулаченного крестьянина из села Терпенье Мелитопольского района Запорожской области Самуила Васильевича Хребтова, вспоминает: *«В семье деда было 9 детей. В 1929 г. семья была раскулачена только потому, что ее дед – успешный земледелец имел 2 коровы и не захотел вступать в колхоз. Пришли утром и сказали, что семья на выселение. Вместе с дедом раскулачили и семью его старшего сына Василия. На станции Федоровка вблизи Мелитополя посадили в телячьи вагоны и повезли на Вологодчину. Вагоны были набиты битком. Люди располагались на нарах. Запах в вагоне стоял удручающий, т. к. приходилось справлять*

[255] Воспоминания Лебеденко А. Е., 1921 г. р.
[256] Воспоминания Спасской (Гуссер) Н. Г., 1934 г. р.

нужду в ведро за покрывалом или одеялом. В дороге вообще не кормили, только несколько раз позволяли набрать воды. В Вологде, по воспоминаниям дедушки и отца, все были размещены в какой-то тюрьме. Далее всех посадили на баржи и по Сухоне привезли до Тотьмы, а потом на подводах до Великодворья, выгрузили в лесу, под елки и сосны. Так мы оказались в поселке Муравьево».[257]

Первые годы проживания на спецпоселках были ужасные. Сначала строили временные жилища – землянки. Они представляли из себя небольшое углубление в земле, сверху укрытое лапаками, ветками, а зимой снегом. Главным врагом спецпоселенцев был холод. Валенок не было, и, чтобы как-то согреться, настригали из тулупов (если они были) шерсти и клали в носки. Позднее на поселках начали строить бараки.

Основным занятием раскулаченных крестьян на Европейском Севере СССР являлась работа на различных объектах лесной промышленности. С самого начала работали переселенцы в лесу на заготовке и вывозке древесины. *«Валили лес топорами, распиливали вручную на плахи и на тес большими продольными пилами или двуручными. Вывозили заготовленный лес на лошадях. Пни выкорчевывали при помощи веревок, воротов. Позднее на месте вырубок разрабатывали огромные поля, далее стали заниматься растениеводством и полеводством»* – из воспоминаний Спасской (Гуссер) Н. Г.

В 1939 году великодворские поселки объединились в колхоз имени III Интернационала. Люди на поселках стали заниматься растениеводством и полеводством. Выращивали пшеницу, рожь, ячмень, овес, озимые, лен. Переселенцы выращивали даже овощи, которые практически до этого не произрастали в северных районах. Это капуста, морковь, огурцы, помидоры, лук, свекла. Один из поселенцев, по воспоминаниям Слободиной Н. В., был специально послан к себе на Украину за рассадой клубники. Через некоторое время клубнику стали разводить в местных деревнях. Также Нина Васильевна вспомнила рассказ великодворского учителя, Александра Васильевича Зимакина, который вспоминал, что для обогрева рассады по всему периметру огромных гряд жгли костры, создавая тем самым тепло и комфортные условия выращивания».[258]

Длительное время председателем колхоза был Лякишев Аким Петрович. Собственными силами жители поселков построили дорогу до великодворских деревень.

[257] Воспоминания Дикая (Хребтова) А. Д., 1948 г. р.
[258] Воспоминания Н. В. Слободиной, 1951 г. р.

Со временем на поселках появились магазин, овощехранилище, кирпичный завод, пекарня, мельница, мастерские, фермы, гидроэлектростанция. В 1940-е годы колхоз имени III Интернационала стал одним из передовых хозяйств в Тотемском районе.

В годы Великой Отечественной войны колхоз имени III Интернационала выполнял поставки фронту продовольствия и одежды. Члены колхоза имени III Интернационала собрали и внесли на строительство танковой колонны «Вологодский колхозник» 138.000 рублей. Председатель колхоза Лякишев Аким Петрович получил за это благодарность И. В. Сталина.[259]

Многие поселенцы были призваны на фронт. Так, из семьи Шкуренко на фронт сразу ушло 4 человека: Василий Васильевич, Василий Тимофеевич, Михаил Васильевич и Николай Васильевич. Все четверо погибли практически одновременно в декабре 1942 года в Псковской области.[260] С войны не вернулись и другие жители поселков: Богословский Иван Демидович (1911–3.12.1942),[261] Ашихмин Петр Васильевич (1897–31.10.1943),[262] Лебеденко Андрей Яковлевич (1904–14.12.1943),[263] Затона Семен Григорьевич (1910–9.12.1942),[264] Терехов Николай Егорович (1923–28.01.1945)[265] и многие другие. Их имена увековечены в мраморе на памятнике «Воинам, погибшим в годы Великой Отечественной войны», установленного на центральной усадьбе Великодворья в деревне Великий Двор.

44 переселенца были отмечены медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» как труженики тыла.

В 1947 году на основе приказа МВД СССР от 16 мая началось освобождение еще находившихся в Вологодской области бывших кулаков и членов их семей. Еще несколько месяцев спустя и кулацкая ссылка на тотемской земле вообще прекратила свое существование. Поселки начали пустеть, спецпереселенцы стали покидать север и возвращаться на свою историческую родину. В 1952 году, после выбытия переселенцев, колхоз имени III Интернационала вошел в состав колхоза «Великодворье».

[259] Рабочий леса. 1943 г.– № 7.– С. 1.
[260] Книга памяти по Тотемскому району Вологодской области.– Вологда, 1993. С. 305–306.
[261] Там же. С. 46.
[262] Там же. С. 35.
[263] Там же. С. 150.
[264] Там же. С. 99.
[265] Там же. С. 261.

Прошли годы… Сегодня на месте бывших спецпоселков Великодворья находятся поля колхоза, сохранились ямы от землянок, скудные поросли трав на песках, где стояли бараки, да несколько избушек, используемых охотниками. В лесном массиве, кое-где на бугорках, видны кладбищенские кресты…

Кузнецова Светлана Васильевна,
МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ САНАТОРИЯ «ЗЕЛЁНЫЙ БОР» В ТОТЕМСКОМ РАЙОНЕ

В первые годы становления Советской власти в России отмечался высокий уровень заболеваемости населения тяжёлыми инфекционными заболеваниями. Серьёзные вопросы медицинского дела курировали разные ведомства, не было должного финансирования, а медицина на территориях поддерживалась, как правило, за счёт местных бюджетов и благодаря самоотверженной работе медицинских работников. Нехватка квалифицированных медицинских кадров, лечебных учреждений, медикаментов отмечалась на всей территории страны.

Из отчётного доклада Тотемского уездного здравотдела: *«В Тотемском уезде функционировало 4 больницы, где медицинскую практику вели шесть врачей».* Санитарно-эпидемиологическая обстановка выглядела также не лучшим образом. Среди многочисленных инфекционных заболеваний, свирепствовавших в уезде, большой процент приходился на туберкулёз лёгких. Народный Комиссариат по здравоохранению начинает принимать активные меры по борьбе и профилактике данного инфекционного заболевания в нашей стране. В тот период времени туберкулёз становится одним из важнейших факторов возникновения целой сети туберкулёзных санаториев местного значения в различных климатических зонах страны.

Так, в октябре 1935 года на территории Тотемского района Северного края был организован костнотуберкулёзный санаторий «Десятина».[266] Санаторий расположился в 8 километрах от Тотьмы в живописном месте – на высоком берегу реки Сухоны среди соснового леса. Столь необычное название «Десятина» санаторий имел

[266] Рабочий леса. 1935.– № 90.– С. 4.

Санаторий «Десятина» (из архива ТМО). 1940 г.

не случайно. До 1930 года на этом месте располагалась Тотемская низшая лесная школа. Для строительства и обустройства зданий школы была выделена десятина земли. С тех пор среди местных жителей за этой усадьбой прочно закрепилось название Десятина.

На территорию бывшей лесной школы в 30-е годы XX века «претендовал» и солелечебный курорт «Тотьма». В 1936 году состоялась медицинская экспедиция по обследованию курортов Северного края. Из отчёта экспедиции: «Принимая во внимание отсутствие зелени на курорте, отсутствие ландшафта, бедность оборудования, необходимость нового бурения и т. д. экспедиция высказалась за перенос курорта в сосновый бор с вековыми соснами в 7 км от Тотьмы (заповедник «Изониха») на высоком песчаном берегу р. Сухоны, т. к.:

1. Эксплуатация разведочной скважины на Изонихе должна, почти, наверное, дать крепкий не смешанный с грунтовыми водами рассол;
2. Одновременно доставлять питьевую минеральную воду, которую требуется коптировать отдельной скважиной;

3. Стоимость работ 30000–40000 руб. та же, что и бурение в г. Тотьме;

4. «Изониха» одновременно может быть климатической станцией;

5. Сообщение с городом весьма удобно при помощи катера»[267].

Заключение членов медицинской экспедиции о необходимости и целесообразности переноса солелечебного курорта «Тотьма» на Десятину было поддержано на совещании в Крайздравотделе (г. Архангельск). Медицинская комиссия постановила: «Курортами краевого значения должны быть объявлены Сольвычегодск – центральный краевой курорт по богатству курфакторами и удобное местоположение и Тотьма («Изониха»). Метеорологические наблюдения должны быть усилены: необходимо установить метеорологическую станцию на «Изонихе»[268].

Как известно, предписания медицинской экспедиции 1936 года были не выполнены. Почему – остаётся только догадываться.

В первые годы своего существования костнотуберкулезный санаторий «Десятина» располагался в трёх деревянных корпусах: лечебный корпус, столовая и третий корпус предполагался для административных целей. К корпусам, где жили пациенты санатория, были пристроены деревянные горки для эвакуации лежачих в случае пожара или другой экстренной ситуации. Территория санатория была огорожена деревянным забором, а здания соединялись деревянными мостками. Возле санатория стояло несколько домов, один из которых был трёхэтажным общежитием. В нём жили работники санатория, часто из-за нехватки жилых помещений – по две семьи в комнате. Санаторий утопал в зелени вековых кедров и больших тополей.

В 30–40-е годы XX века здравница частично находилась на самообеспечении, имея своё подсобное хозяйство. На скотном дворе содержалось две лошади, четыре-пять коров, свиньи. В местечке Егориха было распахано большое картофельное поле, в огороде выращивали репу, капусту, свёклу, морковь. Хлеб для пациентов и работников санатория привозили на лошадях из Тотьмы.

В 30-е годы XX века в санатории проходили длительное лечение как дети, так и взрослые. Продолжительное проживание больных туберкулёзом на чистом воздухе, пропитанном хвойным запахом вековых деревьев, позволяло пациентам добиваться

[267] ГААО Ф. 1734. Оп. 1. Д. 437. Л. 12–13.
[268] Там же. Л. 38.

Дети санатория на открытой веранде (из архива ТМО). 1986 г.

стабилизации процесса лечения и даже клинического излечения. Перед Великой Отечественной войной санаторий приобретает статус детского, хотя там продолжали проходить лечение юноши и девушки до 20 лет.

География больных туберкулёзом ограничивалась в основном жителями Вологодской области. Здесь проходили лечение пациенты из Вологды, Тотьмы, Сокола, из Шольского, Андомского, Кирилловского, Лежского, Никольского, Бабаевского, Борисовосудского и др. районов Вологодской области. Об этом наглядно свидетельствуют списки детей, временно проживающих на территории Тотемского района в поселке Десятина с целью прохождения лечения в санатории.

19 января 1937 года у санатория появляется печать, заверяющая подлинность документов – «Тотемский краевой туберкулёзный санаторий».

У истоков становления санатория стояли врач Михаил Александрович Майков, медсестра Крокалёва Е.К., санитарки Чезлова А.С. и Щуровская А.А. В 1937 году заведующим санаторием

был назначен Поляков. С 16 сентября 1937 года главным врачом санатория работает Киприянова А. А.

С каждым годом количество пациентов, нуждающихся в лечении, в санатории увеличивалось. До 150 больных туберкулёзом детей одновременно проходили лечение в тотемской детской здравнице. Поэтому в первые десятилетия становления санатория обслуживающего персонала, медикаментов, специализированного оборудования всегда не хватало. Местная газета «Рабочий леса» в 30–40-е годы XX века пестрела объявлениями о нехватке персонала в санаторий. В здравницу требовались медицинские сестры, санитарки, истопники, конюхи, кастеляншки, повара, огородники, сторожа, рабочие, уборщицы и др. Понимая важность и значимость своего труда, работники санатория брались и добросовестно выполняли любую работу.

Первушина (Тугаринова) Апполинария Павловна, проработавшая в санатории санитаркой с 1938 по 1974 гг., вспоминала: *«Работа была очень тяжёлая. Полы в санатории были некрашеные. Приходилось натирать их вениками с дресвой и песком до белизны. Лежачих детей кормили, на носилках выносили их на веранду «погулять» и в баню. Летом ходили на сенокос, для санатория собирали грибы, ягоды, мох для перевязок, выращивали овощи в огороде, зимой заготовляли и возили дрова на санях быками, на руках с реки носили воду. В прачечной в корытах руками стирали, а потом кипятили медицинские халаты, бельё, использованные гнойные бинты (из-за недостатка перевязочного материала). Нередко приходилось ездить «в командировки», отвозить домой выздоровевших детей»*.

Начавшаяся 22 июня 1941 года Великая Отечественная война внесла серьёзные изменения в жизнь костнотуберкулезного санатория «Десятина». Из города Сортавала (Карелия) в тотемский детский санаторий было эвакуировано 120 детей, больных туберкулёзом. Всех годных к службе мужчин из санатория отправили на фронт. Один за другим уходят на фронт рабочие, медицинские сёстры, кладовщики, бухгалтера и многие другие специалисты санатория. А те, что остались, трудились и за себя, и за своих коллег, защищавших рубежи Родины на всех фронтах. В военные годы санаторий находится на полном самообеспечении. Только благодаря своему подсобному хозяйству да дарам леса ни дети, ни персонал санатория не голодали во время войны.

В тяжёлые военные и послевоенные годы лечащим врачом санатория работала Галина Григорьевна Чистова (1897 г. р.). Галина Григорьевна родилась в 1907 году в городе Гусь-Хрустальный. Она

закончила Московский медицинский институт им. Н. И. Пирогова, работала на Дальнем Востоке и в Подмосковье. Вместе с семьей на Десятину она переезжает в 1937 году из Подмосковья, опасаясь возможных репрессий. В годы войны она совмещала работу в санатории с работой в призывной комиссии военкомата. В 1948 году по семейным обстоятельствам семья Чистовых переезжает в Великий Устюг, где Галина Григорьевна продолжила свою медицинскую практику. Позднее в течение всей жизни она получала письма, благодарности и поздравительные открытки от детей, которых вылечила от страшной болезни в тотемском детском санатории.

В семье Чистовой Г. Г. было несколько детей. Её дочь Карина Алексеевна Можаева оставила воспоминания о трудном детстве, которое прошло в городе Тотьма. Из воспоминаний Можаевой К. А.: *«Во время войны население Десятины изменилось: мужчины ушли на фронт и стали приезжать эвакуированные, которых мы, дети называли «выковырянные». В 1942–1943 годах приехало несколько семей из блокадного Ленинграда. Всех приехавших ленинградцев устраивали на какую-нибудь работу, чтобы они могли получить рабочие карточки... Мы жили в глубоком тылу, но когда над нами иногда пролетали самолёты, видимо, в сторону Архангельска, нам инстинктивно хотелось спрятаться. Осознанно про войну мы узнали, когда на Десятину стали приезжать эвакуированные»*.

Трогательное воспоминание оставила Карина Алексеевна и про коня Мартына, который доставлял продовольствие жителям Десятины и для санатория из Тотьмы. Из воспоминаний Можаевой К. А.: *«Когда зимой 1942 года коня было нечем кормить, он совсем обессилел и не мог стоять на ногах, его подвешивали в конюшне на половиках. На радость всех жителей Десятины конь Мартын выжил»*.

О больных детях и о работе в санатории Чистовой Г. Г. у Можаевой К. А. воспоминаний почти нет. *«В тот период вход на территорию санатория был строго запрещён – туберкулёз. Разве что летом на верандах можно было разглядеть лежачих, загипсованных детей. «Санаторских» детей близко видели лишь однажды, когда в 1942 году из Тотьмы в санаторий была привезена киноустановка и продемонстрирован киножурнал «Разгром немцев под Москвой». Для просмотра фильма пустили всех желающих»*.

В годы Великой Отечественной войны в санатории врачом трудилась и Надежда Александровна Захарьева (1906 г. р.). Её семья была эвакуирована на Десятину из блокадного Ленинграда в 1943 году. Вместе с детьми Сашей и Липой Надежда Александровна

поселилась в доме семьи Чистовых. После снятия блокады Ленинграда в 1944 году семья вновь вернулась в родной город.

В предвоенном 1940 году на работу в санаторий устраивается молодая медсестра Абанина Нина Александровна. Всю войну и в сложные послевоенные годы она все силы отдавала на лечение больных туберкулёзом детей.

Несмотря на все трудности военного времени, молодой персонал санатория находил время и на отдых. Кто-то из активных эвакуированных ленинградцев предложил поставить пьесу-шутку А. П. Чехова «Медведь». Чистова Г. Г. в постановке играла одну из мужских ролей. Иногда коллективом санатория собирались вместе: пели песни, частушки, плясали под гармошку, готовили новогодние представления для детей.

Послевоенные годы восстановления были не менее тяжёлыми для санатория, чем годы войны. Количество детей, больных туберкулёзом, не уменьшалось. Ежегодно 150–160 детей из Вологодской области находились на длительном лечении в тотемской здравнице. Санаторий продолжал остро нуждаться в медицинском персонале. Главный врач санатория Людмила Фадеевна Крюкова была вынуждена сделать запрос в Великоустюгское медицинское училище. Летом 1948 года 17 молодых медсестёр приступили к работе в санатории. Многие из молодых медицинских сестёр, приехавших на работу в санаторий в 40–50-е годы XX века, остались трудиться в нём на долгие годы. Это Немирова Александра Васильевна, Шелыгина Милитина Александровна, Дедюрина Ангелина Тимофеевна, Кузнецова Ангелина Иннокентьевна, Клыгина Екатерина Дмитриевна, Постникова Зинаида Фёдоровна, Кокшарова Наталья Захаровна и многие другие.

18 августа 1949 года в санаторий «Десятина» из Астрахани на постоянную работу приезжают два молодых специалиста – врачи Сластунинская Таисия Александровна и Рябицева Алевтина Григорьевна.

16 июля 1950 года в санатории начинает трудовую деятельность врач Виноградова Анна Ивановна. Вся медицинская трудовая жизнь Анны Ивановны была связана только с санаторием «Десятина». На протяжении многих лет она получала сотни писем и открыток со словами благодарности от детей, которые вернулись домой здоровыми и сильными.

В 1950 году в тотемский детский санаторий приезжает семья врача Кузнецова Николая Андреевича. Его жена Софья Григорьевна в санатории работала медицинской сестрой. Семья Кузнецовых

Кузнецов Н. А. в рабочем кабинете (из личного архива О. Н. Никитинской)

в санатории продолжала трудиться до 1968 года. Будучи главным врачом (руководителем учреждения) Кузнецов А. Н. очень много сделал для санатория. В учреждении был построен и пущен в эксплуатацию новый лечебный корпус, старые хозяйственные постройки были заменены на новые, были посажены акации, яблони, берёзы. Кузнецов Н. А. был строгим и требовательным к себе и подчинённым, но, в тоже время, чутким и внимательным к детям.

Однажды кто-то верно подметил, что в медицине не бывает случайных людей. И эта истина как нельзя более подходит для коллектива санатория «Десятина». В 60-е годы XX века формируется стабильно работающий коллектив учреждения. Несмотря на то, что трудностей учреждению приходилось испытывать ещё много, силы оставалось и на общественную деятельность: оказывали шефскую помощь совхозу «Тотемский», состояли в добровольной пожарной дружине, в комиссии по борьбе с пьянством, в 1959 году принимали участие в переписи населения СССР. В свободное время медицинский персонал санатория принимал активное участие в художественной самодеятельности.

Большую поддержку и помощь во всех делах медицинским сёстрам и врачам оказывали учителя и воспитатели санатория. На лечение детей нередко уходили годы, поэтому при здравнице

функционировала школа. Среди первых педагогов школы были Двойнишникова Надежда Михайловна, супруги Горбачёвы Константин Александрович и Екатерина Александровна, Копосова Клавдия Васильевна, Слезин Александр Николаевич, Белоусова Антонина Платоновна, Панюшкина Евдокия Яковлевна и др. На протяжении многих лет школу возглавлял Кокшаров Николай Алексеевич.

С каждым годом туберкулёзная опасность отступала, но среди детей сохранялась высокая ортопедическая патология. Поэтому в 1979 году костнотуберкулезный санаторий «Десятина» был перепрофилирован на опорно-двигательный и получил не менее красивое название «Зелёный Бор». Постепенно количество детей, проходящих лечение в тотемской здравнице, уменьшилось до 60 человек. Санаторий стал оказывать медицинские услуги в лечении сколиоза, нарушения осанки и болезни Легга-Кальве-Пертеса. Заболевание Легга-Кальве-Пертеса требовало длительного периода реабилитации. В среднем терапия занимала 2,5–4 года.

В 70–80-е годы XX века значительно улучшается материально-техническое оснащение санатория, была решена проблема с доставкой воды в корпуса, был приобретен автомобиль. Среди врачей санатория тех лет следует вспомнить Полякова Сергея Ивановича и Жирякова Виктора Ивановича. В санатории продолжают работать ответственные и преданные своей профессии медицинские сёстры и обслуживающий персонал. Медицинские сёстры не только выполняли лечебные процедуры, но и по возможности старались заменить детям маму, вселяли в них надежду на скорое выздоровление, поддерживали связь с родителями больных детей, сообщая о динамике лечения и жизни детей в санатории.

В 1981 году в санаторий «Зелёный Бор» приходит молодой, энергичный, влюблённый в свою профессию врач, который впоследствии возглавил учреждение – Петрушичев Виктор Павлович. С тех пор его жизнь неразрывно была связана с тотемской детской здравницей. Не одно поколение детей прошло через профессиональные руки Петрушичева В. П. Вместе с главным врачом в санатории рука об руку трудились и продолжают трудиться опытные медицинские сёстры Тихонова Антонина Ивановна, Левинова Галина Павловна, Никитинская Надежда Дмитриевна, Петрушичева Татьяна Константиновна, Верещагина Надежда Сергеевна и многие другие.

В 1996 году БУЗ ВО «Санаторий «Зелёный Бор» был переведён на областное финансирование, что позволило учреждению замет-

но улучшить материально-техническую базу. За последние десятилетия в санатории построены и пущены в эксплуатацию новые хозяйственные постройки. Для детей открыты современный кабинет массажа, физио- и фитокабинеты, оборудован компьютерный класс, активно применяется кислородотерапия. Кроме всего прочего, на приусадебном участке санатория и в теплицах для детей выращиваются экологически чистые и вкусные овощи.

В настоящее время санаторий «Зелёный Бор» рассчитан на 30 круглогодичных коек. Основным контингентом больных являются дети от 8 до 12 лет, хотя в летние смены на лечении находятся и дети до 14 лет включительно. На службе здоровья детей в санатории не только лекарства, физиопроцедуры и лечебная гимнастика, но и манящий, целебный воздух благодатной тотемской земли. За более чем 80-летнюю историю существования санаторий «Зелёный Бор» пережил немало взлётов и падений, но, несмотря ни на что, хочется верить, что тотемская детская здравница ещё многие годы будет надёжной опорой для детей, которым необходима медицинская помощь.

Пахнин Анатолий Владимирович,
МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма

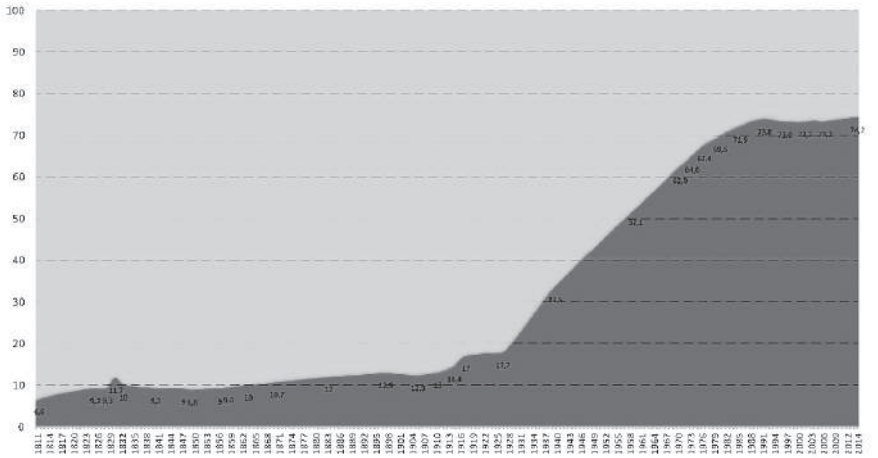
ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ТРАДИЦИОННОМ ПОСЕЛЕНИИ РУССКОГО СЕВЕРА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ДЕРЕВНИ СЕРЕДСКАЯ ТОТЕМСКОГО РАЙОНА)

Сегодня множество деревень Русского Севера либо пустуют, либо находятся на грани вымирания. Это несомненно является одной из острых социально-экономических и культурно-исторических проблем всей современной России. Почему так происходит?

На данный момент существует ряд факторов, в частности естественная убыль населения (смертность превышает рождаемость) и постоянный миграционный отток.

Но когда начались эти процессы? Чтобы ответить на данный вопрос необходимо посмотреть на ситуацию более глобально. К примеру, взять весь период XIX–XX вв. и на основании официальных статистических данных проследить отношение городского населения к сельскому.

График 1. Доля городского населения в РИ, РСФСР, РФ с 1811–2014 гг.

Как видим из графика, наибольший уровень оттока сельского населения в города пришёлся на советский период. Революция, гражданская война и репрессии, несомненно, внесли свою лепту в демографическое и территориальные изменения. Затем в ходе индустриализации шёл колоссальный миграционный отток населения из села в город. В конце 40-х – начале 50-х гг. был взят курс на укрупнение колхозов. Тенденция продолжилась после введения политики оценки «перспективности» деревень в 60-х годах, длившаяся вплоть до 80-х. В 90-х тенденция вымирания деревень сохранялась, усиленная политикой «оптимизации», которая активно внедряется и в настоящее время.

Каким образом эти процессы влияли на демографическую ситуацию деревень Тотемского района? На этот вопрос попробуем ответить, проанализировав статистические и демографические данные последних 50 лет на примере деревни Середская, которая сейчас входит в состав Мосеевского сельского поселения Тотемского района Вологодской области, а когда-то являлась центром Середского сельсовета.

Первое упоминание о Середской волости относится к началу XVI века. По сведениям 1859 года в этой волости проживало 1024 человека и находилось 128 дворов. В тот период Середская волость входила в состав Верховажского уезда, Архангельской губернии и была традиционной деревней Русского Севера. Население

территории занималось хлебопашеством, выращиванием льна и изготовлением домашней утвари. Имелось две церкви, одна из которых находилась в деревне Пелевиха, а другая на Жаровском погосте.

С приходом Советской власти был образован Середской сельский Совет рабочих крестьянских и красноармейских депутатов на основании Постановления ВЦИК от 2 декабря 1918 года как орган местной, государственной, исполнительной и распорядительной власти на территории сельского Совета. К тому моменту в деревнях проживало 2526 человек.

В 1929 году в Середском была создана коммуна, просуществовавшая всего неделю, а в 1930 году закрыта Архангельская церковь в деревне Пелевиха. В скором времени в каждой деревне был создан свой колхоз: деревня Пихтяно – колхоз «Север», деревня Жар – колхоз «Красный Север», деревня Горы – колхоз «Искра», деревня Гавшино – колхоз «Большевик», деревня Слободка – колхоз «5-я Пятилетка».

В деревнях практически всё трудоспособное население было занято сельским хозяйством: держали крупный рогатый скот, свиней и лошадей, производили масло, занимались лесозаготовкой, выращивали лён и картофель. В 1938 году была открыта семилетняя школа, в которой обучались дети из Середского, Заозерья и Кочевар.

Всего в Середском сельском Совете находилось 24 деревни: Гавшино, Антоновская, Концевская, Конец, Пелевиха, Середская, Антушева Гора, Петрищева Гора, Басайлово, Лелевиха, Кривец, Брюшная, Великодворская, Мелехов-Починок, Вершининская, Уваровская, Евдокимовская, Жаворонково, Кочеварский Погост, Матвеевская, Жаровский Погост, Снежурово, Филинская, Терентьевская.

В годы Великой Отечественной войны из 636 человек, ушедших на войну, вернулось 345. Остальные трудились для обеспечения фронта. На территорию сельсовета было эвакуировано более 100 семей.

В 50-х годах началось так называемое «раскрестьянивание», которое вылилось в укрупнение колхозов. Таким образом, решением облисполкома от 4 июня 1959 года Середской сельский Совет был объединён с Заозерским в единый сельсовет и стал именоваться Заозерским. В сельсовете функционировали два колхоза: «Заветы Ильича» и «Большевик». Количество угодий составило 6920 га.

С 1958 г. началась работа по реорганизации МТС (машинно-тракторных станций). Техника, которая ранее принадлежала государственным организациям, в обязательном порядке должна была выкупаться колхозами. На практике ликвидация МТС оказалась невыгодна для большинства колхозов, которые были вынуждены тратить свои финансовые ресурсы. После ликвидации Мосеевской машинно-тракторной станции в колхозе «Большевик» появились трактора, комбайны, молотилки и прочая сельскохозяйственная техника.

В 1960 году в Середском была закрыта семилетняя школа и дети были вынуждены обучаться в Заозерской школе-интернате. В самой деревне Середская общеобразовательная школа появилась только к 1989 году.

Из воспоминаний Капустиной Нины Николаевны (последнего председателя колхоза «Середское»): «В колхозе работали за трудодни, выдавали зарплату хлебом. Зимой работали в лесу за 40 километров от дома, поэтому уезжали на всю зиму. Жили в бараках по 50 человек. На весь барак всего одна печка. Деньги появились около 1970 года. Однако многие колхозники уехать не могли, так как не было паспортов».

Объединение колхозов для так называемого «укрупнения» осуществлялось и в брежневский период, ибо целинно-кукурузные последствия постоянно расширяли и углубляли системный кризис сельского хозяйства в Нечерноземье. Правительственным постановлением 1974 года по вопросам «неперспективных» деревень именно в РСФСР – его проект подготовила академик Т. Заславская – предусматривалось, что по российскому Нечерноземью за 1975–1980-й годы сселению подлежали 170 тысяч сельских семей. Причем в приложениях к этому документу только 43 тысячи сельских населенных пунктов РСФСР – немногим более 30% – были обозначены как «перспективные».

Объемы сселения и ликвидации «неперспективных» поселений включались в годовые и пятилетние планы развития областей и районов. Их исполнение осуществлялось в приказном порядке, без учета интересов мест, по некоему общему шаблону, с явно выраженным волюнтаристским подходом. Попав в «черный» список, село было уже обречено, так как в нем прекращалось капитальное строительство и практически снимался вопрос его обслуживания и обеспечения, закрывались школы, магазины, ликвидировались автобусные маршруты. В таких условиях люди вынуждены были

сниматься с обжитых мест и переселяться в другие, приспосабливаться к новой социальной среде, осваивать новые виды деятельности, зачастую не связанные с аграрной сферой. Многие из них сворачивали свое личное подсобное хозяйство, условия для введения которого в крупных, более развитых и урбанизированных поселениях были значительно хуже из-за нехватки пастбищ, сенокосов, хозяйственных построек при доме, часто многоквартирном. Таким образом, переселение людей на новые места внесло свою лепту в общее сокращение личного подворья.

Эта политика привела к резкой перенаселенности городов и, соответственно, к постоянному падению цены рабочей силы, как и квалифицированного труда в промышленности и добывающих отраслях. К тому же резко возросли заболеваемость и смертность сельского населения в «неперспективных» регионах. Вдобавок, эти и схожие последствия подобной политики продолжали приводить к резкому социально-политическому обострению отношений города с деревней.

Об этих событиях писал вологодский писатель Василий Белов: «У нас на Вологодчине из-за «неперспективности» прекратили существование несколько тысяч деревень. А по Северо-Западу – десятки тысяч. Вдумаемся: из 140 тысяч нечерноземных сел предполагалось оставить лишь 29 тысяч! Трагические потрясения, пережитые деревней за короткий исторический срок, не могли, конечно, не сказаться на духовном, нравственном устоях народа. Культура и нравственность немыслимы без материальной основы. Земледельческая культура – тем более. Чему же удивляться, если ныне работать и жить на земле, заниматься крестьянским трудом считается неперспективным? Обидно сознавать это…»

С 19 декабря 1971 года решением облисполкома Середской сельский Совет стал действовать вновь как орган местной, государственной и распорядительной власти на территории сельсовета. До октября 1977 года Середской сельсовет именовался сельским Советом депутатов трудящихся, а с 1977 года, с принятием новой Конституции, сельский совет стал именоваться сельским Советом народных депутатов.

На основании данных, полученных из ежегодных отчётов колхоза «Большевик», можно проследить количество дворов и населения Середского сельского Совета в период с 1967 по 1985 гг. (см. данные таблицы и графика 2)[269].

[269] Архивный отдел администрации Тотемского муниципального района. Ф. 176.

Год	1967	1968	1972	1974	1977	1978	1979	1981	1982	1983	1984	1985
Кол-во дворов	188	170	147	158	152	142	142	136	135	130	129	112
Кол-во человек	590	557	571	535	422	417	398	372	382	359	355	351

График 2. Демографическая обстановка в Середском сельсовете 1967–1985 гг.

После 1985 года колхоз «Большевик» реорганизован в сельскохозяйственное товарищество с ограниченной ответственностью. Далее «Большевик» становится сельскохозяйственным производственным кооперативом (СПК «Большевик», 1998).

С начала 1992 года Россия вступила на путь «шоковой терапии». Руководство страны, не имевшее элементарной экономической грамотности, допустило рост цен в том же году в 26 раз. В следующем – еще в четыре раза. Начался гигантский передел собственности, распространился бартер. Дефолт 1998 года стал закономерным результатом проводимой в стране социально-экономической политики.

Естественно все эти процессы порождали нестабильность на территории Середского сельсовета ввиду сокращений и отсутствия рабочих мест. Количество местных жителей продолжило сокращаться.

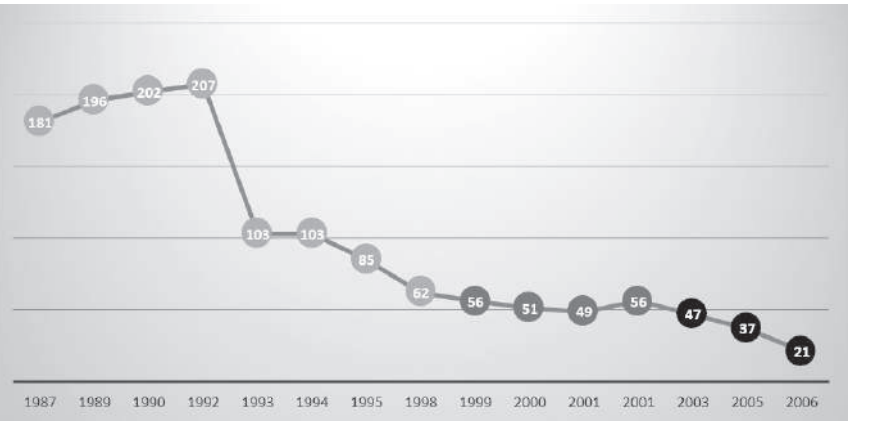
В соответствии с постановлением Главы администрации Вологодской области от 18.11.91 г. № 25 «О главах администрации городов районного подчинения посёлков и сельсоветов области» постановлением главы администрации Тотемского района от 12.12.91 г. № 28 исполком Середского сельсовета упразднён и образована администрация Середского сельсовета.

На основании решения Тотемского районного муниципального собрания от 18.10.96 г. № 5 администрация Середского сельсовета реорганизована в управление территорией Середского сельсовета.

С 1985 года отчётная документация по СПК «Большевик» поменяла форму и не все статистические, в частности демографические данные можно точно отследить. Количество населения территории за период 1987–2006 гг. представлено в графике 3.

Год	1987	1989	1990	1992	1993	1994	1995	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2005	2006
Кол-во человек	181	196	202	207	103	103	85	62	56	51	49	56	47	37	21

График 3. Население Середской территории, работающее в СПК «Большевик» 1987–2006 гг.

После 2000 года в России большинство колхозов и совхозов прекращает свое существование. Сокращается поголовье скота, падает доля пахотных земель, разваливается материально-техническая база села. По данным Всероссийской переписи населения 2002 г., в России насчитывалось 155 289 сельских населенных

пунктов. Из них не имели населения 13 086 сел, а в 34 003 жило не более 10 жителей. Свыше 30% деревень были признаны бесперспективными.

В 2002 году СПК «Большевик» реорганизован в СПК «Середское», который в 2006 году был закрыт. Количество жителей Середского по данным всероссийских переписей продолжило сокращаться.

2002 год: 10 жилых деревень – 283 человека.

2004 год: 10 жилых деревень – 270 человек.

2010 года: 7 деревень – 181 человек.

Таким образом, видим неутешительную статистику. Из 26 деревень, которые когда-то располагались на Середской территории в начале XX века с населением 2526 человек, к 60-м годам XX века осталось всего лишь 13 деревень и 590 человек (данные 1967 г). К 2010 году осталось 7 жилых деревень с населением 181 человек (согласно данных Всероссийской переписи населения, 2010 г.).

В настоящее время количество жителей Середского продолжает сокращаться. Значительный процент населения составляют люди пенсионного возраста. Всё это ведёт к вымиранию Середского как населённого пункта, что несомненно является печальным фактом. Стоит признать, что возродить Середское даже до уровня 90-х гг. XX века не представляется возможным, поскольку этот процесс требует не только огромного финансирования, но и создания социальной инфраструктуры, которая была утрачена в последние десятилетия. В связи с этим встаёт очередной вопрос: возможно ли в современных реалиях повернуть процесс вымирания деревни вспять или стоит смотреть на эту проблему как на естественный исторический процесс, в котором всё стремительно меняется?

Новосёлов Алексей Михайлович,
МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма

ГОРОД ТОТЬМА В СУДЬБЕ И ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ ПОЭТА НИКОЛАЯ РУБЦОВА

К написанию данной статьи автора побудили разрозненность информации, касающейся пребывания Николая Рубцова в Тотьме, и отсутствие некоего системного материала, в котором была бы изложена роль нашего города в творчестве поэта-земляка. Роль

эта, к слову, достаточно дискуссионна. В основном большинство шедевров рубцовской лирики и добрых воспоминаний Николая Рубцова о тотемской земле связано с селом Никольским и его округой – территорией современного муниципального образования «Толшменское». За исключением двухлетнего периода обучения будущего поэта в лесотехническом техникуме, Тотьма возникала в жизни Рубцова скорее как некий транзитный пункт, где можно было встретиться с приятелями, зайти в редакцию и получить там задание либо гонорар, а также как место ностальгических воспоминаний о юности. Однако попробуем изучить данную тему подробнее и сначала обратимся к фактам биографии поэта.

Первый раз Николай Рубцов, вероятно, увидел Тотьму во время экскурсии, которая была организована для детдомовских детей из села Никольского. Из приказов по Никольскому детскому дому за 1948 год можно узнать, что с 24 по 30 июля ребята, в том числе и Коля Рубцов, с воспитателем Д. А. Рыбаковой были на экскурсии в райцентре[270]. Впечатления от этой поездки могли стать основой сочинения «О родном уголке...», имеющем предельно нечёткую датировку.

Николай Рубцов в годы обучения в лесотехническом техникуме Тотьмы

Следующим доказанным фактом пребывания будущего поэта в Тотьме является лето 1950 года, когда Николай Рубцов, не сумевший поступить в учебные заведения Риги и, вероятно, Ленинграда, подаёт заявление в Тотемский лесотехнический техникум. 30 июля он успешно поступает на отделение, готовившее мастеров лесовозных дорог. Далее следует самый долгий период, который Николай Рубцов когда-либо проводил в нашем городе – почти два года обучения в техникуме (**сентябрь 1950 – лето 1952** с перерывом на летнюю поездку 1951 года в село

[270] За данную информацию выражаю благодарность заведующей мемориальным музеем Н. М. Рубцова в селе Никольском Галине Мартюковой.

Никольское). В июле 1951-го детский дом в Николе закрывают, и Рубцову становится некуда приезжать на каникулы. Сохранились данные, что какое-то время Рубцов был приписан к Тотемскому детскому дому № 3. По воспоминаниям бывшего воспитанника детдома Александра Федоровича Шихова[271], Рубцов не только питался в детском доме № 3, но и какое-то время жил там.

Сергей Багров, товарищ будущего поэта по техникуму и главный его друг в Тотьме, вспоминает: *«Рубцов выделялся своим худощаво-красивым лицом, синеватым в полоску костюмом, забиячливой дерзостью, резким движением рук, симпатичной улыбкой, игравшей в его тёмно-карих глазах горячо и искристо, как только что вспыхнувший костерок. И ещё выделялся умением быть среди тех, кто делает что-то отчаянно-смелое, даже порой – запрещённое, где – молодечество, риск и особо весёлая бесшабашность...»*[272].

Николай Рубцов окончил два полных курса техникума и уехал из города. Багров вспоминает, что будущий поэт мельком был в Тотьме летом 1953 года[273], но, кроме этих воспоминаний, никаких сведений о данном визите нет. Однозначно доказанный визит в Тотьму случился, судя по всему, летом 1954 года, когда Николай Рубцов уже учился в горно-химическом техникуме Кировска, успев перед тем поработать на рыболовецком траулере РТ-20 «Архангельск». Этот короткий эпизод пребывания Рубцова в Тотьме отражён в воспоминаниях Татьяны Решетовой (Агафоновой)[274], которая была юношеским увлечением будущего поэта. Именно тогда, после выпускного вечера в тотемском педагогическом училище, случилась их памятная вечерняя прогулка по городу, завершившаяся прощанием «у церковных берёз» и ставшая существенно позже сюжетом для одноименного стихотворения.

Далее следы Рубцова теряются на просторах страны, и мы вступаем на зыбкую тропу нечётких воспоминаний и умозаключений из разряда «могло быть – могло не быть». Есть данные, что в 1955 году будущий поэт был в Вологде, откуда уехал в Приютино. Оттуда он был призван на Северный флот, и в 1956–1957 гг. никак

[271] Воспоминания Шихова А.Ф. Архив мемориального музея Н.М. Рубцова Тотемского музейного объединения.

[272] Багров, С.П. Россия, Родина, Рубцов. [Электронный ресурс] // подгот. по изд.: Вологда: Вологодская писательская организация, 2006. URL: https://www.booksite.ru/fulltext/rossija/text.pdf (дата обращения: 27.01.2018). С. 36–37.

[273] Там же. С. 144.

[274] Решетова, Т. Сколько лет пронеслось... [Электронный ресурс] // URL: http://rubtsov-poetry.ru/Memories/reshetova.htm (дата обращения: 27.01.2019).

не мог присутствовать на Вологодчине. Отпуск у матроса Рубцова, как убедительно доказал Л.Н. Вересов[275], случился только в 1958-м. Об этом отпуске есть несколько интересных воспоминаний, свидетельствующих о том, что поэт активно путешествовал: Приютино, Ленинград, Шуйское. Думается, что поэт успел посетить и село Никольское. Об этом могут свидетельствовать записанные воспоминания Александры Ивановны Кореневой, которая рассказала о том, что видела Рубцова в морской форме на паромной переправе Черепаниха – Красное летом 1958 года[276]. Экспромт поэта, в котором есть строки о пароме, который *«на всех парах» «в детство перевёз»*[277], вероятно, также связан именно с этим эпизодом.

Так или иначе, пребывание Рубцова в Николе летом 1958-го совсем не говорит о том, что поэт посетил Тотьму. В то время из Вологды проще было добраться на Толшму напрямую, без заезда в райцентр. Та же самая сложность присутствует и в дальнейшем, не позволяя определить факты пребывания Рубцова в Тотьме. Поэт, вероятно, был в Николе перед отъездом в Ленинград и устройством на Кировский завод (стихотворение «Загородил мою дорогу...» – некий результат этой поездки), был и визит в родное село летом 1962 года, когда Николай Рубцов заново познакомился с Генриеттой Меньшиковой и вступил с ней в отношения. Но в воспоминаниях Сергея Багрова Рубцов в Тотьме возникает только в декабре 1963-го, когда он, никуда не спеша, появляется на пороге редакции местной газеты «Ленинское знамя»[278].

В дальнейшие два года (1964–65) поэт часто бывает в городе. Мытарства Рубцова, связанные с исключением из Литературного института, его постоянными путешествиями между Москвой, Вологдой и Николой, а также периодическим безденежьем, постоянно вынуждали поэта посещать Тотьму. Здесь он получал редакционные задания, гонорары, провел несколько небольших поэтических встреч. Эпизоды, связанные с этим периодом, хорошо описывает Сергей Багров в своих воспоминаниях. Кстати, именно

[275] Вересов, Л.Н. О стихотворении «Букет», отпуске матроса Рубцова и Тае Смирновой по документам и стихам поэта. [Электронный ресурс] // URL: http://rubtsov-poetry.ru/others_2/o_stihotvorenii_buket.htm (дата обращения: 27.01.2018).

[276] Воспоминания Кореневой А.И. Видеофайл. Архив мемориального музея Н.М.Рубцова Тотемского музейного объединения.

[277] Рубцов, Н.М. На перевозе. Звукописная миниатюра. [Электронный ресурс] // URL: http://rubtsov-poetry.ru/poetry/volny4.htm (дата обращения: 28.01.2019).

[278] Багров, С.П. Россия, Родина, Рубцов. [Электронный ресурс] // подгот. по изд.: Вологда: Вологодская писательская организация, 2006. URL: https://www.booksite.ru/fulltext/rossija/text.pdf (дата обращения: 27.01.2018). С. 62.

в этот период и далее на всех литературных семинарах в Вологде Рубцова представляют как *«поэта из Тотьмы»*[279].

Во второй половине 1960-х Николай Рубцов выбирает постоянным местом жительства Вологду. Туда же в 1966 году перебирается Сергей Багров, уезжает из Тотьмы Василий Елесин. С Тотьмой Рубцова теперь вроде бы мало что связывает; однако поэт регулярно появляется в городе, бывает здесь в составе писательских групп, читает стихи, встречается с тотьмичами. Если изучить весь спектр воспоминаний, то выходит, что в завершающий период жизни Рубцова не было такого года, когда бы он не посещал Тотьму. Например, Сергей Багров пишет о совместном летнем отпуске 1968 года, когда они вместе с поэтом ехали на пароходе в Тотьму[280]. В воспоминаниях убийцы поэта Людмилы Дербиной описаны моменты их совместного с Рубцовым пребывания в Тотьме летом 1969 года[281], об этой поездке также вспоминает и Багров[282]. Судя по всему, именно данные поездки (1968–69) стали для Николая Рубцова наполненными ностальгическими чувствами настолько, что после них рождаются два замечательных стихотворения, местом действия которых очевидно предстаёт Тотьма: «Тот город зелёный и тихий» (1969) и «У церковных берёз» (1968)[283]. Лирический герой Рубцова вспоминает молодость, лето, прощание с любимым человеком – ассоциации слишком очевидны, чтобы не связать их с Татьяной Агафоновой. Но и после этого поэта тянет в город юности. Татьяна Гаврильченко вспоминает визит Рубцова в музей в 1970 году; Генриетта Меньшикова датирует последнюю встречу с поэтом в Тотьме сентябрём 1970-го. Точная датировка

[279] Вересов, Л. Н. Литературные семинары в творческой биографии Н.М.Рубцова [Электронный ресурс] // URL: http://rubtsov-poetry.ru/others_2/veresov_literaturnye_seminary.htm (дата обращения: 27.01.2018).

[280] Багров, С. П. Россия, Родина, Рубцов. [Электронный ресурс] // подгот. по изд.: Вологда: Вологодская писательская организация, 2006. URL: https://www.booksite.ru/fulltext/rossija/text.pdf (дата обращения: 27.01.2018). С. 196–197.

[281] Дербина, Л. О Рубцове. [Электронный ресурс] // URL: http://rubtsov-poetry.ru/derbina/o_rubtsove_1.htm (дата обращения: 27.01.2019).

[282] Багров, С. П. Россия, Родина, Рубцов. [Электронный ресурс] // подгот. по изд.: Вологда: Вологодская писательская организация, 2006. URL: https://www.booksite.ru/fulltext/rossija/text.pdf (дата обращения: 27.01.2018). С. 217–218.

[283] Датировки, как и зачастую у Рубцова, спорные. Игорь Михайлов вспоминает, что одно из четверостиший из стихотворения «Тот город зелёный и тихий» было прочитано поэтом ещё в Ленинграде. Впрочем, у Рубцова такое бывало зачастую: отдельные четверостишия рождались ранее, а в законченные стихи вставлялись существенно позже.

всех вышеупомянутых визитов – задача последующих исследований.

Проанализируем источниковедческую базу, на которую мы опирались. К сожалению, в ней крайне мало документов, которые могли бы чётко подтверждать те или иные даты. Книги приказов детского дома, Тотемского лесотехнического техникума да публикации в газете «Ленинское знамя»[284] – вот те источники, которые в полной мере можно считать непогрешимыми. Остальное представлено воспоминаниями – как расплывчато-отрывочными (Т. Гаврильченко[285], А. Коренева и мн. др.), так и более подробными (Н. Алексеевская[286], В. Елесин, С. Багров). В основном, конечно, именно свидетельства Сергея Петровича Багрова, опубликованные им в книге «Россия. Родина. Рубцов»[287] и впоследствии в ряде очерков, являются самыми полными и ключевыми при составлении списка рубцовских мест Тотьмы. Беда только в том, что память человеческая, бывает, подводит даже самых убеждённых в своей правоте людей…

Отдельно хочется отметить воспоминания Татьяны Решетовой (в девичестве Агафоновой). За то время, что Татьяна Ивановна общалась с разными рубцововедами, её «показания» несколько раз менялись, и определить, что именно в этих воспоминаниях является правдой, а что домыслом, сейчас чрезвычайно сложно[288]. Однако как раз тотемскую часть взаимоотношений Рубцова и Агафоновой воссоздать можно достаточно неплохо.

[284] Ленинское знамя. Номера газет от 14 января, 15, 29 августа, 31 октября, 7 ноября 1964 года; 1, 9 января, 4 марта, 10, 17 июля, 23 сентября 1965 года. Архив Тотемского музейного объединения.

[285] Притчина, В. А. Воспоминания тотьмичей о Николае Рубцове. // Рубцовский сборник. Судьба и творчество Николая Рубцова в культурном контексте современной России. Вологда: Полиграф-периодика, 2018. С. 130–136.

[286] Полётова, М. А. Душа хранит… Николай Рубцов: малоизвестные факты биографии. [Электронный ресурс] // подгот. по изд.: Москва: Молодая гвардия, 2009. URL: https://www.booksite.ru/fulltext/protection/1404663/text.pdf (дата обращения: 27.01.2018). С. 41–42.

[287] Багров, С. П. Россия, Родина, Рубцов. [Электронный ресурс] // подгот. по изд.: Вологда: Вологодская писательская организация, 2006. URL: https://www.booksite.ru/fulltext/rossija/text.pdf (дата обращения: 27.01.2018).

[288] Мы ориентируемся на те сведения, что Татьяна Агафонова рассказала Майе Полётовой, а потом – Александру Быкову. Эпизоды, связанные с Тотьмой, в данном случае не противоречивы. В сжатом виде их можно изучить в оригинале: Решетова, Т. Сколько лет пронеслось… [Электронный ресурс] // URL: http://rubtsov-poetry.ru/Memories/reshetova.htm (дата обращения: 27.01.2019).

Круг общения Николая Рубцова в Тотьме до сих пор не изучен в достаточной мере[289]. К нему можно определить студентов Тотемского лесотехнического техникума (Сергей Багров, Валентин Борзенин, Николай Брязгин, Александр Гладковский, Ия Шилова, Александр Бабкин и др.), педагогов того же учебного заведения (Н. Н. Алексеевская, А. Ф. Корюкина и др.), знакомых по Николе, впоследствии переехавших в Тотьму (Е. И. Семенихина, А. Соколов), журналистов (В. Д. Елесин, А. М. Королёв, Л. А. Каленистов и др.), москвича с тотемскими корнями, литератора и учёного Ф. Ф. Кузнецова, родственников и друзей вышеупомянутых лиц.

Теперь обратимся к творческому наследию поэта. Слово «Тотьма», собственно, упоминается только в трёх стихотворениях. Первое из них никак не относится к «золотому фонду» рубцовской лирики и является скорее экспромтом. Приведём его полностью.

Не надо, не надо, не надо,
Не надо нам скорби давно!
Пусть будут река и прохлада,
Пусть будут еда и вино.
Пусть Вологда будет родная
Стоять нерушимо, как есть,
Пусть Тотьма, тревоги не зная,
Хранит свою ласку и честь.
Болгария пусть расцветает
И любит чудесную Русь,
Пусть школьник поэтов читает
И знает стихи наизусть.

Появление здесь Тотьмы во многом случайно, как и Болгарии, но какие проникновенные строчки сумел поэт подобрать, говоря о нашем городе! Именно эти две строки попали на мемориальную доску Николаю Рубцову, открытую в январе 2019 года на здании редакции газеты «Тотемские вести».

[289] В подшивках газет «Ленинское знамя» в архиве ТМО сохранились обращения руководителя кружка литературного краеведения Тотемской СОШ № 1 Маргариты Афанасьевны Шананиной к тотьмичам с просьбой поделиться воспоминаниями о Рубцове. Откликнулось немало людей, среди которых А. М. Жданова, Е. И. Семенихина, Е. Д. Сиора, А. А. Аносова, В. И. Аносов, К. В. Игошева, В. П. Брагин, Ф. Н. Шестакова, Н. Н. Алексеевская, А. И. Корюкина, А. А. Перцев, И. А. Медведев, А. С. Мартюков, Е. П. Буняк, Г. М. Шведова (Рубцова) и другие. Большинство воспоминаний касаются пребывания Николая Рубцова в детском доме, тотемским периодам посвящено гораздо меньшее количество строк.

ИЗ ПИСЕМ В РЕДАКЦИЮ

ЖДЕМ ВАШИХ МАТЕРИАЛОВ

Но только здесь, во мгле заледенелой,
Она восходит ярче и полней,
И счастлив я, пока на свете белом
Горит, горит звезда моих полей...

Это нашему северному краю адресованы строчки Н. Рубцова, поэта, земляка, чье творчество нашло сегодня признание, снискало большую любовь людей разных поколений во всех концах страны.

Вышла уже не одна книжка стихов поэта. В 1976 году в издательстве «Советская Россия» появилось исследование известного литературоведа В. Кожинова о Рубцове.

Сейчас готовится издание книги воспоминаний. Вологодское отделение Союза советских писателей обратилось с большой просьбой к нам, землякам: помочь в сборе материалов о детдомовском детстве Н. Рубцова, учебе в лестехникуме, воспоминания тех, кто встречался с ним, и для кого он дорог как большой поэт русской земли.

Сообщаем некоторые сведения, которые, возможно, помогут уточнить отдельные ваши представления: мать Н. Рубцова умерла, отец погиб. Это было в 1942 году, когда будущему поэту исполнилось шесть лет. Вначале он воспитывался в Красновском детдоме, а с 1943 года в Никольском. В 1950 году Николай успешно окончил Никольскую семилетку и был направлен на учебу в Тотемский лесотехнический техникум. В 16 лет, получив паспорт, он оставляет техникум с тем, чтобы стать моряком. Годы службы в армии, работа на заводе в Ленинграде, учеба в Литературном институте, работа, большая работа над стихами. И всегда наедине с родным краем, который Н. Рубцов любил и которому служил.

Просим в ближайшее время откликнуться всех, кто знал Н. Рубцова, и свои заметки, записи, замечания выслать по адресу: Тотьма, средняя школа № 1, литературное общество.

М. ШАНАНИНА,
преподаватель Тотемской средней школы № 1.

Обращение учителя Тотемской средней школы № 1 Маргариты Шананиной к тотьмичам с просьбой поделиться воспоминаниями о Николае Рубцове. Первая половина 1970-х гг.

Два стихотворения, где Тотьма упоминается вскользь, отсылают нас к многочисленным путешествиям Рубцова, в том числе пешим:

Я шел, свои ноги калеча,
Глаза свои мучая тьмой...
– Куда ты?
– В деревню Предтеча.
– Откуда?
– Из Тотьмы самой...

(«На автотрассе», 1968)

Топ да топ от кустика до кустика –
Неплохая в жизни полоса.
Пролегла дороженька до Устюга
Через город Тотьму и леса.

(«Подорожники, 1969)

Ещё два стихотворения можно уверенно связывать с Тотьмой, и это – упомянутые выше ностальгические воспоминания «У церковных берёз» и «Тот город зелёный...». Пожалуй, как раз они более интересны и цельны, поскольку повествуют о Тотьме, её внешнем облике и событиях, в ней происходящих. Приведём эти два стихотворения полностью и вернёмся к ним тогда, когда перейдём к путешествию по рубцовским местам города.

Доносились гудки
с отдаленной пристани.
Замутило дождями
Неба холодную просинь,
Мотыльки над водою,
усыпанной желтыми листьями,
Не мелькали уже – надвигалась осень...
Было тихо, и вдруг
будто где-то заплакали,–
Это ветер и сад.
Это ветер гонялся за листьями,
Городок засыпал,
и мигали бакены
Так печально в ту ночь у пристани.
У церковных берез,
почерневших от древности,

Мы прощались,
и пусть,
опьяняясь чинариком,
Кто-то в сумраке,
злой от обиды и ревности,
Все мешал нам тогда одиноким фонариком.
Пароход загудел,
возвещая отплытие вдаль!
Вновь прощались с тобой
У какой-то кирпичной оградины,
Не забыть, как матрос,
увеличивший нашу печаль,
– Проходите! – сказал.
– Проходите скорее, граждане! –
Я прошел. И тотчас,
всколыхнувши затопленный плес,
Пароход зашумел,
Напрягаясь, захлопал колесами...
Сколько лет пронеслось!
Сколько вьюг отсвистело и гроз!
Как ты, милая, там, за березами?

1968

Тот город зеленый и тихий
Отрадно заброшен и глух.
Достойно, без лишней шумихи,
Поет, как в деревне, петух
На площади главной... Повозка
Порой громыхнет через мост,
А там, где овраг и березка,
Столпился народ у киоска
И тянет из ковшика морс,
И мухи летают в крапиве,
Блаженствуя в летнем тепле...
Ну что там отрадней, счастливей
Бывает еще на земле?
Взгляну я во дворик зеленый –
И сразу порадуют взор
Земные друг другу поклоны
Людей, выходящих во двор.
Сорву я цветок маттиолы
И вдруг заволнуюсь всерьез:
И юность, и плач радиолы

Я вспомню, и полные слез
Глаза моей девочки нежной
Во мгле, когда гаснут огни...
Как я целовал их поспешно!
Как после страдал безутешно!
Как верил я в лучшие дни!
Ну что ж? Моя грустная лира,
Я тоже простой человек,–
Сей образ прекрасного мира
Мы тоже оставим навек.
Но вечно пусть будет все это,
Что свято я в жизни любил:
Тот город, и юность, и лето,
И небо с блуждающим светом
Неясных небесных светил...

1969

Остальные произведения поэта, имеющие отношение к тотемской земле, более соотносимы с Николой и Толшмой.

Ничуть не менее интересно, чем стихи, сочинение Николая Рубцова «О родном уголке», посвящённое Тотьме. Оно, как уже было сказано выше, датируется очень спорно и содержит в себе факты, которые пока сложно поддаются интерпретации в контексте биографии поэта. Рубцововеды до сей поры не определили, когда оно вообще было написано: в годы обучения в Тотемском лесотехническом, Кировском горно-химическом техникуме или вообще как выпускное в школе?[290] Сочинение интересно тем, что написано Рубцовым не исключительно на подлинных фактах своей биографии, с некой долей литературного вымысла. Однако, пожалуй, это самое значимое произведение, из которого можно вынести отношение Николая Рубцова к Тотьме.

[290] М. А. Полётова, опираясь на воспоминания Генриетты Меньшиковой, гражданской жены Н. М. Рубцова, пишет в своей книге «Душа хранит» о том, что сочинение написано как выпускное после окончания Рубцовым седьмого класса Никольской школы. Если это действительно так, к моменту окончания школы будущий поэт должен был неплохо знать Тотьму, чтобы столь поэтично рассказать о ней. А мы обладаем сведениями, что к окончанию школы Рубцов только один раз ездил в райцентр на экскурсию. Более убедительной видится версия Ю. И. Кириенко-Малюгина, что сочинение было написано в более поздний период жизни Н. М. Рубцова, связанный с Кировским горно-химическим техникумом. К этому времени Рубцов имел опыт двухлетнего проживания в Тотьме, что не могло не сказаться на качестве сочинения. Однако доказательств нет и этой версии.

«Тихий и красивый город Тотьма, утопающий в зелени садов, расположен на высоком живописном берегу реки Сухоны, несущей свои спокойные, задумчивые воды куда-то далеко-далеко...

Последний, отвальный гудок дает пароход «Чернышевский», отходя от пристани, и быстро проходит рекой, мимо маленьких деревянных старинных домиков, скрывающихся в зелени недавно распустившихся листьев берез, лип, сосен и елей, скрадывающей их заметную кособокость и уже подряхлевший за долгие годы существования серый вид, мимо громадных и мрачных каменных церквей, верхушки которых еще далеко будут видны, возвышаясь над городом.

Может быть, тот, кто впервые побывал здесь, будет с сожалением покидать этот прекрасный и в то же время скромный уголок природы, стараясь запечатлеть в памяти его неширокие стройные улицы, залитые солнечным светом, его зеленые сады, в тени которых так хорошо и приятно можно отдохнуть в жаркий и знойный летний день, его спокойную светлую задумчивость, тишину, его чистый, прозрачный воздух...»

До сих пор это – одно из самых лиричных и проникновенных описаний Тотьмы.

Конечно, молодым возрастом будущего поэта и желанием получить высокий балл можно оправдать присутствие в тексте откровенно клишированных отрывков о том, как гром революции прогнал местных купцов, попов и монахов, как местные коммунисты стали «со всем народом строить новую жизнь». *«Многое изменилось благодаря Великой Октябрьской революции. Монастырь, бывший очагом насилия и грабежа, превратился в рассадник культуры и грамотности среди населения. В заново отстроенных аудиториях зашумели первые студенты. Бывший тотемский собор превратился в городской кинотеатр, откуда беспрерывно доносится веселая музыка, наполняющая радостью сердца новой молодежи!»,*– пишет Рубцов, повторяя то, что слышал в музее и лесотехникуме. А что иное ему ещё могли сказать в то время? До гениальных, выстраданных поэтом строчек о *«Храме старины, удивительном, белоколонном»*, пропавшем *«как виденье, меж этих померкших полей»,* оставалось ещё десятилетие.

«Пусть не лиманы и не каштаны украшают зеленые сады Тотьмы и не райские птички поют в их зеленой листве, пусть небо над Тотьмой не такое голубое, как в Италии, пусть ночи тотемские не такие «очаровательные», как украинские! Природа Тотьмы гораздо грубее и суровей, но именно этой суровой правдивостью нравится мне неподражаемая природа родного уголка...» – и сейчас эти строчки читаются как песня, как настоящее стихотворение в прозе.

Кроме того, Тотьма периодически упоминается в эпистолярном наследии Николая Рубцова. Первый раз – в письме тому же Сергею Багрову 27 июля 1964 года: *«Я снова в своей Николе. А ты? В своей ли Тотьме? Что-то я не вижу в здешних газетах твоей фамилии… Вася Белов говорил мне, что был в Тотьме, был у тебя. В Тотьме у тебя ему понравилось. Да иначе и не может быть!»*[291]. Данный отрывок хорошо иллюстрирует отношение поэта к городу и к другу. Вместе с тем далее Рубцов отмечает: *«Ты обязательно, я прошу, дай мне ответ на это письмо, если ты дома. Я буду знать, что ты никуда не уехал. А иначе (если ты уехал) и в Тотьму мне заезжать нечего»*[292]. Как мы видим, в 1963–65 годы основным человеком, который связывал Тотьму с Рубцовым, оставался Сергей Багров, без присутствия которого поэту было совершенно незачем совершать крюк и посещать райцентр. В другом письме Багрову Рубцов иронически финализирует: *«Салют городу Тотьме, реке Сухоне, всем ее островам и заливам!»*[293].

Осенью 1965 года поэт пишет письмо тотемскому журналисту Василию Елесину, высылает ему свой первый скромный сборник стихов «Лирика» и просит дать рецензию. В конце Рубцов спрашивает приятеля: *«Вася, милый, как ты там живешь в своей скучной, но хорошей Тотьме? По-прежнему? Есть ли новости?»*[294]. Похожую фразу упоминает Сергей Багров в воспоминании о том, как Рубцов спросил его: *«И что же мне делать там, в твоей замечательной Тотьме?»*. Видно, что поэт, несмотря на тёплые чувства к городу, найти себе толковое занятие там не мог.

Отметим, что в письмах и не очень многочисленных автобиографиях Рубцов мало упоминает город, кратко ограничиваясь информацией о том, что учился в техникуме. Зато очень часто поэт подчёркивает именно село Никольское Тотемского района как место, ставшее «духовной родиной» и принимающее его периодически в качестве некой «творческой лаборатории». В этом плане сомнений, конечно, не остаётся – именно Никола является главным рубцовским местом района, где поэт черпал вдохновение.

[291] Письмо Н. М. Рубцова С. П. Багрову. [Электронный ресурс] //Режим доступа: http://rubtsov-poetry.ru/lettres/lettres4.htm#БАГРОВУ1 (дата обращения: 28.01.2019).

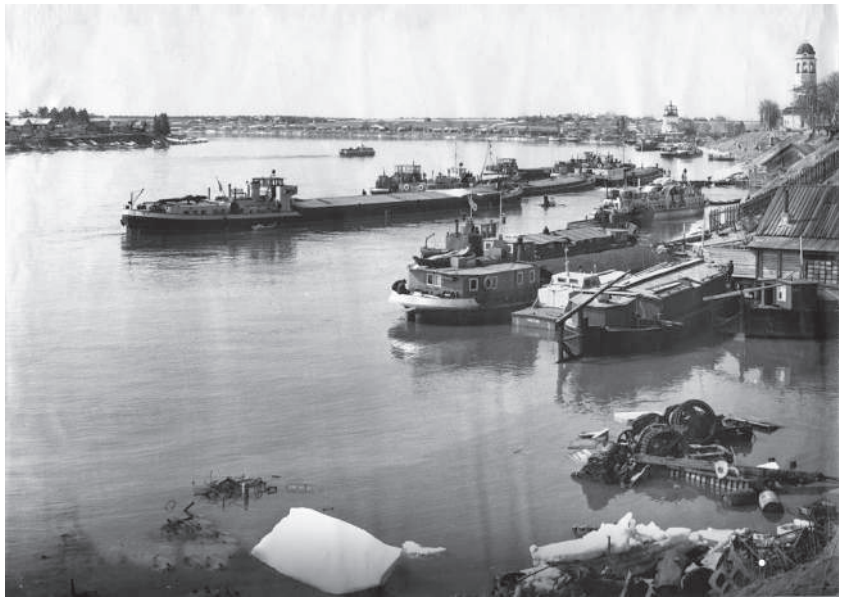
[292] Там же.

[293] Письмо Н. М. Рубцова С. П. Багрову. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://rubtsov-poetry.ru/lettres/lettres6.htm (дата обращения: 28.01.2019).

[294] Письмо Н. М. Рубцова В. Д. Елесину. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://rubtsov-poetry.ru/lettres/lettres9.htm#ЕЛЕСИНУ2 (дата обращения: 28.01.2019).

И вместе с тем, безусловно, в Тотьме можно найти множество мест, связанных с именем и творчеством Николая Рубцова. Именно такое путешествие станет ещё одной важной частью данного материала. Прежде чем его начать, стоит сделать важное замечание. Тотьма – город не очень большой, и необходимо подразумевать, что с большой долей вероятности Рубцов (особенно в годы обучения в лесотехникуме) изучил его полностью, дойдя даже до самых дальних уголков и ближайших окрестностей. В нашем маршруте мы остановимся на тех объектах, что имели значимость для поэта, где он действительно мог бывать неоднократно.

Конечно, одним из самых важных мест и наверняка первым, которое увидел будущий поэт в Тотьме, была пристань. Когда-то оживлённое и бойкое место, бывшее главными воротами города, в настоящее время опустело. С 1990-х гг. нет дебаркадера, здание порта, ныне перестраиваемое в гостиницу, поэта не помнит. Да и сама местность выглядела несколько иначе. На высоком холме – там, где сейчас находится памятник Николаю Рубцову – располагалось кафе «Голубой Дунай», остатки фундамента которого ещё можно видеть рядом с памятником. Поэт любил бывать в этом кафе, сидеть и смотреть на реку.

У пристани в Тотьме (без датировки). Фото из фонда ТМО

Людмила Дербина вспоминает[295] о памятном прибытии на пристань летом 1969 года: *«Мы вышли заспанные, неумытые и влились в толпу, которая уже выливалась по трапу на пристань. Утренний холодок охватил нас, я сразу вся продрогла. Мы стали подниматься по тропинке вверх по берегу Сухоны и остановились на очень возвышенном месте. Вверху, чуть дальше, возвышалось какое-то необычное старинное строение, что-то наподобие башни.*

– Тут раньше соль варили,– пояснил Рубцов.– Люда, вот моя Родина, по этим холмам я бегал мальчишкой,– и обвел окрест рукой»[296].

Из отрывка не совсем ясно, какое строение Дербина имеет в виду под башней, да ещё логически связанной с историей солеварения, о которой что-то пытается рассказать поэт. Вероятно, такой «башней» могла быть колокольня Успенской церкви, лишённая шпиля, или какая-то часть бывшей усадьбы купца Холодилова (тюремного замка), хотя второе более чем спорно… Однако интересен тот факт, что Рубцов называет Тотьму родиной! Смущает только тот факт, что источник предельно не надёжен…

В кафе у пристани Рубцов неоднократно сиживал, общаясь с друзьями. Феликс Кузнецов вспоминает: *«Когда летом 1964 года я гостил в Тотьме у отца, Рубцов, приехав из Николы, разыскал меня. Сидя в открытом кафе, на берегу Сухоны, напротив того места, где сейчас стоит памятник Рубцову, попивая плодово-ягодное вино местного разлива, мы обсудили с ним много проблем и, в частности, главную – как ему восстановиться в Литературном институте, откуда он был исключен полгода назад. И вдруг Коля спросил: «Слушай, ты знаешь Чухину?» Я сказал: «Да, учился вместе. А в чем дело?» Как оказалось, она запретила местной районной газете «Ленинское знамя» печатать стихи Николая Рубцова «по морально-этическим основаниям», лишив Колю последнего заработка (за каждое стихотворение ему платили три рубля).*

На другой же день я пошел к Чухиной «на прием». С недоверием вглядывалась она в московский журнал, где крупно напечатано имя ее земляка: Николай Рубцов. «Ну сам посуди,– объяснила она свое решение: – Человек нигде не работает, попивает, с Гетой не расписывается, вот и идут из сельсовета сигналы. Меры-то надо принимать!» Тамаре... было явно неловко: нелепый запрет в тот же день был снят»[297].

Иногда Рубцов прибывал в город и автобусом – чаще всего в зимний период. Сохранились воспоминания Татьяны Гаврильченко[298], которая вспоминает о памятной встрече именно в здании городской автостанции. Располагалась она в ныне утраченном деревянном двухэтажном доме на улице Советской, 11, по соседству со зданием бывшей Мариинской женской гимназии, а позднее – педучилища и СПТУ.

Это здание также наверняка было памятно Рубцову. Во время обучения поэта лесотехнический техникум и педагогическое училище были главными образовательными учреждениями Тотьмы. В первом учились преимущественно мальчики, во втором – девочки; это создавало определённую атмосферу. Студенты педучилища дразнили «лесников» короедами, те не оставались в долгу и называли будущих «учителок» «буквоедами». Всё это не мешало ребятам из обоих учебных заведений влюбляться друг в друга, ходить вместе на танцы в парк, устраивать романтические прогулки по набережной. Именно на выпускной вечер к Татьяне Агафоновой прибыл в 1954 году с севера студент Кировского техникума Николай Рубцов…

Но, безусловно, куда более связаны с именем Рубцова постройки бывшего Тотемского лесотехнического техникума (ТЛТ). Он занимал помещения закрытого в 1919 году Спасо-Суморина монастыря – в своё время одного из наиболее значительных на Русском Севере. За годы официального государственного атеизма постройки монастыря обветшали. Несколько храмов утратили купола, мало что осталось от грандиозной колокольни высотой 76 метров. В помещениях корпуса настоятельских келий разместились учебные аудитории, в братских келиях – общежития, в обезглавленной церкви Успения – актовый зал и библиотека.

Сотруднику Тотемского музейного объединения Валентине Притчиной удалось выявить точное место, где чуть менее двух лет жил в Тотьме студент Николай Рубцов. Это бывшее мужское общежитие ТЛТ – северное одноэтажное крыло корпуса братских келий, вытянутое вдоль речки Песьей-Деньги, комната под номером

---

[295] Работая с таким специфическим источником, как воспоминания Л. Дербиной, мы старались максимально уменьшить цитирование её оценочных суждений, оставляя только факты.

[296] Дербина, Л. О Рубцове. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://rubtsov-poetry.ru/derbina/o_rubtsove_1.htm (дата обращения: 27.01.2019).

[297] Кузнецов, Ф. О судьбе поседевшей Руси... [Электронный ресурс] // URL: http://rubtsov-poetry.ru/Memories/kuznetsov.htm (дата обращения: 27.01.2019).

[298] Притчина, В. А. Воспоминания тотьмичей о Николае Рубцове. // Рубцовский сборник. Судьба и творчество Николая Рубцова в культурном контексте современной России. Вологда: Полиграф-периодика, 2018. С. 130–136.

шесть. *«Она располагалась через одну комнату от столовой, окна её выходили на южную сторону – на реку. В комнате стояли кровати, заправленные байковыми одеялами, имелись стулья и тумбочки, стол, а на стене висел чёрный репродуктор, который слушали по вечерам. Кроме Рубцова в комнате проживало еще 2–3 студента с первого курса*[299]*. Проживание в общежитии было платным – семь рублей в месяц. Студенты из малообеспеченных семей и сироты освобождались от оплаты. Приказом № 90 от 7 октября 1950 года на основании представленных документов, от оплаты за проживание в общежитии был освобождён Коля Рубцов»*[300]. В настоящее время в этих помещениях располагается архиерейское подворье «Спасо-Суморин монастырь», занимающееся возрождением православной обители. К сожалению, пока данное здание не отмечено мемориальной доской.

А. А. Перцев, бывший студент Тотемского лесотехникума, впоследствии – генеральный директор фирмы «Пермьлес», вспоминал, что Рубцов, обучаясь на втором курсе, жил в существенно более населённой комнате и уже с другими людьми: *«С Николаем Рубцовым мы жили в одной комнате в 1952 году: я, Щукин, Капустин, Павел Борт. Парень он был скромный, несколько замкнутый. Никогда не говорил о своей семье. Мы знали, что мать у него умерла, а отец погиб на фронте. У него были ясные, весёлые глаза, и почти всегда, когда говорил с кем-то, улыбался. Улыбка у него была воистину «гагаринской». Он очень радовался, когда получил паспорт, хвастался перед нами, показывая его»*[301]. Непонятно: на втором курсе Рубцов переместился в другую комнату? Если да, то в какую? Пока эти вопросы не имеют ответов.

Женское общежитие располагалось поблизости, в бывшем гостином монастырском доме. Там располагался «красный уголок», куда, по воспоминаниям Сергея Багрова, любил захаживать и «побренчать на мандолине» Рубцов[302]. Колокольня, располагавшаяся

[299] По воспоминаниям С. П. Багрова, Александр Бабкин и Николай Брязгин. С Николаем Брязгиным В. А. Притчина встретилась и подробно записала его воспоминания.

[300] Притчина, В. А. Студент из Тотьмы Николай Рубцов. [Электронный ресурс] // URL: https://www.booksite.ru/rubtsov/data/1396437_260-264.pdf (дата обращения: 28.01.2019).

[301] Рычкова И. Д. История фотографии (с комментариями С. П. Багрова). [Электронный ресурс] // URL: http://newlit.ru/~bagrov/5593-3.html (дата обращения: 27.01.2019).

[302] Багров, С. П. Россия, Родина, Рубцов. [Электронный ресурс] // подгот. по изд.: Вологда: Вологодская писательская организация, 2006. URL: https://www.booksite.ru/fulltext/rossija/text.pdf (дата обращения: 27.01.2018). С. 41.

между общежитиями, представляла собой уже неубедительные руины. При Рубцове её окончательно доламывали на кирпич. Классицистическая постройка с колоннами, вероятно, стала прообразом для стихотворных строк, выстраданных поэтом уже существенно позже:

И храм старины, удивительный, белоколонный,
Пропал, как виденье, меж этих померкших полей,–
Не жаль мне, не жаль мне растоптанной царской короны,
Но жаль мне, но жаль мне разрушенных белых церквей!..

С монастырским собором Вознесения связаны очень известные эпизоды жизни Николая Рубцова: хождение по узким карнизам на значительной высоте вместе с однокурсниками Сергеем Багровым и Ией Шиловой[303]. Не могу удержаться здесь от цитирования багровских воспоминаний, настолько они поэтичны: *«Облюбовали мы Вознесенский собор. Большинство задержалось на кровле придела. Только пятеро вместе с Рубцовым вскарабкалось выше – на крутоскатую крышу четверика, в середине которого высился каменный барабан, накрытый гигантской луковицей из бронзы. Отсюда видны три крыла монастырских келий, красневшая кирпичом крепостная стена и несколько башен... Дальше глазам открывались холмы с полями и деревнями, тихая Сухона с плывшей по ней вереницею барж и глядевшая сквозь густую листву деревьев, будто сама былинная Русь, пёстрокрышая Тотьма...»*[304]. Собор сейчас возрождён, там проходят монастырские службы.

[303] Осенью прошлого года на связь с музеем Н. М. Рубцова ТМО вышла Ковырзина Екатерина Витальевна. Она сообщила о том, что ее мама – Шилова Ия Алексеевна – училась с Николаем Рубцовым и Сергеем Багровым в одной группе Тотемского лесотехнического техникума. *«Мама была старше Рубцова и Багрова,*– рассказывает Екатерина Витальевна,– *она была с 1929 года, до поступления в техникум училась на ветеринара. Поступила туда по настоянию отца, но не выдержала – сбежала. Потом работала на льнокомбинате пять лет, а потом уж поступила в техникум. Она была старостой группы. Мама мне рассказывала, что долго не могла поверить, что поэт Николай Рубцов, тот самый мальчик, который когда-то сидел сзади нее в группе и говорил: «Ия, научи меня целоваться, а то со мной девочки не дружат». Когда он уезжал из техникума, подарил маме свою фотографию. После окончания техникума вместе со своей подругой Надей Виноградовой мама приехала работать в Белоручейный ЛПХ. Окончила два курса Ленинградской лесной академии, но доучиться не удалось, образовалась семья, пошли один за другим дети... В семье родилось шесть девочек. Не стало мамы в 2004 году. В нашем домашнем архиве сохранилась та самая фотография, подаренная Николаем Рубцовым, на обратной стороне которой надпись: «Ие Шиловой от Коли»».* Сейчас эта фотография передана Е. В. Ковырзиной в ТМО.

[304] Багров, С. П. Россия, Родина, Рубцов. [Электронный ресурс] // подгот. по изд.: Вологда: Вологодская писательская организация, 2006. URL: https://www.booksite.ru/fulltext/rossija/text.pdf (дата обращения: 27.01.2018). С. 36–39.

Тотемский лесотехнический техникум в стенах Спасо-Суморина монастыря. Фото 1940 г. Рубцов не застал даже такую колокольню...

Настоятельский корпус, где проходили учебные занятия и располагались административные службы техникума, в наше время находится в очень плохом состоянии – без окон, с провалившимися полами. В сохранившемся крыле помещения располагаются фондохранилища Тотемского музейного объединения, в том числе музей «Открытое хранение фондов». В руинах пребывает здание техникумовской библиотеки (бывшей Успенской церкви), которое в 1970-е годы приказал растащить на кирпич один из директоров леспромхоза. А ведь именно в этой библиотеке Рубцов мог впервые в жизни по-настоящему изучить произведения классиков русской и мировой литературы, здесь фактически начинался его творческий путь...

Под настоятельским корпусом и Успенским храмом был организован стадион, по которому, конечно, не раз бегал Рубцов, играя в футбол с сокурсниками. Сергей Багров вспоминает: *«В Тотьме, когда учился Рубцов в Лесном, он всегда и во всём норовил быть лишь*

первым. Где он только себя не испытывал! На стадионе среди футболистов он торопился забить поскорее собственный гол. Носился по полю страстно, с бешеным криком и матюками»[305]. В некоторых воспоминаниях упоминается о том, что якобы на месте стадиона когда-то было монастырское кладбище; на деле же кладбища были в стенах обители и за рекой Ковдой, потому эти данные нельзя считать достоверными.

Конечно, одним из любимейших мест отдыха студентов был кинотеатр «Октябрь», расположенный в бывшем кафедральном соборе Богоявления. *«Часто группой ходили в Тотьму смотреть фильмы. Тогда шли в кинотеатре трофейные фильмы. Помню, много недель подряд смотрели фильмы о Тарзане, и Николай смешно изображал прыгающего Тарзана»*[306],– вспоминает преподавательница истории лесотехникума В. В. Оборина. Кинозал просуществовал в бывшем соборе до 2015 года, сейчас в здании расположен филиал «Городской» центра развития культуры «Тотьма». В годы обучения в техникуме посещал Рубцов и фотоателье на углу улиц Садовой и Советской (на месте современного магазина «Фаворит»). *«А фотографировался Рубцов действительно в Тотемской фотографии. Я тоже там снимался на паспорт. Фотографировал нас со своего штатива на деревянной треноге участник Великой Отечественной войны талантливый фотомастер Борис Николаевич Коробейников»*[307] (С. П. Багров).

«В последующие годы,– вспоминает преподаватель лесотехникума Анна Феодосьевна Корюкина,– *Рубцов всегда во время посещения города заходил в техникум, там учились никольские девчата, и он их навещал. Одет был в чёрное, коротенькое, перекрашенное из шинели пальтишко и серые валенки. Когда увидела его в книге Багрова нарядно одетым, даже не поверила, что это он»*[308].

Часть лета 1951 года Рубцов после закрытия Никольского детского дома провёл в Тотемском детском доме № 3, самом большом

---

[305] Багров, С. П. Россия, Родина, Рубцов. [Электронный ресурс] // подгот. по изд.: Вологда: Вологодская писательская организация, 2006. URL: https://www.booksite.ru/fulltext/rossija/text.pdf (дата обращения: 27.01.2018). С. 33.

[306] Оборина, В. В. Воспоминания о Рубцове. [Электронный ресурс] // URL: http://www.rubcow.ru/index.php/vospominaniya-sovremennikov/91-v-oborina-vospominaniya-o-rubtsove (дата обращения: 29.01.2019).

[307] Рычкова И. Д. История фотографии (с комментариями С.П.Багрова). [Электронный ресурс] // URL: http://newlit.ru/~bagrov/5593-3.html (дата обращения: 27.01.2019).

[308] Притчина, В. А. Студент из Тотьмы Николай Рубцов. [Электронный ресурс] // URL: https://www.booksite.ru/rubtsov/data/1396437_260-264.pdf (дата обращения: 28.01.2019).

в городе. Он размещался в четырех зданиях, из которых до наших дней сохранился дом на углу Садовой и Клочихина (нынешний военкомат)[309]. К сожалению, мы не знаем, в каком именно из зданий жил Николай; есть предположения, что это был дом на углу улиц Советской и Ворошилова, ныне утраченный.

Одним из первых адресов, где будущий поэт побывал в Тотьме, стал родовой дом Багровых на улице Кооперативной (ныне – Гущина, 12). В годы обучения в техникуме здесь жил сам Багров, впоследствии там жила его сестра Г. Д. Баранова с мужем В. И. Барановым. С этим домом связаны два незаурядных эпизода, которые мы цитируем по тем же воспоминаниям С. П. Багрова. Первый эпизод относится к 1950 году.

«Тогда же, осенней порой 1950 года, учащийся первого курса Тотемского лесного техникума Коля Рубцов стоял на крыльце деревянного дома и, глядя на ропщущий в шёпоте чутких черёмух Кореповский ров, на резвых козлят во дворе, на скамейку под окнами и белеющую дорогу, по которой тащился гнедок, везя на телеге бочку с возницей, взволнованно говорил:

– Как много здесь русского! Как я люблю эту местность! Откуда всё это? И для кого? Ты не знаешь?

– Не знаю,– ответил я.

– Значит, мне предстоит.

– Что предстоит?

Рубцов показал на двор, огород, ров и ропщущие деревья:

– Узнать: почему всё это так сильно действует на меня...»[310]

Второй эпизод связан с пребыванием в этом доме Николая Рубцова, уже известного поэта, в компании с Людмилой Дербиной.

«В тот приезд – а было это в лето 1969 года – Николай появился в доме Барановых без меня. Попал как раз на воскресные пироги. Именно здесь, в маленькой кухне с окном, выходившем во двор, где цвели яблони и цветы, Николай и читал свои новые стихотворения. Читал, пока его голос не заглушил глуховато-раскатистый бой старинных часов с медными гирями и цепями. Было восемь часов. И ударить часы должны восемь раз.

[309] Дьяковский, Л. М. Тотьма – город милосердия (страницы истории детских домов города и района). //Тотьма: краеведческий альманах. Выпуск 2. Электронный ресурс: https://www.booksite.ru/fulltext/two/tot/ma/10.htm (дата обращения: 28.01.2019).

[310] Багров, С. П. Россия, Родина, Рубцов. [Электронный ресурс] // подгот. по изд.: Вологда: Вологодская писательская организация, 2006. URL: https://www.booksite.ru/fulltext/rossija/text.pdf (дата обращения: 27.01.2018). С. 34–35.

Дом Барановых. Тотьма, улица Гущина, 12. Фото 2019 года

Какой из поэтов любит, когда его грубо перебивают. Рубцов был к тому же в тот вечер чем-то еще и расстроен. Потому он прервал свое чтение и, взглянув на часы, раздраженно потребовал:

– Остановите их! Вы же слушаете мои стихи, а не эти куранты!

Маятник придержали, и Рубцов закончил чтение в установившейся тишине. Потом закурил сигарету и вновь посмотрел на высокие, в деревянном корпусе с длинным маятником часы.

– Странно! В поэзию ворвалось само время! Быть может, оно хотело меня о чем-то предупредить? – Рубцов посмотрел на хозяев дома. Но те ничего ему не сказали.

Рубцов в третий раз посмотрел на часы.

– Им, наверно, сто лет?

– Не меньше.

– А мне – тридцать три, но чувствую я себя старше, чем эти часы. Видимо, я обогнал свое время»[311].

[311] Багров, С. П. Россия, Родина, Рубцов. [Электронный ресурс] // подгот. по изд.: Вологда: Вологодская писательская организация, 2006. URL: https://www.booksite.ru/fulltext/rossija/text.pdf (дата обращения: 27.01.2018). С. 217–218.

К счастью, дом на улице Гущина, 12 сохранился, на нём установлена символическая мемориальная табличка. Сохранился и по-прежнему заросший черёмухами Кореповский ров, мало изменившийся со времён поэта, разве что зарослей стало ещё больше...

Сохранилась информация, что зимой 1964 года Николай Рубцов с компанией посетил дом по улице Гущина, 30, где жила Людмила Осовская. Она вспоминала, что поэт играл на гармони и пел песню «Раскинулось море широко...»[312].

Сразу за Кореповским рвом, через деревянный мост, расположено монументальное краснокирпичное здание бывшей Петровской ремесленной школы, возведённое на крутом берегу реки Сухоны в 1903–1904 гг. (наб. Кускова, 14). При Рубцове в этом здании уже располагалась Тотемская средняя школа № 1. По воспоминаниям Сергея Багрова, именно высокий берег реки около этой школы, заросший тополями, был в Тотьме заветным и любимым местом поэта, где хорошо складывались стихи. *«Тут он мог находиться часами, наблюдая работу реки, по которой ходили буксиры, баржи и пароходы, длинные связки плотов, катера, моторки и лодки. Тут можно услышать гудки и свистки, скрежет лебёдок, пыхтенье парома, крики купающихся детей, чей-нибудь смех или плач и спокойный, как вздох человека, шорох пологой волны...»*[313].

Наверное, не случайно спустя несколько лет после гибели поэта именно в Тотемской средней школе № 1 открылся литературный кабинет-музей, посвящённый Николаю Рубцову.

С Сергеем Багровым связан и ещё один адрес поэта в Тотьме – улица Красная, дом 2 – практически напротив нынешнего памятника и бывшей пристани. Там товарищ Рубцова жил в первой половине 1960-х, работая в газете «Ленинское знамя»; вместе с Сергеем небольшой домик делили мать и бабушка. Именно здесь чаще всего останавливался Николай Рубцов, приезжая в этот период в Тотьму. Багров вспоминает одну из первых встреч в этом домике:

«*Здесь, в доме с узорными окнами, грустно глядевшими на реку, жили мои родители – бабушка с мамой.*

Мы уселись за стол. Старушки ухаживали за нами. А мы, как счастливые баловни дня, блаженствовали на стульях.

Было нам умирённо и тихо. Ещё и вечер далёк. И солнышко молодое. Оно горело на рюмках и на графине. Где-то в глубинах дома бряцали бабушкины коклюшки. Под столом, мурлыкая, добивался от нас хотя бы маленькой ласки льнувший к нашим ногам молоденький кот.

Долго сидели мы так, отдыхая. Потом Николай поднялся. Взглянул в окно на покрытую снегом реку и запел:

В горнице моей светло,–
Это от ночной звезды.
Матушка возьмет ведро,
Молча принесет воды...»[314]

Ещё в конце 80-х гг. XX века по инициативе известного тотемского краеведа, сотрудника музея Станислава Зайцева на этом доме была установлена мемориальная доска «Здесь, в гостях у писателя С. Багрова бывал поэт Николай Рубцов». По инициативе областных чиновников эта табличка была снята как установленная без соответствующего разрешения и не появилась до сих пор[315]. Новые владельцы дома существенно обновили здание, перекрасив его и установив пластиковые окна, а также обнесли дом металлическим забором.

Чуть западнее по течению Сухоны, в паре кварталов от Красной улицы располагаются храмы Успенского прихода – церкви Успения Божией Матери и Воскресения Христова (набережная Кускова, 7 – ул. Ворошилова, 2). Конечно, никаких храмов внутри этих зданий при Рубцове уже не было. Воскресенскую церковь обезглавили, превратив в обычное гражданское здание, а через смотровую площадку колокольни Успения протянули провода на другой берег, попутно уничтожив шпиль – только тем здание и спаслось.

Храмы Успенского прихода, вероятно, отметились в стихотворении «У церковных берёз». Оно, как уже мы говорили, автобиографично и повествует о прощании Николая Рубцова с Татьяной Агафоновой после выпускного вечера летом 1954 года. *«Городок засыпал, и мигали бакены так печально в ту ночь у пристани»*,– пишет поэт, и далее переходит сразу к месту действия: «*У церковных берёз, почерневших от древности, мы прощались...*».

Никаких церквей, кроме храмов Успенского прихода, на набережной в районе пристани нет, потому невольно приходится переносить действие стихотворения именно к ним. В реальности эти эпизоды могли происходить гораздо ближе к месту отплытия парохода. Известно, что стихотворение в одной из редакций называлось

[312] Осовская, Л. Воспоминание о Н. М. Рубцове. Архив Тотемской СОШ № 1.
[313] Там же. С. 72–75.
[314] Осовская, Л. Воспоминание о Н. М. Рубцове. Архив Тотемской СОШ № 1. С. 62–66.
[315] Там же. С. 254–256.

«У знакомых берёз», и слово «церковных» могло появиться здесь уже для большей звучности и выразительности. Хотя, конечно, гудок парохода от Успенской церкви услышать влюблённые могли – и дальше прощаться уже ближе к пристани, *«у какой-то кирпичной ограды»*, которая равно как могла являться и стеной усадьбы купца Холодилова, так и не более чем удачной рифмой к слову «граждане».

Сейчас берёзы, растущие у храма Воскресения, сотрудники музея условно называют «рубцовскими», рассказывая у них историю стихотворения и прощания Рубцова с любимой девушкой. К одной из берёз прислонён велосипед с букетиком – визуализация одного из самых известных рубцовских стихотворений. Сейчас в зданиях храмов Успенского прихода расположены музеи Тотемского музейного объединения.

Через глубокий овраг, разделяющий пристань и храмы Успенского прихода, по линии улицы Володарского перекинут мост. При Рубцове он был деревянным, сейчас же получил металлическое покрытие. Возможно, именно этот мост упоминается в стихотворении «Тот город зелёный и тихий». Гораздо труднее с атрибуцией места, обозначенного следующим образом: *«А там, где овраг и берёзка, столпился народ у киоска и тянет из ковшика морс»*. Разные исследователи выдвигают разные версии (район пристани, парк Вахрушова, район городской площади, район кинотеатра), но истину мы узнаем вряд ли, да и можно ли привязать лирику к каким-то точным географическим координатам?

Что можно утверждать абсолютно – так это то, что ещё одним важным рубцовским местом Тотьмы является центральная (Торговая) площадь, на которой *«поёт, как в деревне, петух»*. Там располагаются здания, которые хорошо помнят поэта.

В первую очередь это, безусловно, редакция газеты «Ленинское знамя» (ул. Белоусовская, д. 5). Поэт неоднократно посещал это здание, получая здесь редакционные задания, гонорары, проводя поэтические встречи с коллективом и даже оформляясь на работу. Сам Рубцов писал: *«Когда я ушел на заочное, я сразу же опять отправился туда, в классическое русское селение,– и с творческой стороны опять у меня все было хорошо. Но зато в документах возник беспорядок: у меня нет в паспорте штампа о работе, т. к. я сотрудничаю в тамошней газете нештатным (штатных мест не было), у меня нет прописки в паспорте, т. к. в той местности временным жителям выдают только справки о том, что они с такого-то по такое время проживали именно там…»*[316].

[316] Письмо Н. М. Рубцова ректору Литературного института В. Ф. Пименову. [Электронный ресурс] // URL: http://rubtsov-poetry.ru/lettres/lettres9.htm (дата обращения: 28.01.2019).

Понимая трудное положение Рубцова, сотрудники районной газеты старались посильно помочь поэту. К нему по-доброму относились и заместитель редактора А. М. Королёв, и редактор Л. А. Каленистов. В качестве отклика на редакционные задания Рубцов направлял в «районку» не только стихи (как привычную лирику, так и вымученные «Октябрьские ветры» ко дню революции), но и прозаические заметки о жителях села Никольского. Таковых на страницах «Ленинского знамени» появилось две: «Огонёк в окне» об учительнице Нине Клыковой и «Вы пришли за здоровьем…» о сельском фельдшере Василии Чудинове.

Сергей Багров вспоминает эпизод, происшедший в редакции, когда Рубцов, читая стихотворение «По вечерам», будто бы забыл финальную строчку одного из четверостиший и выдержал паузу, а потом как ни в чём не бывало завершил чтение. На вопрос сотрудников газеты поэт ответил, что во время паузы он начал в уме писать другое стихотворение – будущую «Прощальную песню»[317].

17 января 2019 года на здании редакции (теперь газета называется «Тотемские вести») по инициативе Тотемского музейного объединения появилась мемориальная доска Николаю Рубцову,

Открытие мемориальной доски на здании редакции в Тотьме. 17 января 2019 года. Перед зданием – участники Рубцовских чтений-2019

[317] Багров, С. П. Россия, Родина, Рубцов. [Электронный ресурс] // подгот. по изд.: Вологда: Вологодская писательская организация, 2006. URL: https://www.booksite.ru/fulltext/rossija/text.pdf (дата обращения: 27.01.2018). С. 66–71.

Дом крестьянина. 1960-е годы. Фото из архива ТМО

торжественно открытая в присутствии большой аудитории как тотьмичей, так и гостей очередных Всероссийских «Рубцовских чтений». Само здание сохранилось неплохо. Планировка изменилась незначительно, кабинет редактора остался на том же самом месте, что в 1960-е годы.

Ещё одно здание на площади, связанное с поэтом – бывшая гостиница с магазинами купца Киренкова, в советские годы ставшая домом колхозника (крестьянина) и доведённая до трёх этажей (ул. Советская, 13). Здесь Рубцов с Багровым как-то раз угодили в заварушку с хулиганистой молодёжью, едва не окончившуюся дракой[318]. Здесь же поэт ночевал, будучи в Тотьме в конце 60-х, в том числе во время памятной поездки с Людмилой Дербиной летом 1969 года[319]. Сейчас помещений, где жил Рубцов, нет, они уничтожены пожаром, после которого здание вновь стало двухэтажным.

Несомненно, Николая Рубцова помнят и стены краеведческого музея (ул. Ворошилова, 44). Судя по всему, поэт здесь бывал неоднократно. Первый визит, случившийся в юные годы, вызвал неподдельные эмоции, которые Николай описывал в своём сочинении «О родном уголке»: *«Но не только своей красотой мог бы заинтересовать вас этот маленький районный городок. Без сомнения, заинтересует вас и его историческое прошлое… когда, слушая рассказы сотрудника Тотемского музея, замечательного археолога, пройдете по всем обширным помещениям музея, удивляющего богатством старинных памятников. …Немало интересного и увлекающего слышали мы от учителей, от Тотемского археолога, от старых людей о прошлом своего родного города»*[320].

Личность «замечательного археолога» узнаётся без всяких сомнений: речь идёт о Николае Александровиче Черницыне (1888–1973), директоре музея с 1920 по 1950 годы, внёсшем существенный вклад в развитие краеведения и музейного дела в Тотемском районе. Безусловно, музей и интересный рассказ о прошлом Тотьмы в исполнении эрудированного краеведа могли по-настоящему поразить подростка.

В 1969 году Рубцов вновь посещает музей – уже вместе с Дербиной, и этот эпизод в воспоминаниях убийцы поэта очень интересен.

«В музее был выходной, но, вероятно, заведующая была предупреждена о том, что Рубцов хочет посетить музей, потому что когда мы пришли, нас встретила женщина, лицо которой я сейчас не помню. В прохладной тишине музея мы бродили вдвоем с Рубцовым не менее двух часов.

– Ты знаешь, Люда, это же очень богатый музей, раньше еще был богаче, когда директором был Чернецов[321]*. Это был человек, одержимый в своем деле, а сейчас здесь баба. Все уже не то.*

…Богатые коллекции старинной домашней утвари, атрибуты крестьянского быта, домотканые сарафаны, искусные вышивки тотемских рукодельниц, живописные фарфоровые сервизы – все это запомнилось мне, всколыхнуло душу, овеяло ее родным, благодатным.

…Мы долго бродили еще вдвоем, переговариваясь вполголоса в тишине, робея и радуясь. Вместе подошли к ящику, где был какой-то прах, тлен, останки древнего человека, какой-то серый пепел и проломленный высохший череп.

---

[318] Багров, С. П. Россия, Родина, Рубцов. [Электронный ресурс] // подгот. по изд.: Вологда: Вологодская писательская организация, 2006. URL: https://www.booksite.ru/fulltext/rossija/text.pdf (дата обращения: 27.01.2018). С. 180–185.

[319] Дербина, Л. О Рубцове. [Электронный ресурс] // URL: http://rubtsov-poetry.ru/derbina/o_rubtsove_2.htm (дата обращения: 27.01.2019).

[320] Рубцов, Н. М. О родном уголке. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://rubtsov-poetry.ru/prosa/prosa2.htm#О РОДНОМ УГОЛКЕ (дата обращения: 28.01.2019).

[321] Л. Дербина или Н. Рубцов в её воспоминаниях ошибается в фамилии Н. А. Черницына.

– Вот во что превратимся и мы когда-нибудь! – грустно сказал Рубцов»[322].

Воспоминания требуют некоторых пояснений. Действительно, в 1969 году директором ТКМ была женщина – Екатерина Павловна Соломенко. Экспозиция в тот период была существенно перестроена согласно новым веяниям времени, и не всё в формировании концептуального решения зависело от директора, который был вынужден подчиняться требованиям вышестоящих органов, отвечавших за идеологию. Так что, думается, поэт вряд ли был справедлив, если данный эпизод действительно имел место, а не является плодом фантазии Л. Дербиной.

Ещё одно посещение музея Рубцовым вспоминает Т. С. Гаврильченко, относя его к 1970 году[323]. *«Приехали в Тотьму вологодские писатели и поэты. Татьяна должна была им проводить экскурсию. Среди присутствующих она узнала Рубцова. Испугалась, что он узнает её, убежала, спряталась. Директор музея Соломенко Екатерина Павловна никак не могла заставить Татьяну Степановну выйти на экскурсию и проводила её сама»*[324].

В целом же видно, что поэт достаточно неплохо знал историю Тотьмы, обращался к ней и мог оперировать фактами из прошлого. Та же Дербина вспоминает, как при посещении лесотехникума Рубцов говорил о прославленном тотемском мореходе, основателе Форта Росс в Калифорнии Иване Кускове:

«Во дворе Рубцов взволнованно ходил среди берез, отмеривал большие шаги и говорил:

– Вот здесь, на этом месте, похоронен известный путешественник – тотьмич Иван Кусков! Он добрался до Аляски, Тихий океан переплыл! Искали его могилу, все перерыли и не нашли. Ну куда она делась? Ведь точно знают, что он похоронен здесь»[325].

Разумеется, Кусков был на слуху в связи с тем, что ещё в 1960 году его имя получила главная городская набережная, заметки о мореплавателе периодически появлялись в местной газете. Остаётся только пожалеть, что эта интереснейшая страница в истории

[322] Дербина, Л. О Рубцове. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://rubtsov-poetry.ru/derbina/o_rubtsove_2.htm (дата обращения: 27.01.2019).

[323] Т. Гаврильченко говорит о 1970 или 1971 годе, но за те 18 дней, что Николай Рубцов прожил в 1971 году, Тотьму он посетить не успел.

[324] Притчина, В. А. Воспоминания тотьмичей о Николае Рубцове. // Рубцовский сборник. Судьба и творчество Николая Рубцова в культурном контексте современной России. Вологда: Полиграф-Периодика, 2018. С. 130–136.

[325] Дербина, Л. О Рубцове. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://rubtsov-poetry.ru/derbina/o_rubtsove_2.htm (дата обращения: 27.01.2019).

Такую Тотьму застал и полюбил Николай Рубцов. Фото из личного архива Л. Е. Баландина. Улица Советская

Тотьмы никак не отразилась в творчестве Рубцова. Практически никак не отметил поэт и особенный стиль местных храмов со знаменитыми теперь тотемскими картушами – хотя, конечно, любоваться жалким состоянием церквей, превращённых в заводские мастерские, было сложно.

Из воспоминаний можно сделать выводы, что Рубцов бывал и в окрестностях Тотьмы, в частности, в районе тотемского солелечебного курорта (санатория), гостил в лесном посёлке Советский близ города.

Список рубцовских мест Тотьмы не будет полным, если мы не отметим появившиеся уже после смерти поэта мемориальные

объекты и экспозиции. Во-первых, это вновь Тотемская СОШ № 1, где в течение 20 лет функционировал школьный кабинет-музей, ставший первым и очень долго единственным Рубцовским центром России. О его невероятно плодотворной и системной работе можно написать отдельную статью, и хочется верить, что эта идея осуществится. Во-вторых, это памятник поэту работы скульптора Вячеслава Клыкова на пересечении улиц Красной и набережной Кускова, с 2016 года – объект культурного наследия регионального значения. В-третьих, это арт-объект рядом с памятником – железная книга со стихами Николая Рубцова, проиллюстрированная детскими рисунками (инициаторы акции – учащиеся и педагоги основной общеобразовательной школы поселка Советский Тотемского района). В-четвёртых, это арт-объект «Рубцовский велосипед» у условных «церковных берёз» близ храмов Успенского прихода. В-пятых, это две таблички на зданиях: простая на Гущина, 12 и мемориальная на Белоусовской, 5.

Наконец, рассказ был бы неполным без описания ещё одного важного «рубцовского места» на карте Тотьмы – центральной районной библиотеки имени Николая Рубцова. Посвящение поэту она обрела ещё в 1979 году, когда находилась в том самом здании бывшего храма Воскресения «у церковных берёз». Секретариат правления Союза писателей РСФСР телеграммой поздравил библиотекарей и читателей с присвоением имени районному книгохранилищу замечательного русского поэта и нашего земляка Николая Рубцова. Подписавшие телеграмму Сергей Михалков, Анатолий Алексин, Сергей Викулов и другие выразили надежду, что земляки внесут свой вклад в увековечение памяти поэта.

С 2011 года библиотека переместилась в бывшее здание комбината бытового обслуживания на улице Ленина, 21. Просторные помещения современного здания позволили учреждению открыть «Рубцовский зал», где собрана впечатляющая коллекция книжных изданий о поэте. Гордость библиотеки – тематическая картотека «Николай Рубцов» – содержит восемь разделов и более тысячи карточек. В фойе учреждения находится ещё одно тотемское скульптурное изображение Николая Рубцова – бюст работы скульптора М. Л. Жаржевского.

В 2018 году на базе библиотеки был создан «Центр писателя Сергея Багрова», в котором собраны документальные материалы, фотографии, издания, посвящённые известному вологодскому писателю, другу Николая Рубцова.

Таким образом, круг рубцовских мест в Тотьме можно очертить следующим экскурсионным маршрутом: Тотемский лесотехнический техникум (ныне вновь Спасо-Суморин монастырь) – центральная библиотека имени Николая Рубцова и центр писателя Сергея Багрова – педагогическое училище (ныне главный корпус политехнического колледжа) – краеведческий музей – Дом крестьянина – Торговая площадь – редакция газеты «Ленинское знамя» (ныне «Тотемские вести») – кинотеатр «Октябрь» (ныне филиал «Городской» центра развития культуры «Тотьма») – набережная – храмы Успенского прихода – мост через овраг на улице Володарского – дом Багровых на Красной, 2 – пристань и памятник Н. М. Рубцову – дом Багровых (Барановых) на Гущина, 12 – здание Тотемской средней школы № 1.

Изучение темы Тотьмы в творческом наследии и биографии Николая Рубцова обязательно продолжится в рамках подготовки иллюстрированного издания, в котором будет собрана и обобщена вся информация о пребывании поэта на тотемской земле.

Лу Вэнья,
Сычуаньский университет иностранных языков, Чунцин, КНР

«ОСЕННЯЯ» ЭЛЕГИЯ НИКОЛАЯ РУБЦОВА: МОТИВЫ, ОБРАЗЫ, СИМВОЛЫ

В творчестве Николая Рубцова, одного из лучших русских лириков второй половины XX века, важное место занимает жанр элегии, который нередко взаимодействует у него с другими поэтическими жанрами. Наряду с этим мотив осенней природы является одним из наиболее любимых поэтом. Элегическое начало и осенние мотивы объединяются во многих стихотворениях Рубцова, которые мы определяем как «осенние» элегии. Их основа заключается в проекции времени созерцаемой на определённом этапе цветения или увядания природы на жизнь человека или даже человечества. Элегический характер осени связан, прежде всего, с символическим значением смены времен года, жизненного цикла. Родиться весной, достигнуть расцвета летом, увядать осенью, угасать зимой – это закон циклической жизни природы. Рождение и смерть человека также сменяются последовательно, подобно тому, как весна сменяется осенью.

Осень предвещает наступление зимы, когда всё живое словно умирает. Осенью трава желтеет, листья опадают, ветер дует, холодает, день становится короче, а ночь длиннее, все это навевает тоску и уныние… Прежний цветущий мир пустеет, сиротеет. Пейзаж этого времени года, близкого к концу жизни всего сущего, часто вызывает у людей грустные мысли, напоминает им о краткости земного существования. В то же время унылая картина осени соответствует психологическому и эмоциональному состоянию людей при разлуке, утрате, сиротстве, одиночестве, воспоминании и т. д. Осень как самое элегическое время ассоциируется с чувством грусти, которое вызвано картиной природного увядания,– отсюда и наименование для жанровой модели, примыкающей к ряду жанровых разновидностей, реализующих в поэтическом языке его символический потенциал.

Мотив осени искони неразрывно связывается с элегическим переживанием; они образуют устойчивый эстетический объект, в китайской поэзии даже существует важная традиция «печальной осени» – поэты выражают свои чувства с помощью осенних пейзажей. Отметим, что в этом находит отражение и традиционная для китайской нации идея «единства человека и природы», что соответствует мысли Рубцова о существовании связи между человеком и природой.

В «осенней» элегии природные образы способствуют более глубокому выражению мыслей и чувств лирического героя. В «осенних» элегиях Рубцова появляются различные типичные образы: увядшие листья, журавль, луна, ночь, ветер, дождь и т. п. Это самые значительные лирические символы, которые выступают не столько как «фон», сколько как «первоисточник» элегического настроения. Посредством этих образов выражается не только чувство грусти лирического субъекта, но и обобщенная философская медитация.

Николай Рубцов особенно любил писать об осенних опавших листьях, которые часто вызывают у поэта печаль и тоску. Как замечает Андрей Грунтовский, у Рубцова образ осени символизирует эсхатологию, а лист выступает как символ смерти. Мотив «последних листьев» – сквозной в поэзии Н. Рубцова, например:

Грустно, грустно последние листья
Не играя уже, не горя,
Под гнетущей погаснувшей высью,
Над заснеженной грязью и слизью
Осыпались в конце октября!

Очевидно, под словом «последний» поэт подразумевает конец жизни. Иногда «опавшие листья» и «смерть» оказываются рядом. В «Листьях осенних» лирический герой предчувствует «сон золотой увяданья», т. е. смерть.

Срываемые ветром листья не только символизируют смерть, но и ассоциируются с другими элегическими настроениями. Под пером поэта опавшие листья одушевляются и «плачут»: «Было тихо, и вдруг, будто где-то заплакали, / – Это ветер и сад. / Это ветер гонялся за листьями». Заплачет и лирический герой об опавших листьях. Например, после того как дважды повторяется строка «Листвой пропащей, знобящей мглою / Заносит буря неясный (безлюдный) путь», следуют слова: «Я вспоминаю былые годы / И – плачу…». Порой лирический герой открыто высказывает свое сожаление об опавших листьях: «Жаль мне желтые листья, / Жаль мне сельские версты».

У Николая Рубцова есть известная лирическая миниатюра под названием «Улетели листья», в которой превалирует элегическая эстетика и философская медитация. В зачине стихотворения за строкой «Улетели листья с тополей» следуют раздумья лирического героя: «Повторилась в мире неизбежность...». А в конце стихотворения вновь возникает пейзажное описание – «...с деревьев листья улетели?».

Кольцевая композиция стихотворения подчеркивает повторность неизбежной трагедии в мире. В этой элегии речь идёт не столько об улетевших листьях, сколько о человеческих переживаниях. Здесь соотносятся неизбежность природная и трагедия человеческих взаимоотношений (Бараков: Воля и отчизна). Опавшие листья напоминают лирическому герою о потерянной любви: «Не жалей ты листья, не жалей, / А жалей любовь мою и нежность!» Он связывает свою печаль с шумными метелями, восклицая и вопрошая: «Не кляни ты шумные метели! / Разве в этом кто-то виноват, / Что с деревьев листья улетели?»

Образ журавля оказывается одним из самых характерных для Рубцова «осенних» образов. Он имеет различные значения, выступает как символ чистоты, счастья, гордости, верности, свободолюбия… и грусти, печали. Нельзя не упомянуть известное стихотворение Рубцова «Журавли». Эти птицы прилетают весной, когда всё расцветает, повсюду царит радость, а улетают осенью – тоскливой порой. Встреча журавлей – всегда радостное событие, провожают же их с грустью. Как и образ осенних листьев, в поэзии Рубцова образ журавлей порождает неизбежную элегичность в связи с

круговоротом времени. Этот символ позволяет поэту создать особенно печальную, драматичную осеннюю картину. Элегичен образ журавлей, так как они возвещают «предназначенный срок увядания». Элегичен «высокий полет этих гордых прославленных птиц», так как им придётся прощаться с родными краями. Элегичны «журавлиные крики», так как это рыдание передает «все, что есть на душе», эти «небесные звуки» выразят «и забытость болот и утраты знобящих полей», «улетающий плач журавлей» «далеко разгласит». Журавли рыдают, плачут, что вызывает у людей сочувствие. В финальной части стихотворения усиливается невыразимая элегичность этой осенней картины. Журавли улетели, «и вновь сиротеет душа и природа». В сравнении с оставшимися на земле людьми эти птицы символизируют родственные души. Их отлёт приводит к сиротству души и природы. На фоне осени, увядания и запустения, журавли – только эти прекрасные птицы могут выражать душу и природу – улетают вдаль с грустным криком, унося с собой память о весне и лете, оставляя позади осень и зиму. Как пуста душа и природа, как тосклива эта осенняя картина!

Причина печали, которую несет с собой осень, коренится, с одной стороны, в том, что это время года воспринимается как символ увядания, смерти, прощания жизни природы; с другой стороны, во влиянии формы, звука, климата на органы чувств человека, ведь внешние природные условия могут изменять психологическое и эмоциональное состояние человека. Крики и силуэты улетающих журавлей, шум и движение опавших листьев – все это имеет живописно элегичные черты, обладающие особым символическим смыслом, влияющие на слуховое и зрительное восприятие человека, вызывающие печаль. В поэзии Рубцова стихии ветра, воды, света и связанные с ними пейзажные элементы часто появляются в осенней картине, напоминая о приближении зимы. Такие черты – холод, мрак, тоскливый звук – вызывают печаль и уныние.

Безжалостный осенний ветер – главный виновник, который заставляет листья осыпаться, а поэта – грустить. Ветер срывает листья с деревьев, приводит их к увяданию и смерти; он уносит листья в неизвестное место, что символизирует скитальческую судьбу поэта. Холодный осенний ветер пахнет «дыханием близкой зимы», и шум ветра очень похож на плач или жалобу:

Ветер всхлипывал, словно дитя,
За углом потемневшего дома.
На широком дворе, шелестя,
По земле разлеталась солома...

Осенний дождь тоже печален. В его описании Рубцов использует слова «тяжелый», «знобящий», «серый»: «Как о суровой близости зимы. Осенний ливень жаловался крышам»; «Дождик знобящий и серый / Все моросит, моросит...»

Рубцов иногда сочетает описание осеннего ветра и дождя, создавая таким образом картину непогоды, что и задаёт основной тон элегии. Стихотворение «По мокрым скверам проходит осень...» проникнуто ощущением бесприютности лирического героя:

...Играет буря!
В обнимку с ветром
иду по скверу
В потемках ночи.
Ищу под крышей
свою пещеру...

Под влиянием суровой бури лирический герой чувствует, что «покоя нету», остро ощущает собственное одиночество, отсутствие тепла. Он жалуется: «Ах, эта злая старуха осень». Здесь осень даже не может сравняться с зимой, когда русский огонёк дарует любовь, добро, тепло. В конце стихотворения лирический герой оплакивает «былые годы»; предельно обостряется чувство полного одиночества.

Ко мне стучится
и в хвое сосен
Не молкнет буря!
Куда от бури,
от непогоды
Себя я спрячу?
Я вспоминаю былые годы,
И я плачу...

В живописном стихотворении Рубцова «Осенняя луна» образ ночного светила, как и в народной лирике, символизирует счастье и красоту.

Так зачем, проявляя участье,
Между туч проносилась луна
И светилась во мраке ненастья,
Словно отблеск весеннего счастья,
В красоте неизменной одна?

Хотя заглавный образ прекрасен, на фоне угасания природы, в грустном осеннем мире, когда повсюду – опавшие листья, мглистая буря, ливень и грязь, «Под луной этой светлой и быстрой,– признается лирический герой,– Мне еще становилось грустней». Как отмечает Владислав Зайцев, это стихотворение основано на тесном переплетении природных и социальных мотивов, на контрастном сопоставлении образов света и тьмы, сегодняшней грусти и – воспоминаний о счастье весенних дней.

Судьба Николая Рубцова была очень горькой, трагичной от рождения до смерти, в результате его стихи приобрели элегический колорит. Элегия выступает как один из важнейших жанров в его творчестве. Рубцов талантливо использует осенние мотивы, образы, символы, пишет об опавших листьях, журавлях, ветре, дожде, луне. Его элегия – важная и неотъемлемая частью русской поэзии.

Савкова Ирина Сергеевна,
МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ, КЛАССИФИКАЦИЯ И КОМПЛЕКТОВАНИЕ КОЛЛЕКЦИИ «ДРЕВНЕРУССКАЯ ЖИВОПИСЬ» ИЗ СОБРАНИЯ ТОТЕМСКОГО МУЗЕЙНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ

Коллекция древнерусской живописи невелика, но является одной из наиболее ценных и значимых в собрании Тотемского музейного объединения (далее ТМО). Благодаря усилиям нескольких поколений музейных сотрудников и энтузиастов с 1920 года по настоящее время она сформировалась в отдельную коллекцию, которая насчитывает 351 произведение высокого художественного уровня, представляющее большую историко-культурную ценность.

Далеко не все собрание древнерусской живописи ТМО доступно широкой публике, исследователям и даже музейным работникам. В последние годы наблюдается активная тенденция в развитии православной церкви, усиление религиозной активности и интерес к религиозным объектам. С каждым годом увеличивается количество исследователей, которые хотят получить фотографии и подробную информацию об атрибуции культурных ценностей данной коллекции. Кроме того, собрание икон востребовано ре-

ставраторами, которые не только восстанавливают первозданный вид и сохраняют исторический облик, но и изучают историю реставрируемых памятников.

Главной целью моей исследовательской работы является систематизация и классификация образцов древнерусской живописи. Кроме того, интересно проследить историю формирования и комплектования коллекции «Древнерусская живопись» Тотемского музейного объединения.

В своей работе я обращалась к авторитетному мнению специалистов, обозначенному ими в следующих исследованиях: Рыбаков А. А. «Вологодская икона»[326], Бурганова М. А. «Русская скульптура XVI–XIX вв.»[327], Белов С. П. Литературные источники житийных клейм иконы «Никола Зарайский в житии» из Тотемского краеведческого музея[328]. Помощь в определении датировки памятников иконописи оказал сотрудник Комиссии по сохранению и раскрытию древних памятников, историк искусства Н. Н. Померанцев (1891–1986).

Образцы древнерусской живописи представляют наиболее крупные центры иконописания и вызывают повод для разговора о своеобразии и особенностях иконописных школ, о времени их создания и художественных достоинствах. Около трети всех икон – это произведения, составляющие ядро коллекции. На сегодняшний день 37 произведений северорусской иконописи экспонируется в отделе «Музей церковной старины». Экспозиция пользуется большой популярностью и востребованностью не только у местного населения, но и у туристов, особенно у паломников.

В ходе научного исследования мною были изучены существующие классификации икон и на их основе разработана та, которую можно применить к собранию музея[329]. На сегодняшний день

[326] Рыбаков А. А. «Вологодская икона». // Вологодская областная научная библиотека [сайт]. Режим доступа: https://www.booksite.ru/fulltext/ico/nso/fvo/log/da/ (дата обращения 20.11.2018).

[327] Бурганова М. А. «Русская скульптура XVI–XIX вв.» [электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.icon-art.info/phpBB2/viewtopic.php?t=36907 (дата обращения 20.11.2018).

[328] Белов С. П. Литературные источники житийных клейм иконы «Никола Зарайский в житии» из Тотемского краеведческого музея // Вологодская областная научная библиотека [сайт]. Режим доступа: https://www.booksite.ru/civk/4_st-71.html (дата обращения 20.11.2018).

[329] Бобров Ю. Г. Основы иконографии древнерусской живописи.– СПб.: Мифрил, 1995.

коллекцию ДРЖ из собрания ТМО можно классифицировать по следующим признакам:

– по тематическим группам: иконы и царские врата;

– по хронологическим периодам: от XVI в. до XX в.;

– по сюжету: с изображением Христа, Богоматери, Святой Троицы;

– по материалу и технике изготовления: дерево, холст, металл; темпера, масло, хромолитография;

– по местонахождению икон: храмовые, домовые, дорожные, выносные;

– по количеству самостоятельных композиций в одной иконе: от одночастных (с одним основным изображением) до клеймовых;

– по размеру икон: от 6,5 см до полутора метров;

– по стилистике: (в зависимости от особенностей иконописных школ) от Московской до Вологодской;

– по охвату изображением фигур на иконе: от оглавных до ростовых;

– по проявлению небесных сил: целительные и помогающие;

– иконы с надписями.

Данные образцы, согласно принятой систематизации музея, выделены в отдельную коллекцию «Древнерусская живопись», большую часть которой составляют иконы (321 ед. хр.) и в меньшей степени царские врата (30 ед. хр.). Огромный восторг вызывают царские врата, выполненные в технике просечной резьбы и темперы. Они являлись образцом убранства северорусских храмов и примером тонкой и сложной, мастерски выполненной работы. В коллекции можно выделить царские врата XVI века с изображением Благовещения и четырех евангелистов (ДРЖ-275, 276). Переданы в музей в феврале 1924 г. из Кокшеньгской церкви Афанасия Александрийского Тотемского уезда (сейчас это с. Спасский Погост, Спасское с/п, Тарногский р-он., Вологодская обл.)

В коллекции сохранилось достаточное количество наиболее ярких образцов древнерусской живописи с XVI в. Из общего собрания по хронологии выделяют иконы: XVI в. – 23 ед., XVII в. – 53 ед., XVIII в. – 108 ед. и остальные XIX в. – нач. XX вв. – 154 ед. Наибольший интерес представляют ранние произведения XVI столетия. Прекрасным образцом являются иконы из деисусного чина: «Святой Иоанн Предтеча» (ДРЖ-43), «Святой Николай Чудотворец» (ДРЖ-33) и иконы, которые первоначально являлись створками царских врат: «Святой Василий Кесарийский» (ДРЖ-37) и «Святой Иоанн Златоуст» (ДРЖ-35) с присущим им своеобразием,

Царские врата. XVI век. Дерево (липа), левкас, темпера, резьба, роспись. 173,0×130,0×18,0 см. Поступили в Тотемский краеведческий музей в 1924 г. из Кокшеньгской церкви Афанасия Александрийского Тотемского уезда (сейчас это с. Спасский Погост, Спасское с/п, Тарногский р., Вологодская обл.).
ТМО-9477/1,2 ДРЖ-275, 276

характерными приемами и стилистическими особенностями. Они происходят из деревни Нижняя Тотемского уезда Вологодской губернии (современный Тарногский район).

Деисусные чины, написанные на одной доске, пользовались в сельских и монастырских церквях Севера большой популярностью. К сожалению, до наших дней дошли считанные единицы. Деисусный чин из Тотьмы дополнен еще праздничным и пророческими чинами. Цветовое решение этого произведения основано на сочетании цветов, словно рдеющих и мерцающих в глубине живописной поверхности. Деисус был написан для небольшой сельской церкви или часовни.[330] Икона «Деисус со Святыми и Архангелами».

Икона **«Деисус со Святыми и Архангелами».** XVII век. Дерево, левкас, темпера. 84,5×30,1 см. Передана в музей из Троице-Сергиевой пустыни в 1924 г.
ТМО-9766 ДРЖ-181

XVII век. (ДРЖ-181). Этот факт подтверждает рисунок Ф. М. Вахрушова «Церковь Николая Чудотворца на Заячье». Бумага, акварель. 1920-е гг. (ИЗО-665).

В собрании музея имеется 19 икон, которые особо значимы для тотьмичей, т. к. содержат изображение местночтимого святого Феодосия Суморина, имя которого носит монастырь, основанный в г. Тотьме в XVI веке. Последняя икона из этой группы «Преподобный Феодосии Тотемский» кон. XVIII – нач. XIX вв. (ДРЖ-87). Статичная фигура Феодосия, стройные белые храмы монастыря и города Тотьмы написаны в «живописной» манере и отражают стремление тотемских иконописцев к овладению приемами пространственной живописи. Иконы с изображением преподобного Феодосия в подобном иконографическом изводе после открытия мощей его в 1796 году в большом количестве изготавливались тотемскими мастерами и распространялись на севере России.

[330] Рыбаков А. А. Вологодская икона // Вологодская областная научная библиотека. [сайт]. Режим доступа: https://www.booksite.ru/fulltext/ico/nso/fvo/log/da/ (дата обращения 23.12.2018).

В следующую группу объединяются иконы по сюжетам, где представлены образцы всех разновидностей: с изображением Христа, Богоматери, Святой Троицы, святых и бесплотных сил, праздников и событий библейской истории. Значительное место занимают иконы с преимущественным изображением Богоматери в самых распространенных ее вариантах: Одигитрия, Умиление, Тихвинская, Казанская, Иверская, Владимирская и другие – 74 ед. хр. С образом «Вседержителя» – 17 ед. хр. Иконы Святой Троицы - символические и «по пророческим видениям» изображения троичного догмата – 5 ед. хр. Икона «Троица Ветхозаветная с деяниями». XVII век. Дерево, паволока, левкас, темпера (ДРЖ-48) 154×124×4 см. Источник поступления неизвестен. В 24 клеймах представлен полный цикл «деяний» Святой Троицы, наиболее важных эпизодов Ветхозаветной истории.

В коллекции преобладают иконы, выполненные в традиционной технике – на деревянной доске темперой. Между тем, сохранились иконы, выполненные на холсте (5 ед. хр.). Икона двусторонняя на холсте «Рождество Иоанна Предтечи и Спас Нерукотворный» в металлической фигурной раме (ДРЖ-267). XIX век. Как правило, такие иконы использовали во время крестных ходов.

Среди икон, выполненных на металле, можно выделить икону «Тайная вечеря» (ДРЖ-206). 1866–1867 гг. Была куплена музеем в 1995 г. у Пятовской Л. А. Оказалось, что в книге поступления стояла запись: «Автор П. С. Тюрин». В ходе исследовательской работы искусствоведа, члена Союза художников России Миры Евсеевны Даен выяснилось, что атрибуция ошибочная. Она высказала ряд предположений и по моей просьбе предоставила информацию по e-mail: «Возможно, данная работа была написана послушником монастыря Михаилом *Молодцовым, который работал с Тюриным в Вознесенском храме и помогал ему. Можно предположить, что он у него учился и возможно, Тюрин П. С. ему поправлял какие-то детали. Но та робость в рисунке и в композиции иконы говорят, что это был художник, не очень уверенный в себе*».

Если классифицировать иконы по местонахождению, то в собрании в основном представлены иконы храмовые, переданные в музей из храмов и монастырей г. Тотьмы и Тотемского уезда,

и домовые, бытовавшие в домах у частных лиц, что придает собранию еще и мемориально-историческую ценность. В меньшей степени встречаются дорожные (для паломничества или путешествий) и выносные (для участия в Крестном Ходе) иконы.

В этой группе можно выделить один из редких экспонатов – складень-киот XVII в. из Николо-Маркушевского монастыря Тотемского уезда (в настоящее время территория Тарногского р-на) (ДРЖ-277). В центре, в среднике, изображен Святой Николай Чудотворец, в навершии – Троица Новозаветная, по сторонам от нее на створах вверху – «Благовещение», ниже – 12 праздников и предстоящие. В XVII веке складни были непременной принадлежностью церковного и домашнего интерьера. Данный киот можно сравнить с упрощенным иконостасом, благодаря складывающейся конструкции он был удобен в дороге. Его размер в собранном виде составляет 40×60 см. Поскольку Святой Николай являлся покровителем мореходов, вполне возможно, что подобные складни мореходы и все путники могли брать с собой в далекие странствия. Рис. Вахрушов Ф. М. Складень с образом Святого чудотворца Николая в Маркушах. Бумага, карандаш графитный, акварель. (ИЗО-692).

Интерес представляет также и выносная двусторонняя икона конца XVI века с двумя сюжетами. На лицевой стороне иконы – изображение Смоленской Богоматери (Одигитрии), на обратной – Богоявление Господне (ДРЖ-126). Икона поступила в музей 14 июля 1941 года из Тотемского районного финансового отдела. В конце XIX века икона находилась на втором этаже в верхнем храме Богоявленского собора (сейчас ГЦК). Сохранилось предание, что именно эта икона спасла Тотьму от разорения литовцами в 1613 году. Горожане скрылись в крепости, а на стену выставили эту икону. Одна из неприятельских стрел попала в лик Богоматери, враги сразу ослепли и были вынуждены отступить.[331]

В коллекции по количеству самостоятельных композиций в одной иконе имеются все группы: одночастные (с одним основным изображением), двухчастные, трехчастные и клеймовые (одна основная композиция окружена клеймами – более мелкими второстепенными изображениями).

Особый интерес представляет житийная икона Николая архиепископа Мирликийского (Николы) с 84 клеймами конца

[331] Григоров Д. А. Тотьма и ее окрестности. // Тотьма. Историко-литературный Альманах. Вып. I. Вологда: «Русь», 1995. С. 139.

XVI в. (ДРЖ-278). Из материалов тотемского краеведа начала XX в. Д. А. Григорова узнаем, что икона из Рождественской церкви г. Тотьмы, точнее – из верхнего холодного храма Николая Чудотворца названной церкви, сооруженного в 1786–1793-х гг. В среднике представлен Никола в рост с Евангелием в левой руке, благословляющий правой. На полях располагаются сцены его жития и чудес в клеймах размером 13,5×10 см, по верху и низу – в два, а по боковым сторонам – в три ряда. Во множестве сцен тотемский живописец проиллюстрировал ходившие в списках неканонические жития Николы, среди которых имеются и сюжеты о чудесах святого, явленных в Киеве.

Если сравнивать иконы по размеру, то в собрании представлены иконы: малые (до 20 см), средние (30–60 см) и большие (более 70 см). Превалируют храмовые образцы среднего и большого размера. В коллекции самая маленькая икона «Ф. Суморин» 6,5×5 см (ДРЖ-129) и самая большая икона «Св. Николай Чудотворец в житии» с 84 клеймами размером: 152×123×4,5 см (ДРЖ-278). Размер иконы зависит от того, домашний это образ или храмовый. Размеры храмовых икон разнообразнее домашних.

В собрании имеются иконы разных иконописных школ со своими особенностями. Преобладают иконы Вологодской иконописной школы с основными художественными центрами: Вологда, Белоозеро, Великий Устюг, Устюжна, Тотьма, Пошехонье, Сольвычегодск. Тотемская иконопись испытала влияние и Новгорода, и Ростова Великого, и близкой Вологды, а также сольвычегодских мастерских. При этом нельзя не отметить, что творчество тотемских мастеров имеет свои оригинальные оттенки, свидетельствующие о высоком потенциале местной художественной традиции. Данные произведения выделяются замысловатой узорчатостью, сочетанием в письме серебра с золотом. Значительным образцом тотемской иконописи первой половины XVII века является икона «Богоматерь Одигитрия» 133,4×107,5×3,5 см (ДРЖ-121). Образ Богоматери на ней отличается монументальностью. Нельзя не отметить необычную узорчатость нимбов Богоматери и Младенца, а также орнамент мафория Богоматери, который сродни вологодским кружевам.

Икона «Св. Николай поясной», с поздними записями, конца XVI–XIX веков (ДРЖ-116) 91×67×3,6 см. Уникален зеленовато-коричневатый с золотом растительный орнамент на нимбе, выполненный цветными лаками и характерный для тотемского письма

Икона «Св. Николай, поясной». Конец XVI, XVIII, XIX вв. 91,0×67,0×3,6 см. Дерево, паволока, левкас, темпера. Поступила из Тотемской Рождественской церкви в 1928 г. **ТМО-9605 ДРЖ-116**

XVII–XVIII веков. Фелонь и оклад Евангелия в руках святителя расписаны золотом.[332]

Строгановская иконописная школа – наиболее яркое явление в поздней древнерусской иконописи, стилистически является преемницей традиций московской иконописи. Характерными особенностями Строгановской иконописи стали сложность и миниатюрность композиций, сочная, плотная, построенная на полутонах цветовая гамма, обогащенная широким применением золота и серебра, изнеженность поз и жестов, сложное построение пейзажных фонов, небольшие размеры икон.[333] Икона «Преподобные Иоанн Новый и Максим Грек». XVIII в. (ДРЖ-135). Поступила в музей из Варницкой церкви в 1923 г.

Следующая группа икон по охвату изображением фигур: оглавные иконы, оплечные, огрудные, поясные, тронные (фигуры на иконе восседают на троне) и ростовые. Из ростовых можно выделить икону «Господь Вседержитель с предстоящими преподобными чудотворцами Феодосием Тотемским и Вассианом Тиксненским» (ДРЖ-210). Кон. XVII – нач. XVIII вв. Передана музею в 1928 году из церковного интерьера Иоанно-Богословской церкви, которая располагалась на Варницах, на берегу реки Ковды. Икона выполнена в технике темперы, размером 115×77,5×3,5 см.

[332] Рыжакова Е.В. Памятники древнерусской живописи Тотьмы, реставрированные во Всероссийском художественном научно-реставрационном центре им. ак. И.Э. Грабаря. // Тотьма. Краеведческий альманах. Вып. II.– Вологда, «Русь», 1997. С. 597.

[333] Ильина Т. В. История искусств. Отечественное искусство.– М.: Высшая школа, 2000. С. 80–81.

К отдельной группе относятся иконы по проявлению небесных сил: целительные (способные возвращать здоровье поклонившимся иконе) и помогающие, т.е. по поводу, когда используется икона: обетные (создаются по особому обещанию).

Среди икон встречаются чудотворные – отмеченные необычными явлениями, например, чудотворная икона Богоматери «Всех скорбящих Радость» (ДРЖ-51). Д.А. Григоров в своей книге «Тотьма и её окрестности», 1914 г., пишет: «...покрытая слюдой икона была написана еще при жизни праведного Андрея Тотемского (т.е. не позже 1673 года) в ознаменование исцеления воеводы Максима Ртищева от головной боли и в начале XX века находилась зимой в Успенской церкви, а летом – в Воскресенской, где для неё был устроен отдельный киот».

Иконы обетные (5 ед.) создавались по особому обещанию. Как правило, надписи находятся на оборотной стороне и интересны для изучения; к сожалению, из-за сохранности читаются частично.

Икона «Спас Нерукотворный». XVIII в. (ДРЖ-57). Поступила в музей в 1968 г., происхождение неизвестно. На оборотной стороне дарственная надпись: «Приложен сея образ от вдовы Александры Осиповны Кассовой 1807 года января 15 дня в поминовении их роду».

В завершающую группу можно выделить иконы подписные. В отделе «Музей церковной старины» экспонируется подписная икона Лаврентия Туфанова «Богоматерь Казанская», датированная 1717 г. (ДРЖ-14). Икона поступила в краеведческий музей из несуществующей ныне Тотемской Сретенской церкви в 1928 году. Икона была отреставрирована в вологодском филиале ВХНРЦ им. академика И.Э. Грабаря реставратором С.П. Беловым. На ее полях надпись: «717-го образ сий писал Лаврентий Т». Авторские надписи на иконах распространились в середине XVII столетия в среде мастеров Оружейной палаты. Провинциальные мастера часто стремились подражать «живоподобной манере» столичных иконописцев, но воспроизводили её в упрощённом виде.

В ходе настоящего исследования мною была рассмотрена история формирования и комплектования коллекции «Древнерусская живопись». При работе возникали трудности с уточнением истории бытования произведений. Пришлось проанализировать записи в учетной документации музея: музейные книги поступления ОФ и НВФ, акты приема, записи старых инвентарных книг «Предметы культа» Тотемского музея им. А.В. Луначарского: том I

1915–1940 (с № 1 по № 522) и том II 1940–1949 гг. (с № 523 по № 613). Можно сделать вывод, что наблюдается три периода активности сдачи культовых ценностей в музей, которые, несомненно, напрямую связаны с религиозной обстановкой в стране.

Началом формирования коллекции древнерусской живописи принято считать 1920-й год, так как в этот год зафиксированы первые поступления от Вологодского общества изучения Северного края (ВОИСК).

В 1920–1930-е гг. зафиксировано около 110 предметов новых поступлений в коллекцию. Это обуславливается тем, что в данный период в стране русская православная церковь подвергалась репрессиям. Советской власти было необходимо уничтожить религию, так как сам факт ее существования опровергал основы марксистского мировоззрения. Помимо пропаганды атеизма государственными органами осуществлялись массовые аресты духовенства. Тотемский уезд не стал исключением, где было немало «воинствующих атеистов», которые требовали закрытия храмов и жестоко уничтожали культовые ценности. Неравнодушные люди, в том числе и музейные работники, спасали церковные предметы, изымая их из закрываемых храмов, чердаков, кладовок, и передавали в музейные фонды, считая, что там они будут в целости и сохранности. Этим объясняет то, что в учетной документации тех лет зачастую отсутствуют сведения об источниках поступления и истории бытования экспонатов. Люди скрывали информацию, они были напуганы.

В 1960-е гг., по данным книги поступлений № 8 – 75 ед. хр. (21.06.1967–23.11.1968), наблюдается новый поток поступлений культовых ценностей в музей. В политике государства в этот период активизировалась атеистическая пропаганда, закрывались церкви, приходы, монастыри, организовывались судебные процессы по религиозным мотивам.

В 1980-х гг. в книге поступлений № 22 отмечено 46 новых произведений. В стране начались существенные изменения в жизни церкви, происходит постепенный пересмотр религиозной политики государством, переход от атеистической пропаганды к сотрудничеству с религиозными организациями. В последующие годы наблюдается незначительное поступление в музей от 1 до 10 ед. хр. в год. Таким образом, несмотря на многочисленные гонения и уничтожение икон, часть из них сохранилась в музее и представляет собой историческую и духовную ценность.

Проанализировав записи учетной документации, можно сделать вывод, что в 1920–1930 гг. иконы передавались преимущественно из городских и уездных организаций, комиссии по изъятию ценностей и предметов религиозного культа, церквей и монастырей г. Тотьмы и Тотемского уезда. В 1960–1980 гг. преобладает дар от частных лиц, а также собирательская работа музея во время музейных историко-этнографических экспедиций. Последние поступления в коллекцию ДРЖ зафиксированы в 2018 г.

Первое обследование коллекции ДРЖ с целью реставрационных работ было проведено в 1971 году сотрудником темперного отдела, реставратором Государственной Центральной художественной научно-реставрационной мастерской им. ак. И. Э. Грабаря К. Р. Шейнкманом совместно с главным хранителем Тотемского краеведческого музея З. Н. Мальцевой. В результате была составлена опись икон[334]. В настоящее время более 100 ед. отреставрировано благодаря усилиям опытных реставраторов из Вологодского филиала Всероссийского художественного научно-реставрационного центра им. ак. И. Э. Грабаря и ВХНРЦ г. Москва. Проведенные реставрационные работы возродили первозданную красоту оригиналов. В результате мы можем оценить хранящиеся в собрании иконы, многие из которых обладают исключительной художественной ценностью. Большую помощь в 2017–2018 гг. в консервации деревянной скульптуры оказала лицензированный специалист реставратор высшей категории О. А. Соколова. В настоящее время эти произведения демонстрируются в экспозиции «Открытое хранение деревянной скульптуры» в музее церковной старины и вызывают безусловный интерес у исследователей.

В заключение следует сказать, что музей обладает богатым собранием иконописи XVI – нач. XX вв. Коллекция древнерусской живописи является наиболее ценной и значимой, это подтверждают яркие произведения искусства, рассмотренные мною в ходе исследования. Можно наблюдать образцы разных иконописных школ, с их уникальными чертами и стилем. В ходе исследования была представлена не только классификация образцов древнерусской живописи, но и история комплектования коллекции. В результате изучения были частично внесены изменения в атрибуцию образцов древнерусской живописи и сделана оцифровка. Эта работа сделает коллекцию более доступной исследователям

[334] «Обследование фондов икон Тотемского краеведческого музея».– Тотьма, 1971 г. (научный архив Тотемского музейного объединения № 1065).

и всем интересующимся, которые смогут получить подробную информацию о произведениях. Данный материал является актуальным, и в дальнейшем будет использован в научной, экспозиционной и реставрационной работе музея с целью популяризации собрания.

Правдина Мария Борисовна,
МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма

ИСТОРИЧЕСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ ФАРФОРА И ФАЯНСА В СОБРАНИИ ТОТЕМСКОГО МУЗЕЙНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ: СОСТАВ, ИСТОЧНИКИ ПОСТУПЛЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ АТРИБУЦИИ

Коллекция фарфора и фаянса в собрании Тотемского музейного объединения весьма немногочисленна. В ее составе чуть более 370 единиц. Хронологически она охватывает период от начала XVIII столетия до наших дней. Несмотря на ее камерность, с уверенностью можно констатировать, что она имеет не только историко-краеведческую ценность благодаря тому, что в ее составе есть образцы, способные продемонстрировать развитие как зарубежного, так и отечественного фарфорофаянсового производства.

При изучении коллекции возникают трудности в систематизации, поскольку так исторически сложилось в музее, что изделия из фарфора и фаянса не выделены в отдельную инвентарную группу, а входят в состав весьма многочисленного фонда «Керамика. Стекло», к которому отнесены также историко-бытовая и этнографическая керамика, художественное, бытовое и аптекарское стекло, косторезные изделия и предметы из пластмассы.

Наибольший интерес представляет фарфор и фаянс исторической коллекции, поступивший в музей в первые десятилетия его существования, поскольку происходит он преимущественно из собраний известных тотемских династий: купеческо-дворянского рода Пановых-Замяткиных, из семьи последних владельцев соляных варниц Кокоревых, из имущества последнего городского главы А. М. Киренкова, передан наследниками купеческих родов Поповых, Арсаковых, Каплиных, Раковых, торговцев Колендо, горожан Харламовых, Ворониных, Богославских, Нечаевых, Неклюдовых, Миролюбовых, Леонтьевых, Исаковских, Пинаевских, Батиных.

Весьма ценная коллекция художественного фарфора (26 единиц) поступила в музей в 1927 году из Центрального хранилища Государственного Музейного фонда. Источники происхождения большинства предметов из этого комплекса удалось установить по архивным документам. Происходят они из собрания Румянцевского музея (Санкт-Петербург – Москва), Строгановского училища (Москва), Английского клуба (Москва), коллекции мецената и промышленника П. И. Харитоненко (1852–1914). Кроме того, 16 единиц находилось в составе клада, обнаруженного в 1939 г. у реки Песьей Деньги, близ тогдашнего лесотехникума, базировавшегося на территории монастыря. Научный сотрудник отдела фондов О. В. Полоцкая высказала предположение, что клад был закопан монахами Спасо-Суморина монастыря, поскольку в его составе имеются чайные пары и предметы сервировки, произведенные на заводах Товарищества М. С. Кузнецова и Михаила Куринова в начале XX века. Известно, что монастырь закупал бакалейную продукцию и чайные сервизы в тотемских лавках. Эта гипотеза выглядит убедительной, но нуждается в дальнейшем документальном подтверждении.

Наиболее ранним предметом в составе фарфорофаянсовой коллекции музея можно считать китайскую чашу, декорированную кобальтовой подглазурной росписью с благопожелательной символикой («пылающая жемчужина», один из символов счастья – летучая мышь – «фу»). Датируется она началом XVIII столетия.[335] Интерес представляет также двустенный цилиндрический чайник китайской работы XVIII века со съемной перфорированной крышкой. Его носик и петлевидная ручка декорированы стилизованными головами дракона, на ручке – рельефный завиток в нижнем корне. На тулове два симметричных горизонтальных прямоугольника с перфорированной «решеткой» в виде шестиугольников с полихромным цветком – розеткой в центре. По сторонам прямоугольников в центре – цветки с голубыми и зелеными многослойными лепестками в обрамлении стилизованных листьев с завитками. На крышке хваток в форме балясины в окружении полихромных перфорированных розеток (зеленой, голубых и терракотовых). По краю крышки и у основания – полоса замкнутого орнамента из золотистых завитков на черном фоне. Приобретен он был музеем в 1947 году у И. И. Пинаевской в составе комплекса керамических предметов. Восточная коллекция фарфора музея не велика, но иллюстрирует несомненный интерес тотьмичей к

[335] Атрибуция подтверждена хранителем фонда фарфора ГМЗ «Гатчина» старшим научным сотрудником Светланой Сергеевной Фоминой.

Чайник двустенный в стиле «шинуазри», со съемной крышкой. XVIII век. Китай. Фарфор, рельеф, перфорация, роспись надглазурная полихромная. Выс. 12,3, выс. с крышкой 16,3, шир. 16,8, диам. 7,6 см. ТМО-7257 КС-681. Чайная пара в стиле «шинуазри». Начало 1890–1914. Япония. Фарфор костяной, роспись надглазурная полихромная, роспись золотом. Чашка: выс. 4,7, шир. 10,8 (с ручкой), диам. донца 4,5 см. Блюдце: выс. 1,6, шир. 13,4, диам. донца 8,1 см. ТМО-6390/1-2 КС-256-257. Фото: Людмила Фоминская

китайскому и японскому искусству. Так, последние владельцы солеваренного завода в Тотьме Кокоревы имели в своем собрании модные в начале XX века изделия японского костяного фарфора (две чайных пары) и бисквита (кашпо в виде фигуры китаянки, чайник в виде мужской фигуры), находившиеся в употреблении в семье и поступившие в музей из вымороченного имущества последней представительницы рода М. А. Кокоревой в апреле 1941 года. Атрибуция была установлена по имеющимся на изделиях маркам, которые удалось идентифицировать.

Если говорить о европейском фарфоре, то музей может гордиться прекрасно сохранившейся коллекцией произведений первого европейского фарфорового завода – Мейсенской Королевской фарфоровой мануфактуры, датируемой последней четвертью XVIII – началом XIX века. Большая часть из них (44 единицы – изделия «марколиниевского периода») поступила в музей в 1920-е

годы от Елизаветы Владимировны Замяткиной – наследницы сначала купеческого, а затем дворянского рода Пановых, оказавшего большое влияние на историю и архитектурный облик Тотьмы. Среди них – чайный сервиз на 12 персон с изображением на чашках и блюдцах саговой пальмы, причем тщательность рисунка и его натуралистическая достоверность позволяют предположить, что источником вдохновения для мастера были столь популярные в эпоху Просвещения атласы, представляющие заморскую флору. Три чайные пары с изображением цветов (роза, незабудка, маргаритка), расположенных на пальмовой ветви, демонстрируют те же модные тенденции. В составе коллекции мейсенской посуды имеется также семь чайных пар разной формы с изображением пасторальных сцен, сюжеты которых ни разу не повторяются. Роспись выполнена технически совершенно, но недостоверность воспроизведения некоторых животных наводит на мысль, что художник имел о них весьма поверхностное представление. Учитывая имеющуюся на изделиях марку, стилистические признаки и историю их бытования, можно с большой долей уверенности говорить о правильности установленной нами датировки.

Чайная пара с пасторальной сценой. 1732–1773. Германия, Саксония. Мейсенская фарфоровая мануфактура. Фарфор, роспись надглазурная полихромная, позолота, рельеф. Чашка: выс. 6,7, диам. 6,9, диам. донца 3,8, шир. с ручкой 9,7 см. ТМО-6411/1 КС-200. Блюдце: выс. 3,1, диам. 13,4, диам. донца 8,4 см. ТМО-6409/2 КС-197. Фото: Людмила Фоминская

Дополнили бытовавшую в Тотьме коллекцию произведения этой же фабрики, поступившие из Центрального хранилища Государственного Музейного фонда: чайная пара с цветочными композициями, находившаяся ранее в собрании Румянцевского музея, и статуэтка «Дама в кресле» (Спящая девушка), скульптор М. В. Асье (1736–1779), мастер И. К. Шёнхайт (1730–1805), созданная в период с 1815 по 1924 год по модели 1774 г.

Кроме того, в собрании музея имеются предметы (тарелки с цветочным декором, корзинчатым и прорезным бортом, чайница, молочник), поступившие от самой Е. В. Замяткиной и управляющего имением в Верховине А. В. Рымашевского. Около 1889 г. последняя представительница по прямой линии тотемских Пановых – Мария Алексеевна Замяткина, урожденная Панова, получила в наследство имение Антоново в Тотемском уезде близ Леденгска[336]. Учитывая это обстоятельство, имеется некоторая вероятность того, что предметы, переданные в музей А. В. Рымашевским, также первоначально входили в состав пановской коллекции. Эта гипотеза нуждается в дальнейшем исследовании. Несмотря на то, что все вышеназванные изделия имеют подглазурную марку в виде кобальтовых перекрещенных мечей, стилистически они близки к продукции первого частного российского фарфорового завода – фабрики Франца Яковлевича Гарднера. Известно, что ранние изделия Гарднер маркировал подобным образом[337], а на одной из тарелок с прорезным бортом, кроме вышеуказанной подглазурной марки, имеется на донце оттиск в тесте в виде латинской буквы «G». Все это позволяет отнести обозначенные предметы сервировки к изделиям фабрики Гарднера (с. Вербилки Дмитровского уезда Московской губ.) и датировать их 1770–1780-ми годами.

К единичным высокохудожественным образцам европейской работы конца XVIII столетия относятся две столовые тарелки с изображением античных ваз и сцен в медальонах (опак, печать кобальтом подглазурная), созданные в 1780–1790-х годах на фабрике Споуд (графство Стаффордшир, Англия). К этой же группе можно отнести чайно-кофейный сервиз тет-а-тет, состоящий из 8 предметов, декорированный крытьем, позолотой, монохромной

[336] Автор благодарит за предоставленные сведения научного сотрудника отдела фондом ТМО О. В. Полоцкую.

[337] Фарфор в России XVIII–XIX века. Завод Гарднера / Авт.-сост. Елена Иванова.– СПб, 2003. С. 260, 262, 264; Русский фарфор. 250 лет истории / авт.-сост. Л. В. Андреева.– М.,1995. С. 179.

и полихромной надглазурной росписью. Предметы не имеют маркировки, но учитывая качество фарфоровой массы и мастерство оформления, а также стилистические особенности, форму и декор, сервиз с большой долей уверенности можно приписать европейской работе конца XVIII столетия. Все эти предметы происходят из тотемских семей, что свидетельствует о высоком благосостоянии и эстетических пристрастиях их владельцев.

Изделия Императорского фарфорового завода представлены в собрании музея столовыми тарелками. Все они переданы были в 1927 году из Музейного фонда. Две из них – из так называемой «ординарной посуды» – украшены цветочным декором, маркированы вензелями под императорской короной Екатерины II (1762–1796) и Павла I (1796–1801). Особую ценность им придают пометы пурпуром на донце «П. К.»[338], подтверждающие их бытование при Российском Императорском дворе. Тарелка эпохи правления императора Александра I (1801–1825) декорирована в так называемом стиле «ситцевого ампира» и вызывает удивление своим качеством. Широко известно, что Императорский фарфоровый завод был высоко художественным производством, обеспечивал потребности Двора и финансировался из средств Министерства Императорского двора. Именно поэтому изделия его поступали на рынок крайне редко. Произведения Императорского фарфорового завода всегда были образцовыми по качеству черепка и декора. Бракованные изделия уничтожались на заводе.[339] В связи с этим наличие у столовой тарелки, декорированной васильками, производственного брака – многочисленных раковин (лопнувшие в печи пузырьки воздуха) позволяет предположить, что тарелка эта стала объектом коллекционирования именно в качестве курьеза. На двух десертных тарелках, созданных в «этрусском вкусе», марки отсутствуют. По качеству фарфоровой массы и декору (крытье, роспись надглазурная, цировка) они близки к изделиям Императорского фарфорового завода эпохи Николая I (1825–1855), но приписать их этому прославленному производству было бы большой смелостью, поскольку увлечение этим стилем захватило русское общество в

[338] Придворная Контора (1826–1883) – служба Министерства Императорского двора, ведавшая содержанием петербургских императорских дворцов, парков и садов придворного ведомства, продовольствием царской семьи, устройством придворных церемоний и придворным штатом.

[339] Русская художественная керамика, фарфор и стекло XVIII–XX века / Авт.-сост. Н. Е. Коновалова, Е. А. Цешинская.– Рыбинск, 2002. С. 42.

Чайная посуда. Первая треть XIX века. Московская губ. Фабрики Ф. Гарднера и А. Г. Попова. Фарфор, рельеф, позолота, крытье, роспись надглазурная золотом и полихромная. Фото: Людмила Фоминская

1840-е годы, и многие частные заводы выпускали аналогичную продукцию.[340]

В коллекции Тотемского музейного объединения широко представлена чайная посуда подмосковных частных заводов первой трети XIX столетия, в частности, фабрики Гарднера (15 ед.) и А. Г. Попова (8 ед.). К этому времени фарфор стал уже более демократичным, качество и художественное оформление выпускаемых изделий было высоким, что иллюстрируют образцы из собрания Тотемского музея. Разнообразие форм и техник декора (рельеф, позолота, крытье, роспись надглазурная полихромная, роспись золотом, цировка), прекрасная сохранность характеризуют имеющиеся в коллекции предметы сервировки чайно-кофейного стола (чайные пары, молочники, сахарницы, чайники). Все эти изделия

[340] «Античный фасон» русского императорского фарфора второй половины XVIII века: каталог выставки / ГЭ – СПб., 2012. С. 160–165; Фарфор частных заводов Петербурга / ГРМ.– СПб., 2008. С. 158–159. Выставка «Золотой век русского фарфора и стекла. 1790–1830-е / ГИМ [электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.manhunter.ru/offline/598_vistavka_zolotoy_vek_russkogo_farfora_i_stekla.html (дата обращения 07.01.2019).

атрибутируются благодаря имеющимся на них маркам, аналогам в собраниях других музеев и ярко выраженным стилистическим особенностям. Большая часть из них происходит из собрания тотемской династии Пановых-Замяткиных.

Фарфоровые и фаянсовые изделия середины и второй половины XIX столетия более многочисленны и многообразны как по материалу (фарфор, костяной фарфор, опак, фаянс, майолика, бисквит), так и по технике оформления (рельеф, печать подглазурная и надглазурная, роспись надглазурная, крытье, позолота, роспись золотом, деколь). Ведущие в своей отрасли заводы быстро откликались на требования рынка, внедряли новые модные тенденции, а затем наиболее популярные формы и декор изделий повторялись в продукции других заводов. В 1850-е годы количество одновременно существовавших в России фарфоровых предприятий было наивысшим – около сотни фарфоровых заведений, из них более половины размещалось в Московской губернии[341]. Все эти тезисы наглядно подтверждаются примерами из тотемского собрания. В коллекции имеются изделия как лидеров частных фарфоровых производств (Гарднера, А. Г. Попова, братьев Корниловых, Я. Храпунова, братьев Новых и наследников, А. Т. Сафронова, В. Н. Сипягина), так и реже встречающихся (Н. Жадина, братьев Рачкиных, братьев Аксеновых, братьев Козловых, Товарищества А. И. Абрикосова сыновей, Широбокова, М. Куринова), неизвестных частных заводов (изделия без марок и клейм).

Фарфор и фаянс первых десятилетий XX века представлен преимущественно изделиями разных заводов Товарищества М. С. Кузнецова и европейскими торговыми марками (E. Gunther & Co., Керамический завод «Reinhold Hanke /Райнхольд Ханке» и др.). Все эти произведения разного качества и рассчитаны на разные кошельки, вкусовые и функциональные предпочтения, что свидетельствует об активных торговых связях Тотьмы со столичными и европейскими поставщиками.

Результаты изучения, систематизации и атрибуции исторической части фонда «Керамика. Стекло» нашли отражение в выставочном проекте «Хрупкое очарование былого. Искусство сервировки стола XVIII – XIX веков», реализованном музеем с июля по декабрь 2018 года в малом выставочном зале краеведческого

[341] Мозжухина Т. А. Фарфор заводов Гжели // Русский фарфор. 250 лет истории / Авт.-сост. Л. В. Андреева.– М., 1995. С. 34–39; Попов В. А. Русский фарфор: частные заводы.– Л., 1980. С. 141, 143.

Рекламный баннер выставки «Хрупкое очарование былого. Искусство сервировки стола XVIII–XIX века». Фото: Людмила Фоминская. Дизайн: Максим Веселков. 2018

музея, где впервые была представлена практически в полном объеме аннотированная и атрибутированная коллекция художественного фарфора, стекла и керамики музея. Проект стал одним из победителей грантового конкурса Благотворительного фонда Елены и Геннадия Тимченко «Малая культурная мозаика». Тотемское музейное объединение обладает хоть и небольшой, но вполне представительной коллекцией европейского и отечественного фарфора и фаянса, происхождение и мемориальные свойства которой зачастую имеют для местного сообщества не меньшее значение, чем ее художественная ценность.

Макарова Ольга Николаевна,
МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма

КОЛЛЕКЦИЯ УТЮГОВ В СОБРАНИИ ТОТЕМСКОГО МУЗЕЙНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ

Человек всегда придавал важное значение своему внешнему виду и комфорту. Хорошо выглаженная одежда не только опрятно выглядит, но и гарантированно гигиенически обработана. Тотемское музейное объединение благодаря многообразию своего собрания может продемонстрировать разные приспособления для

глаженья: от архаичных, кустарного производства первых достижений отечественной промышленности до новейших технологий XX столетия.

Приспособления для глаженья белья известны с глубокой древности. Первоначально это был плоский тяжелый камень, затем стали использовать небольшие палки с ровным круглым сечением (валек или скалка) и рифленые доски – рубели (ребрак, пральник)[342]. Подобные образцы имеются в этнографической коллекции Тотемского музейного объединения. В ней насчитывается 48 рубелей и 12 катков, входящих в состав фонда «Дерево». Наибольший интерес представляют два из них, благодаря тому, что они подписные. Рубель (ТМО-5997), поступивший в 1930 году от Новоселова Ивана Ивановича из д. Мартыновская Заозерского с/с, на лицевой стороне имеет надпись «1842 года делал Василий Машьянов».

Рубель деревянный, с надписью «1842 года делал Василий Машьянов» на лицевой стороне. Поступил в Тотемский музей в 1930 году от Новосёлова Ивана Ивановича. (ТМО-5997)

На лицевой стороне рубеля (НВ 8176 а), поступившего в 1998 году от Осовской Александры Устиновны из г. Тотьма, вырезано «Матроны Михайловой Ушаковой 1868 январь 14 день».

О том, что белье легче разгладить, если использовать теплый металл, человечество узнало почти так же давно, как и о механических способах глажки.

В средневековье в Европе использовали приспособление в виде обычной сковороды: внутрь чугунной жаровни с ручкой заклады-

[342] История утюга, старинные и современные утюги // FB. ru [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://fb.ru/article/249572/istoriya-utyuga-starinnyie-i-sovremennyie-utyugi. (дата обращения: 21.11.2018).

вались горячие угли и «сковородой» начинали водить по одежде. Этот «утюг» не отличался удобством и безопасностью: работать с его помощью было неловко, искры и мелкие угольки то и дело вылетали из жаровни, оставляя на одежде многочисленные опалины и дырки.

Первое письменное свидетельство наличия в российском обиходе утюгов датировано 10 февраля 1636 года. В книге расходов царского двора отмечено: «Кузнецу Ивашке Трофимову выдано 5 алтын, а он за те деньги заделал в царицыну палату утюг железный».[343]

В течение XVIII столетия утюги появились в быту знати и состоятельного купечества, в XIX веке они уже получили повсеместное распространение.

Коллекция утюгов музея составляет 53 ед. и является составной частью фонда «Металл». Хронологически утюги относятся ко второй половине XIX – концу XX века. Изучение аналогов в других собраниях и имеющихся в Тотемском музее образцов позволило систематизировать утюги по конструктивным признакам на девять типов: духовые угольные, духовые угольные с трубой, со сменным вкладышем, цельные литые, со сменной ручкой, газовые, спиртовые, водяные, электрические.

К наиболее ранним типам относятся духовые и цельнолитые утюги.

В собрании музея насчитывается 18 духовых утюгов, бытовавших в Тотемском районе до 70-х годов XX века.

Угольный утюг был сложным в изготовлении, что отразилось и на его цене. Ценился утюг наряду с самоваром, ведь был он достаточно дорогой вещью. Не каждая семья могла позволить себе его купить. Утюг походил на небольшую печку, изготавливался полым с боковыми отверстиями (для вентиляции, чтобы угли лучше грели). Раскаленные угли (как правило, березовые) помещали внутрь корпуса, у которого было двойное дно (для удобства чистки от золы), и закрывали с помощью крючка-защелки. Удобство такой конструкции было относительным. Хозяйка брала утюг в руку, делала несколько резких взмахов. Воздух попадал в отверстия, расположенные рядом с днищем. Угли разгорались, и днище утюга разогревалось до малинового свечения. Угли могли высыпаться из боковых отверстий, испачкать и прожечь одежду.

[343] Каким был утюг // Живой журнал [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://masterok.livejournal.com/1034324.html (дата обращения: 21.11.2018).

Производством утюгов занимались многочисленные артели. Так, в городе Касли при Каслинском чугунно-литейном заводе существовала артель имени Куйбышева, которая и специализировалась на выпуске духовых утюгов. Артель «Красный факел» образовалась в 1923–1925 гг. в г. Вологда. Артель находилась в ведении металопромсоюза, впоследствии Вологодского кооперативного союза.

В собрании музея имеется 2 утюга с клеймом артели «Красный факел» (ТМО-36481/1) и утюг (ТМО-36481/2), источник поступления неизвестен.

Впоследствии артели были преобразованы в заводы.

Город Касимов Рязанской области тоже славился изготовлением утюгов. Завод утюжный, утюжно-механический, Касимовский механический – так в разное время называлось это предприятие, выпускающее утюги. С 1961 года утюжно-механический завод (УМЗ) стал называться ООО «Касимовский механический завод № 8» и он тоже делал духовые утюги.

Духовой утюг Касимовского механического завода № 8. Поступил от Малафеевской Валентины Ивановны из д. Брызгалово Нюксенского района в 1992 году (ТМО-34064)

В собрании музея два утюга с клеймом этого завода «Касимовский механический завод № 8»: первый (ТМО-34064) поступил от Малафеевской Валентины Ивановны из д. Брызгалово Нюксенского района в 1992 году, второй (ТМО-36376) – в 2000 году от Мартюковой Галины Алексеевны с. Никольское.

Со временем угольный утюг усовершенствовался: обзавелся трубой, колосниковыми решетками. Трубы улучшали тягу и предохраняли руки от ожогов, отводя лишнее тепло. Решетку же клали под угли утюга, чтобы они не касались его подошвы и не создавали горячие точки.

В собрании музея насчитывается 4 утюга с трубой.

1. Утюг (ТМО-17387) поступил от Шумовой Натальи Михайловны в 1961 году, принадлежал Каузовой Марине Александровне г. Тотьма.

Угольный утюг с изображением Льва Толстого, переданный в Тотемский музей от Косых Вячеслава Владимировича в 1980 году (ТМО-28443)

2. Утюг (ТМО-33234) поступил из Тарногского района в 1990 году.

3. Утюг (ТМО-35443) поступил из Тарногского района в 1995 году.

4. Наибольший интерес в этой группе представляет утюг (ТМО-28443) с изображением Льва Толстого, поступивший от Косых Вячеслава Владимировича в 1980 году. После того, как Толстого в 1901 году предали анафеме, утюги часто стали делать с его изображением на раскаленном месте, намекая на адское пламя.

Некоторые угольные утюги снабжались специальной подставкой на трех маленьких ножках, которая вкладывалась внутрь корпуса, повторяя по форме его очертания. По длине прорезаны сквозные параллельные отверстия различной формы и размера. Решетку же клали под угли утюга, чтобы они не касались его подошвы и не создавали горячие точки.

Практически одновременно с началом промышленного производства утюгов были придуманы утюги со сменным вкладышем. Это металлический утюг из меди или железа, полый внутри. В него вкладывался заранее разогретый вкладыш (в комплекте их было 2–3 штуки) – металлическая болванка с небольшим отверстием. Из огня вкладыш извлекали специальным прутом, который вдевали в это отверстие. Разогретый вкладыш нагревал не только подошву, но и весь «футляр», в который его помещали. Такой утюг просуществовал до начала XX века. В собрании нашего музея таких утюгов, к сожалению, нет. Вероятно, они не были распространены в Тотемском уезде.

Еще одна разновидность утюгов – литые чугунные. Появились они в XVIII веке и производились в нашей стране до 1968 года. В последние годы производства стоили они 2 рубля 50 копеек.[344]

[344] Максимова А. Утюги в купеческом доме. // Мир музея.– № 254.–10.10.2008.– С. 27.

В музейной коллекции имеется 20 экземпляров подобного типа. На многих из них нанесены клейма заводов.

• Утюг (ТМО-40467) с клеймом «НЗБ» (Нювченский завод Бенардаки Республика КОМИ) поступил от Трапезниковой Лидии Акиндиновны, г. Тотьма в 2013 году.

• Утюг (ТМО НВ-6879) с таким же клеймом поступил от Меньшиковой Ефальи Александровны, д. Демьянцево Бабушкинского района.

• Утюг (ТМО-39334) с клеймом «ЗЛ» (з-д им. Лепсе, г. Ленинград) поступил от Оленевой Галины Александровны в 2007 году и утюг (ТМО-НВ 8791) был обнаружен в сарае музея И. А. Кускова.

Литой чугунный утюг с клеймом товарищества Алпатовых, г. Тула, поступил от жительницы г. Тотьмы Трофимовой Марины Васильевны в 1973 году (ТМО-33010)

Утюг (ТМО-25300) с клеймом «Алпатов», г. Тула, поступил от Трофимовой Марины Васильевны, г. Тотьма, в 1973 году и утюг (ТМО-33010) поступил из Тарногского района в 1990 году. Утюги из чугуна должны были вначале хорошенько разогреться в печи или на огне. Это длилось довольно долго, иногда до часа. Поэтому изобретатели усовершенствовали столь нужный прибор, сделав ручку съемной. В таком случае использовалось уже два утюга: один грелся, а вторым гладили, что обеспечивало значительную экономию времени. В собрании нашего музее утюги со съемной ручкой, к сожалению, отсутствуют.

Для проглаживания тонких тканей и мелких деталей одежды – манжет, воротничков, кружев – пользовались маленькими утюжками размером с половину ладони. Цельные литые утюги изготавливались в России вплоть до середины XX века, а последний выпущенный утюг со сменными ручками датируется 1989 годом[345].

[345] Каким был утюг. // Живой журнал [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://masterok.livejournal.com/1034324.html (дата обращения: 21.11.2018).

Кроме полезных функций, старинные утюги имели и эстетические. Изготовление такого «агрегата» было творческим процессом. Ручки, боковые части и верхушки делали рельефными, часто они украшались орнаментами. Поверхность покрывали другими металлами, например, бронзой, для придания большего изящества чугунной глыбе. Для особенно знатных семей утюги делались на заказ. Их оформляли медными и серебряными вставками, деревянными резными ручками. Чтобы приобрести такой полезный в хозяйстве инструмент, нужно было изрядно потратиться. Стоили они дорого и составляли неотъемлемую часть домашнего быта, переходившую от родителей к детям по наследству. В России и на Украине утюги ставили рядом с самоваром, на кружевной скатерти, демонстрируя их, словно красивую вазу или картину.

Утюги устанавливались на металлические подставки, которые изначально ковались вручную, а позднее стали производиться промышленным способом. Какими только не делали их мастера: в виде геометрических или растительных орнаментов, овалов, ажурных листьев, сердечек. На подставках выковывали личные клейма мастеров и логотипы фирм – производителей.

В собрании музея имеются три металлические подставки: две (ТМО-36641/1 и ТМО- 36641/2) поступили в 2000 году из Калининского с/с., одна (ТМО-40468) – от Трапезниковой Лидии Акиндиновны, г. Тотьма, в 2013 году.

Прежде чем появился привычный современному человеку электрический утюг, изобретатели испытывали на утюгах нагревательные возможности газа, спирта и воды.

В конце XIX века активно использовался газ: появились утюги, которые нагреваются от его сгорания. Газовый баллон крепился к прибору, а внутри соединялся с горелкой металлической трубкой. Конструкция дополнялась насосом, который иногда сопровождался вентилятором. Расположены они были на крышке утюга. Чтобы механизм заработал, его заводили ключом. Вентилятор начинал крутиться, насос толкал топливо из бачка по металлической трубке. Множество отверстий в трубке пропускали пары газа в горелку. Утюг поджигали, и тепло от сгорания паров газа нагревало подошву[346].

[346] Каким был утюг. // Живой журнал [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://masterok.livejournal.com/1034324.html (дата обращения: 21.11.2018).

В Германии в XIX веке были придуманы утюги, работающие за счет спирта. Спиртовые модели были настоящим новшеством[347]. Они были легче и удобнее в использовании. Кроме того, утюги этой разновидности были довольно экономичными: требовали небольшого количества спирта и весили около 1 кг. Конструкция была проста: металлический корпус с 18-ю отверстиями с каждой стороны (по 9 – в верхнем и нижнем рядах) и топливный бак яйцевидной формы. Принцип работы был следующим: сначала из утюга извлекалась горелка, в нее заливался спирт и поджигался. Когда весь стержень горелки покрывался огоньками, она вставлялась обратно в утюг. Огонь нагревал подошву утюга равномерно за 10 минут. По окончании работы горелку снова извлекали, огонь задували. В России и эта техническая новинка не прижилась, да и спирт никто не хотел переводить зря. В 1913 году стоимость спиртового утюга составляла 4 рубля 50 копеек. На эти средства можно было приобрести корову[348].

Нашим ответом спиртовому утюгу из Европы стал утюг водяной, который изобрел некий новгородский умелец, оставшийся неизвестным. По принципу работы это был чайник-утюг (два в одном). С его помощью можно было одновременно и воду греть, и белье гладить. Получалось очень экономично. К утюжильной платформе сверху приваривался чайник, внутрь утюга помещались угли. Однако такой конструкцией с горячей водяной емкостью сверху утюжить было тяжело и неудобно. Вот и этот утюг не прижился.

Электричество стало невероятным подарком человечеству. С его помощью жизнь намного упростилась, а новые приборы изобретались один за другим. Появление в конце XIX века электрических утюгов решило множество проблем. Казалось, что изобретение такого чуда техники должно было привести к полному исчезновению примитивных утюгов, но электрическая революция затянулась практически на сто лет. Основой конструкции была нагревательная дуга, спрятанная в корпусе прибора. Позже дугу с электродами заменили спиралью, которая была изолирована гораздо лучше. Современные производители утюгов до сих пор используют эту конструкцию. Меняются только детали, с каждым годом усовершенствуя однажды придуманный механизм.

[347] Максимова А. Утюги в купеческом доме. // Мир музея.– № 254.– 10.10.2008.– С. 27.

[348] Там же. С. 28.

В России, однако, электрические утюги широкое распространение получили лишь во второй половине XX века. В 1961 году такой электроприбор стоил 14 рублей[349]. Объясняется это проблемами с электроснабжением, да и пользоваться подобным новшеством было дорогим удовольствием. Поэтому вплоть до середины XX века в России широко использовали чугунные литые утюги, которые разогревали на плите, они не пачкали одежду и не ломались.

В собрании музея насчитывается 3 электрических утюга: два из них изготовлены на заводе «Свердмашприбор» в Екатеринбурге (ТМО НВ 9655, ТМО-40290), поступившие в 2006 и 2012 годах соответственно от Нечаевой Елизаветы Александровны. Кроме того, имеется образец, изготовленный на заводе «Минлегпищемаш» (ТМО-38782), поступивший от Оленевой Галины Александровны, г. Тотьма, в 2005 году.

Популярны были так называемые «дорожные» складные утюги (а появились они еще в конце 1930-х гг.) Ручка в вертикальном положении фиксируется откидывающимся держателем. Подобный образец (ТМО-40271) поступил от Макаровой Ольги Николаевны в 2012 году.

В последние десятилетия появились утюги с пароувлажнителями. Разнообразие коснулось и материалов, используемых для подошвы утюга. Применяется как традиционный материал – нержавеющая сталь, так и керамические покрытия, сверхтвердые эмали, тефлон, сплавы на основе алюминия. Утюг с пароувлажнителем (ТМО-37927) поступил от Двойнишниковой Натальи Феликсовны г. Тотьма в 2004 году.

История утюга уходит корнями в глубь веков. Постоянно совершенствуясь, приборы меняли свой облик. Изобретение утюгов прошло огромный путь: от опасных, наполненных углями моделей до громоздких чугунных, от спиртовых до электрических. Сейчас утюг – обычный атрибут комфортной жизни. Современные модели используют конструкцию, которую изобрели ещё в XIX веке, до сих пор совершенствуя свой облик и детали.

Собрание утюгов музея весьма показательно. Несмотря на небольшое их количество и отсутствие полного типологического ряда (не представлены утюги со сменным вкладышем, газовые, спиртовые), коллекцию можно считать представительной, так как имеются образцы разных эпох и производителей. Отсутствие

[349] Максимова А. Утюги в купеческом доме. // Мир музея.– № 254.– 10.10.2008.– С. 27.

некоторых типов в собрании музея позволяет предположить, что подобные утюги не бытовали на территории бывшего Тотемского уезда. В результате исследования были выявлены лакуны, которые требуют заполнения – необходимо пополнить типологический ряд и уточнить некоторых производителей.

Филиппова Елена Валериевна,
МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма

КОЛЛЕКЦИЯ ФОТОМАТЕРИАЛОВ Е. А. БАЛАНДИНА В СОБРАНИИ ТОТЕМСКОГО МУЗЕЙНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ

Коллекция фотодокументов, хранящаяся в фонде МБУК ТМО, насчитывает около 18 тысяч единиц хранения: фотоотпечатки, негативы на стекле и пленке, DVD-диски (из них 2715 единиц хранения научно-вспомогательного фонда). Абсолютное большинство снимков – фотографии советского периода разных авторов: документальные, видовые фото, групповые портретные снимки (работников различных учреждений), а также репортажные о событиях, происходившие в нашем городе и районе. Временные рамки всей коллекции охватывают период с середины XIX века по настоящее время.

Согласно книгам поступлений, коллекция формировалась изначально, что называется, валом, когда принимались фото без тематического отбора и систематизации. Одной из первых в книге поступлений № 2 в 1939 г. значится фотография за номером ТМО-6870 «Утро» с картины Бориса Кустодиева, поступившая от Тотемского сельмага бесплатно, но продававшаяся по цене 16 руб. 23 коп. В последующие годы собрание пополнялось благодаря сотрудничеству с фотографами, добровольным пожертвованиям от жителей города и района и в связи с необходимостью показа в экспозиции разных исторических событий, происходивших в стране: революция, установление советской власти, война, послевоенный период и т. д.

Фотографический фонд – это визуальная летопись нашего города, состоящая в основном из бумажных фотоотпечатков, и нужно отметить, что Тотьме повезло несказанно, т. к. у каждого временного периода был человек – фотолетописец. Старые фотоснимки сохранили для потомков виды города, лица людей, повседневную, размеренную жизнь провинциального городка. Случайно

попавшие в объектив фотоаппарата или запечатленные целенаправленно виды – сейчас ценный документальный источник.

Целью данной работы является изучение и систематизация наследия фотографа Евареста Александровича Баландина в собрании МБУК ТМО.

Баландин Евареста Александрович, участник ВОВ, Матвеевский с/с. 1941–1945 гг. Фотография. Фотобумага, фотопечать черно-белая. 14×9 см ТМО. 12714/8. ФНег-764. ГК-9632872

В автобиографии Е. А. Баландин написал (орфография соответствует оригиналу): *«Родился в 1903 году в сентябре месяце, в деревне Матвеево, Тотемского уезда, Вологодской губернии, в семье крестьянина Баландина Александра Алексеевича. Детские годы нянчился с сестренками. С 10 лет пошел учиться в сельскую школу, 4-ре класса которой окончил на хорошо. После школы работал в семье отца, помогая выполнять сельскохозяйственные работы. В 1925 году в сентябре призван в ряды РККА Тотемским райвоенкоматом и призывной комиссией направлен служить в береговую оборону Балтийского моря и крепости Кронштадт.*

Был зачислен строевым в 4-ю батарею 2-го дивизиона 2-й артиллерийской бригады на форту «Красная горка им. М. В. Фрунзе».

В январе месяце 1925 года был откомандирован в артшколу младшего начсостава специалистов береговой обороны Балтийского моря и крепости Кронштадт.

После девятимесячного курса был опять направлен в свою часть – в 4 батарею 2 дивизиона 2 арт. бригады в должности артстаршины, где служил до 1927 года до октября. Демобилизовался в 1927 году, приехал домой в семью отца и опять стал работать в сельском хозяйстве.

С 1931–32 года работал столяром на дому и на отхожих промыслах.

В 1937 году поступил работать в качестве фотографа в артель инвалидов «Красный луч» гор. Тотьма, Белоусовская ул., д. 22, Вологодской обл. до 1942 года. В 1942 году 14 января мобилизован в Северн. Флот»[350].

Евареста Александрович Баландин. Домашний ткацкий станок. За ткацким станком жена Е. А. Баландина-фотографа. 1959 г. Фотография. Фотобумага, фотопечать черно-белая. 24×17,5 см. ТМО. 16462. ФНег-1867. ГК-14200143

Евареста Александрович с юных лет увлекался фотографией, а свой первый фотоаппарат сделал еще в 1927 году. Начиная фотографировать в начале XX века как самоучка, в 1939 году профессиональные навыки получил на курсах Союзфото.

Всего в собрании музея насчитывается более 600 ед. хр. его авторства. Весомая часть его коллекции поступила в музей в период с 1946 по 1970 гг. Материалы из фонда Е. А. Баландина можно разделить на несколько категорий:

фотографии времен войны;

репортажные (события в Тотьме и районе);

художественная фотография;

пересъемка фотографий из фонда музея и по заказу музея;

фотографии из семейного архива.

Одними из первых экспонатов, поступивших в 1946 году, были: автобиография (ТМО 12714/1) и материалы фотовыставки 1942 г. «Северный флот в боях за Родину» (ТМО12714/2-12). Комплектование фондовой коллекции фотоматериалами о войне началось в 1941 году, в ходе личной переписки директора музея Н. А. Черницына с участниками боевых действий, которые предоставляли

[350] МБУК ТМО. Ф. 1. Оп. 1. Тотьмичи участники Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

свои документы и фото в музей. Именно так и поступили материалы от Е. А. Баландина. В том числе и копия документа – разрешительное удостоверение на фотографирование частей и кораблей Северного флота.

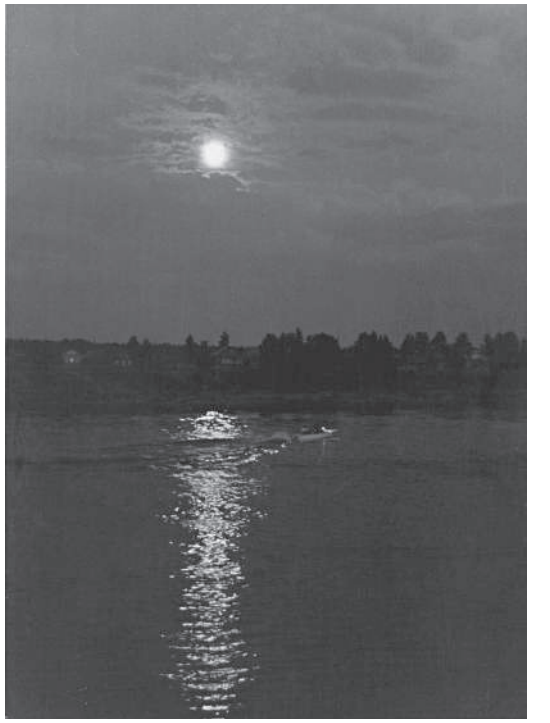
В собрании музея хранится 4 фотоальбома, переданные лично Е. А. Баландиным. Три альбома полностью самодельные с фотографиями размером 14,6×23,3 см (количеством снимков от 12 до 35), вклеенными между корочками. Обложки выполнены из картона светло-коричневого цвета. На обложках альбомов в верхнем левом углу размещены одинаковые фото с изображением кораблей, специально высвеченные. В нижней части размещена надпись более темного цвета «СЕВЕРНЫЙ ФЛОТ В БОЯХ ЗА РОДИНУ». Снимки отражают различные военные события: походы, боевые тревоги, визиты командования на корабли, короткий отдых между боевыми действиями, суровый, но красивый северный край, шлюпочные гонки. Большинство снимков имеют атрибуцию, сопровождаются пояснительными текстами, что является важным информационным источником для изучения данной коллекции. Четвертый альбом заводского производства, но заполненный также вручную самим Еварестом Александровичем. Выполнен в твердом ледериновом переплете черного цвета размером 22,3×33,2 см с тиснением в виде цветов вдоль линии корешка. В верхнем правом углу тисненая надпись «АЛЬБОМ». В рамке размещено фото самого Е. А. Баландина с фотоаппаратом. Альбом заполнен лично автором и насчитывает 49 снимков. Большинство фотографий – это портреты и групповые снимки с друзьями и боевыми товарищами. Также в альбоме имеются снимки и газетные вырезки, где эти фото были использованы как своего рода подтверждение публикации.

Особый интерес представляют два портретных снимка: групповой портрет и парный портрет, где Е.А. Баландин изображен с легендарной личностью – фотожурналистом Р. Диаментом, который впоследствии стал начальником фотобюро Политуправления флота. Р. Диамент – удивительный человек, прошедший все дороги войны, зафиксировавший для потомков фотолетопись Великой Отечественной войны. Ему было выдано «Разрешительное удостоверение», дававшее право самостоятельно выбирать темы съемок и участвовать в различных военных операциях.

Фотографии, отснятые Баландиным в годы войны, достаточно часто встречаются на страницах газеты «Краснофлотец» (выходившей в г. Североморск), где накопленный материал за 1942 год был собран воедино и в итоге вылился в фотовыставку «Северный флот в боях за Родину». На фото можно увидеть и людей, самоотверженно защищавших Северные морские границы нашего государства, подводные лодки и надводные суда МФ, войска береговой обороны и многое другое. За хорошую организацию фотовыставки, ярко отражающей жизнь, боевые действия героических людей Северного флота, за образцовую работу личного состава фотобюро была объявлена благодарность Е. А. Баландину и его коллегам по службе.

Оружием фотографов в годы войны был фотоаппарат, через объектив которого сегодня наследники Победы могут видеть события ушедшей эпохи. А снимки дают нам возможность глазами этих героических людей увидеть будни войны и перелистать страницы Великой Отечественной войны.

После войны Еварест Александрович работал в артели инвалидов «Красный луч» в Тотьме. В Тотемском районном архиве имеются книги приказов, где Е. А. Баландин числится мастером-фотографом.

Еварест Александрович Баландин. Ночь, луна, на Сухоне. 1961 г. Фотография. Фотобумага, фотопечать черно-белая. 23,3×16,9 см. ТМО.17838. ФНег-1988. ГК-14440171

В тот период времени фотография служила целям пропаганды. Но снимки Баландина послевоенного периода выполнены в различных жанрах: пейзажи, репортажные, портретные снимки. Детально подобранные сюжеты, время съемки, образы. Творческий подход автора к съемке, проба новых способов печати сделали работы Баландина высокохудожественными произведениями. Его по

Еварест Александрович Баландин. Здание Тотемской восьмилетней школы. Парадный вход (ул. Ворошилова). 1961–1962 гг. Фотобумага, фотопечать черно-белая. 17,3×23,5 см. ТМО. 17831. ФНег-1908. ГК-14353047

праву можно назвать фотохудожником! Выполняя свои работы творчески, с душой, особым вдохновением, он, как детям, часть души отдавал своим фотографиям.

Именно в этот период времени Баландин сотрудничает с музеем. Делает копии портретов участников войны, печатает фото, отснятые музейными сотрудниками, и снимает, снимает, снимает… Содружество музея и фотографа вылилось в персональную выставку, которая состоялась в 1962 году в краеведческом музее. Материалы выставки и многие другие фотографии безвозмездно были переданы автором в краеведческий музей.

Отмечу, что Тотемский музей обладает мемориальным комплексом предметов, связанных с именем Е. А. Баландина. Это не только фотоснимки. В фонде музея находятся: фотоаппарат-самоделка, документы, газеты, медали: «За боевые заслуги», «За оборону Советского Заполярья», «За Победу над Германией», «50-летия Вооруженных сил» и «20 лет Победы над Германией».

В нашей жизни ничего не происходит случайно. Два месяца назад музею был подарен еще один уникальный экспонат. Это тетрадь с личными записями Е. А. Баландина. Судя по дате, написана она была во время учебы на курсах Союзфото. На обложке надпись «Тетрадь № 1». По-видимому, она была не одна. Тексты содержат подробное описание различных проявителей для фотоснимков. Интересно, что тетрадь была подарена лично Баландиным Л. А. Кринкину, члену клуба фотолюбителей «60-я параллель».

Фотоархив пополнился также благодаря сыновьям Евареста Александровича – Леониду и Николаю: это снимки семьи Баландиных, виды Тотьмы, здание фотографии, где работал Еварест Александрович (теперь оно уже не существует) и многое, многое другое. Я думаю, что все эти фото найдут свое место в новом издательском проекте – иллюстрированном альбоме «Осколки времени. Тотьма на фотографиях первых десятилетий советской власти», работа над которым уже началась.

В семейном архиве моей семьи также было обнаружено интересное фото: парный портрет, где изображен Е. Баландин и дед моего мужа Копытов Пантелеймон. По-видимому, они вместе работали в колхозе в д. Матеево.

К сожалению, фотографы никогда не являлись медийными личностями, создавая свои шедевры и делая кого-то знаменитыми, несмотря на значимость их наследия.

Время идет, забываются события, улицы, люди… Снимки остаются, словно островки памяти.

Подводя итог исследования, хочется отметить, что коллекция фотодокументов Е. А. Баландина представлена разнообразными материалами. Отдельные снимки вводятся в научный оборот впервые. Большая часть коллекции находится в хорошем состоянии и может быть использована в публикациях, размещена в экспозиции музея. Отрадно, что коллекция пополняется новыми экспонатами.

Несмотря на то, что большая часть фотографий была сделана более полувека назад, каждая из них представляет интерес не только для исследователей, местного сообщества, но и для межмузейного сотрудничества. Подобным примером стала выставка «Война. Фотосвидетельства», состоявшаяся в 2017 году в городе Полярный ЗАТО Александровск Мурманской области.

Фирсова Наталья Игоревна,
МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма

НАГРАДЫ СССР В КОЛЛЕКЦИЯХ ТОТЕМСКОГО МУЗЕЙНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ (ВОЕННЫЙ ПЕРИОД 1941–1945)

Настоящая статья – продолжение систематической работы по изучению, атрибуции и научному описанию наград из собрания музея. Обращаемся к периоду Великой Отечественной войны (1941–1945), так как награды СССР довоенного периода мною были уже изучены и представлены научному сообществу в рамках конференции 2018 года[351]. Относящиеся к этому периоду ордена и медали находятся в двух коллекциях: «Нумизматика и фалеристика» и «Металл драгоценный». В нашем собрании насчитывается 162 награды военного периода, принадлежавшие 91 награжденному, среди них 21 орден и 141 медаль.

Во время Великой Отечественной войны появились новые боевые награды, Верховный Совет СССР делегировал право награждения рядом орденов военному командованию Красной Армии и Военно-Морского Флота. При этом награждения производились от имени Верховного Совета СССР. Эта практика была прекращена специальным указом, изданным 26 февраля 1947 года.

20 мая 1942 г. был учрежден орден Отечественной войны. Был детально разработан статут этой боевой награды – в нем подробно и четко перечислялось, за какие конкретно боевые отличия производится вручение. Несколько новаций отличали его от всех других советских наград, учрежденных ранее: во-первых, он подразделялся на две степени – до этого наградная система СССР не знала практики подразделения на степени; во-вторых, носился на прямоугольной колодке с красной лентой – а все прежние советские ордена не имели колодок с лентами (они крепились к одежде при помощи штифта с гайкой); в-третьих, он располагался на правой стороне груди (до этого все награды СССР носились только на левой стороне груди). До 1977 года это был единственный

[351] Фирсова Н. И. Награды СССР в коллекциях Тотемского музейного объединения (довоенный период) // Русский Север-2018: проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия: сборник материалов второй Всероссийской научной конференции с международным участием (Тотьма, 1–4 марта 2018 г.) / Тотем. муз. об-ние, Вологод. гос. университет.– Вологда: Полиграф-Периодика, 2018.– С. 141–151.

орден, который передавался в семью после смерти награждённого. Несмотря на военное происхождение ордена, были случаи награждения за мирные подвиги, например, в 1946 году награждались колхозники за спасение урожая во время засухи. 15 октября 1947 года награждение гражданских лиц орденом Отечественной войны было прекращено.

В коллекции 16 орденов, 9 ед. из них – I степени (Андреева Аркадия Григорьевича (2), Фомина Александра Ильича, Кузнецова Феодосия Фёдоровича, Бачалдина Михаила Александровича, Двойнишникова Николая Григорьевича, Мишуринского Николая Николаевича, Двойнишникова Сергея Ивановича, Расторгуева Феодосия Феодосьевича), 7 ед. – II степени (Осовского Алексея Григорьевича, Лукина Андрея Ивановича, Филёва Павла Алексеевича, Мишуринского Александра Ивановича, Фомина Александра Ильича, Кузнецова Феодосия Фёдоровича, Андреева Аркадия Григорьевича).

Знак ордена Отечественной войны I степени представляет собой изображение выпуклой пятиконечной звезды, покрытой рубиново-красной эмалью на фоне золотых лучей, расходящихся в виде пятиконечной полированной звезды, концы которой размещены между концами красной звезды. В середине красной звезды – золотое изображение серпа и молота на рубиново-красной круглой пластинке, окаймленной белым эмалевым пояском, с надписью: «ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА» и с золотой звездочкой в нижней части пояска. Красная звезда и белый поясок имеют золотые ободки. На фоне лучей золотой звезды изображены концы винтовки и шашки, скрещенных позади красной звезды. Приклад винтовки обращен вправо вниз, эфес шашки – влево вниз. Изображения винтовки и шашки оксидированы.

Знак ордена Отечественной войны II степени, в отличие от ордена I степени, изготовлялся из серебра. Нижняя лучистая звезда полирована. Изображение винтовки и шашки оксидировано. Остальные части ордена, не покрытые эмалью, позолочены. Накладные серп и молот в центре ордена выполнены из золота на обеих степенях ордена. Диаметр описанной окружности (размер ордена между противолежащими концами красной и золотой или серебряной звезд) – 45 мм. Длина изображений винтовки и шашки также 45 мм. Диаметр центрального круга с надписью – 22 мм. На оборотной стороне знак имеет нарезной штифт с гайкой для прикрепления ордена к одежде. Лента к ордену шелковая, муаровая цвета бордо с продольными красными полосками:

для I степени – с одной полоской посередине ленты, шириной 5 мм; для II степени – с двумя полосками по краям, шириной 3 мм каждая. Ширина ленты – 24 мм.

В том же 1942 году в июле были утверждены полководческие ордена – Суворова, Кутузова (оба трех степеней) и Александра Невского. Примечательно, что третья степень ордена Кутузова была учреждена позже – 30 сентября того же года. Как и орден Отечественной войны, они носились на прямоугольных колодках с красной муаровой лентой, но на левой стороне груди. В октябре 1943 г. появился еще один новый орден – Богдана Хмельницкого. В марте 1944 г. были приняты ордена для военных моряков – Ушакова и Нахимова (оба двух степеней). Из перечисленных орденов у нас только один орден Александра Невского Сивкова Василия Павловича.

Орден Александра Невского носится на правой стороне груди и располагается после ордена Богдана Хмельницкого III степени. Знак ордена Александра Невского представляет собой выпуклую, покрытую рубиново-красной эмалью, пятиконечную звезду на фоне десятиконечной правильной фигуры, на поверхности которой расположены расходящиеся полированные лучи. Красная звезда имеет позолоченные ободки. В середине звезды – круглый окованный щит с рельефным изображением Александра Невского и надписью по окружности выпуклыми буквами: «АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ». Щит окаймлен лавровым позолоченным венком. Нижние концы ветвей венка покрыты фигурным щитком с позолоченным изображением на нём серпа и молота. На фоне лучей десятиконечной фигуры изображены концы двух позолоченных бердышей, скрещенных позади круглого щита. В нижней части ордена скрещены позади фигурного щитка позолоченные: меч, копье, лук и колчан со стрелами.

Знак ордена Александра Невского изготовлен из серебра. На оборотной стороне знак имеет нарезной штифт с гайкой для прикрепления ордена к одежде.

Лента к ордену шелковая муаровая голубого цвета с продольной красной полосой посередине. Ширина ленты – 24 мм, ширина полоски – 5 мм.

8 ноября 1943 года были учреждены два ордена, предназначенные для награждения военнослужащих, находящихся на противоположных концах армейской иерархии: орден Победы, которым награждались только высшие военачальники, и орден Славы (трёх степеней), предназначенный для награждения рядового и

сержантского состава. Особенностью последнего был строгий порядок награждения от низшей (третьей) степени к высшей без возможности присвоения нескольких орденов одной степени. Этот порядок, характерный для наградной системы Российской империи, в наградной системе СССР появился впервые. В статуте детально перечислялось, за что именно производится награждение. Совершенно очевидно, что орден Славы был задуман как советский аналог прежнего российского Георгиевского креста (хотя, конечно, статус его был выше, чем статус «предшественника», который был не орденом, а лишь знаком отличия). Эта преемственность подчеркивалась и тем, что для ордена Славы была принята георгиевская оранжево-черная лента. В коллекции один орден Славы III степени Гладкова Вячеслава Васильевича.

Знак ордена Славы III степени представляет собой пятиконечную звезду размером между противолежащими вершинами 46 мм. Поверхность лучей звезды слегка выпуклая. На лицевой стороне в средней части звезды – круг-медальон диаметром 23,5 мм с рельефным изображением Кремля со Спасской башней в центре. По окружности медальона – лавровый венок. В нижней части круга выпуклая надпись: «СЛАВА» на красной эмалевой ленточке.

На оборотной стороне ордена – круг диаметром 19 мм с рельефной надписью в середине «СССР». По краю звезды и круга на лицевой стороне – выпуклые бортики. Серебряный, без золочения в центральном круге. Знак при помощи ушка и кольца соединяется с пятиугольной колодочкой, покрытой шелковой муаровой лентой шириной 24 мм. На ленте пять продольных равных по ширине чередующихся полосок: три черного и две оранжевого цвета. По краям лента имеет по одной узкой оранжевой полоске шириной 1 мм.

В 1943 году наградная система СССР сделала заметный шаг вперёд: Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 июня были утверждены правила ношения государственных наград, большинство наград изменили внешний вид, были введены ленты орденов и медалей, которые стало возможным носить на планках вместо самих наград. При этом «звездообразные» знаки (Суворова, Кутузова, Александра Невского, Отечественной войны, Красной Звезды и учрежденные позднее, в 1943–1944 гг., Ушакова, Нахимова, Богдана Хмельницкого) носились на правой стороне груди без колодок, а остальные (Ленина, Красного Знамени, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета» и Славы) и все медали носились на колодках на левой стороне груди. В том же году было принято

постановление «Об оставлении орденских книжек и удостоверений к медалям в семьях умерших награждённых».

Говоря о наградах, введенных в период войны, нельзя не упомянуть и об утвержденных 8 июля 1944 г. за сугубо мирные заслуги орденских знаках «Мать-героиня», «Материнская слава» (трёх степеней) и «Медаль материнства» (двух степеней) Они вручались многодетным матерям в зависимости от количества рожденных и воспитанных ими детей.

В нашем собрании три ордена «Материнская слава» III степени (Баженовой Александры Яковлевны, Макаровой Анны Васильевны, Протопоповой Юлии Дмитриевны) и Медаль материнства: I степени – 3 ед. (Баженовой Александры Яковлевны, Талашовой Анны Андреевны, Шубариной Серафимы Васильевны), II степени – 3 ед. (Баженовой Александры Яковлевны, Талашовой А. А., Ворошиловой Анны Ивановны)

Знак ордена «Материнская слава» III степени изготовлялся из серебра и представляет собой выпуклый овал. В верхней части ордена развевающееся знамя с надписью на нем «Материнская слава» и цифрой, показывающей степень ордена. Под знаменем – щиток с надписью: «СССР». В верхней части щитка – звездочка. На нижнюю часть щитка наложены оксидированные серп и молот. В левой части ордена – оксидированная фигура матери с ребенком на руках. Фигура прикрыта внизу розами. Нижняя половина ордена окаймлена листьями. Орден при помощи ушка и кольца соединяется с металлической колодочкой в виде банта, покрытой белой эмалью. На белом эмалевом фоне три голубые полоски. На оборотной стороне колодочки имеется булавка для прикрепления ордена к одежде. Награждались матери, родившие и воспитавшие семь детей.

Медаль «Медаль материнства» I степени изготовлялась из серебра 925 пробы и имеет форму правильного круга диаметром 29 мм.

На лицевой стороне медали профильное погрудное изображение матери и ребенка. В левой верхней части медали выпуклая пятиконечная звездочка с расходящимися от нее лучами. По окружности медали узенький лавровый веночек. В нижней части медали ленточка с надписью на ней «СССР». На оборотной стороне медали в центре изображение серпа и молота и надпись в верхней части по окружности «МЕДАЛЬ» и в нижней части по окружности – «МАТЕРИНСТВА». Все изображения и надписи на медали выпуклые.

Медаль при помощи ушка и кольца соединяется с металлической, покрытой белой эмалью, колодочкой в виде банта, пере-

Орден Отечественной войны I степени.
Орден Отечественной войны II степени. Орден Александра Невского.
Орден Славы III степени. Орден «Материнская слава» III степени.
Медаль Материнства I степени

хваченного в середине узорчатой позолоченной пластинкой. Бант окаймлен двумя синими полосками. На оборотной стороне колодочки булавка для прикрепления медали к одежде.

Медаль «Медаль материнства» II степени аналогична медали I степени, но изготовлялась из бронзы. Бант у медали II степени такой же, как для медали I степени, но по краям две зеленые полоски. Награждались медалью II степени матери, родившие и воспитавшие пять детей; медалью I степени – матери, родившие и воспитавшие шесть детей.

Медаль «Медаль материнства II степени»

Первыми медалями военного времени стали четыре медали за оборону: «За оборону Ленинграда», «За оборону Одессы», «За оборону Севастополя», «За оборону Сталинграда». Все четыре медали имеют одну дату учреждения – 22 декабря 1942 года. Примечательно, что, несмотря на эвакуацию Монетного двора из Ленинграда в Краснокамск (где с 1941 по 1944 год чеканилось большинство орденов и медалей), ленинградцы в условиях блокады смогли наладить производство медали «За оборону Ленинграда» и к 1 декабря 1943 года отчеканили 2200 медалей. Кроме вышеназванных медалей до конца войны было учреждено несколько боевых медалей и одна мирная: медаль «Партизану Отечественной войны» двух степеней, медали Ушакова и Нахимова, медали «За оборону Москвы», «За оборону Кавказа», «За оборону Советского Заполярья». 9 мая 1945 года была учреждена медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», а 6 июня была учреждена медаль для тружеников тыла – медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Но на этих наградах военный период не закончился: по ходатайству Народного комиссариата обороны 7 июня 1945 года было учреждено сразу семь медалей: «За взятие Будапешта», «За взятие Кенигсберга», «За взятие Вены», «За взятие Берлина», «За освобождение Белграда», «За освобождение Варшавы», «За освобождение Праги». 30 сентября того же года была учреждена медаль «За победу над Японией». Последняя медаль военного периода – «За оборону Киева» – была учреждена 21 июня 1961 года. К военному периоду также относится введение лент к медалям СССР. Ленты изготавливались из муарового шёлка шириной 24 мм и закреплялись на пятиугольных колодках. Тогда же были введены планки для ношения лент без медалей (высота планки 12 мм).

Медаль «За оборону Ленинграда». Медаль «За оборону Сталинграда». Медаль «За оборону Москвы». Медаль «За оборону Кавказа». Медаль «За оборону Советского Заполярья». Медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» Медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» Медаль «За взятие Кенигсберга». Медаль «За взятие Вены». Медаль «За взятие Берлина». Медаль «За победу над Японией». Медаль «За освобождение Варшавы»

Большинство из указанных наград имеются в собрании Тотемского музейного объединения. Исключение составляют медали Ушакова, Нахимова, «За оборону Одессы», «За оборону Севастополя», «Партизану Отечественной войны», «За взятие Будапешта», «За освобождение Белграда», «За оборону Киева».

Медаль «За оборону Ленинграда» (8 ед.: Расторгуева Феодосия Феодосьевича, Кокорева Петра Павловича, Потылицына Павла Васильевича, Малевинского Василия Андреевича, Хариной Зои Ивановны, Репина П. В., Фомина Александра Ильича, Шаляпина Михаила Петровича**)** – из латуни, имеет форму правильного круга диаметром 32 мм. На лицевой стороне медали, на фоне виднеющегося очертания здания Адмиралтейства, изображена группа красноармейцев, краснофлотцев, рабочих и работниц с винтовками наперевес. В верхней части медали – пятиконечная звездочка и надпись по краю медали «ЗА ОБОРОНУ ЛЕНИНГРАДА». Лицевая сторона медали окаймлена выпуклым бортиком. На оборотной стороне медали надпись: «ЗА НАШУ СОВЕТСКУЮ РОДИНУ». Над надписью изображены серп и молот. Все надписи и изображения на медали выпуклые.

Колодочка обтянута шелковой муаровой лентой оливкового цвета с продольной зеленой полоской посередине. Ширина ленты 24 мм, ширина полоски – 2 мм.

Медаль «За оборону Сталинграда» (3 ед.: Абанина Александра Ивановича, Мальцева Виктора Андреевича, Казаринова Александра Михайловича**)** из латуни, имеет форму правильного круга диаметром 32 мм. На лицевой стороне медали – группа бойцов с винтовками наперевес. Над группой бойцов, с правой стороны медали, развевается знамя, а с левой стороны видны очертания танков и летящих друг за другом самолетов. В верхней части медали, над группой бойцов, пятиконечная звездочка и надпись по краю медали «ЗА ОБОРОНУ СТАЛИНГРАДА». Лицевая сторона медали окаймлена выпуклым бортиком. На оборотной стороне медали надпись: «ЗА НАШУ СОВЕТСКУЮ РОДИНУ». Над надписью изображены серп и молот. Все надписи и изображения на медали выпуклые. Колодочка обтянута шелковой муаровой лентой оливкового цвета с продольной красной полоской посередине. Ширина ленты 24 мм, ширина полоски – 2 мм.

Медаль «За оборону Москвы» (3 ед.: Медведева Петра Александровича, Ворошилова Василия Михайловича, Косоногова Алексея Максимовича**)** из латуни, имеет форму правильного круга

диаметром 32 мм. На лицевой стороне медали Кремлевская стена. На фоне Кремлевской стены изображен танк Т-34 с группой бойцов на нем. В левой части медали изображение памятника Минину и Пожарскому и в правой части медали – башня. Над Кремлевской стеной виднеется купол здания Правительства с флагом, на флаге серп и молот. Над куполом силуэты самолетов. В верхней части медали по окружности надпись: «ЗА ОБОРОНУ МОСКВЫ». В нижней части медали по окружности лавровый венок, у нижних концов ветвей пятиконечная звездочка. Лицевая сторона медали окаймлена выпуклым бортиком. На оборотной стороне медали надпись: «ЗА НАШУ СОВЕТСКУЮ РОДИНУ». Над надписью изображены серп и молот. Все надписи и изображения на медали выпуклые. Колодочка обтянута шелковой муаровой лентой шириной 24 мм. На ленте три продольные оливковые полоски шириной 5 мм каждая и две красные полоски шириной 4 мм каждая. Края ленты окантованы узенькими красными полосками.

Награждались все участники обороны Москвы: военнослужащие, лица из гражданского населения, военнослужащие и гражданские лица из населения города Москвы и Московской области. Медаль также вручалась партизанам Московской области и активным участникам обороны города-героя Тулы.

Медаль «За оборону Кавказа» (1 ед**.** Андреева Аркадия Григорьевича) из латуни, имеет форму правильного круга диаметром 32 мм. На лицевой стороне медали изображен Эльбрус. В нижней части, у подножья горы, нефтяные вышки и группа движущихся танков. Над вершинами горы виднеются силуэты самолетов. В верхней части медали по окружности надпись: «ЗА ОБОРОНУ КАВКАЗА». Лицевая сторона медали окаймлена фигурным ободком, на котором изображены гроздья винограда и цветы. В верхней части ободка пятиконечная звездочка. В нижней части ободка лента с буквами «СССР» и изображением серпа и молота между ними. На оборотной стороне медали надпись: «ЗА НАШУ СОВЕТСКУЮ РОДИНУ». Над надписью изображение серпа и молота. Все надписи и изображения на медали выпуклые.

Колодочка обтянута шелковой муаровой лентой оливкового цвета шириной 24 мм. В середине ленты две белые полоски шириной 2 мм, разделенные оливковой полоской такой же ширины. По краям ленты синие полоски шириной 2,5 мм каждая.

Награждались военнослужащие и лица вольнонаемного состава частей, соединений и учреждений Красной Армии, Военно-

Морского Флота и войск НКВД, фактически участвовавшие в обороне Кавказа не менее трех месяцев в период июль 1942 года – октябрь 1943 года. Так же получившим в период обороны ранения или награжденным за оборону Кавказа орденами или медалями СССР медаль «За оборону Кавказа» вручалась независимо от срока участия в обороне.

Медаль «За оборону Советского Заполярья» (11 ед.: Фомина Александра Ильича, Трофимова Никандра Николаевича, Федотовского Михаила Федоровича, Попова Бориса Устиновича, Поляшова Алексея Васильевича, Филёва Павла Алексеевича, Мишуринского Александра Ивановича, Двойнишникова Николая Григорьевича, Баландина Евареста Александровича, Малевинского Василия Андреевича, Осовского Алексея Григорьевича**)** из латуни, имеет форму правильного круга диаметром 32 мм. На лицевой стороне медали погрудное изображение бойца в полушубке и шапке-ушанке с автоматом ППШ. Слева за фигурой бойца виднеются очертания боевого судна. В верхней части медали по обе стороны бойца – силуэты самолетов. В нижней части медали изображения танков. По окружности медали надпись в рамке «ЗА ОБОРОНУ СОВЕТСКОГО ЗАПОЛЯРЬЯ». Внизу рамки лента с пятиконечной звездочкой на ней. В центре звездочки – серп и молот. На оборотной стороне медали надпись: «ЗА НАШУ СОВЕТСКУЮ РОДИНУ». Над надписью изображение серпа и молота. Все надписи и изображения на медали выпуклые.

Колодочка обтянута шелковой муаровой лентой голубого цвета шириной 24 мм. Посередине ленты зеленая полоска шириной 6 мм. Края ленты и зеленой полоски окаймлены узкими белыми полосками.

Вручалась военнослужащим и вольнонаемным частей, соединений и учреждений Красной Армии, Военно-Морского Флота и войск НКВД, рабочим, служащим и другим лицам из гражданского населения, фактически участвовавших в обороне Советского Заполярья не менее 6 месяцев. Получившим в период обороны ранения или награжденным в период обороны Советского Заполярья орденами или медалями СССР медаль «За оборону Советского Заполярья» вручалась независимо от срока участия в обороне.

Медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (48 ед. Табл. 1**)** из латуни, имеет форму правильного круга диаметром 32 мм. На лицевой стороне медали профильное погрудное изображение Сталина И. В. в форме Маршала Советского Союза, повернутое влево. В верхней части медали по окружности надпись: «НАШЕ ДЕЛО ПРАВОЕ», в нижней части по окружности надпись: «МЫ ПОБЕДИЛИ».

На оборотной стороне медали надписи: по окружности – «ЗА ПОБЕДУ НАД ГЕРМАНИЕЙ», в центре – «В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941–1945 ГГ.», в нижней части – пятиконечная звездочка. Все надписи и изображения на медали выпуклые. Колодочка обтянута шелковой муаровой лентой шириной 24 мм. На ленте 5 продольных равных по ширине чередующихся полосок – 3 черного и 2 оранжевого цвета. Края ленты окаймлены узенькими оранжевыми полосками.

Награждались все военнослужащие и лица вольнонаемного штатного состава, принимавшие в рядах Красной Армии, Военно-Морского Флота и войск НКВД непосредственное участие на фронтах Отечественной войны или обеспечивавшие победу своей работой в военных округах; также выбывшие из них по ранению, болезни и увечью, а также переведенные по решению государственных и партийных организаций на другую работу вне армии.

Медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (34 ед. Табл. 2**)** из меди, имеет форму правильного круга диаметром 32 мм.

На лицевой стороне медали профильное погрудное изображение товарища Сталина И.В. в форме Маршала Советского Союза. В верхней части медали по окружности надпись: «НАШЕ ДЕЛО ПРАВОЕ», в нижней части по окружности надпись: «МЫ ПОБЕДИЛИ».

На оборотной стороне медали надписи: по окружности – «ЗА ДОБЛЕСТНЫЙ ТРУД», а в центре – «В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941–1945 ГГ.», в верхней части – серп и молот, в нижней части – пятиконечная звездочка. Все надписи и изображения на медали выпуклые.

Колодочка обтянута красной шелковой муаровой лентой шириной 24 мм. Посередине ленты зеленая полоска шириной 7 мм. Края ленты окаймлены узенькими желтыми полосками.

Награждались рабочие, инженерно-технический персонал и служащие промышленности и транспорта, колхозники и специалисты сельского хозяйства, работники науки, техники, искусства и литературы, работники советских, партийных, профсоюзных и других общественных организаций, обеспечившие своим доблестным

и самоотверженным трудом победу Советского Союза над Германией в Великой Отечественной войне.

Медаль «За взятие Кенигсберга» (3 ед.: Андреева Аркадия Григорьевича, Кузнецова Феодосия Фёдоровича, Решетова Алексея Макаровича**)** из латуни, имеет форму правильного круга диаметром 32 мм.

На лицевой стороне медали в центре надпись: «ЗА ВЗЯТИЕ КЕНИГСБЕРГА», вверху над надписью пятиконечная звездочка с расходящимися лучами, а внизу лавровая веточка. Лицевая сторона медали окаймлена бортиком. На оборотной стороне медали дата взятия Кенигсберга: «10 апреля 1945», над датой пятиконечная звездочка. Все надписи и изображения на медали выпуклые.

Колодочка обтянута шелковой муаровой лентой шириной 24 мм. Лента состоит из чередующихся между собой пяти полосок: трех черных и двух зеленых. Края ленты окаймлены узенькими зелеными полосками.

Медалью «За взятие Кенигсберга» награждались военнослужащие Красной Армии, Военно-Морского Флота и войск НКВД – непосредственные участники героического штурма и взятия Кенигсберга в период 23 января – 10 апреля 1945 года, а также организаторы и руководители боевых операций при взятии этого города.

Медаль «За взятие Вены» (2 ед.: Коробицына Семёна Михайловича, Осовского Алексея Григорьевича**)** из латуни, имеет форму правильного круга диаметром 32 мм.

На лицевой стороне медали в центре надпись: «ЗА ВЗЯТИЕ ВЕНЫ», вверху пятиконечная звездочка, внизу лавровая веточка. Лицевая сторона медали окаймлена бортиком.

На оборотной стороне медали дата взятия Вены: «13 апреля 1945», над датой пятиконечная звездочка. Все надписи и изображения на медали выпуклые.

Колодочка обтянута голубой шелковой муаровой лентой шириной 24 мм. Посередине ленты синяя полоска шириной 8 мм.

Медалью «За взятие Вены» награждались военнослужащие Красной Армии, Военно-Морского Флота и войск НКВД – непосредственные участники героического штурма и взятия Вены в период 16 марта – 13 апреля 1945 года, а также организаторы и руководители боевых операций при взятии этого города.

Медаль «За взятие Берлина» (7 ед.: Пономарева Василия Васильевича, Чухина Ивана Александровича, Немирова Михаила Николаевича, Попова Александра Васильевича, Никитникова Ивана Афанасьевича, Лукина Андрея Ивановича, Чупрова Ивана Васильевича**)** из латуни, имеет форму правильного круга диаметром 32 мм.

На лицевой стороне медали: в центре надпись: «ЗА ВЗЯТИЕ БЕРЛИНА», вверху над надписью пятиконечная звездочка, внизу по окружности полувенок из дубовых листьев. Лицевая сторона медали окаймлена бортиком.

На оборотной стороне медали дата взятия Берлина «2 мая 1945», под датой пятиконечная звездочка. Все надписи и изображения на медали выпуклые.

Колодочка обтянута красной шелковой муаровой лентой шириной 24 мм. Посередине ленты пять полосок: три черные и две оранжевые. Крайние черные полоски окаймлены узенькими оранжевыми полосками.

Награждались военнослужащие Красной Армии, Военно-Морского Флота и войск НКВД – непосредственные участники героического штурма и взятия Берлина в период 22 апреля – 2 мая 1945 года, а также организаторы и руководители боевых операций при взятии этого города.

Медаль «За освобождение Варшавы» (5 ед.: Немирова Михаила Николаевича, Чухина Ивана Александровича, Пономарева Василия Васильевича, Попова Александра Васильевича, Никитникова Ивана Афанасьевича**)** из латуни, имеет форму правильного круга диаметром 32 мм. На лицевой стороне вверху по окружности надпись: «ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ», в центре надпись на ленте «ВАРШАВЫ», внизу пятиконечная звездочка с расходящимися от нее лучами. Лицевая сторона медали окаймлена бортиком. На оборотной стороне медали дата освобождения Варшавы «17 января 1945», над датой пятиконечная звездочка. Все надписи и изображения на медали выпуклые.

Колодочка обтянута синей шелковой муаровой лентой шириной 24 мм. Посередине ленты красная полоска шириной 8 мм. Края ленты окаймлены узенькими желтыми полосками.

Награждались военнослужащие Красной Армии, Военно-Морского Флота и войск НКВД – непосредственные участники героического штурма и освобождения Варшавы в период 14–17 января 1945 года, а также организаторы и руководители боевых операций при освобождении этого города.

Медаль «За освобождение Праги» (2 ед.: Лукина Андрея Ивановича, Малевинского Василия Андреевича**)** из латуни, имеет форму правильного круга диаметром 32 мм.

На лицевой стороне вверху по окружности надпись: «ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ», под ней надпись: «ПРАГИ», внизу изображение восходящего солнца и двух лавровых веточек, соединенных под пятиконечной звездочкой. Лицевая сторона медали окаймлена бортиком. На оборотной стороне медали дата освобождения Праги: «9 мая 1945», под датой пятиконечная звездочка. Все надписи и изображения на медали выпуклые. Колодочка обтянута сиреневой шелковой муаровой лентой шириной 24 мм. Посередине ленты синяя полоска шириной 8 мм.

Медаль «За освобождение Праги»

Награждались военнослужащие Красной Армии, Военно-Морского Флота и войск НКВД – непосредственные участники героического штурма и освобождения Праги в период 3–9 мая 1945 года, а также организаторы и руководители боевых операций при освобождении этого города.

Медаль «За победу над Японией» (5 ед.: Сибирцевой Антонины Павловны, Белоусова Петра Федоровича, Филёва Павла Алексеевича, Двойнишникова Николая Григорьевича, неизвестен**)** из латуни, имеет форму правильного круга диаметром 32 мм. На лицевой стороне медали профильное погрудное изображение Генералиссимуса Советского Союза Сталина И. В., повернутое вправо. В верхней части медали по окружности надпись: «ЗА ПОБЕДУ НАД ЯПОНИЕЙ». На оборотной стороне медали надпись «3 СЕНТЯБРЯ 1945», над ней пятиконечная звездочка. Все надписи и изображения на медали выпуклые. Колодочка обтянута шелковой муаровой лентой шириной 24 мм. Посередине ленты широкая красная полоска, по обе стороны от нее: по одной белой полоске, по одной красной полоске и по одной узенькой белой полоске. Края ленты окаймлены узенькими желтыми полосками.

Награждались все военнослужащие и лица вольнонаемного штатного состава частей и соединений Красной Армии, Военно-Морского Флота и войск НКВД, принимавших непосредственное участие в боевых действиях против японских империалистов в составе войск 1-го Дальневосточного, 2-го Дальневосточного и Забайкальского фронтов, Тихоокеанского флота и Амурской речной флотилии.

В настоящий момент в музее создается новая экспозиция, посвященная советскому периоду, поэтому сведения об участниках войны, их судьбах и наградах оказываются востребованы экспозиционерами. В краеведческом музее подобная информация обязательно должна быть представлена, поскольку основные его посетители – потомки тех, кто воевал. Истории жизни участников войны в экспозиции – это связующая нить поколений. Для хранителей коллекций важно уточнить имена награжденных. К сожалению, это не всегда возможно. Идентификация награжденного – зачастую кропотливый труд, который требует изучения источников, привлечения материалов документального фонда, анализ учетно-хранительской документации, тем не менее это важная миссия музея – сохранение исторической памяти и личных историй.

В результате проделанной работы была уточнена датировка большинства из наград военного времени согласно разработанной ранее типологизации. Благодаря анализу имеющихся в собрании наград, можно констатировать, что наши земляки в годы Великой Отечественной войны участвовали в ключевых сражениях: за Сталинград, Москву, Ленинград, Заполярье. Исключение составляют кадровые военные, которые принимали участие и в других боевых действиях. Результатом систематизации военных наград стали списки тотьмичей-орденоносцев. Полученные данные будут использоваться и в дальнейшей научной и экспозиционной работе коллектива музея. Изучение и систематизация наград будет продолжаться. В ближайшее время предметом изучения станут награды следующего периода – 1946–1991 гг.

Таблица 1

Медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» в собрании Тотемского музейного объединения:

1	Абанина Александра Ивановича
2	Андреева Константина Григорьевича
3	Армеева Авксентия Петровича
4	Армеева Виталия Петровича
5	Баландина Евареста Александровича
6	Белоусова Петра Федоровича
7	Ганичева Николая Философовича
8	Двойнишникова Николая Григорьевича
9	Дубровского Семена Федоровича

Продолжение табл. 1

10	Дьячкова Василия Всеволодовича
11	Елисеева Ивана Сергеевича
12	Жилинского Петра Максимовича
13	Казарина Михаила Лупановича
14	Каплиной Фаины Петровны
15	Кокорева Петра Павловича
16	Косоногова Алексея Максимовича
17	Кузнецова Феодосия Фёдоровича
18	Куницына Александра Михайловича
19	Лукина Андрея Ивановича
20	Мальцева Николая Кузьмича
21	Медведева Петра Александровича
22	Мишуринского Александра Ивановича
23	Мишуринского Николая Николаевича
24	Невзорова Ивана Степановича
25	Неволина Алексея Павловича
26	Немирова Михаила Николаевича
27	Никитникова Ивана Афанасьевича
28	Окатовой Веры Павловны
29	Осовского Алексея Григорьевича
30	Патрикеева Виталия Алексеевича
31	Пахотина Петра Ивановича
32	Перевязкина Александра Алексеевича
33	Плотникова Сергея Михайловича
34	Поляшова Алексея Васильевича
35	Пономарёва Василия Васильевича
36	Попова Бориса Устиновича
37	Поповского Петра Ивановича
38	Пугинского Василия Ивановича
39	Пугинского Николая Ивановича
40	Расторгуева Феодосия Феодосьевича
41	Репина П. В.
42	Решетова Алексея Макаровича
43	Тихонова Александра Васильевича
44	Трофимова Никандра Николаевича
45	Филёва Павла Алексеевича
46	Фомина Александра Ильича
47	Хариной Зои Ивановны
48	Чупрова Ивана Васильевича
49	Шушкова Андрея Степановича

Таблица 2

Медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» в собрании Тотемского музейного объединения:

1	Армеева Авксентия Петровича
2	Баженовой Александры Яковлевны
3	Ганичева Николая Философовича
4	Дубинки Ивана Алексеевича
5	Дубровского Семёна Фёдоровича
6	Дубровского Семёна Фёдоровича
7	Дурова Николая Андреевича
8	Елисеевой Клавдии Ивановны
9	Жилинского Петра Максимовича
10	Каплиной Фаины Петровны
11	Климова Алексея Осиповича
12	Мальцевой Зои Николаевны
13	Мальцевой Маргариты Николаевны
14	Мараковой Дарьи Васильевны
15	Мартынова Степана Павловича
16	Немирова Михаила Николаевича
17	Новгородова Василия Андреевича
18	Пахотина Петра Ивановича
19	Перевязкина Александра Алексеевича
20	Пономаревой Анны Михайловны
21	Попова Александра Васильевича
22	Поповой Августы Семёновны
23	Томиловой Марии Александровны
24	Трифанова Феодосия Дмитриевича
25	Улановой Анны Прохоровны
26	Фомина Александра Ильича
27	Чащина Всеволода Васильевича
28	Чежиной Анны Ефимовны
29	Шушковой Натальи Яковлевны
30	Юрзиной Варвары Ивановны
31	Неизвестен
32	Неизвестен
33	Елисеева Владимира Васильевича
34	Поповой Александры Иринеевны

Андреева Елена Павловна,
ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», г. Вологда

ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «КРЕСТЬЯНСКАЯ УСАДЬБА» КАК ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ О ЖИЗНИ СЕВЕРНОРУССКОГО КРЕСТЬЯНИНА: НА МАТЕРИАЛЕ ТОТЕМСКИХ ГОВОРОВ

Данная статья посвящена характеристике одной из тематических групп тотемских говоров, состав которой позволяет судить о своеобразии языковой картины севернорусского крестьянина. Изначально русская диалектология была связана с историей, этнографией. Л. Л. Касаткин справедливо отмечает, что «изучение диалектной лексики, относящейся к старому крестьянскому быту, невозможно без знания этнографии. Но, с другой стороны, и сами диалектные названия предметов и понятий крестьянского быта являются важными этнографическими признаками».[352]

Словарь вологодских говоров и его картотека достаточно полно отражают лексическую систему тотемских говоров (далее СВГ и КСВГ)[353]. Следует вспомнить, что сбор диалектной лексики для этого лексикографического труда был начат под руководством Т. Г. Паникаровской в 1963 году, позднее коллектив вологодских диалектологов возглавляет Л. Ю. Зорина. Диалектологические экспедиции студентов и преподавателей Вологодского педагогического института (позднее педагогического университета, ныне института истории и филологии в составе Вологодского государственного университета) продолжаются по настоящее время. Изданные 12 выпусков «Словаря вологодских говоров» содержат около 160 авторских листов и около 26 тысяч слов. Подготовленное к печати второе издание СВГ значительно превышает этот объем. Более семидесяти населенных пунктов Тотемского района были исследованы вологодскими диалектологами, в ряде тотемских деревень сбор диалектного материала производился неоднократно.

Обратимся к лексике, отражающей материальную культуру северного крестьянина. Слова, входящие в состав архаичной тематической группы (далее ТГ) ‘Крестьянская усадьба’, позволяют судить об особенностях быта северного крестьянина, о его прагматическом и одновременно поэтическом взгляде на окружающий мир. По словам В. А. Ополовникова, «народные постройки – от крестьянской избы до плетня у околицы, от премудроверхого храма до малого креста на могиле – удивительно красивы и ладны. Каждая деталь и каждая линия в них осмысленны».[354] Анализируемая ТГ включает ряд лексико-семантических групп (далее ЛСГ), среди которых выделим ‘названия жилой части крестьянского дома и ее частей’, ‘названия окон, дверей и их частей’, ‘названия печей и их частей’, ‘названия мебели и предметов внутреннего убранства избы’, ‘названия хозяйственных помещений’, ‘названия надворных построек’. Рамки статьи не позволяют описать в полном объеме данную ТГ, ограничимся анализом ЛСГ, характеризующих жилое пространство избы (первые четыре подгруппы).

Центральное место в составе анализируемой ТГ занимает ЛСГ ‘**названия жилой части крестьянского дома и ее частей’**. Для общего наименования крестьянского дома обычно использовались общерусские слова *изба*, *дом*: *Ты хоть в избе-то чуни сыми!* Забол. *Дом этот за три тыщи купила, он ещё не опушенный был, уж потом мужик досками обил.* Погор. [КСВГ]. Лексема *изба’* в тотемских говорах употреблялась и в более узком значении ‘большая, светлая, лучшая комната в крестьянском доме’ [СВГ, вып. 3, с. 5]. В отмеченном значении данное слово знают и другие вологодские говоры: бабушкинские, верховажские, вожегодские, кичгородецкие, сямженские. *Были в этом доме? Изба там большая-большая. Это главная комната избой называется.* Сямж. [СВГ, вып. 3, с. 5].

Ценился дом, который был обшит досками. В тотемских говорах использовались глагол *опуши’ть* в значении ‘обить досками, обшить’ и его видовая пара *опуша’ть*, существительные *опу’шка*, *запу’шка*, *около’тка* ‘деревянная обшивка дома’. *Запушка-то у него с вырезам.* Тот. *В этом дому с околоткой-то и живут.* Мос. [СВГ, вып. 2, с. 145]. Со временем дом требовалось поднимать, заменяя сгнившие нижние венцы, в тотемских говорах это действие наряду с общерусским глаголом *подрубать* номинировали диалектные лексемы *подстрели’ть*, *подстре’ливать*. *Соседи-то мои дом подстреливают.* Браг. [СВГ, вып. 7, с. 113]. При необходимости увеличить жилое пространство дома к нему делали пристройку, придел – *приру’быш: Дом-от маленькой, дак они прирубыш сделали. Всё дом-от побольше стал.* Бор. [СВГ, вып. 8, с. 59–60].

---

[352] Касаткин Л. Л. Русская диалектология.– Москва: Академия, 2005. С. 10.

[353] Словарь вологодских говоров. / Под ред. Т. Г. Паникаровской, Л. Ю. Зориной. Вып. 1–12.– Вологда: ВГПИ / ВГПУ, 1983–2007.

[354] Ополовников А. В. Сокровища Русского Севера.– Москва: Стройиздат, 1989. С. 6.

Употребление в тотемских говорах лексемы *дымо'вка* в значении 'изба с беструбной печью' свидетельствует о том, что на данной территории сравнительно долго сохранялся архаичный тип крестьянской курной избы, когда-то широко распространенной на Русском Севере: *Дымовок-то уж мало осталось*. Тот. [СВГ, вып. 2, с. 69].

По свидетельству архитекторов и этнографов, к 80-м годам XIX в. в Вологодской губернии жилое помещение избы стало делиться на летнюю и зимнюю части.[355] Это находит отражение в лексике современных тотемских говоров. Лексема *перёд* имеет значение 'выходящая окнами на улицу передняя часть крестьянского дома, где живут обычно летом': *Перёд-от? Ну спереди-то дома и есть. Перёд-от – передняя часть дома.* Б. Горох. Слово *переда'* отличается оттенком значения, обозначает летнюю избу: *Летняя изба - это летняя переда' зовут.* Мос. [СВГ, вып. 7, с. 34; 35]. Слово *зимо'вка* в одних населенных пунктах Тотемского района фиксируется в значении 'небольшая, хорошо утеплённая изба, пристроенная к основному дому, в которой жили зимой' (*В переды выходили к лету, а зимовка стояла сзади, у некоторых бывала и сбоку*. Погор. *Зимой в зимовке жили: дров меньше надо. Тот.),* в других деревнях имеет значение 'часть крестьянского дома, в которой живут зимой' *(В зимовке только зимами жили.* Н. Печ.) [СВГ, вып. 2, с. 171]. Эти факты свидетельствуют о существующих разновидностях реалий, номинируемых отмеченными словами.

С конца XIX в. в домах зажиточных крестьян жилое помещение могло разделяться бревенчатой стеной, а не дощатой перегородкой[356]. В современных тотемских говорах об этом свидетельствуют такие лексемы, как *двуполови'нчатый* 'имеющий две жилые комнаты (о доме)' (*Дом-то у нас двуполовинчатый, с двумя комнатами*. Маныл.), *переру'б*, *переру'бок* 'бревенчатая перегородка в крестьянской избе' (*Постройки с перерубами были.* Погор. *Сын женился, дак ему мы горенку с перерубком отдали*. Погор.) [СВГ, вып. 2, с. 14; вып. 7, с. 43]. Фиксируется в тотемских говорах и слово *забо'рка* в значении 'дощатая перегородка, обычно не доходящая до потолка и отделяющая одну часть избы от другой': *Ты спи здесь, а другая*

[355] Власова И.В. Северное жилище XIX – начала XX вв. // Русский Север. Этническая история и народная культура XII–XX веков.– М.: Наука, 2001. 848 с.– Режим доступа: https://www.booksite.ru/fulltext/nor/thr/uss/9.htm#16 (дата обращения 17.12.2018).

[356] Там же.

за заборкой, в другой комнате. Ничего, стенка лёгонькая, перекликнетесь если штё. Погор. [СВГ, вып. 2, с. 95].

Ряд диалектных слов позволяет судить о конструктивных особенностях тотемского крестьянского дома, в целом характерных для севернорусских строений. Слово *рунду'к* в вологодских говорах является многозначным, словарь фиксирует у него пять значений. Его основное значение 'небольшой помост перед крыльцом в виде настила из досок, положенных на бревна' наряду с тотемскими говорами знают многие говоры вологодской группы: *Помогитеко, девки, на рундук выйти. Хоть посидеть на совнышке-то.* Сок. В тотемских говорах данное слово зафиксировано и в значении 'деревянное возвышение на полу в сенях': *Рундук у всех есь, на мосту он. Пол на мосту, ступенька, а повыше опеть пол.* Бор. [СВГ, вып. 9, с. 72]. Двускатную крышу тотемского дома венчал *о'хлопень* 'выдолбленное снизу в виде желоба бревно, положенное на самый верх крыши и прижимающее концы тесин кровли: *Слазайте на потолок, охлопень пошевелите, колдунья умереть не может.* Мос. [СВГ, вып. 6, с. 107]. Данный контекст свидетельствует о крестьянских поверьях, связанных с крышей дома: смерть колдуньи тяжела и мучительна, чтобы ее душа могла покинуть тело, следовало шевелить *о'хлопень*. Подробно описывают носители как тотемских, так и соседних с ними говоров назначение других деталей крыши, номинируемых словами *ку'рица*, *кури'на* 'длинный крюк, вырубленный из нетолстого дерева с корнем, поддерживающий скаты и желоба крыши', *о'стрег*, *потошни'к*, *пато'чина* 'водосточный желоб по краю крыши или под краем крыши': *Вода-то течёт, ковда дождь, по острегу – жолоб такой под крышой.* Бор. *Курицу вынут, потом наверх поднимут, она вместо гвоздей была*. Б. Горох. *Курины сгнили, дак скоро и потошник упадёт. Курина была в виде крюка, который охватывал потошник, без курины потошник не удержать. А куринами-то зовут потому, поди, что на ноги куриные походят, как нога курина-то.* Сямж. Монаст. [КСВГ; СВГ, вып. 4, с. 22].

Об архаичном характере анализируемых слов свидетельствуют данные деловой письменности XV–XVII вв. Так, по свидетельству Словаря промысловой лексики Русского Севера XV–XVII вв.[357], в старорусских памятниках фиксируются слова *рундук* 'возвышение со ступеньками, крыльцо; площадка между ступенями наружной лестницы' (XVII в.), *охлупень* 'выдолбленное бревно, закрывающее

[357] Словарь промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв. / Под ред Ю.И. Чайкиной. Вып. 1–3.– Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2000–2015.

верхний стык двух скатов кровли' (XVII в.), *курица, куричина* 'длинный крюк, вырубленный из дерева с изогнутой частью корня и служащий для поддержания скатов и желоба крыши' (XVI в., XVII в.), [СПЛ XV–XVII вв., вып. 3, с. 241; вып. 2, с. 330; с. 145].

Следует отметить и эстетическую функцию отдельных деталей избы. В вологодских говорах активно употребляются такие слова, как *басы', басу'лины* в значении 'резные украшения на фасаде дома'. Носители тотемских и соседних с ними говоров отмечают, что хороший плотник думал и о красоте дома: *Басулины-то хороший только мастер может сделать. Сямж. Басулина-то больно красива.* В. Двор. [КСВГ]. Общерусское слово *балясина* 'невысокий фигурный столбик (иногда с резным декором), поддерживающий перила ограждений балконов, лестниц', в тотемских говорах несколько расширяет свою семантику, о чем свидетельствует его употребление в речи диалектоносителей в значении 'деревянное резное украшение': *На окнах балясины*. Погор. [КСВГ]. Украшением крестьянского дома мог служить *мезиме't* 'надстройка над серединой дома, мезонин', в тотемских говорах это слово обозначало и 'жилую комнату на чердаке': *Стол-от из мезимета вынесли*. Б. Горох. [СВГ, вып. 4, с. 79].

Зонирование жилого пространства севернорусской избы, как отмечают этнографы, традиционно. Это подтверждают и данные тотемских говоров. Существительное *су'тки* и составные наименования *су'тний (су'тошный) у'гол* обозначали 'передний угол в избе, в котором находились иконы и стол, куда сажали почетных гостей': *В сутнем углу икону вешали, ещё сутки называли*. Мос. *Богатую девушку в сутошный угол сажали*. Погор.

Составное наименование *ку'тний у'гол* обозначало '*часть избы, куда выходит устье печи, кухня*': *Су'тней угол – где божница, а рядом ку'тнёй.* Завр. [СВГ, вып. 10, с. 162; вып. 4, с. 25]. В разных деревнях Тотемского района использовались для обозначения этого пространства также слова *кут, куть, клеть, шо'лныша, со'лныша* (*У нас в клети пець-то и стоит. Там и ести готовим, там и едим.* Б. Горох. *В шолнышу надо идти, это кухня зовётся шолныша, самовар ставят где. Туды, в шолнышу, по-за пецькой ход.* Мелех. Почин.

Входная зона обозначалась лексемой *подпола'ти* 'часть избы, находящаяся у входной двери под полатями, обычно отгороженная от остальной избы перегородкой или отделенная занавеской; прихожая': *Как заходишь в избу, прихожей-то не было, дак подполатями называли. Иди в подполатях куртку повесь.* Погор. [СВГ, вып. 7, с. 107].

Интерес представляет и вторая ЛСГ '**названия окон, дверей и их частей'**. Диалектоносители отмечают: *Каждое окно в избе по-особому называлось. Вот это боковые окна. Мос.* [КСВГ]. Как следует из данного контекста, в основе наименования окон в качестве мотивировочного признака могло использоваться их расположение. СВГ фиксирует составные наименования *боково'е окно*, 'окно, расположенное на боковой стене крестьянского дома', *су'тнее окно* 'окно у переднего угла избы'. В тотемских говорах используются также слова *свитёлка* 'окно на чердаке', *ветрени'ца* 'небольшая отдушина – окошечко в подвальных помещениях крестьянской избы с наружной стороны, продух'.

Отметим названия некоторых деталей окна: *крест* 'оконная рама' *(Дом купила, и крестов не было, не то что стёкол. Маныл.)*, *лото'к* 'узкое корытце для стока воды с оконных стекол' *(Лотки-то были у зимних рам.* Б. Горох. *Девки, протерите лотки-те. Завр.)*, *ве'рхник* 'верхний косяк у окна, двери' *(Это косяки, это верхники, это рамы – и всё. В. Двор.)* [СВГ, вып. 3, с. 123; вып. 4, с. 51; вып. 1, с. 56].

В основе диалектных наименований окон и дверей мог быть положен мотивировочный признак, характеризующий конструктивные особенности реалии: *ро'спашни* 'двери или окна, состоящие из двух створок' (*Окна-ти были роспашни, она дополэла до окошка, окошко распахнулось, она и вывалилась.* Мелех. Почин. *А эти-то роспашни куда ведут? Не на лестницу?* Мелех. Почин.), *ство'рни* 'двустворчатые двери' (*Две дверины дак створни, они в избе, а на улицу дак просто двери.* Мос.). [СВГ, вып. 9, с. 65; вып. 10, с. 124]. В разных населенных пунктах Тотемского района используются лексемы *коло'да*, *присту'пок*, обозначающие 'брус на полу под дверью, порог', (*Колода сгнила, дверь осела*. Браг. *У нас порог-от высокой, приступком мы зовём.* Коров. *Приступок-от высок больно, а ноги-то у меня худыё, не перешахнуть. Хоть за дверью оставайся*. Бор. [СВГ, вып. 3, с. 85; вып. 8, с. 65).

В составе анализируемой ЛСГ находим и такие архаичные лексемы, как *пята'* 'деревянное приспособление, соединяющее двери с косяком, заменяющее петли': *Двери на пяте были, всё деревянное было, петель не было*. Погор. [СВГ, вып. 8, с. 117).

Наконец, обратим внимание на слово *прома'нок*, обозначающее в тотемских говорах 'часть стены между проемами окон, дверей, простенок': *Окна маленькие дак проманки большие, а окна большие, так проманки маленькие, как дом срубят.* Мос. [СВГ, вып. 8, с. 86).

Состав следующей ЛСГ '**названия печей и их частей**' отличается устойчивостью. Печь является одним из главных элементов жилого пространства крестьянского дома. В тотемских говорах наряду с общерусским обозначением *русская печь* используется однокоренная лексема *пека'рка.* Печь в северной избе располагалась около входа, в ее основе прочный фундамент, деревянный, каменный, кирпичный, диалектными наименованиями которого служат такие лексемы, как *опе'чек, подшесто'чник, шесто'чница, реж*: *Печку-то всю из кирпича клали, а подшесточник деревянный.* Устье*. Подшестошница у нас голубым выкрашена.* Мос*.* Браг. *Режто дед крепкий сложил, вот уж сто лет будет* [СВГ, вып. 6, с. 61; вып. 7, с. 117; вып. 12, с. 87; вып. 9, с. 47]. Названия частей русской печи в тотемских говорах в целом характерны для севернорусских территорий: *шатёр* 'верхняя часть русской печи', *приголова'шек* и *припе'чек* 'выступ над шестком у русской печки', *оше'сток* и *подду'шина* 'подпечек; узкое и низкое пространство под русской печью (для ухватов, кочерег и т. п.)', *голубня'* 'пустое место под печью, где иногда зимой держат кур', *пе'чечка* 'углубление в наружной стене русской печи, куда кладут разные мелкие вещи для просушки', *засло'на* и *засло'нница* 'печная заслонка', *поползу'ха* и *поползу'шка* 'задвижка в трубе печи', т*олку'н* 'поворот в дымоходе', *душничо'к* и *сопу'ха* небольшое отверстие в русской печи, служащее для регулирования доступа нагретого воздуха в помещение, душник', *сапо'ха* 'отверстие в русской печи, куда вставляется труба самовара', *присту'пок* 'приспособление, по которому поднимаются на русскую печь,– лесенка в 2–3 ступеньки, скамейка или ящик с выступом, используемый также как вместилище'. *Зе'ркало* 'небольшое углубление прямоугольной или овальной формы в верхней части русской печи, служащее для украшения', являлось, как указывают диалектоносители, декоративным элементом: *Сложишь печку с зеркалом.* Браг. *Дак без зеркала-то и не баско.* Свет. [СВГ, вып. 2, с. 169–170].

С 60–70-х гг., как указывают этнографы[358], к русской печи стали нередко пристраивать плиту или лежанку, о чем свидетельствуют и диалектные факты. Так, в вологодских говорах, в том числе и тотемских, употребляется морфологические варианты *подто'пок* и *подто'пка* в значении 'пристроенная сбоку к русской печи и

[358] Власова И. В. Сельское жилище в 1920–1990-х годов. // Русский Север. Этническая история и народная культура XII–XX веков/ отв. ред.– Москва: Наука, 2001.– 848 с.– Режим доступа: https://www.booksite.ru/fulltext/nor/thr/uss/10.htm#19 (дата обращения 16.12.2018).

имеющая с ней общий дымоход плита, с конфорками в верхней металлической доске' [СВГ, вып. 7, с. 115].

Полную картину крестьянского жилища помогают создать слова, входящие в ЛСГ '**названия мебели и предметов внутреннего убранства избы'**. Традиционную мебель крестьянского дома составляли лавки, стол, полати, полки и шкафчики для посуды. Наряду с общерусским словом *лавка* в тотемских говорах употреблялась лексема *балага'шка* в значении 'скамейка, лавка'. Отметим близкие синтагматические связи этих слов: Все *лавки засядут – полна изба. Вот какие свадьбы-то были!* Мос*. Сколь народу найдёт! Все балагашки засядут, и ещё мало. Мос.* [КСВГ]. Лексемы *подстоле'чник*, *подсто'лье* имеют значение 'часть стола, на которую настилается крышка': *У кажного стола есь подстолешник*. Завр. *Осторожно, девки, за подстолье бери.* Мос. [СВГ, вып. 7, с. 113]. Ряд слов обозначает как в тотемских, так и в соседних говорах полки для различной утвари, например, *поли'ца* 'широкая полка, идущая над лавками вдоль стен в крестьянском доме'. Диалектоносители подчеркивают: *Раньше полици-те были не только у печек, а по всей избе тянулись, шкафов-от не было, вот всё на них и ставили.* В-У. Алекс. В тотемских говорах используется и диминутив *поли'чка: Кастрюлю на поличку поставь, здесь уж некуда ставить.* Мос. С близким значением использовалось и слово *гря'дка* 'толстая широкая доска, идущая от печи к передней стене крестьянской избы, на которую кладут сушиться лучину, рукавицы, ставят кринки, подойники и т. д.; расположена на такой высоте, что до неё может достать взрослый человек': *Брось, матушка, рукавицы на грядку, их уж больше не надо*. У-Печ. *На грядке лежат пироги-те.* Топор. [СВГ, вып. 1, с. 132]. Слова *наблю'дник, подблю'дник*, как свидетельствует их внутренняя форма, имеют более узкое значение – 'настенная полка для посуды'**.** Лексема *посу'дник* обозначала 'висячий открытый шкафчик для посуды в виде нескольких полок': *Тарелки-то в посудник поставь, на то и посудник.* Бор. Контексты свидетельствуют и об изменениях, происходивших во внутреннем убранстве крестьянского дома: *Привыкла я к своему посуднику, топерици шкап поставили, а моего-то посудника как не хватает. Для посудника хозяин-то ловкий мог всякие узоры вырезать да и на дверки наложить.* Сямж. Монаст. [СВГ, вып. 8, с. 13]. Однокоренное слово с*удёнка* в тотемских говорах имеет основное значение 'напольный шкаф для посуды' (*Судёнка типа столика, только длинная*. Погор.) и производное 'низкий шкаф для хранения продуктов (чаще в сенях)' (*В судёнке у меня мука хранится. А то где же ишшо?*

В судёнке. Б. Горох.). Слово употребляется в речи старшего поколения и постепенно переходит в пассивный запас, о чем свидетельствуют и данные соседних говоров: *А шкаф, где посуду держат, старики судёнкой зовут.* Сямж. Монаст. [СВГ, вып. 10, с. 152]. Прозрачную внутреннюю форму имеет слово *зано'жник* приспособление 'для хранения вилок, ложек и ножей в виде деревянной планки, прибиваемой к стене': *Гли-ко, у нас в заножнике и ложка воткнута.* Мос. [КСВГ].

Для размещения полотенец, одежды на кухне использовалась *жёрдка* 'шест, палка для одежды, белья, подвешенная на веревках к потолку около печи': *Весили тряпки, полотенца. Жёрдка вон у печки висит, бельё сушили.* Бор. [СВГ, вып. 2, с. 83]. Постепенно устаревает в тотемских говорах слово *вороне'ц* в значении 'один из двух деревянных брусьев, расположенных перпендикулярно друг к другу от печи до стен, поддерживающих полати, перегородку, широкую полку. Один воронец идёт от печи к стене, и полати одним своим концом укреплены в этом воронце. Другой же воронец идёт от печи к другой стене и отделяет как бы «куть» от избы': *Воронец раньше был, топёре полати-то убрали, дак нет и воронца.* Бор. [СВГ, вып. 1, с. 83].

Как показывает проведенный анализ, исследуемая диалектная лексическая система отражает черты, характерные для архаичных вологодских говоров. Следует подчеркнуть, что использование диалектных данных позволяет внести дополнительные факты в изучение материальной и духовной картины Русского Севера, реконструировать цельную картину севернорусской крестьянской усадьбы. Описание языкового материала, зафиксированного в Словаре вологодских говоров, показывает, что ТГ 'Крестьянская усадьба' подвергается существенной трансформации, ряд лексем переходит в пассивный запас, что обусловлено прежде всего экстралингвистическими причинами.

Условные сокращения

Б. Горох – Большой Горох
Бор. – Бор
Браг. – Брагинская
В. Двор. – Великий Двор
Забол. – Заболотная
Завр. – Завражье
Коров. – Коровинская
Маныл. – Манылово
Мелех. Почин. – Мелехов Починок
Мос. – Мосеево
Н. Печ. – Нижняя Печенга
Погор. – Погорелово
Устье – Устье

Варникова Евгения Николаевна,
ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», г. Вологда

ЦАРЕВА – ОСТРОВНАЯ РЕКА (К ВОПРОСУ ОБ ЭТИМОЛОГИИ ГИДРОНИМА)

Река *Царева* – левый приток Сухоны, протекает в центре Тотемского района Вологодской области. Протяженность реки – 46 километров, площадь водосбора – 1570 км^2. Образуется слиянием рек *Вожбал* и *Тафта* у поселка Красный Бор. Впадает в реку *Сухону* в 289 километрах от ее устья около поселка Усть-Царева. Имеет живописные берега, в устьевой части песчаные. В течении Царевы, особенно в нижней его части, много островов, как песчаных, так и поросших кустарником и деревьями[359].

Название этой реки неоднократно привлекало внимание ономатологов и краеведов, однако общепринятой его этимологии в настоящее время нет.

По мнению известного ученого А. К. Матвеева, гидроним *Царева* является русским по происхождению и органично входит в ряд «бесспорно русских названий со словом *царь* (река *Царева*, деревни *Царева Горка*, *Царево*, *Царевская*, *Цариха*, луг *Царев* и др.)»[360]. Среди этих вологодских топонимов преобладают названия деревень, которые действительно могут быть образованы от антропонимов *Царь*, *Царев*, отмеченных составителями исторических словарей имен, прозвищ и фамилий в разных регионах Руси у представителей разных слоев населения в XV–XVI вв.[361] Однако названия рек, тем более таких относительно крупных, как Царева, как правило, не возникают по связи с человеком; чаще всего они отражают природные особенности водотоков, что в целом характерно для гидронимии как особого топонимического разряда. Сомнение в русской этимологии гидронима *Царева* вызывает также дославянское (субстратное) происхождение имен ее притоков

[359] Воробьев Г. А. Царева // Вологодская энциклопедия.– Вологда: ВГПУ, изд-во «Русь», 2006.– С. 507; Царева (река) – Википедия (дата обращения – 10.12.2018).

[360] Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. Часть I.– Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. С. 119.

[361] Тупиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен: С предисл. / подготов. изд. и предисл. Ф. Б. Успенского.– М.: Языки славянских культур, 2005. С. 836; Веселовский С. Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии.– М.: Наука, 1974.– С. 344; Никонов В. А. Словарь русских фамилий / сост. Е. Л. Крушельницкий.– М.: Школа-Пресс, 1993. С. 152; Кюршунова И. А. Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV–XVII вв.– СПб.: «Дмитрий Буланин», 2010. С. 577.

Вожбала, *Тафты*, *Шореньги*, *Кобанги*, *Томанги* и др.; как известно, более крупные реки обычно имеют более древние названия, а не наоборот. При этом важно учитывать и тот факт, что среди названий рек и ручьев, впадающих в притоки Царевы, также немало дославянских имен: *Вождуга* и *Нюшма* – левые притоки *Вожбала*, *Крутой Сивеж* – правый его приток, *Кичуга* и *Шунинга* – правые притоки *Тафты*, *Норенга* и *Кетла* – левые ее притоки. Таким образом, русское происхождение гидронима *Царева*, думается, маловероятно.

Дославянская, финно-угорская этимология этого названия приводится в «Словаре гидронимов Вологодской области» А. В. Кузнецова. По мнению составителя Словаря, основа гидронима *Царева* может быть сопоставлена с вепсским *sara* ‘развилина, разветвление дороги, реки, ручья’, а возможный формант *-ва* – с саамским *voaj*, *uai* ‘речка, ручей’[362]. Предложенная версия подкрепляется гидрологической характеристикой именуемого объекта: «Царева в самом деле представляет собой типичную реку-рассоху, так как начинается от слияния двух больших рек Тафта и Вожбал»[363]. Однако возникает вопрос: почему основа и формант одного названия соотносятся с разными языками-источниками?

Как пишет профессор И. И. Муллонен, исследовавшая топонимию Заонежья, в указанном значении основа *сара-* часто фиксируется «в наименованиях ручьев, воспринимаемых как ответвление более крупной реки, или урочищ, расположенных при слиянии рек и ручьев»[364]. В этом случае мотивировочный признак, положенный в основу именования объектов, является понятным: ручьи действительно представляют собою ответвления более крупных водотоков. В случае же с названием *Царева*, по версии А. В. Кузнецова, номинация приобретает как бы «обратный» характер: ответвлением называется не приток реки, а сама эта река, что, по-видимому, алогично.

Кроме того, идея развилки, рассохи представлена автором Словаря и в этимологиях названий притоков *Царевы* – *Вожбала* и *Шореньги*. Основа гидронима *Вожбал* сопоставляется с марийским *важ*, *вож* ‘корень’, ‘ветвь’, ‘развилина’[365]. Достоверность этимологии подтверждает не только гидрологическая характеристика

[362] Кузнецов А. В. Словарь гидронимов Вологодской области (Обзор этимологий русских и финно-угорских названий рек и озёр).– Тотьма–Грязовец, 2010.– С. 233.

[363] Там же.

[364] Муллонен И. И. Топонимия Заонежья: словарь с историко-культурными комментариями.– Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2008. С. 37.

[365] Кузнецов А. В. Словарь гидронимов Вологодской области (Обзор этимологий русских и финно-угорских названий рек и озёр).– Тотьма – Грязовец, 2010. С. 39.

этой реки, но и широкое распространение данной тополексемы на Русском Севере[366]. Для объяснения гидронима *Шореньга* А. В. Кузнецов приводит несколько версий, среди которых есть и сопоставление с вепсским *sara* ‘развилина, разветвление’, но не отдает предпочтение ни одной из приведенных этимологий[367]. Таким образом, по данным Словаря, так или иначе получается, что в бассейне *Царевы* сразу три названия (в том числе и ее имя) со значением ‘развилина, разветвление’, что, на наш взгляд, вызывает некоторые сомнения по причине такого номинативного «излишества».

По непонятной причине вне поля внимания исследователей пока остается такой важный для номинации природный признак *Царевы*, как наличие островов в ее течении. Данный признак сразу бросается в глаза при первом знакомстве с этой действительно живописной рекой. Именно он, по нашему мнению, и послужил основой для возникновения ее имени: гидроним *Царева*, очевидно, представляет собою народноэтимологическое переосмысление прибалтийско-финского названия с основой *сарь-* ‘остров’ (например, людиковское *suar(i)*, вепсское *saŕ* ‘остров’)[368]. Подтверждением предложенной версии являются подобные переосмысления топонимов на других территориях. И. И. Муллонен в словаре «Топонимия Заонежья» приводит название *Сарьостров* с вариантом *Царьостров*[369]. Хорошо известен классический пример из Краткого топонимического словаря В. А. Никонова: «Пушкин – г. в Ленинградской обл. РСФСР. Первоначально мыза *Саари*; эстон. *саари* ‘остров’, ‘возвышенное место’; назв. означало ‘верхняя мыза’ (мыза – усадьба, хутор). В 1708 г. упомин. под назв. *Сарское Село*. На рубеже XVIII–XIX вв. стало резиденцией царской семьи, и в первой четверти XIX в. назв. переосмыслено как *Царское село*[370] (в стихах Державина и раннего Пушкина еще *Сарское Село*)»[371].

Таким образом, по нашему глубокому убеждению, гидроним *Царева* буквально значит ‘островная река’.

[366] Матвеев А. К. К проблеме расселения летописной мери. // Известия Уральского государственного университета. Гуманитарные науки. Вып. 1.– Екатеринбург, 1997.– № 7.– С. 12–16.

[367] Кузнецов А. В. Словарь гидронимов Вологодской области (Обзор этимологий русских и финно-угорских названий рек и озёр).– Тотьма – Грязовец, 2010. С. 251.

[368] Муллонен И. И. Топонимия Заонежья: словарь с историко-культурными комментариями.– Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2008. С. 38.

[369] Там же.

[370] Нельзя исключать такие переосмысления и в названиях вологодских деревень: например, деревня *Царево* в Череповецком районе также расположена на возвышенном месте, а среди названий смежных с нею селений немало субстратных имен: *Лохта*, *Глухая Лохта*, *Пасточ*, *Умлянда* и др.

[371] Никонов В. А. Краткий топонимический словарь.– М.: Мысль, 1966. С. 346.

Раздел второй

РУССКИЙ СЕВЕР: ИСТОРИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, ЛЮДИ

Андрианова Лариса Сергеевна,
АОУ ДО ВО «Региональный центр дополнительного образования детей», г. Вологда

ИЗУЧЕНИЕ ВЛАЖНОГО КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ В ГРАНИЦАХ КРЕПОСТИ ИВАНА ГРОЗНОГО В ВОЛОГДЕ*

Одним из ключевых вопросов в современной археологии России является вопрос о выделении древностей эпохи Средних веков и Нового времени в особое направление. Принятые поправки к закону Российской Федерации об археологическом наследии законодательно подняли верхнюю границу археологии, что позволило не только осознать ценность материальных объектов XVII–XIX вв., но и включить памятники поздних периодов в состав охраняемого культурного наследия.[372] Несмотря на значительные объёмы и успехи «поздней» археологии, достигнутые в последние годы, в большинстве русских городов, к числу которых относится и Вологда, позднесредневековые археологические пласты остаются малоизученными.

До недавнего времени центральная часть современной Вологды, расположенная в границах крепости XVI века, нечасто привлекала внимание археологов, что нередко было связано с отсутствием интереса к археологическим объектам позднего Средневековья. Археологические изыскания проводились в лучшем случае в виде шурфовки или эпизодических наблюдений за земляными работами, подтверждавшими начало освоения данной территории не ранее XVI века.[373] При этом ряд исследователей фиксировали

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, в рамках научного проекта РФФИ № 18-49-350008.

[372] Беляев Л.А. История России в начале Нового времен и памятники археологии // Тр. IV (XX) ВАС в Казани.– Т. III.– Казань: Отечество, 2014.– С. 563.

[373] Иванищев А.М. Культурный слой города Вологды – часть археологического наследия России: проблемы охраны и современное состояние археологических памятников // Археология Вологды: история и современность. Сб. статей.– Вологда: Древности Севера, 2007. С. 21–28.

увлажнённость культурного слоя как в нижних, так и в верхних горизонтах и, как следствие, неплохую сохранность изделий из органических материалов и различных деревянных конструкций. Появилась перспектива комплексного междисциплинарного подхода к изучению археологических материалов, проведения палеоэкологических исследований и моделирования хозяйственной системы позднесредневекового города.

Изучение влажного культурного слоя началось в России во второй трети XX века. Важнейшие открытия были сделаны в Великом Новгороде, где впервые был исследован городской слой значительной мощности с большим количеством сохранившихся деревянных построек, мостовых, частоколов и многочисленных изделий из органических материалов[374]. Последующие исследования влажного культурного слоя в ряде древнерусских городов, таких как Псков[375], Тверь[376], Старая Ладога[377], Ростов Великий[378] позволили расширить представления историков о материальной и духовной культуре городов Русского государства в период раннего и развитого Средневековья. Однако в названных городах археологами изучались преимущественно культурные отложения конца I – первой половины II тыс. н. э., поскольку материалы середины – второй половины II тыс. н. э. практически не сохранились. Исключением является позднесредневековый город Мангазея в Западной Сибири, многолетние раскопки которого дали богатейшие материалы позднего Средневековья[379]. Но Мангазея существовала в условиях Заполярья менее ста лет, поэтому на её материалах невозможно рассматривать тенденции развития городской среды и хозяйственного уклада, особенности природопользования русских городов средней полосы, поэтому несомненную значимость приобретают вещевые и археобиологические материалы второй половины II тыс., полученные в последние годы в Вологде в ходе исследований участков с влажным культурным слоем в границах вологодской крепости XVI–XVII вв.[380]

[374] Колчин Б.А., Янин В.Л. Археологическое изучение Новгорода.– М., 1978.

[375] Лабутина И.К. Изучение начальных отложений культурного слоя в пределах стены 1309 г. // АИП.– М., 1983.

[376] Лапшин В.А. Тверь в XIII–XV вв.– СПб., 2009.

[377] Кирпичников А.Н., Сарабьянов В.Д. Старая Ладога.– СПб., 1996.

[378] Самойлович Н.Г. Конюшенный раскоп в Ростове Великом.– М., 2007.

[379] Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Мангазея – первый русский город в Сибирском Заполярье.– Екатеринбург, 2008.

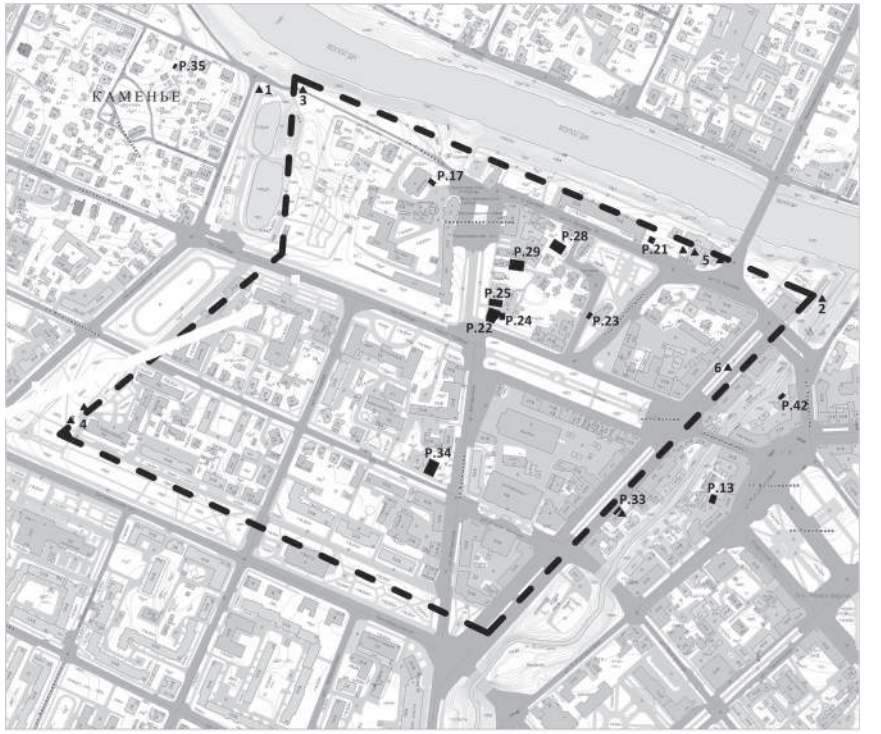
[380] Кукушкин И.П. Археологические исследования территории г. Вологды в границах крепости Ивана Грозного (города) //Археология: история и перспективы. Пятая межрегиональная конференция. Сб. статей.– Ярославль, 2012. С. 110–116.

В период позднего Средневековья Вологда становится крупным торгово-ремесленным центром на пересечении важных торговых путей, через которые велась заграничная и сибирская торговля Московского государства. Стратегическое положение города привлекло внимание царя Ивана IV Грозного, в планах которого было сделать Вологду центром опричных земель. В 1566 году начались грандиозные работы по строительству мощных оборонительных и гидротехнических сооружений, при возведении которых были использованы лучшие достижения военно-инженерного искусства того времени. В писцовых и переписных книгах XVI–XVIII вв. территория, ограниченная несохранившимися до настоящих дней крепостными сооружениями, стала именоваться «Город». Несмотря на то, что вологодская крепость по своим размерам и инженерным решениям являлась одной из крупнейших русских крепостей XVI века (площадь города даже без учета фортификационных сооружений – башен, стен, рвов, составляла 46 га), детальных описаний и изображений крепостных построек времен Ивана Грозного до сих пор не выявлено. На основании немногочисленных летописных записей, письменных источников XVII века, картографического материала XVIII века, записок иностранцев и незначительных по объему археологических работ И. П. Кукушкину удалось восстановить план и основные параметры крепости, сделать графические реконструкции фортификационных сооружений.[381]

Город-крепость Ивана Грозного была заложена на относительно ровном, слегка заболоченном прибрежном участке вдоль русла р. Вологды, в 0,5 км ниже по течению от Вологодского городища. Невозможность реализации масштабного градостроительного проекта в древней части города была обусловлена рядом причин, в том числе низменным положением и заболоченностью территорий вокруг старого городища[382]. Часть берегового вала в границах крепости к моменту начала строительства уже была занята городской застройкой, на что указывают отдельные летописные данные и материалы археологических раскопок.[383]

Исследование территории вологодской крепости широкими площадями начинается раскопками Л. С. Андриановой в 2007 году.[384]

[381] Кукушкин И. П. Вологодская крепость.– Вологда: Древности Севера, 2018.
[382] Там же. С. 51–52.
[383] Андрианова Л. С. Археологические раскопки на Кремлевской площади города Вологды. // Тр. IV (XX) ВАС в Казани. Т. III.– Казань: Отечество, 2014. С. 211–215.
[384] Андрианова Л. С. К вопросу о начальном освоении исторического центра Вологды (по материалам раскопок 2007 г. на проспекте Победы, 20) // Русский Север вариативность развития в контексте исторического и социально-философского осмысления.– Вологда: ВоГТУ, 2008. Т. 1 С. 3–9.

Археологические раскопы на территории вологодской крепости

Наиболее интересные результаты были получены в ходе работ на участках, расположенных рядом с современной Кремлёвской площадью (раскопы 22, 24, 25, 28, 29).

Раскоп 22. В 2007 году Л. С. Андриановой был обследован участок под домом просп. Победы № 20 (Кремлёвской пл., д. 2)[385]. Общая площадь раскопа составила 320 м^2, средняя глубина 3,2–3,4 м, на отдельных участках свыше 4 метров. Многочисленные прослойки болотного мха, зафиксированные в нижней части торфя-

[385] Отчёт об охранных археологических раскопках на территории г. Вологды (пр. Победы, 20) в 2007 году / Андрианова Л. С. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 42245. 145 л.

Расположение раскопов 22, 24, 25, 29 на Кремлёвской площади (фотография Вологды 1860-х гг.)

нистого культурного слоя, свидетельствовали об изначальной заболоченности данной территории. Между жилыми и хозяйственными постройками XVI–XVII вв. были зафиксированы разнообразные настилы и вымостки из бревен, жердей, целых елок и ветвей кустарника. На быструю археологизацию культурных остатков указывали еловые ветки с зеленой хвоей, колья частокола длиной до метра, крупные деревянные изделия, сохранившиеся целиком (долбленое корыто, лопата и др.). По итогам раскопок были выделены строительные горизонты, отражающие эволюцию городской застройки с конца XV века:

– *нижний (первый) строительный горизонт* был представлен единственным срубом в северо-восточном углу раскопа, сооруженным непосредственно на предматериковом слое без находок. Рядом со срубом прослеживалась мостовая и скопление бревен, поверх которых вбиты колья частокола, что указывало на перенесение границ одной из усадеб. Глубина залегания первого строительного горизонта до 3,6 м (17–18 пласты). Предварительная датировка конец XV века;

– *второй* строительный горизонт фиксирует «догрозненское и грозненское время» конец XV – третья четверть XVI вв. Глубина

Вологда-2007. Раскоп 22 (пр. Победы, 20). План усадебной застройки XIV–XVI вв.

залегания до 3,2 м (14–16 пласты) Выявлены четыре усадьбы, разделенные тремя частоколами; в каждой усадьбе зафиксировано от одной до трёх жилых и хозяйственных построек с прирубами (овчарня, амбар, загон и др.), мостки, настилы. Верхний уровень горизонта маркируется тонкой прослойкой извести и крупными обломками «белого камня», по-видимому, связанного с «грозненским» строительством крепости;

– *третий строительный горизонт* включает крупное сооружение, от которого сохранился половой настил, подкладки под

Расчистка деревянных конструкций конца XV – начала XVI вв. в усадьбе № 3 (раскоп 22)

бревна нижнего венца и массивное бревно закладного венца с проушиной на торце. С данным горизонтом связаны многочисленные углистые прослойки и обломки горелого дерева, возможно, следы «великого вологодского разорения» 1612 года, после чего жизнь в некоторых районах Вологды надолго замерла. Глубина залегания строительного горизонта до 2,6 м (13 пласт). Примерная датировка – вторая половина XVI – начало XVII века, но не позднее середины XVII века;

– *четвертый строительный горизонт* содержал аморфные остатки незначительного сооружения в северной части раскопа: сохранились половые доски, отдельные бревна, закрепленные кольями, столбы и крупные куски бересты. Глубина залегания строительных остатков до 2,4 м (12 пласт). Примерное время существования вторая половина XVII – начало XVIII века;

– *пятый строительный горизонт* – зафиксированы остатки двух построек, одна из которых имела внушительные размеры,

сохранился нижний венец дома, сени с порогом, подкладки под бревна и остатки столбов. В южной части раскопа выявлен небольшой сруб с половым покрытием и вымосткой, рядом – уличный настил этого же времени. Глубина залегания строительных остатков до 2,2 м (10–11 пласты). Время существования пятого горизонта – XVIII век.

В двух верхних строительных горизонтах (1–9 пласты) прослежены остатки нескольких построек (половой настил, отдельные бревна закладного венца, подпечное пространство с гатью, деревянная отмостка из трех длинных лаг). Наиболее интересным объектом верхнего строительного горизонта стал двухчетырехъярусный ленточный фундамент двухэтажного деревянного дома XIX века, сооружённый из массивных деревянных плах.

В ходе раскопок обнаружено большое количество изделий из глины, металла, дерева, бересты, кожи, кости, ткани. Несколько интересных находок найдено в верхних строительных горизонтах: обломок деревянного изделия (щётка?) с датой 1770 год, круглый туес из тисненой бересты, резное хлебное блюдо с надписью, лапти хорошей сохранности; там же обнаружены переотложенные материалы более раннего времени: массивное височное кольцо с фигурной лопастью (изображение двух птичек) и плетеный браслет из золотистых сплавов. Наиболее интересные материалы получены из нижних строительных горизонтов XVI–XVII вв.: крупная коллекция кожаных изделий (поршни, сапоги, ножны, обоймицы, аппликации, футляры)[386], предметы из дерева и бересты, среди которых орудия труда (лопаты, вилы, топорища), детали механизмов (подшипники, блоки, траверс, нитченка), бондарные изделия, резная посуда, плетёные изделия, поплавки, детские игрушки, резные кресты. Встречены находки ювелирных изделий из золотистых сплавов (пряжка, булавки «пус йеппи», серьга). Керамика представлена посудой, донцами с клеймами, грузилами, глиняными игрушками.[387]

Раскоп 24. В 2008 году Н.Б. Васильевой проведены раскопки участка, примыкавшего к раскопу 22 с восточной стороны. Вскрытая площадь составила 56 кв. м. Выявлены аналогичные строительные горизонты с деревянными постройками, настилами,

[386] Андрианова Л.С. Фёдоров А.С. Кожаная обувь из раскопок на Кремлёвской площади в Вологде // Археология Севера. Сб. статей. Вып. 4. Череповец: ЧерМО, 2012. С. 82–91.

[387] Андрианова Л.С., Васильева Н.Б. Вологда в зеркале Средневековья: путеводитель по выставке ВГИАиХМЗ. Вологда: Древности Севера, 2011.

частоколами. Обнаружен многочисленный вещевой инвентарь, среди которого особый интерес представляют деревянные детские игрушки (детская стрела, шары и клюшка для игры в касло, коник), деревянный резной крест XVI века, костяные изделия[388], совня XVII в. (древковое колюще-рубящее оружие с однолезвийным изогнутым наконечником), футляр-подушечка с конским волосом и оригинальные «чашки» от курительных трубок XVIII–XIX вв.

Раскоп 25. В 2008 году И. Ф. Никитинским был исследован участок площадью 169 кв. м, примыкавший с северной стороны к раскопу 22. Мощность культурного слоя достигала 4,2 м. Прослежены культурные напластования XVI–XVIII вв., аналогичные культурным отложениям на раскопе 22. Зафиксированы следы хозяйственной постройки XVI в., расчищены две крупные деревянные конструкции XVI–XVII вв., сооруженные из горизонтально уложенных елей и вертикально вбитых столбов и кольев. Прослеженные размеры конструкций: длина 20 м, ширина 10 м; под одним из сооружений зафиксирована траншея такой же длины, шириной 1,5 м, заглублённая в материк на 0,5 м. Конструкции перекрыты местом складирования и обработки «белого камня» и извести, приготовленных для строительства собора и крепости. Археологический материал представлен многочисленной посудой, изделиями из органических материалов, предметами из железа и цветных металлов. Среди находок представляют интерес изделия XVI–XVII вв.: берестяные туески, обломки и заготовки ювелирных изделий (проволочки, пластинки), крупный фрагмент глиняной игрушки (голова лошадки с гривой), детский деревянный лук, кожаные аппликации.

Раскоп 28. Работы проведены в 2011 году И. В. Папиным и А. Ю. Кашинцевым по адресу: Торговая пл., 15; вскрытая площадь составила 280 кв. м. Мощность культурных напластований составила 2,5–2,7 м, в ямах до 3,2 м; исследованные слои датируются XIV–XIX вв. Зафиксировано 14 различных сооружений, как разновременных, так и существовавших одновременно: жилые и хозяйственные постройки, мастерские; настилы, мощёные дворы, частоколы. Впервые на территории крепости выявлена хорошо сохранившаяся, огороженная частоколом городская усадьба XVII века. Помимо жилой избы в усадьбе были расчищены две хо-

[388] Васильева Н. Б. Костяные и роговые изделия позднесредневековой Вологды (по материалам раскопок 2007–2008 гг. в исторической части Вологды // Археология Севера. Сб. статей. Вып. 4. Череповец: ЧерМО, 2012. С. 92–98.

зяйственные постройки и замощённый брёвнами двор; проход в усадьбу осуществлялся через ворота и ведущую к дому калитку. Прослежено постепенное расширение усадьбы за счёт присоединения соседних участков. Разнообразный археологический материал включает изделия из глины, железа, цветных металлов, бересты, кости. Примечательны кожаные изделия, среди которых встречены ранние экземпляры мягкой обуви и целиком сохранившийся детский сапожок первой половины XVI века.[389]. Собрана небольшая коллекция монет, большая часть которых датируется XVIII–XIX вв., самая ранняя – серебряная чешуйка времён царя Алексея Михайловича. Самые ранние находки, связанные с первоначальным освоением участка в начале XIV века, в основном относятся к рыбному промыслу: деревянные и берестяные поплавки, железная блесна, ботало (рогулька) для вспугивания рыбы и загона её в сеть. На материке были выявлены пахотные борозды.[390]

Раскоп 29. Археологические работы на раскопе 29 (Кремлёвская пл., д. 8а) проведены Л. С. Андриановой в 2011 году. Площадь раскопа 296 кв. м., мощность культурного слоя от 3,2–3,7 м до 4,2 м.; прослежено восемь строительных горизонтов. В ходе раскопок выявлено десять жилых и хозяйственных построек XVI–XIX вв., мостовые, заборы, межусадебные частоколы, колодцы и несколько объектов неясного назначения. Наиболее интересные объекты, прежде никогда в Вологде не встречавшиеся – две дренажные системы поверхностного типа, представлявшие собой сложную систему канав, перекрытые каркасом из бревен и ёлочными гатями. Первая дренажная система была сооружена на рубеже XV–XVI вв., вторая – во второй половине XVIII века; оба сооружения примыкали к мостовым того же времени, защищая их в осенне-весенний период от излишней влаги. На городских планах XVIII века поблизости от данной территории располагались пруды, представлявшие собой остатки верховых болот; один из прудов так и назывался – Репное болото. С нижней частью культурного слоя (конец XV – начало XVII века) связано несколько хорошо сохранившихся частоколов, разграничивающих хозяйственные и

[389] В глубину веков: очерки Вологодской археологии / Андрианова Л. С., Васенина М. В., Васильева Н. Б., Косорукова Н. В., Кукушкин И. П., Суворов А. В.– Вологда: Древности Севера, 2016. С. 83.

[390] Краткий отчёт о выполнении НИР в области археологии по договору № 162 от 22.04.2011 г. «Археологические исследования (раскопки) на территории г. Вологды на участке по адресу: Торговая пл., 15: отчёт о НИР (закл.) /НП «Древности Севера»; руководитель Кашинцев А. Ю.– Вологда, 2011.

дворовые участки, бревенчатая мостовая, колодец XVI века из 13 венцов (прослежен на глубину 5 м) и четыре срубные постройки, в том числе крупное сооружение (сруб № 6) с остатками мощного частокола. В различные периоды XVII века на данной территории существовало не менее трёх жилых построек, одна из которых (сруб № 4) в определённый момент была расширена, перестроена и обнесена мощным забором-заплотом. В результате появилась крупная трёхкамерная постройка (связь «изба-сени-изба»), состоящая из переднего, выходившего окнами на улицу, и заднего домов, соединенных между собой «мостом». В пределах двора был зафиксирован ещё один хозяйственный сруб с печью-каменкой и оригинальный колодец из двух бочек, заглублённый в материковую глину. Исследованная усадьба существовала вплоть до начала XVIII века, после чего жилые постройки были разобраны и вновь отстроенный дом переместился к Кремлёвской площади вдоль «красной» линии в соответствии с планом регулярной застройки 1781 г.

В ходе работ был обнаружен многочисленный вещевой инвентарь XVI–XIX вв., среди которых железные инструменты, предметы вооружения многочисленные женские украшения из золотистых сплавов (30 булавок «пус йеппи», подвеска, перстень, фрагменты плетёных браслетов), детские глиняные игрушки, гончарная посуда (найдены целые сосуды), торговые охранные пломбы из шлифованного белого известняка, многочисленные обломки голландских курительных трубок, в том числе «чашки» с клеймами, обнаруженные в Вологде впервые. Особую ценность представляют изделия из кожи, дерева, бересты, кости, сохранившиеся благодаря влажному культурному слою: долблёная, резная и бондарная посуда, деревянные лыжи XVII века, кожаная обувь, рогожные ткани, костяные изделия с циркульным и резным орнаментом.[391]

Если вышеописанные работы велись преимущественно в северной части вологодской крепости, на возвышенной гряде, по которой некогда проходила Московско-Белозерская дорога, то раскоп 34 располагался практически в центральной части крепостной территории.

Раскоп 34. Археологическое обследование участка по адресу ул. Благовещенская, д. 20 проведено в 2013 году Н. Б. Васильевой.

[391] Андрианова Л. С. Археологические раскопки на Кремлевской площади города Вологды. // Тр. IV (XX) ВАС в Казани. Т. III.– Казань: Отечество, 2014. С. 211–215.

Исследованная площадь составила 350 кв. м, мощность культурных напластований – 1,5–2 м. В раскопе был выявлен влажный культурный слой, хотя и меньшей мощности, чем в приречной части крепости. Были обследованы остатки жилых и хозяйственных построек XVI–XIX вв., настилы, частоколы, получена значительная коллекция вещевого инвентаря, в том числе предметы из органических материалов (фрагменты обуви, тканей, костяные изделия). Наиболее ранние изделия относятся к концу XVI века; основная часть коллекции датируется XVII–XIX вв. Впервые для средневековых слоев города был проведен споро-пыльцевой анализ почвы, зафиксировавший высокую степень антропогенного воздействия на окружающую среду. Город существовал в окружении сельскохозяйственных угодий и сосново-еловых лесов, а локальная растительность на месте построек представляла собой влажный высокотравный луг.[392]

Первые результаты археологических исследований на территории города-крепости Ивана IV Грозного не случайно были названы археологическим открытием вологодского позднего Средневековья.[393] Выявление значительных по мощности напластований влажного культурного слоя с разновременными деревянными конструкциями, археоботаническими, палеозоологическими, дендрохронологическими и вещевыми материалами позволяет провести палеоэкологическую реконструкцию процессов преобразования природной среды, особенностей хозяйственной деятельности вологжан и материальной культуры позднесредневекового города.

[392] Васильева Н. Б., Носова М. Б, Федоров А. С., Кузнецова К. В., Бурова Н. Д., Яшина О. В. Итоги охранных археологических исследований в Вологде (ул. Благовещенская, 20) // Тр. IV (XX) ВАС в Казани. Т. III.– Казань: Отечество, 2014. С. 224–230.

[393] Кукушкин И. П. Археологические исследования территории г. Вологды в границах крепости Ивана Грозного (города) //Археология: история и перспективы. Пятая межрегиональная конференция. Сб. статей.– Ярославль, 2012. С. 110.

Адаменко Ольга Николаевна,
ООО «Старый город», г. Вологда

РАЗОРЕНИЕ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ В ВОТЧИНЕ СПАСО-КАМЕННОГО МОНАСТЫРЯ: ПРОБЛЕМА «БЕЗВЕСТНО УШЕДШИХ» КРЕСТЬЯН

В начале XVII века Спасо-Каменный монастырь на Кубенском озере в полной мере разделил тяжесть общероссийского политического и социально-экономического кризиса Смутного времени. Сильнейший упадок и разорение хозяйства монастыря во многом объясняется топографическим расположением его вотчины – в начале Сухоно-Двинского речного пути и недалеко от дороги из Белозерья на г. Вологду. Именно с близостью уезда к крупным торговым путям страны, возросшим экономическим значением Вологды, богатством многочисленных монастырей, привлекавших разорителей, связывают исследователи значительное опустошение в начале XVII в. вне района полного разгрома «в отдаленном Вологодском уезде»[394].

Задача исследования состоит в выявлении участников и этапов разрушительных набегов на поселения монастырской вотчины, социальных последствий Смутного времени и поведенческих стратегий крестьянства в условиях кризиса. Сопоставление тяглого населения вотчины Спасо-Каменного монастыря по материалам дозорной книги 1615 г., писцовой книги 1627/1630 гг. и описной книги 1628 г. позволяет сделать ряд наблюдений, на наш взгляд, существенных для понимания крестьянской мобильности в первой трети XVII в.[395]

Сам монастырь как архитектурный комплекс и место проживания монашества находился на острове в Кубенском озере, здесь располагались некоторые хозяйственные службы. Вотчина,

[394] Готье Ю. В. Замосковный край в XVII веке: Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. М., 1937. С. 137; Черкасова М. С. Население Вологодского уезда в начале XVII века (по дозорной книге 1616/17 г.) // Важский край: источниковедение, источники, культура.– Вельск, 2004. Вып. 2. С. 31–40; Васильев Ю. С. Европейский Север Московского государства в борьбе с польско-литовской интервенцией в начале XVII века // XVII век в истории и культуре Русского Севера: Материалы XII Каргопольской научной конференции / Науч. ред. Н. И. Решетников; сост. Н. И. Тормосова.– Каргополь, 2012. С. 9–19 и др.

[395] Адаменко О. Н. Крестьянская мобильность в вотчине Спасо-Каменного монастыря в начале XVII века // Русский Север: утопии и мобильности. Четвертые научные чтения памяти К. В. Чистова: тезисы докладов.– СПб., 2017. С. 21.

сформировавшаяся в результате земельных пожалований монастырю, не имела единого ядра. Основные земельные владения и земледельческо-скотоводческие хозяйственные комплексы находились на территории разных озерных берегов, а два вотчинных комплекса – в значительном отдалении от обители.

Условно монастырские земли можно разделить на четыре массива:

1. Кихтская половина вотчины – 10 сел (Вечеслово, Марьино, Криушево, Дубленое на Кихти, Лагирево, Ивановское, Филисово, Лебзово, Пахинское, Святая Лука) в пяти волостях (Уточенская, Заболоцкая, Корнская, Грибцовская, Бохтюжская волости).

2. Пучецкая половина – 6 сел в в Сямской волости (Пучка, Никольское в Отводном, Борисово, Воскресенское на Шоме, Дор, Губайлово).

3. Отдаленный вотчинный комплекс в Заозерье – село Воздвиженское в Засодимской волости.

4. Отдаленный вотчинный комплекс в Первой (Пучецкой) половине уезда – село Понарьино (Дуравино) в Лоскомской волости.

Большинство этих сел возникло на «землях» XV в., вокруг которых к началу XVII в. пространственно оформились вотчинные комплексы – село и тяготевшие к нему деревни[396]. Все волости без исключения подверглись разорению Смутного времени.

Население в монастырских вотчинах Русского Севера в XVII в. не было стабильным – это отчетливо демонстрируют сопоставимые тексты массовых источников: дозорных, писцовых и переписных книг, при наличии вотчинной части – описных книг (описей) монастырей. При сравнении состава крестьянского населения в каждой отдельной деревне с временным промежутком в 10–30 лет обнаруживается подавляющее число новых имен, не относящихся к указанным ранее крестьянским семьям. Отсутствие преемственности жителей в указанных дворах может быть связано с различными причинами: естественными (прекращением рода), разделением братской семьи, выходом дочерей замуж за пределы волости, указанием фамильных прозвищ и календарных (некалендарных) имен в разных источниках, миграциями, сознательными искажениями состава населения переписчиками. Проблема достоверности массовых источников XVII в. давно и плодотворно изучается в исторической литературе. В отечественной историографии большинством исследователей (А. Л. Шапиро, Г. В. Абрамович,

[396] Адаменко О. Н. Землевладение и хозяйство Спасо-Каменного монастыря в XV–XVII вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук.– Череповец, 2008. С. 14.

П. А. Колесников, З. В. Дмитриева, З. А. Тимошенкова, М. С. Черкасова, В. И. Иванов и др.) признана необходимость комплексного анализа массовых источников для перекрестной проверки их данных. Сопоставлению синхронных источников разного происхождения посвящена обширная научная литература.

В целях выявления причин постоянной смены населения в монастырской вотчине необходимо проанализировать отражение в массовых источниках свидетельств территориальных перемещений крестьянства. Следует отметить, что монастырское сообщество в XVII в. характеризовалось высокой степенью мобильности: описи и делопроизводственные документы запечатлели многочисленные случаи миграции в среде монашества. Это ротации игуменов между удаленными монастырями внутри уезда, осуществляемые епархиальными властями, а также переходы отдельных монахов и священнослужителей в другие монастыри. Например, у выходцев из Спасо-Каменного монастыря в новых обителях при этом появлялось в имени дополнение «Каменский».

Миграции населения первой половины XVII в. внутри отдельных монастырских вотчин Вологодского и Белозерского уездов уже получили отражение в публикациях историков. З. В. Дмитриевой в контексте изучения стабильности населения Кирилло-Белозерского монастыря проведено поименное сравнение дворовладельцев и выявлены несоответствия между дозорами и внутривотчинной документацией в части полноты фиксации крестьянского и бобыльского населения. Автором был отмечен интересный факт уплаты вотчинного оброка «сшедшими» и умершими (по данным дозорных книг) крестьянами, что могло быть связано с умышленным утаиванием их дворов от государственного налогообложения[397].

Проблема идентификации крестьян, ушедших в 1620-х – 1650-х гг. из вотчины белозерского Кирилло-Новоезерского монастыря, была исследована Т. В. Сазоновой, объясняющей проблемы расхождений источников, во-первых, сокрытием крестьян монастырскими властями, во-вторых – миграциями[398]. Автор отмечает также неточности в фиксации имен и в целом – неполноту данных о дворовладельцах. «Сошедшие» крестьяне, перечисленные в описях отдельными списками (что определяет важность их учета), были частично обнаружены автором в других монастырских деревнях (19% от пропавших)[399]. В вотчине Дионисиево-Глушицкого монастыря Н. В. Башниным крестьяне, пострадавшие в 1610-х гг. (умершие или «сошедшие безвестно»), также были обнаружены в 1620-е гг. (26%)[400]. Разорение эпохи Смуты при этом затронуло всю территорию монастырской вотчины[401]. Отметим и обширные владения Троице-Сергиева монастыря в разных уездах, в которых с конца XVI в. к 1620-м гг. историком М. С. Черкасовой выявлено «не более 10% тех же крестьян-дворохозяев»[402].

Учитывая особенность размещения вотчины Спасо-Каменного монастыря в разных половинах Вологодского уезда, можно проследить пути продвижения различных грабительских отрядов на Русский Север и провести сравнение социальных последствий разорения. Дозорная книга предоставляет возможность сопоставления демографических показателей в двух хронологических срезах – на 1612 г. (до опустошения Смутного времени) и на 1615 г. (момент окончательной фиксации запустения). В дозорной книге содержатся сведения о 207 жилых и пустых селениях в обеих половинах монастырской вотчины *(табл. 1)*. Среди них преобладали пустоши (в абс. 109, или 52,7%), а также запустевшие поселения (в абс. 1 сельцо и 37 деревень, или 18,4%)[403]. Итоги по книге и сплошной подсчет дворов по тексту выявили существенную разницу в цифрах: в итогах дозорщики различали 65 дворов и 6 запустевших мест дворовых, а 112 «пустошей» записаны отдельным блоком после перечисления сенных покосов и «пашенных» лесов *(табл. 2)*.

Всего на 1615 г. в вотчине Спасо-Каменного монастыря насчитывалось 184 двора, оставленные их хозяевами вследствие набегов казаков, литовцев и татар, а также по другим причинам (68% от общего числа дворов) *(табл. 3)*. Людей в этих дворах поименно указано 177 человек, в некоторых случаях отмечено общее число «пустых» дворовых мест без указания имен или только сведения о выжженной деревне. В дозоре глухо упоминаются причины убыли населения и запустения пашни: указания о «старом пусте»,

---

[397] Дмитриева З. В. Вытные и описные книги Кирилло-Белозерского монастыря XVI–XVII вв.– СПб., 2003. С. 278.

[398] Сазонова Т. В. Кирилло-Новоезерский монастырь: Опыт изучения малых и средних монастырей России XVI–XVII вв.– М.; СПб.: Альянс-Архео, 2011. С. 36–43, 78–79.

[399] Сазонова Т. В. Кирилло-Новоезерский монастырь… С. 42, 79.

[400] Башнин Н. В. Дионисиево-Глушицкий монастырь и его архив в XV–XVII вв.: Исследование и тексты.– М.; СПб., 2016. С. 379–436.

[401] Башнин Н. В. Дионисиево-Глушицкий монастырь… С. 169, илл. 33, карта 3.

[402] Черкасова М. С. Крупная феодальная вотчина в России конца XVI-XVII в. (По архиву Троице-Сергиевой Лавры).– М., 2004. С. 143.

[403] РГАДА. Ф. 1209. Кн. 59.

«большом море», более раннем, чем в описываемые годы, «карельском выходе». Н. В. Башнин на примере соседней вотчины Дионисиево-Глушицкого монастыря выделяет семь причин запустения начала XVII в. и относит «пустоши заросшие старые, которые запустели до мору и после мору» к 1570-м гг., голод и «зяблые годы» к 1601–1603 и 1608 гг.[404] Размер крестьянской и монастырской запашки Спасо-Каменного монастыря в результате разорения к 1615 г. уменьшился в 5 раз (от 1794 до 353 четвертей)[405]. Таким образом, почти две трети монастырских крестьян, как указано в дозорной книге, покинули вотчину вследствие разорения Смутного времени.

В конце 1620-х гг. было составлено два описания вотчины Спасо-Каменного монастыря – государственное (писцовая книга 1627/30 гг. «оптимального» варианта) и внутреннее (опись 1628 г.)[406]. Более содержательна в плане сплошного описания земель и населения писцовая книга, в которой зафиксированы пустоши, соляные варницы Заозерья, мельницы, слободка Лахмокурье у с. Устье, а также крестьянские наделы совокупно по деревням. По нашим подсчетам, тяглых дворов в писцовой книге зафиксировано несколько больше, чем в описи (317 и 303 соответственно). Более заметна разница в общих итогах дворов отдельных категорий тяглого населения. Внутривотчинное описание включает 167 крестьянских дворов, тогда как правительственные писцы отмечают 216 дворов (на 30% больше). Разнятся итоги и бобыльских дворов: в описи их отмечено 136, а в писцовой книге – 101 двор (на 26% меньше). Соотношение крестьянского и бобыльского населения по описи 1628 г. составило 55 и 45 процентов соответственно; по писцовым же книгам – 68 и 32 процента *(табл. 1)*. Разница составляет 13 процентов, но обычно при сравнении информации описей и писцовых книг наблюдается обратное – бобылей больше указывается в писцовых книгах[407]. Таким образом, к концу 1620-х гг. общее число дворов превысило показатели 1612 г. При поименном

[404] Башнин Н. В. Дионисиево-Глушицкий монастырь… С. 197–198.

[405] РГАДА. Ф. 1209. Кн. 59; Мерцалов А. Е. Вологодская старина: Материалы для истории северной России.– СПб., 1889. С. 109.

[406] РГАДА. Ф. 1209. Кн. 14727; Сторожев В. Н. Материалы для истории делопроизводства Поместного приказа по Вологодскому уезду в XVII в. Петроград, 1918. Вып. 2. С. 13–22, 31–37; Памятники письменности в музеях Вологодской области. Ч. 4.– Вып. 1.– Вологда, 1985. С. 163–209. С. 163–209.

[407] Дмитриева З. В. Вытные и описные книги… С. 283; Черкасова М. С. Крупная феодальная вотчина… С. 144–145.

сопоставлении тяглого населения между описью 1628 г. и писцовой книгой 1627/30 гг. выясняется, что точно идентифицируется только чуть более половины имен среди тяглого населения (165 дворовладельцев).

Чтобы избежать скоропалительных выводов о масштабах запустения и уточнить подробности негативных процессов, протекавших в вотчине, подробно исследуем и сопоставим содержание массовых описаний первой трети XVII в. В дозорной книге выделяется три разновидности «разоренья»: казачье, литовское и татарское, что отражает разновременность нападений разрозненных отрядов на поселения вотчины. Преобладало запустение вследствие казачьих набегов (88 дворов). Исследователи отмечают негативное значение именно казачьего разоренья 1612–1615 гг. для территории всего Вологодского уезда[408]. Оно затронуло все вотчинные комплексы Спасо-Каменного монастыря, в большей мере – Сямскую волость, где пролегала дорога из Белозерья. Именно по ней в 1612 г. продвигался на защиту города Вологды белозерский воевода Григорий Образцов с казаками. В 1612 г. в двух деревнях указано: «тех крестьян … Григорьева полку Образцова (казаки) животы и лошади пограбили, и оне сошли в мир безвесно» (л. 90[409]), «Григорьева полку Образцова казаки животы их (крестьян) пограбили, а одного (Петрушку) замучили до смерти, (они) сошли в мир з женами и детми от казачья разоренья безвесно» (л. 91) *(табл. 4)*.

Второе по масштабу последствий опустошение вотчины произошло в результате нападения «литовских людей» (43 двора). Литовское нашествие, напротив, больше разорило Кихтскую половину. Так, в заозерском с. Вечеслово в 1612/13 г. четырех крестьян «литовские люди посекли, а жены и дети в полон поклали, а животы пограбили» (л. 95). В итогах дозора нашествие названо «литовской войной».

По причине «татарского разоренья» из вотчины ушло 7 человек. В Сямской волости трое крестьян «в 121 году от татарсково раззоренья сошли безвесно» (л. 85). В отдаленной Лоскомской волости в 1613 г. из двух деревень ушло четверо крестьян, когда «мурза с Вологды сшел на Романов», «от татарсково раззоренья,

[408] Готье Ю. В. Замосковный край в XVII веке… С. 112–113; Васильев Ю. С. Европейский Север Московского государства… С. 17.

[409] Здесь и далее в тексте указаны номера листов дозорной книги 1615 г. (РГАДА. Ф. 1209. Кн. 59).

как татаровя с Вологды сошли на Романов» (л. 115 об., 116). Вероятно, речь идет о возвращении татарского отряда под предводительством Барай-мурзы Алиевича Кутумова после «оберегания» Вологды от польско-литовского нашествия. В Вологде он с ратными людьми и казаками находился до декабря 1613 г., занимаясь разбоем на посаде и в монастырях.

Существенное снижение населения вотчины произошло и в результате так наз. «карельского выхода» (26 человек). Прямого влияния «разоренья» на данный процесс не просматривается в источнике. В ряде случае есть уточнение – «сшел по грамоте». По другим причинам («зяблые» годы, смерть, обнищание, пострижение в монахи) убыло 13 человек.

Помимо массовых источников, известен черновик челобитной апреля-мая 1613 г. от имени архиепископа и монастырских крестьян Вологодского уезда. В ней сообщается, что крестьяне еще не оправились от литовского разоренья, многие забиты насмерть на правежах, а иные разбрелись безвестно, вотчины запустели. В челобитной отмечается, что «корм» и деньги (на устройство ямов, на городовую поделку, на сибирскую церковь) были собраны Борисом Никитичем Волошаниновым, сытником Федором (Семеновым сыном) Матусовым, Тимофеем Змиевым, Мурзой Алиевичем с татарами и казаками, поэтому челобитчики просят об освобождении от повторной выплаты «корма»[410].

В результате сопоставления материалов трех источников нами были выявлены случаи возвращения крестьян в прежние дворы, а также поселение «безвестно сошедших» и даже указанных как «умершие» крестьян в других деревнях вотчины. Причины этого явления кроются либо в фактических миграциях населения, либо в утаивании дворов монастырскими властями[411]. В результате сплошного сопоставления имен было выявлено **86 человек**, отмеченных как в дозоре 1615 г., так и в описаниях 1620-х гг. Часть из них осталась в своих дворах, несмотря на разорение Смутного времени (35 человек). Наиболее пострадали и «сошли» с обжитых земель, но вновь в 1620-х гг. указаны в вотчине 51 человек. Таким образом, значительная часть «безвесно ушедших» в 1612–1615 гг.

[410] ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. № 15. Л. 1–3.

[411] Дмитриева З.В. Вытные и описные книги… С. 272, 278; Дмитриева З.В., Башнин Н.В. О миграции населения монастырских вотчин в XVII в. // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы X–XXI вв.: Источники и методы исследования. Материалы XXXII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы.– Рязань, 2012. С. 115–116.

крестьян и бобылей (29% от общего числа пострадавших) вернулась в вотчину либо надолго не покидала ее пределы.

Стратегии поведения «сошедших» крестьян после Смутного времени определялись, вероятно, степенью разорения хозяйства и возможностями освоения новых земельных угодий:

1. Возвращение в свой двор (26 чел.). Значительная часть «безвесно ушедших» крестьянских семей вернулась в свои дворы в промежуток между 1615 и 1627 гг. Следует отметить неравномерность их фиксации в источниках: во внутривотчинном и государственном описании данные о наличии крестьянина могут отличаться. В 1620-е гг. некоторые из «безвесно ушедших» указаны уже с сыновьями.

2. Переход в другую деревню вотчины (25 чел.). Как правило, переход осуществлялся в пределах того же вотчинного комплекса, в ближайшую к прежнему месту жительства деревню.

3. Пострижение в монастырь – 1 человек.

Переходов вотчинных крестьян в монастырский двор в г. Вологду, в другие вотчины не выявлено.

Отметим, что уход дворовладельцев из вотчины в Смутное время однозначно не приводил после возвращения к нищете, что могло бы выражаться в массовой бобылизации. Из 51 человека от 1615-го к концу 1620-х гг. лишь 10 крестьян стали бобылями, 1 крестьянин указан в статусе монастырского детеныша. В источниках 1620-х гг. также есть разногласия: 7 человек записаны как бобыли в одной книге, в другой – значатся крестьянами.

Важно подчеркнуть и схожее явление в среде «несошедших» в годы Смуты «старожильцев»:

1. Одна группа проживала по-прежнему в своих дворах и деревнях (23 чел.).

2. Другая группа – это крестьяне, переселившиеся из своей деревни между 1615 и 1627/1628 гг. (11 чел.). Среди них также преобладала миграция внутри вотчинного комплекса.

Таким образом, в результате изучения массовых источников был проведен анализ причин ухода крестьян в 1612–1615 гг., выявлены «безвесно ушедшие» крестьяне. Некоторые из них в 1627/30 гг. указаны уже с расширенным составом семьи, в отличие от сведений 1615 г. Где находились «сшедшие» крестьяне и как надолго они оставляли свои дворы, источники не разъясняют. Возможно, ответ дадут актовые материалы, часть которых до сих пор не доступна для изучения. Так, в Глубокоозерском ключе Спасо-Прилуцкого монастыря в 1617 г. в своих челобитных крестьяне

давали такое описание обстановки в вотчине: «А мы нонеча, государи, стали и наги, и босы, и сапоги, и платье, кое било, все обрали», «и мы, государи, нонеча в Спасове дому жыти не смеем и по се время, а живем по лесом и спим, а иногда в деревнях спим, и бехаем, а боимся от тех людей смерти напрасныя»[412]. Изучение направлений крестьянской миграции в годы Смуты позволяет нам говорить не только об утаивании от государственного налогообложения крестьянских дворов, производимого с участием монастырской администрации. «Безвесно ушедшие» и вновь вернувшиеся в свои же дворы крестьяне могли был объектом утаивания. Однако, выявленные массовые переходы в другие деревни тех же вотчинных комплексов, а также шире – в пределах всей вотчины, на наш взгляд, свидетельствуют именно о фактическом переселении крестьян после запустения Смутного времени. При этом происходило укрупнение поселений, а также освоение ранее заброшенных территорий.

В целом, результаты проведенного исследования свидетельствуют о неустойчивости состава тяглого населения в монастырской вотчине, о необходимости критического осмысления масштабов демографического спада Смутного времени. Получены новые данные о времени и путях следования отрядов разорителей в Вологодском уезде, направлениях миграционных процессов в северной деревне в начале XVII века. К концу 1620-х гг. численный состав крестьянского населения был восстановлен, однако устойчивого закрепления семей на монастырских землях не произошло. Внутренне хозяйственное освоение земель вотчины продолжалось, в том числе, и в результате реализации переселенческих стратегий крестьянства.

[412] Адаменко О. Н. Документы о разбоях в Вологодском уезде в 1610-х – 1620-х годах (по архиву Спасо-Прилуцкого монастыря) // Изучение и сохранение историко-культурного наследия Русского Севера: сборник науч. статей и материалов / Под ред. М. В. Шульгиной – Архангельск, 2017. С. 311.

Приложения

Таблица 1

Размеры поселений Спасо-Каменного монастыря в первой половине XVII в.

Дата	Поселения				Дворов				Средняя дворность деревень
	всего	жилые	пустые	из них жилых деревень	всего	тяглых в деревнях		прочих	
						крест.	бобыл.		
до 1612 г.	97	97	–	87	269	256	–	13	2,9
1615 г.	97	60	37	50	96	71	8	16	1,6
1627/30 гг.	93	93	–	81	392	216	101	75	3,9
1628 г.	88	88	–	77	321	167	136	18	3,9

Таблица 2

Соотношение жилых и пустых дворов в 1615 г.

Виды дворов	Подсчеты по тексту		Итоги дозорщиков	
	абс.	%	абс.	%
Монастырские	8	3	8	5
Церковные	5	2	5	3
Крестьянские	72	27	71	46
Пустые дворы и места дворовые	184	68	71	46
Всего:	269	100	155	100

Таблица 3

Причины запустения в монастырской вотчине в первой трети XVII в.

Вотчинный комплекс	Волость	Пустых дворов, чел.	Причины ухода из дворов в 1610-х гг., чел.					Из них числятся в вотчине в 1620-х гг., чел.
			«разоренье»			карельский выход	другое	
			казачье	татарское	литовское			
1. Кихтская половина	Бохтюжская	10	10	–	–	–	–	24
	Грибцовская	9	3	–	6	–	–	
	Богословская	24	7	–	17	–	–	
	Уточенская	26	13	–	4	9	–	
	Корнская	10	5	–	5	–	–	
2. Пучецкая половина	Сямская	85	44	3	10	17	11	25
3. Засодимье	Засодимская	4	1	–	1	–	2	1
4. Лоскомжа	Лоскомская	9	5	4	–	–	–	1
	Всего:	177	88	7	43	26	13	51

Таблица 4

Примеры фиксации населения в дозорной книге 1615 г. и их отражение в источниках 1620-х гг.

№	Поселение	Описание двора	Причина запустения двора	1627/30 гг.	1628 гг.
1	Дер. Новое	Двор пуст Исачка Никонова	В 121 году сшел от литовсково разоренья безвесно	+	+
2	Дер. Горка Никольская	Двор пуст Богдашка Петрова	В 121 году сошли в мир безвесно от Образцовых казаков разоренья	–	+
3	Дер. Погорелка	Двор пуст Дружинки да Семейки Васильевых	Во 121 году Григорьева полку Образцова животы и лошади пограбили, и оне сошли в мир от казачья разоренья безвесно	–	+ (1 из 2-х братьев)
4	Дер. Виннико-во	Двор пуст Конанка Михеева	Во 121 году сшел безвесно от татарсково разоренья, как татаровя с Вологды сошли на Романов	–	–
5	Дер. Пахатино	Двор пуст Богдашки Осифова	В 121 году казаки ссекли	+	+
6	Дер. Заболотье	Двор пуст Васки Трифанова	И тот Васка з женою и з детми умер в 121 году	+	+
7	Дер. Борщево	Двор пуст Архипка Ермолина	Архипка в 121 году казаки ссекли	+	–
8	Дер. Сенинское	Двор пуст Никитки Фалельева	И тех крестьян ... во 121 году литовские люди побили	+	+
9	Дер. Селище	Двор пуст Гришки Павлова	Сошли в Корелу в корелской выход	+	+
10	Дер. Рудино	Двор пуст Пронки Андреева	А 121 году литовские люди посекли	+	+

Пугач Иван Васильевич,
ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», г. Вологда

ГОСУДАРЕВА РУГА НА РУССКОМ СЕВЕРЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ СМЕТНЫХ СПИСКОВ НОВГОРОДСКОЙ ЧЕТВЕРТИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII В.)[413]

Под ругой принято понимать жалование духовенству, выдаваемое хлебом или деньгами прежде всего со стороны государства. Руга была неотъемлемой частью духовно-религиозной жизни Московского государства, формой покровительства и заботы носителя верховной власти – богоизбранного царя о Церкви и пастве.

Основным источником для изучения данного вопроса стали сметные списки по городам Русского Севера первой половины XVII в.[414] Все города и уезды Поморья находились в ведении двух центральных территориальных приказов – Новгородской и Устюжской четвертей. Однако, степень сохранности сметных списков такова, что за первую четверть XVII в. сохранились они только по Новгородской четверти[415]. В них государева руга отмечена по Вологде[416], Двине[417], Каргополю[418] и Кольскому острогу[419].

Правовой основой для функционирования данного института были жалованные или специальные ружные грамоты монастырям и храмам, которые определяли основные параметры руги – ее состав и размер. Большинство сохранившихся грамот относится к первой четверти XVII в. и связано с началом правления новой династии Романовых. Как правило, они подтверждали грамоты,

[413] Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ – грант № 18-09-00350-а «Сметные списки городов Русского Севера XVII в.: исследования и тексты».

[414] См. Пугач И.В. Сметные списки как источник по истории русского феодального города // Писцовые книги и другие массовые источники XVI–XX веков. Материалы XV Всероссийской научной конференции.– М., 2008 С. 251–261.

[415] См. Книги московских приказов в фондах ЦГАДА. Опись. 1495–1718 гг. М., 1972. С. 74–139. Наиболее полно проанализировать состав руги, ее размер и динамику за первую половину XVII в. позволяют сметные списки за 1627/28 г., 1634/34 г. и 1644/45 г.

[416] РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Новгород 16. Ч. 1. Л. 376–454 об.; Новгород 22. Л. 73–88; Новгород 31. Л. 309–386 об.

[417] Там же. Новгород 16. Ч. 2. Л. 36–148 об.; Новгород 22. Л. 131-180 об.; Новгород 31. Л. 519–643 об.

[418] Там же. Новгород 16. Ч. 2. Л. 524–620; Новгород 22. Л. 242–251; Новгород 30. Л. 202–211 об.

[419] Там же. Новгород 16. Ч. 2. Л. 673–714; Новгород 22. Л. 266–277; Новгород 30. Л. 225–239 об.

которые были выданы еще в XVI в. Так по Вологде наиболее ранние из упоминаемых грамот – Ивана Грозного Ильинскому мужскому монастырю (не ранее 1567/68 г.) и Федора Ивановича Успенскому Горнему девичью монастырю (около 1590 г.)[420].

Государева руга, которую в целом получали монастыри и храмы на Русском Севере, была традиционной по составу и могла состоять из трех частей: «государева денежного жалованья», «государева хлебного жалованья» и денег на покупку церковных припасов.

При этом руга выплачивалась не автоматически, а всегда по специальному распоряжению из Новгородской четверти. Дьяк от имени государя направлял местному воеводе грамоту, в которой подтверждалась выплата руги на текущий год, указывался ее состав и размер – полный оклад или его доля. Она всегда выплачивалась из местных доходов и только из таможенных сборов. Все выплаты фиксировались в расходной части сметных списков или другой отчетной финансовой документации.

Денежное жалование определялось и выплачивалось индивидуально на каждое духовное лицо. При этом оно не было обязательным компонентом как церковной, так и, особенно, монастырской руги. Его наличие и размер для отдельных лиц определялись двумя факторами – статусом самой обители или храма и занимаемой там должности.

Хлебное жалование, состояло, как правило, изо ржи и овса. Кроме этого в его состав могли входить пшеница, гречиха, горох, соль и др. Первоначально оно выдавалось в натуральном виде, а со второй четверти XVII в. заменялось денежной компенсацией. При этом стоимость хлеба «за государеву казенную отдаточную меру» исчислялась на каждый год по оценочной памяти таможенного старосты по местной «торговой по меншей цене».

Для обеспечения богослужебной деятельности в состав руги входили и так называемые «церковные припасы», которые выплачивались в денежном эквиваленте. Наиболее распространенными были деньги на воск для свеч, ладан, пшеницу на просфоры, мед на панихиды и церковное вино на причастие. Кроме этого в состав руги могли входить и другие припасы, например дрова для отопления монастырской трапезной.

Общее представление о количестве и составе ружников Русского Севера, размерах самой руги и ее динамике дает *табл. 1*.

[420] См.: Черкасова М.С. Архивы вологодских монастырей и церквей XV–XVII вв. Исследование и опыт реконструкции.– Вологда, 2012. С. 420, 421.

Таблица 1

Государева руга на Русском Севере в первой половине XVII в. (по сметным спискам городов Новгородской четверти)

Город	Ружник	1627/28 г.		1633/34 г.		1644/45 г.	
		кол-во	сумма, руб.	кол-во	сумма, руб.	кол-во	сумма, руб.
Вологда	Монастыри	3	98,96	3		4	515,245
	Храмы	20	420,96	20		23	366,405
	Богадельни	1	10,12	1		1	12,60
	Всего	24	530, 04	24	552,815	28	894,25
Двина	Монастыри	4	85,86	4		4	144,10
	Храмы	1	5,00	1		1	5,00
	Всего	5	90, 86	5	108,90	5	149,10
Каргополь	Монастыри	3	12,75	3		3	12,75
	Храмы	нет	нет	нет		нет	нет
	Всего	3	12,75	3	12,75	3	12,75
Кольский острог	Монастыри	1	23,00	1		1	23,70
	Храмы	3	13,30	3		3	13,30
	Всего	4	36,30	4	37,00	4	37,00
Итого	Монастыри	11	220,57	11		12	695,795
	Храмы	24	439,26	23		27	384,705
	Богадельни	1	10,12	1		1	12,60
	Всего	36	669,95	36	711,465	40	1093,10

Составлено по: РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Новгород 16. Ч. 1. Л. 399–426; Новгород 16. Ч. 2. Л. 94–95, 110 об. – 111 об., 607 об. – 608, 692 об. – 693; Новгород 22. Л. 84 об. – 85, 168–168 об., 250, 275; Новгород 30. Л. 210 об., 237–237 об.; Новгород 31. Л. 333–359 об., 538–539, 560 об. – 562.

Безусловным лидером на Русском Севере по всем параметрам выплаты государевой руги в первой половине XVII в. является Вологда. В конце 1620-х годов ее получали 3 монастыря – Горний Успенский женский монастырь, Галактионова мужская пустынь и Ильинский Дмитриевский мужской монастырь, 20 вологодских соборов и храмов и вологодская богадельня.

Как мы упоминали ранее, размер денежного жалования духовенства зависел от статуса храма или монастыря и от занимаемой должности. Самые высокие оклады, согласно сметного списка 1627/28 г., были у священнослужителей и церковнослужителей Софийского кафедрального собора: у протопопа он составлял 15 руб., у протодьякона и попов – по 12 руб., у дьяконов – по 10 руб.,

у пономарей – по 2 руб., у просвирницы – 0,5 руб. При этом они выплачивались не в полном объеме, весь причт, за исключением протопопа Василия и просвирницы, получил только половину оклада[421]. Оклады духовенства других городских соборов и храмов были ниже и составляли: для священников – от 10 до 3 руб., дьяконов – от 7 до 2 руб., пономарей – от 1 до 0,5 руб., просвирниц – от 0,5 до 0,25 руб. Как и в отношении кафедрального собора, причт вологодских церквей получил за 1627/28 г. только половину денежного оклада[422].

Денежное жалование для настоятелей монастырей и монахов было еще ниже, а в ряде случаев – Ильинский монастырь и Харитонцева пустынь – оно вообще отсутствовало. Оклад игуменьи Горнего девичья монастыря Домникеи составлял 4 руб., а 36 монахинь – по 1 руб., выплачен был так же в половину[423].

Размер хлебного жалования так же был разный и в своих пропорциях примерно соответствовал разнице в денежных окладах. Для духовенства городских храмов оно выплачивалось только рожью и овсом в равных пропорциях, но выдавалось не зерном, а деньгами. Так, у протопопа Софийского собора оно составляло 100 четвертей (50 ржи и 50 овса), у священников – 40, у дьяконов – 30, у пономарей – 10, у просвирницы – 6 четвертей хлеба. Священники городских храмов хлебное жалование получали от 15 до 12 четвертей хлеба, дьяконы – от 12 до 9, пономари – от 6 до 3, просвирницы – от 4 до 3 четвертей хлеба. При стоимости юфти хлеба – 1 четверть ржи и 1 четверть овса – в 0,9 руб. даже для рядового священнослужителя получалась довольно значительная сумма. За 1627/28 г., оно так же было выплачено в большинстве случаев только наполовину[424].

Более разнообразным было «хлебное» жалование насельников и насельниц монастырей; кроме ржи и овса, в него могла входить еще и соль. Так хлебный оклад игумена Ильинского монастыря Серапиона составлял 16 четвертей ржи и овса и 2 пуда соли, а 23 старцев – по 4 четверти хлеба и 1 пуду соли на год[425].

Третья часть руги – деньги на «церковные припасы» позволяли храмам и монастырям вести богослужебную деятельность.

[421] РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Новгород 16. Ч. 1. Л. 399–403.
[422] Там же. Л. 406 об.– 425.
[423] Там же. Л. 405.
[424] Там же. Л. 399-425. Это были довольно значительные размеры. По нормам питания в XVII в. годовая потребность в хлебе на одного человека исчислялась в 3–4 четверти.
[425] РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Новгород 16. Ч. 1. Л. 403–404.

В них могли входить пшеница на просвиры, воск на свечи, ладан, вино церковное и др. Так, для Софийского собора церковные припасы состояли из 12 четвертей пшеницы, 2 пудов воску и 3 пудов соли, а для Горнего девичья монастыря – 1 четь пшеницы, 1 пуд воску, 1 ведро вина церковного и 0,5 пуда ладану[426].

Общие представление о вологодских ружниках в первой половины XVII в. дает *табл. 2*.

Таблица 2

Государева руга в Вологде первой половины XVII в.

Ружники	1627/28 г.				1644/45 г.			
	оклад	хлеб	обиход	всего	оклад	хлеб	обиход	всего
Монастыри:								
Ильинский	нет	26,50	2,10	28,60	нет	37,85	2,79	40,64
Горний	38,00	17,10	9,86	64,96	38,00	26,22	7,775	71,995
Харитонцева пус.	нет	5,40	нет	5,40	нет	8,37	нет	8,37
Горицкий	нет руги				51,00	326,265	37,075	414,34
Всего	**38,00**	**49,00**	**11,96**	**98,96**	**89,00**	**398,705**	**47,64**	**535,345**
Соборы / церкви:								
Софийский	82,50	73,52	13,50	169,52	82,50	104,625	17,22	204,345
Воскресенский	14,00	10,80	3,50	28,30	13,50	16,74	4,50	34,74
Рождественский	14,00	10,80	3,50	28,30	13,50	16,74	4,50	34,74
Преображенский	11,50	8,775	3,50	23,775	11,50	13,84	4,50	29,84
Никольский	7,375	10,80	4,0625	22,2375	7,0875	16,74	6,525	30,3525
Благовещенская	8,125	9,00	3,175	20,30	8,375	13,60	2,275	24,25
Покровская	6,00	7,595	нет	13,595	5,75	10,4625	1,27	17,4825
Вознесенская	3,50	6,075	нет	9,575	3,50	9,4725	нет	12,9725
Петропавловская	4,375	8,55	1,125	14,05	4,375	13,31	2,025	19,71
Борисоглебская	3,375	5,85	1,125	10,35	3,375	9,065	2,025	14,465
Ассоновская	5,75	6,975	нет	12,725	5,75	10,81	нет	16,56
Пятницкая	3,25	6,075	нет	9,325	3,25	9,415	нет	12,54
Сретенская	2,70	2,70	0,75	6,15	2,70	4,185	0,35	7,235
Троицкая	5,625	6,075	нет	11,70	5,65	9,475	нет	15,125
Дмитриевская	1,30	2,70	нет	4,00	1,30	4,185	нет	5,485
Богословская	3,45	6,75	0,6575	10,8575	3,45	10,52	1,125	15,095
Климентьевская	2,75	5,40	нет	8,15	3,75	8,4275	нет	12,1775
Воскресенская	5,00	нет	нет	5,00	5,00	нет	нет	5,00
Афанасьевская	4,50	6,75	нет	11,25	2,50	6,2775	нет	8,7775

[426] РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Новгород 16. Ч. 1. Л. 403, 406 об.

Продолжение табл. 2

Ружники	1627/28 г.				1644/45 г.			
	оклад	хлеб	обиход	всего	оклад	хлеб	обиход	всего
Михаила Малеина	нет	нет	1,80	1,80	нет	нет	4,50	4,50
Всесвятская	нет руги				2,00	4,185	нет	6,185
Никольская	нет руги				нет	нет	2,00	2,00
Вход в Иерусалим	нет руги				14,20	57,555	0,90	72,655
Всего	**106,575**	**121,67**	**23,195**	**251,44**	**203,0125**	**349,63**	**53,715**	**606,3575**
Богадельня	5,17	4,95	нет	10,12	5,17	7,425	нет	12,595
ИТОГО	**238,245**	**249,14**	**48,655**	**530,04**	**297,1825**	**755,76**	**101,355**	**1154,2975**

Составлено по: РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Новгород 16. Ч. 1. Л. 399–426; Новгород 31. Л. 333–359 об.

Единственное принципиальное изменение среди вологодских ружников к концу первой половины XVII в. – расширение их географии. В их состав вошли еще три храма и белозерский Воскресенский Горицкий девичий монастырь.

Особого внимания заслуживает история становления государевой руги Горицкого монастыря, которая достаточно хорошо известна по источникам. Первую ружную грамоту обитель получила от Ивана Грозного, видимо, в середине 60-х годов XVI в. Уже в ней были определены основные параметры хлебного жалования, которое практически не менялось и в XVII в., за исключением количества стариц, получавших ругу. Затем последовало подтверждение Федора Ивановича[427]. От первой половины XVII в. известны пять царских жалованных ружных грамот. Они упоминаются в описании монастырской казны 1661 г.– одна Бориса Годунова 1604 г., две Михаила Федоровича 1613 г. и 1642/43 г., две Алексея Михайловича 1645 г. и 1652/53 г.[428] Первые сведения о руге Горицкого монастыря, которая выплачивалась из белозерских доходов, относится к 1613 г.[429] Свидетельства о выплате руги из вологодских доходов появляются в сметных списках начиная с 1644/45 г.

К середине XVII в. денежное жалование для игуменьи составляло 3 руб., а для каждой из 70 стариц по 0,5 руб. Два священника,

[427] Летопись Горицкого монастыря (Публикация Г.О. Ивановой) // Кириллов. Историко-краеведческий альманах. Вып. 1.– Вологда, 1994. С. 294–299.

[428] 1661 г., мая 31.– Отписная книга Воскресенского Горицкого девичья монастыря отписчиков Кириллова монастыря черного попа Матвея и старца Герасима Новгородца игуменье Марфе Товарищевых (Публикация Ю.С. Васильева) // Кириллов. Историко-краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда, 1994. С. 280.

[429] Летопись Горицкого монастыря... С. 302.

служивших в монастырских храмах, получали по 5 руб., а дьякон 3 руб.

Размер хлебного жалования был следующий: оклад игуменьи составлял 35 четвертей (20 ржи и 15 овса), а старицы Горицкой обители получали по 10 четвертей (5 ржи и 5 овса). Более высокие нормы обеспечения «хлебным жалованием» были у монастырских священников – по 35 четвертей (17,5 ржи и 17,5 овса) и дьяконов – 24 четверти (12 ржи и 12 овса). Кроме денег за хлеб, в состав руги входили и деньги за соль: игуменье – за 3 пуда, а каждой старице – за 1 пуд соли[430].

Для обеспечения богослужебной деятельности монастырь получал деньги за 15 чети ржи и 3 пуда соли на просвиры, 2 пуда воску, 4 пуда меду, 10 фунтов ладану и даже 10 руб. на дрова в трапезу[431].

В целом руга Воскресенского монастыря была самой значительной среди всех вологодских ружников и составляла на 1644/45 г. 414,34 руб.

Общий состав вологодских ружных монастырей и храмов, размер руги и ее структура на протяжении первой половины XVII в. имели устойчивый характер, а статус того или иного ружника определял конкретный размер его денежного обеспечения. При этом, размер денежного и хлебного жалования, церковных припасов был строго фиксированным и практически не менялся, а вот денежная компенсация за хлеб и припасы во многом зависела от их цены и давала значительные колебания в общем размере. Например, цена за 1 юфть хлеба выросла с 49 коп. в 1627/28 г. до 72 коп. 1644/45 г., что увеличивало размер конкретных выплат за «государево хлебное жалование» почти в 1,5 раза.

Вторым регионом Русского Севера по масштабам государевой руги была Двина. И по количеству ружников и по объему денежных средств она значительно уступала Вологде. Всего в Двинском уезде было 5 ружников – 4 монастыря и 1 храм на территории старого острога в Холмогорах.

Полноценной во всех отношениях государева руга – денежное и хлебное жалование насельникам и церковные припасы – была только у Анзерского скита (см. *табл. 3*). В целом на него приходится около 2/3 всех ружных расходов на Двине.

[430] РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Новгород 31. Л. 357-а – 358 об.

[431] Там же. Л. 359–359 об.

Таблица 3

Государева руга на Двине первой половины XVII в.

Ружники	Вид руги	1627/28 г.		1644/45 г.	
		кол-во	сумма	кол-во	сумма
Сретенский храм (Холмогоры)	не указан	–	5,00 руб.	–	5,00 руб.
Покровский девичий монастырь	не указан	–	12,50 руб.	–	12,50 руб.
Николо-Карельский монастырь	на милостыню	–	10,00 руб.	–	10,00 руб.
Архангельский монастырь	Хлеб. жалованье – рожь – овес	 70 четв. 70 четв.	 всего 5,55 руб.	 70 четв. 70 четв.	 всего 20,00 руб.
	Ден. оклад	12 чел.	24 руб.	12 чел.	24 руб.
Анзерский скит	Хлеб. жалованье: – мука ржаная – солод ячневый – овес – крупа – толокно – горох – патока	 36 четв. 6 четв. 6 четв. 3 четв. 3 четв. нет нет	 12,96 руб. 2,16 1,20 1,60 1,32 нет нет	 36 четв. 6 четв. нет 3 четв. 3 четв. 3 четв. 1 пуд	 36,00 руб. 4,50 нет 4,50 4,50 5,40 2,00
	Церков. обиход – воск на свечи – ладан – мука пшеничная – вино церковное – дрова	 1 пуд 10 фунт. 1 четв. 3 ведра –	 4,50 2,00 0,60 2,50 5,00	 1 пуд 10 фунт. 1 четв. 3 ведра –	 5,00 1,20 1,20 1,50 12,00
	Всего	–	57,86 руб.	–	101,80 руб.
Итого		**90,86 руб.**		**149,30 руб.**	

Составлено по: РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Новгород 16. Ч. 2. Л. 94–95, 110 об. – 111 об.; Новгород 31. Л. 538–539, 560 об. – 562.

Скит был основан в 1620 г. преподобным Елеазаром Анзерским на берегу морской губы на месте старинных солеварен, по благословению соловецкого игумена Иринарха. Место размещения скита было выбрано самим игуменом не случайно: однажды монастырские трудники, ловившие рыбу, увидели здесь знамение – «столп огнен, до небес восходящ». В первые десятилетия в истории скита произошли события, которые изначально придали

ему значительный статус и особое покровительство царской семьи Романовых. Во-первых, рождение у Михаила Федоровича наследника – сына Алексея связывали с молитвами преподобного Елеазара, призванного в Москву, во-вторых, в Анзерском скиту принял монашеский постриг священник Никита Минов, будущий Патриарх всея Руси Никон.

Остальные ружники, в том числе и такие известные и крупные монастыри, как Николо-Карельский или Архангельский, получали небольшую ругу: первый – 10 руб. «на милостыню», а второй – деньги за 140 четвертей ржи и овса. Особенностью двинской руги является и то, что она в сметных списках, за исключением Анзерского скита, практически не расписана по структуре расходов.

Наиболее стабильной и самой незначительной была государева руга в Каргополе. На протяжении всей первой половины XVII в. она не менялась, ни по составу ружников – Александро-Ошевенский, Сырьянский монастыри и Строкина пустынь Каргопольского Спаского монастыря, ни по размерам руги – общий объем 12,75 руб., соответственно 6 руб., 3,75 руб. и 3 руб.

Таблица 4

Государева руга в Каргополе первой половины XVII в.

Ружники	Вид руги	1627/28 г.	1644/45 г.
		сумма	сумма
Александро-Ошевенский монастырь	не указан	6,00 руб.	6,00 руб.
Строкина пустынь	не указан	3,00 руб.	3,00 руб.
Сырьянский монастырь	не указан	3,75 руб.	3,75 руб.
Итого		**12,75 руб.**	**12,75 руб.**

Составлено по: РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Новгород 16. Ч. 2. Л. 607 об. – 608; Новгород 30. Л. 210 об.

Четвертым регионом Русского Севера, находящемся в ведении Новгородской четверти, где выплачивалась государева руга, был Кольский уезд (см. *табл. 5*).

В составе кольских ружников Кандалашский монастырь и три храма – Предтеченский, Никольский и Георгиевский. Руга выплачивалась им на покупку церковных припасов.

Таблица 5

Государева руга в Кольском остроге первой половины XVII в.

Ружники	Вид руги	1627/28 г.	1644/45 г.
		сумма	сумма
Кандалашский монастырь	на церковные припасы	23,00 руб.	23,70 руб.
Предтеченский храм	на церковные припасы	6,65 руб.	6,65 руб.
Никольский храм	не указан	6,65 руб.	6,65 руб.
Георгиевский храм			
Итого		**36,30 руб.**	**37,00 руб.**

Составлено по: РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Новгород 16. Ч. 2. Л. 692 об. – 693.; Новгород 30. Л. 237–237 об.

Таким образом, государева руга решала важнейшую задачу по обеспечению материального благополучия Церкви как мощнейшего института для удовлетворения социальных и духовно-религиозных потребностей общества. Ее распределение в Поморье довольно точно отражает процесс становления и развития приходской жизни и монастырской колонизации. Ведущее место Вологды еще раз подтверждает ее значение как духовного центра Московского царства, вполне обосновано А. Н. Муравьевым определенным как «Северная Фиваида». Кроме этого, государственная помощь в форме руги не только поддерживала и развивала гармонию царства и священства, но и сохраняла жизнеспособность значительной части приходских храмов и небольших монастырей, особенно в отдаленных уездах Русского Севера.

Порохина Светлана Сергеевна,
ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», г. Вологда

ВОЛОГОДСКИЕ ПОДЬЯЧИЕ В XVII В. (ПО МАТЕРИАЛАМ СМЕТНЫХ СПИСКОВ НОВГОРОДСКОЙ ЧЕТВЕРТИ)[432]

В XVII веке Вологда являлась административным центром Вологодского уезда и принадлежала к числу крупнейших городов Российского государства. В связи с этим город с уездом был одним из важнейших объектов государственного управления и фискальной политики, в котором формировалась значительная часть доходов государственной казны. Это обстоятельство повышало роль местных финансово-административных учреждений и положение государственных приказных людей, обеспечивающих эту деятельность.

В первой четверти XVII в. в Русском государстве окончательно сложилась система государственных учреждений как в центре, так и на местах. Государственный аппарат осуществлял административные, военные, судебные, финансовые и другие функции. Была создана иерархическая лестница чиновников: судья приказа – дьяк – подьячие (старшие, средние, младшие). Появились элементы бюрократического централизма, распорядительные и исполнительные функции были сосредоточены в приказах[433].

В отечественной историографии много раз отмечалась большая роль дьяков и подьячих в русском государственном управлении XV-XVII вв. Именно в это время произошло увеличение их количества, были сформированы кадры центрального и местного управления, зародились и разрослись элементы бюрократии, что связано с процессом развития централизованного государства с институтом самодержавия.

История служащих государственного аппарата России в XVII в. рассматривается Г. Ф. Миллером[434] и М. Г. Спиридовым[435]. Их работы можно считать первым серьезным обращением к вопросам,

[432] Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ – грант № 18-09-00350-а «Сметные списки городов Русского Севера XVII в.: исследования и тексты».

[433] Ерошкин Н. П. История государственных учреждений в дореволюционной России. М., 1983. С. 47.

[434] Миллер Г. Ф. Известия о дворянах российских. СПб., 1790; Древняя российская вивлиофика. 2-е изд.– М., 1791. Ч. XX.

[435] Древняя российская вивлиофика. Ч. XX. С. 150.

связанным с приказными людьми в XVII в. и с их местом в структуре власти. Б. Н. Чичерин написал фундаментальную работу о местном управлении в России в XVII в., где он сделал экскурс в историю разряда лиц, обслуживавших приказные и земские учреждения на местах[436].

Большой интерес представляет работа С. Б. Веселовского о приказном строе Московского государства[437]. В ней автор впервые четко сформулировал свой взгляд на приказных людей как в основном простонародную по происхождению группу, еще не обособившуюся «в сильную позже администрацию». Также С. Б. Веселовский составил справочник с перечнем данных о лицах, служивших в столичных приказах и местных учреждениях, который дает богатые сведения по истории государственного управления[438].

В современной историографии большой вклад в изучение данной проблемы внесла Н. Ф. Демидова, которая в работе о служилой бюрократии в России в XVII в. рассмотрела бюрократию как особую категорию населения, обслуживавшую разветвленный аппарат государственных учреждений[439].

Однако, на местном уровне, в том числе и на примере Вологды, вопрос о персональном составе подьячих, за исключением их списка, включенного в фундаментальный биографический справочник служилой бюрократии России XVII в., остается практически неизученным[440].

Основными источниками по изучению административно-финансовой системы русских феодальных городов являются сметные списки. На настоящий момент по Вологде известны 17 сохранившихся сметных списков, которые хронологически охватывают период с 1627/28 г. по 1690/91 г. Все они находятся в составе 137 фонда «Боярские и городовые книги» РГАДА. Сметные списки содержат информацию о всех бюджетных доходах и расходах за финансовый год, персональный состав представителей служилой бюрократии, их оклад и непосредственно учреждение, в котором они исполняли обязанности. Материалы последних трех списков,

[436] Чичерин Б. Н. Областные учреждения России в XVII в.– М., 1856.

[437] Веселовский С. Б. Приказный строй управления Московского государства // Русская история в очерках и статьях.– Т. 3.– Киев, 1912. С. 19.

[438] Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1972.

[439] Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России в XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма.– М., 1987.

[440] Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. (1625–1700). Биографический справочник.– М., 2011.

а именно, 1660/61 г., 1689/90 г. и 1690/91 г., в работе не используются, т. к. они неполные по составу и сведений о вологодских подьячих не содержат.

Термин «дьяк» как название представителя верхнего слоя приказных людей восходит к администрации великокняжеских и княжеских учреждений и употребляется уже в документах XIV в. Разделение дьяков на думных, т. е. участвовавших в заседаниях Боярской думы, и приказных (по терминологии XVII в. просто дьяков) относится ко второй половине XVI в. Примерно к XIV в. относится также появление термина «подьячий» как обозначение помощника дьяка. Характерно, что в том же смысле бытовал и другой термин – «дьячок». Чаще слово подьячий употреблялось в смысле служащего в приказных государственных учреждениях, дьячок – в таможенной, губной или земской избах[441].

В отличие от бояр, окольничих, думных дворян, приказных судей, городовых воевод, принадлежавших к социальной верхушке и руководивших учреждениями, приказные люди непосредственно работали в качестве исполнителей в учреждениях, чьими основными функциями было ведение делопроизводства. Приказные люди делились на две группы. Первые осуществляли свою деятельность в приказах, вторые исполняли обязанности дьяков и подьячих в уездных центрах России.

Власть на местах находилась в руках воеводы или нескольких воевод, если город был большой. Он имел приказную или съезжую избу, в которой велись все дела по управлению городом и уездом. Здесь хранились государевы грамоты и печать, приходные и расходные книги, государева казна – собранные подати. В крупных городах изба делилась на столы, которые находились в ведении подьячих, число которых в этих избах было различно. Возглавлял съезжую избу московский дьяк или подьячий. Сборы государственных налогов осуществляли выборные лица. Прямые налоги взимали старосты и целовальники, косвенные – таможенные и кабацкие – головы и целовальники. Воеводы контролировали финансовую деятельность этих выборных властей[442].

Состав лиц, занятых в государственных учреждениях, был неоднороден по своему характеру. Непосредственные руководители,

[441] Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России в XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма.– М., 1987. С. 16.

[442] Ерошкин Н. П. История государственных учреждений в дореволюционной России.– М., 1983. С. 65–66.

т. е. судьи и воеводы, а также лица, возглавлявшие приказную избу, не включались в штаты учреждений и исполняли возложенные на них обязанности как временные сословные поручения. В ином положении были дьяки и подьячие, для которых работа в приказных учреждениях превращалась в постоянную профессию. Существование и развитие этой группы являлось показателем роста бюрократических тенденций[443].

Съезжая изба осуществляла контроль за исполнением налоговых обязательств населения, выполняла фискальные функции и осуществляла непосредственно сбор неокладных налогов. Именно там подьячими составлялись сметные списки – бюджетные росписи за каждый финансовый год, где фиксировались доходная и расходная часть бюджета.

Вологодская съезжая изба «с комнатою на подклете с сенми» находилась в центральной части города, в пределах крепости. Позади нее располагались две тюрьмы для государственных преступников, а позади тюрем – восемь государевых житниц. Напротив съезжей избы находилась писчая изба площадных подьячих[444].

Съезжая изба делилась на два стола – денежный и судный. Денежный стол осуществлял контроль за всей административно-финансовой жизнью уезда, а судный – вел судебные дела. Общий штат съезжей избы в XVII в. состоял из 12–13 подьячих. Количество служащих в каждом столе было различно. В первой половине XVII в., по самому раннему сметному списку 1627/28 гг., в денежном столе трудились 9 человек, в судном – 4 человека[445]. В середине века штат составляли 12 человек, что касается разделения по столам, то в денежном было 8 или 9 человек, в судном 4 или 3.

Известны случаи перехода подьячих из одного стола в другой. Так Воин Семенов начал свою деятельность как подьячий судного стола, а затем он перешел в денежный[446]; Борис Левонтьев из денежного стола перешел в таможенную избу[447].

[443] Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России в XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма.– М., 1987. С. 15.

[444] Писцовые и переписные книги Вологды XVII – начала XVIII в. Т. 3.– Вологда, 2018. С. 24.

[445] РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Новгород 16. Ч. 1. Л. 375–454 об.

[446] Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. (1625–1700). Биографический справочник.– М., 2011. С. 506.

[447] Там же. С. 315.

Первый полный персональный состав вологодских подьячих известен на конец первой четверти XVII в. В сметном списке 1627/28 г. дан пофамильный список подьячих, а именно, в денежном столе – Левонтьев Борис, Костянтинов Федор, Колзаков Михаил, Галкин Ермола, Максимов Никифор, Колзаков Богдан, Данилов Иван, Микифоров Левонтий, Семенов Агей; в судном столе – Кручина Иевлев, Семенов Ондрей, Степанов Борис, Галкин Шестой. (Полный список вологодских подьячих XVII в., извлеченный из сметных списков, с их должностными окладами, представлен в *Приложении 1*).

Кроме персонального состава сметные списки позволяют определить оклад этих подьячих. Размер государева жалованья определялся по таким критериям как занимаемая должность, срок службы, характер выполняемых обязанностей. Сметный список 1627/28 г. дает возможность оценить как официальный оклад подьячих, который оставался прежним, так и реально выплаченный. Чаще всего он составлял две трети оклада. Наибольший оклад – 20 руб., который был у старших подьячих денежного стола, коими были Левонтьев Борис и Костянтинов Федор, по факту составил 13 руб. Оклады подьячих судного стола были меньше: самый высокий – 8 руб. – получал Иевлев Кручина. Всего в 1927/28 г. на жалованье подьячим съезжей избы было выделено 90 руб.

К середине XVII в. ситуация несколько изменилась. Начиная с 1653/54 г. общий оклад подьячих съезжей избы уменьшился на 10 руб. и составлял 80 руб. Самый большой оклад – 13 руб. – получали Колзаков Михаил и Яковлев Василий. На протяжении исследуемого периода оклад подьячих, после его реального сокращения в конце 1620-х гг., практически не изменялся, за исключением подьячих судного стола. Для старших подьячих он вырос с начала 1650-х годов до 15 руб. Но и в этом случае государство выплачивало две трети оклада. Так наибольший оклад получали Семенов Воин 10 руб. из 15 руб., и Федоров Григорий 8 руб. из 10 руб.

Для большинства подьячих приказная служба превращалась в постоянную профессию. Воин Семенов служил в вологодской приказной избе 30 лет, с 1628 по 1658 г.[448]. Григорий Федоров 37 лет с 1641 по 1678 г. был подьячим сначала судного стола, затем с 1676 г. денежного стола[449]. Григорий Коверин служил с 1644 по 1678 г. –

[448] Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. (1625–1700). Биографический справочник.– М., 2011. С. 506.

[449] Там же. С. 586.

34 года[450]. Андрей Андреев находился на посту с 1649 по 1678 г. – 29 лет[451]. Анализ источников позволяет утверждать, что срок службы отдельных подьячих составлял от 4–5 до 45 лет.

По сметным спискам мы можем проследить продвижение подьячих по службе и становление их как профессионалов. Например, Михаил Колзаков «сидел» на посту с 1614/15 г.[452] и упоминается в сметных списках начиная с 1627/28 г. и до 1659/60 г., т. е. служба его в денежном столе длилась 45 лет, что является наиболее продолжительным сроком службы среди всех вологодских подьячих. Михаил Колзаков привлекался к выполнению важнейших государственных дел. В 1627 г. он был послан в Англию в составе русского посольства, для поездки ему было выделено государево жалованье 10 руб. и 20 руб. подможных, также «за запас, за муку и за крупу, и за толокно, и за ветчинные полти, и за уксус два рубли дватцать шесть алтын»[453].

Михаил Колзаков стал родоначальником целой династии вологодских подьячих, а именно, Михаил (срок службы с 1614 по 1659 г.), Богдан (упоминается в 1627/28 г.), Григорий (1644–59 гг.), Иван (1651–80 гг.). Сын Ивана Андрей пришел в 1679/80 г. на место своего отца, который покинул пост[454].

Подьячие, допустившие служебные нарушения или нерадивость, несли материальную ответственность за это. Так, в сметном списке 1627/28 г. за Ивановым Нехорошкой, который вел учет поступающих денег, числится долг в размере 34,9525 руб. Он возник после сверки сметного списка 1624/25 г., сам Нехорошка был «поставлен на правеж», где и умер в 1625 г. Недостачу было не на ком взыскать, жены и детей у подьячего не было, поэтому в следующем 1626 г. его двор был продан за 6 руб., а деньги отправлены в Москву в счет погашения долга[455].

Важнейшими финансовыми учреждениями в крупных городах, в том числе и в Вологде, обеспечивающими значительный доход государственной казны, были таможенная и кабацкая (кружечная) избы, в ведении которых был сбор таможенных пошлин и кабацкой прибыли. Первые свидетельства о наличии подьячих

[450] Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. (1625–1700). Биографический справочник.– М., 2011. С. 269.
[451] Там же. С. 32.
[452] Там же. С. 274.
[453] РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Новгород 16. Ч. 1. Л. 440.
[454] Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. (1625–1700). Биографический справочник.– М., 2011. С. 274.
[455] РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Новгород 16. Ч. 1. Л. 377 об.

как государственных служащих в этих учреждениях появляются в сметных списках в середине XVII в., что было связано с проведением таможенной и кабацкой реформ. Эти сведения в сметных списках весьма скудны, как правило, указывается только размер денежного оклада и количество подьячих.

Штатный состав подьячих таможенной избы, состоящий из 4 человек, впервые указан в списке 1653/54 г. Их общий оклад был 10 руб. по 2,5 руб. каждому. В ряде случаев сметные списки называют одного из подьячих, видимо старшего из них. В списках конца 50-х гг. таковым является Иван Созонтов «с товарыщи»[456].

Финансовый и административный контроль за деятельностью кабацкого двора в Вологде осуществлял кабацкий подьячий. Впервые в сметных списках эта должность упоминается в 1652/53 г. Его оклад был одним из наиболее высоких и до конца 1650-х гг. составлял 20 руб., а в 1657 г. его оклад был сокращен до 10 руб., что связано, скорее всего, с неэффективностью кабацкой реформы. Никаких указаний на персональный состав кабацких подьячих сметные списки не дают[457].

Важность для государственной системы управления на местах, конкретно института подьячих, проявлялся в их материальном обеспечении. Их денежные оклады значительно превышали оклады, например, служилых людей по прибору. В Вологде полный оклад стрелецкого сотника составлял 10 руб., стрелецкого пятидесятника – 6 руб., а рядового 3 руб., что с учетом денег за хлебное жалованье, особенно для рядового состава, было в среднем меньше, чем у подьячих. Оклад вологодских пушкарей и воротников был еще ниже и составлял в общем объеме – денежное и хлебное жалованье – менее 4 руб. на человека[458].

В ряде случаев сметные списки дают возможность говорить о хозяйственной деятельности подьячих за пределами своих служебных полномочий. Так, на протяжении двух десятков лет в качестве должников упоминаются подьячие Ермола Галкин и Матвей Малафеев. На подьячем денежного стола съезжей избы Ермоле Галкине с 1632 г. числился долг оброчных денег за аренду пустошей в размере 1,1975 руб., а подьячий Матвей Малафеев с 1634 г. являлся должником по оплате явочных пошлин с пива[459].

[456] РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Вологда 2. Л. 75 об., 297 об., 388.
[457] Там же. Л. 76., 297 об., 388.
[458] РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Новгород 31. Л. 365–367 об.
[459] РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Новгород 31. Л. 310 об.; Вологда 2. Л. 427 об. – 428.

Таким образом, анализ сметных списков еще раз подтверждает значение и важность подьячих как ведущего звена всей системы местного управления централизованного Русского государства. Для Вологды с ее разветвленной системой административно-финансового и судебного управления фигура подьячего становится ключевой к концу первой четверти XVII в. Они, под руководством вологодских воевод и дьяков, составляют основу приказной бюрократии на местах и обеспечивают государственные интересы в разных сферах.

Приложение 1

Персональный состав
и оклад вологодских подьячих в XVII в. (в руб.)

Подьячий	1627/ 28 г.	1644/ 45 г.	1653/ 54 г.	1654/ 55 г.	1657/ 58 г.	1658/ 59 г.	1659/ 60 г.
Съезжая изба – денежный стол							
Левонтьев Борис	13	–	–	–	–	–	–
Костянтинов Федор	13,0335	–	–	–	–	–	–
Колзаков Михаил	10	13,0335	13	13	13	13	13
Максимов Никифор	5,6615	–	–	–	–	–	–
Колзаков Богдан	5,6615	–	–	–	–	–	–
Галкин Ермола	7	–	–	–	–	–	–
Данилов Иван	4	–	–	–	–	–	–
Микифоров Леонтий	4	–	–	–	–	–	–
Семенов Агей	3,0033	–	–	–	–	–	–
Лукошков Петр	–	8,66 (5 мес.)	–	–	–	–	–
Яковлев Василий	–	11,0015	10	10	6	–	–
Софонов Андрей	–	9,66	10	10	10	10	–
Иевлев Леонтий	–	7	–	–	–	–	–
Воробьев Алексей		5	–	–	–	–	–
Нечаев Иван	–	–	8	8	8	8	–
Коверин Григорий	–	3	5	5	5,5	5,5	6,5
Колзаков Григорий	–	3	5	5	5,5	5,5	6,5
Андреев Андрей	–	–	3,5	3,5	4	4	5
Колзаков Иван	–	–	3,5	3,5	4	4	9
Гвоздев Гавриил	–	–	–	–	2	2	2
Степанов Иван	–	7,33	–	–	–	–	10
Семенов Воин	–	–	–	–	–	6	10

Продолжение прил. 1

Подьячий	1627/ 28 г.	1644/ 45 г.	1653/ 54 г.	1654/ 55 г.	1657/ 58 г.	1658/ 59 г.	1659/ 60 г.
Съезжая изба – судный стол							
Иевлев Кручина	8	–	–	–	–	–	–
Семенов Ондрей	7	–	–	–	–	–	–
Степанов Борис	5,6615	–	–	–	–	–	–
Галкин Шестой	4	–	–	–	–	–	–
Семенов Воин	–	10	10	10	–	–	–
Федоров Григорий	–	5	8	8	8	8	10
Пиминов Иван	–	7	–	–	–	–	–
Суровцов Иван	–	–	4	4	4	4	4
Пиминов Федор	–	–	–	–	6	6	–
Пиминов Петр	–	–	–	–	4	4	4
Всего	90	90	80	80	80	80	80
Таможенная изба							
– 4 чел.	–	–	10	10	10	10	10
Созонтов Иван	–	–	–	–	2,5	2,5	2,5
с 3 товарищи	–	–	по 2,5	по 2,5	по 2,5	по 2,5	по 2,5
Кружечный двор							
1 чел.	–	–	20	20	10	10	10

Составлено по: РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Новгород 16. Ч. 1. Л. 375–454 об.; Новгород 31. Л. 309–386 об.; Вологда 2. Л. 1–749.

Белогай Оксана Ивановна, Корикова Надежда Николаевна,
БУ ХМАО-Югры «Музей Природы и Человека», г. Ханты-Мансийск

РУССКОЕ СТАРОЖИЛЬЧЕСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ЮГРЫ: САМАРОВСКИЙ ЯМ

История основания и развития первых русских поселений на севере Западной Сибири в первые десятилетия присоединения новых земель во многом связана с Русским Севером.

Первопоселенцы, именно они стали именоваться спустя несколько столетий «старожилами» на Сибирской земле, принесли с собой быт и традиции родных мест. Знания и опыт помогли освоиться в чужих краях, а необходимость выжить – принять и перенять опыт аборигенного населения.

Первые письменные упоминания Самаровского яма и соседнего с ним Демьянского яма относятся к 1635 году. Тогда царь Михаил Романов распорядился набрать 50 человек для ямщицкой службы в Сибири.

«Лета 7143-го февраля в 11 день по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу память дьяку Пантелею Чирикову. Указал государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии по челобитью сибирских тобольских, и березовских, и сургуцких остяков Байбалдка Танасанова с товарыщи на Сибирской дороге меж Тобольска и Сургута устроити два яма: один в Тобольском уезде в Демьянской волости, а другой – в Сургуцком уезде под Самаровыми горами. А ямщиком на тех ямех быти по пятидесят человек на яму, а прибрати тех ямских охотников указал государь в поморских городех дворяном: на Вологде, на Тотьме, на Устюге Великом, в Еренском городке и на Выми Федору Ондрееву сыну Скрябину на один ям пятьдесят человек, а на другой ям пятьдесят же человек велено прибрать у Соли Вычегодцкой, в Кайгородке, в Перми Великой, в Чердыни, у Соли Камской Ивану Игнатьеву сыну Погожему из вольных изо всяких охочих людей, бобылей и захребетников з женами и з детьми семьянистых людей, от отцов детей, и от братей братью, и от дядь племянников, а не ис тегла, и не ис холопей, и не крепостных людей, и не воров…»[460]

22 апреля 1635 года Ф. Скрябин прибыл в Верхотурье с пятьюдесятью ямскими охотниками, набранными в Ярославле, Вологде, Устюге Великом и Яренске. В конце 1635 года этими ямщиками был основан Демьянский ям на р. Иртыш.

Спустя почти год, осенью 1636 года, группа ямщиков из Соли Вычегодской, Чердыни и Соли Камской и, вероятно, других поморских уездов была доставлена на жительство к подножию правой иртышской террасы недалеко от впадения реки в Обь[461]. Зима ушла на обустройство, а с 1637 года Самаровский ям вошел в число новых российских поселений за Уралом.

Предки Лыткиных, Карлиных, Мухиных, Ершовых, Терентьевых, Шаламовых и др., известных и распространенных сегодня фамилий, были первыми переселенцами у подножия Самаровских гор.

[460] РГАДА. Ф. 141. Приказные дела старых лет. Оп. 2. 1635 г. Ед. хр. 8. Л. 1.

[461] Шашков А.Т. Самаровский ям и его жители в XVII веке // Русское старожильческое население Югры в конце XVI – середине XIX вв.– М., 2007. С. 182–183.

В 1667 году Самаровский ям впервые появляется на географической карте. В этом году по приказанию тобольского воеводы П.И. Годунова был составлен «Чертеж всей Сибири», на котором детально изображен бассейн Иртыша, отмечены города и остроги, «которой город или острог над которою рекою стоит».

В 1680-х годах в Самаровском яме насчитывалось уже около сотни ямщиков. Летом 1687 года сибирский картограф С.У. Ремезов составил карту, на которой были изображены дороги, ведущие от Тобольска,– «Чертеж всея Сибири мера от Тобольска ехать...», где было показано и расположение Самаровского яма.

В XVIII веке Самаровский и соседний Демьянский ямы утрачивают свою транспортную значимость. Связано это с открытием более удобных путей, связывающих Центральную и Восточную Сибирь. По Сенатскому указу от 21 августа 1755 года многие ямщики должны были покинуть слободу. А в 1761 году велено было оставить только 400 ямских охотников.

Ямская гоньба, извоз стали превращаться во второстепенные занятия. Основными статьями доходов для самаровцев все больше становятся рыболовство, охота и кедровый промысел. Несмотря на переселение ямщиков, Самаровская слобода стала крупным селом.

В 1786 году в ходе административной реформы Самаровский ям получил статус села и стал центром созданной Самаровской волости Тобольского уезда Тобольского наместничества. Волостной сход, состоявший из представителей сельских сходов, избирал волостное правление в составе волостного головы, старосты и писаря. Правление контролировало продажу остякам недозволенных товаров – вина и табака, выбирало лесных надзирателей, охранявших леса от вырубки, следило за строительством церкви. Волостное правление просуществовало до 1917 года.

В 1930-е годы в 5 км от Самарова началось строительство столицы для созданного Остяко-Вогульского национального округа. В 1935 году Остяко-Вогульск стал посёлком городского типа, в 1940-м – городом. В 1950 году Самарово стало частью города Ханты-Мансийска.

Наиболее полное описание Самарова и его прошлого дано Х.М. Лопаревым в книге «Самарово, село Тобольской губернии и округа: хроника, воспоминания и материалы о его прошлом», изданной в 1896 году. Материалы книги позволяют восстановить облик яма, а позднее села XVII–XIX веков.

В XVII веке существовала сложившаяся культура земледелия, скотоводства, строительства, ремесел на Русском Севере. Интересно проследить на примере земледелия, какие традиции прижились

и сохранились в условиях Сибири у переселенцев. Одной из главных проблем устройства жизни в Самаровском яме, о которой пишет Х. М. Лопарев, было отсутствие пашенной земли, и вопрос о земледелии неоднократно поднимался в XVII веке, но были ли сделаны попытки, документальных подтверждений нет.

Позднее, в 1767 году, в Самарове было засеяно пшеницей 49 десятин, но неудачно. В феврале 1772 г. здесь побывал Паллас и, сравнивая Демьянское (Демьянский ям), где жители имеют порядочное земледелие, с Самаровым, указывает, что здесь и севернее земледелия нет. По данным другого автора, от этого же года, цитирует Х. М. Лопарев по V тому нового и полного географического словаря: «около Самары (Самарово) почти ничего не сеют кроме ячменя и овса, а уже много, ежели несколько ярового хлеба, льна и конопли. В три года здесь в окольных местах случился хороший урожай хлеба. Капуста же в оных местах родится без кочней; чеснок, репа, редька и хрен растут в довольном количестве».[462]

В 1830 г. путешественник Белявский, перечисляя подробно промыслы с. Самарово, пишет, что они и представления не имеют о хлебопашестве, зато их благодетельная природа наградила рыбой, птицей, кедровым орехом, и упрекает самаровцев, что половина живет их в бедности от неимоверной беспечности и лени.[463]

В 1876 г. О. Финш и А. Брем описывают огороды самаровцев в романтическом стиле: «на крутом скате гор, гребень которых был покрыт лесом, взорам нашим представилась весьма приятная и непривычная картина человеческого труда – правильные огороженные гряды. Это были конечно не виноградники, а картофельные огороды, так как в Самарово пояс хлебных растений уже кончился».[464]

Уже через 40 лет после обустройства яма появилось такое явление, как покупка остяцких земель зажиточными ямщиками. Земли покупались для устройства сенокосов, пастбищ, ловли рыбы (пески), а вот упоминаний о пашне нет. Болотистая, затопляемая местность и суровые зимы препятствовали этому.

[462] Лопарев Хрисанф Мефодьевич. Самарово, село Тобольской губернии и округа: Хроника, воспоминания и материалы о его прошлом – Тюмень: СофтДизайн, 1997. С. 30.

[463] Лопарев Хрисанф Мефодьевич. Самарово, село Тобольской губернии и округа: Хроника, воспоминания и материалы о его прошлом – Тюмень: СофтДизайн, 1997. С. 51.

[464] Лопарев Хрисанф Мефодьевич. Самарово, село Тобольской губернии и округа: Хроника, воспоминания и материалы о его прошлом – Тюмень: СофтДизайн, 1997. С. 70.

Вид села Самарова

В XIX в опыты земледелия по выращиванию зерновых предпринимались в Сургуте Юганским священником Иоанном Тверитиным, они были отмечены серебряной медалью вольного экономического общества и к XX веку забыты.[465]

У Лопарева в описании бытовой части, где автор опирается на собственные наблюдения в 80–90-е годы XIX века, рассказывается о праздниках и занятиях самаровцев в течение года, в двух предложениях описываются огородные дела: «В июне месяце хозяйки приступают к копанию огородов и садят: картофель, редьку, репу, лук, хрен, морковь, капусту, свеклу, горох и огурцы. Если последние родятся с трудом, то остальные в изобилии».

В письме, которые писали ему односельчане, в 1908 г. мы находим список: «В Самарове у нас хороший огород, есть морковь, репа, стручки, бобы, огурцы, капуста, тыква, свёкла, редька, подсолнухи, мак, лук, кукуруза и много разной чепухи, преобладающий элемент – картошка».[466]

[465] Священник-хлебороб. Письма И. Я. Тверитина в Русское географическое общество // Подорожник: Краеведческий альманах/ сост. Валерий Белобородов.– Ханты-Мансийск: Принт-Класс, 2014.– Вып. 14. С. 52–72.

[466] Самаровский петербуржец: письма земляков к Х. М. Лопареву/ редактор-сост. В. К. Белобородов; СПб. Фил. арх. РАН; Гос. б-ка Югры: Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2008.– С. 172.

На фотографиях села, которые дошли до нашего времени, хорошо видны картофельные огороды на склонах холмов. На основании хроник, составленных Х. М. Лопаревым, можно сделать выводы, что принесенная культура огородничества развивалась на протяжении трех столетий, а хлебопашество было со временем забыто. Огороды г. Ханты-Мансийска до 60-х годов XX века, по-видимому, ничем не отличались от самаровских прошлых столетий

Еще один интересный материал, собранный Н. Л. Скалозубовым, главным агрономом с 1894 по 1906 г. Тобольской губернии. Он дает некоторое представление о Самарове в отношении разных растений.

В словаре приводится всего 440 латинских названий, с названиями и с указанием о применении для целей технических, врачевания, использования в пищу. Материал собирался по всей обширной, населенной разнообразными народами Тобольской губернии.

Скалозубов в предисловии пишет о назначении своего труда как способа изучения накопленных народом знаний о свойствах растений, но недоступных из-за местных особенных названий. И приводит примеры: «Так, например, брюква в Пермской губернии называется калегой; повеликой в одних местах называют Polygonum convolvulus, в других – Cuscuta europaea, а в Западной Сибири Polygonum convolvulus называют березкой. Житом в одних местах называют рожь, а в других ячмень.

Общепринятое литературное русское название «осот», присваиваемое видам Sonchus, в Пермской губернии в Западной Сибири относится к Cirsium arvense.

Клюква в Костромской губернии известна под названием жировиха.

Паленика среднерусская в Восточной России и Сибири известна под именем княженики (Rubus arcticus)».[467]

Материал собирался с 1984 года с приезда Скалозубова в Сибирь. Также по его программе Тобольским губернским музеем была организована работа разных лиц губернии: студентов, учителей, священников, волостных писарей, семинаристов на вакатах. Они присылали коллекции засушенных растений в музей для исследования и определения. Вогульские названия самых распространенных растений были получены им у А. И. Каннисто – финского лингвиста-исследователя; несколько десятков остяцких и самоедских названий взяты из рукописей священника о. В. Герасимова. В труде принял участие известный геоботаник Б. Городков и передал свои записи о растениях на Конде.

[467] Ботанический словарь народных названий растений Тобольской губернии дикорастущих и некоторых культурных. Н. Л. Скалозубов // Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. 21.– Тобольск, 1911. С. 1–87.

Медуница мягенькая

В аннотации по каждому названию растения и его использованию указывается населенный пункт. Для части растений приводится одно название для всего уезда или даже нескольких уездов, а самые известные растения имеют одно общепринятое название. Только по Самарову приводится 34 названия растений: названия даны чаще по внешнему виду – красный цветок (о Иван-чае), синяя трава (вероника длиннолистная), черная травка (о башмачке капельном), пушок (о мелколепестнике остром), троелистка (о вахте). Несколько названий свидетельствуют о применении: что лечит – горлянка (о кошачьих лапках), сердечная трава (об одноцветке крупноцветковой), золотушная бархатка

Кошачьи лапки

Волчеягодник

(о медунице), то, что красит – зеленица (о плауне булавовидном).

Об использовании также есть немного данных. О березе – отвар коры с золой дает коричневую краску, которой красят мережу. Волчеягодник (дикий перец) дают лошадям, чтобы «прочистило». Лиственница – из нее делают подсадки – садочки для наживной (насаживаемой на крючки) рыбы, сохраняемой на зиму. Багульник – настой в водке хорошо помогает от комаров. Осокорь – из его коры «сухарье» делают «бабашки» для самоловов и поплавки для неводов. Распространенное название для народной медицины – «всем мать трава» относится в Самарове к тысячелистнику. Если учесть, что к этим названиям, относящимся только к Самарову, добавляются те общие, что приводятся для всего Тобольского уезда и в целом для Тобольской губернии, то список вырастает почти в 3 раза. Конечно, это далеко не полная картина народных знаний того времени, но даже собранный материал впечатляет.

Самарово, обустроенное, с одной стороны, в чрезвычайно невыгодном узком месте – между «горой» и разливающейся рекой – и часто вынужденное страдать от этого, в то же время было транспортным центром на двух великих сибирских реках Иртыше и Оби, что было немаловажным фактором развития яма и села, которое к XX в. стало зажиточным. Переселившиеся сюда с семьями первые ямщики и их потомки сумели выжить в новых условиях,

используя свой богатый опыт хозяйствования, а также благодаря тому, как они сумели понять в кратчайшие сроки новую землю, освоив иные методы ведения хозяйства и биоресурсы.

Столбова Валентина Петровна,
культурно-исторический центр «Светоч», г. Санкт-Петербург

ВКЛАД КАМЕНОТЁСА САМСОНА СУХАНОВА В ЦЕРКОВНУЮ АРХИТЕКТУРУ

В первой трети XIX века в Санкт-Петербурге было широко известно имя талантливого строителя, претворявшего проекты архитекторов в жизнь, Самсона Ксенофонтовича Суханова. О северном самородке, выходце из Юрьенаволоцкой волости Великоустюжского уезда Вологодской губернии (ныне Красноборского района Архангельской области) с восхищением отзывались в столичных журналах литератор П. Свиньин, будущий декабрист Н. Бестужев и академик минералог Я. Зембницкий. Сын бедного пастуха из глухой деревеньки Завотежицы стал прославленным каменотёсом и оставил заметный след в истории строительства северной столицы, в том числе и ее главнейших храмов.

Самым первым и самым значимым этапом в трудовой деятельности мастера было строительство Казанского кафедрального собора по проекту Андрея Никифоровича Воронихина. Торжественная закладка храма состоялась 27 августа 1801 г. в присутствии Александра I. В возведении собора участвовали исключительно русские мастера. В 1803 г. Воронихин пригласил на строительство храма Самсона Суханова и его шурина Григория Копылова, ранее с успехом возводивших его колоннады в Петергофе. Вскоре Самсон был определён главным приказчиком *«по части каменотесных дел».*

В 1803–1804 гг. его артелью сработан высокий цоколь из двух рядов сердобольского гранита, а под колоннадами *«подведен под сердобольский цоколь»* третий ряд из *«морского финского гранита»* [гранита рапакиви][468].

Увиденные во время путешествия в 1801 г. живописные гранитные скалы Финского залива вдохновили архитектора А. Н. Воронихина поставить несущие колонны внутри собора из *«морского*

[468] РГИА. Ф. 817. Оп. 1. Д. 162. Л. 393–397 об.

Пудостские колонны с капителями Казанского собора

финского гранита». После утверждения императором образца гранита в 1803 г. была начата выломка 56-ти колонн *«цельных вышиною в чистой отделке каждая 12,5 аршин»* сначала подрядчиками Бекреневыми, а после их смерти под надзором Самсона Суханова в ломке Сорвали под Выборгом[469]. Здесь одаренный мастер впервые применил изобретённый им способ откалывания от скалы огромных монолитов. К 1 января 1806 г. все гранитные колонны установлены в ряды, разделившие храмовый зал на три нефа[470].

Начиная с 1803 г., на ломке у деревни Пудость под Гатчиной вырубались *«штуки»* из *«пудостского камня»* [известкового туфа] для возведения наружной колоннады, *«оболочки»* стен и наружных украшений храма. Добыча камня и изготовление наружного убранства начаты подрядчиками Бекреневыми и Копыловым, а

[469] Аплаксин А. Казанский собор в Санкт-Петербурге (1811–1911). Историческое исследование о соборе и его описание.– СПб., 1911. С. 18; РГИА. Ф. 817. Оп. 1. Д. 162. Л. 28.

[470] Шурыгин Я.И. Казанский собор.– Л., 1987.– С. 23; Булах А.Г. Казанский собор в Петербурге: каменный декор и его реставрация, 1801–2012.– СПб., 2012. С. 43–44.

затем продолжены хозяйственным способом под смотрением приказчика Суханова. По особому поручению графа А.С. Строганова каменотёсу была заказана пробная отделка шести пудостских колонн. Каждая из них вместе с капителью *«с грубой обтеской и положением на дело»* обошлась в 150 рублей, что в два раза меньше, чем у других подрядчиков. Признав эту цену умеренной, граф приказал обработать Суханову все 138 колонн, а также капители к ним[471]. Каждая колонна высотою 14½ аршина собиралась из 16 *«штук»* с прокладками из *«рольного свинца»* и отделывалась *«ложками»* [каннелюрами], а коринфская капитель вырезалась из одного куска камня[472]. В 1809 г. все колонны с капителями были поставлены перед северным фасадом собора, обращённым к Невскому проспекту.

В 1808 г. каменотёсы приступили к внутренней отделке собора. Весной Самсон дал подписку на выполнение *«своими рабочими людьми»* каменного пола с распиловкой, шлифовкой и полировкой и положением на место[473]. Мозаичные полы были выложены за 2 года из нескольких тысяч *«половых штук»* из тивдийского и рускеальского мраморов, шокшинского кварцита и шунгитового сланца.

Осенью того же года мастер подрядился на устройство из казённых мраморов двух клиросов, императорского и проповеднического места, а также ступеней из *«шокшинского камня»,* ведущих к ним и к алтарю[474]. Особенно нарядным получилось императорское место, украшенное с двух сторон двумя консолями в виде пышных завитков из акантовых ветвей. Над ним размещены карниз с *«порезками»* и фриз с *«арабеском»* с двумя фигурками херувимов. Также Суханову были заказаны три мраморные рамы на подкупольные столбы и проповедническое место[475]. В 1810 г. мраморные украшения были приведены к окончанию[476]. Помимо этого, им вытесаны аспидные доски и укреплены на них надписи из бронзовых *«литер»*[477].

В 1808–1810 гг. артелью Самсона Суханова были сработаны и установлены в концах крыльев наружных колоннад пьедесталы

[471] РГИА. Ф. 817. Оп. 1. Д. 685. Л. 2–5, 11.
[472] Аплаксин А. Указ соч. С. 19, 47–48.
[473] РГИА. Ф. 817. Оп. 1. Д. 688. Л. 24; РГИА. Ф. 797. Оп. 3. Д. 11789. Л. 70.
[474] Аплаксин А. Указ. соч. С. 36; РГИА. Ф. 817. Оп. 1. Д. 688. Л. 5, 10, 14, 44, 48.
[475] Аплаксин А. Указ соч. С. 36.
[476] Там же. С. 36.
[477] РГИА. Ф. 797. Оп. 3. Д.1 1789. Л. 8.

Императорское место в Казанском соборе

из сердобольского гранита, предназначавшиеся для огромных статуй архангелов Михаила и Гавриила[478].

Спустя 10 лет от закладки, 15 сентября 1811 г., Казанский собор был освящен. Самсону была пожалована золотая медаль на красной ленте с надписью *«За усердие»*. В представлении к медали перечислены его главные заслуги: *«С начала строения церкви находился при оной по части каменотесных дел прикащиком до 1809 года. А с того времени, как работы начали уже приводиться к окончанию, оную должность оставил. Однако ж занимался работами того же рода из мрамора для церкви потребными, принимая оные на свой отчет, и все оныя исправил с попечительностию и искуством, не смотря на умеренныя цены. А будучи при строении был первой прикащик по знанию его в работах, равно по верности и усердию в отправлении его должности, и, между тем, весьма много содействовал в постановлении на места колон гранитовых»*[479].

[478] РГИА. Ф. 817. Оп. 1. Д. 688. Л. 7, 35–36.
[479] РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 5679. Л. 116–116 об., 123.

Волею судьбы через четверть века Суханов вернулся к Казанскому собору. В 1834–1837 гг. им были вытесаны пьедесталы из гранита рапакиви для памятников русским фельдмаршалам М. И. Кутузову и М. Б. Барклаю-де-Толли на полуциркульной площади перед портиками Казанского собора. Это была последняя работа мастера.

Князь-Владимирский собор

В последующие годы после возведения Казанского собора каменотёс принимал участие в строительстве придела Святого Николая Чудотворца в Князь-Владимирском соборе. Сохранилось архивное дело, содержащее прошение купца Самсона Суханова Санкт-Петербургскому митрополиту Михаилу от 21 октября 1818 г. и Указ Консистории о понуждении церковного старосты Князь-Владимирского собора уплатить должные ему деньги. Как следует из прошения, по приказанию церковного старосты, действительного статского советника Федора Даниловича Иванова в 1809 и в 1816 гг. произвел Суханов *«при помянутом храме разных из дикого камня работ на четыре тысячи шестьсот двадцать рублей».* В приложенном *«щете»* указываются работы, сделанные его артелью: цоколь храма за 3000 рублей, ограда за 1000 рублей, «*сработаны дикого ж камня две тумбы за каждую по 150 рублей – 300».* Сверх того, работные люди Суханова *«перестилали и поправляли крыльцо поденщиной 80 дней за каждый день по четыре рубля итого – 320»*. В счёт этой суммы подрядчик получил только 1200 рублей. Прошение Самсона было рассмотрено, и, признав, что

«*церковная работа производилась по совести*», было предписано причту и старосте храма *«уплатить долг 3420 р. и отрапортовать»*[480].

Из биографического очерка о Самсоне Суханове, опубликованного П. П. Свиньиным в «Отечественных записках» в 1818 г., известно, что в 1817–1818 гг. сухановская артель выполняла каменные работы при возведении церкви иконы Божией Матери «Всех Скорбящих радость» и здания Духовной Академии. В очерке говорится: *«Прошлаго [1817 г.] года занимался он [Суханов] отделыванием каменной работы, т.е. колонн, баз и капителей для величественной церкви Всех Скорбящих и таковую же для огромнаго здания Духовной Академии у Невскаго монастыря»*[481].

История Скорбященской церкви восходит к петровскому времени. В 1711–1714 гг. в Петербурге был построен каменный дворец с домовой Воскресенской церковью для сестры Петра I Натальи Алексеевны. Храм приобрел большую известность благодаря чудотворной иконе Божией Матери «Всех Скорбящих радость». В 1816 г. был подан рапорт митрополиту Амвросию о ветхом состоянии здания с приложением проекта нового здания[482]. В январе 1817 г. Александр I утвердил план и фасад новой церкви[483]. Проект составил архитектор Луиджи Руска, а его помощник, Людвиг Иванович Шарлемань, подготовил чертежи[484]. Недавно опубликованная переписка Руски и Шарлеманя свидетельствует о том, что старший брат Людвига – архитектор Иосиф Шарлемань – был негласным соавтором проекта Руски[485].

Учрежденная Комиссия по построению храма немедленно приступила к работе. Здание старой церкви было разломано, а на его месте 20 июня 1817 г. митрополитом Амвросием был торжественно заложен новый храм[486]. Общий надзор за возведением храма осуществлял Л. Руска, а непосредственно вёл строительство Людвиг Шарлемань[487]. Из-за расстройства здоровья Руска в мае 1818 г.

[480] ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 17. Д. 460. Л. 2–3.

[481] Свиньин П. П. Приключения Суханова, рускаго природнаго ваятеля. // Отечественные записки.– Т. 1.– СПб., 1818. С. 219.

[482] Руднева И. Церковь Божьей матери всех скорбящих радость.– СПб., 1997. С. 8.

[483] Георгиевский Н. Г. Историко-статистическое описание Санкт-Петербургской Скорбященской церкви, что за Литейным двором.– СПб., 1866. С. 8.

[484] Там же. С. 8.

[485] Антонов В. Петербург: вы это знали? Личности, события, архитектура. М.– СПб.: Центрполиграф. 2012. С. 256.

[486] Георгиевский Н. Г. Указ. соч.– С. 8; Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии.– Вып. 5.– СПб., 1876. С. 261.

[487] Александрова Л. Б. Луиджи Руска. Л., 1990. С. 150.

навсегда покинул Россию, доверив своим родственникам, братьям Шарлеманям довести до конца начатые им дела. Сооружение храма шло быстрыми темпами, и 24 октября 1818 г. построенная церковь была освящена митрополитом Михаилом во имя чудотворной иконы Божией Матери «Всех Скорбящих радость».

Скорбященская церковь – единственная культовая постройка Руска, дошедшая до наших дней почти без изменений. Архитектор деликатно выделил и в то же время увязал храм с примыкающими зданиями, возведя его в виде куба, с высоким аттиком, увенчанным большим по диаметру, но уплощенным куполом на низком барабане. Внутри корпуса заключена ротонда – просторный круглый зал с 24-мя колоннами ионического ордера из искусственного мрамора. Главный северный фасад со стороны Шпалерной улицы оформлен портиком ионического ордера из 6 колонн, цельные базы и капители для которых высечены из *«дикого камня»* – гранита рапакиви Самсоном Сухановым. Его артелью возведены из кирпича сами колонны, вытесаны ступени лестниц перед двумя входами по сторонам портика, сложены из блоков основание портика и цоколь здания, а также вырублены небольшие пьедесталы для колонн внутри храма. Вероятно, мастером была высечена из *«пудостского камня»* по моделям С. С. Пименова скульптурная группа в виде двух ангелов с крестом над аттиком восточного фасада. Исследователь Е. В. Зайко полагает, что у П. П. Свиньина о Суханове они не указаны лишь потому, что сделаны позже выхода в свет его статьи[488]. По «Книге расчетов с подрядчиками» Самсону Суханову за произведенные работы начислено 11500 рублей[489].

В 1817 г. было начато строительство здания для созданной Санкт-Петербургской Духовной академии. В феврале 1817 г. план здания Кваренги и фасад Руска были высочайше утверждены. Комитет по построению Академического корпуса в апреле 1817 г. заключил контракты на поставку *«тосненской плиты»* и извести, а также договор с артелью каменщиков из 230 человек для построения здания[490]. 10 июня 1817 г. митрополитом Амвросием были совершены торжественная закладка дома с церковью в нем во имя Святых Двенадцати Апостолов и освящение места для будущего строения[491].

[488] Зайко Е. В. Вклад С. К. Суханова в строительство здания Санкт-Петербургской духовной академии. // Сборник статей по материалам научно-практической конференции, посвященной 250-летию великого русского каменотеса и ваятеля Самсона Суханова.– 10 июля 2018.– СПб., 2018. С. 83.

[489] ЦГИА СПб. Ф. 567. Оп. 2. Д.2. Л. 21.

[490] РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 5600. Л. 28, 29.

[491] РГИА. Ф. 802. Оп. 1. Д. 1887. Л. 64; РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 5600. Л. 42–42 об.

Летом сухановскими каменотесами был изготовлен цоколь здания. По смете предусматривался цоколь из *«тосненской плиты»,* однако из-за задержки доставки плиты по распоряжению архитектора вместо тосненского цоколя *«за недостатком сего материала и для прочности сделан под строение цоколь из гранитного камня»*[492].

В отчете Строительного комитета показаны следующие произведенные каменные и каменотесные работы: сложены из кирпича восемь колонн высотою в два этажа за 400 рублей; вытесаны базы из *«морского гранитного камня»* [гранита рапакиви]: восемь – под колонны за 250 рублей каждая, двадцать – под пилястры по 150 рублей и четыре по 75 рублей – для *«уголков»;* изготовлены цоколь, четыре крыльца со ступенями из *«дикого гранитного камня»,* лестницы внутри здания и проведена подземная каменная труба[493]. Вероятно, Самсоном Сухановым также высечены из *«пудожского камня»* скульптуры ангелов на фронтоне, зеркальные копии ангелов на церкви Всех скорбящих радость. За *«скульптурные работы из пудожского камня»* мастеру выдано 8000 рублей: из них за *«сделание группы, представляющей двух ангелов»* – 2800 рублей, за изготовление ионических капителей для колонн, пилястр и уголков – 5200 рублей[494].

«К осени того же 1817 года выведено все строение со сводами в 2-х этажах, а в 1819 году оно совсем окончено»[495]. В мае 1818 г. придворный архитектор Руска ушел в отставку и покинул Петербург[496]. Завершил отделку корпуса его шурин, Иосиф Иванович Шарлемань, работавший у него помощником. 26 августа 1819 г. митрополитом Михаилом были освящены домовой храм и здание. Позднее работными людьми Суханова была возведена ограда по проекту Шарлеманя.

Последним храмом, в сооружении которого участвовал Самсон, был Исаакиевский собор. 20 февраля 1818 г. Александром I утвержден проект нового, четвёртого по счёту грандиозного храма, подготовленный архитектором О.-Р. Монферраном, а 26 июля следующего года состоялась его торжественная закладка.

[492] РГИА. Ф. 802. Оп. 1. Д. 1887. Л. 85 об.–86, 162 об., 202 об., 203.
[493] РГИА. Ф. 802. Оп. 1. Д. 1887. Л. 86, 88, 90, 162 об., 190 об.–192, 203 об.–204.
[494] РГИА. Ф. 802. Оп. 1. Д. 1887. Л. 90, 163, 203–204; РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 5600. Л. 58 об.
[495] Родосский А. С. Биографический словарь студентов первых XXVIII-ми курсов Санкт-Петербургской духовной академии: 1814–1869 гг.– СПб., 1907. С. V.
[496] Антонов В. Указ. соч. С. 127.

В первоначальном проекте Монферран предусматривал поставить здание на гранитный цоколь, а наружную облицовку и церкви и колонны сделать из белого ревельского известняка[497]. Затем было решено огромные колонны на портиках выломать из гранита. Никто из промышленников, кроме Суханова, не отважился на столь рискованное дело. 27 января 1819 г. с ним был заключен контракт на изготовление и доставку 36 гранитных монолитных колонн *«каждую вышиной в 56 футов, толщиною около 6 футов с лишком»* в течение трех лет[498]. *«Первые опыты»* по выламыванию монолитов он производил в собственной ломке Вилькиля, а затем уже начал их добычу в казенной ломке Халнеми на северном берегу Финского залива. От 200 до 405 человек трудились в каменоломне, нанятые им в разных губерниях[499]. Для выполнения работ и содержания рабочих Самсон взял большую ссуду, заложив свой дом. К весне 1820 г. Сухановым выломаны по его способу 13 колонн в разной степени обработки, из них 11 в грубой обтеске были доставлены Сухановым безденежно на своих судах в Санкт-Петербург[500]. Современник Н. А. Бестужев писал об этом в журнале «Сын Отечества» в 1820 г.: *«Мы ищем удивительных вещей в чужих краях, с жадностию читаем древния истории, повествующия нам о исполинских подвигах тогдашней архитектуры, за каждой строчкой восклицаем: чудно! неимоверно!.. И проходим мимо сих чудных неимоверных колонн с самым обыкновенным любопытством. <...> Выламывает оныя купец 2-й гильдии Суханов в Фридрихсгамском уезде. Он одним опытом дошел до того, что может выламывать такой кусок камня, какой ему угодно, лишь бы толщина и длина слоя камня соответствовали требованию. Прежний способ рвать камни порохом опасен и для сего рода работ вовсе неудобен, и для сего Суханов выдумал способ раскалывать клиньями целые горы, как будто дерево; чему примером служат колонны Казанской и нынешния для Исаакиевской церкви им изготовленныя»*[501]. Однако, в дальнейшем, Комиссия по строению Исаакиевского собора нарушила контракт и передала подряд Архипу Шихину[502]. Причиной передачи было

[497] Никитин, Н. П. Огюст Монферран: Проектирование и строительство Исаакиевского собора и Александровской колонны.– Л., 1939. С. 273.
[498] РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 44. Л. 1 об.–4 об.
[499] Там же.– Л. 117–123, 125–134, 141–149.
[500] РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 44. Л. 179, 297; Серафимов В. Описание Исаакиевского Собора в С.-Петербурге, составленное по официальным документам.– СПб., 1865.– С. 28.
[501] Бестужев Н. Письмо к издателю «Сын Отечества».– 1820.– Ч. 65.– №44.– Отд. III.– Корреспонденция. С. 173–174.
[502] РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 44. Л. 196 об.

истощение ломки Суханова и удешевление вырубки монолитов Шихиным за счет более выгодного расположения его ломки и применения пороха.

На протяжении 1819–1821 гг. Самсон Суханов участвовал еще в нескольких небольших контрактах при возведении собора. Согласно договору от 21 декабря 1819 г. он поставил в Петербург на своих судах 54 кубических сажени гранитного камня, необходимого для кладки фундамента[503]. Для обтёски бутового камня при строении в Санкт-Петербурге каждою весною нанимал около ста каменотесов[504]. Для углов цоколя под колонны храма в 1820–1821 гг. Сухановым доставлены с собственной ломки 16 больших гранитных камней в грубой теске *«длиною и шириною по 1 сажени квадратной, вышиною 1½ аршина»*[505]. С мая до середины сентября 1821 г. вместе с Иваном Кореляковым и Тимофеем Афониным принимал участие в *«сломке купола и полуциркульных выступов старой церкви»*[506]. 13 июня 1821 г. Самсон заключил контракт на перекатку гранитных колонн *«своими рабочими людьми от пристани до места строения с заплатой по 1000 рублей за каждую перекаченную колонну»*[507]. К 15 сентября его артель перекатила 14 колонн[508]. 28 июля того же года Комиссией был заключен договор с купцами Самсоном Сухановым и Архипом Шихиным на поставку к строению двадцати гранитных баз под колонны. Каждый вытесал по 10 баз с заплатою по 1800 рублей с каждой базы[509].

Несмотря на выполнение этих подрядов, все причитающиеся Суханову суммы после расчета с рабочими были зачтены в уплату взятой им ссуды при заключении контракта на выломку колонн[510]. Мастер не смог возместить издержки после передачи его подряда другому, потерял купеческое звание, дом и впал в нищету. Об этом свидетельствуют трагические строки из архивного документа от 20 декабря 1826 г.: *«Комиссия, заключенный мною контракт вовсе нарушила, не дозволив мне в выломке всех 36-ти колонн и чрез то лишила меня 37 500 руб., а также не приняла от меня количества*

[503] РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 41. Л. 1, 3, 21–21 об, 24; РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 7. Л. 7–8.
[504] РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 42. Л. 3–4 об.; РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 94. Л. 2–4об., 27–28 об.
[505] РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 97. С. 2, 22.
[506] РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 124. Л. 12, 14–15, 24, 33 об., 42–42 об.
[507] РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 132. Л. 5, 12.
[508] Там же. Л. 13.
[509] РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 145. Л. 2.
[510] РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 94. Л. 29.

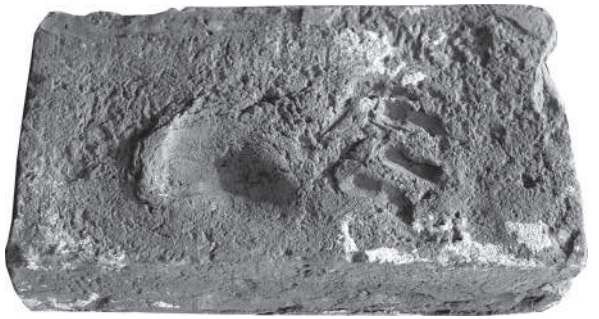
камня, заготовленного мною на основании условия 1819 года заключенного, от чего я принужден был войти в долг и разориться»[511]. Не имея средств для залога, в дальнейших торгах на работы по строительству храма он не участвовал.

Обосновавшись в Петербурге, каменотес не забыл о своей малой родине. Деревня Завотежица, в которой он родился, относилась к Евдскому Вознесенскому приходу. В Вознесенской церкви крестили, венчали и отпевали не одно поколение рода Сухановых; прадед и дед, отец с матерью и сын Самсона покоятся на Евдском погосте. Со временем старая деревянная церковь обветшала, и в 1810 г. на *«мирском»* сходе было решено *«...усердием приходских крестьян и боголюбца – бывшего приходского крестьянина, жительство имевшего в деревне Горчинской Самсона Ксенофонтова Суханова, записавшегося в столичном городе Санктпетербургским 2-ой гильдии купцом выстроить вместо деревянной каменную церковь во имя Вознесенья Господня с двумя приделами всю теплую на южной стороне во имя Василия Великого, на северной стороне – Сампсона Странноприимца»*[512].

В дневнике крестьянина Марка Витязева отмечено: *«Для работы кирпича выслано из Санкт-Петербурга купцом Сухановым довольное количество. Еще на окладку послано через почту 25 рублей по курсу...»*[513]. Кладка церкви началась в 1824 г. и из-за недостатка средств [Самсон Суханов не смог более помогать из-за своего разорения] растянулась на 5 лет. Построил храм Иван Дмитриевич Водолеев[514].

В «Клировой ведомости о церкви Вознесения Господня, что на Евде», за 1851 г. говорится: *«Построена церковь в 1828 тщанием Санкт-Петербургского купца Самсона Суханова половина, а другая прихожан и освящена в 1829 годе Сентября 25 числа... Зданием одноэтажная с двумя приделами и таковою же в одной связи колокольнею, повреждений никаких нет. Престолов в ней впереди на средине во имя Вознесения Господня»*[515]. Южный придел храма был освящён 27 сентября 1852 г. в честь святителя Василия Великого, а северный – 5 октября 1853 г. в честь Самсона Странноприимца, именем которого при рождении был наречён каменотёс Самсон Суханов[516].

[511] РГИА. Ф. 1311. Оп. 1. Д. 44. Л. 369–369 об.
[512] Древлехранилище ИРЛИ. Красноборское собрание. Ед. хр. 58. Л. 10 об.
[513] Там же. Л. 12.
[514] Там же. Л. 211.
[515] ГАВО. Ф. 496. Оп. 4. Д. 628. Л. 192.
[516] Древлехранилище ИРЛИ. Красноборское собрание. Ед. хр. 58. Л. 14–14 об.

Кирпич из руин Вознесенской церкви с отпечатками рук строителей

Время не пощадило каменный храм, частично превратив его в руины. До 1920-х гг. на его стене была прикреплена доска с надписью: *«Сей храм во имя Вознесения Господня был построен усердием приходских крестьян и боголюбца, тоже бывшего приходского крестьянина, а ныне санкт-петербургского купца II-ой гильдии, Самсона Ксенофонтова сына Суханова».* В 2008 г. мемориальная доска была восстановлена.

Ульянова Елена Софична,
ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет»,
г. Вологда

СЕМИОТИКА АРХИЕРЕЙСКОГО БЫТА: РЕКОНСТРУКЦИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО АРХИЕРЕЯ КОНЦА XIX ВЕКА

Изучение жизнедеятельности различных слоев российского общества – одна из актуальных задач исторической науки. В этом отношении представляет интерес изучение повседневной жизни высшего духовенства, вопросов, связанных с его материальным положением, кругом ежедневных обязанностей, бытом, отношениями с личным окружением.

При наличии различных подходов к определению быта мы руководствовались точкой зрения Ю. М. Лотмана. По его мнению, «быт – это обычное протекание жизни в ее реально-практических формах, быт – это вещи, которые нас окружают, наши привычки

и каждодневное поведение». Ю. М. Лотман также уточнял, что быт всегда находится в сфере практики и характеризуется преимущественным вниманием к материально-телесной стороне жизни. Быт является частью повседневности, которая охватывает всю жизненную среду человека и в равной степени включает в себя публичную и частную, личную и профессиональную, материальную и духовную стороны человеческой жизни[517].

История повседневной жизни высшего духовенства, вопросы, связанные с его бытом, являются на сегодняшний день малоизученными. Это связано в первую очередь с тем, что личная жизнь православного епископата и чёрного духовенства вообще, как правило, всегда оставалась и остаётся закрытой.

В литературе и публицистике конца XIX века сложился определённый «образ» архиерея. Для этого «образа» характерно несколько укоренившихся клише – строгость, жестокость, неприступность епископов, возвышенность их сана, дистанционность по отношению к семье, духовенству и пастве, оторванность от реальной жизни, затворничество архиерейского быта.

Сам статус архиерея определял его восприятие современниками. Епископ, в первую очередь, монах, что подразумевает закрытость его личной жизни. Жизнь монаха непубличная, закрыта от людских глаз. Совершенно иначе обстоит дело с монахом-епископом. Владыка, оставаясь монахом, являлся лицом публичным – его основная деятельность протекала «на виду» и поэтому, как правило, вспоминая архиереев, современники отмечали, как он служил церковные службы или говорил проповеди. То есть, при закрытости личной жизни его богослужебная деятельность была публична.

Возможность немного приоткрыть завесу над закрытой архиерейской повседневной жизнью дают нам сохранившиеся архивные документы.

В основу настоящего исследования положены следующие архивные документы: «Главная опись зданий и имущества Вологодского архиерейского дома 1884 года», хранящаяся в архиве Вологодского государственного историко-архитектурного музея-заповедника (ВГИАМЗ.– Ф. 1.– Оп. 2.– Д. 226.), и «Дело о смерти

---

[517] Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). Искусство – СПб, 1994. //Bookcafe.net. Электронная библиотека. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://bookscafe.net/book/lotman_yuriy__besedy_o_russkoy_kulture_byt_i_tradicii_russkogo_dvoryanstva_xviii_nachalo_xix_veka-211187.html (дата обращения: 13.12.2018).

Израиля епископа Вологодского и Тотемского и об оставшемся после него имуществе, и о назначении вместо него Вологодским епископом Антония», хранящееся в Государственном архиве Вологодской области (ГАВО. Ф. 496.– Оп. 1.– Д. 16663).

Особый исследовательский интерес для нас представляет «Дело о смерти Израиля епископа Вологодского и Тотемского и об оставшемся после него имуществе, и о назначении вместо него Вологодским епископом Антония». Уникальность этого документа заключается в том, что он содержит Духовное завещание почившего архиерея, опись его личного имущества (личные вещи, предметы интерьера, иконы, библиотека).

Анализ «Главной описи зданий и имущества Вологодского архиерейского дома 1884 года» позволил нам реконструировать социокультурное пространство как место повседневного пребывания епископа Израиля, охарактеризовать весь комплекс жилых и хозяйственных построек архиерейского дома, особенности интерьера личных комнат вологодского архиерея.

Условия проживания епархиальных преосвященных были различны. Так, Киевский митрополит проживал в доме, который был построен в 1731–1746 годах. На первом этаже находились прихожая, зал, гостиная, спальня, комнаты для эконома, послушников, садовника, баня, кухня, в подвале – каменный погреб. На втором этаже, куда вела парадная лестница, располагались передняя прихожая, лакейская и десять «чистых, раскрашенных с паркетным полом комнат».

В Ярославле под архиерейский дом был отдан Спасо-Преображенский монастырь. В распоряжении казанских архипастырей был ещё и загородный архиерейский дом. В Архангельске архиерейский дом не производил никакого впечатления: «неприглядное строение, большой сад, луг, корова пасётся… Ни фруктовых деревьев, ни клумб – ничего…»[518].

Местопребывание вологодских епископов – Вологодский архиерейский дом – представлял собой комплекс из 14 каменных зданий в самом центре Вологды. В их число входили: трёхэтажное здание, занимаемое епархиальным архиереем; здание Крестовой церкви, в котором также размещалась молельня и келья духовника епископа; двухэтажное здание, в котором размещалась кухня свечного мастера, мастерская свечного завода и квартира

[518] Конюченко А. И. Православное духовенство России во второй половине XIX – начале XX века.– Челябинск, 2006. С. 439.

секретаря епископа; здание упразднённой Христорождественской церкви; двухэтажное здание, занимаемое Вологодской духовной консисторией; здание Свечного завода; здание упразднённой Воздвиженской церкви.

Помимо архиерейских покоев и административных зданий, в комплекс зданий архиерейского дома входили различные хозяйственные постройки: ледники, кладовые, погреба, коровник, дровяник, каретник, конюшня и сеновал[519]. В хозяйстве архиерейского дома было четыре лошади и пять дойных коров.

Архиерейский двор был обнесён каменными стенами. Во дворе был разбит сад с двумя беседками и оранжереей, огород.

В каретнике архиерейского дома находились различные экипажи архиерея: 2 кареты, дорожный дормез, тарантас, пролётка на железном ходу, линейка на железном ходу, возок на рессорах, двое саней. В 1886 году с разрешения епископа Израиля у купеческой жены Серафимы Леденцовой архиерейским домом был куплен «фаэтон хорошей конструкции»[520]. Экипажи были необходимы епископу не только для перемещения по городу, но и для его ежегодных поездок по епархии. Маршруты его не ограничивались только близлежащими к епархиальному городу уездами, а проходили по всей обширной территории Вологодской губернии. В связи с этим необходимо отметить, что в описи главных вещей Вологодского Архиерейского дома 1884 года значится и ландкарта Вологодской губернии с показанием трактов, которая, конечно же, была необходима Преосвященному для составления маршрутов своих поездок[521].

Епископ Израиль жил в трёхэтажном здании, построенном в стиле барокко в 1764–1769 при Преосвященном Иосифе Золотом. На втором этаже размещались комнаты архиерея: спальня, кабинет, гостиная, столовая, парадная зала, общая приёмная зала, две келейные, парадные и чёрные сени. Стены комнат были оклеены обоями, полы были деревянными крашенными, потолки штукатуренными. Потолки парадной залы и гостиной были украшены живописью, а в столовой и келейных комнатах на потолках была лепнина.

Архиерейский дом отапливался печным отоплением. На первом этаже было три печи: голландская, очаг с плитой и духовым

[519] ВГИАХМЗ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 226. Л. 39.
[520] Там же. Л. 28.
[521] Там же. Л. 26.

шкафом и печь в бане. На втором этаже было семь печей: шесть голландских, три из которых были из белого изразца и две из цветного, и одна кирпичная лежанка. Третий этаж отапливали три голландских печи и три круглых железных. Таким образом, трёхэтажный архиерейский дом отапливался 16 печами.

Освещался дом свечами. Помимо функциональных медных и бронзовых подсвечников, в архиерейском доме были люстры, которые не только освещали, но и являлись украшением интерьера архиерейского дома,– «алебастровая, позолоченная, с десятью подсвечниками и хрустальная, с шестью подсвечниками, оправленная бронзой, с тремя позолоченными птичками, на медных цепочках»[522].

Стены комнат были оклеены обоями и украшены святыми иконами, портретами и картинами. Исследователь русского иконного дела в императорской России О.Ю. Тарасов отмечает, что сакрализация пространства иконами наблюдалась в России сквозь века и на самых разных социальных уровнях, иконы можно было найти не только в каждом доме, но и в любом общественном заведении. Безусловно, что иконы архиерейского дома отличались от икон крестьянского дома количеством, качеством и стоимостью[523]. Иконы были во всех комнатах архиерейского дома: и в гостиной, и в парадном зале, и в кабинете, и в спальне. Иконы были не только внутри архиерейского дома, но и снаружи над дверью. Икона преподобного Феодосия Тотемского, которого епископ Израиль считал своим особым покровителем, по его распоряжению была привешена над одним из входов в архиерейский дом.

Иконы архиерейского дома были различными по технике исполнения: писанные на холсте, писанные на доске, резные из кости, писанные на стекле, печатные, окладные. По сюжету это были иконы христологического ряда (Нерукотворный образ), богородичные (образ Смоленской Божьей матери, Всех Скорбящих радости, Владимирской Божией матери), иконы евангельского (Моление о чаше, Распятие Христа Спасителя, Снятие с креста Спасителя) и праздничного чина (Воскресения Христова, Рождества Христова).

На столах в гостиной и зале под стеклянными колпаками стояли резные фигуры из белой кости. В гостиной это были фигуры,

[522] ВГИАХМЗ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 226. Л. 17.
[523] Тарасов О.Ю. Икона и благочестие. Очерки иконного дела в императорской России.– М., 1995 г. С. 20.

изображающие «грехопадение Адама и Евы и изгнание их из рая», в зале – «Авраамово жертвоприношение сына своего Исаака».

Зал представлял собой целую портретную галерею: на стенах висели двадцать девять портретов бывших Вологодских архиереев, девять портретов лиц царской фамилии, портрет митрополита Киевского Евгения. На стенах в гостиной висели два портрета в золочёных рамах императора Александра III и один портрет его супруги Марии Фёдоровны. На столе в зале под стеклянным колпаком стоял бюст императора Николая I.

Украшением комнат архиерейского дома были зеркала и часы. Гостиную и зал украшали большие, «длины два с половиной аршина», зеркала в рамах из красного дерева[524]. В каждой комнате архиерейского дома были часы: стенные с курантами – в зале, стенные в футляре из карельской берёзы – в приёмной, столовые под стеклянным колпаком – в кабинете, дорогие английские с боем, в футляре из красного дерева – в гостиной[525].

В комнатах архиерейского дома размещалось много мебели для приёма посетителей – более двадцати кресел, несколько диванов, более тридцати стульев в зале и гостиной, тридцать венских стульев в приёмной, придиванные, обеденные столы и столы для закусок[526]. Вся мебель была сделана из дерева, чаще из берёзы, и разделана под политуру или орех, либо оклеена красным деревом или карельской берёзой.

Характерный для интерьера XIX века предмет мебели – ломберный стол – был и в архиерейском доме. Для отдыха Преосвященного имелось «вольтеровское кресло» с подлокотниками, подножием и местами для подсвечников. Этот предмет мебели также характерен для интерьера XIX века[527].

Преосвященный работал в кабинете, в котором размещался берёзовый письменный стол с зелёным сукном, покрытый лаком, два стула, оклеенные карельской берёзой, с мягкими подушками. На рабочем столе Преосвященного стояли небольшие столовые часы под стеклянным колпаком, хрустальные чернильница и песочница с медным прибором на мраморном подносе, небольшой фотографический портрет в дубовой раме его предшественника – архиепископа Казанского Палладия (Раева)[528].

[524] ВГИАМЗ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 226. Л. 13.
[525] Там же. Л. 14.
[526] Там же. Л. 8 – Л. 8. об.
[527] Там же. Л. 8 – Л. 8. об.
[528] Там же. Л. 7.

В кабинете имелась плевальница, окрашенная тёмной лаковой краской[529].

Одежда – особая культурно-семиотическая система. В этом контексте облачение священнослужителей представляет собой особый вид одежды, имеющий определённую семиотику и выполняющий чёткую идентификационную функцию.

Основными повседневными одеяниями духовенства и монашества всех степеней являются подрясник и ряса. В описи имущества епископа Израиля, составленной после его смерти, представлена его повседневная одежда. В гардеробе епископа Израиля было 23 рясы и 22 подрясника из различных материалов. Рясы и подрясники епископа были сшиты из достаточно дорогих материалов – шёлка, бархата, атласа, шерсти, драпа, кашемира, трикотажа. Поражает воображение цветовая палитра епископского повседневного гардероба. Архиерейские рясы и подрясники были лилового, малинового, синего, василькового, сиреневого, коричневого, зеленоватого, голубого, кофейного, шоколадного, горохового, гранатного и бронзового цвета. Интересно, что из всех 23 ряс и 22 подрясников только 2 рясы и 5 подрясников были традиционного для монашества чёрного цвета. Преобладают рясы коричневого и различных оттенков коричневого (шоколадный, кофейный) цвета и различных оттенков сиреневого цвета[530].

В числе головных уборов епископа были как монашеские головные уборы – клобуки и камилавки, так и светские головные уборы – чёрная норковая шапка и кунья бархатная шапка.

Помимо повседневной монашеской одежды – ряс и подрясников, гардероб епископа Израиля содержал такие «светские» предметы одежды как полотняные рубашки, трековые брюки, душегрейки, кальсоны, кашемировые жилеты.

Обуви, в отличие от одежды, у епископа было немного: две пары туфель для тёплого сезона, две пары смазных сапог для холодного времени года и по паре резиновых и кожаных калош.

Библиотека епископа Израиля включала 115 наименований книг, которые составляли в общей сложности порядка 182 томов. Тематика книг была разнообразной. Безусловно, большую часть составляли богослужебные, святоотеческие книги, агиографическая литература, книги по гомилетике, богословию и церковной истории[531].

[529] ВГИАМЗ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 226. Л. 15.
[530] ГАВО. Ф. 496.– Оп. 1.– Д. 16663.– Л. 78 об.– Л. 80.
[531] Там же. Л. 71.

Среди личных вещей епископа 5 пар очков (золотые и 4 пары металлических), две камышовые трости (одна с серебряным, другая с медным набалдашниками), ридикюль, саквояж чересплечный, бинокль слоновой кости с золочёным ободком.

Интересно, что в описи личных вещей епископа, оставшихся после его смерти, указаны восемь диванных подушек: шёлковые, шитые золотом, с вензелем, с кистями, шитые шерстью и бисером. К середине XIX века диванные декоративные подушки стали непременной частью жилого интерьера, в том числе и гостиных. Возможно, эти диванные подушки были подарками епископу от рукодельных вологжанок.

Таким образом, анализ имеющихся в нашем распоряжении документов позволил реконструировать социокультурное пространство, окружавшее Преосвященного Израиля, охарактеризовать весь комплекс жилых и хозяйственных построек архиерейского дома, особенности интерьера личных комнат архиерея, его гардероб, монашеские вещи. Стоит отметить неразделённость (нерасчленённость) официальной и повседневной жизни высшей церковной иерархии, отсутствие разделения на «службу» и «личную жизнь». В отличие от чёрного духовенства, представители белого духовенства всё-таки имели жизнь семейную.

Основой повседневного и годичного бытового цикла являлся богослужебный круг. Он обуславливал консервацию и сохранение в традиционном виде многих черт повседневного быта епископата.

Вологодские епископы жили в достаточно комфортной обстановке старинного архиерейского дома. Повседневную среду составляли предметы мебели, посуда, произведения искусства (кроме личных икон), экипажи, которые не являлись их личной собственностью. Личные же вещи состояли из одежды, облачений (ризы), обуви, денежных сумм, книг и икон. Все они по завещанию передавались в монастыри, храмы, благотворительные общества и родственникам. В этом смысле архиереи, при всей своей внешней представительности и церковной респектабельности, в известной степени исполняли иноческий обет нестяжания.

Даен Мира Евсеевна,
независимый исследователь, г. Вологда

«МЕЖ ПОРТРЕТОМ И ИКОНОЙ». ДВА ЦАРСКИХ ПОРТРЕТА XVIII ВЕКА ИЗ СОБРАНИЯ ВОЛОГОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА. ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Едва ли не самым распространенным и востребованным видом портрета в провинции Российской империи был исторический царский портрет. Его популярность обуславливалась конъюнктурным интересом со стороны верховных властных структур, стремившихся увековечить образы монархов, правящих задолго до современности, ибо в этом они видели и свой статус, и своё будущее предназначение. Презентовать образ справедливого правителя – своего рода, идеал для подражания,– эта задача ставилась в основу династических царских портретов в разных российских провинциях, особенно популярных во второй половине XVIII века. Известны целые династические галереи исторических портретов не только правящей династии Романовых, но также династии Рюриковичей и даже Новгородских правителей. Остатки таких портретных галерей сохранились в Архангельске, Костроме и других городах России. Но художник, выполнявший подобный заказ, сталкивался с определенными трудностями. Прежде всего, это иконографические противоречия: нехватка конкретных образцов для копирования. С другой стороны, искаженная информация о той или иной царственной особе, которая больше напоминала миф, рожденный разного рода слухами. В провинции часто такая информация нередко была совершенно далека от реальной действительности. Все это, в свою очередь, рождало почву для крайне приблизительной и противоречивой трактовки исторического портретного образа. Эти противоречия мы видим на конкретных примерах.

Так, в Вологодском государственном музее-заповеднике хранится реставрированный в 1980–82 годах реставратором О.М. Ревиным портрет Ивана Грозного с судебником. До революции портрет входил в экспозицию малого зала домика Петра Великого.[532] Холст, масло. 105×82,5. (Инв. ВОКМ 1588)

[532] Каталог домика Петра Великого.– Вологда, 1911.– № 8.

Портрет Ивана Грозного с судебником

Внизу справа на портрете сохранилась надпись свинцовыми белилами:

ЦАРЬ ІОАНН IV ВАСИЛЬЕВИЧЪ.

РОД: 1530 ГОДЪ. ЦАРЬ ОТЪ 1533 по 1584. КОПИРОВАНЪ ВЪ 1827 ГОДУ ДЕКАБРЯ 21-ГО ДНЯ ПО ПРИКАЗАНІЮ ПРИСУТСТВУЮЩИХЪ МЕЩАНИНОМЪ АНДРЕЕМЪ БЕРЕЗИНЫМЪ.[533]

Данный портрет прошел технико-технологическую экспертизу, в результате которой при микроскопическом исследовании эксперт Т.В. Максимова обнаружила, что надпись лежит поверх сильно разрушенного красочного слоя и нанесена была гораздо позже написания портрета. Свинцовые белила, которыми сделана эта надпись, местами нанесены поверх старого кракелюра, что говорит о позднем происхождении ее.

Технико-технологические исследования свидетельствуют, что *«картина написана на сшивном холсте, который состоит из трех кусков ткани, шириной 50 см каждый. В формате картины куски ткани расположены горизонтально. Два из них имеют ткацкие кромки, а третий – надставлен сверху на 20 см. Холст картины грубого полотняного переплетения, с плотностью нитей основы и утка: 7×7 на 1 кв. см. Грунт картины, состоящий из животного клея и мела, очень плотный, толстый и неэластичный. Он имеет светло-желтый цвет, который, по мнению исследователя, образовался за счет прохождения масляного связующего из красочных слоев. Рентгенографическая плотность грунта очень слабая».*[534]

[533] Андрей Березин – вологодский художник из рода Березиных, работавших в XVIII и в XIX вв. Упоминается в публикации: М.Е. Даен «Еще одно произведение художника Березина». // Памятники культуры. Новые открытия. 1998.– М.: 1999. С. 339–340.

[534] Отчет по результатам технико-технологических исследований Т.В. Максимовой за 2013 год. Архив ВГИАХМЗ.

Портрет написан в архаическом стиле, близком к иконописному, соответствующему многим произведениям, вышедшим из монастырских мастерских XVIII века. Иван Грозный одет в далматику рябиново-оранжевого с переливами цвета, на которой произвольно разбросан растительный орнамент в виде веток и цветов. На плечах бармы. В правой руке, с отставленным мизинцем, держит скипетр. В левой согнутой в локте, опирающейся на колонну руке развернутый белый свиток с надписью: *«Судебникъ»*. Той же левой рукой придерживает круглой формы яблоко, увенчанное крестом – символ державной власти. На груди крупный равноконечный крест. На голове шапка, составленная из двух корон с драгоценными каменьями и жемчугом, увенчанная крестом. Лицо и руки Ивана Грозного сильно стилизованы, светотень резкая, форма упрощённо-условная. Похоже, что в основе данной иконографии лежит поздний гравированный образец. Композиция достаточно сложная: поворот фигуры контрапостный – корпус и руки обращены в правую сторону, а лицо в левую.

За основу картины художник выбрал дидактический набор изобразительных средств, которые представляют образ царя Ивана Грозного не как грозного и свирепого кровавого тирана, каким его видели русские историки в XVIII–XIX веках (Карамзин, Ключевский, Соловьев и др.), а как справедливого законодателя и просветителя, своего рода «поборника правды». Об этом свидетельствует также специфический набор аксессуаров: свиток со словами «СУДЕБНИКЪ», на который указывает царь, скипетр в руке и т. д. Технико-технологические исследования показали, что портрет неоднократно поновлялся. Эти поздние поновления видны и на лице, и на фоне, и на одежде, а также на рентгенограмме. Однако изначальная дата портрета, вопреки указанным надписям, намного старше, как полагает Т. В. Максимова. Она не без основания относит его к XVIII веку, т. е. более чем на 50 лет старше указанной в надписи даты.

Данный портрет, как мы предполагаем, мог появиться в эпоху правления Екатерины II и развернувшейся в период ее правления законотворческой деятельности. Обращение к историческим персонам династии Рюриковичей для придания презентации власти, как полагают искусствоведы В. Г. Чубинская и Е. И. Ружникова, для этой эпохи весьма типично[535]. Эти тенденции проникали в самые

[535] Чубинская В. Г. К вопросу о жанровой специфике генеалогической персонографии. //Сборник научных докладов по материалам конференции «Новые открытия портретного искусства Северо-Запада XVII – начала XX века». Вологда / 2008. С. 30–37, Ружникова Е. И.: Династическая портретная галерея Архиерейского дома в городе Архангельске.– С. 38–45.

глухие уголки Российской империи и были востребованы не только в светской, но и в церковной среде.

Второй памятник той же эпохи – портрет великого князя Павла Петровича. Вторая половина XVIII века. Холст. Масло. 85×69,3. (Инв. ВОКМ 27937). Был вывезен 20 января 1898 года диаконом С. А. Непеиным от священника Ильинской Кубенской церкви Николая Богословского в Древлехранилище. До революции – музей Епархиального Древлехранилища[536]. Находился в реставрации с 2007 по 2015 год. Реставратор О. В. Карпачёва.

Портрет великого князя Павла Петровича

Иконография поколенного парадного портрета восходит к типу юношеского портрета вел. князя Павла Петровича художника П. Ротари. Однако она сильно модифицирована и отчасти похожа на парадный портрет великого князя Петра Федоровича – тип Г. Гроота, который находится в экспозиции музея (Иосифовский корпус). В нем абсолютно идентичны поза и поворот фигуры, жесты и регалии. Так, в правой руке Павла – императорский жезл, упираемый в постамент с темно-синей подушечкой, а левая – с отставленным указательным пальцем придерживает эфес шпаги. На портрете великого князя мы видим точно такой же набор царских регалий, что и на портрете Петра III: орденскую ленту и цепь ордена св. апостола Андрея Первозванного, звезду ордена на левой груди, на шее орден св. Анны I степени, горностаевую мантию, накинутую на красный кафтанчик, распахнутый впереди. Отсутствует лишь кираса и колет. Портрет почти аналогичен по композиции юношескому портрету Павла Петровича из Вологодского государственного музея-заповедника,

[536] См. Фонд Учетной документации ВГИАХМЗ. № 560. Л. 58–59.

ныне входящему в экспозицию парадных залов Иосифовского корпуса[537].

Однако, по сравнению с ним художественное решение данного портрета сильно архаизировано, напоминая по приемам исполнения парсуну: лицо плоское, как на иконе, и неподвижное, а композиция отличается строгостью простых лапидарных форм. Об этом свидетельствует также текстура полотна – грубый домотканый холст, имеющий узелки и утолщения, неровные негрунтованные кромки, толстый грунт, давший глубокие грунтовые трещины. Темный, почти безвысветленный, коричневый фон, перекрыт сверху серым цветом. Лицо великого князя, вероятно, пострадало от поздних промывок. На нем хорошо просматриваются нижние прописки: коричневатый (грунт?), сплошь перекрытый слоем свинцовых белил, отчего он приобрел тёмно-серый оттенок. В теневых частях лица использован этот темно-серый цвет грунта, который воспринимается как зеленоватый, по контрасту с насыщенной красной под румянкой губ и щек. Серый цвет использован также при написании парика и частично глазных яблок. Губы, крылья носа, брови, глаза имеют легкий светло-коричневатый абрис. Переходы от света к тени на лице резкие, возможно, от смытого верхнего красочного слоя и лака.

На портрете изменены индивидуальные черты Павла Петровича: например, нос выглядит удлиненным с легкой горбинкой и нависающим в виде капельки кончиком, с резко очерченными крыльями, а подбородок имеет слегка раздвоенную конфигурацию – все это делает его очень похожим на лицо отца. Обращают внимание большие широко открытые глаза, взгляд которых абсолютно неподвижен. В отличие от многих других аналогичных портретов Павла Петровича, на которых он представлен в меру своего возраста приветливым, сентиментальным и галантным подростком в духе сервильного светского этикета того времени, например, у Ротари, Антропова, Эриксена и других, образ Павла в интерпретации нашего автора наделен чертами строгой, почти сакральной серьёзности. Бледное, с яркими красными, как бы растянутыми губами и темными зрачками глаз, словно буравящими зрителя, оно напоминает маску, причем эта маска очень похожа на икону, а вместе с тем на покойного отца. Возможно, такая интерпретация импонировала всякого рода слухам, распространенным

[537] ВГИАХМЗ. (Инв. ВОКМ 8770). Х., м. 89×72. Реставрирован в 1978–82 годах О. В. Карпачевой под руководством реставратора Л. И. Яшкиной (ВНИИР).

в 70 годы XVIII века, об ожившей персоне Петра III, реинкарнированной якобы в образе его сына Павла. С именем великого князя, как известно, были связаны популистские надежды некоторых слоёв российского общества на справедливые реформы, на освобождение крестьянства от крепостного ига, на рыцарское правосудие и честь, и, надо полагать, представленный на портрете образ будущего правителя импонировал таким надеждам. Исторически это объяснимо.

Известно, что Вологодский край в XVIII веке был местом ссылки опального оппозиционного дворянства. Достаточно вспомнить, что в течение 20 лет в Вологде в правление императрицы Елизаветы Петровны отбывал ссылку сын полководца Бурхарда Фон Миниха граф Иоганн Эрнст Фон Миних с женой и семейством[538]. А позднее, после дворцового переворота в июне 1862 года, предок поэта К. Н. Батюшкова – в частности, отставной корнет Конной Гвардии Илья Андреевич Батюшков – родной брат его деда Льва Андреевича, был обвинен в причастности к заговору против императрицы Екатерины. (Точнее, это был не заговор, а просто пьяное хвастовство молодого офицера Опочинина на вечеринке, объявившего себя сыном английского короля и русской императрицы Елизаветы Петровны). Вскоре оба офицера по учинённому доносу были арестованы. Молодой корнет Илья Батюшков был сослан в отдаленную Мангазею (Сибирь), где он пропал без вести[539]. Эта опала не могла не повлиять на весь клан Батюшковых, она косвенно касалась всех его представителей, в том числе и отца поэта Николая Львовича Батюшкова, племянника Ильи Андреевича[540]. Невольно вспоминается стихотворение А. С. Пушкина: «Моя родословная»:

Мой дед, когда мятеж поднялся
Средь Петергофского двора,
Как Миних, верен оставался,
Паденью третьего Петра.

[538] Суворов Н. И. К истории города Вологды. О пребываниях в Вологде царственных особ и других замечательных исторических лиц. Граф Иоганн Эрнст Миних в Вологде. // Вологодские епархиальные ведомости. 1867.– № 13.– С. 494–495.

[539] Барсуков Александр. Батюшков и Опочинин. (Попытки дворянской оппозиции в царствование Екатерины II). // Древняя и новая Россия. Исторический иллюстрированный ежемесячный сборник. 1878 год. Т. III, № 12. С. 287–309.

[540] Кошелев В. А. Странствия и страсти.– М., 1987. «Современник». С. 9–12., Лазарчук Р. М. Батюшков и Вологодский край. Из архивных разысканий.– Череповец: Порт – Апрель. 2007. С. 60–61.

Попали в честь тогда Орловы.
А дед мой в крепость, в карантин.
И присмирел наш род суровый.
И я родился мещанин[541].

Руинированное состояние сохранности не позволяет полностью представить изначальный вид портрета. Многие детали сильно помыты или утрачены вследствие осыпей. Однако уцелевшие фрагменты говорят об оригинальном профессионализме художника. Например, заслуживает внимания интересная манера передачи муаровых переливов на сине-голубой Андреевской ленте в виде фактурных извилистых мазочков, нанесенных белилами кистью, которые выглядят прозрачными как водяные струйки. Также необычно в виде рельефных мазков выстроены фактуры кружевной отделки с помощью только белил различной плотности, или позумент отделки кафтана, нанесенный рельефными мазками густой коричневой краской с примесью охр. Интересен также абрис левой стороны корпуса фигуры и плеча, усиленный коричневатой лессировкой, который плавно переходит в предплечье, плечо и шею, не нарушая анатомического строения фигуры в целом. При этом колонна слева от фигуры великого князя предельно геометризирована и упрощенна. Она решена почти в два тона: коричневым и темно-серо-зеленым цветом с небольшими вкраплениями точечных светлых мазков, имитирующих структуру серо-зеленого камня. Эксперт, исследовавший портрет великого князя Павла, в частности Т. В. Максимова, отмечает высокий профессионализм в написании деталей костюма: *«Конструктивно и живописно (фактурным мазком) решены белые кружева. Алмазы изображены настолько умело, что создается впечатление яркого сияния света на их гранях. Красиво написана горностаевая мантия. Черные хвостики изображены мазком, а сверху нажимом кисти нанесены белила»*[542].

Вместе с тем портрет великого князя представляет значительный интерес как интереснейший памятник XVIII века, находящийся на грани портрета и иконы. В этой связи уместно упомянуть вышедшую в 2009 году книгу Я. Э. Зелениной о памятниках подобного пограничного происхождения: «От портрета к иконе», в которой подробно исследуется феномен перехода от конкретного физического образа человека на портрете к его духовному двойнику[543]. В таких случаях образ портретируемого постепенно сакрализуется, освобождаясь от конкретных возрастных рамок. В итоге художник отступает от реального понимания образа человека в созданном им портрете и тем самым переходит к внеличностному, вневременному его трактованию, которое имеет место в иконе. Отчасти, именно с таким явлением мы сталкиваемся на примере портрета неизвестного автора с изображением великого князя Павла Петровича из Вологодского музея-заповедника, который можно отнести к редким памятникам русского провинциального искусства XVIII века.

[541] Пушкин А. С. Моя родословная. // А. С. Пушкин об искусстве. Составление, предисловие и комментарии А. А. Вишневского. Т. 2.– М.: Искусство, 1990. С. 182.

[542] Цитирую отчет по результатам технико-технологических исследований портрета Т. В. Максимовой (РНИИК и ПН. им. Д. С. Лихачева) от 2013 года. Архив ВГИАХМЗ.

[543] Зеленина Я. Э. От портрета к иконе. Очерки русской иконографии XVIII – начала XIX века.– М: Индрик, 2009.

[544] Засодимский, П. В. Из воспоминаний.– М.: Типография Т-ва И. Д. Сытина, 1908. С. 2.

Лескова Ольга Владимировна,
ВООО «Клуб делового общения», г. Вологда

ХРОНОТОП ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В МЕМУАРАХ П. В. ЗАСОДИМСКОГО

В работе представлены результаты исследования мемуаров вологодского писателя и публициста П. В. Засодимского. Хронотоп Вологодской губернии является доминирующим в воспоминаниях писателя. В частности, и в ранних, и в поздних его мемуарах нашли отражение главные достопримечательности центра губернии. Автор-рассказчик является созерцателем вологодской жизни 1843–1892 гг. Описания культуры и быта Вологодской губернии наполнены историческими анекдотами, местными легендами и преданиями.

Имя Павла Владимировича Засодимского тесно связано с вологодской землёй. 1 ноября 1843 года будущий писатель и публицист родился в Великом Устюге в небогатой дворянской семье. Затем он с родителями и няней переехал в Никольск, «маленький, глухой городок, затерявшийся посреди лесов»[544], где и прожил девять лет. Несмотря на дворянское происхождение, Засодимский

был вольным ребёнком, дружил с крестьянскими детьми. С ранних лет Павел пристрастился к чтению. Он пишет в своих воспоминаниях: «Я очень скоро справился с азбукой, может быть, потому, что мне самому хотелось поскорее читать. Я любил рассматривать картинки в книгах, но для того, чтобы понимать их смысл, мне нужно было уметь читать. И я быстро научился читать,– и чтение сделалось с малых лет моим любимым занятием. Я читал много и без разбора, что попадалось под руку»[545]. В 12 лет юного Павла зачислили в дворянский пансион при Вологодской гимназии, откуда он иногда на каникулы ездил в Фоминское под Вологдой, родовое имение своего деда П. М. Засецкого.

Мемуары П. В. Засодимского состоят из двух частей, озаглавленных «Мои скитальчества» и «Из воспоминаний». Обе части вышли в свет в типографии Т-ва Сытина в Москве в 1908 году. В заглавии мемуаров слово «скитальчества» присутствует не случайно. Для автора – это не столько перемещение в пространстве, сколько поиски внутреннего «я». При этом само пространство, безусловно, занимает одно из главных мест в системе художественных координат его мемуаров.

Главный литературный топос, который возникает в системе художественных координат,– топос Вологодской губернии, представленный несколькими местностями: частично Великим Устюгом, более полно Никольском, Вологдой и Фоминским. В определении литературного топоса мы будем опираться на точку зрения М. М. Бахтина, который рассматривает топос как составную часть хронотопа, который в свою очередь понимается как «существенная взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе»[546]. Говоря о художественном пространстве, Бахтин отмечает, что в произведении оно тесно связано с движениями времени, сюжета, истории. Действительно, эта закономерность прослеживается и в мемуарах Засодимского: конкретное место будет всегда связано для автора с событиями, которые там происходили, с судьбами людей, живших там.

Эпическим произведениям присуща фрагментарность описываемого пространства, все перемещения в рамках места происходят посредством образа повествователя, который является посредником между описываемыми событиями и читателем. Художественное пространство всегда условно, поэтому его делят на «абстрактное и конкретное»[547]. Мемуары, в силу своего художественно-документального жанра, первоначально выстраиваются с опорой на конкретное пространство, которое не просто позволяет определить конкретное изображаемое место, но и активно влияет на смысл описываемых событий. В мемуарах Засодимского идет речь о Вологде и губернии, о её конкретных локациях (гостиница «Золотой Якорь», Соборная Горка, Дворянское собрание, Прилуцкий монастырь, вологодская гимназия, Заоникиевская пустынь, Фоминское, Никольск, Великий Устюг, Грязовец, реки Юг, Двина, Вологда и др.). Эти локации являются своеобразными декорациями для губернской жизни.

В части «Из воспоминаний» Засодимский достаточно подробно рассказывает о центре Вологды. Такое внимание объясняется двумя фактами: во-первых, тем, что вологодская мужская гимназия находилась практически в самом центре губернской столицы (современное здание второго корпуса ВоГУ на пересечении улиц Зосимовская, Ленина – бывш. Кирилловская, Галкинская); во-вторых, П. В. Засодимский приехал в Вологду в 1856 году уже в сознательном возрасте (12 лет) и пробыл здесь 7 лет. Здесь прошли его юность и ранняя молодость: «В феврале 1856 г. я поступил своекоштным воспитанником в так называемый дворянский пансион, находившийся при вологодской гимназии, и оставил его в июне 1863 г., по окончании гимназического курса. Таким образом, мое пребывание в этом пансионе охватывает период времени немного более семи лет»[548].

Переезд в Вологду в подростковом возрасте Засодимский воспринимает как новый, поначалу показавшийся трагическим, виток своей жизни: «Когда отец был в ополчении, на нашем семейном совете порешили, что меня пора отдать в гимназию (мне тогда было уже 12 лет), и мама отправилась со мною в Вологду. В гимназии при расставаньи я горько-горько плакал, повиснув на шее матери. Плакала и мама. Это была первая разлука и мои первые горькие слезы, горячие слезы, от которых надрывалась моя

[545] Засодимский, П. В. Из воспоминаний.– М.: Типография Т-ва И. Д. Сытина, 1908. С. 2.

[546] Бахтин, М. М. Формы времени и хронотопа в романе / Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. 234 с.

[547] Есин, А. Б. Время и пространство // Введение в литературоведение: Учебное пособие / Под ред. Л.В. Чернец.– М.: Высшая школа, 2004. 285 с.

[548] Засодимский П. В. Указ. соч. С. 61.

детская грудь...»[549]. Автор мемуаров подробно рассказывает о своей гимназической жизни, акцентируя внимание на здании учебного заведения и прилегающей к нему территории – это можно объяснить относительной закрытостью городского пространства для воспитанников. Центр Вологды у Засодимского – это подробный художественный образ, основанный на описаниях, построенных через призму авторского видения. Это губернская столица 50–60-х гг. XIX века. В воспоминаниях автора прослеживаются портреты дворянства и мещанства Вологды этого периода.

Воспоминания как жанр помогают Засодимскому субъективно оценить события, а автор-рассказчик, чья фигура является объединяющей для произведения, ведет активный диалог с читателем, дополняя его описаниями и развернутыми портретами горожан и исторических деятелей. Повествование о Вологде напоминает экскурсию, в течение которой рассказчик подробно останавливается на внешнем виде зданий, на облике людей, при этом иногда это полная панорама местности. К примеру, развернутым описанием в мемуарах обладает место, где располагалась вологодская гимназия: «Строители гимназии, говорят, хотели первоначально придать зданию вид буквы П, но, по недостатку денежных средств или по чему-нибудь иному, не достроили третьей стороны здания, и поэтому вместо П получилась несколько неправильная буква Г. Одной стороной гимназия наша выходила на улицу, а фасадом – на площадь, так называемый “плац-парад”, или “парадное место”, где происходили солдатские ученья и куда заходили иногда соблазненные зеленой муравой лошади и коровы. На противоположной стороне площади, <…> стоял (да стоит и поныне) губернаторский дом и рядом с ним духовная семинария. С третьей стороны площади некогда находилась гауптвахта, но в 60-х годах она за ненадобностью была уничтожена, и на ее месте воздвигнут деревянный сарай для городского театра. Высота здания, большие окна и фасад с колоннами придавали нашей гимназии весьма внушительный вид. При гимназии находился довольно большой, густой сад, бывший во владении директора, который, впрочем, им почти не пользовался»[550]. Засодимский раскрывает читателю виды Вологды – и простые, без прикрас, и торжественные, как, например, накануне приезда императора Александра II в середине июня 1858 года, но тоже пропитанные субъективизмом и иногда даже

[549] Засодимский П. В. Указ. соч. С. 60.
[550] Там же. С. 61.

сарказмом автора-рассказчика: «Город был великолепно иллюминован; на фасаде гимназии горел громадный транспарант с буквами А и М; вокруг плац-парада пылали смоляные бочки. Но иллюминация сгорела напрасно: государь не приехал в тот вечер».[551]

В описании Вологды, в особенности уже после окончания гимназии, после путешествий, автор любовно называет известные места столицы, снабжая их эпитетами или развёрнутыми описаниями, следовательно, изображённое пространство можно представить в схеме реального города.

В мемуарах, описывающих детство и отрочество, присутствует динамика описаний, читатель следует за автором-рассказчиком и видит окружающий мир через индивидуальные впечатления и переживания повествующего: «Я обошел поля, луга и долго бродил по лесу. Наш лес назывался Аникиевским, по имени разбойника Аники. В пяти верстах от нашей усадьбы находилась Зааникиевская пустынь, и в тихую погоду или при западном ветре до нас глухо доносился звон монастырских колоколов»[552].

Позднее, в дни приездов в Вологду после гимназии, характер описаний у Засодимского в основном статичен, событиен, описателен. Складывается впечатление, что автор-рассказчик застывает на месте и подробно описывает город, попутно вспоминая о событиях с разной отсылкой во времени. К примеру, в тексте «Моих скитальчеств» есть история о вологодской гостинице «Золотой якорь» и пожаре вблизи неё в середине октября 1891 года. Во многих описаниях присутствует элемент метафоричности, мифологичности, легендарности, однако он подкрепляется конкретными приметами и деталями, позволяющими узнать место или территорию.

С каждой описываемой местностью у автора-рассказчика ассоциируется определенный тип людей, при этом иногда говорится о социальной группе в целом, иногда – конкретно о человеке. Глава «В гимназии» посвящена не только описанию учебного процесса, территории и здания мужской гимназии, но и знакомству с личностями, имевшими вес в обществе – как вологодском, так и российском – в 50–60-х гг. XIX века. Подробную характеристику Засодимский даёт преподавателям гимназии, среди которых либеральный директор Аникита Семенович Власов, мелочно-взыскательный

[551] Засодимский П. В. Указ. соч. С. 84.
[552] Там же. С. 9.

инспектор Дмитрий Алексеевич Зяблов, учитель французского языка Карл Антонович Блез, учитель русского языка Михаил Николаевич Николенко и другие. Особое место в галерее личностей занимает Александр II. В тексте мемуаров подробно описано отношение к императору: «Личность покойного императора Александра II произвела на меня хорошее впечатление. Ни в его наружности, ни в обращении, ни в словах не чувствовалось ничего такого, чтобы внушало хотя бы малейший страх. Он говорил в то утро несколько охрипшим голосом, но в этом голосе слышались мягкие ноты. Скорби и разочарования, ожидавшие его в будущем, еще не успели в ту нору омрачить его молодого лица, и лицо его в то далекое июньское утро было так же ясно и светло, как светло было голубое небо, сиявшее в большие окна нашей залы...»[553]. В целом отношение к царской династии в семье Засодимского отличалось трепетом и теплотой: «В наших семейных воспоминаниях личности Александра I и цесаревича Константина Павловича всегда были окружены каким-то сияющим ореолом»[554].

Из сословий Вологодской губернии в своих мемуарах 1843–1892 гг. П. В. Засодимский обращает внимание на крестьянство (догимназический период), мещанство и дворянство (гимназический и поздний периоды). В семейной жизни вологжан существовали исключительно патриархальные нравы. За пределами губернской столицы преобладало крестьянство с характерным для Русского Севера укладом деревенской жизни.

В облике Вологодской губернии П. В. Засодимский видит искренность и чистоту традиций, он пишет о личностях в большинстве случаев с особой мягкостью и теплотой. Автор мемуаров «Из воспоминаний» и «Мои скитальчества», прожив на вологодской земле детские и юношеские годы, считает себя её частью, идентифицирует себя с этой территорией. Образ Вологодской губернии для П. В. Засодимского является ностальгическим и искренним.

[553] Засодимский П. В. Указ. соч. С. 85.
[554] Там же. С. 17.

Дубровская Елена Юрьевна,
Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН,
г. Петрозаводск, Республика Карелия

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 Г. И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА РУССКОМ СЕВЕРЕ В ВОСПРИЯТИИ УЧАСТНИКОВ И ОЧЕВИДЦЕВ СОБЫТИЙ*

Изучение периода революции 1917 года и Гражданской войны на Европейском Севере России принадлежит сегодня к числу наиболее актуальных проблем научных исследований. Особый интерес представляет изучение революции и Гражданской войны в отдельных регионах страны, в частности, анализ радикальных форм противостояния общественно-политических сил в среде горожан и в деревне с учетом специфики происходившего в Архангельской, Вологодской, Олонецкой губерниях в 1917–1920 гг., их причин, хода и последствий[555].

Важнейшей задачей историков становится изучение Гражданской войны в России как во многом уникального феномена не только отечественной, но и мировой истории во всей сложности и многогранности как общественно-политических, так и экономических, социально-психологических, социо-культурных, культурно-религиозных, духовно-нравственных, этнических процессов, конфликтов и расколов. Все это накладывало своеобразный «колоритный отпечаток» на вооруженное противодействие и многообразие его форм и участников.[556] В дискуссиях историков звучат призывы и предпринимались попытки раскрыть Гражданскую войну во всем многообразии ее связей с Первой мировой войной и предшествующим революционным процессом.[557] Это дает возможность взглянуть на события в северном крае сквозь призму «системного кризиса», формировавшегося на протяжении

* *Финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания КарНЦ РАН (0225-2018-0011).*
[555] См. новейшее монографическое исследование по этой проблематике: Голдин В. И. Север России на пути к Гражданской войне: Попытки реформ. Революции. Международная интервенция. 1900 – лето 1918.– Архангельск: САФУ, 2018. 623 с.
[556] Шумилов М. И. Октябрь, интервенция и гражданская война на Европейском севере России. (Историографический очерк).– Петрозаводск: ПетрГУ, 1992. С. 54–74.
[557] Голдин В. И. Россия в гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х – 90-е годы).– Архангельск: изд-во «БОРГЕС», 2000. С. 37–39.

предшествующих четырех лет мировой войны и десяти революционных месяцев 1917 года, кризиса, разрешить который мирными средствами оказалось невозможно[558].

Появившиеся в последние десятилетия публикации источников и монографические работы позволяют выделить новые сюжеты, подходы и оценки событий этого времени. Нельзя не согласиться с челябинским исследователем И. В. Нарским, отметившим среди результатов «принудительно-модернизационного опыта 1914–1916 годов» то обстоятельство, что русская армия воспитала множество врагов «устаревшего» сельского образа жизни. Фронтовики, мечтавшие в окопах отомстить тыловым «предателям» и «трусам», уже к началу 1917-го понимали восстановление справедливости как наведение порядка и принуждение «необстрелянных» соотечественников к дисциплине на военный лад. Инициированное ими превращение тыла во фронт вскоре отозвалось беспримерной жестокостью в отношении крестьянства в годы Гражданской войны и «военного коммунизма».[559]

Перспективным видится исследование комплекса аналоговых и контрастных характеристик «своего» и «чужого», мифов об этнической, региональной или национальной исключительности. Представляется интересным проследить, как шел процесс революционного мифотворчества и конструирования новой идентичности жителей Российской Карелии в раннесоветский период, в какой степени этот процесс носил характер «децентрализованного», исходящего «снизу», а также как создавался у авторов воспоминаний – участников и очевидцев событий революции и Гражданской войны – образ беспощадного противника, в том числе образ

[558] Дубровская Е. Ю., Кораблев Н. А. Карелия в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) СПб: Нестор-История, 2017. 432 с.; Егоров А. Н. Вологодские кадеты в 1917 году // Вологда. Вып. 1.– Вологда: ВГПИ,1994. С. 160–168; Наумова О. А. Крестьянство Вологодской губернии в послеоктябрьский период (1918–1921) // Великая российская революция 1917 г. в контексте региональной истории XX в.: матер. межрег. науч. конф. 27–28 октября 2016 г.– Вологда: «Вологодская типография», 2017. С. 116–127; Новикова Л. Г. Провинциальная «контрреволюция»: Белое движение и Гражданская война на русском Севере, 1917–1920.– М.: Новое литературное обозрение, 2011. 384 с.; Старостин С. И. «Красный террор» в г. Кириллове в 1918 г. // Великая российская революция… С. 138–150; Трошина Т. И. Великая война и Северный край: Европейский Север России в годы Первой мировой войны.– Архангельск: САФУ, 2014; *Она же.* Динамика и направленность социальных процессов на Европейском Севере России (первая четверть XX века).– Архангельск, 2011. С. 92–95, и др.

[559] Нарский И. В. «Я как стал средь войны жить, так и стала мне война, что дом родной…» Фронтовой опыт русских солдат в «германской» войне до 1917 г. // Опыт мировых войн в истории России. Челябинск: «Каменный пояс», 2007.– С. 488–502.

враждебной Финляндии. Изучение таких источников личного происхождения, создававшихся в 1930-е – 1950-е гг. по инициативе активистов истпарта или же записанных экспедициями собирателей фольклора в качестве «Рассказов о гражданской войне», целесообразно сопоставить с уникальными дневниковыми записями тотемского крестьянина А. А. Замараева за 1917–1920 гг.[560]

В переломные для Российского государства годы революции и Гражданской войны Север России оказался вовлечен в орбиту международной политики. Прежде всего, в сферу интересов Германии и Финляндии, а также Англии, Франции и Америки – недавних союзников России по антигерманской коалиции. С заключением в начале марта 1918 г. Брест-Литовского мирного договора между Германией и советской Россией последняя все же не осталась в стороне от продолжавшейся мировой войны. Поменялся ее противник, преследовавший свои интересы на Северо-западе бывшей российской империи – Великобритания, и вчерашние союзницы – страны Антанты – оказались врагами.

Для истории Карелии XX в. военная тематика остается одной из самых актуальных в силу геополитического фактора, поскольку пограничное положение края создавало предпосылки для вольного, а чаще – невольного участия населения в вооруженных конфликтах России с иностранными государствами. Это очевидно и для 1918–1920 гг., когда территория Карелии, как российско-финляндское приграничье, так и Карельское Поморье, перестала быть окраиной государства в прямом смысле слова, приобретая все более осознаваемое важное стратегическое значение для всей страны. Наряду с внутрироссийскими боевыми конфликтами различных характера и направленности (Красная Армия / белогвардейские войска Временного правительства Северной области в Архангельске или национальные формирования карелов / русские «красные» или «белые» части) Поморье, Обонежье и приграничные волости Карелии стали ареной внешней, союзнической и финской интервенции.

[560] Замараев А. А. Дневник тотемского крестьянина А. А. Замараева (1906–1922) / публикация В. В. Морозова, Н. И. Решетникова. М.: ИЭиА РАН, 1995. 260 с.; Коренева Н. И. Революционные события 1917–18 гг. в Тотемском уезде по материалам краеведческих периодических изданий и мемуарным источникам // Великая российская революция… С. 73–84; Морозов В. В., Решетников Н. И. Тотемский крестьянин А. А. Замараев и его дневниковые записи // Тотьма. Краеведческий альманах. Вып. 2.– Вологда, Русь, 1997. С. 247–250.

Региональный подход, применимый к изучению этих процессов на русском Севере, позволяет показать происходившее здесь как сложное переплетение различных вооруженных конфликтов и войн, которое способствовало резкому расширению масштабов, ожесточенности и продолжительности российской Гражданской войны.

В начале июня 1918 г. Верховный военный совет Антанты принял решение об интервенции на Севере, однако военные действия союзников на Мурмане летом 1918 г. знаменовали собой начало перехода от интервенции, формально объясняемой военно-стратегическими мотивами, которые проистекали из Первой мировой войны, «к антибольшевистским действиям, направленным на свержение советской власти», что «потребовало осуществления в северных губерниях комплекса мер, направленных на укрепление обороны и подготовку к отражению иностранного вторжения»[561]. Так, согласно дневниковой записи А. А. Замараева, от 24 июня (ст. ст.) Тотемский уезд был объявлен на военном положении, 26 июля (8 августа по н. ст.) он отметил: «город Тотьма и Устюг на осадном положении»[562]. Эта мера была принята в связи с высадкой англо-французскими интервентами десантных войск на севере России.[563]

Весной – летом 1918 г., на завершающем этапе мировой войны, после выхода из нее России и обретения независимости Финляндией, Карелия из тылового и относительно стабильного района начала превращаться в приграничную прифронтовую окраину, а в дальнейшем оказалась одним из первых очагов военной интервенции и Гражданской войны. В вооруженных столкновениях лета – осени 1918 г. прослеживается переплетение противоборствовавших интересов сторон – комбатантов продолжавшегося мирового конфликта, участников ожесточенных социальных битв и отягощенных опытом четырех лет войны карельских крестьян, которые по-разному решали вопрос о судьбе Российской Карелии[564].

[561] Голдин В. И. Север России… С. 554–555.
[562] Замараев А. А. Указ. соч. С. 448, 451.
[563] Край наш Вологодский.– Архангельск, 1982. С. 192.
[564] Подробнее об этом: Витухновская-Кауппала М. А. Гражданская война в Карелии в советской, российской и финской историографии // Финляндия и Россия: образы общего прошлого. Сб. статей.– Петрозаводск, 2014. С. 299–314; *Она же.* «Карелия для карел!»: Гражданская война как катализатор национального самосознания // Ab Imperio.– 2010.– № 4.– С. 245–282; *Она же.* Карелы на границе конкурирующих национальных проектов: социо-экономические различия российской и финляндской Карелий как фактор национальной политики // Ab Imperio.– 2003.– № 1.– С. 113–148.

В годы Гражданской войны у руководителей преобразований всех сторон жизни северной глубинки возникало немало иллюзий относительно скорого успеха будущего коммунистического переустройства планеты. Романтические мечты о мировой революции и всемирной «заре социализма», ставшие приметой времени, не обошли как большевистских губернских лидеров, так и простых горожан и сельских жителей. Однако в российском обществе, непоправимо расколотом революцией, вынашивались и другие идеи насчет будущего родины и способов восстановления утраченного прежнего порядка. Выражаясь образно, возвратившиеся из окопов солдаты Первой мировой приносили в родные места «войну на сапогах».

Так в эпоху, последовавшую за российской революцией 1917 года, часть Олонецкой губ. и западных волостей Кемского уезда Архангельской губ. (Беломорская Карелия и Карельское Поморье) оказались театром военных действий Первой мировой. Первая мировая и Гражданская войны, как и российская революция 1917 г., сыграли особую роль в становлении советской идентичности. Вот почему изучение представлений участников и очевидцев этих трагических событий о «Своих», «Чужих» и «Других» является весьма перспективным направлением в исследовании как границ Российской империи / советской России, так и механизмов конструирования общей памяти в многонациональном государстве.

Сегодня все чаще обнаруживается стремление исследователей, изучающих раннесоветский период российской истории, опираться на «живые свидетельства» прошлого, которые, конечно, уже не могут «представлять» видение времени из 1920–1930-х, но все же позволяют обратиться к «человеческому измерению» времени, увидев его в «антропологическом ракурсе». Примечательны в этом отношении воспоминания жителя г. Олонца Петрова о военном детстве, проведенном в одной из деревень Южной Карелии, поблизости от российско-финляндской границы. Спустя многие десятилетия, в 1970-х гг., он рассказал, как семилетним мальчиком оказался очевидцем непонятных для него частых ночных отъездов из дома его отца, охотника-любителя. Тот отлучался вместе с односельчанином-соседом и брал с собой ружье. После того как однажды отец привез мешок ржи, ребенку все же удалось добиться объяснения таких постоянных отлучек: «Вот что, сынок, мы живем недалеко от границы, там другое государство, и вот они приезжают сюда оттуда, везут разные тряпки, особенно курево и т. д., а от наших зажиточных крестьян берут хлеб, т. е. рожь,

которой у нас не хватает. Вот дядя Петя и устраивает захваты этих контрабандистов, а как оружия у нас нет, вот он меня и берет с собой с этим 12-ти калиберным, … вот мы их и пугаем, этих незваных заграничных гостей…»[565]

Воспоминания, которые условно можно сопоставить с материалами по «устной истории», свидетельствуют, что в обстановке катастрофической нехватки продовольствия в уездах Олонецкой губ., когда еще с 1917 г. здесь действовал запрет губернских властей вывозить продукты в соседнюю Финляндию, такие самочинные крестьянские меры по «восстановлению справедливости» все же оказывались поступками сомнительного свойства, и крестьяне это осознавали. Не случайно упоминание мемуариста о том, что «отец долго не хотел говорить» о характере своих поездок и уступил лишь тогда, когда сын «настойчиво не давал ему спокоя».[566] Однако в дальнейшем подобные акты, явно противоречившие представлениям мирного времени о законности, получали совершенно иную интерпретацию.

Дневниковые записи А. А. Замараева свидетельствуют о негативном отношении тотемских крестьян ко все чаще вторгавшемуся в их жизнь «человеку с ружьем». 4 (17) октября 1918 г. он отметил в дневнике: «Ездил с красноармейцами в Медведеву. Ездят с ружьями, как башибузуки»[567]. Незадолго до этого, в записи, сделанной в день Рождества Богородицы 8 сентября по старому стилю, которым автор дневника пользовался и после реформы календаря 1918 г., читаем: «издан декрет: убрать все иконы и религиозные украшения из всех казенных мест и не служить молебнов в учебных заведениях. Сюда, в Тотьму, дожидают 1½ тысячи латышских красноармейцев. Все сожрут»[568].

В начале 1919 года А. А. Замараев сделал запись о бедственном продовольственном положении в городе. «Сегодня ходил в город. Давали табаку в крестьянской потребилке по осьмухе на человека 1 руб. 25 коп., но народу много, не получил. Мясо все отправляют в Вологду. Здесь выдают только по фунту на человека в неделю, 2 руб. 10 коп. фунт. Крестьянам дают только головы, и то надо брать удостоверение в продовольственной управе, 1 руб. 50 коп.

[565] Петров. О двух дядях Петях // Научный архив Карельского научного центра РАН. (НА КарНЦ РАН). Фольклорная коллекция.
[566] Там же.
[567] Замараев А. А. Указ. соч. С. 458.
[568] Там же. С. 453.

фунт. Не мог даже нигде купить спичек. Горожанам дают муки 15 фунтов в месяц на человека, и то три раза в месяц по 5 фунтов на дачку. Да надо стоять два дня в очереди». На другой день он записал в дневнике: «Ушел утром рано, еще при огне, в свою потребилку. Там уже народу полная лавка, дают табак по осьмухе. Потом был в продовольственной управе, дали доверенность купить голову и хоть ног… Рыбы нет. У лавок очереди и хвосты. Привозного товару – дровни, кадочки и горшки»[569].

Стоимость осьмушки табака, так поразившая его в эти дни, в июне 1919 года поднимется до 40 руб., а через год до 300 руб. 30 января (12 февраля) 1920 г. автор дневника записал: «На заработки никто не ездит, денег никому не надо. Да за них ничего решительно не купить. Ничего в городе не стало. За февраль дали только спичек, на двух человек один коробок, а больше ничего. Сотни и даже тысячи рублей потеряли всякое значение. Картежники проигрывают и выигрывают по двадцать тысяч и по сороку, и не жалеют. Осьмуха табаку – 300 руб., соль – 400 руб. фунт»[570]. В ноябре 1919 г. Замараеву пришлось обменять воз дров за осьмушку табака и коробок спичек[571].

Разумеется, экспедиции собирателей фольклора и воспоминаний о происходившем в Карелии в 1917–1920-х гг. обращались к памяти лишь одной из сторон – к победителям, участвовавшим в революционных событиях и сражениях Гражданской войны. Среди них бывшие красные партизаны, красноармейцы и те из жителей приграничья, кто поддерживал советскую власть. Однако в их свидетельствах встречаются подробности, позволяющие обнаружить проявления не только идеологической памяти населения, но и памяти неотредактированной, иногда наивной, порой рефлексивной, рассудочной, нередко той, которую можно назвать «памятью сердца». Актуализировалось желание остаться в памяти «своих» соратников хотя бы даже ценой мученической гибели, сближавшей предвидение человеком собственной судьбы с традиционными представлениями о «святых» и «страстотерпцах». Судьба «маленького человека» оказывалась, таким образом, возвышенной до аналогий с главными святынями христианства, хотя декларируемый отказ от христианских ценностей вел к демонстрации «вседозволенности».

[569] Замараев А. А. Указ. соч. С. 458–459.
[570] Там же. С. 481.
[571] Там же. 476.

Семилетний Петров оказался свидетелем того, как в канун праздника Пасхи 1919 г., за день до вторжения в Южную Карелию финнских добровольческих отрядов, в одной из деревень красноармейцы-пограничники шумно веселились. Они составили оркестр из всего, что попалось под руку: гармошки, гитары, балалайки, «даже от печки взяли заслонку и начали играть, и такую шумную затеяли игру, что наш деревянный домик ходуном заходил, а я от радости кружился по полу как волчок». В ответ на увещевания бабушки, которая попыталась прекратить эту потеху, затеянную в Страстную Субботу, приятель автора воспоминаний – «дядя Петя» – парировал следующими словами: «Знаете что, старуха, у вас завтра Пасха, Исус Христос воскреснется, а нас наоборот, если что, мы никогда не воскреснемся, а люди, вот как твой внук, будут вспоминать, какие мы Исусы Христы».[572]

Неудивительно, что нарочитая демонстрация безразличия к отвергаемым духовным ценностям и неуважения к религиозным чувствам населения не добавляли авторитета сторонникам переустройства деревенской жизни в глазах взрослых. Как пишет Петров, «тут бабушка рассердилась, хвать меня за ухо», потащила «на второй этаж и бурчит: ты тоже хочешь быть такими антихристами, как эти?»[573]. Разделение земляков на «нас» и «этих», «своих» и «чужих» в условиях острейшего общественного противостояния было типично для обеих сторон. В воспоминаниях А. П. Поповой, матери расстрелянного в д. Нюхча председателя местного сельсовета Ивана Васильевича Попова, обращает на себя внимание рассказ о том, как она предостерегала сына от недовольства зажиточных односельчан его деятельностью: «Вот и дает мужицку записку, што пойдешь к богатому мужику, он даст жито тебе поле засеять, а я рассчитаюсь ему пшонкой. А им казалось мало пуд на пуд, дешево. Вот на него бранились и ворчали. Я ему и говорю: “Вот, Ваня, ты с бедным связался, а тебя богатые расстреляют”. А он: “Э, мама! Ты не дело говоришь. Полдела – кабы за бедных расстреляли, только бы не за богатых. Тогда бы был я памятником”. А я не спросила: “Ваня, каким бы ты был памятником?”. Вот теперь памятником и стал. Товарищи три раза в год ходят и поминают»[574]. Источник зафиксировал пример одновременного конструирования и последующей демонстрации как социальной

[572] Петров. О двух дядях Петях // НА КарНЦ РАН. Фольклорная коллекция.
[573] Там же.
[574] НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 26. Ед. хр. 86–118. Л. 232.

идентичности, которая, по наблюдениям Ш. Фицпатрик, означает отождествление себя с некоей группой или категорией, так и идентичности персональной, с целью «установить степень своей особости внутри категории»[575].

А. А. Замараев, отразивший, в отличие от авторов воспоминаний, настроения северного крестьянина непосредственно в момент написания дневника, свидетельствует о чувстве безысходности, общем для его земляков в период Гражданской войны и интервенции. В канун 1919 года он подвел горестные итоги года уходившего: «В этом году много неурядицы, большой голод и полная разруха во всем. Вольной торговли нет, купцы все нарушены в городах, а в деревнях у крестьян отобран хлеб и скот и взыскана контрибуция»[576]. Понятием «контрибуция», применимым к населению страны побежденного противника, тотемский крестьянин называет налоги на крестьянство, введенные советской властью. «К весне надо ожидать больше голода, хотя этот страшней непрошенный гость давно уже свирепствует сильно в больших городах, также и у нас»[577].

Последствия политики «военного коммунизма» для исторического развития северных губерний, как и всей России, не могут оцениваться лишь как результат исключительно вынужденных обстановкой военного времени введения большевистским правительством экономических элементов этой системы (продразверстка, централизация управления национализированной промышленностью, насильственная кооперация, уравнительное распределение, натурализация заработной платы, милитаризация труда и т. д.).[578] Политика и практика «военно–коммунистического» руководства деревней, исходившая из центра и осуществлявшаяся, главным образом, при помощи военного аппарата, порой приобретала в северной глубинке специфические проявления. Во многом они были обусловлены геополитическим положением и национальным составом населения Олонецкой, Архангельской и Вологодской губерний. Однако повсюду «военный коммунизм» был неотделим от характерного для всего общества особого психологического состояния, о чем свидетельствуют и многочисленные источники личного происхождения.

[575] Фицпатрик Ш. Срывайте маски!: Идентичность и самозванство в России.– М., 2011. С. 4.
[576] Замараев А. А. Указ. соч. С. 459.
[577] Там же. С. 460.
[578] Шумилов М. И., Шумилов М. М. История России. 1917–2000.– Петрозаводск, 2000. С. 115–116.

Синицына Дженни Петровна,
МБУК ««Бабушкинский районный исторический музей»,
село им. Бабушкина, Вологодская область

СКВОЗЬ ВЕКА: ОТ ЗЕМСКОЙ К СОВРЕМЕННОЙ БИБЛИОТЕЧНОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ. ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XXI ВВ.
(на примере Леденгской районной библиотеки)

Культура стоит на трех китах.
Это библиотеки, архивы, музеи.
Нельзя допустить, чтобы они исчезли.
Д. Лихачев

Моё исследование посвящено развитию библиотечного дела в Бабушкинском районе. История библиотечного дела в районе имеет вековой путь. От маленьких разрозненных изб-читален в начале века до нынешней централизованной библиотечной системы пройдено немало. Каждое время накладывает свой отпечаток на состояние фондов, интересы читателей, содержание работы.

Источниковую базу данного исследования составили воспоминания ветеранов библиотечного дела, архивные документы, фотографии из семейных архивов, краеведческие сборники, периодика, Интернет-ресурсы.

Сегодня, говоря о судьбе отечественной культуры и библиотечной науки, нельзя не вспомнить историю, традиции, которые складывались не одно столетие, условия, в которых формировались различные типы библиотек.

Широкое развитие библиотечного дела в России неразрывно связано с деятельностью земства. Первые более или менее систематические заботы земства об открытии народных библиотек совпадают с началом 1880-х годов, когда благодаря деятельности земской школы в селах и деревнях образовался достаточный контингент грамотных людей. Земство возлагало большие надежды на бесплатные библиотеки-читальни как на один из просветительных очагов в деревне. В ведении земства находились именно сельские библиотеки-читальни, т. к. все городские бесплатные библиотеки были открыты и действовали под эгидой просветительных обществ[579].

[579] Бесплатная народная библиотека в Вологде // Образование.– 1893.– № 7/8.– С. 76–77 (2-я паг.). О развитии библиотечного дела в губернии.

Еще в 1890-х годах XIX века земства Вологодской губернии приступили к устройству народных бесплатных библиотек и были, по словам вологодского чиновника А. А. Локтина, в числе передовых в направлении народного просвещения. В 1893 году губернское земское собрание постановило отпускать пособие в размере 50 руб. на каждый уезд губернии по представлениям губернских управ об открытии бесплатных библиотек[580].

Великий мыслитель и демократ А. И. Герцен писал, что библиотека – это «открытый стол идей, за которым каждый найдет ту пищу, которую ищет[581]».

В краеведческом сборнике «Развитие системы образования Бабушкинского района с начала XIX в. на начало XXI в.[582]» имеются сведения о том, что в 1871 г. 14 марта горнозаводская школа в селе Леденгском была преобразована в Министерское двухклассное училище. Содержалось оно на средства Министерства Народного Просвещения и располагалось в центре села на улице Церковной, позднее Садовой.

Небольшое одноэтажное деревянное здание на каменном фундаменте, крытое тесом, наверху – мезонин. В здании помещались 6 классов: 4 класса внизу, 2 класса вверху. А еще там были маленькая учительская, квартира учителя, библиотека, гимнастическая комната.

Публичная библиотека при земском училище предназначалась для всего местного населения. Фонд был невелик и состоял в основном из книг священного писания и духовно-нравственного содержания, художественной и познавательной литературы. Однако уже тогда библиотека не только служила подспорьем для учащихся, но и выдавала книги грамотным крестьянам, которых, вопреки устоявшемуся мнению, было немало в Вологодской губернии.

Начало создания библиотеки (решение земства об учреждении, работа по комплектованию, открытие для читателей) надо

[580] Локтин А. А. Народные библиотеки Вологодской губернии / А. Локтин // Рус. школа.– 1907.– № 9.– С. 137–150.

[581] Официальный сайт Муниципальное бюджетное учреждение культуры ЦБС для взрослых муниципального образования городской округ Симферополь Библиотека – филиал № 7 им. Т. Г. Шевченко. Афоризмы, цитаты, высказывания о библиотеке. [Электронный ресурс]. / URL: https://libsevchenko.nethouse.ru/page/193991 / (дата обращения: 18.12.2018).

[582] Развитие системы образования Бабушкинского района с начала XIX в. на начало XXI в. / совм. исл. работа А. Зайцевой, Е. Поляшовой, Е. Н. Зайцевой. – с. им. Бабушкина.– 2011.– с. 11.

Леденгское училище

считать, как предлагает профессор М.Я. Дворкина – от даты открытия[583].

5 октября 1892 г. *«с покорнейшим прошением»* в Тотемское уездное земское собрание обратился заведующий Леденгской бесплатной народной библиотекой, заведующий учитель Леденгского двухклассного мужского училища В. Пономарев. В нём он писал, что *«4 сего октября согласно приговора крестьян Леденгской волости от 29 июня 1891 года и воспоследовавшаго на то разрешения Его Превосходительства, господина Начальника губернии, 12 мая 1892 года открыта в селе Леденгск после совершения молебствия при многолюдном собрании обывателей бесплатная народная библиотека при местном волостном правлении, под моим заведыванием.*

Из отрадного этого факта видно, что у народа проявляется желание не забывать, а пополнять знания, приобретенные им в училище…

…А потому осмеливаюсь всепокорнийше просить почтенное земское собрание обратить внимание на начинающееся весьма полезное дело – открытие народной бесплатной библиотеки в селе Леденгск и

[583] Дворкина М.Я. Периодизация – это отражение сущностных изменений… / Библиотековедение. 2000.– № 3.– С. 96–100.

оказать материальную поддержку назначением какого либо пособия на приобретение книг для новой библиотеки, так как назначенная по приговору крестьян на библиотеку сумма 12 р. каждогодно, слишком ничтожна»[584].

Данное ходатайство было одобрено земским уездным собранием: *«Заявление учителя Леденгского училища Пономарева о назначении пособия на открытую в с. Леденгск при волостном правлении народную библиотеку. Собрание признавая устройство подобных библиотек делом крайне полезным для местного населения Постановили: отпустить в пособие Леденгской народной библиотеки на приобретение книг пятнадцать рублей»*[585].

Леденгская земская народная библиотека прошла сложный исторический путь развития. История развития библиотечного обслуживания населения в Леденгском (затем Бабушкинском) районе начинается с 4 октября 1892 г. Именно тогда в Тотемской уездной земской Управе возникла мысль об открытии земской народной библиотеки, которая стала первым учреждением культуры в районе. Первые 898 книг стали тем прочным фундаментом, на котором впоследствии появились многие тысячи новых книг, которыми сейчас обладает библиотека села и района. Без преувеличения можно сказать, что на протяжении многих лет районная Леденгская библиотека была «лучом света» в жизни тогдашнего села.

В 1902 году открывается Миньковская библиотека на средства умершего книгоиздателя Ф.Ф. Павленкова, при пособии от земства[586], а через три года – в 1905 г. открываются Харинская и Юркинская библиотеки[587].

К сожалению, начавшаяся Первая мировая война и последовавшая за ней революция неблагоприятно сказались на судьбе библиотек. Они перестали систематически финансироваться и пополняться новой литературой.

Народные библиотеки, помимо земств, могли открываться сельскими обществами, городскими думами, просветительными обществами, частными лицами и др. Народная библиотека не имела точного определения. Исходя из того, как земства устраивали такие библиотеки, народную библиотеку можно определить как

[584] Журналы Тотемского уездного земского собрания созыва 1892 г. (далее – ЖТУЗС).– Устюг: типогр. П.Н. Лагирева, 1893.– С. 40–41.
[585] Там же.
[586] ЖТУЗС за 1904 г. Тотьма: типогр. И.Я. Львова, 1905.– С. 561–563.
[587] ЖТУЗС за 1905 г. Вологда, 1906. С. 153.

библиотеку, предназначенную для крестьян, рабочих и мелких ремесленников. По мнению выдающегося русского библиотековеда Л. Б. Хавкиной, народные библиотеки – это «библиотеки с особой литературой, библиотеки для простонародья»[588]. Испытывая финансовые трудности и в то же время, стремясь собрать «под одной крышей» различные формы внешкольного образования, земства стали открывать народные дома. В 1910-х гг. получили распространение и избы-читальни. В отличие от обычных народных библиотек они имели в своих фондах преимущественно периодические издания[589].

В 1920-х гг. библиотеки перешли в ведение органов народного образования. Датой образования Леденгской (Бабушкинской) районной библиотеки считается 1922 год, когда в селе Леденгском было открыто культурно-просветительное общество «Народный Дом» и библиотека. Об этом пишет Н. Ильинский в сборнике «Леденгский курорт, его состояние и областное значение»: «просветительной деятельности на курорте, к сожалению, не видно. Газет и даже библиотеки до последних дней не было. В селе Леденгском имеется «Народный дом», где местными любителями устраиваются изредка спектакли и при котором имеется сносная библиотека»[590]. Книжный фонд в первый год существования библиотеки составлял 670 экземпляров.

В 1930 г. библиотека была переведена в здание церкви. В 1936–1938 гг. на библиотекарей была возложена ответственность за ликвидацию неграмотности. К середине 1930-х гг. улучшается общее состояние библиотечного дела в районе: выделяются деньги на покупку новых книг, увеличивается финансирование.

На основании Постановления ВЦИК от 30 июля 1931 года произошли административно – территориальные изменения в районе. В состав Леденгского района вошел Рослятинский район в составе Березниковского, Жубрининского, Подболотного, Рослятинского, Суминского сельсоветов. В 1935 году все вышеперечисленные сельсоветы вошли в состав вновь образованного Рослятинского

[588] Официальный сайт Российской национальной библиотеки. Земство и библиотечное дело: по материалам общероссийской печати 1864–1917 гг. [Электронный ресурс]. / URL: http://nlr.ru/res/epubl/zemstvo/preface.htm (дата обращения: 10.12.2018).

[589] Там же.

[590] Н. Ильинский. Леденгский курорт, его состояние и областное значение.– Вологда, 1923.– С. 10.

района. Соответственно библиотеки стали принадлежать Рослятинскому району[591].

В 1938 г. Леденгская библиотека разместилась в старом здании райпотребсоюза и обслуживала взрослое и детское население села.

В 1941 г. в Вологодской области происходят административно-территориальные изменения, затронувшие в том числе и наш район. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 4 марта 1941 г. Леденгский район переименован в Бабушкинский, а центр района с. Леденгское – в с. им. Бабушкина[592].

В **1945 г.** появляется отдел культурно-просветительской работы, который занимался работой клубов и деятельностью библиотек района. Ранее при отделах народного образования работали инспекторы по культпросветработе. Многое изменилось к лучшему в работе Бабушкинской районной библиотеки в послевоенное время. С каждым годом увеличивался фонд литературы, росло число читателей.

С 1 сентября 1946 г. заведующей библиотекой была назначена Таисия Степановна Юркина (Бабушкина)[593]. Из воспоминаний ветерана библиотечного дела: *«На первых порах работать было трудно, так как не имела специального образования (училась заочно в Великоустюгском библиотечном училище). Работа в основном сводилась к выдаче книг. Книжный фонд был очень маленький, но читателей шло много: взрослых и детей. Хорошим подспорьем в работе были периодические издания, их выписывали в достаточном количестве. Райком партии и райисполком оказывали необходимую помощь. Много времени отнимали командировки (в то время в штате библиотеки были два работника), но спрашивали строго за все: за количество читателей, за книговыдачу, за проведение мероприятий. Выдача общественно-политической и сельскохозяйственной литературы была на особом контроле»*[594].

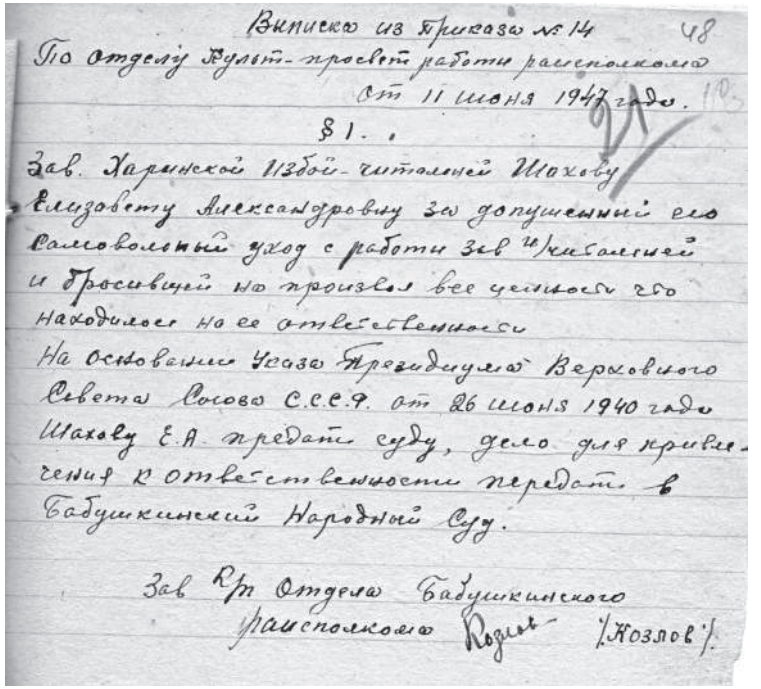
Большая была текучесть кадров в избах-читальнях. В основном увольняли за недостаточный образовательный уровень (у многих

[591] Книга Памяти Вологодской области: в 30 т./ В. В. Судаков [и др.]. Вологда: Вологод. ИПКИППК, 1989–1995. Бабушкинский район.– 1995.– С. 393–394.

[592] Там же.

[593] Приказ № 20 по Культпросветотделу Бабушкинского райсполкома от 1 сентября 1946 г.

[594] Бабушкина Т. С. Воспоминания о библиотечной работе: Интервью с ветераном библиотечного дела Т. С. Бабушкиной / записала Д. П. Синицына, с. им. Бабушкина.– 2010.– 08 сент. Архив автора.

Выписка из приказа № 14 48

По отделу Культ-просвет работы райисполкома

от 11 июня 1947 года.

§ 1.

Зав. Харинской избой-читальней Шохову Елизавету Александровну за допущенный ею самовольный уход с работы зав и/читальней и бросившей на произвол все ценности что находилось на ее ответственности

На основании Указа Президиума Верховного Совета Союза С.С.С.Р. от 26 июня 1940 года Шахову Е.А. предать суду, дело для привлечения к ответственности передать в Бабушкинский Народный Суд.

Зав Кр Отдела Бабушкинского райисполкома (Козлов)

Выписка из Приказа № 14 от 11 июня 1947 г.

не было среднего образования). Очень строгой была дисциплина. Так, например, за самовольный уход с работы дело передано в народный суд для привлечения к уголовной ответственности[595].

В 1950-е гг. растет количество клубов и библиотек. На базе избчитален стали открываться государственные массовые библиотеки в каждом крупном населенном пункте района. Библиотечная система совершенствовалась, расширялись штаты, пополнялись книжные фонды.

В середине **1950-х гг.** районная библиотека, наконец, получила свое здание, хоть и не типовое, но светлое и уютное.

5 августа 1955 г. в райцентре по решению райисполкома открыта **детская библиотека**, которую возглавила М.А. Митюкова. Мария Александровна рассказывает, что *в библиотеке было очень*

[595] Выписка из приказа № 14 по отделу Культпросветработы райсполкома от 11 июня 1947 г.

холодно, чернила замерзали. Выданную литературу в формуляры приходилось записывать карандашом, а новую литературу для обработки возили на саночках домой. Оборудование библиотеки было самое скромное. Печки топить было нечем: не было дров. Приходилось самим (мне и техничке) ездить в лес на лошади и заготовлять дрова. Но, несмотря на холод, старалась работать хорошо[596].

Из воспоминаний ветерана библиотечного дела Галины Николаевны Мезеневой: «*...В те далёкие пятидесятые годы в селе им. Бабушкина была одна районная библиотека по обслуживанию взрослого населения и детей, занимая две комнаты в старом здании Дома культуры на берегу реки Леденьги. В одной из комнат размещался восемнадцатитысячный книжный фонд библиотеки. Другая являлась отделом выдачи книг и читальным залом, где читатели имели возможность познакомиться с новыми журналами, газетами. Условия работы были сложные. Зимой в библиотеке был ужасный холод, замерзали чернила. Работали в пальто. Несмотря на тесноту, холод библиотека гостеприимно встречала своих читателей. Читателей было много. В библиотеке не было каталогов и картотек. Всё пришлось создавать самим. Это большая, трудоемкая работа, требующая профессиональных знаний, времени. Составляя каталоги, мы приходили на работу и в выходные*»[597].

В 1960-е гг. произошли в Вологодской области очередные административно-территориальные изменения, затронувшие в том числе и наш район. На основании Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 12 ноября 1960 г. в связи с ликвидацией Рослятинского района часть его территории вошла в состав Бабушкинского района.

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 13 декабря 1962 г. Бабушкинский район был упразднен с передачей его территории в состав Тотемского района, а, значит, библиотеки стали принадлежать Тотемскому району.

4 марта 1965 г. был вновь организован Бабушкинский район. Кроме того, в его состав были зачислены Крутецкий и Подболотный сельсоветы из Никольского района[598]. В шестидесятые годы

[596] Митюкова М.А. Воспоминания о библиотечной работе: Интервью с ветераном библиотечного дела М.А. Митюковой / записала Д.П. Синицына, с. им. Бабушкина.– 2018.– 02 дек. Архив автора.

[597] Официальный сайт Бабушкинской межпоселенческой централизованной библиотечной системы [Электронный ресурс]. Режим доступа:http://babush-biblio.vlg.muzkult.ru/ (дата обращения: 10.12.2018).

[598] Книга Памяти Вологодской области: в 30 т./ В.В. Судаков [и др.].– Вологда: Вологод. ИПКИППК, 1989–1995. Бабушкинский район.– 1995.– С. 393–394.

Слева направо: В. Шипицына, Т. С. Бабушкина, М. А. Митюкова

библиотекари проводили большую работу по пропаганде книги среди населения. Работали под девизом: «Книгу – в каждый дом», «Книгу до каждого грамотного».

Постепенно библиотечное дело в районе развивалось, поднималось на более высокий уровень. Благодаря трудолюбию, самоотверженности, преданности своему делу работников районной библиотеки, ныне ветеранов библиотечного дела (некоторых из них, к сожалению, уже нет среди нас) библиотека стала для населения центром досуга и отдыха, а работники – неизменными помощниками учащимся школ, студентов, всех читателей библиотеки в получении нужной информации и необходимых знаний.

В 1975 г. в селе открылся новый Дом культуры, и библиотека заняла помещения второго этажа: абонемент, читальный зал, отдел комплектования и обработки, методико-библиографический отдел.

Одна из важных вех в истории библиотечного дела – централизация библиотек. **20 марта 1979 г**. в районе создается единая централизованная библиотечная система (далее – ЦБС). На момент объединения в ЦБС в районе действовали 20 сельских библиотек. Районная библиотека получила статус центральной. Цель этого объединения – улучшение обслуживания населения книгой, которое позволило любому читателю из любой деревни или села пользоваться книгами из фондов любой библиотеки района,

рациональное использование отпускаемых средств, проведение единой систематизации, комплектования и обработки фондов. В результате централизации было утверждено типовое штатное расписание ЦБС. Впервые в номенклатуру должностей были введены должности специалистов: библиографа, методиста, редактора, установлены новые формы нагрузки на одного работника для отделов обслуживания, для отдела комплектования и обработки литературы, методико-библиографического отдела.

1980-е гг. Перевод фондов и каталогов библиотек на новые таблицы ББК[599]. Работа очень кропотливая и трудоемкая, поэтому для выездов в сельские филиалы по оказанию практической помощи сельским библиотекарям привлекались работники всех отделов. Работали, не считаясь с личным временем, хотя у многих были семьи, личное хозяйство. Ввиду плохих дорог и большой отдаленности от райцентра выезжали рано утром, а домой возвращались порой ночью. В маленьких отдаленных деревнях в филиалах наблюдалась большая текучесть кадров. Работники районной библиотеки выезжали на попутном транспорте на несколько дней с ночлегом на проверки – передачи книжных фондов.

В 1983 г. был закрыт Тереховский сельский филиал из-за непроезжей дороги. Летом туда можно добраться только на гусеничном тракторе, а зимой на лыжах. Жители стали выезжать на центральные усадьбы, сельский совет был ликвидирован.

В период с 1983 по 2005 год ликвидировано 5 сельских библиотек по той же причине, что и Тереховский филиал. Жители деревень обслуживаются посредством передвижек, пунктов выдачи и книгонош.

1990-е гг. – тяжелые годы перестройки. Создание нового государства. Финансирование библиотек находилось на очень низком уровне. Закрывались библиотеки, но надо отметить, что в 1990-е гг. в состав ЦБС вошли также и бывшие профсоюзные библиотеки: Зайчиковская и Берёзовская.

ЦБС не выделяли финансирование для комплектования фондов, не было средств на хозяйственные, канцелярские расходы. Для привлечения дополнительных средств в библиотеках стали открываться платные абонементы, начало было положено работниками центральной районной библиотеки. Ходили по всем организациям села и просили оказать спонсорскую помощь для оплаты подписки периодических изданий, проводили акции

[599] Библиотечно-библиографическая классификация (далее – ББК).

«Подари книгу библиотеке» практически во всех филиалах. Работники библиотек – народ неунывающий, всегда живут и работают с верой в будущее.

2000-е гг. В рамках областной целевой программы «Развитие библиотечного дела в Вологодской области» кроме комплектования и обновления компьютерного парка было предусмотрено приобретение автомашины «Газель» для поддержки службы внутрисистемного книгообмена.

На момент вступления в силу ФЗ № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления» в 2006 г. в районе отмечена слаженная работа коллектива библиотечной системы. Главы вновь образованных поселений приняли решение о передаче полномочий по библиотечному обслуживанию населения на районный уровень. Усилиями районной администрации, управления культуры и директора ЦБС единая библиотечная сеть была сохранена.

В рамках реализации федерального закона от **08 мая 2010 г. № 83** на местном уровне в отношении МУК «Бабушкинская МЦБС» был принят новый тип библиотечного учреждения – **казённые**[600] (муниципальным казенным учреждением культуры стала Бабушкинская МЦБС)[601].

Большим событием для Бабушкинского района стало проведение на базе МУК «Бабушкинская МЦБС» 14–19 февраля 2011 г. межрегиональной первой Зимней школы «Усолье: зимняя обучающая школа сельских библиотекарей», организованной Вологодской областной универсальной научной библиотекой им. И. В. Бабушкина и Областным научно-методическим центром культуры и повышения квалификации. В ней приняли участие 30 специалистов сельских библиотек из Вологодской, Мурманской и Московской областей.

В связи с тридцатилетием создания централизованной библиотечной системы в Бабушкинской районной библиотеке в августе 2009 г. прошла праздничная встреча библиотекарей и друзей библиотек. Тогда все библиотекари объединились в единый коллектив.

К сожалению, в период **с 2007 по 2015 год** ликвидировано ещё 6 сельских библиотек-филиалов. Они были сокращены в связи с уменьшением числа жителей на территории данных населенных

[600] Постановление администрации Бабушкинского муниципального района от 16 декабря 2011 г.– коллекция № 658.

[601] Межпоселенческая централизованная библиотечная система (далее – МЦБС).

30 лет ЦБС. 2009 г.

пунктов. В райцентре произошло объединение детской и взрослой библиотек. Сейчас при Бабушкинской районной библиотеке находится детский отдел. В настоящее время в библиотечную сеть района входят Бабушкинская центральная районная библиотека и 8 сельских филиалов.

Отрадный факт: впервые за последние два-три года ни один работник не был уволен по сокращению штата, но вызывает тревогу и то, что с целью увеличения показателя среднемесячной зарплаты библиотечные работники переведены на неполный рабочий день (0,25, 0,75; 0,5 ставки), что не может положительно сказаться на показателях и качестве работы.

В процессе исследования была изучена только часть истории возникновения и развития районной библиотеки: от избы-читальни до современной библиотеки с её неисчерпаемым информационным потенциалом и доступом в Интернет.

Несмотря на большую популярность электронных книг, человек всегда будет нуждаться в печатном издании. А тот, кто любит книги, тот всегда будет любить и библиотеку. Поэтому я уверена в том, что библиотекарям есть к чему стремиться.

Я считаю, что будущее библиотеки невозможно без её прошлого. Сохраняя память о её истоках, используя традиционные формы обслуживания читателей, внедряя инновации, мы никогда не забываем, что наши библиотеки уникальны не только своими фондами, но и особой духовной средой, атмосферой, которая формировалась на заре века и поддерживается в настоящее время.

История Бабушкинской районной библиотеки не прервалась, она продолжается.

Выражаю искреннюю признательность историку Д. А. Пшеницыну за предоставленную информацию для моей работы.

Якушева Людмила Алентиновна,
ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет»,
г. Вологда

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТВОРЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ: ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ СЮЖЕТЫ ВОЛОГДЫ И ЯРОСЛАВЛЯ

Данная статья посвящена рассмотрению современного литературного процесса в провинции. Речь идет об условиях, в которых находится провинциальный писатель, проблемных зонах современной социокультурной среды, а также об успешных литературных проектах, осуществленных в Вологде и Ярославле за последние три года: «Том писателей», литературная резиденция «Дом Дяди Гиляя», «Кит умер».

Жизнь в провинции априори предполагает удаленность, ослабленную пассионарность, историческое и временное запаздывание. В силу этих объективных «исходных данных» провинциальный художник вынужден все время преодолевать, догонять, соответствовать, а в итоге – в качестве доказательства своей состоятельности и успешности – перемещается в столицу либо становится узнаваемым «лицом» местной элиты. Сами обстоятельства жизни на окраине создают для творческой личности дополнительную мотивацию и стимулы, пробуждая «право на биографию» (Ю. Лотман) и, одновременно, формируя предубеждения и комплексы. Социокультурные и психологические провинциальные координаты, отдельные феномены, провинциальный «фон и фигура» неоднократно становились поводом научного и художественного осмысления, в том числе научной культурологической школой Т. С. Злотниковой (Ярославль). И, тем не менее,

провинциальная культура продолжает оставаться, в определенном смысле, terra incognito. В данном случае хотелось бы обратиться к современным реалиям бытования и актуализации литературного творчества в Вологде и Ярославле.

Прежде всего, тезисно определим проблемное поле, которое определяет условия существования литературного процесса в провинции:

– отсутствие консолидированной профессиональной творческой среды. Многолетнее противостояние двух основных писательский союзов (союза писателей России и союза Российских писателей) привело к формированию такой общественной репутации, которая отрицательно сказывается не только на взаимоотношениях с властными структурами, но и на имидже писательских организаций в общественном сознании в целом;

– интеллектуальная прослойка в провинции малочисленна, разобщена, существует по «цеховому» принципу. Писатели, достигшие профессионального уровня, следуют определенной конъюнктуре столичных журналов, сообществ, конкурсов;

– общественное мнение в провинции формируется стихийно. Провинциалы больше, чем следовало, ориентированы на известное, устоявшееся, зарекомендовавшее себя;

– личностный опыт, миссионерский посыл и служение, как правило, остаются в провинции не востребованными; писатели, библиотекари, культуртрегеры оказываются маргиналами, чья деятельность не имеет ни идеологической, ни финансовой поддержки, а кроме того, лишена этического оправдания своего существования в современном сообществе;

– тем, кто отвечает за культурную политику и массовые мероприятия (чиновники департаментов и отделов культуры), «проще» обращаться к творчеству почитаемых, а не читаемых авторов (основу календарного планирования составляют «датские» мероприятия). Культ классиков – имена, произведения, юбилейные традиции советского времени – продолжает свое существование. На Вологодчине – это культ «мертвых» писателей;

– конкурсные экспертные комиссии, рассматривающие литературные проекты, оказываются в прямой зависимости от внутренней политики государственных организационных структур. На примере конкурса проектов, осуществленных в сфере культуры за последние 2 года, «Звездное кружево Севера – 2018» становится очевидным, что в тренде оказываются малобюджетные проекты-трансформеры, чей опыт можно варьировать и распространять

в качестве отдельных «пазлов», а сам конкурс можно рассматривать как адресную поддержку, премиальный ресурс для собственных структурных подразделений отдельно взятого департамента культуры. Так, в номинации «культурная среда» в 2018 году победителем стал проект ВОУНБ им. Бабушкина «Россия читает Рубцова».[602] Добавим, что он был единственным «от литературы» среди 12 других проектов-победителей;

– на творческую среду оказывает влияние разобщенность действий социальных институций: отсутствует согласованность – календарная, ситуативная, тематическая, пространственная. В провинции, в частности, Вологде существует проблема аудитории, для которой проводятся все эти мероприятия, сейшены, хепенинги и более традиционное – встречи, обсуждения, лекции (как правило, одна и та же зрительская прослойка «кочует» от одного мероприятия к другому);

– деятельность современных писателей приравнена к деятельности предпринимателей. Литобъединения и вовсе лишены официальной поддержки (за исключением юридической регистрации). Все они существуют на общественных началах, за редким исключением (в Вологде – это студия Инги Чурбановой-Никитиной при муниципальном театре «Сонет»), а значит, литературные организации лишены финансовой поддержки, помощи в организации мероприятий, похорон и прочих востребованных акций;

– на областном уровне отсутствует книгоиздательская политика, не изучается конъюнктура издательского рынка в провинции на региональном и более высоком уровне;

– отсутствуют формы поддержки творческой немолодежи (тех, кто стал писать в возрасте «начинающего» Л. Толстого – после 36 лет).

Таким образом, наблюдая описанную ситуацию, исходя из тойнбианской модели вызовов-ответов, можно утверждать, что современный провинциальный литератор оказывается в специфически жестких условиях. Он занимается не только и не столько творчеством, сколько осознанно и вынужденно занят формированием вокруг себя среды – писательской, читательской, литературно-критической и шире – общественной. В Вологде таким примером может быть культуртрегерство Галины Щекиной, в Ярославле – Любовь Новиковой.

[602] Названы победители областного конкурса «Звездное кружево Севера»// Cultinfo.ru: Культура Вологодской области. [сайт]. Режим доступа: http://cultinfo.ru/news/2018/3/results-of-starry-lace-of-the-north-in-2017 (дата обращения: 15.12.2018).

В качестве примера кратко представим «послужной список» Г. А. Щекиной (р. 1952). Галина Александровна явилась инициатором создания Вологодского отделения союза Российских писателей (1998), организатор литературных объединений, семинаров, составитель ежегодных литературных альманахов, сборников молодых поэтов и прозаиков, меценат региональной премии на лучшее критическое эссе «Эхо» (с 2017 года). Автор 6 романов и 5 поэтических сборников (роман «Графоманка» в 2008 году входил в шерт-лист Букера). Прозу Щекиной отличает и сопровождает явно выраженное гендерное начало. По тематике и жанру – это женская проза, в которой доминируют: особый интонационный строй (исповедальность, эмоциональность), специфическая логика построения текста (алогичность, парадоксальность), экспрессивные средства художественной выразительности и «вещные» метафоры. Мир женщины представлен в произведениях писательницы в целом и в частности – все, что происходит с героями, составляет сюжетную основу произведений, дается через призму восприятия женщины. В «случае Щекиной» сложно определить, какая из сторон ее творческой натуры «плодоносит» больше, но фактически – все пишущие вологжане прошли через ее «повивальные» руки.

Одним из лучших фундаментов для частных инициатив, объединения творческих одиночек являются локальные литературные площадки. Традиционно – это библиотеки, клубы по интересам, литературные студии. Но вслед за частными инициативами по созданию новых музейных, театральных и арт институций (в Вологде – это галерея «Красный мост», камерный театр, МАУК «Резной палисад», фестиваль «Город мастеров», бюро нестандартных экскурсий «Вокруг да около». В Ярославле – музей «Музыка и время», культурный центр «TEXTIL») стали успешно возникать и реализовываться проекты, направленные на консолидацию читающей и пишущей аудитории.

Три года назад в Вологде была открыта «Литературная резиденция Дом Дяди Гиляя» (при содействии регионального отделения Союза Российских писателей и меценатстве Елены Волковой). Это место исторически связано с книгой – здесь была детская библиотека, но сейчас Дом предлагает посетителям более широкий спектр удовлетворения потребностей: от образовательных, коммуникативных до рекреационных (есть две комнаты, оборудованные для приезжающих гостей – поэтов, писателей, критиков). Выставки, лекции, встречи, семинары, показы, презентации, фестивали – любая творческая инициатива здесь рассматривается

и поддерживается. Одним из самых успешных литературных проектов 2016 года СРП стало издание «Том писателей: антология новейшей вологодской литературы». Авторы проекта, с одной стороны, откликнулись на актуальный запрос читающей публики: «Есть ли хорошая современная литература в Вологде»? С другой – стремились удовлетворить потребность читающей публики в актуальной прозе (4 тома), поэзии (7 томов) и критике (1). По замыслу авторов особенность издания в том, что каждый участник серии представлен «соло», в отличие от сборников-альманахов, которые в писательской среде получили иронический маркер – «братских могил». В течение года были выпущены книги 12 авторов, изданных в едином дизайнерском стиле. С каждым автором проводилась индивидуальная работа (автор идеи и редактор проекта Ната Сучкова), после выхода издания состоялись презентации книг, прошли профессиональные обсуждения книг,[603] были получены отзывы в сети Интернет. Приведу в пример свой первый беглый пост-отзыв о книге С. Фаустова «Гуманитарные эксперименты» от 04.09.16: *«Можно идти в критике от автора, от эпохи, от конкретного времени и субъективного совпадения. Фаустов идет иначе – от вневременного и общечеловеческого... Так в нем, как представляется, происходит преодоление, изживание советского (в себе? окружении? среде?). 90-е изменили экономический путь, забыв о более важном – о соблюдении закона, о равенстве прав, об общечеловеческих ценностях. Его, Фаустова, идея – предложить матрицу, порожденную в недрах Европейской культуры (отсюда трансавангард, зарубежные авторы, терминология, исследовательская отстраненность) для прочтения современных авторов (провинциальных, малоизвестных, но талантливых). Доверие к читателю у критика особое. Ровный тон, неспешность и обстоятельность разговора подкупает. Он не заискивает, рассчитывает на образованность читателя и/или... хотя бы на его стремление двигаться с автором в одном направление. Сергей Михайлович – за диалог и полилог. Без лицемерия и предубеждений. Вот эта свобода мне в тексте очень импонирует».*

В Ярославле в 2017 году также был осуществлен нестандартный литературный проект. Группа молодых людей (И. Коновалов, Д. Христовская, А. Клещев и Е. Меркулов) переосмыслили идею

[603] Красильников Р.Л. Рецензия на книгу С. Фаустова «Гуманитарные эксперименты» // Вестник ВоГУ, 2017.– № 4.– С. 103–104. [электронный журнал.] Режим доступа: https://vestnik.vogu35.ru/docs/2017/4/vestnik_vogu_4_2017_str103-104.pdf (дата обращения: 21.12.2018).

толстого литературного журнала, издав собственный «тонкий» литературный журнал (журнал – игру, журнал-пьесу) «Кит умер». Изначально был заявлен эсхатологический характер издания (имеющий конечность), отказ от периодичности и метасюжетное сцепление каждого номера (всего 4). Из высказываний главного редактора издания Ивана Коновалова во время интервью радиостанции «Эхо Москвы»: «Мы никогда не ставили себе задачу сделать собрание всех ярославских авторов, выпустить какую-то антологию. Это журнал, который представляет собой наш, такой междусобойчик людей Ярославля, которые нам нравятся, и журнал пытается их напечатать <…> объединить авторов по направлению не возможно <…> мы ползем в разные стороны <…> стихи должны быть внятные».[604]

Таким образом, можно утверждать, что литературный процесс в провинции «прирастает» за счет самодеятельности отдельных авторов, способности литобъединений к переосмыслению старых форм организационной и творческой работы, активности писательских союзов. А главное, наблюдение за происходящим позволяет сделать вывод: искусство требует рефлексии – обсуждения, диалога, живого участия, что и осуществляется в той или иной мере интенсивности (временной, дистанционной, пространственной), внушая сдержанный исторический оптимизм по отношению к литературным процессам в провинции.

Ванеева Светлана Михайловна,
Иванова Ольга Александровна,
ГПОУ «Сыктывкарский политехнический техникум»,
г. Сыктывкар

САМОРОДОК ЗЕМЛИ КОМИ В. А. САВИН

У каждого народа есть земляки, оставившие глубокий след в истории и культуре своей малой родины, приобретшие общероссийскую и мировую известность в различных областях жизни.

Мы хотим рассказать о Викторе Алексеевиче Савине, коми поэте, драматурге, композиторе, партийном деятеле. Разносторонность личности этого человека поражает. Инесса Викторовна

[604] Болтянская Н. Авторская песня. // Альманах «Кит умер».– 16 декабря 2016. [электронный журнал] – Режим доступа: https://echo.msk.ru/programs/autor/2111468-echo/ (дата обращения: 16.12.2018).

Савина, дочь поэта, так сказала о своём отце: «В нём удивительным образом уживались два человека: один – чекист, другой – художник, или как было написано в его учётно-статистической карточке – «лицо свободной профессии».[605]

Виктор Алексеевич Савин родился 21 ноября 1888 года в селе Нёбдино в многодетной крестьянской семье. Всего в семье было восемь детей, Виктор был самым старшим ребёнком. На его долю выпало много трудностей и лишений. Часто ему приходилось нянчить младших братьев. О своём детстве поэт вспоминал в одном из стихотворений:

Вырос я в глухой сторонке
Среди лесов суровых.
В полосатой рубашонке
И в штанах холщовых.
Только на ноги поднялся –
Мне по горло дела.
В люльке брат мой разрыдался.
Нянчить надоело!..
Дверь толкнёшь – и ходу.
Под черёмухой зелёной
Игры, хороводы...

В 1895 году Виктор Савин поступил в земское начальное училище в Нёбдино, которое успешно закончил в 1899 году. Затем будущий поэт продолжил учёбу во второклассной школе в селе Деревянске. Он был первым учеником и по всем предметам имел отличные оценки.

По окончании учёбы В. А. Савин работал писарем у земского начальника в Усть-Куломе, служил помощником усть-куломского волостного писаря.

Зимой 1907 года Виктор Алексеевич вместе с отцом отправился на Урал на заготовку дров. Здесь он познакомился со своей будущей женой Усовой Лидией Ивановной. В браке у них родилось семеро детей: два сына и пять дочерей. В автобиографии Савин писал о тяжёлой жизни семьи: «Жалованье было маленькое, большой семье жить было трудно. Часто даже хлеба не было…»

Весной 1911 года Савин уехал на заработки в Украину, трудился в конторе сначала Ракмановского рудника, затем работал в конторе Червонного рудника.

[605] Удоратина М. «Дети врага народа» / М. Удоратина // Трибуна.– 2018.– 16 ноября.– С. 9.

В 1918 году Савин с семьёй вернулся на родину, в село Нёбдино. О возвращении на родную землю поэт написал проникновенные строки:

Долго странствовал по свету,
И теперь я знаю:
Ни за что сторонку эту
Я не променяю.
Я уже давно женатый,
И детишек куча.
Пусть чужбина и богата,
Всё же дома лучше.

Вскоре Виктор Савин переехал в Усть-Сысольск (ныне г. Сыктывкар), где вступил в Коммунистическую партию. Его партийная карьера развивалась стремительно. Сначала он был секретарём Чрезвычайной комиссии г. Усть-Сысольска, затем стал председателем уездной ЧК. С июня 1919 года Савин работал секретарём уездного комитета РКП (б), заведующим уездным отделением «Центропечать», был редактором газет «Зырянская жизнь» и «Югыд туй» («Светлый путь»).

В августе 1918 года в газете «Зырянская жизнь» было опубликовано первое стихотворение В. А. Савина «Красный звон» под псевдонимом Нёбдинса Виттор:

Товарищ! Ты слышишь тревожный звон,
Зовущий к грядущей славе?
Слышишь в нём голос разбуженный свой,
Всех тех голоса, кто с нами?
Вставай же не медля, сонливость стряхнув,
И заслони собою
От стаи звериной родную страну –
Нашу с тобой свободу.

С этого стихотворения, посвящённого Великой Октябрьской революции, началась литературная деятельность Виктора Савина. Его творческое наследие составляют более 150 стихотворений, 15 поэм, 15 рассказов и очерков, около 30 пьес. Произведения Савина получили широкую известность и стали поистине народными. Сам поэт высоко оценил свой вклад в коми поэзию:

Свой народ я радую коми песнею.
Ум с ней проясняется,
Все мечты сбываются...

Видно, не напрасно я
Славлю жизнь прекрасную коми песнею![606]

Виктор Савин – основатель коми национального театра. В грозовой 1919 год он организует труппу из любителей сцены, создает для нее репертуар: пьесы, песни, литературные композиции. В 1921 году создает театральный коллектив «Сыкомтевчук», в 1930 году – профессиональный Коми инструктивно-передвижной театр. В созданной им театральной труппе он был и режиссёром, и актёром, и сценаристом. Он не только сам писал оригинальные пьесы, но и переводил на коми язык пьесы А. С. Пушкина, А. Н. Островского, М. Горького. Самыми известными его драматическими произведениями являются пьесы «В раю», «Бунт в Усть-Куломе», «На восходе солнца цветок увял».[607]

Прозаик, поэт, драматург, публицист, он все свои силы отдавал созданию и развитию коми советской литературы. Виктор Савин был организатором Коми ассоциации пролетарских поэтов, входил в состав правления ассоциации, был её секретарём. В. А. Савина справедливо считают основоположником коми литературы.

Виктор Савин внёс большой вклад и в музыкальную сокровищницу коми народа. Он не был профессиональным композитором, с нотной грамотой познакомился в годы учёбы в Деревянской школе. Тем не менее, Савина называют первым коми композитором. Многие его стихотворения были положены на музыку. Виктор Алексеевич – автор слов и музыки гимна Республики Коми:

Север, наш родимый край,
Глубоки твои снега,
Холодны твои ветра,
Высока твоя тайга!
Нас несут через века
Соколиные крыла.
Коми край, твоя судьба
Благодатна и светла!

В. А. Савин писал песни не только на свои стихи, но и других поэтов. Занимался он и собиранием народных песен. При его

[606] Савин В. А. (Нёбдінса Виттор) // Коми советские писатели.– Сыктывкар, 1968. С. 20–65.

[607] Лыткин В. И. (Илля Вась) Поэт йылысь казьтылöм / В. И. Лыткин // Войвыв кодзув. 1958.– № 11.– Л. Б, 61–62. Пер. загл.: Воспоминания о поэте.

активном участии в республике был создан первый профессиональный хор.

Также Виктор Алексеевич Савин проводил активную общественную и просветительскую работу. Его творчество было всегда злободневно. Не было ни одного более или менее крупного общественного и политического события в жизни коми народа и в жизни всей страны, на которое не откликнулся бы Виктор Савин стихотворением, фельетоном, пьесой или публицистической статьей.[608]

Каждому делу Виктор Савин отдавал себя без остатка, он был честным в жизни и творчестве, жил для коми народа и успел много сделать для своей малой родины. В стихотворении «Завещание» Виктор Алексеевич писал, что не мечтает о другой судьбе:

Для чего мне судьба другая?
Сколько б в жизни я ни успел,
Я любил тебя, дорогая,
Всей душой за тебя болел...

Судьба Виктора Алексеевича Савина сложилась трагически. В 1937 году его арестовали по ложному обвинению и приговорили к пяти годам заключения в лагерях «за контрреволюционную деятельность». Сам Савин обвинений не признал и не дал лжесвидетельские показания, которые от него требовали. Умер Виктор Алексеевич голодной смертью в 1943 году в лагерном лазарете, похоронен на старом кладбище в селе Итатка в Томской области.

Долгое время было неизвестно место захоронения Виктора Савина (до 1996 года). В октябре 2018 года представители Коми писательской организации Елена Козлова и Елена Афанасьева, заведующий Литературным музеем И. Куратова Диана Холопова, защитник по правам человека в РК Надежда Быковская побывали в Томской области, чтобы поклониться могиле В. А. Савина.[609]

Коми народ бережно хранит память о талантливом земляке. В его честь названы улицы в городе Сыктывкаре, в селе Выльгорт Сыктывдинского района, в посёлке Логинъяг Усть-Куломского района. Улица имени В. А. Савина есть и в Ухте, моём родном городе. Оказывается, Савин один раз приезжал в Ухту. Итогом этой

[608] Лыткин В. И. (Илля Вась) Поэт йылысь казьтылöм / В. И. Лыткин // Войвыв кодзув.– 1958.– № 11.– Л. б. 61–62. Пер. загл.: Воспоминания о поэте.

[609] Симпелев П. Нёбдінса Витторлöн чужöмсянь – 130 во / П. Симпелев // Коми му.– 2018.– 18 октября.– С. 13.

поездки стали очерк «Ухта – северный Баку» и поэма «Чибью» (это прежнее название Ухты). К сожалению, эта поэма осталась незаконченной. Памятники В. А. Савину установлены в его родном селе Нёбдино и в городе Сыктывкаре. Его имя носят музей и школа в Нёбдино, Государственный академический театр драмы Республики Коми.

Слепцова (Кызласова) Ирина Семёновна,
Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва

СИМВОЛИКА И СЕМАНТИКА МАСЛЕНИЧНЫХ КОСТРОВ (НА ПРИМЕРЕ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ)[610]

Масленице как одному из наиболее ярких обрядовых периодов, который часто рассматривается как воплощение русскости, в этнографии и фольклористике издавна уделялось большое внимание. Ее описанию и исследованию посвящено значительное количество работ. Тем не менее, остается еще немало нерешенных вопросов, связанных с выявлением региональных и локальных форм обряда, происхождением его отдельных элементов, их символикой и семантикой.

В данной статье мы ставим перед собой задачу охарактеризовать символические и семантические представления, которыми в народном сознании наделялись масленичные огни. Исследуемым материалом послужили разновидности масленичных костров, бытовавшие на Русском Севере. При этом нами использованы как полевые материалы, так и опубликованные источники.

Масленичный обрядовый комплекс включал в себя множество акций, среди которых особое значение придавалось разведению огней, повсеместно называвшемуся «сжиганием масленицы». Огни маркировали окончание одного периода и начало другого (зима – весна, мясоед – пост), что обусловило их основную символическую и семантическую нагрузку. Это действие было известно практически на всей Вологодчине, за исключением Северного Белозерья (Вашк., Вытег.) и территории проживания этнической группы вепсов[611]. Реже этот обычай встречался в Присухонье (южная часть

[610] Работа выполнена в рамках плана НИР ИЭА РАН № 0177-2018-001 «Народы России в современном мире. Этнокультурное и этнодемографическое развитие».

[611] Винокурова И. Ю. Календарные обычаи, обряды и праздники вепсов (конец XIX — начало XX в.). СПб., 1994. С. 54.

Тотемского, Нюксеницкий и Великоустюгский районы), а также в Тарногском и Верховажском районах. Таким образом, масленичные костры более характерны для западных, центральных и южных районов Вологодчины, то есть там, где было больше развито земледелие[612].

С масленичным костром связан сложный семантический комплекс, в котором исследователи выделяют очистительный, апотропеический, продуцирующий и другие смыслы[613]. При общерусской (и в некоторых случаях общеславянской) семантике масленичных костров, характерной для всего исследуемого региона, некоторые локальные традиции демонстрируют определенную специфику. Рассмотрим их особенности.

Символика завершения и обновления

Основная и достаточно ясная символика масленичного костра – окончание календарного периода, что отразилось в устойчивом выражении «провожать масленицу», относящемуся как ко всему комплексу акций, выполняемых на последней неделе мясоеда, так и собственно к масленичному костру. Синонимом «провожать масленицу» было «жгать масленицу» или «масленку». Завершение периода, когда разрешалось употребление скоромной пищи, демонстрировали действия, в которых эта пища уничтожалась. Так, часто в масленичный костер ставили шест с привязанной к нему кринкой молока, плескали в костер молоком, бросали в него остатки скоромной пищи и т. п. Этот обычай был наиболее распространен в Грязовецком районе, хотя встречался и в западных районах (Череп., Устюж.). Сжигание шеста с укрепленной наверху кринкой молока отмечено в Семенцовской волости Грязовецкого уезда в начале XX века[614]. Но если молоко в костре реально и не жгли, то это подразумевалось, так как горение костра сопровождалось выкриками «Молоко горит!», «Молоко и мясо горит!».

[612] Более подробно о масленичных кострах на Вологодчине см.: Слепцова И. С. Отличительные признаки локальных традиций: Обрядовые костры // Региональные исследования в фольклористике и этнолингвистике: проблемы и перспективы. М.: ГРЦРФ, 2015. С. 62–71.

[613] Пропп В. Я. Русские аграрные праздники. СПб.: Азбука, 1995; Соколова В. К. Масленица (ее состав, развитие и специфика) // Славянский и балканский фольклор. М.: Наука, 1978. С. 48–70; Агапкина Т. А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М.: Индрик, 2002.

[614] Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Т. 5. Ч. 2. Грязовецкий и Кадниковский уезды. СПб.: Деловая полиграфия, 2007. С. 31–32.

В д. Михалково «сделают ево [=чучело] на батоге, на реке у проруби. “Молоко горит! Молоко горит!”» (Михалково Гряз.)[615]. Детям, объясняя наступление поста, говорили у костра: «Молоко сгорает, молока не простите!» (д. Печенниково Гряз.)[616]. В д. Острецово (Межд.), чтобы продемонстрировать детям, что наступил пост и молока больше нет, хозяин «ребят поставит, лапоть у дома сожгет: “Вот, глядите, робята, молоко сгорело!”»[617]. Считалось, что с дымом и искрами молоко улетело на небо («Искры летят, а детям говорят, что это молоко полетело» – с. Пленишник Череп.[618]).

Символическим действием, которое должно было продемонстрировать наступление поста и завершение развлечений, было сжигание санок, корежек и других предметов, на которых катались с гор. Их часто бросали в костер после того, как свозили на них разный горючий материал для «масленицы» или когда возили их по деревне с горящими на них небольшими костерками. Иногда санки не сжигали, а складывали около костра пирамидой. Могли сжечь или испортить сами горки для катания, разведя на них костер.

Еще одной символической акцией, говорящей о наступление поста, было порицание (осмеивание) девушек, не вышедших замуж в прошедший брачный период. В д. Ефаново (Гряз.) у масленичного костра пожилые женщины кричали девушкам, не вышедшим замуж во время зимнего мясоеда: «“Оставайся жопа на год, оставайся жопа год!” Год нельзя выходить-то, масленица последняя, надо до промёжговинья [выходить]»[619].

С акциями, символизирующими завершение календарного периода, неразрывно связаны действия, подчеркивающие наступление нового. Об исключительном значении, которое придавалось масленичному огню в народном сознании, говорит тот факт, что его зажигали от «деревянного огня», то есть огня, добытого трением друг об друга двух деревянных палочек. По сведениям из некоторых деревень Городищенского с/с (Нюкс.), этот огонь обладал «лечебной, очищающей силой»[620]. Такое качество приобретал

[615] ПМА. Зап. И. С. Слепцовой в 1997 г.
[616] ПМА. Зап. С. Н. Смольниковым в 1997 г.
[617] ПМА. Зап. И. С. Слепцовой в 1995 г.
[618] Праздники и обряды Череповецкого района в записях 1999 года: Календарные праздники и обряды. Похоронно-поминальные обряды / Сост. А. В. Кулев, С. Р. Балакшина. Вологда, 2000. URL: http://cultinfo.ru/arts/folk/demo/books/cerep_99/therep99_pohoron_sodergan.htm.
[619] ПМА. Зап. И. С. Слепцовой в 1997 г.
[620] Народная традиционная культура Вологодской области / Сост., науч. ред. А. М. Мехнецов. Т. 1. Фольклор и этнография среднего течения реки Сухоны. Вологда, 2005. С. 42.

«новый» огонь, возжигаемый в некоторые календарные праздники, что связано с представлениями о ежегодном обновлении огня[621].

Очистительная и апотропеическая символика

Как и любой другой переходный, пограничный период масленица была наполнена различными акциями, имеющими очистительный характер. К их числу можно отнести действия, символически направленные на избавление от всего отжившего, отслужившего свой срок, от того, чему народным сознанием приписывались вредоносные свойства. Все эти предметы уничтожались в масленичном костре, который, собственно, и становился символом всего «старого». Эти представления отразились и на терминологическом уровне. Можно отметить локальную специфику, которая отражается в специальных языковых выражениях и клише, описывающих те или иные акции с разжиганием огня и отсылающие к определенным смыслам, хорошо известным представителям данной локальной традиции. Например, в Пунеме (Хар.) говорили, что в масленицу «“охара́тки собирали”, то есть все самое негодное»[622]. «Охаратками» называли остатки, рухлядь[623]. В д. Енино (Белоз.) в Чистый понедельник «косточки жгли» – веники, солому, лапник, дрова. Хотя семантика костей достаточно сложна и многоаспектна[624], в данном случае, вероятно, актуализируется представление о костях как о ненужных остатках (ср. поговорку: «Пришли гости глодать кости») или как об объектах, связанных с потусторонним миром, контакт с которым мог быть опасен для людей. Тот же смысл имел обычай сжигать в масленичном костре вещи, оставшиеся от покойного. В д. Огибалово (Хар.) «после покойника вещи сжигали, на “масленицу” всякую одежду вешали»[625].

Представление о вредоносности сжигаемого в костре хлама выражалось в обобщенном понятии «нечистой силы», которая якобы

[621] Плотникова А. А. Огонь «живой» // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 3. М.: Международные отношения, 2004. С. 519–521.
[622] Полевые материалы автора (далее – ПМА). Зап. О. В. Кириченко в 1991 г.
[623] Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина. Вып. 25. Л., 1990. С. 26, 46; Морозов И. А., Слепцова И. С. Круг игры: Праздник и игра в жизни северно-русского крестьянина (XIX–XX в.). М.: Индрик, 2004. С. 294–299.
[624] Белова О. В., Толстая С. М. Кости // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 2. М.: Международные отношения, 1999. С. 627–631.
[625] ПМА. Зап. О. В. Кириченко в 1991 г.

обитала в нем, и чьим визуальным воплощением было чучело. Так, в д. Волохтома (Кирил.) «большую куклу из соломы, одетую в старое женское платье» называли «кикиморой»[626]. Для избавления от нечистой силы чучело сжигали. В д. Пичиха (Хар.) «жгли чучело из соломы в поле. Прогоняли нечистую силу, чтобы год хороший был. Кричали, чтобы он уходил, уносил худые дела, чтобы было скотине хорошо, чтобы Бог за людей молился»[627].

В д. Лентьево (Устюж.) в костре сжигали небольших кукол, изготовленных из тряпья. «Все поленья наберут – жгут масленицу. Наберут веников насбирают, сходят просят оне. <...> В поле всё жгли. Да это: "Бабка горит!" Да вот разно, прибаутки тоже. Бабку [=костер] вот и жгли, это самое. Туды бросали разны куклы вот такии, самодельныи, в костер. "Гори, бабка!" [Кукол] сами вот наделали из рукава: да ваты кусок, да там голову такую да. Платок какой-нибудь абвяжут. Куклы да и всё, "бабкой" и называли большинство. Вот так. Рукав отрежут, запехнёт, забьёт там сена или соломы, боже мой. Голову тут приделает тоже с этой, тряпку тут какую-нибудь, онучу завяжет да и платок привяжет. Вот те похоже голова да туловище, да и всё. Десяток-другой бросают – кому не лень. Приходят, прибегают и: "Гори-гори, масленица! Гори, не погасни!" Вот такии прибаутки»[628].

Вероятно, в поздних вариантах изгнание нечистой силы было заменено избавлением от несчастий, как более понятным и практически необходимым актом. В д. Лукьянцево (Устюж.) кричали кто чего: «"Куда огонь, туда и наше горе!" Кто чево, кто сумел што сказать. <...> Кто-то желание, или чево-то крикнуть»[629]. С такой же целью в костер кидали одежду – «сжигали болезни»: «Платья кидали рваны, штоб боль нашу взял» (д. Никифорово Устюж.)[630].

Очистительное и охранительное значение, вероятно, приписывалось соприкосновению с масленичным огнем, поэтому во многих местах было принято перескакивать через горящий костер, хотя в большинстве случаев этот обычай воспринимался как развлечение («для интересу»). «Вечером молодежь собиралась, зажигала костер и водила вокруг него хоровод. Заканчивалось все прыганием через костер со словами: "Чур, меня не трожь, я не твой!"» (д. Второй Большой Двор Череп.)[631].

В христианской традиции эти представления выразились в понятии греховности масленичного разгула и необходимости очищения от грехов перед наступлением Великого поста. В с. Покровское (Новгородская губ. Череповецкий у. Шухтовская вол.) «некоторые прыгают через костер, предполагая, что очистятся к Великому посту от грехов, накопившихся в течение года»[632]. В других вариантах обряда это действие имело совсем другой смысл (см. ниже).

Вероятно, с такой же целью проезжали на санках через тлеющий костер, устроенный на горке, или переезжали через кострище на лошадях. Это действие нередко приобретало характер состязания: у кого более послушная лошадь, кто лучше умеет ей править. Очистительный характер имел, видимо, и обычай провозить на санках по деревне горящие костры, чучело или бегать с зажженными факелами, рассыпающими искры. Хотя последние действия можно трактовать также и как стимуляцию солнечного света, то есть как имеющие продуцирующую семантику.

Поминальная символика

Масленичная неделя была наполнена различными действиями, имевшими поминальную семантику. В. Я. Пропп указывает на связь культа мертвых с «земледельческими интересами и стремлениями»[633]. Как поминание предков – «родителей» – осмыслялась сама акция сжигания масленицы, поэтому считалось невозможным отказать детям, собирающим дрова для костра. «Не отказывали, раз надо поминать ведь родителей-то» (д. Бородино Устюж.)[634]. В этой связи понятно, почему дым от масленичного костра называли «Афониной бородой» (д. Еремиха Сямж.)[635]. Это наименование близко к эвфемистическим обозначениям мертвеца и к названиям некоторых персонажей ряженья[636]. Показательно поведение

[626] Супинский А. К. Жизнь молодежи, обрядовые игры, детские игры северно-русской деревни. Рукопись. 1948 г. // Отдел рукописей Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Р. 5. Колл. 148. Папка 1. № 3. Л. 15.

[627] ПМА. Зап. И. С. Слепцовой в 1991 г.

[628] ПМА. Зап. И. С. Слепцовой в 2002 г.

[629] ПМА. Зап. А. А. Анненковой в 2002 г.

[630] Календарные обряды и фольклор Устюженского района / Сост. А. В. Кулев, С. Р. Кулева. Вологда: Областной научно-методический центр культуры, 2004. URL: http://cultinfo.ru/arts/folk/demo/books/ustujna/ustujna1.htm.

[631] Супинский А. К. Жизнь молодежи... Л. 15.

[632] Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Т. 7. Ч. 3. Череповецкий уезд. СПб.: Навигатор, 2009. С. 63.

[633] Пропп В. Я. Аграрные праздники... С. 32.

[634] Календарные обряды и фольклор Устюженского района.

[635] ПМА. Зап. С. Н. Смольниковым в 1991 г.

[636] Ивлева Л. М. Ряжение в русской традиционной культуре. СПб., 1994. С. 69.

собравшихся на проводы масленицы во время разжигания костра. «Сначала молча стояли, не знаю почему, а потом веселились. Все вот так вставали вокруг и вот так молча стояли. Розгоралось когда, ждали молча» (д. Лукьянцево Устюж.)[637]. Молчание при совершении тех или иных действий свидетельствует о соотнесении их со смертью и сферой потустороннего, является признаком, обозначающим «почитание/сакрализацию покойного»[638].

У масленичного костра нередко выполнялись действия, смыслом которых было прощание с покойными. В д. Вениц (Устюж.) во время проводов масленицы «тут все: молодые и старые приходили прошшаться на те́плину с этим, со своим*и* покойниками*и*. Со всеми прощалися, своих родителей они поминают. Вот придут да поклоняцца три разка [костру], да перекрестяцца да и пойдут домой»[639]. В д. Демцыно (Устюж.) «прощались с родителями» (т. е. кланялись три раза и произносили молитву), выходя после сжигания масленки на дорогу, ведущую к кладбищу[640]. Такой же смысл имел обычай жечь масленку обязательно на дороге к кладбищу (д. Бородино Устюж.)[641]. К числу поминальных обычаев, исполняемых при проводах масленицы, можно отнести также сжигание старых лаптей, особенно распространенное в центральных районах. Д. К. Зеленин считал, что сожжение лаптей представляет собой жертву умершим[642].

Актуализация похоронно-поминальной семантики объясняет приуроченность к масленице и к сжиганию ее символа – костра, чучела или факелов – большого количества *прогностических практик*. Предсказательной силой обладало все, что исходило от костра: дым, головешки, зола. Это происходило, вероятно, потому, что масленица считалась переходным периодом, во время которого становился возможным контакт с потусторонней силой, а также периодом, когда была возможна связь с предками[643]. Дым

[637] ПМА. Зап. И. С. Слепцовой в 2002 г.

[638] Невская Л. Г. Молчание как атрибут сферы смерти // Мир звучащий и молчащий: Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян. М., 1999. С. 126; Агапкина Т. А. Молчание // Славянские древности: Этнолингв. словарь / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 3. М., 2004. С. 292.

[639] ПМА. Зап. И. С. Слепцовой в 2002 г.

[640] ПМА. Зап. С. П. Бушкевич в 2002 г.

[641] Календарные обряды и фольклор Устюженского района.

[642] Зеленин Д. К. Русские народные обряды со старой обувью // Зеленин Д. К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1901–1913. М.: Индрик, 1994. С. 222.

[643] Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. С. 124–125.

от масленичного костра мог предсказать будущее всем жителям деревни. Причем ему придавалась отрицательная коннотация, что, по-видимому, было связано с представлением о «нечистой силе», обитающей в нем. «На деревню эжели [дым], ак мало хорошово бываэт. Это, говорят, худо – на деревню. Всем, говорят, тяжело, дак, плохая жизнь ли чё ли для всех. Для всех плохо, эсли на деревню дым пойдёт, дак всем это, признавали, што всем плохо. А эсли от деревни, ак это хорошо, как дым от деревни...» (д. Шугино Белоз.)[644]. Отметим, что аналогичный смысл приписывался дыму от костра, который разводили после похорон[645].

Негативное отношение к масленичному пламени отразилось в представлении, что, если «одёжина загорит, через огонь перескак*и*вают, это уж для этой тяжёлое житьё» (д. Шугино Белоз.)[646]. В измененном виде это поверье присутствует в примете, которая бытовала в той же деревне: «Если девушку огнем опалит – неладно чё-нибудь сама наделала»[647]. В д. Волохтома (Кирил.) то, как девушка прыгала через костер, свидетельствовало о ее «честности», поэтому «за прыгавшими девушками следили: если которая-либо из них прыгала, подняв подол юбки, ее объявляли нечестной, гулявшей с парнем, т. е. сожительствовавшей с ним. Все гурьбой отправлялись к ее дому и вымазывали дегтем ворота»[648].

В гадательных практиках использовали головни от масленичного костра, которые собирали на потухшем кострище и хранили дома в течение всего года. На следующую масленицу «эти головяшки, прошлогодниэ, опеть в прогоне зажигаэм. Чиво выпадёт с этой головнинкой, хто на чиво загадаэт на головеньку на эту. Хто на жениха на как-нибушнего загадаэт, хто для житья – хто на чиво вздумаэт загадывали. Ежели получицца – хорошо загорят, ходко, а ежели не заго́риваюцца, то уж... полюбовники концейтеся, остаёцца всё... Подкладываэшь – добавлеют дров, ну, наколют эких палочек. А другой раз бываэт, што ослизнёт как-то, ей огонь не берёт. Ну, уж тут не к добру это, говорят» (д. Шугино Белоз.)[649].

[644] ПМА. Зап. И. С. Слепцовой в 1999 г.

[645] Слепцова И. С. Отличительные признаки... С. 60–61.

[646] ПМА. Зап. И. С. Слепцовой в 1999 г.

[647] ПМА. Зап. И. С. Слепцовой в 1999 г.

[648] Супинский А. К. Жизнь молодежи... Л. 15.

[649] ПМА. Зап. И. С. Слепцовой в 1999 г.

Продуцирующая символика

Стимулирующее влияние, которое приписывалось масленичному костру, отразилось как в месте устройства костра на высокой горе, так и в ряде акций. Поскольку считалось, что от вышины пламени зависит будущий урожай, старались сделать его как можно более высоким. «Чем масленица бу*д*эт лучче гореть, тем больше бу*д*эт урожая. Вот мы и старались урожай делать» (д. Гряда Устюж.)[650]. Эту же цель имело и перепрыгивание через костер. «Через нее надо скакать, говорят, ш*т*обы вторая маслениця лучше этой была, как перескочишь эту. На следующий год. Девушки с парнями*и*, с парнями*и* [скакали]» (д. Дягилёво Хар.)[651]. К продуцирующим действиям относится и разбрасывание по полю головешек от масленичного костра[652], хотя это никак не мотивировалось (д. Сидорово Устюж.). В обобщенном виде представление о пользе соприкосновения с масленичным огнем отразилось в предписании, что надо «прыгать через костер – будет тогда счастье» (д. Огибалово Хар.)[653].

Данная семантика уже практически не осознавалась исполнителями обряда, хотя все еще сохранялось представление о необходимости устройства высокого общесельского костра, который стал рассматриваться как своего рода визитная карточка деревни. «Как стемнеет, смотрят в кажной деревне, у ково лучше горит, у ково больше дыму, а потом обсуждают, у ково лучше было» (д. Мытник, Строкавино Вожег.)[654]. По характеру костра судили о качествах жителей деревни, поэтому высокий и яркий огонь служил поводом для гордости. «В каждой деревне большая должна быть масленица, штоб видно было далеко. Во всей деревне костёр горит “масленица”. У ково больше, у ково яснее, ну как сказать-то, тем красивее, яснее. Значит, та деревня, те люди живут веселей и умней, и всё. Вобшэм, это всё сказано будет в этом костре. А если он тухло горит, дак што от нево? Это там не народ, а чёрт знаэт кто живёт!»[655] (д. Лукьянцево Устюж.).

Продуцирующая семантика присутствует в некоторых поверьях и обусловленных ими действиях, которые относились к

[650] ПМА. Зап. И. С. Слепцовой в 2002 г.
[651] ПМА. Зап. И. С. Слепцовой в 1991 г.
[652] Пропп В. Я. Русские аграрные праздники… С. 73.
[653] ПМА. Зап. О. В. Кириченко в 1991 г.
[654] Зап. И. А. Морозовым в 1992 г.
[655] ПМА. Зап. А. А. Анненковой в 2002 г.

матримониальной сфере. Так, в д. Зверево (Белоз.) существовала примета: если дым от масленичного костра опахнет парня и девушку, то они поженятся, даже если и не дружили[656]. В д. Старое Малое и Мелечино (Устюж.) считали, что «куда дым летит, оттуда судьба будёт, туда замуж выйдём»[657]. В д. Баркановская (Вожег.) считалось, что перепрыгнувшие через костер парень или девушка выйдут замуж или женятся в текущем году. Поэтому их побуждали возгласами: «Ну, давай: перескоцишь, дак сево года отдают!» или «Сево года жоним!»[658].

Итак, рассмотрев комплекс представлений, связанных с обрядом сжигания масленицы, можно отметить в нем акции, символика и семантика которых относится к общерусской традиции. Это действия, которые выполняют очистительную, апотропеическую и продуцирующую функции. Локальной спецификой, связанной с масленичным костром, можно считать большое число акций, имеющих поминальную семантику, и действий, относящихся к матримониальной сфере.

Список сокращений географических названий

Белоз. – Белозерский р-н
Вашк. – Вашкинский р-н
Верхов. – Верховажский р-н
Вожег. – Вожегодский р-н
Волог. – Вологодский р-н и уезд
Вытег. – Вытегорский р-н и уезд
Гряз. – Грязовецкий р-н и уезд
Кирил. – Кирилловский р-н
Нюкс. – Нюсенский р-н
Сямж. – Сямженский р-н
Устюж. – Устюженский р-н и у.
Хар. – Харовский р-н
Череп. – Череповецкий р-н и у.

[656] ПМА. Зап. И. С. Слепцовой в 1999 г.
[657] ПМА. Зап. И. С. Слепцовой в 2002 г.
[658] Зап. И. А. Морозовым в 1992 г.

Воронина Татьяна Александровна,
Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва

ВОЛОГОДСКИЕ КРАЕВЕДЫ О ТРАДИЦИОННОМ ПИТАНИИ КРЕСТЬЯН (XIX – НАЧАЛО XX В.)

Вологодские краеведы оставили огромное наследие в виде многочисленных статей и заметок в периодических изданиях, газетах и журналах, а также очерки, разделы в монографиях, книги. К этому надо добавить значительный объем рукописных материалов, которые были собраны в XIX – начале XX в. по инициативе различных обществ и находятся еще невостребованными в государственных и местных архивах. Вместе с тем, они могут дать много для воссоздания истории Русского Севера в целом, но в особенности для изучения традиционной культуры Вологодского края. Это находится в русле проблемы реконструкции русской кухни, поскольку она сформировалась благодаря местным традициям в различных регионах страны. Именно благодаря региональным особенностям русская пища приобрела национальные черты, отличавшие ее от кухни других народов. Не последнюю роль в ее формировании сыграла вологодская кухня, которая приобрела законченный характер в XIX – начале XX в. Чтобы оценить вклад вологодских краеведов в этнографическое изучение культуры и быта Русского Севера, целесообразно вновь обратиться к собранным ими материалам, которые позволили реконструировать повседневный и праздничный рацион питания вологодских крестьян в XIX – начале XX в.

Заметки местных краеведов о традиционной пище стали появляться уже со времени учреждения «Вологодских губернских ведомостей» (1838–1917) – первой вологодской газеты. В отличие от ее официальной части, в которой печатались постановления, указы правительства и местных властей, «неказенные» статьи по истории, географии и этнографии Вологодской губ. помещались в неофициальной части – в «Прибавлениях»[659]. В рубрике «Местные слова и выражения, употребляемые между простым народом в разных уездах Вологодской губернии» публиковались сведения о местных говорах, собранные краеведами. В них было немало слов,

[659] Подробнее см.: Степановский И.К. «Вологодские губернские ведомости» за пятидесятилетие (1839–1888).– Вологда, 1888.

связанных с питанием крестьян[660]. В дальнейшем стали все чаще публиковаться статьи и заметки талантливых исследователей, нередко самоучек из народа, которые составили замечательную когорту вологодских краеведов.

Одним из выдающихся людей своего времени был А.А. Шустиков (1859–1927). Он родился в д. Хмелевская Кубинской волости Кадниковского уезда и довольно рано стал собирать этнографические сведения об истории и культуре родного края, несмотря на то, что занимал ответственные должности в земских учреждениях Вологды и Кадникова, а потом в Вологодской городской думе. А.А. Шустиков много путешествовал по Русскому Северу, в результате чего им было издано более сорока статей и рассказов, в которых раскрылся его яркий писательский талант[661].

А.А. Шустиков принимал активное участие в деятельности Императорского Русского Географического общества, основанного в г. Санкт-Петербурге (ИРГО, 1845–1917). В 1847–1848 гг. Общество разослало Программу для собирания этнографических сведений по многим губерниям Российской империи. Помимо вопросов, касающихся основных занятий, верований, уклада и быта русских крестьян, в Программе задавались вопросы об их пищевом рационе. Особенно много сообщений поступило в адрес ИРГО из Вологодской губ. Ответы корреспондентов с мест содержали подробные сведения о повседневной, праздничной и обрядовой пище вологодских крестьян. Из сообщений в Общество отличались материалы А.А. Шустикова о Троицких волостях Кадниковского уезда, известных под названием «Троичина». А в 1883 г. в «Вологодских губернских ведомостях» появилась его статья «Троичина Кадниковского уезда. Этнографический очерк»[662], которая в 1892 г. была опубликована в периодическом издании ИРГО – в журнале «Живая старина». В них он отметил особенности питания крестьян в будни и праздники, перечислил скоромные и постные блюда из мяса, рыбы, овощей, грибов, привел их местные названия, указал на повсеместное распространение картофеля[663]. Под руководством

[660] ВГВ. 1839. № 14, 22, 25, 45; 1840. № 19, 20, 37, 39; 1841. № 46, 48.

[661] Шустиков А.А. Охотничий промысел в Кадниковском уезде // ВГВ. 1887. № 1, 2; он же. По деревням Олонецкого края (Поездка в Каргопольский уезд). Вологда, 1915; он же. Тавреньга Вельского уезда. Этнографический очерк // Живая старина. 1895. Вып. 2, 3–4. С. 171–191, 329–375 и др.

[662] Шустиков А.А. Троичина Кадниковского уезда. Этнографический очерк // ВГВ. № 11. 1883; ВГВ. № 12. 1883; ВГВ. № 13. 1883.

[663] Шустиков А.А. Троичина Кадниковского уезда. Этнографический очерк // Живая старина. Вып. 2. С. 71–92; 1892. Вып. 3. С. 106–138.

языковеда А. А. Шахматова А. А. Шустиков с энтузиазмом сотрудничал с Императорской Академией наук по подготовке «Русского словаря». За исследования в области этнографии он был награжден двумя серебряными медалями ИРГО, а в 1913 г. стал действительным членом ИРГО. Исследователи обнаруживают немало интересных фактов в его судьбе[664].

Особое место в истории вологодского краеведения занимает М. Б. Едемский (1870–1933). Уроженец д. Рыкаловской Тотемского уезда, расположенной на р. Кокшеньге, он посвятил свою жизнь сбору народного поэтического творчества. Здешних жителей издавна называли «кокшары», поскольку сельские поселения располагались вдоль р. Кокшеньги. В 1894 г. вышел его труд «Из кокшеньгских преданий», замеченный А. А. Шахматовым, этнографом и ботаником Н. А. Иваницким. Его дальнейшие этнографические изыскания все время пополнялись новыми наблюдениями. М. А. Вавилова в статье, посвященной жизни и творчеству М. Б. Едемского, раскрывает все грани этой неординарной личности, перечисляет его заслуги как в области фольклористики, так и в геологии. Она особо выделяет его деятельность в Русском Географическом обществе[665]. В период с 1905 по 1913 г. М. Б. Едемский опубликовал часть статей в журнале «Живая старина», который выходил под эгидой ИРГО[666]. Его работа «Кокшеньгская старина» была издана отдельно в 1906 г. в «Записках» русского отдела Императорского Археографического общества[667]. В 1911 г. отдельным изданием вышла «Свадьба в Кокшеньге Тотемского уезда Вологодской губернии». Особая ценность этой работы М. Б. Едемского заключается в том, что он подробно рассмотрел все этапы подготовки к свадьбе в Спасской волости Тотемского уезда, начиная от

[664] Орешина М. А. «Ну, что делать, умирать, видно, надо...»: А. А. Шустиков и судьбы Вологодского краеведения / вступ. ст., подг. текста и комм. М. А. Орешиной // Мировоззрение и культура севернорусского населения / отв. ред. И. В. Власова.– М., 2006. С. 364–384.

[665] Вавилова М. А. Из истории вологодского краеведения. Михаил Борисович Едемский (1870–1933 гг.) // Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 3.– Вологда: Легия, 2000. С. 576–591.

[666] Едемский М. Б. Говор жителей Кокшеньги // Живая старина. 1905. Вып. 1–2. С. 97–101; он же. Из кокшеньгских преданий // Живая старина. 1905. Вып. 1–2. С. 102–106; Живая старина. 1908. Вып. 1. С. 75–83; Вып. 2. С. 211–218; он же. Свадьба в Кокшеньге Тотемского уезда // Живая старина. 1910. Вып. 1–2. С. 1–48; Вып. 3. С. 49–96; Вып. 4. С. 97–113; он же. О крестьянских постройках на севере России // Живая старина. 1913. Вып. 1–2.

[667] Едемский М. Б. Кокшеньгская старина // Записки русского отдела Императорского Археографического общества. 1906. Вып. 1–3. С. 12–20.

«рукобитья» («запоруки», «запоручиванье»), когда устраивали застолье («пропивали невесту»), вплоть свадебного пира и до «хлибин» – на второй день свадьбы. На всех этих этапах обязательно присутствовала еда в разном виде и непременно домашнее пиво. М. Б. Едемский наряду с традиционными обычаями отметил и ряд нововведений, вошедших в свадебные обычаи жителей Кокшеньги в начале XX в.[668]

Еще одним русским самородком можно назвать В. Т. Попова (1828–1899) – уроженца д. Тимофеевская Заячерицкой волости Спасского приказа Тотемского уезда. Начиная с 1857 г., в «Вологодских губернских ведомостях» им было опубликовано несколько очерков под общим названием «Описание Кокшеньги», в которых нашла отражение пища и утварь «кокшаров». Помимо описания традиции употребления в пищу обычных продуктов, он сообщал о повсеместном распространении среди местных крестьян картофеля, несмотря на то, что среди проживавших здесь старообрядцев его считали «проклятым плодом»[669].

В. Т. Попов также стал корреспондентом Русского Географического общества. Будучи председателем Тотемской уездной земской управы, он много сделал как для Тотьмы, так и для уезда, например, он содействовал открытию публичной земской библиотеки, что особо отметил краевед Н. В. Ильинский[670]. Несколько позднее В. Т. Попов стал инициатором открытия знаменитой Петровской ремесленной школы[671]. Большим событием стало издание в 1886 г. его книги о Тотьме[672]. И. А. Соболев заслуженно называл его «основоположником тотемского краеведения»[673].

В конце XIX в. в «Вологодских губернских ведомостях» периодически стали появляться статьи библиографа и этнографа П. А. Дилакторского, в которых нашли место сведения и о народном

[668] Едемский М. Б. Свадьба в Кокшеньге Тотемского уезда Вологодской губернии.– СПб., 1911.

[669] Попов В. Т. Описание Кокшеньги // ВГВ. 1857. № 20–24.

[670] Ильинский Н. В. В. Т. Попов и его тотемская библиотека // Известия ВОИСК. Вып. 4.– Вологда, 1917.

[671] Воронина Т. А. Петровская ремесленная школа // Тотьма: историко-литературный альманах. Вып. 1.– Вологда, 1995. С. 72–104.

[672] Попов В. Т. Город Тотьма Вологодской губернии. Исторический очерк.– Вологда, 1886.

[673] Соболев И. А. Тотьма: Очерки истории города и района.– Архангельск, 1987; он же. Почетный потомственный гражданин (Памяти В. Т. Попова – основоположника тотемского краеведения) // Тотьма. Историко-литературный альманах. Вып. 1.– Вологда, 1995. С. 315–325.

питании[674]. В этой же газете в 1898–1899 гг. им были опубликованы сведения о писателях, уроженцах Вологодской губ., вышедшие позднее отдельным оттиском[675]. Много статей было опубликовано П. А. Дилакторским в журналах «Этнографическое обозрение», «Живописное обозрение». Одновременно шла кропотливая работа по составлению словаря по Вологодской губ. для «Словаря русского языка» для Императорской Академии наук, которая, по оценке А. А. Шахматова, была выполнена блестяще[676]. В 1902–1903 гг. П. А. Дилакторским была завершена огромная работа по сбору вологодских наречий, которая была обобщена в его знаменитом труде «Словарь областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении». «Словарь», к сожалению, не издавался при жизни автора и был опубликован только в 2006 г.[677] Е. Н. Шаброва в статье «П. А. Дилакторский и его словарь» подчеркивает уникальность диалектного словаря и его большое значение для комплексного изучения Вологодского края. В нем есть немало слов из народной лексики, связанных с традиционным питанием вологодских крестьян[678].

Начиная с 1864 г., отдельные статьи краеведов издавались в «Вологодских епархиальных ведомостях» (ВЕВ). Так, например, в 1905 г. М. Н. Мясников сообщал ценные сведения о появлении картофеля и его культивировании на Кокшеньге[679].

Сотрудником ИРГО стал священник П. Воронов, собиравший сведения о жизни купечества и мещанства Верховажского посада Вельского уезда. В своей корреспонденции он подробно описал свадебные обряды, включавшие приготовление блюд для «радошного» или «почесного» стола, отметил строгую последовательность подачи к столу холодных и горячих блюд, выпечки. Отдельные его статьи были опубликованы в периодических изданиях ИРГО. Так, в «Вестнике ИРГО» он писал о том, что в Верховажском посаде повседневными напитками был бочешный и русленичный квас, чай, но кофе был в употреблении только в купеческой среде. Образ жизни купечества и мещанства того времени был очень приближен к сельскому: «Мещанин в этом отношении стоит на одной, если не ниже, ступени с местным крестьянином»,– поэтому он сравнивал их пищевой рацион с крестьянским. В журнале «Этнографический сборник» он отмечал, что в Кулойских волостях свата в конце свадьбы отдельно ото всех угощали как почетного гостя «соломатом» из овсяной крупы, замешанной или поджаренной на масле[680].

Учитель по профессии Е. В. Кичин направил в ИРГО несколько обобщающих работ, например, «Историко-этнографический очерк г. Кадникова» (1847 г.), «Заметки об Усть-Сысольске» (1849 г.). В работе «Свадебные обыкновения во многих частях Кадниковского уезда» есть сведения о блюдах, которые готовили ко дню свадьбы, на «почесный» стол, «хлибенный» стол» у тестя и тещи, «на прочесье» у молодых. Е. Кичин написал также о традиции выпечки пирогов на именины, для плотников во время возведения новой избы, а также об ассортименте торговли на ярмарках в г. Тотьме и в Кадниковском уезде. Е. Ф. Шейтанов собрал для ИРГО сведения о традиции пивоварения, о разведении фруктов и ягод в Вельском уезде (1849 г.).

Другие корреспонденты Русского Географического общества писали из Великого Устюга о местных жителях, которые любили проводить время в кругу своего семейства или ближних родственников (Круглов), из Сольвычегодского уезда – о торговле съестными припасами (И. Титов). Некоторые из них оставили обширный материал, из которого можно почерпнуть немало сведений о пище, связанной с рождением детей и уходом за роженицей, о крестильном обеде и связанных с ним обрядах, об особенностях похоронно-поминального стола. В сообщениях краеведов отразились многие слова и выражения, связанные с «вытью», то есть со всем, что относилось к продовольствию и харчам.

Некоторые статьи были опубликованы в «Памятных книжках Вологодской губернии», которые издавались губернским статистическим комитетом с 1853 по 1916 г. под разными

---

[674] Дилакторский П. А. Свадебный день в Кадниковском уезде // ВГВ. 1890. № 42, 44–46, 48, 50; он же. Канун свадебного дня в Троичине, Кадниковского уезда» // ВГВ. 1891. № 1, 2; он же. Пастушьи заговоры в Кадниковском уезде // ВГВ. 1891. № 5 и др.

[675] Дилакторский П. А. Вологжане-писатели. Материалы для словаря писателей, уроженцев Вологодской губернии.– Вологда, 1900.

[676] Дилакторский П. А. Материалы для изучения великорусского говора Двинницкой волости Кадниковского уезда Вологодской губернии // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук (ОРЯС АН). Вып. IV. Т. II, кн. 1. № 31. (Спб.). 1897.

[677] Словарь областного вологодского наречия. По рукописи П. А. Дилакторского 1902 г. / ред. А. И. Левичкин, С. А. Мызников.– М.: Наука, 2006.

[678] Шаброва Е. Н. П. А. Дилакторский и его словарь // Вологда: Краеведческий альманах. Вып. 3.– Вологда: Легия, 2000. С. 592–598.

[679] Мясников М. Н. Исторические сведения о Кокшеньге // ВЕВ. 1905.– № 10.– Прибавления.

[680] Воронов Н. Верховажский посад (Вельского уезда) // Вестник ИРГО. № 7 (СПб.). 1860. С. 121–150; Воронов П. Вельские свадебные обряды и причеты // Этнографический сборник. Вып. 5.– СПб., 1862. С. 17–18.

названиями[681]. В них, например, приводился перечень торговых мест в уездах, число которых постоянно росло. В 1864 г. в губернии насчитывалось 168 ярмарок. Наиболее ощутимый результат давала торговля хлебом в Вологде, куда поступали обозы с рожью и овсом из уездов, а также из Костромской и Вятской губерний. Весной хлеб отправляли в Петербург и Архангельск. Важной статьей торговли было мясо, сало, дичь, рыба, сливочное масло. В 1866 г. в губернии действовало 194 ярмарки, в 1869 г. – 225 ярмарок, значительно возрос их товарооборот в денежном отношении[682].

В «Памятной книжке Вологодской губернии на 1865 и 1866 год» был опубликован этнографический очерк секретаря Вологодского губернского статистического комитета Ф. А. Арсеньева «О промышленных и торговых сношениях в Зырянском крае», в котором есть много сведений о сезонной охоте на диких птиц в Усть-Сысольском уезде. Зимнее «лесованье» предполагало более длительное нахождение вне дома, когда охотникам необходимо было брать с собой значительный запас харчей, которые позволяли готовить сытную пищу. Однако по сравнению с началом XIX в. в 1860-е гг. зверей и птиц в Зырянском крае стало немного, соответственно и запасов с собой брали меньше.

Деятельность Ф. А. Арсеньева была многогранной: в 1863 г. он открыл в Вологде первую публичную библиотеку, с этого же года редактировал неофициальную часть «Вологодских губернских ведомостей», а в 1870-х годах – «Вологодские сборники» и «Памятные книжки». Он внимательно следил за развитием маслодельных артелей, в которых принимали участие и крестьяне[683]. Нельзя не отметить, что история промышленного маслоделия подробно воссоздана в работах И. К. Степановского[684].

Многие вологодские краеведы активно сотрудничали с Этнографическим бюро князя В. Н. Тенишева (Тенишевского бюро),

[681] Справочники по истории дореволюционной России.– М., 1978. С. 463.

[682] Памятная книжка Вологодской губернии на 1864 г. Вологда, 1864. С. 100; Памятная книжка Вологодской губернии. Вологда, 1866; Памятная книжка Вологодской губернии на 1870 год.– Вологда, 1870. С. 23.

[683] Арсеньев Ф. О промышленных и торговых сношениях в Зырянском крае. Этнографический очерк // Памятная книжка Вологодской губернии на 1865 и 1866 год. Вологда, 1866; он же. Выставка молочных продуктов и рогатого скота в г. Вологде // ВГВ. 1881. № 81; Старая Вологда. XII – начало XX в. Сборник документов и материалов / глав. ред. Ф. Я. Коновалов. Вологда, 2004. С. 505.

[684] Степановский И. К. Вологодская старина. Историко-этнографический сборник. Вологда, 1890; он же. Маслоделие – богатство Севера. Вологда, 1912; он же. Русское молочное хозяйство и кооперация. СПб., 1914; он же. Кооперация и вологодское артельное маслоделие. Вологда, 1922.

созданным в 1890-е годы в Санкт-Петербурге[685]. В 1897 г. им была разослана «Программа этнографических сведений о крестьянах Центральной России», на которую были получены ответы из 23 губерний. К работе был привлечен широкий круг авторов, включая сельскую интеллигенцию – учителей, семинаристов старших курсов, земских начальников, духовенство, грамотных крестьян. Значительную часть присланных в Тенишевское бюро материалов составили ответы корреспондентов из Вологодской губернии, зафиксированные более чем в 300 делах (АРЭМ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 97–401). Они дали значительный объем сведений о соблюдении дней церковного календаря, о храмовых праздниках, характере застолья в будни и праздники. Не менее важны ответы и на другие вопросы Программы, например, о найме для полевых работ, особенно на помочи, сопровождавшиеся, как правило, хорошим угощением и приготовлением особых блюд, о сезонном питании.

Интересны сведения корреспондентов Тенишевского бюро о традиции чаепития в Вологодской губ. А. К. Аристархов писал, что в Вологодском уезде она распространилась повсеместно (Д. 116). Это отмечал и В. Чапурский: «В Вологодском уезде чай пили все, и в редком доме не встретите самовара» (Д. 161). В Грязовецком уезде, как писал А. Голубцов, чай тоже стал «обыденным» напитком в сельской среде (Д. 173, Д. 210). В Вельском уезде чаепитие распространилось уже с 1834 г. и постепенно вошло в повседневный рацион. Е. Ф. Шейтанов отмечал, что «порядочный» чай готовили на завтрак, перед ужином («о паужне»), на ужин, но чаще в зимнее время, когда заготавливали дрова или ходили на смолокуренный завод. Чай стал незаменимым напитком на праздничных трапезах (Д. 100). В Никольском уезде, как писал И. Ивонинский, в 1890-е гг. чаепитие стало повсеместным явлением, но самовары имели только богатые крестьяне (Д. 286). Что же касается чаепития в Сольвычегодском уезде, то одни крестьяне пили чай ежедневно по разу, другие – только по праздникам. «Самоваров стало больше,– писал Н. К. Кириллов,– в каждой деревне есть самовар, да еще и не один» (Д. 333). В Тотемском уезде чаепитие тоже стало распространенным явлением, хотя А. Соболев сообщал, что старообрядцы, проживающие в Куракинской волости, связывали повсеместное распространение чая с концом света (Д. 372).

[685] В настоящее время рукописи Тенишевского бюро находятся в архиве Российского этнографического музея (АРЭМ. Ф. 7).

Ценные сведения о повседневной и праздничной пище крестьян Тотемского уезда прислали учащийся Вологодской духовной семинарии И. Голубев, учитель Спасского земского училища В. Евфимьев, псаломщик В. Суровцев, крестьянин А. Мальцев, учитель Калининского земского училища А. А. Жуков и другие, собравшие интересные материалы о питании крестьян (Д. Малевинский, Н. Михайлов, Н. Миролюбов, В. Покровский, С. А. Дилакторский, А. Шадрин, А. А. Каменев и др). И. Суворов отметил, что гостеприимство и хлебосольство «тиксняков» особенно проявлялось во время храмовых и «деревенских» праздников (Д. 373, 376). В. Ефимьев оставил подробное описание «пирования» жителей Кокшеньги, которое обычно начиналось с того, что хозяин сам рассаживал своих хороших знакомых за столом и сначала угощал почетных гостей. В состав такой компании нередко входят и члены сельского начальства в лице старшины, сельского старосты, волостного и сельского писаря, полицейского урядника (Д. 345). К праздничным дням готовились заранее и гостям были всегда рады – писал корреспондент Тенишевского бюро Н. Журавлев (Д. 163)[686].

О питании крестьян Троицких волостей Кадниковского уезда в будни и праздники писал А. Мерцалов. Он отмечал частое посещение храмов, особенно на Пасху и Рождество Христово (Д. 240). Об этом же сообщал и земский врач С. А. Дилакторский (Д. 240). Н. К. Кириллов акцентировал внимание на том, что повседневная пища жителей Сольвычегодского уезда отличалась простотой и в то же время была довольно калорийной. Он отмечал строгое соблюдение этикета за столом, за которым наблюдал глава семейства – «большак» (Д. 330, 333). По наблюдениям М. Капустина, ежедневная пища крестьян Никольской волости включала ржаной хлеб отличного качества, «мягкие» (пироги из ячменной муки), щи, шаньги. Благодаря личным огородам, у крестьян было много овощей, из которых готовили первые и вторые блюда (Д. 320).

Сведения краеведов о питании вологодских крестьян были дополнены работой Н. А. Иваницкого «Материалы по этнографии Вологодской губернии» (1890), опубликованной в «Трудах» этнографического отдела Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ, 1863–1931), созданного при Императорском Московском университете). В нее

[686] Подробнее см.: Воронина Т. А. Об особенностях питания крестьян Тотемского уезда в конце XIX века // Тотьма: краеведческий альманах. Вып. 2.– Вологда, «Русь», 1997. С. 132–164.

вошли сведения о традиционной пище и утвари жителей Вологодского и Кадниковского уездов. О питании крестьян Сольвычегодского уезда говорилось в другой работе Н. А. Иваницкого – «Сольвычегодский крестьянин, его обстановка, жизнь и деятельность» (1898)[687].

В сборе материалов о традиционном питании вологодских крестьян важную роль сыграло Вологодское общество изучения Северного края (ВОИСК), созданное в 1909 г.[688] В состав Общества входила географо-этнографическая комиссия, которая в 1910–1913 гг. осуществляла сбор материалов с использованием анкет и во время комплексных экспедиций. По инициативе вологодских краеведов были созданы уездные отделы ВОИСК в Тотьме, Великом Устюге и Вельске, которые вели самостоятельную работу по изучению местного края. Начиная с 1915 г., в деятельности Тотемского отдела принимали участие Д. А. Григоров, Н. В. Ильинский, Н. А. Черницын, также преподаватели различных учебных заведений города и уезда, служащие, купцы, священники, художники, агрономы, лесничие, крестьяне[689].

В период с 1914 по 1921 г. вышли в свет несколько номеров «Известий Вологодского общества изучения Северного края», но до 1928 г. они стали выходить под названием «Север». В первом выпуске «Известий Вологодского общества изучения Северного края» в 1914 г. вышла обобщающая работа П. А. Дилакторского о вологодских писателях. В этом же выпуске была издана небольшая статья крестьянина М. П. Попова «Как образовалась деревня Митино». Она была посвящена истории его родной деревни Митино Косиковской волости Тотемского уезда. Вместе с тем, он сообщает сведения о скоромном и постном рационе питания местных жителей, о распространении традиции чаепития. В статье Н. В. Ильинского «Растительность по реке Сысоле» сообщается о том, что в начале XX в. в Усть-Сысольском уезде Вологодской губ.

[687] Иваницкий Н. А. Материалы по этнографии Вологодской губернии. Сборник сведений для изучения крестьянского населения Вологодской губернии // Известия ОЛЕАЭ. Т. LXIX. Труды этнографического отдела. Т. XI. Вып. X.– М., 1890; он же. Сольвычегодский крестьянин, его обстановка, жизнь и деятельность // Живая старина. Вып. 1. 1898. С. 3–74.

[688] Белов С. П. Вологодское общество изучения Северного края: история и перспективы // Известия ВОИСК. Исследование и реставрация памятников культуры Русского Севера. Выпуск 8.– Вологда, 2000. С. 10–15.

[689] Белов С. П. История Тотемского отдела Вологодского общества изучения Северного края (1915–1920 гг.) // Тотьма: Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда: ВГПУ, «Русь», 1997. С. 518–536.

сократились посевы хлеба и многим местным жителям его приходилось покупать. В ней также перечисляются те овощи, которые входили в повседневный рацион питания, это были картофель, капуста, репа, лук, морковь, горох. Что же касается фруктов, то суровые зимы и заморозки не позволяли культивировать ягодники и плодовые деревья[690].

После революционных событий 1917 г. многие краеведы были задействованы в сборе материалов по специальной анкете ВОИСК, разосланной в 1920-е годы по Вологодской губ. Ответы на вопросы анкеты показали, что питание крестьян сохраняло традиционные черты, хотя появились трудности в приобретении продуктов. В них есть сведения о традиции пивоварения к престольным праздникам, о состоянии промыслов по производству домашней утвари. В числе рукописей ВОИСК имеются также очерки В. М. Соболевской о быте кокшаров и присухонских крестьян с описанием скоромной и постной пищи; А. А. Шустикова, объездившего многие захолустья Вологодской губ. Ценны сведения Н. Г. Паничевой о быте крестьян Вологодского уезда; Ф. Н. Журавлева – об особенностях стола на новоселье в Кадниковском уезде; С. Скороходова (о каргопольцах), Кондрашева[691].

В 1924 г. Вологодским обществом изучения Северного края совместно с Академией истории материальной культуры была организована этнологическая экспедиция. В работе Вологодского отряда принял участие М. Б. Едемский, который, несмотря на серьезное увлечение геологией, не оставлял занятия этнографией[692]. Вологодское общество изучения Северного края просуществовало до 1937 г.[693] и было возрождено только в 1980-е гг.

Сведения о краеведах были обобщены в работе А. и А. Веселовских, которые разделяли историю изучения Вологодского края на два этапа: «время краелюбия» и «время краеведения». Интересно, что с первым этапом они связывали имена Ф. А. Малевинского,

[690] Дилакторский П. А. Вологжане-писатели. Материал для словаря писателей уроженцев Вологодской губернии // // Известия ВОИСК. 1914. № 1; Попов М. П. Как образовалась деревня Митино // Там же; Ильинский Н. В. Растительность по реке Сысоле // Там же.

[691] Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 4389; Ф. 652. Д. 144, 146, 149, 208.

[692] Едемский М. Б. Краткие сведения о работе вологодского отряда этнологической экспедиции от Академии истории материальной культуры и Вологодского общества изучения Северного края в 1924 г. // Север. 1927. № 3–4. С. 109–111.

[693] ГАВО. Ф. 4389 и Ф. 652.

П. Воронова, П. Шайтанова, Н. Попова, со вторым – имена Н. Иваницкого, П. Дилакторского, А. Шустикова, М. Едемского[694].

В заключение краткого очерка о вологодских краеведах можно сказать, что они внесли значительный вклад в этнографическое изучение культуры и быта Русского Севера. Ценность собранных ими сведений состоит прежде всего в том, что они были непосредственными наблюдателями происходивших на их глазах изменений во многих сферах народной жизни. Среди собранных ими материалов оказалось немало сведений о традиционной пище вологодских крестьян (XIX – начало XX в.), которые позволили реконструировать обычаи и обряды, связанные с повседневным и праздничным рационом питания. Они свидетельствуют, что локальные варианты приготовления пищи играли важную роль в формировании вологодской кухни, что расширяет знания и о значимости русской кухни в целом. Их труды до сих пор не потеряли своей значимости, некоторые из них вышли в свет в серии историко-краеведческих альманахов о старинных городах Вологодской области, которые были изданы, начиная с 1990-х гг.[695] Огромный вклад вологодских краеведов в этнографическое изучение крестьянской культуры не должен быть забыт и надо полагать, он будет оценен по достоинству всеми, кто обратятся к их богатому наследию.

Фролова Александра Викторовна,
Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва

ФОРМИРОВАНИЕ СОВЕТСКОЙ ПРАЗДНИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX В. (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХАНГЕЛЬСКОГО СЕВЕРА)

В основе исследования лежат полевые материалы, собранные автором в деревнях Холмогорского, Пинежского, Мезенского, Лешуконского р-в Архангельской обл., в городах Архангельске, Северодвинске, Котласе, Мезени и др. в 2003–2010 гг., также привлечены материалы, содержащие фактические данные, местные

[694] Веселовский А., Веселовский А. Вологжане-краеведы. Источники словаря. Вологда, 1923.

[695] Подробнее см.: Юбилейные краеведческие даты Вологды на 2018 год. // Централизованная библиотечная система города Вологды [сайт]. Режим доступа: https://cbs-vologda.ru/literaturnye-yubilei/106-kraevedcheskij-kalendar/2828-yubilejnye-kraevedcheskie-daty-vologdy-na-2018-god.html (дата обращения 27.12.2018).

периодические издания, архивные документы ГААО (Государственного архива Архангельской области)

С первых дней Советской власти началось преобразование и переустройство общественного быта. В процессе «приобщения» к новому образу жизни устанавливались новые революционные праздники, обновлялись или вытеснялись из быта праздники народного календаря, формировались новые обрядовые действия, освящающие «переходное состояние» в жизни человека (рождение, свадьба, похороны и т. д.). Внедрение советской общественностью праздников революционного «красного» календаря, попытки замены традиционных народных праздников, составлявших «скелет», основу традиционной праздничной культуры, свидетельствовали о стремлении радикально перестроить духовный мир человека.

Необходимо отметить, что для первых послеоктябрьских десятилетий было характерно сосуществование старых церковных и новых революционных праздников, так называемых дней «красного календаря». Значимыми вехами в этом процессе стали декреты СНК 1918 г. о новом календаре и отделении церкви от государства. В соответствии с ними были установлены новые государственные праздники Советской Российской республики, «посвященные воспоминаниям об исторических и общественных событиях»: 22 января – день 9-го января 1905 г., 12 марта – день низвержения самодержавия, 18 марта – день Парижской коммуны, 1 Мая – день Интернационала и 7 ноября – день пролетарской революции, а также 1 января – Новый год[696]. 2 января 1919 года постановлением Пленарного заседания Совета Профессиональных Союзов были объявлены нерабочими (но не праздничными) и дни пяти наиболее почитаемых праздников православной церкви: 6 января (все даты даются по старому стилю) – Крещение, 25 марта – Благовещение, 15 августа – Успение, 25 и 26 декабря – Рождество, а также пятница и суббота Страстной, понедельник и вторник Пасхальной недель[697].

К середине 1920-х годов было декретировано 9 революционных праздников и особых дней отдыха: 1 января – Новый год, 21 января – день траура (смерти В. И. Ленина), 22 января – день

[696] Декреты Советской власти. 10 ноября 1918 г.– 31 марта 1919 г. М., 1968. Т. IV. С. 190.

[697] Полищук Н. С. Развитие русских праздников // Русские.– М., 1999. С. 586; Её же. У истоков советских праздников // СЭ. 1987. № 6. С. 7.

памяти революции 9 января 1905 года, 12 марта – день низвержения самодержавия, 18 марта – день Парижской коммуны, 1 мая – день Интернационала, 7 ноября – день пролетарской революции, 6 июля – день Конституции СССР, 8 марта – Международный день работниц. Количество революционных праздников постепенно увеличивалось и к десятой годовщине Октября их число достигло 13[698]. Иногда их празднование совмещали. Так, 5 июля 1925 г. происходило празднование Международного дня кооперации и 3-й годовщины Конституции СССР[699].

Смысл праздников «красного» календаря определил сам В. И. Ленин. Он видел в создаваемой социалистической революцией праздничной культуре эффективнейшее средство этой же революции[700]. В. И. Ленина интересовали прежде всего массовые революционные праздники, предпосылкой и основанием для которых стала маевка – дореволюционный пролетарский праздник. «Митингование, это и есть настоящий демократизм трудящихся, …их пробуждение к новой жизни»[701],– считал вождь. В раннем советском массовом празднике центральное место, помимо митинга, занимало шествие, демонстрация, движущаяся под маршевую музыку духовых оркестров. В столицах и областных городах в создании и оформлении подобных праздников участвовали в основном профессиональные художники, а затем и театральные деятели, творческими мастерскими которых становились целые города.

По мнению современников, отношение народа, в первую очередь крестьян, к первым революционным праздникам было неоднозначным, поскольку идеи, в них заложенные, а также и оформление их было модернистским, непонятным. Площади и улицы городов, по которым шествовали демонстранты, декорировали красными, черными и зелеными парусами, оранжевыми кубами, фантастическими искаженными фигурами с молотами и винтовками, расписывались стены домов, заборы[702]. Все здания, «в которых помещались государственные учреждения и хозорганы, кооперативные клубы, … витрины кооперативных магазинов празднично убирались зеленью, красной материей и флагами. Особенно выделяется витрина Цербкоопского магазина № 18.

[698] Полищук Н. С. Развитие русских праздников… С. 586.

[699] Известия 1925 от 5 июля.

[700] Мазаев А. И. Праздник как социально-художественное явление.– М., 1978. С. 229.

[701] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36.– М., 1958. С. 201–202.

[702] Коротаев В. И. Указ. соч. С. 99.

Женщина-крестьянка в русском сарафане и мужчина-рабочий пожимают друг другу руку, между ними портрет Владимира Ильича на красном фоне»[703].

В начале 1920-х годов основное место в структуре празднеств занимали театральные представления карнавального характера: сатирически-гротесковые инсценировки, скетчи, декламации, цирковые номера, основные участники которых были самодеятельные артисты. К этому же времени относится и всплеск активности кружков художественной самодеятельности. «Что делать с кружками; они плодятся как инфузории – ни отсутствие топлива, ни отсутствие продовольствия – ничто не может задержать их развитие…»[704]. В Архангельске уже в конце XIX в. существовали и выступали артисты самодеятельных кружков народного театра на лесопильных заводах Маймаксы.

В истории зарождения советских праздников отправным событием можно считать 1 мая 1918 года, когда впервые после победы Октябрьской Революции в ряде городов – Москве, Петрограде, Киеве, Саратове, Архангельске, Воронеже и других – были проведены праздничные церемонии. Об этом событии в Архангельске вспоминал Иван Боговой: «1 мая 1918 Архангельск торжественно справил настоящий рабочий праздник. Все – с красным бантиком в петличке <…> и город украшен красными флагами»[705].

С 1920-го года 1 Мая часто соединяли с субботником. На первый Всероссийский субботник-маевку, состоявшийся в этом году, в Архангельске, по словам современника, «все трудовое население вышло на работу. На площади возле Летнего театра организовали чай и раздачу белого хлеба. Большая партия – 12 тысяч человек работала на прорытии канала. Работа закончилась в конце 2-го часа, участвующим раздали продовольственный паек. Вечером, после субботника – на заводах митинги, спектакли, концерты, представления под открытым небом»[706].

Размах вариаций ритуала торжественной части Первомая был очень велик. В городах – самым развернутым, наиболее кратким «сценарий» (митинг, шествие) был в сельской местности[707]. «1 мая придут на кладбища, там, где захоронены погибшие в гражданскую войну односельчане, партизаны Артемий и Матвей, их еще Артюха да Матюха звали. Придут туда со всей д. Шотогорки и песни поют “Мы жертвою пали”. Скажут речь. Обязательно председатель сельсовета выступал, потом все желающие. Выступали коммунисты, больше всех выступали»[708].

[703] Волна. 1924. 3 мая. 97(1241). С. 2.
[704] Мазаев А. И. Указ. соч. С. 349.
[705] Иван Боговой. Как архангельские рабочие праздновали 1 Мая.– Архангельск, 1924. С. 55.
[706] Иван Боговой. Указ. соч. С. 70–73.
[707] Полищук Н. С. У истоков советских праздников // СЭ. 1987.– № 6.– С. 11.

В годы нэпа праздничная церемония в городе обогатилась массовыми уличными развлечениями, концертами, спортивными выступлениями, демонстрацией производственных достижений, «политкарнавалом». Со второй половины 1920-х годов праздники стали делиться на 2 части: на демонстрацию, которой предшествовал военный парад, и вечернее народное гулянье в день демонстрации или на следующий день. В Архангельске «к 11 часам трудящиеся собираются у Дворца труда и стройными рядами идут по улице Виноградова с развернутыми знаменами на Октябрьскую площадь. Знамен много. Пунцово красные. Между ними художественные картины с надписями, выполненными золотой и белой тесьмой… гирлянды из хвои, портреты вождей на красном фоне…. Во всех клубах проходили митинги рабочих…затем были поставлены везде спектакли…»[709].

В первые десятилетия Советской власти в городах Архангельского края создавались Дома культуры, клубы, по деревням и селам – избы-читальни. Формировалась среда, с помощью которой распространялась новая праздничная культура. В отчете за 1938 год Дома культуры г. Шенкурска Архангельской области сообщалось: «Работало 3 кружка – драмкружок, духовой, кружок по изучению положения о выборах в Верховный совет. Поставлено 10 спектаклей и постановок, прочитано 3 лекции – «История народов СССР», «Остро заразные болезни и борьба с ними», 4 доклада, присутствовало 1188 человек. Организовано 14 вечеров самодеятельности и танцы. Создана культбригада из 8 человек»[710].

Вышестоящими инстанциями давались указания: «В избах-читальнях и красных уголках проводить читку газет и журналов с разъяснением выступлений тов. Сталина. Проводить вечера вопросов и ответов, вывешивать соответствующие лозунги, рекомендуемые списки литературы. На время сельскохозяйственных работ перенести работу политпросветучреждений в поле, на тока, гумно»[711]. Кроме того, рекомендовалось отмечать определенные

[708] ПМА. 2003 г. от Лысцева Е. С., 1929 г. р. д. Ваймуша Пинежский р-н.
[709] Волна. 7 ноября. 1924. 255 (1399). С. 2–4.
[710] ГААО: Ф. 5840. Оп. 1. Д. 15. Л. 27.
[711] ГААО: Ф. 5840. Оп. 1. Д. 16. Л. 40.

памятные даты. В апреле 1938 г. это были: «Приезд В.И. Ленина в Петроград, день рождения В.И. Ленина, "Апрельские тезисы"; Ленский расстрел рабочих; День рождения Н.А. Островского, Эрнста Тельмана; День смерти Владимира Маяковского, Годовщина битвы на Чудском озере; 375 лет со дня рождения В. Шекспира». Все эти события следовало отмечать проведением бесед, лекций, громких читок, литературных вечеров, вечеров художественной самодеятельности, организацией выставок. Рекомендовалось также усилить антирелигиозную пропаганду, учитывая, что «9 апреля с.г. религиозники отмечают Пасху. Провести соответствующие беседы и лекции»[712].

С середины 1930-х годов повсеместно стал внедряться в быт праздник новогодней елки, символом которого наряду с Дедом Морозом и Снегурочкой становится нарядно украшенная новогодняя елка, вычеркнутая из новогоднего праздника в середине 1920-х годов как пережиток прошлого, поскольку до революции елка была атрибутом Рождества. Лишь спустя 11 лет она обрела новую жизнь.

28 декабря 1935 года газета «Правда» опубликовала статью секретаря ЦК Коммунистической партии Украины П.П. Постышева «Давайте организуем к Новому году детям хорошую елку!». Автор писал: «В дореволюционное время буржуазия и чиновники всегда устраивали на Новый год своим детям елку… Комсомольцы, пионеры, работники должны под Новый год устроить коллективные елки для детей. В школах, детских домах, во дворцах пионеров, в детских клубах, в детских кино и театрах – везде должна быть детская елка. Не может быть ни одного колхоза, где бы правление вместе с комсомольцами не устроило накануне Нового года елку для своих ребятишек…»[713] Уже в январе 1936 г. во многих детских садах, школах, домах пионеров, рабочих и армейских клубах проводились новогодние елки[714].

Советский календарь обогатился новым праздником, истоки которого лежали в огромнейшей популярности рождественской елки.

К концу 1930-х годов можно говорить о появлении советской праздничной культуры в ее новой обрядовой форме. Новые советские праздники, созданные в период строительства социализма,

[712] ГААО: Ф. 5840. Оп. 1. Д. 16. Л. 51.

[713] Руднев В.А. Советские праздники, обряды, ритуалы. Л., 1979. С. 19.

[714] Полищук Н.С. Развитие русских праздников… С. 594; Наши праздники.– М., 1977. С. 149.

особенно: годовщина Великой Октябрьской социалистической революции, Первое мая – День международной солидарности трудящихся, Международный женский день, День Советской Армии и Флота, Дни Военно-Морского и Воздушного флота СССР стали основой для дальнейшего развития советских праздничных традиций.

К этому же времени относится возникновение традиции проведения тематических декад национального искусства, культуры, олимпиад народного творчества и т.п. Каждое подобное мероприятие партийные и советские областные организации обязаны были провести как яркий, радостный и запоминающийся праздник[715]. За годы первых предвоенных пятилеток выросло новое поколение, воспитанное в новом обществе и принявшее новую праздничную культуру[716].

Великая Отечественная война замедлила процесс развития советской праздничной культуры. В этот период великих испытаний деятельность дворцов и домов народного творчества проходила под лозунгом «Всё для фронта, всё для победы!» и не ограничивалась выпуском репертуарных листовок. Главные праздники Первомай и Октябрь отмечали, правда, не устраивая больших торжеств. Одним из новых праздничных элементов, появившихся в то время, стали торжественные салюты. Весна 1945 стала рождением нового праздника, который получил дальнейшее оформление в виде всенародного Праздника Победы. Необходимо отметить, что День Победы стал не только общегосударственным, но и общесемейным праздником. Ритуал празднования включал и традицию поминовения усопших.

Наиболее любимым теперь уже советским праздником для городских и сельских жителей всей страны стал Новый год. Можно сказать, что на него были перенесены некоторые элементы таких праздников, как Рождество и Святки: маскарадные костюмы, украшенные елки, подарки детям, в Архангельске *козули* теперь пекли к 1 января. Во многих деревнях Архангельского Севера на Новый год было перенесено святочное ряжение, в котором появилось много новых персонажей: литературные и сказочные герои, например, кот в сапогах, клоун, лиса и заяц; экзотические животные (тигр, морж); остались и традиционные маски – черт,

[715] ГААО. Ф. 5790. Оп. 3. Д. 5. Л. 1.

[716] Фролова А.В. Детский и молодежный игровой календарь русских в XX в.// Культурология традиционных сообществ. Конкурсные работы молодых ученых.– Омск. 2002. С. 72–88.

дед, медведь, козел. Новые персонажи ряжения основывались на традиционном комплексе народных средств и приемов изменения внешности, который представлялся как костюмом, маской, специфическим гримом, так и игровым перевоплощением. «Сейчас ряженье на Новый год – маски. Если лиса, то маска, платье атласное, хвост длинный на проволоке и ходит она кругом; черт – в черных рейтузах, на голове эластичный чулок черный с дырками для глаз и рта, хвостик короткий, идешь уже потихоньку, валовито, извиваешься; зайка – в брюках и рубашке из простыни, прыгаешь, пляшешь; тигр – все полосатое было; клоун – жабо, шляпа, костюм с широкими штанами из разноцветной ткани; медведь – полушубок вывернутый да унты. Все просят: "Мишенька попляши!" Так пляшешь, что не можешь воздуха нахватать после пляски»[717].

Празднование таких дат, как 1 Мая, 7 Ноября, 23 февраля – День Советской Армии и Военно-Морского флота, 8 Марта, не только укоренилось в общественном и семейном быту у горожан и жителей сельской местности, но и наполнилось новым содержанием, утратив свой первоначальный пропагандистский характер[718]. «8 Марта, 23 февраля собирались, кто с кем дружит. Концерты в клубе, весело было, народу много, даже в коридоре стояли, двери открыты. Все праздники в деревне весело проходили, концерты устраивали, танцы. Обязательно в начале торжественная часть, концерт обязательно, а потом уже танцы»[719].

Интересен тот факт, что до конца 1950-х годов в деревнях и селах Мезенского, Пинежского, Лешуконского районов к государственным советским праздникам (Новый год, 8 марта, 23 февраля) приурочивали свои съезжие праздники. «У нас на Пезе, 1 января, в Новый год, все гости непременно съезжались в Лобане, 23 февраля – в Вирюге и Бычье, 8 марта – в Езевце, 5 декабря – в Баковской»[720]. Ничего не могло помешать проведению сельских съезжих праздников, даже смерть И. В. Сталина. Умер он 5 марта, а к восьмому числу в Езевце уже готовились к приезду гостей. Собрался тогда сход жителей деревни и решил, праздник не отменять, ведь гости приглашены заранее, и брага в лагунах вызрела. Для того

[717] АКФ МГУ. Северная экспедиция МГУ Лето 1976 г. д. Кеба, Олема Лешуконский р-н. Тетр. 8 (181). № 2.

[718] Полищук Н. С. Развитие русских праздников… С. 587.

[719] ПМА. 2003 г. от Козьминой А. А. 1931 г. р. д. Ваймуша Пинежский р-н.

[720] ПМА. 2005 г. от Митькина В. И., 1928 г. р. г. Мезень; Макуриной Е. М. 1924 г. р. Макурина Г. И. 1929 г. р. с. Дорогорское, Мезенский р-н.

чтобы уехать на праздник колхозники оставляли на фермах кормов и воды на три дня[721].

За несколько десятилетий в стране была создана новая советская праздничная культура. В своем развитии она прошла несколько этапов. На Архангельском Севере на её формирование оказали влияние социально-экономический и этнокультурный факторы, что позволило выделить два больших этапа:

1-й этап. С 1918 – 1950-е годы. В нем можно выделить 2 периода:

1920-е годы – поиск новых форм, попытки использования старых праздничных форм;

1930-е – 1950-е годы – вхождение в быт новых праздников.

2-й этап. 1960-е – 1991 год характеризовался поиском новых форм, обращением к народной культуре и созданием новых праздников и обрядов.

Советский праздничный календарь включал десятки праздников – государственных, профессиональных, фольклорных, литературных и пр. Среди них особой любовью пользовался Новый год, на который были перенесены некоторые святочные и рождественские праздничные элементы. 7 ноября – годовщина Октябрьской революции, 23 февраля, 8 марта, 1 мая, День Победы, – эти государственные праздники вошли в быт северян, был создан новый цикл профессиональных трудовых праздников, многие из которых нашли признание у населения Архангельского Севера и стали традиционными. Среди новых, так называемых сезонных праздников, особой популярностью пользовался праздник Проводов Зимы, включавший в себя большой пласт масленичных развлечений.

Анализ особенностей бытования традиционных народных праздников свидетельствует об изменении характерного для них состава. На смену торжественной православной части пришли торжественные собрания, митинги и демонстрации; несколько сократилась вторая часть – общественные гуляния, на смену традиционным развлечениям, песням, танцам пришли новые; в большей степени сохранилась третья часть праздника – семейная или домашняя, связанная с традицией родственного застолья и гостевания. Подобная структура постепенно переносилась жителями Архангельского Севера и на проведение некоторых советских праздников (23 февраля, 8 марта).

[721] ПМА. 2005 г от Макуриной Е. М. 1924 г. р. Макурина Г. И. 1929 г. р. с. Дорогорское, Мезенский р-н.

Югай Елена Федоровна,
Liberal Arts College Института общественных наук Российской Академии народного хозяйства и государственной службы, г. Москва

ПОСЛЕДНИЕ ПЛАКАЛЬЩИЦЫ И ИХ ВОСПРИЯТИЕ

В некоторых вологодских деревнях фольклорные причитания над умершим сохранялись на протяжении всего XX в., и даже в начале XXI в. еще можно встретить женщину, «прибирающую слова» на могиле или рассказ о том, как несколько лет назад на похороны родственника явилась соседка и начала «выть». Но нельзя не отметить маргинальность и самого умения (причитать могут «далеко не все»), и действия (все-таки это случается «редко»). Традиция причитания постепенно сходит на нет. Это не случайно. Изменился мир, изменился траурный этикет, да и сама церемония похорон стала более «цивилизованной». В статье ставится вопрос, какими запомнили причитальщиц те поколения деревенских жителей, на которых традиция остановилась, и как это связано с особенностями их обрядовой роли. Материалом исследования послужили интервью преимущественно с жителями востока Вологодской области (Тотемский, Тарногский и Никольский районы), а также интервью, записанные в Кадуйском районе и в Карелии. Интервью позволяет сделать выводы о том, чего не покажет текст плача – о бытовании причитаний в реальных жизненных ситуациях в XX–XXI вв.

Причитания существовали в разных традициях, и развитие этого жанра во многих из них проходило по схожим моделям. Письменные фиксации ранних плачей – это слезы по богам и героям (именно им посвящены эпос и хроники – первые записанные тексты), часто это были плачи, исполняемые мужчинами. Поздние записи XIX–XX вв.– причитания по родным, близким и соседям, исполняемые почти исключительно женщинами. Греческие причитания записываются до сих пор, современные египетские причитания собраны и исследованы в 1990-е годы, большинство записей в ирландских архивах относится к 1930-м годам[722], карельские плачи собираются и изучаются на протяжении XX в. финскими и

[722] *E. Wickett.* For the Living and the Dead: The Funerary Laments of Upper Egypt, Ancient and Modern. Hardcover, 2010. *P. Lysaght.* «Caoineadh os Cionn Coirp»: The Lament for the Dead in Ireland // Folklore. Vol. 108. 1997. P. 70.

российскими исследователями, в частности, в статье Эйлы Степановой выполнено сравнение литовских и карельских плачей, в 2012 г. вышел том украинских причитаний, включающий как публикацию записей XIX в., так и современные записи текстов.[723] В этом многообразии севернорусская причеть, к которой причисляют и вологодскую, занимает важное место. Для северо-востока Европы – финно-угорских и славянских народов – характерна развитая традиция причети, при этом причитания сопровождали не только похороны и поминки, но и свадьбу, и проводы, например, в рекруты.[724] И, что важно, причитания сохранились до того времени, когда стала технически возможна их запись. Однако последние десятилетия можно было наблюдать постепенное угасание жанра.

Жительница Тарногского района говорит о причетах своего детства как о будничном и распространенном явлении: «Вот раньше были на Осташеве причитали – вон те больно хорошо! …Ешо мы не большие были. Много было причётальниц. …Раньше, я и баю, редко кто не причитал-то! Все умили веть. А причёты у кажново свои. У ково какоё горе»[725]. В своем поколении она остается чуть ли не единственной, кто сохранил этот навык.

Во многих местах (например, в Харовском районе[726]) обязательные причитания прекратились в послевоенное время. В других районах причитания на похоронах продолжают существовать гораздо дольше: «В 90-м году ещё причитали. Были бабушки, которые знали причёты. Их просили, чтобы они попричитали. Раньше

[723] *У. С. Конкка.* Поэзия печали: Карельские обрядовые плачи. Петрозаводск: Карельский науч. центр РАН, 1992; *А. С. Степанова.* Метафорический мир карельских причитаний. Л.: Наука, 1985; *Т. В. Краснопольская.* Карельские причитания: Вопросы музыкально-поэтической композиции // *Т. В. Краснопольская.* Певческая культура народов Карелии: Очерки и статьи. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 2007. С. 28–53. *E. Stepanova.* Reflections of Belief Systems in Karelian and Lithuanian Laments: Shared Systems of Traditional Referentiality? // Archaeologia Baltica: Archaeology, Religion, and Folklore in the Baltic Sea Region. 2011. № 15. P. 128–143. Голосіння / Упоряд. І. Коваль-Фучило. Київ: Інститут мистецтвознавства, фольклористики та етнології ім. М. Т. Рильського, 2012.

[724] Об особой развитости этой традиции писал К. В. Чистов: К. В. Чистов. Причитания у славянских и финно-угорских народов: Некоторые итоги и проблемы // Обряды и обрядовый фольклор. М.: Наука, 1982. С. 100–113.

[725] Г. Н. Л., ж., 1926 г. р., род.– д. Дубровская выставка. Зап. д. Доронинская Верховского с/п Тарногского р-на. Зап. Югай Е. Ф., Мельникова Е. Ю. 07.2018.

[726] Фонд фольклорно-этнографических материалов Вологодской школы традиционной народной культуры (далее – Архив ШТНК). А. А. С., ж., 1941 г. р., род.– д. Азла. Зап. д. Золотава Харовского р-на Вологодской обл. Зап. Югай Е. Ф., Козулин К., Дмириева М., Иванова И., Голыш М. 2015.

это было в порядке вещей» (Тарногский район)[727]. Жительница Тотемского района рассказывает о событиях десятилетней давности: «Бабушка умерла, стоим с сухими глазами. Пришла бабушки брата жена, ну её уж нету, и тоже та с причетами. “Что золовушка, как же ты меня покинула, передай привет да моему муженьку, детонькам моим” (у нее умерли дети перед войной ещё). Она причитает: “Как мы с тобой прожили, да дружно мы жили, да жизнь-то мы трудную прожили, как мы с тобой это делили-то”. И она рассказала, что мы о бабушке не знали даже. Во время, когда причитала, она рассказывала! “Как мы познакомились с твоим братом, как ты меня хранила-берегла, когда брат на войне был”».[728]

Непосредственное воспоминание о причетах в их живом бытовании сохраняется у людей разных поколений. В рассказах о детстве сам образ причитальщицы экзотизируется, ее появление описывается как почти мистическое событие: «И тут <…> откуда ни возьмись появляется бабка. Она в платочке, с палочкой, такая грузная большая женщина. <…> в каком-то трансе начинает причитать, и я очень четко помню её вопль, он такой внутриутробный и пугающий. Сразу по всему телу пробегает холод. Если я ещё ребенок, мне ещё семь лет, я держу бабушку за руку: “Что это, бабушка, почему это происходит?”».[729]

Для современного человека наличие причитальщиц на похоронах делает смерть из трагичного, но, в общем-то, рядового события жизни событием исключительным, невыносимым (случилось то, «чего век не случается» – говорится о смерти в причетах), а сама причитальщица – носителем чужого, пугающего начала. Иногда близкие пытались остановить причет как усугубляющий (а не облегчающий) горе: «В 81-м году у меня мать умерла, летом. <…> Я краем глаза видел, что они зашли в чёрном, и внезапно начали выть. Причитания эти. Они настолько были пронзительны, что я почти сразу впал в это состоянии истерики и кричал: “Пусть они прекратят это дело!” <…> Потому что прошибает психологически, как ураган, вжик, который насквозь тебя проходит».[730]

[727] В. И. С., 1969 г. р. Зап. д. Макаровская, Тарногский р-н. Зап. Югай Е. Ф., Мельникова Е. Ю. 12.07.2018.

[728] Е. А. М., ж., 1965 г. р., род.– Мосеевский сельсовет Тотемского р-на Вологодской обл. Г. Тотьма. Зап. Югай Е., Оборина Т. 2016.

[729] А. О., ж., 1992 г. р., род.– респ. Карелия. Зап. Югай Е. 2017.

[730] А. П., м., 1958 г. р., род.– лесной поселок «18 квартал» Грязовецкого р-на. Зап. Югай Е. 2017.

Родственники и соседи, когда вспоминают о причитальщицах в своем или родительском поколении, подчеркивают, что те, кто причитали, были особенными: «А мамка моя причитала. Пела что-то, это ж не каждый!»[731]

Самое частое эмное объяснение («эмное» понимание – существующее внутри культуры, «внутреннее», в противовес «этному», исследовательскому) – близость к горю, наличие своих умерших, особенно дорогих: «Она очень много в жизни пережила, одна четырёх дочерей вырастила. От безысходности, от тяжёлой жизни… Тётя Марфа очень сильно причитала: “Аннушка <дочь>, какая ты у меня была хорошая, да почему так получилось, что ты раньше ушла, на кого ты меня оставила… – всю свою боль она в причитках и передавала”».[732] Эта психологическая трактовка не объясняет, почему другие женщины, потерявшие близких и любимых, не становились причитальщицами. В севернорусских деревнях второй половины XX в. умение выражать горе именно в таких формах очевидно более редкое, чем трагические семейные истории.

Умение плакать причетом ассоциируется с сильным характером: «Причитали люди, которые, я даже не могу объяснить, как… Тётя Марфа у нас была сильного характера». Можно сказать, что сила преодолеть собственное горе оборачивается силой воздействовать на других. Именно это умение оказывается определяющим для хорошей причитальщицы. С. Б. Адоньева пишет о социальной власти причитальщиц: «Причетницами были женщины, обладавшие особым даром, способные оказать большое воздействие на участников ритуала».[733] По наблюдениям исследовательницы, часто такими были старшие женщины в деревне.

Какими же чертами должна обладать женщина, которая становится искусна в причётах? Судя по всему, голос был значим в меньшей степени, чем можно было бы ожидать. Например, у одной из авторитетных причитальщиц было прозвище «Гнусавка» (за то, что говорит в нос). Значима память, про другую вспоминают: «Она частушек много знала. Да она всё знала! У неё была идеальная память. Как это ты не знаешь свой номер телефона мобильного?!

[731] М. К. Ш., ж., 1930 г. р., род.– хутор Рудный бор. Кадуйский р-н, Мазский с/с, д. Капчино. Зап. Югай Е. Ф., Дудкин А. А. 2015.

[732] Дочь А. К. С., 1925 г. р. Кадуйский р-н, Мазский с/с, д. Капчино. Зап. Югай Е. Ф., Дудкин А. А. 29.07.2015.

[733] С. Б. Адоньева, Л. Олсон. Традиция, трансгрессия, компромисс: Миры русской деревенской женщины. М.: НЛО, 2016. С. 341.

Да я любой выучу!»[734] (Тарногский район). Прозвище «Лешачиха» (Тотемский район) объясняется умением выругать[735], которое часто сопутствует роли причитальщицы – ср. «Ну, такая она на язык-от была – и выругать можёт, хоть бы что. И всё чисто может. Без матюков».[736] Согласно этим рассказам, причитальщицы легко переходили межличностные границы, и это важно, потому что они должны были управлять эмоциями людей.

Знание причитаний может входить как элемент в погребально-поминальную специализацию тех, кто моет покойников. Иногда занятие мытьем покойников передается по наследству от матери к дочери. От матери к дочери может передаваться и причет – так Анна Венаминовна (1931 г. р.) из Тотемского района впервые запричитала в 47 лет на похоронах матери, при этом она рассказывает, что «мама была горазда»[737] причитать и что она «отпричитала весь Вожбал».[738] Сама баба Нюра воспроизводит тексты и своих причетов, и материнских (например, фрагмент причета матери по сыну, брату Анны).

Причитания на практике часто совмещались с молитвами и духовными стихами, вбирали в себя образы православной символики. Молитвы и причитания – тексты принципиально разные – существуют на практике в едином комплексе. При этом молитвой просят Бога принять душу, а причитания становятся языком, на котором обращаются к самой душе. Распределение функций помогало текстам уживаться внутри одного ритуала. В кусте деревень Верховье Тарногского района параллельно существовали (и одновременно сошли на нет) причет и институт «читалок».

Причитание в пору своей обязательности могло восприниматься как ритуальная услуга или как семейный долг. С этим связаны анекдоты о плакальщицах, у которых реальное отношение к покойному отличается от исполняемого плача. Так в Бабушкинском районе записан рассказ о деде, которого бабка решила похоронить, сэкономив на костюме. Когда она начинает причитать «Ой, ты милой, да дорогой / Да, ты, куда да наредился, / Да куда, ты, собрался», он отвечает: «В футбол играть, бабка!» («раз она его в трусы да майку надела»).[739] Чтобы нейтрализовать противоречие между обязательностью причета и его прочувствованностью, сами причитальщицы переносят акцент с искусства причета на его личные смыслы[740]. Похожим образом практика обучения причитаниям (путем тренировки заранее и прицельного слушания старших) отличалась от нарративов о внезапном пробуждении таланта к причету при смерти близкого человека. В народном представлении естественным было мистическое, а не техническое приобретение навыка, что гарантировало наличие контакта с потусторонними силами.

Причитания часто сохраняются в памяти людей, занимающих особое положение в деревне. Например, один из причетов был записан на празднике Тихвинской в Никольском районе от женщины, которая собирала монеты, оставляемые другими паломниками (непрестанно повторяя благословения всем, кто с ней столкнется)[741]. В дальнейшем разговоре оказалось, что эта женщина периодически ездит в Вологду искать, кто ей подаст. Е. Е. Левкиевская пишет о коммуникативной структуре нищенства, что любой прохожий становится потенциальным адресантом-дарителем, а нищий ставит себя на место адресата. При этом он – субститут высших сил: «Милостыня, подаяние всегда рассматривались в традиционном обществе как не только социальная, но и сакральная форма контакта социма с нищим (ср., например, милостыню как форму поминовения умерших), в лице которого происходит общение с Богом».[742] Постановка себя на место сакрального адресата была свойственна нашей собеседнице с детства: по ее словам, мать

[734] О. А. Н., 1966 г. р. Зап. с. Верховский Погост Тарногского р-на. Зап. Югай Е. Ф., Мельникова Е. Ю. 09.07.2018.

[735] Архив проекта «Мониторинг актуального фольклора» (ШАГИ ИОН РАНХиГС) (далее – архив МАФ). Инф. 60–61. Г.П.К., ж., 1928 г. р., род.– д. Антушево, В. П., ж., дочь Г. П. К. Д. Антушево Тотемского р-на Вологодской обл. Зап. Югай Е., Иванова Н., Лурье В. 07.2017.

[736] М. Н. П., ж., 1955 г. р., д. Кузьминская Тарногского р-на. Зап. Югай Е. Ф., Мельникова Е. Ю., 07.2018.

[737] Архив МАФ. Инф. 111. А. В. К., ж., 1931 г. р., д. Исаево Тотемского р-на Зап. Архипова А., Иванова Н., Югай Е. 07.2017.

[738] «Не пристать, не приехати ни к которому бережку»: Похоронные и поминальные причитания Вологодской области / Сост., авт. вступ. ст. и коммент. Е. Ф. Югай. Вып. 1: Тотемский, Тарногский, Бабушкинский и Никольский районы. Вологда, 2011. С. 28.

[739] Архив ШТНК. А. В. С., ж., 1931 г.р., род.– д. Елифаново Миньковского с/с, Н. Н. С., ж., 1930 г.р., род.– д. Павлово Миньковского с/с Бабушкинский р-н, Миньковский с/с. С. Миньково. Зап. Осокин И. В., Левая О. А., Комичев М., Дульнев В. 19.08.2002.

[740] Е. Ф. Югай. Актуализируя причитания: взгляд причитальщицы на импровизацию в конце XX–XXI веке // Вестник РГГУ. 2018. № 9. 36–49.

[741] Е. В. С., ж., 85 лет. Зап. на кладбище в местечке Борок (близ д. Чернцово Аргуновского сельского поселения Никольского р-на). Зап. Югай Е. Ф., Мельникова Е. Ю. 09.07.2017.

[742] Е. Е. Левкиевская. Прошение милостыни: Старые культурные модели и новые языковые стратегии // Ритуал в языке и коммуникации: Сборник статей. М.: Знак; РГГУ, 2013. С. 211.

посылала ее-девочку на кладбище собирать конфеты и кормиться там. Запрет, существующий для всех детей, для нее не действовал. И причет по нашей просьбе она исполнила легко, перемежая его жалобой на отсутствие денег (намек мы охотно поняли).

Сложно сказать, притягивает ли рассказ о тяжелом жанре историю о странной судьбе или некое особое положение в социуме способствует развитию навыка причитать, но часто одно совпадает с другим. Про женщину, оплакавшую всех в деревне, соседка говорит: «Бабка была эдакая… Непростая».[743] Про другую причитальщицу (от которой экспедиция «Школы традиционной народной культуры» записала несколько развернутых причетов) вспоминают: «Кого-то розвести, ково-то свести. …К ней люди ходили и на машинах издили».[744] Даже в доме престарелых, где она провела последнюю зиму, ее разыскал человек с грыжей межпозвоночного диска. Сотрудница дома престарелых рассказывает: «Я её вызвала, бабушку эту. <…>. Она говорит: “Мне не справиться – я ведь заговаривала грыжу у ребёнков, у младенцев!”»[745] Подобная коммуникативная неудача (омонимия народного названия детской болезни и нового врачебного диагноза) показывает, что представление о «магическом специалисте» переживает знание традиции оказываемых им услуг. Так и образ причитальщицы, знающей, как обратиться к умершему, и потому занимающей промежуточное положение, переживает обязательность причитания на похоронах и поминках.

Далеко не всегда мастерица причетов бывает печальной, скорее, наоборот. Так рассказывают об одной из причитальщиц Кадуйского района: «А эта тётя Валя, она такая интересная всегда. …Вот она могла в любой праздник, пройти взять сковороду. Вот так поёт частушки, бьёт по сковороде, как по колоколу. И идёт сквозь деревню, и всё частушки… <…>. Она всю деревню разбудила – час или два…».[746] Другие соседки говорят о той же исполнительнице причетов: «Она была артистка самая настоящая», «комичка», рассказывают, как она ходила ряженной.[747]

[743] Зап. Югай Е., Оборина Т. 2016.

[744] А. А. А., м., 1941 г.р., род.– д. Агапитовская. Зап. в д. Макаровская Тарногского р-на. Зап. Югай Е. 09.07.2018.

[745] Зап. Югай Е. в 2018 г.

[746] А. Ф. Т., ж., 1930 г. р. Кадуйский р-н, Мазский с/с, д. Капчино. Зап. Югай Е. Ф., Дудкин А. А. 29.07.2015.

[747] З. С. Р., ж., 1939 г. р., Г. С. Р., ж., 1937 г. р. Кадуйский р-н, Мазский с/с, д. Капчино. Зап. Югай Е. Ф., Дудкин А. А. 29.07.2015.

Можно воспринять это как объяснение причитаний через мастерство, необходимое при исполнении причета, через память на «всё старинное». Хождения ряженными – такая же традиция, как и причитание, примерно в то же время исчезающая из быта. Но между этими практиками есть более прочная связь.

Летом 2017 г. от одной исполнительницы мы записали причет и следующий рассказ: «Я у одних побыла на празднике, а у них всё учителя были. Все сидят первый день, все такие культурные. А я и думаю, погоди, я завтра сделаю вам. Эдак вот вилку сделала, а тут такую пихнула церевуху <Черева – кишки, потроха[748]>. Вот эдак покручу, покручу. “У тебя горько!” С мужем ты сидишь. Значит, они встают, целуются. А я говорю: “Ну дак, за это надо выпить!” И я каждой паре носила-носила, и они напилися, я послушала, все учителя на второй день уж матюкаются. Вот это, говорю, отлично».[749] Ее приглашали и на похороны как лучшую причитальщицу, и звали на праздники, где она пела матерные частушки и устраивала представления – рядилась солдатом, медиком, затевала игры, целью которых было напоить и рассмешить собравшихся.

Противоречие здесь только кажущееся. В традиционном обществе эмоции регламентированы. Есть ситуации для горя и для веселья, и то, и другое должно быть публичным и коллективным. Индивидуальное горе может быть опасно (о чем предупреждают былички о возвращающихся к одиноко грустящим вдовам покойных мужьях). Функция такого типа причитальщиц – во время особенных дней выводить людей из обыденного состояния и правильным образом включать их в настоящий момент, будь то смех во время застолья или слезы на «последнем празднике». Матерные частушки в данном случае, как и причитания, имеют прагматику воздействия на слушателей таким образом, чтобы они смеялись или плакали, то есть вели себя в соответствии с ситуацией.

И напоследок замечание по поводу гендерного аспекта исполнения. Исследовательница греческих плачей указывает, что изучение этого жанра гармонично вписывается в феминистические исследования, потому что это сфера власти женщин: женщины полностью присваивают ритуальную сферу и таким образом уравновешивают доминирование мужчин в других сферах. Среди

[748] Словарь вологодских говоров: Учебное пособие по русской диалектологии. Вып. 1–12. Вологда: Русь, 1983–2007. Т. 12. С. 29.

[749] Архив МАФ. Инф. 13. Г. И. Ч., ж., 1931 г. р., род.– в Усть-Печеньге. Тотемский р-н, пос. Советское. Зап. Архипова А., Кирзюк А., Лурье В., Югай Е. 2017.

причин исчезновения жанра она отмечает отношение мужчин к плачам: от амбивалентного до откровенно враждебного.[750]

Знание похоронных и поминальных ритуалов действительно считается женским делом, а причитания записываются исключительно от женщин, но это не значит, что мужчины не могли причитать. Кадуйская причитальщица (1911 г. р.) на вопрос собирателя, могли ли мужчины причитать, уверенно отвечает: «Нет, мужчины не причитают!» и тут же рассказывает о старике, у которого умер семнадцатилетний внук («А ён, говорит, пришёл. Как женщина! …Стоит, говорит, а плачёт-то! Плачёт-то уж горько»), и приводит фрагмент причёта.[751] Сотрудница Тарногского центра традиционной народной культуры рассказывает, как на «концертной беседе» в 1960-е годы ее бабушка причитала. После чего дедушка сказал: «Я тоже умею». «Накрыли его платком, и он запричитал лучше бабушки. Но это было дома, в семейном кругу. <Е. Ю.: А на похоронах он не причитал?> На похоронах не слышала, чтобы он причитал. Это женское дело – причитать».[752] Исполнение обрядового текста сопровождается правилами, за соблюдением которых сообщество внимательно следит. Иными словами, мужчины не причитали не потому, что они не могли научиться причету, а потому, что это не вызывало нужной реакции (слушатели воспринимали это как странный казус), что еще раз показывает значимость причета: не эстетическую, а обрядовую. Без умения вовлечь «зрителей», превратив их в «участников» проводов, причет не может выполнить ритуальную функцию.

Причитания в обряде имели цель задействовать в проводах умершего всех присутствующих, не случайно в описаниях искусных плакальщиц часто встречается указание, что они не останавливались, пока не заплачут все. Ритуальная обязательность предполагала знание правил, по которым собирается причет, при этом репутация причитальщицы формируется рассказами об ее человеческой исключительности (будь то тяжелая судьба, сильный характер или умение ворожить). Все это помогало воспринять ее как посредника между живыми и мертвыми. Вместе с изменением траурного этикета (предписывающего теперь сдерживать слезы, а

[750] A. Caraveli-Chaves. Bridge between Worlds: The Greek Women's Lament as Communicative Event // The Journal of American Folklore. 1980. Vol. 93. № 368 (Apr. – Jun., 1980). P. 129–157.

[751] «Потеряла я потерюшку…». Кад. 36.

[752] Г. В. З., ж., 1957 г. р. Зап. Тарногский Городок. Зап. Югай Е. Ф., Мельникова Е. Ю., Маркевич О. А. 13.07.2018.

не эксплицировать их) отпадает надобность в таком ритуальном специалисте. Более того, причет начинает мешать носителям новых эмоциональных матриц вести себя так, как они считают правильным, что приводило к напряжению между родственниками и ускорило уход плачей. Однако, исчезая, причитания начинают восприниматься как часть «живой старины», чужого, уходящего мира, таким образом причитальщица становится посредником не только между живыми и мертвыми, но и между разными культурными эпохами.

Кортович Андрей Владимирович,
Московский институт бизнеса и дизайна, г. Москва

О ДВУХ ПРОСТРАНСТВАХ ОРНАМЕНТИКИ СЕВЕРОРУССКОГО ТЕКСТИЛЯ И ИХ КОРРЕЛЯЦИИ С ПРОСТРАНСТВОМ ПРЕДМЕТНОГО МИРА

Изучая семантические и художественные особенности текстильных изделий, многие исследователи рассматривали орнаментику в виде двумерной поверхности. При этом не достаточно уделялось внимания, как композиционное пространство, в котором разворачивается сюжет, взаимодействует с пространством реальным, трехмерным. В данном докладе русская народная вышивка рассматривается в качестве художественной орнаментики поверхности текстильных изделий, находящихся в постоянной связи с предметным миром. Материальная основа вышивки (канва, сетка, ткань) представляет собой поверхность самого текстильного изделия. Изделие является, с одной стороны, самостоятельным предметом, обладающим материальными признаками и локальным физическим пространством, с другой стороны, неотъемлемой частью предметно-пространственной среды, в которой оно находится. Композиционное же пространство, где взаимодействуют между собой элементы изображения, можно обозначить как художественно-метафизическое, которое выходит за пределы материальных предметных свойств.

Изучение композиционных основ и архетипов народного искусства на материале текстильных изделий XVIII – начала XX веков неизбежно приводит к исследованию древнейших слоев искусства периодов палеолита и мезолита. Палеолитические художники,

расписывающие пещерные интерьеры, использовали естественные необработанные плоскости стен и потолков. Часто прообразом будущего изображения являлся природный рельеф поверхности пещеры или выступы сталагмитов. А. П. Окладников в своей книге «Утро искусства» отмечал, что неровности, напоминающие фигуры животных, палеолитические художники ориньякско-перигорского комплекса культур уточняли, выявляя характерные черты и позы, тем самым выводя изображение в лаконичный знаковый рисунок, обладающий художественной убедительностью. Природные формы пробуждали у древних художников знакомые образы животного мира и их основные объемы. Поэтому в древнейших наскальных композициях палеолита не было умышленного соподчинения персонажей, характерного повествовательным изображениям. Масштаб композиционных элементов изменялся в зависимости от естественного рельефа поверхности. А. В. Бакушинский в своей теоретической работе «Линейная перспектива в искусстве и зрительном восприятии реального пространства» рассматривал изобразительную поверхность в творчестве древних людей как геометральную плоскость, на которой развертывается то или иное действие и размещаются изображения предметов. Такая плоскость лишена иллюзорного построения глубинного пространства. «Расчленение пространства достигается размещением изображаемого по горизонтальным поясам, параллельно верхнему и нижнему краям поверхности». Архаический принцип фризовой композиции лег в основу традиционного украшения текстильных изделий многих народов мира.

Структурные схемы мезолитических петроглифов существенно отличаются от многофигурных изображений палеолита, прежде всего, умышленной разницей масштабов композиционных элементов и силуэтно-плоскостной графической проработкой персонажей. Сюжетным композициям петроглифов, этим своеобразным графическим рассказам, изображающим сцены охоты или ритуальные действа, присущ ярко выраженный принцип соподчиненности частей изображения, выявление главного и второстепенного, что роднит их с искусством народной вышивки. Только текстильная основа вышитых изображений, обладающих определенной композиционной статикой, является подвижной, в отличие от монументальной поверхности скалы или пещеры, служащей статичным носителем изображений мезолитических петроглифов со свободной линией и пятном.

Если палеолитическим художникам природа во многом сама подсказывала образы, то в искусстве мезолита, как и в традиционной северорусской орнаментальной вышивке, образ предмета превращается в визуализированный знак-идеограмму, связанную с определенной символикой. Знак здесь является обобщенной предметной множественностью или графической аллегорией определенного события, предмета, стихии. Стилизованная репрезентация предметов и явлений материального мира появилась как результат абстрагирующей работы ума древнего человека и нашла отражение в орнаментике предметов домашнего обихода. Геометрический орнамент можно назвать творческой переработкой действительности в сознании человека.

Основу традиционной северорусской вышивки составляет композиционный модуль – косой крестик, напоминающий мотив протоорнамента древнейших образцов керамики. Модуль как неделимый микроэлемент композиции взаимодействует с пустотами-ячейками текстильной основы, заполняя их. Самостоятельный элемент орнамента, состоящий из группы модулей, изначально обозначал определенное понятие, заключенное в знак-идеограмму. Последовательность знаков-идеограмм создает иероглифический орнаментальный ряд. Орнаментированные предметы народного быта составляли определенную визуальную среду, в которой человек проходил свой земной жизненный путь. В. И. Мартынов в книге «Пестрые прутья Иакова» писал о визуальной среде, что она «представляет собой иероглифему, т. е. невербальное, неидеологическое сообщение, воздействующее на сознание неким иероглифическим образом». Благопожелательное послание внедрено в орнаментальное декорирование функциональных бытовых изделий. И любая народная вышивка несет в себе такое послание, обращенное к зрителю. В вышитых орнаментальных комплексах заложен принцип горизонтального считывания изображения, подчиненного вертикальной укладке фризовой структуры общей композиции. Зритель является не просто созерцателем, но и соучастником традиционного сакрального действа – визуальной расшифровки смысла знаков-идеограмм, из которых состоит орнамент. В благопожелательное художественно-метафизическое пространство зритель может войти посредством своих чувств и воображения. Это сакральное пространство при постоянном контакте с ним через бытовые предметы защищало человека от реального пространства материально-предметного мира с его жизненными трудностями, переносило его в искусственно созданную идеальную

модель мира, основанную на художественном образе. Более того, оказывало благотворное воздействие на природу личности человека и формировало эстетическое сознание, как и слушавший народную сказку человек, пользовавшийся орнаментированной вещью, становился причастником тайны прекрасного, сам того не подозревая.

Орнаментальное декорирование текстильных изделий несет двойственную функцию – эстетическую и семантическую. Украшенный предмет приобретает совсем иной статус, чем тот же самый предмет, лишенный декоративных элементов. Зритель наслаждается красотой вещей, созданных человеческим трудом. При этом нарядность и красота предмета не влияют на его функциональные качества. Стремление человека к ритму и симметрии орнаментальной вышивки выходит за сферу утилитарной необходимости. Зато помимо эстетических свойств декорированный древней орнаментикой предмет несет в себе определенную семантику сакрального смысла. Многие вышитые текстильные изделия традиционно использовались как необходимый атрибут архаических обрядов.

Ритмическая повторяемость знаков-идеограмм с явной иерархической структурой, выраженной в разной масштабности элементов древних орнаментальных комплексов, дошедших на русском Севере практически в неизмененном виде до начала XX века, является своего рода интонированием. Подобное интонирование выражено не только в орнаментах вышивки, но и в шрифтовых композициях текстовых массивов, в которых присутствует соподчиненность повествования. Если учесть то, что графема буквы является графическим образом-знаком определенного звука и текст несет в себе определенное смысловое содержание, то шрифт и орнамент (узор) по своей исходной структуре являются родственными друг другу. Прописные и строчные буквы, начертания шрифтовой гарнитуры и разные смысловые выделения, абзацные отступы, знаки препинания, паузы, величина интерлиньяжа и т. д. являются мощными выразительными инструментами типографики, визуально фиксирующими устное повествование. В орнаменте выразительными средствами интонирования могут служить разная величина орнаментальных элементов, их визуальная плотность или разреженность, образующиеся контрформы, отступы между фризовых горизонтальных блоков, цветность. Принимая во внимание, что элементы древнего орнамента являются ритмически чередующимися знаками-идеограммами и взаимодействуют

между собой, составляя иерархическую основу формы композиции, то вся орнаментика вышитых изделий окажется сюжетной, где сюжет выступает в виде предмета изображения, то есть художественного освоения действительности.

Физическое и художественно-метафизическое пространства вышивки по-разному взаимодействуют со временем. На материальный предмет с его физическим пространством время влияет в виде необратимых процессов, таких как обветшание или уничтожение самого предмета. Поэтому древнейшие ткани, орнаментированные вышивкой, до нас просто не дошли. Художественно-метафизическое пространство также подвержено действию времени и внешним социальным факторам. Если на заре появления орнаментики верхнего палеолита и затем в мезолите образы предметов или глагольные понятия, превращенные в идеальные графические знаки-идеограммы, из которых складывались орнаменты, могли выражать определенный смысл, понятный многим людям древнейших времен, то со временем их семантика утрачивалась. В XVIII – начале XX вв. северорусская геометрическая орнаментика была канонической, но лишенной первоначального смысла. Канон в данном случае выступал как культурный образец, выработанный коллективным творчеством в течение долгого времени. «Изделие, в котором система канона находила наиболее яркое воплощение, признавалось образцовым» – отмечал Н. П. Бесчастнов в своей диссертации «Художественное проектирование текстильного печатного рисунка в России». Визуальная традиция геометрической орнаментальной вышивки, передававшаяся из поколения в поколение мастерицами и имевшая свой сакральный смысл, в Новое время продолжалась только лишь в декоративном качестве. Геометрическая орнаментика на поздних текстильных изделиях могла быть как самостоятельной, так и внедренной в композиции, иллюстрирующие жанровые сцены. В вышитые повествовательные многофигурные композиции XVIII – начала XX вв., часто основанные на литературных произведениях, могли интегрироваться элементы архаических культовых изобразительных комплексов. Таким образом, забвение первоначального сюжетного смысла геометрической орнаментики можно рассматривать как воздействие временны̀х и социальных процессов на обладающее сакральными качествами художественно-метафизическое пространство древней орнаментики текстильных изделий.

Художественно-метафизическое пространство народного искусства, выраженное в функциональных изделиях, обладает

свойством поглощать и фиксировать время, превращая его в визуальные устойчивые образы композиций. Некоторые визуальные образы могут стать каноническими и принадлежать определенной традиции, транслируемой во времени через поколения людей. Например, в русском народном искусстве XIX и начала XX веков часто можно встретить персонажей, одетых по моде стиля барокко – в фижмах и камзолах. Или симметричная сцена чаепития у самовара, основанная на древнейшей композиционной схеме. Таким образом, происходит присутствие времени в художественно-метафизическом пространстве изделия и, в свою очередь, изделие, которым пользуются люди, живет во времени и в реальном пространстве предметного мира.

Вышивая поверхность ткани, художник всегда связан формой вещи. Одной из главных задач вышивальщицы было выявление орнаментом конструкции изделия и соотношение элементов рисунка орнамента с декорируемым предметом и окружающим его пространством. Поэтому для нее важными были понятия соразмерности и масштабности, которые отражались в системе канонов. Оформляя вышивкой текстильное изделие, мастерица работала с объемом, а не с плоскостью. Если у изделия есть объем, то оно является трехмерным. Мастерица изготавливала вещь и украшала ее непосредственно в предметно-пространственной среде и как часть этой среды. Так как текстильное изделие являлось функциональным, то и его поверхность, и оно само были динамичными. Учитывался масштаб декоративных элементов при приближении изделия к зрителю и отдалении от него, чтобы орнамент не выглядел слишком крупным или измельченным.

Вышитые по сетке северорусские подзоры, которыми украшали края покрывал кроватей, соразмерны масштабу человека. Взгляд зрителя охватывал сразу всю поверхность многофигурной композиции, выделяя основные доминанты и отталкиваясь от них в считывании сюжета. Композиция одного подзора могла содержать в себе переложенный на графический язык целый рассказ со сложным сюжетом. Как и устное повествование сказки, подобные композиции основаны на нелинейном восприятии времени, используемом в построении сюжета. Поэтому в художественно-метафизическом пространстве вышитых северорусских подзоров время может иметь множественность, сжиматься, разжиматься и обладать свойствами цикличности. Если в сказке присутствуют временны̀е масштабы, то ими пронизаны и нарративные многофигурные композиции подзоров. Во фризовом построении таких

изображений наблюдается композиционная иерархия. То, что большое – главное, расположено ближе к зрителю. То, что маленькое – второстепенное, удалено от зрителя. Сюжеты многофигурных композиций строятся на идеализированных сценах, где личность субъекта-зрителя, его «я» часто персонифицируется с личностями персонажей, находящимися в идеально-сказочном мире, а ритмизированные обобщенные признаки предметов вызывают общие ассоциативные образы в сознании каждого индивида. В композиции степень обобщения и детализации признаков предметов, провоцирующие у зрителя появление образа, всегда зависит от самого художника. Если у художника нет большого опыта в отборе деталей, их убедительной графической передачи и расстановки композиционных акцентов, то изображение, созданное им, будет носить оттенок случайности и визуально «рассыпаться», лишенное внутренних ритмов и цельности. Такое изображение вызовет у зрителя определенный эстетический дискомфорт и не будет иметь художественную ценность.

Ни одно рукотворное изделие, за исключением тканого, не обладает возможностью покрывать другой предмет, принимать его форму и подчиняться его движениям. Украшение тканей изначально подразумевает наличие объема, на который будет надеваться изделие, и трехмерного пространства, в котором будет находиться драпированный предмет. Если текстильным изделием пользуются в повседневном быту, то художественные композиции, вышитые на его поверхности, начинают переходить в материальный мир, становясь частью предметно-пространственной среды и влияя на эмоциональное состояние зрителей. Вышитая композиция на использующемся утилитарном изделии (например, на расшитой рубашке или на полотенце) постоянно трансформируется благодаря перманентной динамике и свойствам материала. В отличие от картины, висящей на стене, у композиций функциональных текстильных предметов нет статичной точки, с которой зритель их рассматривает. Чем больше изделию присуща динамика, тем больше наличие у него маркеров считывания вышитой композиции. Появляется бесконечная множественность точек визуального восприятия, в каждой из которых одна и та же композиция выглядит по-разному. Благодаря народным костюмам, украшенным вышивкой, подчеркиваются движения танца. Элементы композиции вышитых костюмов перемещаются вместе с человеком во времени и пространстве. Движение человека, одетого в вышитую одежду, или использование им утилитарной

вещи в пространстве предметного мира можно рассматривать как движение композиционных элементов, которое создает нелинейные отношения между зрителями, самим человеком, текстильным изделием, орнаментальной композицией, элементами композиции (знаками-идеограммами) и композиционными модулями. Эти отношения основаны на взаимодействии пространств, обладающих разными качествами.

Буковецкая Оксана Александровна,
лаборатория естествознания КЦ ЗИЛ, г. Москва

ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ ТРАДИЦИОННОГО КРАШЕНИЯ ТКАНЕЙ МЕСТНЫМИ ПРИРОДНЫМИ КРАСИТЕЛЯМИ

Введение

Тема окраски тканей местными природными красителями стоит на пересечении интересов этнографов, реконструкторов и специалистов в области экспериментальной истории, любителей рукоделий и энтузиастов здорового образа жизни (как это не парадоксально).

Проблема в том, что доступных подробного химического для анализа образцов архаичных тканей довольно мало, зато в любом музее нам расскажут, что «наши предки красили корой дуба, отваром ольхи, листьями крапивы», но без упоминания пропорций и фиксаторов окраски, а затем, конечно же, расскажут о кубовом крашении с использованием привозного красителя индиго, получаемого из произрастающего в Индии растения семейства бобовых – индигосферы красильной (Indigofera Tinctoria). Конечно, окрашенные индиго ярко-синие ткани очень красивы, особенно с кубовой набойкой, когда пропитанные вапой участки оставались светлыми на синем фоне.

Но кубовое крашение – всё же относительно позднее явление; индигосфера в России, а тем более на севере не растёт, точнее, не росла, да и сейчас её в нашем климате выращивают очень немногие специалисты и в небольших количествах.

Наш интерес к теме начался с желания сделать полевой (с выездом на природу) практикум для школьников, объединяющий историческую и биолого-химическую тематику, и это ещё одна

причина, почему мы заинтересовались более архаичными, чем процесс с индиго, вариантами крашения. Дело в том, что индиго – не растворимый в воде краситель и для перевода его в растворимую (и при этом неокрашенную) форму используется раствор, содержащий щёлочь – едкий натр (NaOH). Окрашивание появляется уже после вытаскивания тканей из куба (чана с раствором) при окислении на воздухе. Конечно же, выливать отработанный раствор со щёлочью в природу недопустимо, а вдвойне недопустимо учить этому детей!

Как и чем красили в старину

Рассуждений и предположений о том, какими именно растениями красили наши предки, очень много в среде любителей исторической реконструкции и мастеров ручного ткачества. К сожалению, почти все доступные описания либо очень неконкретны, либо, наоборот, изобилуют подробностями в несколько «шаманском» стиле, включая, например, идеи, что растения следует собирать только при ясной погоде или только рано утром, сушить непременно указанное количество часов или заливать раствором точно заданной температуры. Удивительно, но в большинстве случаев буквальное и тщательное соблюдение указанных рекомендаций не приводило к успеху – получению названного автором рекомендации цвета.

Довольно большой список растений средней полосы и Севера, использовавшихся при крашении тканей, приведён в книге Р. А. Гильмана «Художественная роспись тканей». Среди них – ольха, пихта, крапива, полынь, тысячелистник, щавель, пырей и другие часто встречающиеся растения. Там же приводятся некоторые общие рекомендации по крашению.

Подробная информация о химическом анализе тканей, найденных при раскопках на территории Великого Новгорода и датируемых X–XV вв., содержится в статье А. Навик «Ткани Новгорода. Опыт технологического анализа».

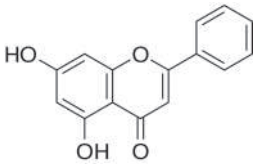
Автор пишет (написание названий соединений сохранено в редакции автора): «14 кусков тканей из новгородских раскопок были подвергнуты анализу с целью определения красителя. Анализы по просьбе автора были произведены в Научно-исследовательском институте текстильной промышленности в Будапеште.»

Образец	Цвет	Краситель	Вид находки
Н-58/2860	коричневый	элаговая кислота	вязаное изделие
2 Н-58/2851	темно-коричневый	элаговая кислота	толстые нити утка без основы
3 Н-58/2837	черный	элаговая кислота на железной протраве	«специальный» тип
4 Н-55/10159	коричневый	хрисин	сукно 1/2
5 Н-55/10189	коричневый	хрисин	ажурная ткань
Н-55/4699	коричневый	хрисин	нити
7 Н-55/10187	светло-коричневый	эмодин на железной протраве	ткань в мелкий рубчик по основе
9 Н-55/10126	коричневый	эмодин	«специальный» тип
10 Н-55/10165	зеленый	индиго с неизвестным желтым красителем	зеленое сукно с каймой
12 Н-55/10138	коричневый	марена на глиняно-железной протраве	коричневое сукно
13 Н-55/10147	коричнево-красный	марена на глиняно-железной протраве	красное сукно

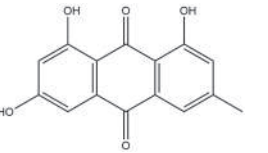
(Приведён неполный список проанализированных образцов).

Интересно, что большую часть этих веществ можно найти на ресурсах, посвященных медицине и лекарственным растениям: это соединения из группы полифенолов, которые уже довольно давно пытаются использовать как антиоксиданты – вещества, защищающие клетки от ненужного, повреждающего окисления.

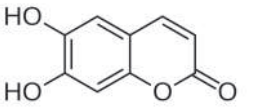
Флавоноид хризин (диоксифлавон) встречается в почках тополя, шлемнике (семейство губоцветных) и других растениях.

Эмодин – полифенольное соединение, сходное с ализарином (красящим веществом из марены красильной), встречается в ревене и коре крушины.

Эллаговая кислота – ещё один полифенол, встречается в ягодах: морошке, клюкве, бруснике. И действительно, есть описания крашения ягодами тканей в уже относительно недалёком прошлом.

Итак, всё перечисленное – полифенольные соединения! Но ведь их – и, в частности, флавоноидов – десятки типов и они содержатся практически во всех растениях.

Наши эксперименты по крашению

Описанные варианты окраски очень сильно напоминают качественные реакции на флавоноиды (например, кверцитин, катехин, флавононы, аурон, халкон) из банального студенческого практикума по физиологии растений – появление окрашенных комплексных соединений при взаимодействии с солями металлов, тех самых, которые использовались как фиксаторы окраски: солей железа, алюминия (алюмокалиевые квасцы), хрома и меди (медный купорос) и слабыми щелочами (поташ – KCl из обычной золы).

Так может, не стоит спорить и сопоставлять разные варианты описаний: люди красили тем, что росло рядом и с теми фиксаторами (солями), которые были доступны. Конечно же, это соли железа и поташ.

Мы стали проверять почти случайным образом все более-менее распространённые растения, не тратя времени на точное соблюдение описаний и – о радость – почти сразу нашли прекрасные красильные растения на обычных городских пустырях.

Это горец почечуйный (известный и в народной медицине как лекарственное растение, о чём говорит и его название: почечуем

называли в народе геморрой). Он даёт серо-голубоватый или почти чёрный цвет (в зависимости от концентрации отвара и длительности выдержки) при фиксации хлоридом двухвалентного железа. Примерно сходные результаты дают многие растения семейства губоцветных.

Серо-зеленоватые оттенки дают крапива, тысячелистник, марьянник дубравный (иван-да-марья). При крашении последним в цветущем состоянии вначале появляется очень красивое голубовато-серое окрашивание, но оно обусловлено наличием антоцианов из цветов и поэтому нестойко.

Чернобыльник и пижма дают коричневато-жёлтый с трёхвалентным железом и светло-кремовый с алюмокалиевыми квасцами.

Багульник болотный и зверобой с квасцами дают прекрасный лимонный цвет, таволга – чуть более насыщенный жёлтый.

Череда с добавление слабой щёлочи (соды или поташа) даёт розоватое окрашивание. Данный вариант получения розового окрашивания не описан ни в одном из имеющихся руководств.

Кора крушины с хромокалиевыми квасцами – более тёмный, красновато-розовый. И так далее…

Вообще не составляет проблемы получение разных оттенков жёлтого (с алюмокалиевыми квасцами) и серо-синего, иногда почти чёрного цветов – с солями двух и трёхвалентного железа. В зимний сезон можно без труда использовать купленные в аптеке растения из тех, что обладают антиоксидантными свойствами: тысячелистник, зверобой, сабельник, бадан и т. д.

Гораздо сложнее с получением красных и розовых оттенков; если не использовать привозную из степных районов марену красильную, из наших растений эти оттенки даёт только крушина с солями хрома и череда с поташом.

Все цвета очень стойкие, не смываются даже при кипячении. Ярче всего прокрашивается шерсть и шёлк, хуже – хлопок и сложнее всего получение насыщенных цветов на льне.

Строгое соблюдение пропорций требуется только при необходимости воспроизвести оттенок, хотя задача эта труднореализуемая и дело не в умениях экспериментатора, а в том, что концентрация фравоноидов в растениях одного вида, даже выросших рядом, может сильно варьировать – это описано, например, для анализа лекарственного растительного сырья.

Методика растительного окрашивания довольно проста: растительное сырьё кипятят в эмалированной или термостойкой стеклянной посуде, добиваясь вначале исчезновения зелёного цвета (распад хлорофилла), затем появления желтоватого или коричневого цвета отвара, напоминающего цвет палой листвы (это именно флавоноиды ответственны за её окраску). Затем, когда цвет перестанет изменяться, раствор фильтруют, чтобы избежать появления на ткани пятен при соприкосновении ткани с растительными остатками, погружают в него ткань, стараясь избежать складок, и кипятят или оставляют на ночь в остывающем горячем растворе. Пропитанную экстрактом растений ткань погружают в раствор фиксатора: соли железа, алюминия или слабо щелочной раствор. Окраска появляется практически сразу. Можно также добавить фиксатор непосредственно в растительный экстракт, в котором вымачивается ткань, но важно сделать это аккуратно, чтобы не получить пятен.

Если, наоборот, требуется неравномерность окраски, можно обрызгать вымоченную в растительном отваре и аккуратно разложенную на столе ткань раствором фиксатора.

Этот вариант крашения, в отличие от кубового индиго-крашения, действительно является экологически безопасным и, что вдвойне радостно, воспроизводится даже руками школьников средних и старших классов.

Результаты

Примерно за год, в течение которого ведётся эта работа, создано около полутора десятка изделий по заказам реконструкторов, и эти вещи уже побывали на летних фестивалях, проведено несколько мастер-классов по реконструкции крашения.

Наиболее сложной была работа по созданию «рубахи кузнеца» по просьбе реконструкторов. Рубаха, исходно пошитая из обычной

хлопчатобумажной ткани, должна была казаться более плотной и много лет бывавшей в кузнице – закопчённой и с подпалинами, но при этом без какого-либо повреждения ткани и без использования искусственных красителей.

Использовалось тройное последовательное окрашивание: чернобыльник с фиксацией квасцами, горец почечуйный с $FeCl_2$, затем нанесение пятен при помощи отвара коры дуба с выборочной фиксацией $Fe_2(SO_4)_3$ из разбрызгивателя.

Те же приёмы крашения мы сейчас используем для создания экопринта – отпечатков растений на ткани, но это тема уже не про реконструкции, а про современные ремёсла.

Выводы

1. Для крашения мог и может использоваться очень широкий, почти неограниченный список растений, содержащих флавоноиды. Это почти все зелёные растения средней полосы и севера.
2. Наибольшими концентрациями флавоноидов обладают растения, известные своими антиоксидантными свойствами (то есть защищающие клетки от окисления), так что не случайно списки лекарственных и красящих растений в весьма значительной степени совпадают.
3. Концентрации флавоноидов могут сильно различаться в пределах одного вида растений, что может приводить к кажущимися случайными различиям в окраске при одних и тех же условиях крашения.
4. Крашение экстрактами растений гораздо менее трудоёмко и гораздо более безопасно экологически, чем кубовое крашение индиго, поэтому его можно рекомендовать для использования в исторической реконструкции и для мастер-классов с подростками по «живой истории».

Литература

1. *Р.А. Гильман.* Художественная роспись тканей.– М: Гуманитар. Изд. центр Владос, 2005.
2. *А. Грищенко, С.В. Кодацкая.* Игра цветов или пигменты в нашей жизни / «Биология», № 6, 2010.
3. Изучение флавоноидов сборов на основе листьев бадана толстолистного. / Федосеева Л.М. и др. «Химия растительного сырья», № 4, 2006, с. 49–54.

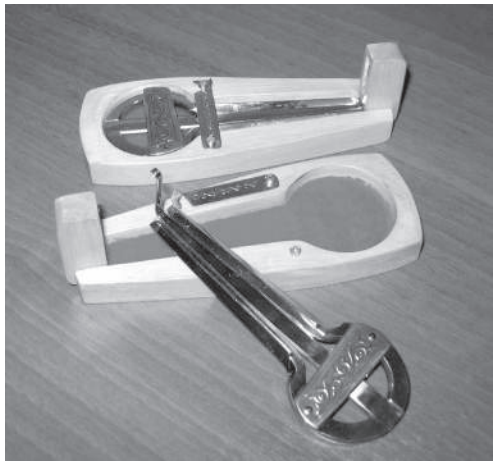
4. *Лебедева Т.С., Сытник К.М.* Пигменты растительного мира.– Киев: Наукова думка, 1986.
5. *Нахлик А.* Ткани Новгорода. Опыт технологического анализа. / «Материалы и исследования по археологии СССР», № 123, с. 228 – 313.
6. Практикум по физиологии растений / Н.Н. Третьяков, Т.В. Карнаухова, Л.А. Паничкин и др.– 3-е изд., перераб. и доп.– М.: Агропромиздат, 1990.
7. Реставрация тканей. Крашение текстильных материалов. / Методические рекомендации ВХНРЦ.– М., 1990.
8. Флавоноиды: биохимия, биофизика, медицина / Тараховский Ю.С., Ким Ю.А., Абдрасилов Б.С., Музафаров Е.Н.; [отв. ред. Е.И. Маевский] – Пущино: Synchrobook, 2013.

Меккюсярова Ия Александровна,
Музей музыки и фольклора народов Якутии,
г. Якутск Республика Саха (Якутия)

ИГРА НА ХОМУСЕ – ИСКУССТВО И ТРАДИЦИОННАЯ ОЗДОРОВИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА В РЕСПУБЛИКЕ САХА (ЯКУТИЯ)[1]

Об использовании музыки не только для реализации творческого потенциала, но и для лечения человека упоминается со времён Гиппократа, Теофраста, Галена. Еще в IV в. до н.э. Платон утверждал: «Музыка – это самое мощное средство, потому что ритм и гармония живут в душе человека. Музыка обогащает ее, даруя ей блаженство и озарение». (Волчек 2014: 10). Что музыкотерапия использовалась по всему миру, доказывают работы, излагающие, что на острове Борнео туземцы исполняли специальные речитативы и песни для выздоровления соплеменников. В Британской Колумбии врач пел, навещая больного, хор соплеменников пел песню у дома пациента. В XVIII–XIX вв. во многих психиатрических лечебницах Европы были штатные музыканты (Волчек 2014: 40). В Якутии на протяжении веков к своеобразной музыкотерапии можно было отнести шаманские камлания с бубном, реже – с использованием хомуса, а звуки железных подвесок – множества колокольцев на кафтане шамана имело способность отпугивать демонов[2] – *абааһы.*[3]

Впервые о возможности лечебного воздействия с помощью *хомуса*[4] было упомянуто в научной работе И.А. Худякова «Краткое описание Верхоянского округа». Автор, в частности, отмечал,

Мастер – М. Н. Мальцев

что молодая удаганка *(удаҕан*[5]*)* Дьэрэлийэр, приехавшая в Верхоянск в 1807 году из Якутского округа, камлала, музицируя на хомусе, тем самым способствовала развитию эмоционального подъема у потерявших надежду людей и в конечном итоге – их исцелению и выздоровлению[6].

Чтобы получить представление о том, что собой представляет процесс терапии хомусом, уместно сначала объяснить процесс извлечения звука на данном инструменте. *Хомус это не самозвучащий(!), металлический инструмент, на котором* звукоизвлечение происходит следующим образом: необходимо взяться левой рукой за кольцо корпуса хомуса и, приоткрыв зубы, освобождая место для колебания язычка, прижать наружные щечки корпуса к зубам так, чтобы колебания язычка не передавались через корпус к зубам *и, легко ударяя по язычку пальцем руки, извлекается звук. Игра на хомусе представляет единое целое со всем дыхательно-голосовым аппаратом человека (Шишигин 2003).*

Существует множество приемов игры на данном инструменте. Самым древнейшим стилем игры на хомусе считается стиль – *сыыйа тардыы*, который дословно переводится как протяжная, умеренная игра. За счет того, что звук хомуса непрерывно как бы льется, то затихая, то усиливаясь с каждым разом, как бы вводит человека в некий транс, медитативное состояние и тем самым помогает пациенту расслабиться. Разнообразное и сильное влияние звуков исследователями объясняется тем, что процессу их слухового восприятия всегда в той или иной мере сопутствует вибрационный эффект. Как пишет в своей работе Волчек О. Д., посетители оркестровых и иных концертов «живой музыки» нередко ощущают вибрационный эффект кончиками пальцев, сердцем, всем телом[7]. Но, даже если обычный зритель концерта ощущает вибрацию всем телом, то ощущения самого исполнителя должны быть в сотни раз сильнее.

Ученые утверждают, что «вибрации голосовых связок во время речи и пения может вызывать колебания внутренних органов и как бы совершать их вибромассаж»[8] (Шушарджан 2000: 34). Исходя из этого, можно предположить, что исполнитель – инструменталист, в нашем случае – *хомусист*, при игре на данном инструменте осуществляет колоссальный массаж своих внутренних органов. Главнейшую роль при звукоизвлечении занимает дыхание. По словам самих хомусистов-виртуозов, чтобы максимально увеличить силу звука хомуса, необходимо дышать с помощью мышц живота. Если «качать» воздух туда и обратно, используя брюшной пресс и диафрагму с большой быстротой, то звук хомуса увеличивается и усиливается, при этом сила и скорость вдыхания должны совпадать с собственными колебаниями язычка инструмента (Шишигин 2003).

Автор играет на хомусе

Мастер – Р. Г. Чемчоев

О пользе дыхательной гимнастики известно с давних времен. По словам людей, практикующих восточные оздоровительные системы, дыхательная гимнастика оказывает благотворное влияние на весь организм человека в целом, на все системы и органы. На сегодняшний день существуют многочисленные авторские методики

Виртуоз-хомусистка мира, заслуженная артистка Республики Саха (Якутия) Альбина Дегтярева

по дыхательной гимнастике. Дыхательная гимнастика может благотворно влиять и на сердце, и на сосуды, и на работу мозга, укрепляет легкие, стимулирует их деятельность, улучшает кровообращение в органах дыхания – и тем самым помогает лечить нарушения (Zdravo 2013). Древние адепты йоги и китайской гимнастики, использовали дыхательные практики не столько для улучшения телесного здоровья, сколько для оздоровления духа и разума, расслабления, концентрации, медитации. Доказано, что сосредоточенные занятия дыхательной гимнастикой успокаивают и расслабляют, проясняют сознание и дают нашей нервной системе необходимую передышку (Zdravo 2013).

Об исцелении ЛОР-органов рассказывала виртуоз-хомусистка мира, которая при помощи активной «хомусотерапии» излечила у себя хронический тонзиллит. По её словам, в детстве она часто болела ангиной, и когда в студенческие годы в составе ансамбля хомусистов стала активно выступать и играть на инструменте, то заметила, что перестала болеть. Никаких исследований по данному поводу не проводилось, но можно предположить что, когда она стала ежедневно играть на хомусе, ее дыхательные пути, полость рта и носоглотка были задействованы в этом процессе, а миндалины, как, вероятно, и вся система иммунитета, как бы подвергались систематическому вибрационному массажу.

«Хомусотерапия», как и музыкотерапия в целом, существует в активной и рецептивной формах. **Активная** форма представляет собой *активную музыкальную деятельность, направленную, в том числе, на самого исполнителя*: воспроизведение, фантазирование, импровизацию с помощью человеческого голоса и звука музыкального инструмента. **Рецептивная** форма предполагает собой процесс восприятия музыки с терапевтической целью, *который осуществляется слушателем*. В основу рецептивной МТ заложен базовый принцип «от слушания музыки – к обсуждению». Структура лечения определяется тем, что прослушивание пациентом любимой музыки в состоянии релаксации с закрытыми глазами приводит к множественным ассоциациям, воспоминаниям, переживанию эмоционального катексиса[9]. На следующем этапе происходит знакомство с новым музыкальным материалом, на котором музыкотерапевт ставит цель обнаружить первопричины проблем пациента, переработать эти проблемы и дать возможность обнаружить в самом себе потенциал для изменения к лучшему[10] (Самсонова 2013). Данная схема оздоровления используется и «хомусотерапевтами».

Музыкотерапия в активной и в рецептивной формах имеет групповые, а также индивидуальные виды. В групповой терапии с помощью коллективных импровизаций выстраивают спонтанную объединяющую звуковую среду, в которой из музыкального общения формируются и гармоничные взаимодополняющие формы социального общения. Импровизация становится объединяющим полем, где эмоции являются основной мерой ценности существования, а индивидуальности не разделяются по социальному статусу, но противостоят одна другой по модели «я и ты» М. Бубера[11], а, скорее наоборот формируют устойчивую общность.

Универсальность – языка музыки заключается в ее удивительной способности объединять и сплачивать людей, вызывать чувство духовного единства, слияние чувств и воли в едином порыве[12]. Это, как мы отмечали выше, было замечено и использовано древними греками, сближавшими медицину и искусство. Сейчас активная музыкотерапия широко используется в качестве психотерапии у пациентов с нарушениями в сфере коммуникации. В ходе музыкального исполнения, согласно теории гештальт-терапии, у людей проявляются непосредственные потребности, обиды и болезни. Их выведение из подсознания является предпосылкой

их преодоления и раскрепощения жизненного, творческого и иного потенциала. Психологи называют, как минимум, пять типов нарушений в коммуникативной сфере, которые поддаются коррекции с помощью активной музыкотерапии. Так, при наличии у пациента проявлений осторожности (интроекции), когда он начинает импровизировать на музыкальном инструменте, проявляются такие черты исполнения, как тихое звучание, заурядность. Напротив, при склонности к манипуляции – при исполнении проявляется доминирование, потребность быть в центре внимания, при ретрофлексии (поворот внутрь себя) – пациент стремится импровизировать изолированно, вне группы. В случае дефлексии (уклонения) – у исполнителя выявляются поверхностность, аффектированность, при проявлениях конфлуенции (слияния) – подчинение чужому ритму. Анализ индивидуальных звукообразов становится тем самым базой для диагностики и, впоследствии, оздоровительной работы с целью изменения качества жизни пациента.

На наш взгляд, игра на хомусе как терапевтическая практика Якутии, может выполнять все эти цели и задачи. При проведении «активной хомусотерапии» в конце каждого ее курса пациенту-импровизатору дается задание придумать композицию и исполнить на импровизированной сцене перед небольшой аудиторией. Считается, что подобная практика удовлетворяет потребность пациента в адекватном самовыражении, формирует мотивацию достижения успеха. Публичное исполнение, с одной стороны, становится катализатором творчества, с другой – способом осознания пациентом-исполнителем своей личностной ценности, способом формирования доверия и открытости[13]. «Хомусотерапия» воспринимается всеми индивидуально, в зависимости какую форму терапии человек выбрал для себя, активную форму либо рецептивную. Если форму терапии человек может выбирать на свое усмотрение, то программу выбирает непосредственно тот, кто будет выполнять оздоровительную практику. Длительность и исход лечения зависит от проблем, с которыми обратился пациент, насколько он подготовлен психологически, морально, а также немаловажную роль играет непосредственный опыт «хомусиста-терапевта».

«Отец современной звуковой терапии» Альфред Томатис предложил рассматривать орган слуха как генератор, возбуждаемый приходящими из вне звуковых колебаний и заряжающий энергией мозг, а через него и весь организм. Он установил, что звуки в диапазоне 3000–8000 Гц активизируют воображение, творческую активность, улучшают память, что можно назвать эрготропным

(стимулирующим, тонизирующим) воздействием. Звуковые волны в диапазоне 750–3000 Гц уравновешивают мышечное напряжение, вносят успокоение, обладая определенным «трофотропным» (воздействующим на питательные процессы организма) воздействием[14].

Сегодня музыкотерапия в республике Саха (Якутия) существует и в песенной и в инструментальной форме. Традиционный музыкальный инструмент *хомус* является уже не просто инструментом, но и культурно-этнографическим брендом Якутии и пользуется спросом у населения в качестве средства оздоровления организма. Вместе с тем, мы отдаем отчет в том, что одним звуком хомуса невозможно излечить человека. «Хомусотерапия» как традиционная оздоровительная практика в данное время работает по схеме: «пациент – хомусотерапевт», где «хомусотерапевтом» является субъект, не имеющий медицинского образования, который, зачастую, не знаком и с психологией человека как наукой. Получается, что «хомусотерапевт» пытается бороться с недугами своего пациента «вслепую». В этой связи, разумно было бы предложить определенную интеграцию традиционной оздоровительной практики с современной медициной, где бы «хомусотерапевт» работал в тандеме с медиками различных специальностей, в зависимости от недуга пациента, и медицинскими психологами.

Опыт использования таких интегративных подходов к оздоровлению стал накапливаться с 1992 года, когда Международным центром хомусной (варганной) музыки совместно с больницей № 1 Минздрава РС(Я) были проведены лечебные сеансы для пациентов. «Хомусотерапия» была использована в комплексном лечении желудочнокишечных, сердечно-сосудистых, гинекологических, глазных, аллергически-астматических, суставных болезней. В качестве исполнителя выступала народный

Автор импровизирует на хомусе

целитель Р. И. Томская. В июне 1993 г. в г. Вилюйске на базе улусной больницы была проведена научная конференция по проблемам лечебного воздействия хомуса. Если еще недавно проблема интеграции разных медицинских и целительских практик в единую систему по обеспечению сохранения здоровья человека воспринималась как нечто невозможное[15], то в настоящее время ситуация меняется, хотя и в замедленном темпе. Тема интеграции современной медицины и различных традиционных оздоровительных практик остается актуальной для исследователей различных сфер науки. На основе указанного выше можно сделать вывод, что хомусотерапия, как активная, так и рецептивная, обладает немалым оздоровительным потенциалом. Думается, что игра на хомусе, как оздоровительная практика и для исполнителя, и для слушателя, всегда будет востребована и далее, в особенности, если будет сформирована ее интеграция с современной медициной.

Примечания:

1. *Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ (РГНФ) № 17-01-00434-а.*

2. Попов, А. А. Камлания шаманов бывшего Вилюйского округа: (Тексты): 2-е изд.– Новосибирск: Наука, 2008. С.62.

3. Абааһы (также абаасы, якут. абааһы) – злые духи верхнего, среднего и нижнего миров в якутской мифологии, живущие своими племенами и родами, со своим хозяйством. Подчиняются «великому господину» – богу Улуу тойону, который вместе с ними сумел заложить в человеке злое начало, отождествляемое с нечистотами. В свою очередь, в якутском эпосе Олонхо абааһы выступают противниками Айыы аймага.

4. Якутский варган (от варга – «рот, губа», либо от греческого όργανον – «органон», то есть «инструмент») – музыкальный инструмент. По форме **хомус** похож на металлический камертон с язычком в середине и относится к древним язычковым музыкальным инструментам. Хомус распространен в 90 странах мира, известно более 162 его разновидностей из камыша, бамбука, кости, дерева, железа.

5. Удаҕан – *(як.)* шаманка.

6. Худяков, А. И. Краткое описание Верхоянского округа. Л.: изд-во «Наука» Ленинградское отделение, 1969.

7. Волчек, О. Д. Значение музыки и семантика ее звуков: учебное пособие к курсу лекций «Музыкальная психология».– М., 2014.– С. 34.

8. Шушарджан С. В. Музыкотерапия: история и перспективы. // Клиническая медицина.– М., 2000.– С. 15–18.

9. В психоанализе использовался Зигмундом Фрейдом для описания направленности. У Фрейда это слово использовалось для характеристики интенсивности проявления психических процессов, динамики течения психической энергии. Большинство выражений со словом «катексис», можно переформулировать, пользуясь терминами «интерес», «смысл» или «реальность», или же «внимание», «стремление». Катексис аналогичен электрозаряду, который способен перемещаться из одной структуры в другую, пока не становится связанным; или подобен войскам, которые могут передислоцироваться с одной позиции на другую.

10. Самсонова Г. О. Музыкальная психотерапия в комплексе реабилитационных технологий: опыт применения в отечественной и зарубежной практике. // Вестник восстановительной медицины.– № 1.– 2013. С. 31–36.

11. Там же.

12. Волчек О. Д. Указ. соч. С. 13.

13. Самсонова Г. О. Указ. соч.

14. Волчек О. Д. Указ соч. С. 35., Самсонова Г. О. Указ. соч. С. 31.

15. Харитонова В. И. Интеграция медицинских систем: идея, практика, человеческий фактор // Проблемы сохранения здоровья в условиях Севера и Сибири: труды по медицинской антропологии. Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; НИИ медицинских проблем Севера СО РАМН.– М.: ОАО «Типография «Новости»», 2009.– С. 274.

Раздел третий

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ И МУЗЕЙНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ РУССКОГО СЕВЕРА

Решетников Николай Иванович,
ФГБОУ ВО «Московский государственный институт культуры», г. Москва

«ВОЛОГОДСКАЯ ПРОГРАММА» И СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Обозначенная в заголовке тема требует разъяснения: во-первых, что такое «Вологодская программа»; во-вторых, что конкретно понимается под культурным наследием.

«Вологодская программа» была осуществлена в 1980-е годы[754]. В её результате было реализовано изучение, описание и публикация памятников письменности в музеях Вологодской области. Опубликовано 13 томов Каталога-путеводителя, правда, последний том издан был только в 2001 году. Каталог опубликован в 5 частях: 1 – Рукописи, 2 – Книги кириллической печати, 3 – Книги гражданской печати, 4 – Документы досоветского периода и 5 – Документы советского периода. В каждой части по 2–3 выпуска. Работа эта проводилась по инициативе и под общим руководством профессора ВГПИ П. А. Колесникова. Непосредственное руководство научной группой осуществлял изначально кандидат, а затем доктор исторических наук, научный сотрудник БАН А. А. Амосов.

Соответственно под культурным наследием в этом случае понимается его составная часть, а именно – памятники письменности

[754] См.: **Амосов А. А.** «Вологодская программа»: итоги и перспективы // Охрана и использование документальных памятников истории и культуры / Вологодский гос. пед. ин-т. Вологда, 1984. С. 39–49; **Решетников Н. И.** /Сообщение/. Там же. С. 84–88; **Он же.** Le Programme de Vologda // Cahiers slaves Civilisation russe. La civilization tradicionelle dans la Russe du Nord.– Paris, 1999.– № 2; **Он же**. Изучение и описание памятников письменности в музеях Русского Севера // Важский край: источниковедение, история, культура. Исследования и материалы. Вып. 2. Вельск, 2004. С. 230–238; **Копанев А. И.** Памятники письменности в музеях Вологодской области: Кат.-путеводитель [Рецензия] // Советские архивы, 1986, № 3. С. 75–77 и др.

с древнейших времён до XX века. Однако в публикуемой статье речь пойдёт о рукописных памятниках и книгах кириллической печати (старопечатных).

На основании «Вологодской программы» можно утверждать, что вологодские музеи играют значительную роль в сохранении памятников письменности как части культурного наследия. Музеи сумели сохранить важный пласт книжной культуры и даже ту её часть, которую в других регионах страны сохранить не сумели.

Это одна сторона вопроса. Другая же сторона заключается в том, что современному читателю раскрывается многообразная палитра памятников письменности, известная читателю XIV–XV веков в качестве рукописных книг, а с появлением печатного станка и книг кириллической печати. Какие же книги бытовали в Вологодской области до появления книг гражданской печати и как ими пользовались читатели прошлых времён?

В обиходе были Сборники (богослужебные, агиографические, исторические, обиходных песнопений, слов и поучений), Минеи служебные, Сотные выписи, Шестодневы Служебники, Ирмологии на крюковых нотах, Праздники нотированные, Синодики, Евангелия, Вкладные книги, Псалтири, Часословы, Стихиры, Октоихи, Триоди, Травники, Прологи, Литературные сборники, разного рода рукописи, в т. ч. Апостол апракос, Златоуст постный, Слова Григория Богослова с толкованием Никиты Ираклийского, Уставы (монастырский и церковный), Сказание о Спасо-Каменном монастыре, текст Соборного уложения 1649 г. и др. Есть и житийные сочинения, в т. ч. Житие Кирилла Новоезерского (с владельческими записями), Житие митрополита Алексия (с читательскими записями) (Череповецкий музей), Житие и подвиги Николая Чудотворца (Тарногский музей), Житие Василия Нового, Григория Мниха (Великоустюгский музей) и др. Более всего житийных сочинений в Вологодском областном музее[755]: Димитрия Прилуцкого, Зосимы и Савватия Соловецких, Логгина Коряжемского, Николая Чудотворца, Сергия Радонежского.

Примечательно, что существовали и сборники исторического содержания. В них включаются тексты документальных памятников: Сотные на церковные и монастырские земли, Книги сбора церковной десятины и др.

[755] Вологодский областной краеведческий музей (ВОКМ), ныне называется Вологодский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник (ВГИАХМЗ).

Следует учесть, что «Вологодской программой» отражена лишь часть книжного наследия. Многие книги в реальности были утрачены по разным причинам. Часть книг естественным образом погибла в само́й среде бытования в результате пожаров и иных бедствий. Многие книги были конфискованы у монастырей и церквей в первые годы советской власти. Многие разошлись по частным коллекциям в результате собирательской деятельности любителей старины, а началось это ещё в XIX веке. Часть книг оказалась в фондах центральных музеев и библиотек, куда они поступали в результате археографических экспедиций. Есть книги и в местных музеях в различных регионах страны.

Но всё же значительная часть рукописного и старопечатного наследия хранится в фондах вологодских музеев, и это обстоятельство даёт основание для того, чтобы представить картину книжной традиции, существовавшей на Русском Севере[756]. Для этого первоначально рассмотрим, сколько книг, бывших в обиходе, отложилось в музейных коллекциях вологодских музеев по состоянию на 1980-е годы, что и зафиксировано в изданном Каталоге-путеводителе.

Вологодский областной краеведческий музей (ВОКМ) – 62 рукописные книги (4 книги XIV в., 6 – XV в, 11 – XVI в) и 136 старопечатных книг (две из них до XVII в. и 134 – XVII в.). Всего 198 книг.

[756] Об этом см.: Памятники письменности в музеях Вологодской области. Каталог-путеводитель / Под общ. ред. П.А. Колесникова (далее: ППМВО). Ч. 1; [вып. 1]. Рукописные книги [районных и народных музеев] / Отв. сост. А.А. Амосов.– Вологда, 1982 (11,6 п.л.); ППМВО. Ч. 1; вып. 2. Рукописные книги XIV–XVII вв. Вологодского областного музея / Отв. сост. А.А. Амосов. Вологда, 1987 (25,2 п.л.); ППМВО. Ч. 1; вып. 3. Рукописные книги XIX–XX вв. Вологодского областного музея / Отв. сост. В.В. Морозов.– Вологда, 1989 (15,8 п.л.); ППМВО. Ч. 1; вып. 4. Книжная традиция Кубеноозерья / Отв. сост. А.А. Амосов. – Вологда, 2001; ППМВО. Ч. 2; [вып. 1]. Книги кириллической печати [районных и народных музеев] (1564–1825) / Отв. сост. А.А. Амосов.– Вологда, 1983 (27,4 п.л.); ППМВО. Ч. 2; вып. 2. Книги кириллической печати Вологодского областного музея (1575–1825) / Отв. сост. В.В. Морозов.– Вологда, 1985; ППМВО. Ч. 3; [вып. 1]. Книги гражданской печати [районных и народных музеев] (1718–1825) / Отв. сост. А.А. Амосов0.– Вологда, 1984 (20,9 п.л.); ППМВО. Ч. 3; вып. 2. Книги гражданской печати Вологодского областного музея (1709–1825) / Сост. Н.Н. Малинина.– Вологда, 1985 (13 п. л.); ППМВО. Ч. 4; вып. 1. Документы дореволюционного периода [районных и народных музеев] / Отв. сост. А.А. Амосов.– Вологда, 1985 (13,2 п.л.); ППМВО. Ч. 4; вып. 2. Документы XVI–XVIII вв. в Череповецком краеведческом музее / Сост. Б.Н. Морозов.– Вологда, 1984 (12,09 п.л.); ППМВО. Ч. 4; вып. 3. Документы XVI – нач. XX в. Вологодского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника / Отв. сост. А.А. Амосов, С.Е. Князьков.– Вологда, 1998 (17,2 п.л.); ППМВО. Ч. 5 [вып. 1]. Документы советского периода [районных и народных музеев] / Отв. сост. Н.И. Решетников. Вологда, 1984 (18,14 п.л.); ППМВО. Ч. 5; вып. 2. Документы советского периода Вологодского областного краеведческого музея. Отв. сост. Н.И. Решетников.– Вологда, 1988 (24,88 п.л.).

Великоустюгский краеведческий музей (ВУКМ) – одна рукописная книга XVI в., 7 рукописных и 36 старопечатных книг XVII в. Всего 44 книги.

Вытегорский краеведческий музей (ВКМ) – одна рукописная книга XVI в., одна рукописная книга и три старопечатные книги XVII в. Всего 5 книг.

Кирилло-Белозерский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник (КБИАХМЗ) – 15 рукописных книг (XIV в. – 1, XV в. – 2, XVII в. – 12), старопечатных книг XVII в. – 292. Всего 307 книг.

Тарногский народный музей (ТНМ) – 2 рукописные книги (XV в. – 1, XVI в. – 1) и 3 старопечатные книги XVI в. Всего 5 книг.

Тотемский краеведческий музей (ТКМ), ныне – музейное объединение (ТМО) – рукописей XV в. – 1, XVI в. – 2, XVII в. – 5; старопечатных книг XVII в. – 8. Всего 16 книг.

Устюженский краеведческий музей (УКМ) – рукописей XV в. – 1, XVI в. – 10, XVII в. – 2; старопечатных книг до XVII в. – 1, XVII в. – 28. Всего 42 книги.

Харовский народный музей – одна рукопись и одна старопечатная книга XVII в. Всего 2 книги.

Череповецкий краеведческий музей – рукописей XV в. – 2, XVI в. – 19, XVII в. – 19; старопечатных книг до XVII в. – 1, XVII в. – 79. Всего 120 книг.

Кубеноозерское книжное собрание в фондах Вологодского музея насчитывало рукописей XVI в. – 4, XVII в. – 7; старопечатных книг до XVII в. – 1, XVII в. – 57. Всего 69.

Кубеноозерское книжное собрание в фондах Библиотеки Академии наук (СПб) насчитывало рукописей XV в. – 2, XVI в. – 1, XVII в. – 6; старопечатных книг XVII в – 2. Всего 11.

Итого в музейных собраниях Вологодской области было зафиксировано 820 книг, из них 171 рукописная книга и 649 книг кириллической печати. Интересна тенденция увеличения количества книг. От XIV в. сохранилось лишь 5 рукописных книг, от XV в. – 11, от XVI в. – 49, т.е. всего 69. От XVII в. – 102 книги. Количество книг, написанных в XVII в., почти в два раза больше, чем написанных в предыдущие два века. Это и понятно. Чем древнее памятники, тем меньше их сохраняется. Но и писать в XVII в. стали больше. Как правило, это было монастырское книгописание. Монастырей же в XVII в. было больше, чем в XIV в. А чем больше написано в количественном отношении, тем больше повышается возможность их сохранения.

Это характерно и относительно книг кириллической печати. Но книгопечатание внесло свои коррективы. Оно началось с 1564 г., и на Север книги сразу начали поступать. С развитием книгопечатания книги стали быстро распространяться. Если книг, отпечатанных в XVI в., в музейных фондах отложилось 6 экземпляров, то от XVII в. до нас дошло 643 книги кириллической печати.

О книжной культуре на Русском Севере свидетельствуют состав и названия книг. Но важно понять саму духовную жизнь наших праотцов. Об этом нам красноречиво говорят записи и пометы, оставленные на страницах книг их владельцами, читателями, дарителями, покупателями, продавцами и т. д. Это своего рода голоса из прошлого. Рассмотрим бытование книги до появления книг гражданской печати.

Прежде всего, интересны по своему содержанию записи о передаче книг в храмы. Открываем рукописную книгу «Службы Страстной недели»[757]. В ней запись: *«Сию книгу в тетратех Страстную неделю всю написал петровский поп Июда Копытов и положил в дом всемилостивому Спасу и апостолу Христову Андрею Первозванному на Белоозеро на посад в свой приход по своих родителех безвыносно, а подписал на сей книге по его старца черного попа Ионы по его велению Васка Кункин лета 1678 года ноября в 21 день. К сей книге… черный поп Иона Копытов руку приложил».* Из этой записи узнаём, что книгу написал петровский поп Июда Копытов и передал её в церковь Андрея Первозванного с завещанием никому не передавать, хранить «безвыносно». Поп Иона Копытов повелел Васке Кункину сделать соответствующую запись и к этой записи сам «руку приложил».

Иногда записи оставляют писцы рукописей. Об этом можно судить по одинаковому почерку самой рукописной книги и записи в ней. «Сборник богослужебный» XVII века[758] содержит тропари, кондаки, богородичны, написан полууставом. Тем же почерком запись: *«Приложена сия книга в церковь Благовещения Пресвятыя Богородицы что в Едоме иеродиаконом Михаилом безповино…»*.

Отметим записи писцов рукописных книг из собрания Вологодского музея. Среди них встречаются записи Арсения Сахарусова Комельского за 1506 г., писца Карпа с тайнописью (1549), Афиногена Аверкиева Короваева (1600) священника Ивана Аникиева (1623), Кеврольского инока Антония Ловцова (1656), рифмованная запись чернеца Александра (1690-е) и др.

[757] КБИАХМЗ РК. 55.
[758] ЧКМ. 9-15; 1336/41.

По записям на страницах рукописных и старопечатных книг можно узнать о первоначальном месте нахождения книг. Так в рукописи «Ирмологий на крюковых нотах»[759] имеется запись XVII в.: *«Сия книга Яренской волости».*

Встречаются владельческие записи разного времени. В «Сборнике каноническом»[760] XV в. полууставом записано: *«Преподобного отца нашего Кирила»*. То есть, книга принадлежала основателю Кирилло-Белозерского монастыря. От XVI в. в этой же книге две записи: *«Правила ветхы»* (полууставом) и *«Книга Кирилова монастыря»* (беглым полууставом). А далее скоропись XVII в.: *«От Никоновских правил»*. Следовательно, книгу в ходе никоновских реформ не изъяли. Она продолжала существовать там, где была изначально. Есть там записи и более позднейшего времени, когда монастырь стал музеем. Этикетка на переплёте: *«Из библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря. От Никоновских правил чудотворца Кирилла» № 14».* Ярлык на корешке: *«№ 15. Правила Никоновы (Сборник)».* Таким образом, «Сборник канонический» начала XV в. превратился в «Правила Никоновы».

Записи о вкладах помещаются в разных местах. Так, в «Синодике монастырском»[761] записи о вкладах вещами и деньгами находятся перед поминаниями некоторых родов. Книга «Слова Григория Богослова с толкованиями Никиты Ираклийского»[762] содержит более пространную запись: *«Лета 7019 месяца декабря 15 дал сию глаголимую книгу Богослов Григорий старец Зосима митрополит бывшей московьской в Ферапонтов монастырь в ограду Белаозера своеи душе на память и своему роду, а привез от него с Каменного старець Феодосей Мансур при игумньстве Селиверьстове при старце при Осафе при бывшем при владыке при Ростовском».* Через 21 год в книге появилась владельческая запись владыки Коломенского Давыда. Ныне хранится в фондах ВГИАХМЗ.

Довольно часты владельческие записи. Иногда в одной книге встречаются записи разных владельцев, в том числе покупателей и продавцов. Из этого следует, что книги не только хранились в монастырских библиотеках, но и «ходили» среди населения.

Есть записи, повторяющие или поясняющие название книги. В рукописи «Святцы с дополнениями»[763] записано: *«Святцы угодника*

[759] ВУКМ Р407.
[760] КБИАХМЗ РК. 135.
[761] ВУКМ Р458.
[762] ВОКМ. 7283.
[763] КБИАХМЗ РК 136.

Божия». В «Евангелии» XVI века[764] записи: *«Евангелие Кирила»* (XVI-XVII в.) и по обрезу блока: *«Евангелие чудотворцово»* (XVII в.). В «Сотенной выписи на Сондужскую волость Тотемского уезда» (ТКМ, скоропись двух почерков) записано: *«Список с писцовой книги писцов Фоки Дурова (зачёркнуто) Никифора Озерова да подьячего Ивана Гордеева 195-го и 196-го года...».* В рукописной книге «Триодь постная» XVI в. записи XVII в.: *«А се книга триодь о мытаре и фарисее»*. Далее неоднократно повторяется: *«Стоит град пуст, а пути к нему нет».* В рукописной книге конца XVII в. «Житие митрополита Алексия»[765] записью поясняется: *«По мудрости (?) Божии и великих сия книга глаголемая житие церкви иже во святых отца нашего Алексия митрополита Киевского и всея Руси чудотворца».* Здесь же поясняющие записи XVIII в.

Иногда владельцы книг записывают не только своё имя, но и делают разного рода замечания. В «Часослове» XVII века[766], написанном чётким полууставом, записано: *«Книга Феодора...»* и далее *«Без летописи»*. Вероятно, Феодору был известен «Часослов», в составе которого была летопись, или она из этого сборника утрачена.

Владельческие записи свидетельствуют о принадлежности книг не только частным лицам, но и храмам. В Устюженском музее хранится книга «Шестоднев служебный»[767]. В ней запись: *«Сия богоглаголемая книга Рождества пречистые Богородицы домовая»* (XVI в.). В Череповецком музее в рукописной книге «Псалтирь следованная» XVI века[768] читаем: *«Сия книга преподобнаго и богоносна отца нашего игумена Кирилла Новоезерскаго чудотворца».* В книге «Ирмологий» XIV века[769] записано: *«Книга Ирмолог церкви Козмы и Дамиана что в Кузьминском»*. В «Уставе церковном» XIV века[770] запись XVII в.: *«Сии Святцы церкви Козмы и Дамиана что в Кузминском».*

Есть записи переписчиков книг. Например: «Минея служебная» на март-апрель[771]. В ней запись: *«Во имя отца и сына и святаго духа. Списана бысть книга по повелению раба Божия Лукина*

[764] КБИАХМЗ РК 4.
[765] ЧКМ. 9-117; 1312/41.
[766] КБИАХМЗ РК. 60.
[767] УКМ. 23.
[768] ЧКМ. 9-64; 361/373.
[769] ВОКМ. 4377.
[770] ВОКМ. 4378.
[771] УКМ. 46.

Кондратьевича на пользу почитающим сиа книги» (XVI в.). Или: «Триодь постная» XV в., писанная мелким полууставом[772], а в ней запись: *«Господи помози рабу своему попу Михаилу, писавшему книги сия Триодь».*

Встречаются и повторяющиеся записи в одной книге. Так, в «Сборнике сотных выписей»[773] несколько раз повторяется запись: *«Митрополита диак Иван Карпов руку приложил».* В рукописной книге «Синодик церкви Казанской Богородицы и выписи из требника»[774] многократная запись: *«Сия книга церькви Казанской Богородицы».*

Нередки записи разного содержания, свидетельствующие о разных владельцах и читателях. Рукописная книга «Святцы с тропарями и кондаками»[775], написанная полууставом, судя по записи, в XVII в. принадлежала как вкладная Шалацькому монастырю, а затем была продана за 20 копеек (неизвестно кем и кому). Более подробны записи в рукописной книге «Златоуст постный»[776] XVII века: *«Сия книга глаголемая Беседы Белозерского уезду Судского стану села Троицкой Танищ церкви Иоанна Предтечи, а положил сию книгу... своеручно того же Белозерского уезду Урозерской волости дьячка Павла Афонасьева повелением его подписал той же Предтеченской церкви сын его крестной дьячек Иван Иванов безвыносно по себе и по родителех своих».* Это запись вкладчика. А затем следует позднейшая запись читателя: *«Сию книгу читал крестьянин деревни Тарасовской Иван...».* Кроме того, на листах 68 об. и 156 об. – записи о смерти крестьян прихожан Предтеченской церкви с указанием дат и фамилий.

Встречаются и житейские записи, раскрывающие некоторые страницы бытовых взаимоотношений. В рукописном «Сборнике богослужебном»[777] читаем: *«От великого князя Василия Ивановича всея Руси в Переяславль к наместником и в Переяславский уезд к волостелем. Бил ми челом Курака Иванов сын Обросов на вас на Ушака на Васильева сына, а ищет на нем то, что ден у него положили на соблюдение шубу баранью, да сермягу белую, да кавтан крашениной, да рубашку, да порты, да десят алтын денег, а всего того грабежу на сорок алтын. Ин де того ему не отдаст».* Текст явно списан

[772] ЧКМ. 9-48; 694/3.
[773] ТКМ, скоропись нескольких почерков XVII в.
[774] УКМ. 9.
[775] УКМ. 15.
[776] ЧКМ. 9-87; 658/12.
[777] ЧКМ. 9-36; 1418/14.

с челобитной, из которой явствует, что спор между Куракой Ивановым сыном Обросовым и Ушаком Васильевым сыном разгорелся не на шутку, коли дошла весть об этом до великого князя. Здесь же вторая запись XVI в.: *«Се яз Иван да яз Посник Федоровы дети Мякишова выручили есмя у великого князя недельщика у...»*. Далее запись обрывается. Начало подобного текста записано в рукописной книге «Минея служебная на декабрь»[778] XVI века: *«Государю царю и великому князю Борису Фёдоро...»*. Такие записи можно охарактеризовать как пробы пера. Копировались наиболее важные, по мнению читателя, документы. А книга служила своеобразным гарантом сохранения текста.

Записи в книгах любопытны также как источник по выявлению имён и прозвищ, в том числе славянского происхождения. Это Июда Митя Вараксин сын[779]; Иван Захарьиных сын Коптев[780], подьячий Максим Козлов[781], купецкий человек Алексей Иванов сын Серебрянов[782] и др.

В Евангелии XVI века[783] в записи XVII в. упоминаются имена 18 человек: «Савка Гончаронок, Ивашка Филипенок, Харитон Филиппович, Сидор Кузнечонок, Афанас Самонович, Яша Аксешонок, Тимоха Долмат, Кондрат Долмат, Яким Менко, Гришка Азарович, Пимаша Гарасименок, Гришка Лапенок, Улас Билминович, Артем Абражевич, Савва Кощенок, Микита Кузмечонок, Прокон Лагун подданные ясновельможного его милости пана Юрия Кароля Глебовича воеводы Смоленского».

В книгах XVII в. имеются записи более позднего времени. Например, в «Сборнике агиографическом»[784] четыре владельческие записи XVIII в. Три из них (священника Матфея Тиханова, дьячка Андрея Матфеева и попова сына Фёдора Матфеева) свидетельствуют, что книга принадлежит церкви Зосимы и Савватия, что на Чурилове, а одна (без указания имени автора записи) – церкви Николая Чудотворца.

Все эти и другие записи – свидетельство повсеместного бытования на Русском Севере рукописных и старопечатных книг. Записей достаточно много. Только в книжном собрании ВГИАХМЗ

[778] ЧКМ. 9-66; 649/3.
[779] «Минея служебная на март» XVI в.– ЧКМ. 9-78; 649/3.
[780] «Сборник богослужебный» XVI в.– ВОКМ. 4370.
[781] ВОКМ. 4366.
[782] ВОКМ. 1995.
[783] ВОКМ. 7282.
[784] ВКМ 11308.

и только точно датированных записей до XVIII в. более 75. В них отражается читательский интерес и в некоторой степени быт прошедших поколений.

Читателям, например, только XVII в. были известны русские агиографы XIV–XVI вв. Епифаний Премудрый, Пахомий Логофет, Макарий Прилуцкий, Досифей и Вассиан Соловецкие, Иродион Свирский, а также сочинители историко-публицистических повестей и сказаний Симеон Суздальский, Иоанн Новгородский, Нестор Искандер, Паисий Ярославов, Спиридон-Савва, Иосиф Волоцкий, Корнилий Комельский, Иван Пересветов, Максим Грек, Ермолай Еразм, инок Филофей, Зиновий Отенский, патриархи Московские Иов и Гермоген. Известны и авторы книг XVII в. Это Симеон Полоцкий, Дмитрий Ростовский, Арсений Суханов, Исайя Копинский, а также основоположники староверия Аввакум Петров, инок Авраамий, диакон Фёдор Иванов, Феоктист Анзерский и др. В постоянном обиходе были Жития святых, Минеи служебные, а также монастырские и церковные синодики.

Наиболее значительна группа синодиков в собрании ВГИАХМЗ, в том числе Корнилиевско-Комельского, Дионисиева Глушицкого, Ферапонтова и Спасо-Прилуцкого монастырей. Поминания основателей староверия содержит Выговский синодик. Есть и родовой синодик вотчинников Вологодско-Белозерского региона князей Шелешпанских.

На основании сохранившихся рукописных и старопечатных книг можно представить круг чтения людей, живших в прошедшие века, и среду бытования книги. Если проследить зафиксированные в записях случаи купли-продажи книг, можно восстановить историю обращения конкретных списков или старопечатных изданий в читательской среде. Часто в записях отражаются множественные переходы книги из рук в руки, причём иногда в течение краткого времени. Так, Евангелие 1656 года[785], написанное чётким полууставом, содержит 8 записей и до начала XVIII в. сменило 6 владельцев. Интересно, что в пятой записи после того, как книга была перепродана Харкой Ловцовым Кондратью Кошкину, появляется запись Ивашки Дмитриева: «Сия книга глаголемая Евангелие напрестольное... не продажна и не закладна». Однако, после этой категоричной записи Евдоким да Илья Дмитриев продали книгу Анкудину Ануфриеву сыну Попову. После очередной перепродажи книгу купил строитель Веркольского монастыря Антоний и завещал её Киприяну Гаврилову с братьями.

[785] ВОКМ. 7281.

Иногда, в нарушение установленных правил, церковные и монастырские книги продавались частным лицам. Например, Пролог на сентябрь-февраль за 1620-е годы[786] купил Яков Иванович Загряжский в Петровском монастыре у чёрных попов Филарета и Тихона. Ещё один Пролог[787] казённой церкви Успения пресвятой Богородицы из Залешья церковный приказчик Семён Иванов Лыжин продал Гурию Евсееву. Потом книга перешла архангельскому мещанину Акиму Борисову сыну Заворина, а в XVIII в. книгой владел уже некто Воронцов Патьвин.

«Вологодская программа» зафиксировала хранящиеся в областном и районных музеях памятники письменности и вместе с тем выявила многие памятники, прежде всего рукописи и старопечатные книги, которые в изданных Каталогах не значатся. Это свидетельствует о том, что Вологодская область обладает уникальными книгами, то есть существующими в единственном экземпляре. Ни в каких иных хранилищах их нет. Для примера. Только в одном областном музее и только относительно старопечатных книг зафиксировано наличие представительного собрания из 613 единиц хранения. Среди них «есть не только уникальные и весьма редкие (хранящиеся в одном-двух национальных хранилищах), но и не известные до сего времени в научной библиографии, проливающие дополнительный свет на историю отечественного книжного дела»[788].

Изданный Каталог-путеводитель не только уникальное явление в стране, не только раскрывает содержание памятников письменности по каждому музею, он ещё и дополнен разнообразными указателями, что позволяет свободно ориентироваться в книжном наследии Вологодской области, но и находить новые темы научного исследования. В каждом томе помещаются указатели авторов, названий места и времени происхождения, географических названий, личных имён, точно датированных записей, украшений переплётов, библиотек и книжных собраний, рукописных вставок. Кроме всего прочего даются ещё и перекрёстные ссылки на места хранения рукописей, книг, документов.

Важно и то, что Каталог-путеводитель имеет практическое значение. Выявленные памятники публикуются в различных изданиях, используются в научно-исследовательской и экспозиционно-выставочной работе. Так, например, дневник крестьянина

[786] ВОКМ. 16677.

[787] ВОКМ. 11870.

[788] ППМВО. Ч. 2; Вып. 2. Книги кириллической печати Вологодского областного музея (1575–1825) / Отв. сост. В.В. Морозов.– Вологда, 1985. С. 10.

А.А. Замараева был опубликован дважды[789] и цитировался в научных статьях многажды[790]. На его основе защищены диссертации в Московском государственном историко-архивном институте и Парижском университете Сорбонна. Тотемский краеведческий музей изучает среду бытования, описываемую в дневнике, использует информацию для публикаций в научных изданиях[791] и музейных экспозициях.

Итак, материалы «Вологодской программы» свидетельствуют не только о бытовании книг на Русском Севере, но и о существовании книжной традиции. Книга была в обиходе не только в монастырской, дворянской, мещанской, но и в крестьянской среде. Книга представляла собой не только объект чтения, но и средство общения, о чём красноречиво говорят записи.

В целом книжное собрание, зафиксированное в музеях Вологодской области, является важным и весьма любопытным источником по изучению культурного наследия. Книги, отражающие культурное наследие, с одной стороны, свидетельствуют о достаточно высокой культуре на Русском Севере, а с другой – характеризуют духовный облик прошлых поколений.

Сама же «Вологодская программа» и изданный по её результатам Каталог-путеводитель в пяти частях являются ярким примером фиксации культурного наследия и его сохранения.

[789] Дневник тотемского крестьянина А.А. Замараева. 1906–1922 / Публ.: В.В. Морозов, Н.И. Решетников. М., 1995. (Библиотека Российского этнографа); Дневник тотемского крестьянина А.А. Замараева. 1906–1922 / Публ., коммент.: В.В. Морозов, Н.И. Решетников // Тотьма: Историко-краеведческий альманах. Вып. 2.– Вологда: «Русь», 1997.

[790] См., например,: Решетников Н.И. Искусство крестьянского бытописания // Послужить Северу: историко-худож. и краев. сб.– Вологда: Адвистура, 1995.– (там имеются ссылки на другие работы).

[791] Записи дневника широко использованы при подготовке книги «Первая мировая война в восприятии крестьян Русского Севера».

Терюков Александр Иванович,
Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург

МАТЕРИАЛЫ ПО РУССКОМУ СЕВЕРУ В СОБРАНИИ МУЗЕЯ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ ИМЕНИ ПЕТРА ВЕЛИКОГО (КУНСТКАМЕРА) РАН

За более чем 300 лет своей истории Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН стал хранилищем предметов традиционной культуры многих народов мира. Основанный Петром Великим в 1714 году музей как собрание различных редкостей со временем превратился в крупнейшее собрание по народам России. Значительную роль в формировании фонда отдела Европы сыграл директор музея академик В. В. Радлов (1894–1918 гг.), который организовал планомерное пополнение европейского фонда восточнославянскими материалами, значение которых для этнографической науки учеными в то время еще недооценивалось. «*Прекрасный организатор, подлинный «ловец людей», он обладал талантом практика в отыскании «путей и средств». С таким талантом, умноженным счастливым даром долголетия, за двадцать пять лет своего управления ему удалось добиться, совершенно, исключительных результатов*»[792]. В их числе имеется и некоторое количество предметов (вещевых и иллюстративных) по данному региону[793].

[792] Штернберг Л. Я. Музей антропологии и этнографии Императорской Академии наук в период 12-летнего управления В. В. Радлова / Ко дню 70-летия В. В. Радлова.– СПб., 1907.– С. 60.

[793] Станюкович Т. В. Коллекции Музея антропологии и этнографии по народам Европы и европейской части СССР.// Из культурного наследия народов России.– Л. 1972.– С. 5–31. (Сборник МАЭ. Т. XXVIII) Станюкович Т. В. К истории комплектования восточнославянского фонда МАЭ // Собрания Музея антропологии и этнографии АН СССР.– Л. 1980.– С. 10–16 (Сборник МАЭ. Т. XXXV); Станюкович Т. В. Памятники материальной культуры народов Европейской части СССР и зарубежной Европы // Памятники культуры народов Европы и Европейской части СССР.– Л., Наука, 1982.– С. 145–152. (Сборник МАЭ Т. XXXVIII.); Станюкович Т. В. и др. Каталог коллекций отдела Европы МАЭ // Памятники культуры народов Европы и Европейской части СССР.– Л.: Наука, 1982: С. 153–191. (Сборник МАЭ Т. XXXVIII.); Лаврентьева Л. С. Каталог иллюстративных коллекций отдела Европы МАЭ //Сборник Музея антропологии и этнографии. XLV.– СПб.: Наука, 1992. С. 180–206.

Наиболее исследованной из коллекций по Русскому Северу из собрания МАЭ являются сборы А. В. Журавского[794]. Это было связно с тем, что его сборы начала XX в. являются по количеству предметов наиболее крупным собранием нашего музея по данному региону. Его деятельность в 1905–1914 годах в качестве исследователя, работавшего на пересечении различных наук на Русском Севере, вызывала неоднозначное мнение, но, тем не менее, стимулировала новый всплеск интереса к всевозможным разысканиям в этом регионе. Сам А. В. Журавский в эти годы посетил почти все населенные пункты Печорского и Мезенского уездов. Нельзя сказать, что фигура А. В. Журавского не привлекала исследователей раньше. Сведения о нем присутствуют в некоторых справочниках, появлялись специальные статьи, рассматривавшие его как разностороннего исследователя[795]. Современники по-разному относились к деятельности А. В. Журавского, его имя часто мелькало на страницах северной прессы, вызывало неодинаковую оценку у многих государственных, общественных и частных лиц.

Впервые его имя появляется в отчетах музея в 1905 г., когда упоминается «русская одежда из Печорского края» от студента А. В. Журавского. В 1907 г. он уже был назван «неутомимым корреспондентом». Именно в эти годы он начинает активно сотрудничать с различными музеями Императорской Академии наук, в том числе и с МАЭ[796]. Всего от него в МАЭ поступило 941 №№,

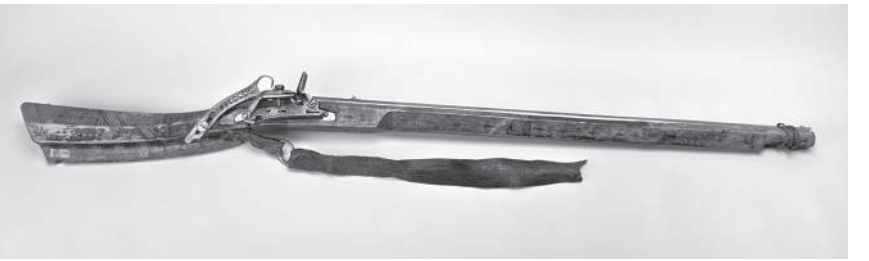
[794] Терюков А. И., Лаврентьева Л. С. А. В. Журавский и его коллекции по традиционной культуре русского населения Архангельской области (по коллекциям МАЭ) – Из истории формирования этнографических коллекций в музеях России.– СПб. 1992.– С. 62–74; Терюков А. И. Коллекции А. В. Журавского в Музее антропологии и этнографии имени Петра Великого (Судьба собирателя) // Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 2–3.– СПб. 1993.– С. 254–265; Терюков А. И. А. В. Журавский и его коллекции по русским старообрядцам // Коллекции по отделам Европы: Выставочные проекты. Каталоги. Исследования.– СПб. Наука. 2008. (Сборник МАЭ.Т. LIV).– С. 88–108.

[795] См., например: Русские ботаники: Словарь.– М., 1950. Т. 3.– С. 304–305; Вавилов П. П. Пионер северного земледелия (А. В. Журавский. 1882–1914). Из истории русской агрономии // Советская агрономия. 1951. № 4. С. 82–84; Кочедыкова М. М. Зигзаги судьбы исследователя Печорского севера А. В. Журавского // Диалоги со временем. Вып. 55. 2016. С. 361–367; Носов Я. Н. Подвиг ученого (К 110-летию со дня рождения А. Журавского).– Усть-Цильма, 1992.– 58 с.; Рощевская Л. П., Рощевский М. П. А. В. Журавский.– Сыктывкар, 2001. (Серия академика М. П. Рощевского «Вспоминая XX век». Вып. 5).– 67 с.; Терюков А. И. Андрей Владимирович Журавский. Жизнь и идеи. // Русская наука в биографических очерках.– СПб. 2003. С. 73–83; Терюков А. И. История этнографического изучения народов коми.– СПб. МАЭ РАН. 2011. С. 132–139.

[796] Кочедыкова М. М. Сотрудничество А. В. Журавского с Императорской Санкт-Петербургской Академией Наук // Документальное наследие России. Теория и практика сохранения и использования научных фондов.– Сыктывкар. 2013. С. 346–352.

967 предметов (МАЭ РАН. колл. 935, 1011, 1012, 1036, 1101, 1226, 1877) с территории Печерского и Мезенского уездов Архангельской губернии, большая часть которых происходит из Усть-Цильмы и окружающих деревень. Усть-Цильма известна как центр старообрядчества, его жители веками сохраняли здесь самобытную народную культуру древнего Новгорода и местную рукописную традицию. В начале XX в. в Усть-Цильме, как и во многих русских селениях на Севере, еще не нарушалась господство старинной традиции: деревня была деревянной. Именно дерево было тем материалом, из которого изготовлялось все то, что нужно было для жизни крестьянину. Как заметил один из исследователей старой русской деревни В. Воронов, «жилище, обстановка, средства передвижения, посуда, утварь, орудия труда, предметы культа и т. д., все вещественное бытовое и хозяйственное окружение крестьянина – от зыбки и игрушки до гроба и намогильного креста – имело своим широким и почти исключительным материалом дерево»[797]. Коллекция А. В. Журавского показывает, что жители этого села владели многими техниками обработки дерева: долбление, вытачивание на станке, сборка из клепки, плетение из бересты, щепы и корня деревьев и веток. Очень часто предметы украшались треугольно-выемчатой резьбой и росписью разноцветными красками. Особо было принято украшать прялки-корневухи, изготовленные из цельного куска дерева, имеющего естественный изгиб. Так, например, из Усть-Цильмы в данном собрании происходят 60 прялок. К ним примыкает значительное количество образцов веретен. В сборах А. В. Журавского имеется некоторое количество предметов, украшенных знаменитой пижемской росписью. Вызывает удивление то, что в коллекции А. В. Журавского отсутствует керамическая посуда, ибо она, как и металлическая, повсеместно использовалась для приготовления пищи. Особо следует отметить существенное число самых разнообразных детских игрушек, включая самодельные куклы. Большой интерес для исследователя представляют образцы традиционной женской одежды, а также шелковых покупных тканей, которые шли на их изготовлении. Кроме того, им было привезено и некоторое количество культовых предметов, в первую очередь лестовок и как нательных, так и напрестольных крестов. Суммируя данные по коллекции, можно сказать, что на ее основе может быть организована значительная выставка по традиционно-бытовой культуре северорусских старообрядцев.

[797] Воронов В. Народная резьба.– М., 1925. С. 5.

Ружье с ударным кремневым замком. Ложа расписная, пижемская роспись. На ложе имеется надпись «1890 гоме(ся)ца июль 15 чи(с)ла сию ложъ делал Емельянъ Чуркинъ». МАЭ РАН. 1036-244

Поэтому собрание А. В. Журавского представляет собой колоссальный научный интерес, ибо дает нам определенный срез оригинальной региональной народной культуры начала XX века. В составе этих коллекций предметы традиционной одежды, бытовая утварь, хозяйственные инструменты, приспособления для охоты и рыболовства, детские игрушки, предметы народного искусства, сакральные предметы и т. д.[798]

Из этого же района происходят сборы Н. Н. Травина (МАЭ РАН. 2911. 413 №№, 435 предметов). Они поступили в МАЭ в 1923 г. из Печерского уезда Архангельской области. Дмитрий Дмитриевич Травин (? –1942) этнограф, ученик Л. Я. Штернберга и В. Г. Богораза-Тана по этнографическому отделению Географического института. Окончил 7 гимназию в С.-Петербурге. Учился на Балканском отделении Восточной академии в Риге (до 1914). Состоял слушателем Высших биологических курсов им. П. Ф. Лесгафта (1917–1919). Окончил Этнографическое отделение Ленинградского государственного университета (1926). Занимался изучением населения Севера России[799]. Коллекция была собрана им в ходе

[798] См., например: Гаген-Торн Н. И. Судовые флюгера «сорочки» // Сборник МАЭ. Т. XX.– Л., 1961.– С. 75–88; Гаген-Торн Н. И. Деревянная утварь Усть-Цильмы. (По коллекциям ленинградских музеев) // Сборник МАЭ.Т. XXI.– Л., 1962. С. 65–77. Некоторые предметы данной коллекции из фондов МАЭ использовала Бернштам Т. А. в своей статье «Старообрядцы и крестьянская бытовая роспись на Севере и в Поволжье: XVIII–XX вв. // Коллекции по отделам Европы: Выставочные проекты. Каталоги. Исследования.– СПб. Наука. 2008. С. 144–202. (Сборник МАЭ.Т. LIV).»

[799] Каменецкая Р. В. Предметы традиционной культуры русских старожилов долины р. Индигирки и собиратель коллекции Д. Д. Травин // Памятники культуры народов Европы и Европейской части СССР.– Л., 1982. С. 95–97. (Сборник МАЭ.Т. XXXVIII).

работы Обско-Печорской этнографической экспедиции, организованной Северной научно-промысловой экспедицией совместно с Географическим институтом в 1921 из числа студентов старших курсов[800]. Экспедиция работала в регионе до 1926 г. Д. Д. Травин вместе со своим братом Н. Д. Травиным и Э. А. Дылевским составили Печорский этнографический отряд этой экспедиции. Она должна была работать в низовьях Печоры и Оби, среди местного русского населения. Собранные материалы должны были послужить сравнительному изучению русских поселений в устьях северных рек от Двины и Печоры до Колымы и Анадыря[801]. Д. Д. Травин предполагал заниматься составлением словаря местного русского наречия, народно-медицинского календаря, духовной и общественной жизни, Э. А. Дылевский – изучением материальной культуры и экономии местного населения, Н. Д. Травин – производить фотографирование и рисунки предметов материальной культуры. В с. Усть-Цильма им был создан Северный областной краеведческий музей на основе сохранившихся в Усть-Цильме сборов А. В. Журавского, дополненных своими приобретениями. После завершения работ в Усть-Цильме он вывез большую часть коллекций этого музея в Ленинград. Позднее Р. Д. Самойлович писал об их работе: «…нельзя не указать на тяжелые условия, в которых приходилось работать отрядам: на голодном пайке (вследствие запаздывания выдачи продовольствия), в рванной обуви научные работники с редким самоотвержением исполняли добровольно взятые на себя обязанности»[802]. Д. Д. Травин опубликовал несколько работ, посвященных Европейскому Северу, в которых коснулся и описания усть-цилемцев и коми-ижемцев и сложного вопроса этнокультурных взаимоотношений в данном регионе[803]. Кроме того, от его имени в музей поступила коллекция негативов (МАЭ РАН 3301,

[800] Опись коллекций, собранных Печорским этнографическим отрядом в 1921 г. на Печоре.– Архангельск. 1922.– 52 с.

[801] Бюллетень Географического института. 1921. № 2.– С. 6; Бюллетень Географического института 1922. № 5–6. – С. 6–7; Географический вестник. 1922. Т. 1. Вып. 1. С. 27; 1923. Т. 2. Вып. 1. С. 146; Труды Северной научно-промысловой экспедиции.– Пгр. Вып. 14. 1922. С. 85.

[802] Труды Северной научно-промысловой экспедиции.– Пгр. Вып. 14. 1922.– С. 5.

[803] Травин Д. Д. Задача этнографических работ на Печоре.– Архангельск. 1921.– 25 с.; Травин Д. Д. На северной Печоре. Очерк // Изв. Географического института.– Пгр. 1922. Вып. 3.– С. 84–8.; Травин Д. Д. Артельное начало на Русском Севере // Красная деревня. 1923. № 7; Травин Д. Д. Наважий помысел на Мезени // Красная деревня. 1923. № 16; Травин Д. Д. Игра в «бачу» // Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР.– Л., 1926. С. 197–198.

107 шт.), выполненную, по видимому его братом, Н. Д. Травиным. На ней запечатлены крестьяне с. Усть-Цильмы, бытовые сцены, в частности «посидки»-вечерки, жилища, уличная торговля и т. д.

Как уже было отмечено выше, А. В. Журавский и Д. Д. Травин работали в одном районе Русского Севера с разницей 10–15 лет, поэтому в их сборах много однотипных вещей. И исследователи часто в своих работах используют коллекционные предметы обоих собирателей[804]. Завершая краткий экскурс в описание сборов А. В. Журавского и Д. Д. Травина, следует отметить еще один момент. Более 170 предметов из этих коллекций в 1910-е и 1920-е годы были переданы по обмену в Гамбургский этнографический музей, а МАЭ получил оттуда ряд африканских и индонезийских коллекций[805].

Менее для исследователей известны сборы Н. А. Шабунина. В общей сложности в МАЭ от него поступило 150 предметов и 150 фотографий (колл. 893, 894, 974) из его сборов в Мезенском уезде Архангельской губ.

Николай Авенирович Шабунин (1866–1907) был выходцем из семьи священника Мезенского уезда. Окончил Императорскую Академию художеств, ученик И. Е. Репина[806]. Его кисти принадлежит ряд картин на тему жизни русского полководца А. В. Суворова В 1904–1907 гг. он сотрудничал с МАЭ и по заданию музея совершил несколько поездок по Архангельской губернии, в том числе по родному Мезенскому уезду. В 1904 г. от него поступила коллекция из 35 предметов, в которую вошли только предметы церковного культа: иконы, ризы, покрывала, епитрахили и т. п. Они прекрасно характеризуют церковную утварь северного приходского храма. Некоторые из них датируются второй половиной XVIII века, а возможно, и более ранним временим. Кроме того, в МАЭ поступила

[804] Например, см.: Бернштам Т. А. Рыболовство на Русском Севере во второй половине XIX – начале XX века (по коллекциям и архивным материалам этнографических музеев) // Из культурного наследия народов России.– Л. 1972.– С. 62–98. (Сборник МАЭ. Т. XXVIII); Алексеева О. В. Бачевые палки – памятники художественной культуры Печорского края // Народное искусство. Материалы и исследования. Вып. III.– СПб., 2012. С. 49–56.

[805] Станюкович Т. В. К истории комплектования восточнославнского фонда… С. 16.

[806] Лаврентьева Л. С. Н. А. Шабунин и его коллекции в Кунсткамере // Радловские чтения-2004 : тез.докл. / РАН. МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера).– СПб.: МАЭ РАН, 2004. С. 116–118; Вехов Н. В. «Искренний, скромный, настойчивый деятель»: о ныне забытом художнике, путешественнике, исследователе Русского Севера Николае Авенировиче Шабунине (1866 – 1907) // Московский журнал.– 2015.– № 7. С. 2–23: фот. цв.

коллекция, в которой представлена женская и мужская одежда, женские и девичьи головные уборы, украшения, пояса, а также несколько предметов бытового назначения; каталка, скалка, огниво, швейка, образцы пестрядиной льняной ткани. Все предметы собирались у русского населения Мезенского уезда. Опись составлял сам собиратель. Будучи человеком наблюдательным и дотошным, каждую приобретенную для Музея вещь он тщательно описывал. Так, в описи, которая хранится в музее, мы читаем: «Одевается молодыми женщинами и девицами, идя в церковь, на свадьбах и на церемонии катания с гор в Масленицу», а про штофный сарафан он писал – «одевался в праздничные дни, на свадьбы и в хороводы»[807]. Описывая дубовый крест - «надворотник», Н. А. Шабунин указывал – «кресты надворотники укреплялись на наружной стене над входом в дом», про «резной кружок» он записал, что им печатался рисунок на ржаных «пряниках», выпекаемых на Рождество для угощения колядующих, и т. д.

Для современного исследователя очень интересны его письма в МАЭ, которые содержат крайне любопытные этнографические наблюдения об этнокультурных контактах на Русском Севере. Они являются прекрасным дополнением к его книге «Северный край и его жизнь»[808].

Его иллюстративная коллекция включает фотографии с видами г. Мезени, с. Юрома, с. Ущелье и т. д. На них запечатлены типы местных жителей, некоторые их обычаи, домашние занятия, постройки, внутреннее убранство местных церквей[809]. Так как он был профессиональным рисовальщиком, им были сделаны ряд рисунков историко-бытового характера, которые так же хранятся в нашем музее[810]. По словам Н. В. Вехова, «Одно из главных достоинств фотографий Н. А. Шабунина, сделанных им там, где побывал художник-путешественник, – уникальная достоверность и непревзойдённое значение этих фотодокументов для познания образа

[807] Лаврентьева Л. С. Женская одежда русских в фотографиях Н. А. Шабунина и М. А. Круковского (из коллекций МАЭ РАН) // Иллюстративные коллекции Кунсткамеры / РАН. МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера).– СПб., 2014.– 102–111.– (Сборник МАЭ; т. 59).

[808] Шабунин Н. А. Северный край и его жизнь (путевые заметки и впечатления по северной части Архангельской губернии).– СПб., 1908. 2. II.– 44 с.

[809] Об этом см.: Шабунин Н. А. Древние церкви по реке Мезени // Зодчий.– 1906.– № 10. С. 91–93: ил.; № 11. С. 97–98: ил.

[810] Как фотографии и рисунки Н. А. Шабунина, так и другие иллюстрации отдела можно увидеть на сайте МАЭ по адресу: http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/

Шабунин Н. А. Церкви и часовни по Мезени и Пинеге. Бумага, тушь, перо. МАЭ РАН. 894-6

жизни архангельской глубинки. Так, например, зафиксированные им в это время храмы и часовни являются уникальными источниками по церковной истории региона, ибо большая часть их исчезла в советское время»[811].

Не имея возможности рассказать обо всех собирателях коллекций МАЭ по Русскому Северу, в завершение этого очерка остановимся на собрании предметов, поступивших в музей от М. А. Круковского. Михаил Антонович Круковский (1865–1936) – русский писатель, переводчик, географ и этнограф, издатель. Многие годы занимался популяризаторством географии, поэтому совершил ряд

[811] Вехов Н.В. «Искренний, скромный, настойчивый деятель»...

путешествий по России. В 1899 г. он побывал в Петрозаводском, Олонецком и Повенецком уездах. В сфере его интересов были русские и карелы этих районов. Итоги этой поездки он опубликовал в своей книге «Олонецкий край. Путевые очерки»[812]. Эта книга стала одним из основополагающих источников при изучении советскими исследователями народного искусства Карелии. Позднее он издал книгу «По родному северу», в которой еще раз возвратился к Русскому Северу[813]. Он самостоятельно обучился фотографическому процессу и в своих путешествиях много фотографировал. В МАЭ и Российской национальной библиотеке хранятся многие его фотографии. В МАЭ его фотоколлекция зарегистрирована под номером МАЭ РАН 1363 и содержит 286 фотографий[814]. Кроме того, от него из этой поездки поступила большая вещевая коллекция (МАЭ РАН. 504, 87 №№, 105 предметов). М. А. Круковский считал, что предметные и иллюстративные коллекции взаимосвязаны друг с другом, они дополняют друг друга, ибо фотография фиксирует жизнь предмета в реальной жизни. Это он считал крайне важным, так как по его мнению, «Пройдет несколько лет, исчезнут жемчужные кокошники и серьги, вместе с лесом исчезнут следы промыслов, изменится вместе с природой даже самый тип человека, и ничего не останется увековеченным, записанным в книгу жизни народов».

Последним по времени крупным поступлением по традиционной культуре по Русскому северу в МАЭ были сборы сотрудников отдела восточнославянской этнографии Ленинградской части Института этнографии АН СССР (сегодня – отдел этнографии восточных славян и народов Европейской части МАЭ РАН), работавших по обследованию локальных групп Двинско-Важского бассейна. Экспедиция работала под руководством Т. А. Бернштам. Некоторые материалы этой экспедиции были опубликованы в сборнике

[812] Круковский, М. А. Олонецкий край: Путевые очерки. С 115 рис. худож. Н. Н. Герардова и др. по фот. авт.– СПб.: Изд. Петербург. учеб. магазина, 1904.– 260 с.: ил.

[813] Круковский М. А. По родному северу. Рассказы по родиноведению. М., И. Д. Сытин, 1914.– 200 с.

[814] Более подробно об этом см.: Лаврентьева Л. С. Иллюстративные коллекции М. А. Круковского // Радловский сборник.– СПб., 2007.– С. 273–279; Лаврентьева Л. С. Край лесов, рек и поэтов (Карельская фотоэкспедиция 2008 г.) // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. Вып. 9.– СПб., МАЭ РАН, 2009.– С. 6–16; Ушаков Н. В. Карельская фотоэкспедиция МАЭ РАН 2008 г. По следам собирателя М. А. Круковского (технические и методические вопросы) // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. Вып. 9.– СПб., МАЭ РАН, 2009. С. 204–212.

«Русский Север»[815]. В составе этого собрания (МАЭ РАН колл. 6931, 6925, 6962, 258 №№, 482 предмета) имеется 90 художественно-бытовых вещей, в том числе расписных и резных 95 прялок[816].

Назанян Карина Георгиевна,
ФБУ ВО «Санкт-Петербургский государственный институт культуры»,
Одинцов Алексей Михайлович,
ФГБУ ВО «Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина при Российской академии художеств»,
г. Санкт-Петербург

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И ОХРАНА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Статья основана на исследовательском и практическом опыте авторов, а также на современных публикациях, посвящённых взаимодействию Русской Православной Церкви и отечественных учреждений культуры. Актуальность статьи обусловлена полемикой, связанной с инициативой Церкви подвести Кирилло-Белозерский музей-заповедник «под монастырь»[817].

Заявленная тема, безусловно, претендует если не на отдельное диссертационное исследование, то на пространную статью. Авторы (теоретик, занимающийся историей вопроса, и практик, занимающийся в церковной реставрации на протяжении многих лет) в представляемой статье обобщают имеющийся опыт и рассматривают, согласно современной терминологии, кейс, связанный с Кирилло-Белозерским историко-архитектурным и художественным музеем-заповедником.

Принимая во внимание слова мэтра музейного дела М. Б. Пиотровского, который является одним из тех, кто формирует общественное мнение на заданную тему, в настоящее время «мы

[815] Русский Север. К проблеме локальных групп / МАЭ РАН. СПб. 1995.

[816] Об этих коллекциях см.: Новикова В. В., Финченко А. Е. Новые поступления в МАЭ из Архангельской и Вологодской областей // Из культурного наследия народов Восточной Европы.– СПб. 1992. С. 92–110 (Сборник МАЭ. Т. XXXXV).

[817] Пешков В. Подвели под монастырь// Областная общественно-политическая газета «Премьер» от 16 августа 2018 года. [сайт]. Режим доступа: http://premier.region35.ru/article/podveli-pod-monastyr-2 (Дата обращения: 20.12.18).

разучились думать сложно»[818]. Смотря на процессы с точки зрения развития истории науки, то есть с позиций постнеклассического периода науки, идеалами которой являются синергетический тип мышления, сочетание объективного и ценностного подходов, преодоление разрыва между точными и гуманитарными науками, мы не боимся размышлять.

Рассматривая вопрос отношения Церкви к культурному наследию, закономерно обратиться к истории вопроса и рассматривать его как поступательное движение: накопление, генерация культурных ценностей самой Церковью и сохранение их в рамках исполнения Церковью её евангельского предназначения. Этот подход идёт в русле исследований, которые отражают роль Церкви в развитии и формировании культуры. Это неизбежно приводит к критике Советского периода, которая достаточно широко отражена в современных публикациях на эту тему.

Современное отношение Церкви к культурным ценностям и культурному наследию (мы говорим об отношении духовенства с учётом того, что оно не может не зависеть от личных и/или профессиональных качеств, региона и других факторов) свойственно и всему Синодальному периоду.

И тогда, и сейчас мы имеем различное отношение к предметам, обладающим богослужебной, религиозной и художественной ценностью. Не имея возможности полноценно развиваться на протяжении почти ста лет (так называемых лет атеизма), находясь в состоянии реформирования, гонений и адаптации к постоянно меняющимся реалиям жизни, Церковь сосредотачивалась на борьбе за непрерывность богослужебной деятельности, не имея возможность выстраивать новый тип отношения к культурным ценностям, нежели сформированный к началу Первой мировой войны.

Даже само понятие «культурная ценность» воспринимается духовенством скорее как технический термин. Смиряясь с тем, что светское государство называет святыню объектом декоративно-прикладного искусства, а монастырскую обитель – архитектурным памятником, принимая на вооружение подобную терминологию, духовенство скорее отдает интеллектуальное кесарево кесарю, нежели берет на вооружение культурологический аппарат, разработанный гуманитарной наукой в XX веке.

[818] Диалог Михаила Пиотровского и Михаила Швыдкого об искусстве, культуре и войне, приуроченный к Дню Победы от 10.05.18. // YouTube [видеохостинг]. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=CH6Up2VIYhQ.

И хотя Церковь относится к своему имуществу не как к культурному наследию (и это стоит воспринимать как данность в связи с вышеуказанными причинами), мы прекрасно понимаем, что большую часть отечественного культурного наследия составляют артефакты истории Русской Церкви. Соответственно, необходимо через анализ традиций и возвращение к мысли о том, что сохранение культурного наследия – живое церковное Предание[819], помочь осознать внебогослужебную ценность сакрального, тем самым способствовать формированию сверхмотивации сохранять материальную культуру.

Недостаток подобной рефлексии, который обусловлен историческими обстоятельствами, не только препятствует привлечению новых членов Церкви из числа представителей гуманитарных наук, но и наносит урон объектам культурного наследия, находящимся в пользовании Церкви. Зачастую мы являемся свидетелями того, что выбор специалиста основывается не на его профессиональной подготовке[820], а исходя из степени воцерковленности. Вера в то, что Господь не попустит ошибиться при работе над святыней, важнее, чем химический или биологический анализ, а благословение священника ценнее иконографического исследования. Отношение к иконе как к живому носителю образа, важному и актуальному сегодня для прихожан и клира конкретного храма, вступает в острое противоречие с необходимостью выявления оригинального сюжета или авторского слоя при научной реставрации. Несмотря на положительное отношение священноначалия к результатам реставрации иконы Божией Матери «Одигитрия» (Смоленской) прихожане старшего поколения болезненно отреагировали на утрату привычного образа: «Лик, который восстановлен по всем правилам научной реставрации (некоторые утраченные фрагменты иконы не восстановлены и не затонированы), оказался совсем иным, не таким, к которому привыкли почитатели иконы в 20 веке»[821].

[819] Церковный древлехранитель: методическое пособие по сохранению памятников церковной архитектуры и искусства / [Тихон (Шевкунов), архим. и др.].–М., 2015. 261, [2]. С. 8–13.

[820] Методические рекомендации по сохранению недвижимых объектов культурного наследия религиозного назначения. М., 2018. // Монастырский вестник. [электронный ресурс]. Режим доступа: http://151722.selcdn.ru/monasterium.ru/iblock/c4e/c4e0808dc0b4fa42d54191ad56d6a889/Rekomendatsii-EDKH1.pdf (Дата обращения: 20.12.18).

[821] Яковлева Е. Отреставрирована Смоленская икона Божией матери 28 января. // Российская газета [электронный ресурс]. Режим доступа: https://rg.ru/2015/01/28/ikona-site.html (Дата обращения: 20.12.18).

Разница подходов проявляется и в отношении к сохранению архитектурных памятников. Представителю Церкви важно спасти функцию здания (богослужебную), а не заниматься научной реставрацией. Закрепление бетоном бутового фундамента – преступление с точки зрения реставрации и консервации, но это – спасение для деревянной церкви, которая стояла на этом расползающемся фундаменте. Приведённый пример вызвал серьезное осуждение со стороны местного органа охраны памятников. Но с точки зрения теории относится к художественной реставрации, а распространённая церковная реставрация является частью стилистической, которая в настоящее время переживает подъём и на светских объектах. Тому примером может служить воссоздание Царицынского дворца в Москве (2003–2004 гг.), к его форме можно отнести «диджитальный анастилоз», представленный восстановленной Фрауэнкирхе в Дрездене 1993–2005 гг., и фрагментарную реставрацию Нового музея в Берлине 1997–2009 гг.[822]

Попробуем рассмотреть проблему на примере передачи части имущественного комплекса Кирилло-Белозерского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника православной местной религиозной организации Архиерейское подворье «Ферапонтов монастырь»[823]. Ситуация, благоприятно развивавшаяся в последние годы для музея, не могла не привести к интересу Церкви к этим объектам. В этот момент не важен ретроспективный взгляд – были ли спасены фрески благодаря приостановке богослужебной деятельности в этих храмах и насколько велик вклад нынешнего руководства музея в создание условий для сохранения наследия Русского Севера для будущих поколений. Речь идёт о том, что развивающийся Институт Церкви должен был рано или поздно обратить внимание на этот монастырь, а, значит, те, кто по-настоящему заботятся о сохранении культурного наследия, должны работать не только над укреплением материально-технической и научной базы музея, но и задуматься над тем, кто может прийти им на смену. Будут ли эти люди пользоваться системой контроля температурно-влажностного режима (ТВР), регулировать посещаемость объекта культурного наследия и пр.

[822] Arzamas.academy Курс №12 Архитектура как средство коммуникации. Как оставлять старое старым URL: https://arzamas.academy/materials/487 (Дата обращения: 16.11.18).

[823] Стариков Е. В Ферапонтово возвращается монашеская жизнь // Красный Север. Вологодская областная газета. [сайт]. Режим доступа: [http://krassever.ru/article/v-ferapontovo-vozvrashchayet-sya-monasheskaya-zhizn (Дата обращения: 15.11.18).

Если мы выводим предмет спора музея и Церкви из области взаимодействия хозяйствующих субъектов в сферу обеспечения мер по сохранности памятников истории и культуры, то стоит обратить внимание на то, что требует закон с нового пользователя памятника. Закон[824] требует только лишь соблюдения мер, прописанных в охранном обязательстве (с недавних пор – распоряжение об охране).

Казалось бы, этого достаточно, но для музеев закон[825] указывает спектр работ, связанных с выявлением, сохранением, изучением, учётом и популяризацией памятников. Подобного закона для религиозных организаций не существует, а их устав сосредоточен на деятельности богослужебной. Значит, передавая объект культурного наследия в религиозную организацию, мы по закону лишаем памятник всего спектра «услуг», который был бы ему оказан музеем. Требовать подобного от религиозной организации – как бы лояльно она ни была настроена к деятельности музея и уважительно к его сотрудникам – невозможно. В этой связи чрезвычайно показателен опыт Касимовской епархии, управляемой митрополитом Рязанским и Михайловским Марком[826]. Созданная им епархиальная комиссия по строительству, реставрации и сохранению вещественных памятников церковно-исторического наследия предписывает настоятелям храмов-музеев исполнения обязанностей, во многом схожими с теми, которых мы считаем идеальными, рассуждая о передаче особо охраняемых культурных ценностей Русской Православной Церкви. Таким образом, говорить необходимо о системном подходе и особой кадровой политике, которая должна внедряться при обсуждении передачи уникальных объектов.

С 2014 года в Церкви действует институт древлехранителей, проводятся семинары и конференции, поясняющие порядок пользования, режим эксплуатации, раскрывающие суть заключенной в охранном обязательстве фразы «обеспечить сохранность предметов охраны». В числе подобных инициатив мы можем представить

[824] Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».

[825] Федеральный закон № 54 «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» (с изменениями на 28 декабря 2017 года).

[826] Фазлеева А. В. О системном подходе к проблеме сохранения памятников церковно-исторического наследия на епархиальном уровне (на примере Касимовской епархии)// Рязанский богословский вестник. 2014. № 2 (10). (сайт). Режим доступа: http://rpds.info/desyatyj-nomer (Дата обращения: 20.12.18).

и получение благословения на открытие научно-методического центра по сохранению культурного наследия при Свято-Троицкой Александро-Невской Лавре. Сегодня судьба нам дарит благодатный момент, когда можно популяризовать и донести до широких слоёв церковной интеллигенции успешные опыт и методы сохранения уникальных объектов культурного наследия, разработанные Кирилло-Белозерским музеем-заповедником. Временная приостановка передачи богослужебных объектов может дать время на формирование отношения к его художественным ценностям, которое не допустит небрежения или халатности и даст возможность распространить опыт подготовки кадров на другие епархии, иные случаи, когда передача музейного объекта Церкви неизбежна.

Этому может послужить деятельность указанного научно-методического центра, задачами которого являются координация научных исследований и реставрационных работ, осуществление диалога Церкви, государственных учреждений и общественных организаций; популяризация научных сведений об объектах культурного наследия.

Николаев Иван Романович,
Институт современных исследований морского наследия,
Горлов Иван Олегович,
ООО «ЦМИ МГУ», г. Москва

АКТУАЛИЗАЦИЯ РЕЧНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НА РУССКОМ СЕВЕРЕ: ПЕРСПЕКТИВЫ И ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ

Русский Север обладает значительным объемом выявленного и не выявленного речного культурного наследия, которое необходимо сохранять и изучать. Важность объектов наследия имеет силу сама по себе, но существуют основания утверждать, что речное культурное наследие изучается не так успешно и может пользоваться большей общественной поддержкой.

Настоящий доклад отмечает, что речное культурное наследие создает ряд социально-экономических ценностей, множеству из которых не уделяют достаточного внимания, и они обладают потенциалом для дальнейшего развития.

Изучение и сохранение историко-культурного наследия региона необходимо не только для надлежащей заботы о нашем историческом прошлом, но и для повышения качества жизни общества в настоящем и будущем.

Речное наследие Русского Севера уникально. Географическое положение и многовековая история позволили сформировать плотную сеть памятников, связанных с речными долинами, побережьями, морями.[827]

Ценность морского и речного культурного наследия не требует дополнительных обоснований – характерные особенности многих прибрежных поселений завязаны на их многовековых отношениях с водой, вне зависимости от того, что мы рассматриваем – крупный портовый город или маленькую деревню на берегу реки. Эти особенности воплощают исторические и культурные связи между семьями и обществом, между прошлым и настоящим.

Сохранение речного наследия не может быть сведено к независимому сохранению его отдельных компонентов. Потеря взаимосвязи между природной, материальной и нематериальной культурными составляющими нарушит возможность считывания информации из такой системы. Игнорирование эмерджентного характера данной формы наследия не позволит выстроить эффективную систему охраны и управления. Комплексность речного наследия отмечает в своем определении С. М. Фазлуллин: **«сложившаяся в бассейне реки система бытования, базирующаяся на географических условиях и историческом контексте, которая имеет важное культурное, цивилизационное значение.»**[828]

Помимо общих сложностей в сфере охраны и изучения, речному наследию присущ ряд специфических черт.

Одна из главных особенностей речного наследия на текущем этапе – бедность информационного сопровождения и узость круга исследователей.

Отсутствие выстроенной информационной политики в отношении речного наследия существенно осложняет процесс выявления и сохранения объектов материальной и нематериальной культуры, относящихся к речному наследию.

---

[827] Звягин С. А. Морское наследие в социокультурном пространстве Русского Севера (теоретико-методологические основания и концепты) // Вестник Северного (Арктического) Федерального Университета. Серия: Гуманитарные и Социальные науки. 2014. № 6. с. 48–49.

[828] Фазлуллин С. М. Речное историко-культурное наследие Русской равнины // Русский Север-2017: Сборник материалов межрегиональной научной конференции Тотемского музейного объединения (23–26 февраля 2017 года). Вологда, 2017. С. 177.

Изучение речного археологического наследия в основном сконцентрировано в рамках исследования крупных археологических памятников[829, 830].

«Неизвестность» множества потенциальных памятников и отсутствие систематической работы по их выявлению приводит к сосредоточению дискуссий о речном наследии в пределах небольшого профессионального сообщества. Должная оценка речного наследия и позиционирование его ценностей может стимулировать признание важности данной тематики.

Помимо вопросов интенсификации изучения речного наследия со стороны научного сообщества и обсуждения соответствующей культурной политики на региональном и федеральном уровне также необходимо создание соответствующего информационного сопровождения с целью освещения вопросов изучения и сохранения речного наследия в широких массах.

Очевидно, что сохранение прибрежных культурных ландшафтов вкупе с нематериальной компонентой в контексте речного наследия совершенно невозможно без вовлечения локальных сообществ (выступающих одновременно и как носители, и как реципиенты нематериальной компоненты) в процессы изучения и управления.

К направлениям деятельности сообщества следует отнести:

- Осуществление общественного контроля за соблюдением охранного законодательства.
- Помощь в выявлении объектов культурного наследия и нематериального культурного наследия.
- Организация движений локальной исторической реконструкции.
- Создание общественных объединений с целью изучения, сохранения и музеефикации наследия, в т. ч. археологического, в соответствии с нормами государственного права.

Заслуживает внимания получивший широкую поддержку и развитие подход к использованию наследия как ресурса социально-экономического развития. Социально-экономические ценности

[829] Мазуркевич А. Н. История одного открытия: Свайные поселения в Восточной Европе и их исследователи // Археология озерных поселений IV–II тыс. до н. э.: хронология культур и природно-климатические ритмы. Материалы международной конференции, посвященной полувековому исследованию свайных поселений на северо-западе России.– СПб., 2014. С. 9–14.

[830] Степанов А. В., Трояновский С. В Новейшие подводно-археологические исследования Новгородского Великого моста // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Санкт-Петербург – Москва – Великий Новгород, 2011. С. 187–189.

речного наследия также отмечаются исследователями[831], но в широком смысле остаются неясными или непризнанными и могут быть усилены.

Данный взгляд во многом базируется на актуальном подходе устойчивого развития. Устойчивое развитие признано во многих европейских странах[832] и в России в том числе[833], базируется на трех основных столпах: окружающей среде, экономике и обществе, где управление наследием разными исследователями включается в каждую из сфер[834, 835]. За границей рассмотрение социальных и экономических ценностей морского и речного наследия прослеживается в единичных случаях[836, 837, 838], в России же данные подходы применяются лишь в отношении наземного наследия.

Отечественные и зарубежные исследователи отмечают позитивное влияние культурного наследия на общество, в частности выделяя роль вовлечения жителей в социокультурное проектирование. Среди позитивных факторов выделяют капитализацию ресурсов населения, снижение безработицы, возрастание социальной мобильности[839, 840]. Историко-культурная среда имеет положи-

[831] Низовцев В. А., Снытко В. А., Широкова В. А. Туристско-рекреационные ресурсы исторических водных путей русского севера // Туризм и региональное развитие: сборник статей.– Смоленск, 2014. С. 133–135.

[832] Airoldi L. Marine heritage for sustainable growth // EuroScience Open Forum. Manchester, 2016. pp. 7–9.

[833] Статья 1 Градостроительного кодекса РФ с Комментариями 2017–2018 года (новая редакция с последними изменениями) // Градостроительный кодекс РФ [Электронный ресурс].– Москва, 2018. Режим доступа: http://stgrkrf.ru/1 (дата обращения – 20.12.2018).

[834] Гришин А.И. Историко-культурное наследие в концепции устойчивого развития образовательного учреждения // Вестник РЭУ. 2013. № 5. с. 36.

[835] Набиева У. Н., Русидзе А. Р. Культурное наследие как ресурс устойчивого развития // Известия ДГПУ. 2010.– № 2.– С. 113.

[836] Beattie-Edwards M. The Local Economic Value of a Protected Wreck. Portsmouth, 2013. pp. 10–11.

[837] Claesson S. The Value and Valuation of Maritime Cultural Heritage // International Journal of Cultural Property. 2011. №18(1). pp. 62–63.

[838] Scotland's Marine Atlas: Information for the national marine plan / [ed. Baxter J.M. et. al.] Edinburgh, 2011. pp.

[839] Никонова Т. В., Веслогузова М. В., Муртазина Г. Р. Роль местного населения в процессах вовлечения нематериального культурного наследия в туризм (по материалам бо́лгарского историко-архитектурного заповедника в Татарстане) // Современные проблемы сервиса и туризма.– 2016. Т. 10. № 3. С. 125–126.

[840] Чернега А. А. Роль местного населения в социальном конструировании туристических достопримечательностей в малых городах России // Пути России. Север – Юг.– Москва, 2017. С. 137.

тельную связь с социальным капиталом населения.[841] Существуют успешные примеры подобного вовлечения в том числе на Русском Севере.[842]

Музеи в настоящее время ведут колоссальную культурно-образовательную деятельность, вовлекая в неё всё новые группы населения, и способны влиять на развитие отношения к речному наследию и его включению в общественное поле. «Только в связке "Музей и местное сообщество" можно что-то сделать для своей территории» – один из тезисов, поддерживаемых фондом Потанина, вносящим весомый вклад в музейное развитие.[843]

Высокий потенциал к продвижению исследований речного наследия Русского Севера имеется у нескольких музеев: Тотемского музейного объединения, Архангельского краеведческого музея, Кижского музея-заповедника. Данные музеи достаточно крупные, чтобы выступать флагманами в своей работе, что подтверждают регулярно проводимые конференции, культурно-образовательные мероприятия, совместные проекты с местными институциями.[844, 845] Исследование речного наследия и вовлечение местных сообществ во взаимодействие с ним при помощи музеев поддерживает основные направления деятельности, выделяемые в статье.

Музеи Русского Севера уже хранят объекты речного культурного наследия. Исходя из текущей информации, представленной базами Госкаталога – это, преимущественно, предметы быта, материальной культуры, прикладного искусства. Зачастую это

[841] Sense of Place and Social Capital and the Historic Built Environment: Report of Research for English Heritage / [Bradley David, Jane Bradley, Mike Coombes, Emmanouil Tranos].– London, 2009. p. 3.

[842] Новосёлов А. М., Чернега А. А. Культурно-историческое наследие как инструмент консолидации населения: Тотемский кейс // Философские науки. 2016.– № 1.– С. 63–65.

[843] Вяткина Ю. Оксана Орачева: активное вовлечение местного сообщества в деятельность музеев способствует развитию территорий // Агентство социальной информации [Электронный ресурс]. Москва, 2010–2018. Режим доступа: https://www.asi.org.ru/news/2015/06/11/oksana-oracheva-aktivnoe-vovlechenie-mestnogo-soobshhestva-v-deyatelnost-muzeev-sposobstvuet-razvitiyu-territorij/ (дата обращения – 20.12.2018).

[844] Михеева Н. А. Продвижение г. Тотьмы Вологодской области с помощью организации научно-практических конференций // Сервис в России и за рубежом. 2016. Т. 10.– № 3 (64).– С. 139–140.

[845] Мельников И. В. Изучение и актуализация культурного наследия в музее-заповеднике «Кижи» // Изучение и актуализация традиционной культуры (к 50-летию музея-заповедника «Кижи»).– Петрозаводск, 2016. с. 3–6.

предметы 19–20 вв., археологическое наследие представлено слабо.[846] Многие исторические вехи, как, например, торговля англичан с Московией в 16–17 вв., не представлены реальными археологическими находками.

Речное наследие редко становится объектом публичного внимания в России. В стратегии развития морской деятельности Российской Федерации до 2030 года морскому наследию посвящено одно предложение, речное наследие не упоминается вообще.[847]

Речному культурному наследию следует уделять гораздо больше внимания как аспекту культуры и наследия в целом. Его значение для людей в экономическом и социальном плане заслуживает особого внимания. Ее отсутствие в научных и общественных дискуссиях должно быть исправлено.

Социально-экономические ценности речного наследия следует рассматривать как дополнение к его естественной ценности как объекта наследия. Сохранение речного культурного наследия оправдано само по себе, но имеет смысл развивать его ценности для дальнейшего повышения качества жизни.

Чайка Елена Андреевна,
Московский архитектурный институт (Государственная академия), г. Москва

РУССКИЙ СЕВЕР. КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ КАК ОБЪЕКТ НАСЛЕДИЯ

Когда мы говорим о культурном наследии, то чаще подразумеваем материальные и нематериальные ценности. Когда произносим «Русский Север» в первую очередь предстают перед глазами уникальные памятники северного зодчества, но редко идет речь о уникальности территории в целом, значимости сложившейся системы расселения, о культурном ландшафте – «материальном единстве природных и культурных объектов»[848].

[846] Государственный каталог музейного фонда РФ [Электронный ресурс]. Москва, 2018. Режим доступа: https://goskatalog.ru (дата обращения – 20.12.2018).

[847] Об утверждении Стратегии развития морской деятельности Российской Федерации до 2030 года, Распоряжение Правительства РФ от 08 декабря 2010 года № 2205-р // АО «Кодекс» [Электронный ресурс]. Санкт-Петербург, 2018. Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/902250877 (дата обращения – 20.12.2018).

[848] Автором термина «культурный ландшафт» является немецкий географ Отто Шлютер.

«Русский Север». Эту фразу слышали многие, но что это? Словосочетание Русский Север вызывает целую гамму чувств, навевает ощущение скрытой тайны, загадочности. Русский Север – это что-то образное, чувственное: снежные вихри, белые поля, реки, скованные льдом или несущие быстрые воды в бескрайнюю даль, причудливые деревянные избы, церкви, часовни, которые можно встретить там, где кажется никогда не ступала нога человека; суровые люди, ледниковые озера, ледяные моря, незаходящее солнце – древний край с многовековой историей.

Исследователь Хотенов А. В. пишет: «Принадлежность того или иного региона к Русскому Северу не является общепринятой, Русский Север (РС) скорее историко-культурная понятие», нежели административно – географическое. По мнению Хотенова РС включает: Архангельскую, Вологодскую и Мурманской области, Республику Карелия, Республику Коми и Ненецкий автономный округ. По мнению академика Ополовникова А. В. в состав Русского Севера входят: Архангельская, Вологодская, Костромская, Кировская, Мурманская области. Историк Булатов В. Н. определяет территории Русского Севера бассейнами Северной Двины, Сухоны, Онеги, Печоры, Камы и Вятки. РС – «территории, примыкающие к Белому морю и Северному ледовитому океану [...] раскинувшиеся в бассейнах Северной Двины, Сухоны, Онеги, Мезени, Печоры, Камы и Вятки»[849].

На протяжении веков рассматриваемые территории были едины и носили название Поморье. Если термин «Русский Север» употребляется в историко – культурных исследованиях и не имеет четких географических пределов, то Поморье обладает исторически сложившимися территориальными границами.

На протяжении веков эти территории имели свою систему расселения, быт, культуру, хозяйственную деятельность, общий вектор развития. Однако позднее территория была разделена, об этом пишет в своих трудах и известный российский ученый-историк В. Н. Булатова: «нет обобщающих научно-популярных работ об истории и культуре и экономики Поморья, ... Виной тому границы территориальной раздробленности Поморья на губернии, а позднее на автономии, области и округа как субъекты Федерации».

Но были совсем другие времена: Русский Север с XVI-го века носил название Поморье, а его земли, лежащие в бассейнах рек

[849] Булатов В. Н. Русский Север. Книга 3: Поморье,– Архангельск, Издательство Поморского государственного университета, 2006. С. 5.

Северной Двины, Сухоны, Онеги, Печоры, Камы и Вятки, занимали тогда территории, составлявшие почти половину Русского государства до присоединения к России среднего и нижнего Поволжья, Сибири и Дальнего Востока. Поморье – край «красивых и мужественных людей рыбаков поморов – охотников и лесорубов, плотников и поэтов, закалённых в постоянной непрерывной борьбе с суровой природой», людей, которые всегда были свободными, никогда не жили под гнетом крепостного права. Нашествия, обрушившиеся на Русь, обошли Север, «конницы Чингисхана и Батыя не топтали эти земли, здесь не угасал огонь русской государственности, национальной культуры»[850]. Исконные традиции, восходящие к Киевской Руси, на севере сохранились в своем первозданном виде, в то время как на других территориях они искажались под воздействием иноземных нашествий. Перед учеными, стремившимися в конце XIX-го века на север, предстал народ, свято хранивший не только древний язык, обычаи, обряды, но и многие старинные предания, давным-давно позабытые в других местах России.

Русский Север – понятие достаточно новое. Можно сказать, что впервые о нем заговорили исследователи XIX-го века, попавшие в этот край на волне возродившегося интереса к северным пределам Российской Империи. Исследователи как будто пересекли незримую границу и оказались в доселе неведомой стране. Эти земли взрастили свою собственную культуру, современный ее этап начинается уже в 12–13 веках, когда пришли первые переселенцы и поселились рядом с живущими на этих территориях коренными народами. Важно отметить, что это не было завоеванием, это было мирным присоединением. Вся история становления северной культуры отличается именно мирным процессом. Тогда впервые и проникает славянская культура Киевской Руси в Северные пределы. С первыми переселенцами на север пришло и православие, но именно здесь оно нашло пути мирного сосуществования с живущим здесь с древнейших времен язычеством. Крошечные часовни со старинными ликами, украшенные затейливой резьбой, и пестрые ленточки на деревьях вокруг – живущие рядом в мире православное и языческое наследия. Красный угол в избах сочетался с резными «коловоротами» на ставнях и расписными единорогами на крыльцах. Перед теми, пришел на Север в XIX веке,

[850] Ополовников А. В., Русский Север.– М.: Стройиздат, 1977. С. 15.

открылся мир, который развивался изолированно от центральной России и сумел пронести свою уникальность через века, не утратив ее под давлением неумолимого времени.

На протяжении истории было несколько основных волн переселения «южан» на север. В разные исторические периоды людей привлекали эти земли по разным причинам: обширные свободные территории, богатейшие леса, реки, полные рыбы, возможности торговли с ближними и дальними соседями. Люди, пришедшие на север, не группировались на основе старых связей: этническому принципу. Придя на новые земли, они присоединились к тем, кто там уже жил, и образовали новый народ, который распространился от Поморского, Летнего и части Карельского берегов Белого моря, Кандалакшской губы до восточных притоков Печоры.

Эти суровые храбрые люди жили от Кольского полуострова до притоков Печоры, чтили древние языческие традиции и воспринимали христианскую культуру, привнесенную сюда еще из Великого Новгорода и Ростова. Поморы не только обрабатывали землю, охотились, строили, но и были отважными путешественниками и мореходами, они отправлялись в странствия по неизведанным ледяным морям. Их странствия с Кольского полуострова приводили их в Португалию, Испанию, Швецию, Норвегию. Храбрецы из нынешней Архангельской земли прокладывали основу Северного Морского Пути и открыли дорогу в Арктику. Путешественники и торговцы из вологодских и тотемских земель по Сухоне и Двине осваивали сибирские земли и шли дальше на восток, на Американский континент. С юга и из центральной Руси тянулись караваны купцов за товарами северных земель: пушниной, солью и др. Поморье *воспринимало культуру стран,* чьи берега повидали, а также традиции и быт южных гостей.

До этих земель не добиралась Орда татаро-монгольского нашествия, благодаря чему смогло сохраниться так много памятников древней культуры. Северный народ всегда был свободен, никогда не терпел гнета крепостничества, они ценили свои земли, открывали новые берега, берегли традиции, строили уникальные деревянные шедевры, дошедшие до наших дней, для себя, своих детей и будущих поколений.

Сегодня поистине национальным достоянием являются: Соловецкий архипелаг с памятниками Всемирного наследия ЮНЕСКО, крупнейший в Европе музей деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы», Пинежские пещеры – самые большие

и многочисленные в Европейской части России, старинные города Тотьма, Каргополь и Сольвычегодск с сохранившейся уникальной исторической архитектурой. Русский Север сохранил многие православные святыни (Соловецкий, Онежский Крестный, Антониево-Сийский, Веркольский, Сурский, Ошевенский монастыри). Значительную часть региона (около 7 процентов площади) составляют заповедные территории, созданы четыре крупных национальных парка: «Кенозерский», «Русская Арктика», «Онежское Поморье», «Водлозерский».

Русский Север сегодня разделен на административные образования и не имеет единой программы развития территорий и сохранения культурного наследия. Каждый из субъектов федерации разрабатывает и ведет свою программу, а кроме того, существует государственная программа развития Арктической зоны Российской федерации. Это может повлечь за собой потерю идентичности территорий, уникальности традиций и истории этой земли. А кроме того недостаточность внешних и внутриобластных связей и отсутствие общей программы развития влияет на уровень жизни и социальную привлекательность региона. Кроме того, это один из факторов усиления процессов внутренней миграции населения и обезлюдивания территорий. С конца 80-х годов прошлого века мы наблюдаем стремительный отток населения внутри региона из малых деревень и поселков в более крупные города, а также потерю населения Севера в пользу Центрального и Южного Федеральных округов.

Современный Русский Север – это территория, экономическое, политическое, социальное и культурно-этническое пространство областей, обеспечивающих выход России к студеным северным морям и в мировой океан, это его историческая миссия. Это северный форпост России. А также Русский Север – это уникальное культурное пространство, имеющее ценность не только за счет отдельных памятников, но и как целостный культурный ландшафт.

Сорочинский Глеб Романович,
Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина, г. Санкт-Петербург

СВЯТО-ТРОИЦКАЯ ФИЛИППО-ИРАПСКАЯ ПУСТЫНЬ – ОБЪЕКТ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

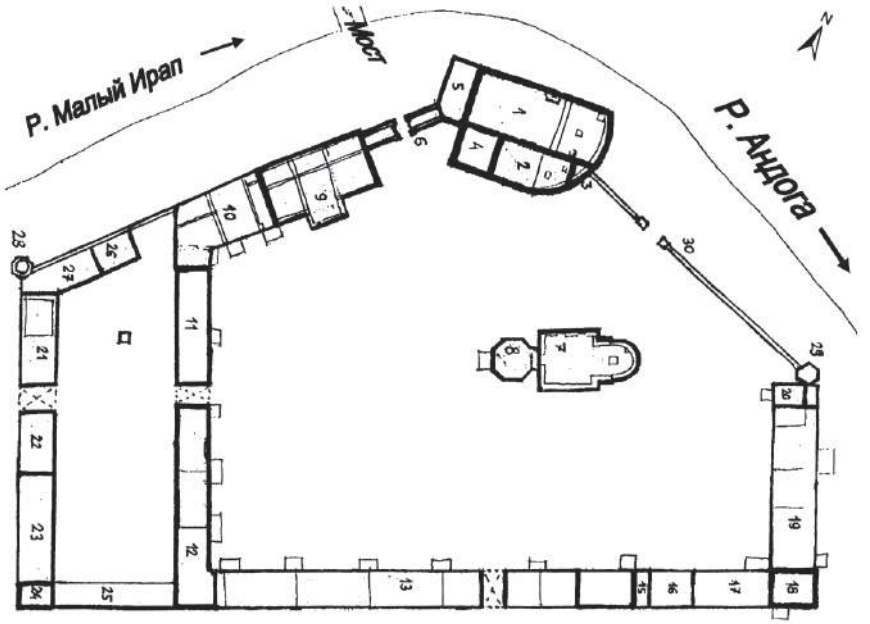
Архитектуре храмового зодчества Русского Севера всегда отводилась совершенно особая и уникальная ниша в самосознании русского народа, которая во многом определяла исторический процесс формирования тех особенностей, характеризовавших самобытность русской идеи в различных сферах жизни общества. Такими сферами являются религия, философия, искусство, культура и другие. Начиная с 1917 года и вплоть до 90-х годов XX века данные аспекты жизни народа были забыты, а подчас и попираемы. Однако уже с последнего десятилетия XX века и по сей день проявляется особый интерес к прошлому и происходит процесс переосмысление настоящего путём приобщения к национальным традициям народа. Активно развиваются такие стороны жизни людей как паломничество и туризм, более того именно культурно-историческое наследие ежегодно привлекает тысячи иностранцев. Немалым интересом пользуются туристические маршруты, проходящие по древним городам Северо-Восточной Руси «Золотое кольцо», «Серебряное кольцо», где сосредоточены наиважнейшие памятники архитектуры нашей страны, при этом стоит уделить особое внимание Вологодской земле, которая является кладезем уникальных объектов храмового зодчества.

Вологодская область, входящая в маршрут «Серебряное кольцо» имеет множество известных памятников архитектуры: Кирилло-Белозерский, Ферапонтов, Горицкий монастыри и другие обители, а также множество древних соборов и церквей. При этом одной из важных святынь Вологодской области является и Свято-Троицкая Филиппо-Ирапская пустынь, незаслуженно забытая и разрушающаяся с каждым годом. Исходя из этого были организованы необходимые проектные изыскания, инициированные студенческим сообществом архитектурного факультета Института имени И. Е. Репина. В результате проделанных исследований, базирующихся на работе с архивной информацией, и предпроектной

деятельности, осуществлённой непосредственно на объекте путём обмерных работ и экспертных заключений, были выявлены такие особенности данного места, как утерянные исторические панорамы монастыря, композиционная и планировочная структура обители, архитектурные решения ансамбля, датированные разными периодами, а также выявлены отдельные участки разрушений конструктива некоторых частей монастыря.

На сегодняшний момент к данному месту проявляется особый интерес не только со стороны волонтёров и отдельных деятелей, занимающихся вопросами сохранения культурно-исторического наследия, но и со стороны паломников, а также служителей церкви. Поэтому реставрация и восстановление такого объекта культурного-исторического наследия, как Свято-Троицкая Филиппо-Ирапская пустынь, может стать ещё одним важным шагом в развитии культуры, архитектуры, туризма в регионе и, конечно, способствует формированию нового форпоста Православной Веры.

Филиппо-Ирапская пустынь, основанная 21 мая 1517 года преподобным Филиппом на правом берегу реки Андоги, в месте, издавна называемом «Красный Бор» (сейчас это поселение именуется как Зелёный Берег), изначально формировалась как духовная обитель на протяжении нескольких веков, вместе с тем процессу развития сопутствовали сугубо практические архитектурно-планировочные решения, которые были обусловлены оборонительными задачами. В доказательство этому можно привести замкнутый пятиугольный план застройки монастыря, где келейные корпуса и хозяйственные постройки выполняли роль крепостной стены по периметру территории монастыря. Вместе с тем данный комплекс зданий был увенчан угловыми башнями, а также надвратными сооружениями, отвечающими оборонительной функции. С северо-востока монастырь был защищён глухой стеной с небольшими вратами. Отсюда следует, что он напоминал крепость. Одновременно с этим в архитектурном образе обители наблюдается отсутствие большого количества деталей, за исключением убранства Троицкого собора и церкви иконы Казанской Божией Матери, а именно, часто встречающееся в Вологодской области завершение с пятиглавием, где четыре главки располагаются по сторонам четверика, а пятая главка венчает купол или иное завершение храма, подобная схема существовала и на Троицкой церкви. Также в двух храмах монастыря было очевидно выявление поярусного членения за счёт использования декоративных тяг на цокольную часть, массив стены и карниз, вместе с тем стоит

План Филиппо-Ирапской пустыни (1913 год). Из книги М. Г. Мальцева «Святыни Кадуйской земли. Филиппо-Ирапская пустынь». Часть 2. Москва, 2016[851]

обратить внимание на использование таких деталей, как массивные сандрики, обрамлявшие окна и раскрепованные пилястры, которые подчёркивали пластику кирпичных стен. Колокольня, башни и входные элементы монастыря имели шатровые завершения,

[851] 1) Троицкий собор (1699), при нём: 2) Южный придел в честь преподобного Филиппа Ирапского (1873, 1911); 3) Пономарня; 4) Ризница; 5) Паперть и чулан. 6) Святые врата с Троицкой башней (1876), крытой галереей и библиотекой. 7) Церковь во имя иконы Казанской Божией Матери (1735). 8) Шатровая восьмигранная колокольня при церкви (1870-1871). 9) Настоятельский корпус (1869). 10) Кладовая, канцелярия, келейная, теплый погреб (1869). 11) Трапезная (1869). 12), 13) Братские кельи (1868). 14) Казначейская келья (1868). 15) Хлебный амбар (1868). 16) Амбар для монастырской рухляди (1868). 17) Братская келья (1868). 18) Юго-восточная башня (второй этаж (деревянный) был приспособлен под летние покои настоятеля) (1868). 19) Братские кельи (1867). 20) Мучной амбар и амбар строительных материалов (1873). 21) Погреба в западной стене (1873). 22) Баня (1873). 23) Конюшня (1873). 24) Юго-западная башня (1873). 25) Помещения конюха и кучера (1873). 26) Каретник (1873). 27) Кладовые (1873). 28) Северо-западная башня с помещением для рабочих. 29) Восточная башня, где находился архив. 30) Монастырская стена с малыми вратами.

а здание настоятельского корпуса, находящееся с северной стороны, венчалось фронтоном. Также немаловажно отметить, что архитектурный облик монастыря во многом определялся наличием вертикальных доминант: колокольня, башни, входные группы. Именно они образовывали неповторимый и целостный силуэт Филиппо-Ирапской пустыни.

Первоначально обитель выстраивалась исключительно из дерева, так как каменное строительство не представлялось возможным в силу трудоёмкости и нехватки ресурсов, а заготовка дерева осуществлялась практически на месте. Однако срубные конструкции не могли защитить монастырь от набегов, разорений и пожаров. Первым кирпичным строением на территории монастыря стал Троицкий собор (1699 год), а затем появилась каменная церковь иконы Казанской Божией Матери (1735 год). В дальнейшем остальные здания ансамбля были выстроены из кирпича. Чтобы соответствовать оборонительным требованиям, стены зданий строили толстыми и массивными. В итоге, на территории обители практически не осталось деревянных строений, за исключением некоторых хозяйственных построек: склады, колодцы, юго-восточная башня, где сегодня устроена маленькая домовая церковь и проводятся регулярные богослужения братии.

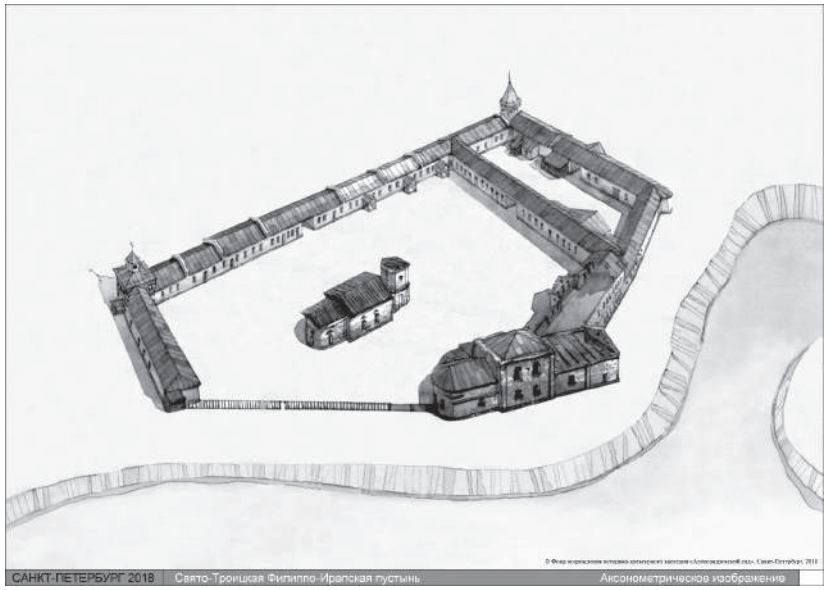
Троицкий собор выполнял роль главного храма монастыря, именно рядом с ним были впоследствии обретены мощи святого Филиппа Ирапского, а церковь иконы Казанской Божией Матери являлась более поздним и вторым храмом монастыря, имеющим меньшие размеры, но занимающим центральное положение на монастырской площади. Центральная площадь обители использовалась для хозяйственных нужд, где была сосредоточена основная деятельность братии. В восточной части монастыря, за церковью Казанской Божией Матери, располагалось кладбище. Западная часть монастыря играла роль буферной въездной зоны, на небольшом участке территории находился скотный двор и ряд складских, хозяйственных построек. Южная часть была образована келейными корпусами и также имела небольшие въездные врата. Главными же вратами в обитель являлись Святые врата, находящиеся с северной стороны. К ним подходил мост через реку Малый Ирап, по которому осуществлялось сообщение с противоположным берегом, также в определённый момент времени связь с противоположной стороной обеспечивалась за счёт курсирования парома. Таким образом, монастырь имел чётко регламентированную функциональную структуру.

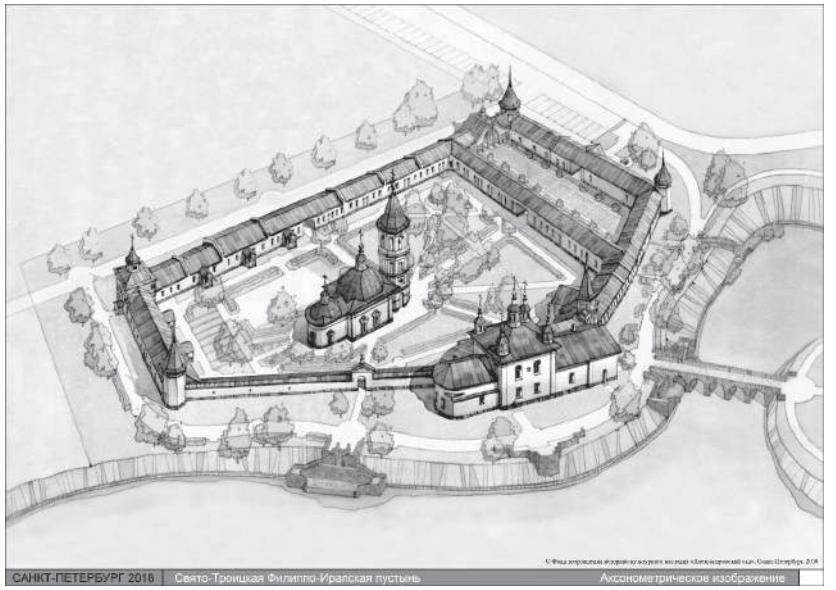

Генеральный план Свято-Троицкой Филиппо-Ирапской пустыни

На сегодняшний день Свято-Троицкая Филиппо-Ирапская пустынь занимает участок около 1,6 Га. На юго-западе от участка располагается дачная застройка и проезд к Филиппо-Ирапской пустыне. На востоке от монастыря располагается лесной массив и река Большой Ирап, а на севере – излучина реки Андоги. На юге от участка простираются пахотные земли (1,5 Га) и проходит основная транспортная магистраль, связывающая посёлок Зелёный Берег, где находится монастырь, с посёлком городского типа Кадуй, находящийся южнее (в 28 км) от монастыря. На данный момент в поселении Зелёный берег отсутствует какая-либо иная застройка, кроме жилья. Ближайшие магазин, почта, детский сад, школа и другие административные учреждения находятся в поселении Никольское, располагающееся севернее (в 4 км) от монастыря. Более того нужно учитывать, что ближайшее церковное учреждение, где проводятся регулярные богослужения, располагается в посёлке городского типа Кадуй, поэтому важно принять в расчёт поток прихожан из окрестных деревень и поселений (Никольское, Смешково, Стан и другие), которые единовременно смогут посещать восстановленный монастырь и образуют регулярный приход, что послужит важным шагом в просвещении и приобщении местных людей к Таинствам Церкви. К монастырю относится также ряд построек, таких как колодцы (один на территории монастыря, второй перед западными воротами), откуда осуществляется водозабор для хозяйственно-бытовых нужд; кирпичный склад, который располагается на юге от монастыря; гостевой дом, который построен на северо-западе от монастыря и служит временным жильём для приезжих трутников, паломников, волонтёров и служителей церкви. Вместе с тем на севере от обители находятся значимые места, связанные с житием святого Филиппа, такие как памятный крест около стены Троицкого собора, обнесённый оградой, на территории которого в 2000 году были найдены мощи святого Филиппа и памятный валун с историческим преданием. Также на востоке от монастыря находилась каменная часовня в честь преподобного Филиппа, однако она не сохранилась до наших дней, но осталась в историческом повествовании, недавно данная часовня была восстановлена в дереве, но несколько на другом месте, около восточной стены монастыря.

Как было сказано ранее Филиппо-Ирапская пустынь имеет не только культурно-историческое значение, но и важный духовный посыл. Такой объект русской культуры может стать форпостом Православной Веры не только на местном уровне, но и на реги-

Развитие ансамбля Свято-Троицкой Филиппо-Ирапской пустыни

ональном, а может быть и на уровне национального народного самосознания. Подобная миссия может быть реализована при грамотном развитии внутренней структуры монастыря, направленной на регулярное посещение Филиппо-Ирапской пустыни паломниками и прихожанами. То есть при сложном процессе восстановления и реставрации *не исключается приспособление монастырской застройки под такие функциональные зоны, как гостиничная, церковно-причтовая (образовательная), пищевая (трапезная), административная и техническая*, которые будут интегрированы в общий контур монастыря. Одновременно с этим важно сберечь аутентичность монастырского уклада жизни братии путём сохранения исконного монастырского устава и натурального хозяйства. Также немаловажно развить систему благоустройства: восстановить мост, организовать спуски к воде, укрепить берег за счёт насаждений, проложить необходимые дороги и создать интересные ландшафтные композиции, которые могут быть дополнены малыми архитектурными формами. Такой комплексный подход может способствовать наилучшему процессу приобщения народа к своему духовному прошлому, а также благостно повлиять на молодое поколение прихожан, паломников и волонтёров. Таким образом, Филиппо-Ирапская пустынь стала бы эпицентром Духовной жизни, неким Градом Божием для многих людей, чувствующих свою сопричастность с этим Великим местом.

В итоге можно сделать вывод о несомненной уникальности такого важного культурно-исторического объекта Вологодской области, как Свято-Троицкая Филиппо-Ирапская пустынь как с точки зрения исторического формирования данного места, так и с точки зрения различных архитектурных аспектов, отражающих её неповторимость. Главным же является возрождение монастыря в самобытном ключе, сочетающим в себе богатый исторический пласт знаний и опыт древних зодчих. Будем надеяться, что в ближайшее время все эти проектные замыслы реализуются. Подобные решения по восстановлению и реставрации обители станут следующим важным шагом в истории Филиппо-Ирапской пустыни, которой 21 мая 2017 года исполнилось 500 лет.

Список литературы:

1. *Белоярская И.К.* Монастырские комплексы Вологодской области. Принципы современной реабилитации: дис. ... канд. архитектуры: 18.00.04 / Белоярская Ирина Константиновна; СПбГАСУ.– СПб., 2002.

2. *Варакин, Е. П., Пятницкая Т. Н.* Из прошлого Новгородской епархии. СПб.: София, 1998.

3. *Кашоид М. В.* Реставрация и исследования памятников русского севера: сборник статей. Вологда: Арника, 2011.

4. *Мальцев М. Г.* Святыни Кадуйской земли. Часть 2. Филиппо-Ирапская пустынь. Изд. 3-е. М.: Традиция, 2016.

5. *Шалашов Е. В., Малинкина Т. В.* Преподобный Филипп Ирапский и места, связанные с его именем. Череповец: Архиерейское подворье Воскресенского собора, 2010.

Исаченко Григорий Анатольевич,
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», г. Санкт-Петербург

ХРАМОСТРОИТЕЛЬСТВО НА КАРЕЛЬСКОМ ПЕРЕШЕЙКЕ В XX–XXI ВВ.

В постсоветский период Россия переживает период бурного храмостроительства; по числу вновь возводимых храмов первое место принадлежит православным. При этом храмы и монастыри сооружаются на местах, где их никогда раньше не было, в том числе на территориях, где в прежние эпохи доминировали другие христианские конфессии. Примером такой территории служит Карельский перешеек (Ленинградская область), имевший сложную политическую, этническую и конфессиональную историю на протяжении последнего тысячелетия. Христианизация прибалтийско-финских народов, населявших Карельских перешеек в раннем средневековье, началась не позже XII в. как шведскими, так и новгородскими миссионерами, укоренявшими соответственно католичество и православие. После установления первой государственной границы между владениями Швеции и Великого Новгорода по Ореховецкому мирному договору 1323 г., которая разделила перешеек примерно на две половины – западную и восточную, конфессиональное разделение единого прежде племени корела закрепилось и стало обусловливать и некоторые этнические и языковые различия.

Первые католические церковные приходы в шведской части Карельского перешейка (исключая Выборг) ведут свое начало с XIV в. Примерно в это же время возникают первые православные

погосты в восточной части перешейка. С середины XVI в. в результате Реформации католические приходы владений Швеции стали лютеранскими. С начала XVII в., когда по условиям Столбовского мира (1617 г.) весь перешеек и Приневские земли отошли к шведским владениям, православное население начало эмигрировать в пределы Московии; опустевшие деревни заселялись выходцами из западных районов перешейка и внутренней Финляндии, также исповедовавшими лютеранство. В результате к началу Северной войны Швеции и России Карельский перешеек почти не имел действовавших православных храмов. Возрастание роли православия началось с включением почти всей территории перешейка в состав России по условиям Ништадтского мира 1721 г. Православные храмы строили прежде всего в городах Выборг и Кексгольм. Резкое увеличение количества православных храмов произошло в конце XIX – начале XX вв., когда перешеек активно «осваивался» дачниками из Санкт-Петербурга.

К началу XX в. на Карельском перешейке преобладало финское население, представленное карельскими финнами Выборгской губернии (современные Выборгский и Приозерский районы Ленинградской обл. и часть Курортного района С.-Петербурга) и ингерманландскими финнами С.-Петербургской губернии (современный Всеволожский район Ленинградской обл.). И те, и другие были в основной массе лютеранами. Население, исповедовавшее православие (преимущественно русские), составляло за пределами городов меньшинство.

Изменения в размещении христианских храмов на Карельском перешейке с начала XX по начало XXI в. обусловлены крупнейшими социально-политическими катаклизмами: развалом Российской империи, сопровождавшимся провозглашением независимости Финляндии (1917 г.); советско-финляндской войной 1939–1940 г., в результате которой перешеек был включен в состав СССР; распадом СССР и крушением коммунистической идеологии, враждебной к религии.

Автором составлена база данных, включающая сведения о 34 лютеранских храмах (кирхах) и 120 православных храмах, монастырях и часовнях, существовавших и существующих на Карельском перешейке в XX–XXI вв. Они представлены тремя группами: 1) построенные в разное время и уничтоженные в XX в.; 2) построенные до 1917 г. (лютеранские – до 1940 г.) и сохранившиеся до наших дней; 3) построенные не раньше 1990 г. При составлении базы

данных использовались данные ресурсов Интернета[852, 853, 854, 855], литературные источники[856, 857, 858, 859], топографические карты разного времени, а также результаты обследований автора.

В статье рассматриваются только храмы двух основных христианских конфессий, игравших ведущую роль в истории Карельского перешейка и его культурных ландшафтов – православной и лютеранской. Из рассмотрения исключены христианские храмы, находившиеся и находящиеся в пределах городов Санкт-Петербурга (включая примыкающие к нему районы многоэтажной застройки Кудрово и Мурино-Девяткино, формально расположенные в пределах Ленинградской обл.) и современных районных центров Выборг, Приозерск и Всеволожск.

Наибольшее количество лютеранских кирх за всю историю Карельского перешейка здесь было в середине 1930-х гг. В финляндской части перешейка полностью или частично располагалось около 30 лютеранских сельских приходов, причем пять новых приходов было создано в XX в. Еще 9 приходов (полностью или частично) включали южные районы перешейка, относящиеся к Ленинградской обл., однако к концу 1930-х гг. все лютеранские храмы здесь были закрыты, а ингерманландские финны частично (а к 1942 г. полностью) выселены за пределы области. В 1934 г., когда закрытие лютеранских кирх в Ленинградской обл. только началось, на перешейке насчитывалось 34 действующих храма. Самые старые кирхи, сохранившиеся к середине XX в., были построены в середине XVIII в., однако большинство кирх возведено во второй половине XIX – первой трети XX в.

[852] Народный каталог православной архитектуры [сайт]. Режим доступа: http://sobory.ru/ (дата обращения: 17.12.2018).

[853] Бывшие церкви в бывшей Финляндии. Сохранившиеся и разрушенные церкви на бывшей финской части Карелии и Карельского перешейка [сайт]. Режим доступа: https://terijoki.spb.ru/kirkko/ (дата обращения: 17.12.2018).

[854] Культура Ленинградской области. Энциклопедия. [электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.enclo.lenobl.ru/object/1803428965?lc=ru (дата обращения: 17.12.2018).

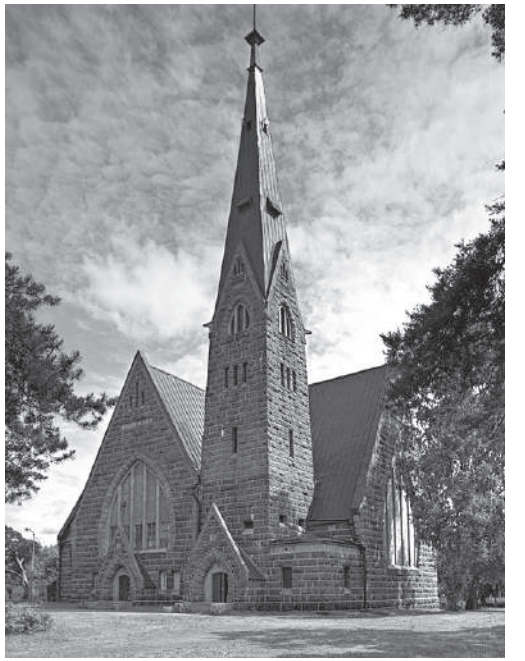
[855] Инкери. Портал ингерманландских финнов [сайт]. Режим доступа: http://www.inkeri.ru/virt/ (дата обращения 18.12.2018).

[856] Карельский перешеек. Земля неизведанная. Юго-западный сектор. Ч. 1. Кивеннапа – Териоки (Первомайское – Зеленогорск) / Автор-составитель Е.А. Балашов.– СПб., 2008.

[857] Балашов Е.А. Карельский перешеек. Земля неизведанная. Юго-западный сектор. Ч. 2. Уусикиркко (Поляны) / – СПб., 2009.

[858] Там же. Ч. 1. Каннельярви – Куолемаярви (Победа – Пионерское).

[859] Там же. Ч. 7. Центральный сектор. Муолаа – Яюряпяя (Красносельское – Барышево).

Лютеранский храм в г. Приморск (бывш. Койвисто). 1904 г. Архитектор Й. Стейнбек

Почти все лютеранские храмы занимали выигрышное положение в окружающем ландшафте: более половины из них возведены рядом или в нескольких сотнях метров от крупных озер, проток озерно-речной системы Вуоксы и побережья Финского залива. Некоторые кирхи построены на вершинах камовых или моренных холмов или у пересечения дорог, проложенных еще в средневековье. Практически все кирхи были видны с расстояния в несколько сотен метров или даже несколько километров и формировали значимые фокусы ландшафта. Вокруг, как правило, располагались приходские кладбища, поля и небольшие участки леса.

Архитектурные решения лютеранских храмов Карельского перешейка довольно разнообразны. Наиболее старые из сохранившихся к XX в. кирх имели крестообразную в плане форму с отдельно стоявшей колокольней (Пюхяярви, Яски, Кирву). В XIX в. сформировался стиль «Ноев ковчег», где колокольня уже составляла единое целое с основным помещением храма (Антреа, Хейнйоки, Колтуши). Некоторые кирхи выстроены в классическом и неоклассическом стилях (Сяккиярви, Муолаа). В конце XIX – начале XX вв. в храмовом строительстве отразилось увлечение неоготикой (Йоханнес, Вуоксела, Рауту). К неоготике близок стиль финского национального романтизма, в котором выполнены замечательные творения Йозефа Стейнбека (начало XX в.) – кирхи в Ряйсяля (Мельниково), Койвисто (Приморск), Куолемаярви и Терийоки (Зеленогорск). Кирхи этого зодчего отличает монументальность, устремленность вверх, виртуозное использование в облицовке

местных гранитов, делающее храмы исключительно созвучными окружающему ландшафту. В 1930-е гг. кирхи в финляндских районах перешейка сооружались в основном в стиле конструктивизм, что было созвучно магистральной тенденции европейской архитектуры того времени. Последней постройкой этого периода стала кирха в Энсо (Светогорск), которую не успели завершить до начала Зимней войны 1939–1940 г.

Наибольшее число действующих православных храмов в прошлом столетии (31) приходится на 1917 г., после Октябрьской революции их стали постепенно закрывать. Это число (куда входит и один монастырь – Линтульский) почти совпадает с максимумом лютеранских кирх, зафиксированным на 17 лет позже. Большинство православных храмов и часовен было сооружено в конце XIX – начале XX в., что связано с массовым строительством дач жителями Петербурга после открытия железнодорожного сообщения С.-Петербург – Выборг – Риихимяки. Кроме того, храмы строились при крупных военных лагерях и заводах, дворянских усадьбах, санаториях.

По своему положению в ландшафте и архитектурным формам большинство православных храмов и часовен, существовавших в начале XX в., были, в отличие от лютеранских, более «камерными». Во многом это обусловливалось тем, что каждая сельская кирха была духовным центром прихода (волости) площадью в сотни, а иногда и первые тысячи кв. км, с населением в десятки тысяч человек, а многие православные храмы обслуживали только небольшие общины, состоявшие в основном из петербургских дачников. Не менее половины храмов и часовен были деревянными, что в сочетании с характерным декоративным оформлением делало их весьма близкими по стилю к дачам состоятельных петербуржцев. В архитектуре храмов наиболее часто использовались элементы псевдорусского стиля, а в начале XX в. – модерна.

К немногочисленным примерам православных храмов – заметных доминант ландшафта – можно отнести каменную церковь Сретения Господня в с. Красносельское (1898 г., архитектор Н. Бараньев), считавшуюся красивейшим православным храмом Финляндии, а также каменный храм Петра и Павла при Шлиссельбургских пороховых заводах (ныне пос. им. Морозова), построенный в 1904–1907 г. (арх. В. А. Покровский, И. Ф. Безпалов) в неорусском стиле с элементами модерна.

Судьба большинства православных храмов Карельского перешейка после 1917 г. была печальной. На территории СССР их начали закрывать и частично разрушать в 1920-е – 1930-е гг., а на

территории Финляндии некоторые деревянные храмы за отсутствием прихожан были перевезены в другие районы страны; храм в Халила (совр. Сосновый Бор) преобразовали в лютеранскую кирху. Однако настоящей катастрофой для храмов – как православных, так и лютеранских – стали войны 1939–1940 и 1941–1944 гг. В это время были уничтожены практически все деревянные храмы и часовни и многие каменные постройки. Отметим, что несколько кирх было взорвано в 1939 г. отступавшими финскими войсками. Разрушение храмов продолжалось и в послевоенные годы: были снесены православные храмы в Ириновке и Колтушах, в 1965 г. взорвана кирха в пос. Красная Долина (бывш. Куолемаярви), в 1978 г. сгорела кирха в пос. Свободное (бывш. Кирву).

К концу советского периода на территории бывших финляндских районов Карельского перешейка осталось в различной степени сохранности 7 кирх (кроме храмов в Выборге, Приозерске и Зеленогорске). Число сохранившихся православных храмов также составляло менее десятка. В течение 1950-х – 1980-х гг. за пределами городов не действовал ни один христианский храм.

Строительство новых православных храмов развернулось на Карельском перешейке, как и во многих других районах России, с начала 1990-х гг. К 2018 г., по нашим данным (возможна их некоторая неполнота) в рассматриваемом регионе был построен один православный монастырь с четырьмя храмами, 70 православных храмов (в том числе один собор) и 18 часовен. Вместе с церковными зданиями дореволюционной постройки общее число действующих православных монастырей, храмов и часовен к настоящему времени достигло 93, что почти в 3 раза превышает максимальное число единовременно действовавших на Карельском перешейке лютеранских храмов.

Православные храмы Карельского перешейка являют собой довольно пеструю картину по степени и характеру унаследования прежних храмовых мест. Всего несколько из них представляют собой отреставрированные храмы постройки XIX–начала XX в. (Вартемяги, Сосновый Бор). Еще один старый храм – церковь Петра Афонского и Ольги Равноапостольной в д. Морье (1906 г.) пребывает в заброшенном состоянии. Несколько церковных зданий возведены на фундаментах разрушенных старых храмов или вблизи них (пос. им. Морозова, Колтуши, Рощино). Еще несколько храмов занимают нецерковные здания: жилые дома в г. Светогорск, пос. Советский, бывший усадебный дом в пос. им. Свердлова. Отмечу такой вид храмового строительства, как воссоздание на новом

месте храмов и часовен, возведенных в других районах и впоследствии утраченных. Ансамбль подобных «реплик» – Покровский погост – с начала XXI в. создается на правом берегу Невы, близ бывшей мызы Богословка. Его основное сооружение – 21-главый деревянный храм Покрова Пресвятой Богородицы, в точности копирующий храм в д. Анхимово Вологодской обл., сгоревший в 1963 г.

Более 90% православных храмов и часовен Карельского перешейка – новые сооружения на местах, где никогда никаких христианских храмов не существовало. Около 70% новых храмов и часовен сооружено из дерева, что в некоторой степени отражает близость территории к Карелии (и Русскому Северу в целом) с ее сильными архитектурными традициями. В лучших традициях деревянного зодчества Русского Севера сооружены храмы Андрея Первозванного на Вуоксе (близ д. Васильево), Троицы Живоначальной в урочище Дружное, Иоанна Кронштадтского в пос. Колтуши,

Часовня Иннокентия, епископа Иркутского в пос. Ильичево. 2010–2012 г.

Успения Пресвятой Богородицы в пос. Мичуринское, часовня Иннокентия, епископа Иркутского в Ильичево и др. Однако большинство деревянных храмов представляет собой в той или иной степени вульгаризацию «северного стиля», где слишком бросаются в глаза калиброванные бревна и чуждые северной архитектуре «гламурные» декоративные детали. Часть деревянных храмов и часовен имеют вид простых срубов с небольшой главкой; зачастую они создаются как временные сооружения, выполняющие свои функции в период сбора средств на «капитальные» храмы и их возведение.

Среди каменных храмов некоторые выстроены в традициях новгородского зодчества XII–XV вв.: к наиболее удачным постройкам такого рода относятся церковь Георгия Победоносца в пос. Кузнечное, церковь иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радость» в пос. Коробицыно, церковь Амвросия Оптинского в пос. Сосновый Бор. Вульгаризованный древненовгородский стиль ярко представлен в храмах Константино-Еленинского монастыря в пос. Ленинское (бывш. Хаапала). Имеются храмы в древневизантийском (пос. Петровское) и псевдорусском стилях (пос. Озерки

Церковь Георгия Победоносца в пос. Кузнечное. 2004–2010 г.

Собор Михаила Архангела в пос. Токсово. 1999–2003. Архитектор В.Ф. Назаров

на Финском заливе); последний храм был выстроен по эскизу из Альбома Святейшего Синода 1905 г. Во многих каменных храмах и часовнях новейшего времени (особенно построенных вблизи Петербурга) преобладает стиль, который можно обозначить как «великодержавная эклектика с псевдорусским акцентом». Наиболее масштабное (по размерам и вложенным средствам) выражение этого архитектурного направления – ансамбль в центре пос. Токсово, включающий собор Михаила Архангела высотой 37 м и храм-колокольню Игоря Черниговского (60 м), построенные по проекту В.Ф. Назарова.

Роль вновь построенных православных храмов в ландшафте весьма различна. Некоторые из них заняли выигрышные позиции в рельефе (бровки уступов, вершины камовых и моренных холмов, сельг – гранитных гряд в северной части перешейка, скалистые острова на Вуоксе) и стали заметными ландшафтными доминантами (храмы в Кузнечном, Токсово, Озерках на Финском заливе, Красноозерном и др.). Другие имеют сравнительно небольшие размеры и «прячутся» среди леса, открываясь только с близких

ракурсов. Наиболее богатые по размерам, материалам и отделке храмы находятся в непосредственной близости от коттеджных поселков (или среди них), где временно или постоянно проживают нынешние ктиторы. Немало храмов выстроено на заброшенных и стремительно зарастающих лесом (либо застраиваемых коттеджами) сельскохозяйственных угодьях; соответственно, их пейзажное окружение существенно отличается от преимущественно сельских ландшафтов с обилием полей и лугов, окружавших лютеранские кирхи, и стремительно исчезающих с Карельского перешейка.

По сравнению с православными храмами вклад лютеранских кирх в современные пейзажи Карельского перешейка скромен. В постсоветский период были сооружены только два новых лютеранских храма – в д. Колбино (Колтушская возвышенность) и д. Юкки. Во Всеволожском районе, куда после длительного изгнания вернулись ингерманландские финны (хотя большинство из них впоследствии эмигрировало в Финляндию), отреставрированы и действуют также кирхи в Токсово и Новосаратовке. В бывших финляндских районах перешейка отреставрированы и используются под краеведческий музей и клубы кирхи в Приморске и Мельниково (арх. Й. Стейнбек); остальные церковные здания заброшены и продолжают разрушаться. Возле всех сохранившихся кирх и рядом с остатками фундаментов уничтоженных храмов землячествами бывших жителей перешейка, эвакуированных в Финляндию в 1939–1944 гг., установлены символические памятники всем захороненным жителям соответствующих приходов.

Из сказанного выше можно заключить, что роль христианских храмов в ландшафтах перешейка существенно увеличилась за последние 25–30 лет, однако по сравнению с ситуацией первой трети XX в., когда доминировали лютеранские храмы, сейчас абсолютно преобладают православные. Кроме собственно религиозной, некоторые новые храмы выполняют мемориальную функцию: например, ансамбль из монументального храма «Взыскание погибших» иконы Божией Материи и часовни Георгия Победоносца в пос. Невская Дубровка, увековечивающий память погибших в Великой Отечественной войне, часовни в память погибших в «локальных войнах» второй половины XX в., в автомобильных катастрофах и др. Новые православные храмы и монастыри становятся объектами паломничества и туризма, например Константино-Еленинский монастырь в пос. Ленинское, Покровский погост на правом берегу Невы, храм Андрея Первозванного на Вуоксе, комплекс храмов в пос. Саперное и др. Строительство новых православных

храмов продолжается, и их роль в современных культурных ландшафтах Карельского перешейка будет возрастать: это, в свою очередь, требует продуманного выбора как мест для возведения храмов, так и их архитектурных решений.

Голядкина Ангелина Игоревна,
Ковалёва Юлия Владимировна,
Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина, г. Санкт-Петербург

ДЕРЕВЯННЫЙ ХРАМ УСПЕНИЯ БОГОРОДИЦЫ В СЕЛЕ НЕЛАЗСКОЕ КАК ЧАСТЬ СРЕДОВОГО АНСАМБЛЯ: ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ КОМПЛЕКСА, ПРОБЛЕМЫ ЕГО ИЗУЧЕНИЯ И РЕСТАВРАЦИИ

Богатое наследие культуры русского народа невозможно было бы себе представить без памятников деревянного зодчества. Оно составляет неотъемлемую часть исторического процесса и представляет собой не только архитектурную и эстетическую ценность, но и демонстрирует процесс самоорганизации и самосознания народа, выраженное в вещественной форме. Глубокая самобытность русского деревянного зодчества выражает духовную сущность русского человека, его понимание красоты и гармонии, а потому сохранение подобных памятников, их изучение и реставрация имеют особое значение.

Культовая деревянная архитектура России представляет в этой области наибольший интерес, поскольку её сохранность выше, нежели у гражданских сооружений, а потому и изучение её даёт больше возможностей в методах исследования и степени их достоверности.

Русский Север, издревле шедший по собственному пути развития, включает в себя множество уникальных и примечательных памятников русского деревянного зодчества, многие из которых до настоящего времени не имеют полноценного освещения. Они остаются без должного внимания, и культура теряет уникальные подлинные храмы, ценность которых безгранична. Но и те объекты культурного наследия, которым уделяется внимание, чаще всего реставрируются в отрыве от окружающей их среды и тем

самым теряют своё подлинное значение. В связи с этим авторы данной статьи рассматривают ансамбль в селе Нелазском как пример сложной и уникальной структуры, в которой сосуществует комплекс условий и реставрационных проблем, от решения которых будет зависеть его дальнейшая судьба.

Чаще всего объекты деревянного зодчества, которых сохранилось не так много на сегодняшний день, изучаются и реставрируются как отдельный объект, никак не связанный с окружающей средой – поселением и ландшафтом. Об этой проблеме писал ещё Ю. С. Ушаков: «...северо-русское селение как целостное явление до недавнего времени не находилось в центре внимания исследователей-архитекторов, было сделано непростительно малое количество обмеров селений с достаточно точной и широкой фиксацией природной среды»[860].

Целью данного исследования является анализ определения границ охранной зоны и, как следствие, обозначение ряда проблем, связанных с изучением и реставрацией памятника на примере деревянного храма Успения Богородицы XVIII века в селе Нелазское.

Деревянный храм является объектом культурного наследия федерального значения (Постановление СМ РСФСР № 1327 от 30.08.1960) и представляет собой один из древнейших памятников русского деревянного зодчества Вологодчины. Основной объём храма крестообразный в плане сруб (17*17), его продолжением является сруб четверика (7*7). Общее завершение храма по типу крещатой бочки с пятью главами. Вокруг храма, с северной, западной и южной сторон, имеется обходная галерея-паперть, поднятая над землей деревянными консолями. Весь объём здания приподнят на подклет. На галерею ведёт одновсходное крыльцо каркасной конструкции. Изначально сруб храма был открытым, а главы куполов – покрыты лемехом и галерея-паперть была не застеклённой. Со временем храм обшили тесом, галерею перестроили по проекту П. Покрышкина, а лемеховое покрытие заменили на железное.

Про этот храм неоднократно писались статьи, составлялись отчёты о его техническом состоянии. На данный момент памятник передан местному церковному приходу (Абакановскому, 2018 год), он готовится к реставрации. Но только ли деревянный памятник архитектуры нужно сохранять в данном случае? Ведь, как прави-

[860] Ушаков Ю. С. Ансамбль в народном зодчестве русского Севера.– Л., 1982. С. 26.

Вид на храм с северо-запада. Фото автора. 2018 г.

ло, деревянные храмы Русского Севера – это, во-первых, храмовые ансамбли, во-вторых, градостроительные (планировочные) доминанты, в-третьих, объекты, связанные с местным ландшафтом.

В связи с этим авторы статьи считают целесообразным утверждать, что данный храм Успения Пресвятой Богородицы необходимо изучать с учётом всех этих аспектов, что, соответственно, может повлиять на подход и методы реставрации.

Храм и ансамбль находятся на территории с. Нелазское (Череповецкий уезд, Вологодская область). Поселение, до XIX в. имевшее второе название Борисоглебское, предположительно образовалось в XI веке. Рядом также были образованы в разное время три деревни Панфилка, Патино, Сафоново.

По своей планировочной структуре село Нелазское можно отнести к примеру периметральной застройки, характерной для XVIII века (это отлично прослеживается и сейчас). В центре поселения находилось всё самое ценное – общественная площадь с храмовым комплексом и торговая площадь с амбарами. Структура окружающей застройки (дома и улицы) имеет в плане круговую форму с прогонами между усадьбами[861].

[861] Бубнова Е. Н. Русское деревянное зодчество Урала.– М., 1988. С. 33.

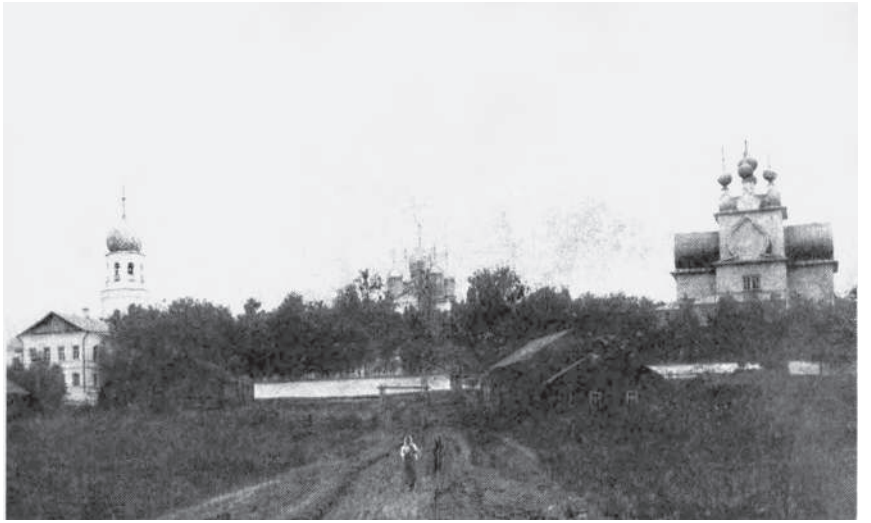
В эволюции формирования самого ансамбля авторы данного исследования сочли возможным выделить четыре строительных периода:

Конец XVII – середина XIX вв. Изначально, с XVII века храмовый комплекс был полностью построен из дерева. «В «ведомости Ростовской епархии приходским и ружным церквам, которые построены издревле…», представленной в Святейший Синод Георгием, епископом Ростовским 13 марта 1723 года, сообщается, что в селе Борисоглебское находилось две деревянный церкви: Архистратига Божия Михаила (1627) и Успения Божией Матери (1691)»[862]. В конце XVIII века ансамбль меняет свой облик, так как именно в этот период вместо деревянного храма строится каменная церковь во имя Архистратига Михаила (1785 год (также упоминается 1735 год), освящена в 1821 году). В начале XIX века ряд построек формирует Нелазский (Борисоглебский) ансамбль. Сохранилось описание деревянной колокольни с воротами около Успенского храма. Погост был обнесён деревянной оградой с четырьмя воротами, которые были покрыты двускатной крышей. С северной стороны в ней находилось девять лавок, а напротив еще девять, крытых тёсом.[863] В середине XIX века ограда с лавками и деревянная колокольня были перестроены в камне, Успенский храм и церковь Архангела Михаила претерпели некоторые изменения, а сам ансамбль расширился за счёт включения в состав погоста новых объектов: мельницы, часовни и храма Преображения Господня.

Середина XIX века – 1930-е гг. В этот период ансамбль представляет собой большой комплекс объектов, включающий в себя: деревянную церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы, каменную церковь во имя Архистратига Михаила, каменную колокольню с галереями, двухэтажный кирпичный келейный корпус, деревянную часовню, кладбище, хозяйственные постройки (деревянный амбар). Территория была обнесена кирпичной оградой с двумя воротами. На торговой площади напротив колокольни были три деревянных амбара, напротив кирпичной кельи – деревянная келья церковного сторожа. Также к погосту были приписаны деревянная мукомольная мельница с маслобойней на р. Нелазе, деревянная церковь во имя Преображения Господня и деревянная

[862] Мальцев М. Г. Историческая справка. Церковь в честь Михаила Архангела в селе Нелазском.

[863] Бармотько Е. А. Реставрация и исследование памятников культуры Русского Севера // Реставрация и исследование памятников культуры Русского Севера.– Вологда, 2011. С. 85.

Ансамбль села Нелазского. Вид с юга. Фото начала XX в.

часовня, располагавшаяся недалеко от деревни Патино. В таком виде ансамбль сохранился до 1930-х годов.

1930–1960-е гг. С 30-х годов XX столетия ансамбль начал претерпевать значительные изменения. Это коснулось не только архитектуры, но и вещественного наполнения построек. В это время нещадно разворовывается церковная утварь, «[…] 1935 году сняли колокола с колокольни, их было 5 штук […] Кресты снимали с колокольни и церкви в 1938 году […]»[864]; в 1940-х годах разбирают всю кирпичную ограду, храмы используются в качестве места содержания военнопленных и склада под боеприпасы. В 1950–60-х годах все деревянные постройки на территории комплекса были разобраны. В храме Архангела Михаила закрашивают роспись, а сам храм был превращён в клуб с кинозалом и торговыми помещениями. Часть окон была заложена кирпичом.

Современное состояние. В 1962–63-м годах колокольню разбирают[865], торговые галереи перестраиваются. Расширяется келейный корпус за счет пристройки хозяйственных помещений, а на месте северной ограды и деревянной часовни возводятся

[864] Выдрова В.А. Память о селе Нелазское. Летопись. Машинописный текст.– Череповец, 2000. С. 2–3.

[865] Бармотько Е.А. Указ. соч. С. 89.

новые кирпичные корпуса. Результатом стала постепенная стагнация архитектурного облика ансамбля.

На данный момент из первоначального ансамбля XVIII века сохранились: Успенская деревянная церковь, каменная (кирпичная) церковь Архангела Михаила, каменная (кирпичная) келья и корпуса советского периода, перестроенные в середине 20-го века.

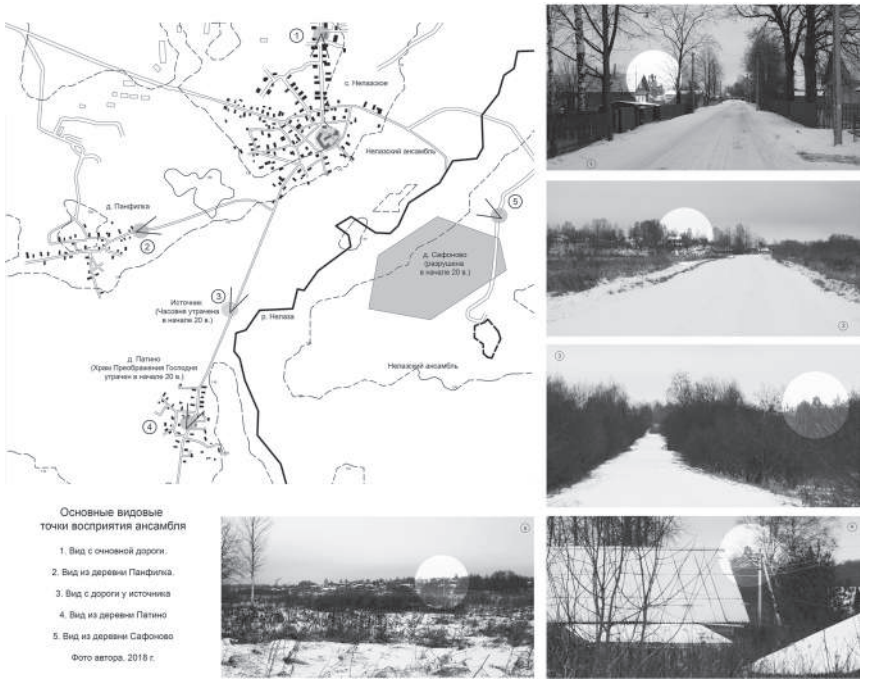
На основе вышеприведённого исторического анализа явственно видно, что деревянный храм Успения Богородицы (особенно в период XIX века) был ядром всей ландшафтно-планировочной композиции. Для подтверждения данной концепции возможно использовать в качестве основы прием анализа и классификации культовых ансамблей по Ю.С. Ушакову. Все основные сёла и деревни, которые и формировали большой планировочный ансамбль, располагались вокруг устья реки Нелаза, и по классификационной таблице Ю.С. Ушакова их можно отнести к поселениям при малых реках[866].

Главный, Нелазский ансамбль, располагался на самой высокой точке, на холме над рекой. Это – яркий пример приёма архитектурно-пространственной организации поселения центрического типа с круговым восприятием (без учета детального исторического исследования) при малой реке[867]. Несмотря на то, что ландшафтная ситуация явно изменилась (вероятно, изначально вокруг поселений была открытая местность, луга, которые на данный момент заросли мелким кустарником и молодыми деревьями), можно предположить, где открывались основные видовые точки восприятия ансамбля. Это вид от самой реки и из деревни Сафоново; вид от источника и места утраченной часовни; вид из деревни Патино (где также находился храм) и деревни Панфилко; с основной трассы Вологда – Череповец. В данном случае Успенский храм не может восприниматься в полной мере завершённым, поскольку отсутствуют подлинные вертикальные доминанты, что можно проследить при сравнении исторических и современных фотографий.

Из вышеперечисленного можно сделать вывод, что памятником является не только деревянный храм Успения, но и весь Нелазский ансамбль. Поэтому данный объект нуждается в анализе, основанном на дифференцированном подходе, который включает в себя 3 направления:

[866] Ушаков Ю.С. Указ. соч. С. 19.

[867] Там же. С. 40.

План и фотографии основных видовых точек восприятия ансамбля. 2018 г.

1. Анализ самого объекта.
2. Анализ структуры ближайшего окружения.
3. Анализ построения города (в данном случае группы поселений).

Первый пункт авторами не рассматривается, так как этот вопрос достаточно освещён и изучен (анализу храма Успения Богородицы и самого Нелазского ансамбля посвящены работы Е. А. Бармотько, А. Рыбакова, А. Б. Барабанова и др.).

Основываясь на втором и третьем пунктах, авторы предполагают выделить ряд задач для дальнейших реставрационных исследований:

• Подробное исследование планировочной структуры поселений с изучением исторических планов (при условии их наличия и сохранности в архивах), сбора и анализа воспоминаний местных старожилов (по методу Ю. С. Ушакова).

• Изучение природно-географической ситуации. Анализ изменения ландшафта за последний период.

• Анализ ближайшего окружения ансамбля, а также его изучение с археологической точки зрения (непосредственным объектом изучения в данном случае выступает торговая площадь, погост (для выявления фундаментов утраченных объектов).

Подробное исследование комплекса именно в этих аспектах поможет в более точном определении приёма пространственной организации (допускается, что это могла быть и многоцентровая композиция с главным акцентом – погостом) и основных точек восприятия (для точного определения необходима графическая реконструкция поселений с их центрами). Это позволит точнее определить первоначальный облик всего Нелазского ансамбля. Авторы предполагают, что подобное детальное изучение объекта повлечёт за собой необходимость решения целого ряда вопросов:

– уточнение границ охранной зоны объекта (решение вопроса о входящем в ансамбль храме Архангела Михаила, кельи и более поздних советских постройках);

– выявление способов поддержания природной среды для сохранения основных видовых точек и выявления силуэта ансамбля;

– обозначение оптимального периода для реставрации, а следовательно, определение самих методов реставрации (возможно использование не только консервации, но и аналитического (фрагментарная реставрация) и синтетического (целостная реставрация) методов).

В данном исследовании не затрагиваются такие проблемы как финансирование, юридические и имущественные аспекты, заинтересованность местных властей, хотя и предполагается, что они являются одними из ключевых в этой проблеме.

Следует отметить, что в настоящее время позитивным фактором предстаёт глубокая личная заинтересованность и продуктивная деятельность местных жителей по восстановлению былого величия ансамбля, а именно: популяризация и освещение данной проблемы, сбор информации, воспоминаний и фотографий, привлечение местных специалистов. Однако слабой стороной в работе с данным памятником является именно отсутствие ансамблевого видения (в данном случае имеется в виду рассмотрение архитектурного ансамбля без окружающей среды: ландшафта и исторической структуры поселений). Как итог – точечная реставрация, не обеспечивающая воссоздание достоверного облика комплекса в полном объеме.

Изучение и определение методов реставрации храма Успения Божьей Матери в селе Нелазском, как представляется авторам статьи, должны непременно зависеть от рассмотрения памят-

ника как части архитектурно-пространственного и средового ансамбля. Такой подход будет способствовать сохранению уникального наследия русского деревянного зодчества для будущих поколений, ибо «цель реставрации определяется реставратором [...] не абстрактно и не на основе личных желаний и устремлений. Она должна являться и практически всегда является ответом на запросы и требования общества по отношению к конкретному памятнику архитектуры»[868].

Митюшева Татьяна Павловна,
ИГ Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар, Республика Коми

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ «СЕРЕГОВСКИЙ СОЛЕВАРЕННЫЙ ЗАВОД» (РЕСПУБЛИКА КОМИ)

Соляные источники на р. Выми (приток р. Вычегды) в районе Серегово (75 км от г. Сыктывкара, Республика Коми, бывший Яренский уезд Вологодского края) известны и использовались с древних времен. Не случайно в районе Серегово установлены археологические памятники[869]: стоянки Ниремка I и Ниремка II эпохи неолита (начало V – середина III тысячелетия до н.э.), поселения Ниремка I и Ниремка V ананьинской эпохи (VIII–III вв. до н. э.) и Ниремка I гляденовской культурной общности (III–II вв. до н. э. – V в. н. э.). Известно, что постоянное вываривание соли из соляных ключей на Выми началось позднее, чем в известных центрах добычи соли на Вычегде и Каме. Первые письменные упоминания о солеварении на р. Вычегде (Соли Вычегодской) относятся к XIV–XVI в., в 80-х годах XVI в. представители знаменитой семьи промышленников Строгановых заинтересовались и Вымской солью[870].

[868] Методика реставрации памятников архитектуры. / Ред. Е. В. Михайловский.– М., 1977. С. 11.

[869] Археологические памятники Республики Коми. Отв. ред. Э. А. Савельева. М.: ДиК, 1997. 758 с.

[870] Цембер А. А. К истории основания Сереговского солеваренного завода // Записки Общества изучения Коми края. Вып. 2. Устьсысольск, 1919. С. 48.

Жеребцов И. Л., Таскаев М. В., Рогачев М. Б., Колегов Б. Р. Историческая хроника. Республика Коми с древних времен.– Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2002. 344 с.

Коми край: очерки о десяти вехах истории.– Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2003. 368 с.

Возникновение Сереговского солеваренного завода связывают с именем московского купца Даниилы Григорьевича Панкратьева[871], купившего землю в 1637 г., и его сына, гостя Ивана Даниловича, которые имели рассольные трубы и до 15 варниц. С этого времени, у нас появилась возможность проследить историю Сереговского рассолопромысла, длящуюся до наших дней.

Соляные варницы Серегово обеспечивали пищевой солью (до 310 тыс. пудов) не только большую территорию северо-востока до Урала, но и позволяли поставлять большую часть добытой соли на рынки Руси. Историческая значимость Сереговского соляного промысла подтверждена тем, что сохранившиеся деревянные сооружения Постановлением Совета министров РСФСР от 4.12.1974 г. № 624 «О дополнении и частичном изменении Постановления Совета Министров РСФСР от 30 августа 1960 г. № 1327 «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР» были включены в перечень объектов культурного наследия федерального значения под общим наименованием «Сереговский солеваренный завод».

Сереговский солеваренный завод – первое промышленное предприятие в Коми крае как объект культурного наследия федерального значения, имеет статус памятника градостроительства и архитектуры с датой создания XVII–XIX в. В сведениях из Единого государственного реестра культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации он имеет регистрационный номер 111620461910006. Вид объекта – ансамбль (комплекс), состоящий из объектов: деревянный соляной амбар, весовая и трубы. Особую тревогу вызывает, что этот комплекс промышленной археологии никак не охраняется государством, числится как бесхозный, при том, что в республике всего 9 объектов, имеющих статус «Памятники истории, памятники градостроительства и архитектуры» в соответствии с нормативно-правовым актом о принятии на государственную охрану.

В настоящее время на старинном Сереговском рассолопромысле сохранились водоподъемная башня (рис. 1), один соляной амбар (рис. 2–3), деревянные конструкции колодцев-скважин.

[871] Архив гостей Панкратьевых XVII – начала XVIII в. Т. 1. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 392 с.

Гейман В. Г. Соляной промысел гостя И. Д. Панкратьева в Яренском уезде в XVII в. Летоп. занятий Археогр. комисс., XXXV, Л., 1929. С. 14–38.

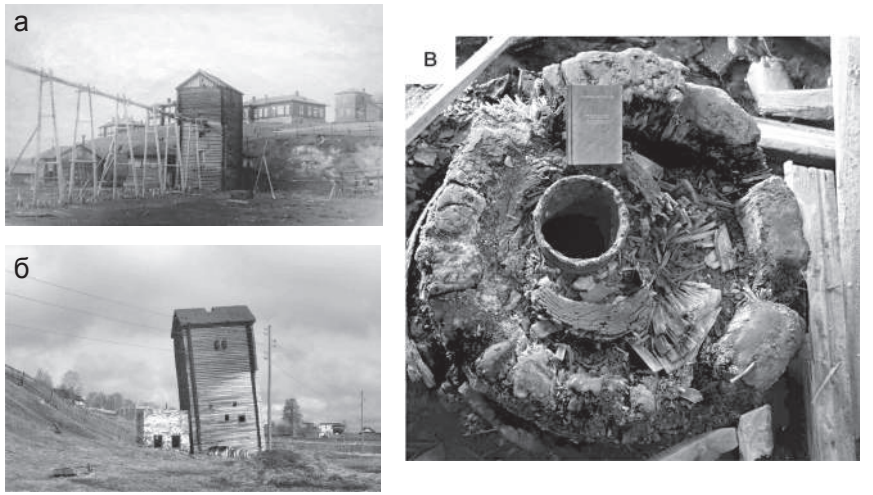

Рис. 1. Рассолоподъемная башня над скважиной Никольская–Октябрьская: а – башня с рассолопроводом (фотография из архива курорта «Серегово», дата не известна, позднее 1930 г.) на заднем плане здания действующего курорта; б – наклон башни за последние годы; в – деревянные обсадные трубы, находящиеся внутри башни (с металлической трубой). Фотографии Т. П. Митюшевой, 2017 г.

Наблюдения последних 20 лет свидетельствуют о разрушении и варварском уничтожении местным населением этих охраняемых объектов, имеющих также и геолого-горноисторическую ценность. Целенаправленные археологические исследования солеваренного производства не ведутся.

Водоподъемная башня находится на правом берегу р. Выми непосредственно под Серёговской горою. Краткая характеристика памятника повествует, что водоподъемная башня представляет собой высокое (более 10 м) бревенчатое, рубленое «в обло» многоярусное сооружение (6,8×6,8 м) с двухскатной крышей (рис. 1а), покрытой черным кровельным железом. В интерьере башни балки второго яруса сооружения, на которые опирался нижний марш лестницы, спилены; полы утрачены на всех ярусах башни. Помещение нижнего этажа заболочено в результате подъема подземных вод, уровень которых находится выше поверхности земли. В центральной части нижнего яруса башни сохранилась деревянная рассолоподъемная труба диаметром 78 см (рис. 1в), состоящая

из нескольких частей. Внешняя, вероятно обсадная труба деревянная, с обсыпкой из щебени известняка, затем собранных по кругу по типу бочек из деревянных 10 см плах (кольев), внутри (55 см) которой находится также деревянная труба (предположительно рассолоподъемная). Внутрь деревянной трубы вставлена узкая (диаметром 17 см) металлическая рассолоподъемная труба (современная?), она забита или затампонирована.

За последние годы наметился значительный – до 8° наклон водоподъемной башни в сторону горы, она нависает над пристройкой (рис. 1б). Вероятно, под тяжестью каменной пристройки происходит уплотнение или сдвиг крутозалегающих в данном месте пермских пород. Заболачивание также способствует нарушению основания постройки, есть угроза падения башни, несмотря на, казалось бы, крепкую, благодаря длительному просаливанию деревянных бревен, устойчивую конструкцию. Внутри помещения часть бревен обгорела, устроена свалка.

Время строительства трубы Никольская и рассолоподъемной башни над скважиной можно приблизительно установить по дошедшим до нас материалам исследователей Севера, посетивших древний солепромысел. Во время посещения Н. Барбот-де-Марни (1864)[873] скважина Никольская, которая после революции переименована в Октябрьскую, только проводилась «Беломорской Компанией», владевшей тогда солепромыслом. И. Худяев[874] пишет, что бурение скважины продолжалось до 1872 года, примерно до глубины 369 м. В это время эксплуатационными были соляные трубы Якимовская, Богдановская, Луговая, Богородская, Успенская и другие, пробуренные на первой надпойменной террасе р. Выми. Их местоположение указано на геологической карте, приведенной И. Е. Худяевым[875]. Остатки этих труб не сохранились. Но имеются первые химические анализы рассолов Серегово, которые были представлены управляющим завода Кнаусом, приведены в 1865 г. в статье К. Скальковского[876]. Рассолы этих скважин имели хло-

[873] Барбот-де-Марни Н. Геогностическое путешествие по северным губерниям Европейской России. 1964 г. Зам. минер.общ. сер. 2, ч. III. СПб. 1868. С. 204–283.

[874] Худяев И. Е. Отчет о геологических и гидрогеологических исследованиях в районе Сереговского солеваренного завода летом 1928 г. Труды Главн. геол.–разв. упр. ВСНХ СССР, вып. 31. М.–Л., Инст. гидрогеологии, 1931. 53 с.

[875] Худяев И. Е. Отчет о геологических и гидрогеологических исследованиях.., 1931.

[876] Скальковский К. Современное положение солеварения в Северных губерниях и будущность их по отношению к горной промышленности. Горн. журн., ч. II, 1865. С. 75, 245.

ридно-натриевый состав крепостью 5–7 Боме (что соответствует минерализации 40–70 г/л).

В конце XIX – начале XX вв. Серегово посетили Н. Н. Яковлев и А. Н. Замятин[877]; по их данным в 1915 г. скважина Никольская уже давала 170 тыс. л/сут крепостью 9 Боме (около 95 г/л). В 1928 г. солеваренный завод эксплуатировал одну Октябрьскую скважину из восьми существующих[878]. И. Худяев по архивным данным отмечал, что в скважине Октябрьская «рассол выкачивался с глубины около 25 м, при помощи насоса, приводимого в действие паровым двигателем. По открытым желобам (рис. 1) рассол поступает в так называемые черные варницы солеваренного завода, где вываривается поваренная соль...». Позднее, для повышения производительности скважины, она была разбурена, металлическая труба была вставлена внутрь обсадных деревянных труб. Скважина Никольская–Октябрьская эксплуатировалась солеваренным заводом до 1952 г.; с 1929 г. крепкие рассолы одновременно использовались и курортом «Серегово» для бальнеологических целей. Дебит составлял около 50 л/сутки. Минерализация хлоридно-натриевых рассолов за период наблюдения 1915–1967 гг. была подвержена значительным колебаниям (видимо в связи с нарушением целостности обсадных труб и проникновением грунтовых вод) от 20 до 104 г/л.

Второй объект ансамбля историко-культурного наследия федерального значения – соляной амбар XIX в. представляет собой бревенчатое сооружение (27,2×13,6 м), рубленное из сосновых бревен диаметром 25–27 см, установленное на лиственничные сваи и покрытое тесовой кровлей на два ската. Протяженные стены прорезаны широкими дверными проемами (по два с каждой стороны) для завоза в помещения амбара соли. Бревенчатые мосты (взвозы), дверные колоды и дверные и оконные заполнения полностью утрачены. Единое помещение внутри здания открыто под крышу. Полы из плах утрачены.

Это деревянное сооружение под наименованием соляной амбар XIX в. (возможно это весовая) находится в очень плачевном состоянии. Находясь в 1–3 м от обрушающегося берега реки, возможно обрушение сооружения, территория затапливается в половодье.

[877] Замятин А. Н. Очерк полезных ископаемых Севера Европейской России и Урала. II гр., 1916. С. 1–40.

[878] Худяев И. Е. Отчет о геологических и гидрогеологических исследованиях...

Рис. 2. Современное состояние соляного амбара XIX в. Фотография Т. П. Митюшевой, 2016 г.

Рис. 3. Общий вид на правый берег р. Выми с объектами культурного наследия федерального значения «Сереговский солеваренный завод» и курортом «Серегово». Фотография Т. П. Митюшевой, 2005 г.

Кровля обветшала, частично отсутствует и не защищает от проникновения атмосферных осадков. Внутри помещения местным населением устроена свалка.

Второй соляной амбар (XVIII в.), имевший размеры 50×13 м и располагавшийся в 30 метрах к юго-западу от существующего амбара, утрачен в результате пожара. В 2005 г. сарай еще существовал (рис. 3), к настоящему времени сохранились обгорелые лиственничные сваи амбара, на которых лежат окладные бревна сооружения и (фрагментарно) половые плахи.

На территории Серегово имеются также в значительной степени деформированные деревянные трубы источника «Ключик» (внутренний диаметр 55 см), источника–скважины «Крюковский» (диаметр 85 см), деревянные конструкции укрепления берега реки Выми.

Таким образом, все историко-культурные объекты рассолопромысла – первого промышленного предприятия «Серёговский солеваренный завод», единственного крупного солепромысла на территории современной Республики Коми находятся на грани уничтожения. Комплекс сохранившихся до наших дней деревянных сооружений XIX в. – объектов культурного наследия федерального значения не охраняется, может быть утрачен, если в ближайшее время не предпринять мер по сохранению и реставрации деревянных конструкций.

Кильдюшова Наталья Алексеевна,
Вологодский историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник,
г. Вологда

ПРОЕКТИРОВАНИЕ ЭКСПОЗИЦИИ «НОЧЛЕЖНЫЙ ПРИЮТ» В «ДОМЕ ХРАПОВА» АРХИТЕКТУРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ «СЕМЁНКОВО»

Музей «Семёнково» – это музей под открытым небом, на территории которого располагаются памятники деревянного зодчества XIX – н. XX вв. из Среднесухонского сектора Вологодской области. В настоящий момент он представляет собой модель сельского поселения с церковным погостом, сельскохозяйственным комплексом и двухрядной жилой застройкой. Внутри домов располагаются

различные экспозиции: «Быт зажиточного крестьянства», «Основные занятия крестьян», «Музей масла» и прочие.

Дом В. В. Храпова из д. Бор Космаревского сельсовета Нюксенского района был перевезён в музей в 2005 году. Он был выявлен в 1979 году сотрудниками института «Спецпроектреставрация» (г. Москва) в ходе экспедиционного обследования Нюксенского и Тотемского районов[880]. Реставрационные работы на памятнике завершились в 2010 году.

Параллельно с реставрационными работами сотрудники музея исследовали историю дома и восстанавливали родословную его владельцев. В ходе изучения документов Государственного архива Вологодской области и Великоустюгского центрального архива было установлено, что представители семьи Храповых занимали различные выборные общественные должности. Среди них особо выделяется фигура прадеда последних хозяев дома, Осипа Степановича Храпова, который в конце XIX – начале XX веков неоднократно избирался на должность гласного и члена земской управы Устюгского уезда, был волостным старшиной и даже заведующим Тотемским почтовым трактом[881]. Также было установлено, что до О. С. Храпова данным домом владели его братья, Андрей и Яков, которые в 1902 году сдали дом в аренду на 3 года под двухклассное училище Министерства Народного Просвещения[882].

Учитывая эти данные, в 2010 году сотрудниками музея «Семёнково» М. В. Критской, Д. А. Мухиным, А. А. Дружининой была разработана концепция музеефикации дома Храпова под названием «Дом старосты». Данный проект предусматривал:

– создание малого мемориального комплекса семьи Храповых;

– раскрытие темы общественного служения на примере семьи Храповых как носителей крестьянской традиции;

– раскрытие темы сельского самоуправления на обширном этнографическом материале;

---

[880] Архитектурно-этнографический музей Вологодской области. Сухонский сектор. Усадьба Храповых. Дом Храповых из дер. Бор Космаревского с/с Нюксенского района. Проект реставрации.– М., 2005. С. 2.

[881] Критская М. В., Мухин Д. А., Дружинина А. А. Концепция экспозиционного проекта «Дом старосты».– Вологда, 2010. С. 5.

[882] 15 сентября 1902 года было заключено соглашение с крестьянами Андреем Степановичем и Яковом Степановичем Храповыми об аренде их дома в д. Бор под Богоявленское министерское двухклассное училище Министерства Народного Просвещения. Училище открыто в составе обоих классов при 120 учащихся. В 1905 году Училище было перенесено в новое специально построенное здание.

– формирование представлений о состоянии народного образования в Средне-Сухонской деревне в конце XIX – начале XX веков[883].

При этом экспозиционный проект рассматривал поэтапное формирование следующих частей экспозиции:

1. «Общественная квартира» (зимняя изба).
2. «Сельская школа» (летняя изба).
3. «Мы, собравшись, постановили…»[884] (поветь).
4. «Общественная библиотека» (горница).
5. Квартира сельского учителя (светёлка).

Работу над домом было решено начать с обустройства его ключевых помещений – летней и зимней избы, а также повети. К 2015 году были наполнены и открыты для посетителей два помещения, посвящённые сельской власти, а также учебный класс сельской школы. Однако тема начального сельского образования в Вологодской губернии в к. XIX – н. XX веков нуждалась в дополнительном изучении.

В отчётах сельских школ Вологодской губернии в интересующий нас период упоминаются ночлежные приюты, в которых могли остаться ночевать ученики из дальних деревень в случае разыгравшейся к вечеру непогоды. Факт существования данных помещений вызвал закономерный интерес, поэтому в течение 2017–2018 гг. была проведена интенсивная работа в фондах Государственного архива Вологодской области с целью выявить документы, позволяющие раскрыть организацию, функции и обстановку ночлежных приютов, их роль в развитии сельского образования и в жизни учеников. Найденный материал был настолько интересен, что было принято решение скорректировать первоначальный экспозиционный проект дома Храпова, и вместо Общественной библиотеки разместить в горнице экспозицию «Ночлежный приют».

На рубеже XIX–XX веков вопрос о введении всеобщего начального образования оказался в центре общественного внимания. Вологодская губерния не осталась в стороне от острого вопроса, и в сентябре 1903 года Вологодская губернская земская управа

[883] Критская М.В., Мухин Д.А., Дружинина А.А. Концепция экспозиционного проекта «Дом старосты».– Вологда, 2010. С. 7.

[884] Интерактивная экспозиция, построенная в ходе реализации проекта «Мы, собравшись, постановили» – победителя конкурса «Меняющийся музей в меняющемся мире» Благотворительного фонда В. Потанина в 2012 году.

подготовила доклад о введении в губернии всеобщего обучения[885]. В нём помимо прочего поднималась проблема удалённости населённых пунктов от существующих школ.

Вологодская губернская земская управа приводит статистические данные о том, на каком удалении находятся школы, посещаемые учащимися, от места их жительства. Как оказалось, ученики, посещавшие школу на расстоянии до 3 вёрст включительно, составляли 78% всего числа учащихся в Вологодской губернии[886]. Таким образом, больше 1/5 части учеников приходилось ежедневно преодолевать расстояние в 4, 5, а то и более вёрст для получения образования.

Исходя из этих данных, Вологодская губернская земская управа сделала вывод, что лучшим средством обеспечить доступ к школе одиноко стоящим и удалённым на существенное расстояние от ближайшей школы посёлкам являются ночлежные приюты[887].

Ночлежные помещения при школах получили широкое использование в воспитательных целях. Учителя и инспекторы народных училищ нередко приходили в ужас от тех условий, в которых росли крестьянские дети. Тесные избы, в которых в зимнее время наряду с людьми жили животные, отсутствие форточек и как следствие – регулярного проветривания, редкая уборка помещений – эти антисанитарные условия дети воспринимали как норму и нуждались в иных примерах. Ночлежные помещения при школах могли стать положительным примером и опытом по соблюдению опрятности и гигиены.

Учитывая бедность семей многих учеников, ночлежные приюты играли важную роль в обеспечении детей питанием. В «Отчёте по управлению начальными народными училищами Кадниковского уезда Вологодской губернии за 1910 год» отмечено, что ночлежные приюты с горячей пищей существуют при таких училищах, где обучаются дети из дальних деревень от училища (от 3 до 10 вёрст). Горячий приварок имеет существенное значение для привлечения большего числа учащихся, т.к. многие из них не имеют средств иметь у себя дома такой обед, каким пользуются в училище[888]. Такая же ситуация сложилась и в других уездах.

[885] ГАВО. Ф. 438. Оп. 1. Д. 3. Лл. 101–101 об.

[886] Там же.

[887] ГАВО. Ф. 438. Оп. 1. Д. 3. Лл. 103 об.– 104.

[888] ГАВО. Ф. 438. Оп. 1. Д. 108. Лл. 5 об.–6.

В «Отчёте о состоянии начальных училищ по Велико-Устюгскому уезду Вологодской губернии за 1909 год» указано, что дети пропускают уроки или по болезни, или посредством родителей, когда последние удерживают их дома для хозяйственных работ, или когда дети по бедности отправляются за сбором милостыни. Чтобы не допустить пропусков занятий хотя бы по последней причине, «…лучшим средством является устройство ночлежных при школах с горячим приварком для детей, на что ныне и обращается земством серьёзное внимание»[889].

В ночлежных приютах дети нередко получали социальную помощь продуктами и вещами. Фонд социальной поддержки учеников мог формироваться из средств, отпускаемых земством, или из добровольных пожертвований посторонних лиц или крестьян ближайших населённых пунктов. Ученикам могли раздавать ткань, предметы одежды (верхняя одежда, головные уборы), обувь, муку, картофель, горох, канцелярские принадлежности[890].

Школьные ночлежные помещения в представлениях органов власти стали необходимым компонентом обеспечения доступности образования. В связи с этим в материалах совещания инспекторов народных училищ 1911 года даже прописаны требования к обустройству ночлежных приютов и общежитий, в числе которых список необходимой мебели (столы, скамейки, кровати, висячие лампы), комплекты постельных принадлежностей, наличие бани, мастерской ручного труда, учебного огорода с ульями и т. д.[891]

Однако не всегда удавалось соблюсти данные требования. Земства не могли в полной мере обеспечить школы элементарными вещами: наглядными пособиями, учебниками, канцелярскими принадлежностями, фондом заработной платы учителям, поэтому ночлежные помещения обустраивались по остаточному принципу. Довольно часто в них не хватало элементарных предметов мебели, постельных принадлежностей, кухонной утвари. Поэтому в документах часто встречаются описания неудобств: ученики спят по 2–3 человека на одной кровати, а при отсутствии кроватей могут располагаться на сундуках, положенных на пол столешницах или вообще в проходах между партами в классных комнатах[892].

Однако, как отмечено в докладе Вологодской Земской Управы, несмотря на имеющиеся недоработки, результат вполне оправдал

[889] ГАВО. Ф. 438. Оп. 1. Д. 64. Л. 48 об.
[890] ГАВО. Ф. 1073. Оп. 3. Д. 3. Л. 69.
[891] ГАВО. Ф. 438. Оп. 1. Д. 202. Лл. 30–31 об.
[892] ГАВО. Ф. 438. Оп. 1. Д. 173. Лл. 29–29 об.

ту цель, какая преследовалась открытием этих ночлежных-столовых. Ученики охотно стали пользоваться приютом, избавлявшим их от обратного путешествия домой в осеннюю непогоду и зимнюю стужу[893].

Размещение новой экспозиции запланировано в горнице д. Храпова, поскольку она удобно располагается между сенями и классной комнатой. Мы не располагаем данными о том, что в горнице когда-либо размещался ночлежный приют, однако благодаря изученным архивным документам можно утверждать, что в доме с подобной планировкой приют вполне мог быть устроен в данном помещении, ведь оно отвечает главным требованиям: расположено близко к классной комнате и отапливается.

Основным принципом отбора вещей для создания интерьера ночлежного приюта является его неоднородность. Обустройство и содержание приютов не было приоритетным направлением при распределении земских средств на школу, а потому его комплектование происходило различными путями. Вещи и предметы мебели приобретались на сэкономленные земские деньги, передавались крестьянами близлежащих деревень или самим учителем из своего личного пользования в общественное. Разнообразие источников поступления вещей влекло за собой сочетание предметов городского быта и крестьянского обихода; зачастую эти вещи были старыми, потёртыми, со следами ремонта, поэтому хозяева передавали их нуждающимся ученикам.

Стоит сразу отметить, что существуют определённые сложности в представлении новой экспозиции для посетителя. В силу небольшой площади помещения и размещения на ней большого количества предметов посетителям будет сложно вести осмотр, стоя в самом приюте и не задевая фондовых предметов. Возможным решением этой проблемы является устройство в дверных проёмах стеклянных преград или деревянных заборчиков, которые не допускали бы вход в пространство ночлежного приюта, но создавали возможность для знакомства с экспозицией с двух сторон: со стороны сеней и со стороны класса.

Чтобы наиболее полно отразить особенности ночлежного приюта, его обстановка будет воссоздаваться на момент зимнего вечера. Затемнённое окно с задёрнутыми занавесками не пропускает естественное освещение, а потому полумрак рассеивается благодаря имитации горящей подвесной керосиновой лампы, а также

[893] ГАВО. Ф. 438. Оп. 1. Д. 12. Лл. 10 об.–11.

парой слабых прожекторов, расположенных над входом в горницу со стороны сеней и, следовательно, невидимых для посетителей с первоначальной позиции.

В дальнем правом углу на божнице стоит икона Спаса Вседержителя. Она покрыта вышитым рушником, а возле неё лежит крашеное пасхальное яичко. Перед иконой висит незажжёная лампадка.

Справа от входной двери размещён застеленный сундук, на котором задремала, свернувшись калачиком, утомившаяся девочка. Она одета и лежит поверх постельных принадлежностей, только валенки были поставлены заботливым учителем сушиться на печке слева. Там же сохнут детские рукавицы и тёплый платок. Вдоль левой стены за печью стоит деревянная кровать, на которой лежат скромные, но чистые наматрасник, подушка и одеяло. Поскольку в ночлежном приюте количество оставшихся учеников могло колебаться, дополнительной поверхностью для сна выступает также столешница, которая пока за ненадобностью прислонена к правой стене.

Второй гость ночлежного приюта – крестьянский мальчик. Он сидит за столом возле окна, спиной к посетителям, заглядывающим из сеней, и виден вполоборота людям, заглядывающим в горницу со стороны учебного класса. Он занят серьёзным делом. В Докладе по народному образованию № 8[894] выражено пожелание, чтобы учитель владел переплётным мастерством и обучил этому учеников, поэтому оставшийся в приюте мальчик заправляет книжный блок в тиски, чтобы затем выровнять ширину страниц специальной пилой. На столе также разложены и другие инструменты: переплётный станок, шило, нож, игла. Данный набор инструментов рекомендован для занятий переплётным делом в домашних условиях брошюрой по переплётному делу[895], написанной вологодским священником Иоанном Анурьевым. Этому занятию обучали мальчиков, но девочки, оставшиеся в ночлежном приюте, тоже не сидели без дела, поэтому чуть дальше на столе лежат отложенные пяльцы с начатой вышивкой на городской манер. Все предметы хорошо просматриваются из дверного проёма со стороны класса.

Помимо инструментов для переплётного дела и вышивки на столе будут стоять, отодвинутые в уголок подальше, чернильница

[894] ГАВО. Ф. 438. Оп. 1. Д. 10. Л. 14.

[895] Анурьев И. Домашний переплетчик на инструментах своего изделия.– Вологда: Тип. бр. Гудковых-Беляковых, 1898.– 31 с.

и несколько металлических перьев. Время, проведённое учениками в приюте, также могло использоваться для дополнительных учебных занятий, в том числе оттачивания навыка письма.

Рядом с сидящим мальчиком посетители видят ещё один стул, чуть отодвинутый от стола. Зрители застали момент, когда учитель вышел из комнаты, чтобы подбросить дрова в печь общественной квартиры, где будет готовить горячий приварок. Для этого уже всё подготовлено: на скамейку, стоящую вдоль стены рядом с сундуком, уже поставлены горшок с горохом и хлебница с сухими кусочками хлеба, принесёнными детьми из дома. Кстати, данная скамейка при необходимости тоже могла использоваться как дополнительное спальное место.

Пока трапеза ещё не наступила, дети могли утолить жажду. К стене между печкой и кроватью приставлен стул. На нём стоит кадка и пара эмалированных кружек, на спинке висит медный ковшик для наливания воды.

Помимо удовлетворения важнейших потребностей детей в тепле и пище, у учителя была важная миссия приучения детей к гигиене. В многолюдных тесных избах было довольно грязно, ведь крестьяне мыли их от силы пару раз в год. Положение осложнялось присутствием в холода новорождённых животных, которых спасали от вымерзания на скотном дворе, а также духотой вследствие отсутствия форточек. Поэтому ночлежные приюты показывали детям другую модель быта.

В ночлежном приюте Храповского дома учитель также заботится о привитии детям навыков гигиены. Возле печки, прислонённый к сложенным дровам, стоит голик с металлическим совком, которыми пользовались дети для ежедневного наведения порядка. Благодаря этому половик, постеленный на полу от порога у сеней к окну, довольно чист. Ребята также в свободное время занимались починкой своей одежды, поэтому на столе закреплена при помощи струбцины швейка. В простенке у двери со стороны сеней висит небольшое зеркало. Оно специально подвешано невысоко для того, чтобы дети могли учиться самостоятельно следить за собственной чистотой и опрятностью.

Крестьянская община и меценаты старались поддержать беднейших учеников сельской школы. Социальная помощь могла быть оказана одеждой и продуктами, которые затем передавались детям. Основная часть вещей (обувь, зимняя одежда) по легенде будет сложена в сундук, но посетители смогут увидеть в простенке у кровати сохнущие на вешале заштопанные рубашки и

сарафаны. На полочке над кроватью будет лежать отрез ткани, а также часть крупы и муки в холщовых мешочках.

Открытие в музее «Семёнково» помещения ночлежного приюта даёт новые возможности для расширения экскурсионной деятельности музея. Появление двух школьных помещений позволяет широко раскрыть тему сельского начального образования от организации учебного процесса до послеурочной жизни учеников, показывая взаимодействие школы с крестьянской общиной. Закономерным итогом работы с документами станет разработка новой экскурсии продолжительностью 1 академический час, которая будет целиком посвящена теме начального сельского образования.

Дом Храпова имеет большой потенциал для развития темы образования в Вологодском крае. Пока не обустроенной является светёлка на втором этаже, которая, согласно документам, сдавалась в качестве квартиры учителю Богоявленского училища[896]. Экспонирование данного помещения является необходимым для отражения положения сельских учителей в к. XIX – н. XX века, их быта и внутреннего мира. Другим перспективным направлением развития темы является устройство придомовой территории с разбивкой учебного огорода.

Луцковская Елена Фёдоровна,
МБУК «Северодвинский городской краеведческий музей»,
г. Северодвинск, Архангельская область

КОЛЛЕКЦИЯ БУТЫЛЕЙ ИЗ ДЕРЕВНИ АМБУРСКОЙ: КОМПЛЕКТОВАНИЕ, АТРИБУЦИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ

Целью данной статьи является краткий обзор коллекции стеклянных бутылок, поступивших в фонды Северодвинского городского краеведческого музея в период с 2002 по 2014 гг. в результате работы этнографических экспедиций на территории бывшего Амбурского старообрядческого скита. Собрание включает в себя различные образцы стеклянных изделий ведущих предприятий России конца XIX – I половины XX вв. Также в статье рассматриваются вопросы комплектования, атрибуции и использования музейной коллекции.

[896] ВЦА. Ф. 262. Оп. 1. Д. 76. Л. 28.

Этнографические экспедиции Северодвинского музея, организуемые на территорию бывшего Амбурского старообрядческого скита[897], позволили собрать значительное количество предметов, бытовавших в старообрядческой среде. На сегодняшний день проведено 20 полевых исследований[898]. В фонды поступило более семисот предметов музейного значения, характеризующих культуру и быт северных старообрядческих скитов. В данной статье речь пойдёт лишь о небольшой части этой коллекции – стеклянных бутылках.

Источник её формирования – приобретение у частных лиц. Основная масса предметов поступила в фонды музея в дар, и лишь незначительное количество было закуплено. Большую их часть передал Леонид Фёдорович Добрынин, работник Северного машиностроительного предприятия (г. Северодвинск), участник популярных в 1960–1970-е гг. туристских походов выходного дня. В 1970 г. семья Добрыниных купила небольшой домик в деревне Амбурские. Ранее он принадлежал члену старообрядческой общины Ульяне Михайловне Корельской (1892–1970). Этот дом был построен до 1918 г.[899]. Рядом также располагались амбурская моленная, а также дома постройки начала XX в. Ввиду того, что вода в Амбурском озере имеет горьковатый болотный привкус, то для поиска лучшей решили обследовать ранее существовавшие колодцы. На задворках купленного ими дома оказался такой засыпанный колодец. Они его заметили по двум сгнившим венцам, скрытым выросшими кустами. В 1979 г. дети Добрыниных начали его откапывать. Инструментами были железная лопата, тренога и ведро. В нижней части колодца стали попадаться стеклянные бутылки. Они проявили к ним интерес и, по возможности, стали вынимать их из земли руками и поднимать наверх. Всё поднятое рассортировали. Посуда принадлежала как дореволюционному, так и советскому периоду. Удивило многообразие бутылок, находящихся в одном колодце! Такой же колодец, тоже засыпанный и

[897] Амбурский скит – духовный центр местного старообрядчества. Находился в 50 км от Архангельска, за болотами сёл Рикасихи и Кудьмы. Был известен староверам обеих столиц Российской империи и пользовался большой известностью и популярностью.

[898] Первая этнографическая экспедиция Северодвинского музея состоялась в 2002 г., последняя – в 2016 г.

[899] Белозерский муниципальный архив. Похозяйственная книга деревень Лахта – Амбурские – Волость на 1949 г.

прикрытый корневищем вывернутого ветром дерева, находился у соседнего дома. Но в нём ничего не нашли, в том числе и воды. Как бутылки оказались в колодце и как он превратился в свалку – неизвестно. Сейчас можно только предполагать.

Во все времена отовсюду в Амбурский скит стекались паломники в праздничные дни, особенно много приходило в Великий пост. В летнее время богомольцы собирались здесь под благовидным предлогом сбора грибов и ягод. Амбурская моленная почиталась многими как святыня, и к ней шли на поклонение не только старообрядцы, но и православные[900]. Гости в большом количестве приходили пешком, приезжали на лошадях, несомненно, располагались в разных домах. Были встречи, беседы, застолья. В скиту проживали в основном люди преклонного возраста, порой немощные. Этим, наверное, можно объяснить большое количество найденной аптечной посуды. По мнению Л. Ф. Добрынина бутылки появились в колодце как-то сразу и были закиданы землёй. Возможно, в каком-то из старых домов или непосредственно в моленной скопилось большое количество данной стеклянной тары. Однозначного ответа на этот вопрос не имеется. Представленный материал не отражает всю количественную картину стеклянной посуды, находившейся когда-то в Амбурских. Часть бутылок была разбита в процессе подъёма из колодца. По одному экземпляру наиболее интересных Добрынины отложили, перемыли и прибрали на чердак собственного дома, где они и хранились около тридцати лет. Впоследствии Л. Ф. Добрыниным был составлен список обнаруженных предметов, состоящий из 103 единиц. В нём указано краткое описание, вместимость, высота, размер основания, диаметр горлышка каждого изделия[901]. Из них в фонды музея были отобраны наиболее интересные экземпляры. Общее количество переданных предметов – 56, из них – 55 основного и 1 научно-вспомогательного фонда.

Также отдельные бутыли находились и другими жителями Амбурских: при копке огородов, в Амбурском озере и по всей территории деревни. Не всякий хозяин огорода придавал большое значение подобного рода находкам. Кто-то их выбрасывал, а кто-то сохранил для истории.

[900] Государственный архив Архангельской области (далее – ГААО). Ф. 29. Оп. 3. Т. 5. Д. 816. Л. 35, 35 об.

[901] Северодвинский городской музей (далее – СГКМ). Научный архив. Материалы, собранные в результате работы этнографических и городских экспедиций в Амбурские. 2002–2016 гг.

Чем же интересны эти предметы и что они собой представляют? В амбурскую «стеклянную» коллекцию входят аптечные и парфюмерные флаконы, пивные, винные, водочные, из-под минеральных вод и молочные бутылки, а также техническая тара. Предметы датируются концом XIX – I половиной XX вв. Они разнообразны по форме, размерам, толщине, назначению и вместимости. В зависимости от характера содержимого различны по цвету стекла: от бесцветного, зелёного, коричневого до зеленовато-коричневого. В разное время в них хранились медицинские препараты, парфюмерия, молоко, пиво, вино, минеральные воды и т. д. Эти предметы обладают не только краеведческой, но и историко-культурной ценностью. Изучая их, мы также можем узнать информацию о предприятии, об ассортименте выпускаемой им продукции и его владельце, на какой территории оно располагалось, о периодах его существования, объёмах производства и т. д.

Наибольший интерес представляют «именные» предметы, которые содержат этикетки, надписи и клейма. Благодаря этому удалось установить авторство многих производителей. Таких «именных» 28 предметов, то есть большая часть коллекции. Остальная часть бутылок не имеет информационных надписей, а значит, атрибутировать их гораздо сложнее. Несмотря на то, что в г. Архангельске в конце XIX в. работало два стекольных завода, но ни одной бутылки местного производства не было обнаружено. В основном представленная посуда была выпущена на известных стекольных заводах Москвы и Петербурга. Скорее всего, и продукция, содержащаяся в ней, также производилась и поставлялась с территорий, находящихся за пределами Архангельской губернии.

Аптекарская посуда

Это наиболее многочисленная группа из данной коллекции. Собрание аптечных флаконов включает 15 разных по форме, цвету и размерам маленьких и больших бутылочек. Аптечные пузырьки из столичных аптек цилиндрической, четырёхгранной, шестигранной, восьмигранной формы из бесцветного стекла до стекла с зеленоватым оттенком. Эти предметы, как правило, не имеют этикеток с наименованием содержимого и обозначением фирмы-производителя. Характерным их отличием являются рельефные надписи или рамки, покатые плечики, горлышки с валиком или сливом («с капельницей»), закруглённые переходы граней. Отдель-

ные из них содержат изображения двуглавых орлов, различные надписи и клейма.

В амбурской коллекции сохранилось несколько аптечных бутылочек владельца стекольного завода Сергея Глинского. В конце XIX – начале XX вв. С. Глинский был одним из крупнейших производителей аптекарской тары. Две одинаковые бутылочки цилиндрической формы из прозрачного стекла с высоким горлышком, одна из них с пробкой. На основании содержится клеймо в виде рельефных букв (инициалы): «С. Г.», обозначающие имя и фамилию стеклопромышленника[902]. Другой флакон – высокий, четырёхгранной формы с закруглёнными гранями, покатыми плечиками, высоким фигурным горлышком. На тулове в центре двуглавый орёл и надписи: «АПТЕКА», «PHARMACIE». В нижней части буквы: «С. Г.»[903]. Рельефные изображения придают аптекарским флаконам определённую особенность при простоте их формы. Встречаются аналогичные флаконы, но без инициалов производителя. Возможно, что они также были выпущены данным владельцем завода.

Интересен своими надписями и оформлением цилиндрический флакон из бесцветного стекла с зеленоватым оттенком. Стенки его сужаются книзу. Плечики оформлены в виде восьми фигурных полукруглых граней. На тулове полукругом расположены рельефные надписи: в верхней части – «Р. КЁЛЕРЪ и Кº», в нижней части – «Москва»[904]. Фабрично-торговая фирма «Р. Кёлеръ и Кº» возникла в 1862 г. и была одной из старейших фармацевтических и парфюмерных фирм России. Торговая марка фабрично-торгового товарищества «Р. Кёллер и Кº» была хорошо известна до революции.

Иногда на бутылочках можно встретить полное название фирмы-изготовителя. К примеру, бутылочка четырёхгранной формы с высоким фигурным горлышком из прозрачного стекла. На тулове якорь и надписи: «Охр. Марка», «Ф. АД. РИХТЕРЪ и Кº, РУДОЛЬШТАДТЪ». На боковых гранях надписи: «ЯКОРНЫЙ, ПЕНЪ ЭКСПЕЛЛЕРЪ»[905]. Позиционировалось как средство «от ломоты в суставах и от прочих напастей», панацеей от всех болезней. Лаборатория лекарственных препаратов, выпускающая «Пен-Экспеллер», была открыта германским промышленником Ф. А. Рихтером в 1898 г. в Саблино (ныне поселок Ульяновка Тосненского района Ленинградской области).

[902] СГКМ. КП 23117, 23118.
[903] СГКМ. КП 16624.
[904] СГКМ. КП 19457.
[905] СГКМ. КП 16623.

Бутылки для минеральных вод и пива

В коллекции представлены бутылки, в которые разливались минеральные воды и безалкогольные напитки. Это две одинаковые бутылки для минеральных вод, необычные по своей форме и схожие между собой. Вытянутой полуовальной формы, из тёмно-зеленого стекла с высоким горлышком, широким ободком по краю. На их тулове расположены рельефные надписи: «СПБ. ЗАВ. ИСК. МИН. ВОДЪ» (Санкт-Петербургское заведение искусственных минеральных вод)[906]. Бутылка объёмом 300 мл с овальным дном предназначалась для горизонтального хранения во избежание появления осадка.

Третья – аналогичная по форме, цвету и почти с такой же рельефной надписью на тулове: «ЗАВЕД. ИСКУСТВ. МИН. ВОДЪ», но выпущенная в Москве. Основание у неё круглое, в центре его буквы: «А. Н.». На противоположной стороне указана фамилия – «Николай Ланинъ въ Москвъ»[907]. О владельце, московском купце 1-й гильдии Николае Петровиче Ланине (1832–1895) известно, что учился он в 3 московской гимназии, затем ездил за границу для изучения технических наук. Вернувшись, занялся новым тогда в России производством искусственных вод, которые развил и значительно усовершенствовал («Ланинские воды»)[908]. В 1852 г. основал в Москве завод искусственных и минеральных вод.

В России первые крупные частные пивоваренные заводы с паровыми машинами возникли в середине XIX в. в Москве и Петербурге. В 1913 г. имелось 1016 пивоваренных заводов. В начале Первой мировой войны (1914) пивоваренные заводы были закрыты[909]. Наиболее крупными центрами производства пива считались Петербург и Москва. Из данной коллекции можно выделить две пивные бутылки московского производства. По внешнему виду и весу они высокие, массивные, тяжёлые. На бутылке из тёмно-коричневого стекла на тулове в ромбе – изображение сокола (заводского знака) и буквы «С», на противоположной стороне – рельефная надпись, выполненная в три строки: «СОКОЛьническое ПИВОВАР. Т-во МОСКВА». Сокольническое товарищество и пивза-

[906] СГКМ. КП 16626.
[907] СГКМ. КП 16625.
[908] Энциклопедический словарь Брокгауза Ф. А., Ефрона И. А. Т. 17. С-П., Типолитография Ефрон И. А. 1896. С. 330.
[909] Большая советская энциклопедия.– Т. 33.– Второе издание.– Москва, 1955. С. 15.

вод были основаны в 1912 г. торговым домом Вакано, Рихтер и Кº. Они прекратили своё существование в 1915 г.

Аналогичной по форме является пивная бутылка из тёмно-зелёного стекла. На тулове – монограмма из букв «ГЗ» и надпись: «ГОСУДАРСТВЕН. ТРЕХГОРНЫЙ ПИВОВАР. ЗАВОД МОСКВА». На дне обозначена её ёмкость – 0,6 л. Завод был основан в 1875 г.[910].

Винные и водочные бутылки

В амбурской коллекции имеется бутылка известного «водочного короля» Петра Арсеньевича Смирнова (1831–1898). Высокая, из прозрачного стекла с высоким фигурным горлышком. На тулове снизу вверх вертикально расположены изображения четырёх рельефных государственных гербов с датами их присуждения: «1877», «1882»,«1886», «1896»[911] и вертикальная надпись: «Т-во ПЕТРА СМИРНОВА ВЪ МОСКВЪ». По нижнему краю проходит раппортный узор из вдавленных полос.

Даже обыкновенная бутылка может стать источником любопытных исторических сведений. Это несколько сохранившихся винных бутылок с необычными бумажными этикетками на них. Все они простой прямоугольной формы. К примеру, стеклотара из-под портвейна. Цилиндрической формы, с высоким фигурным горлышком, в верхней части которого ещё сохранилась серебристая фольга. На белой бумажной этикетке красно-коричневое изображение печати главного управления уделов в виде двуглавого орла, в центре которого расположен вензель «Н II» (Николай II) и надписи: «УДЪЛЬНОЕ ВЪДОМСТВО», «ТИПА ПОРТВЕЙНА», «№ 33»[912]. Бутыли того времени имеют вдавленное внутрь массивное коническое основание. На основании – рельефные буквы: «УВ».

Бутылка цилиндрической формы из тёмно-зелёного стекла с высоким горлышком. Восьмиугольная этикетка тёмно-синего цвета. Этот фон настолько тёмный, что надписи читаются с большим трудом: «Хересъ бълый»[913].

[910] В 1934 г. заводу было присвоено имя А. Е. Бадаева. В СССР – одно из крупнейших предприятий пивоваренной промышленности.

[911] Гербы присуждались фирме за блестящие результаты при участии в выставках: 1877 – во Всемирной промышленной выставке в Филадельфии; 1882 – во Всероссийской художественно-промышленной выставке в Москве; 1886 – пожаловано звание Поставщика Высочайшего Двора, 1896 – во Всероссийской промышленной и художественной выставке в Нижнем Новгороде.

[912] СГКМ. КП 18951.

[913] СГКМ. КП 20270.

Другая бутылка из бесцветного стекла, высокая. На тулове светло-коричневая бумажная этикетка, содержащая различные надписи и тексты. Правая её часть утрачена. Но, тем не менее, основная информация сохранилась. В верхней части на развевающейся ленте размещались данные о производителе (название органа): «Центроспирт». Ниже название: «Хлебное» и его ёмкость – «0,615 литра». Отдельно указаны стоимость вина: «1 руб. 10 коп.», а также цена посуды: «15 коп.» и итоговая цена: «1 руб. 25 коп.». Также интересной представляется надпись: «Посуда подлежит обратному приёму по этикетной цене»[914].

Бумажная этикетка на другой бутылке значительно пострадала: имеются многочисленные разрывы с большими утратами бумаги, и, к сожалению, информация о ней сохранилась только частично. Например, неизвестна крепость содержимого. В верхней части в круге расположены надписи органа, регулирующего спиртовой оборот: «Наркомснаб СССР», «Главспирт». Указана ёмкость тары: 1/20 в[едра], равная пяти чаркам или 0,6 л. В центре надпись: «Пшеничная водка». Внизу часть этикетки и текста утрачены. Сохранились отдельные надписи: «Цена водки, посуды и пробки», которые остались неизвестными. Зато точно знаем: «Укупорку капсюлей потребитель не оплачивает». А посуду требуется возвратить вместе с пробкой[915].

Обращает на себя внимание бутылка из прозрачного стекла с высоким фигурным горлышком как своей формой, так и изображениями на ней. На тулове символ – подкова, согласно русскому поверью приносящая счастье, и пятиконечная звезда. По нижнему краю тулова надпись: «ОБЩ. БЕКМАН и Кº». На дне буквы «АЛТ»[916].

Две коньячные бутылочки[917] не имеют ни этикеток, ни надписей, ни рисунков. Небольшие, цилиндрической формы с высоким горлышком. У одной горлышко винтовое[918].

20 июля 1893 г. в России была введена «казённая продажа питей» (винная монополия), означающая исключительное право государства на приобретение и продажу спиртных напитков. Ему же принадлежало право их ввоза из-за рубежа. Оптовая и розничная продажа сосредотачивалась в казённых оптовых складах и

[914] СГКМ. КП 19467.

[915] СГКМ. КП 20271.

[916] СГКМ. КП 16630.

[917] СГКМ. КП 18944.

[918] СГКМ. КП 18952.

винных лавках. Контроль за ней был возложен на главное управление неокладных сборов и казённой продажи питей Министерства финансов[919]. Интересна одна из таких бутылок. Невысокая, из прозрачного стекла с зеленоватым оттенком. На тулове в центре сохранилась этикетка, но с утратами в верхней и нижней частях. В верхней части двуглавый орёл и надписи: «Казённая продажа ПИТЕЙ», «Московская губерния», «Напитки, допущенные в продажу на комиссионных началах». Указание стоимости утрачено. Дно, сильно вогнутое внутрь, с выступом в центре[920].

Бутылка водочная начала 1950-х гг. цилиндрической формы с высоким горлышком, с ободком по краю горловины и остатками сургуча с внешней стороны. Внутри в горловине – пробка. В начале 1950-х гг. бутылки закупоривали бумажными пробками в форме напёрстка с прокладкой из вощёной бумаги и заливали сургучом. При её откупоривании сургуч оббивали, выковыривали, иногда проталкивали внутрь бутылки[921].

Пищевого назначения (молочные бутылки)

На первый взгляд, две стандартные молочные бутылки из бесцветного стекла (прозрачно-зеленоватого). Но привлекают внимание расположенные на них рельефные надписи. На одной – «НАРКОМПИЩЕПРОМ СССР ГЛАВМОЛОКО» датируется 1934–1946 гг.[922] Другая – с надписью: «СОЮЗМОЛОКО»[923] (1931 г.). В отличие от обычных бутылок молочная бутылка имела широкое горлышко и закупоривалась не пробкой или крышкой, а фольгой. На фольгу методом тиснения наносилась вся информация о продукте и производителе, включая розничную цену.

Техническая тара

Сохранились две бутылочки из-под уксуса: дореволюционная и советского времени. Обе трёхгранной формы, из прозрачного стекла с высоким фигурным горлышком. На тулове дореволюционной – на боковых узких гранях горизонтальные деления, две широкие грани рельефные (точечная орнаментация), третья – гладкая. На одной из граней надпись: «ЪРА НА І БУТЫЛКУ»[924]. Клейм и букв нет.

Типовая бутылка из-под уксусной эссенции 1950-х гг., выпущенная в СССР. На узких боковых гранях риски-метки. На одной из широких граней пять рельефных полос-делений. На тулове хорошо сохранившаяся бело-жёлтая наклейка с надписями: «ГЛАВЛЕСХИМ, ЛЕСОХИМИЧЕСКИЙ ЗАВОД, ДМИТРИЕВСКИЙ ЛЕСОХИМИЧЕСКИЙ ЗАВОД, Уксусная эссенция». Также указаны технические характеристики: крепость 80% и объём бутылки (вес) – 100 гр. В нижней части этикетки рекомендации: «Обращаться осторожно. Перед употреблением разбавить в 20 частях воды»[925]. Интересно, что трёхгранная форма этой тары из-под уксуса и эссенции перешла по наследству к производителям, выпускающим эту продукцию, уже в советское время. Это являлось своеобразной гарантией безопасности потребителя. Такую бутылку даже на ощупь,

Коллекция бутылок с территории бывшего Амбурского старообрядческого скита. Фото В. Карпова

[919] Энциклопедический словарь Брокгауза Ф. А., Ефрона И. А. Т. XXIIIа. С-П., Типолитография Ефрон И. А. 1898. С. 721–724.
[920] СГКМ. КП 16621.
[921] СГКМ. КП 19474. Научный архив СГКМ. Материалы, собранные в результате работы этнографических и городских экспедиций в Амбурские. Воспоминания Добрынина Л. Ф.
[922] СГКМ. КП 18949.
[923] СГКМ. КП 23115.
[924] СГКМ. КП 18947.
[925] СГКМ. КП 19462.

в темноте, нельзя перепутать с любой другой. Надо особо отметить тот факт, что нам, музейным работникам, повезло, ведь эти предметы не один десяток лет пролежали в совершенно неблагоприятных условиях, в песке, под воздействием атмосферных осадков, но, в то же время, сохранили бумажные этикетки, что в дальнейшем в значительной мере помогло атрибутировать их.

Предметы данной коллекции широко используются на тематических выставках по истории Амбурского старообрядческого скита, декоративно-прикладному искусству, в интерьерах постоянных экспозиций. Каждый из них представляет интерес с этнографической, исторической и художественной точек зрения. В настоящее время фонд «Стекла» продолжает пополняться и другими стеклянными изделиями, в том числе и предметами из личных коллекций.

Александрова Анна Юрьевна,
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва
Цапук Дмитрий Анатольевич,
Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, Ярославль

МУЗЕИ И ИХ ВОСПРИЯТИЕ В ДЕТСКО-ЮНОШЕСКОМ ТУРИЗМЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ МАРКЕТИНГОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В г. ВОЛОГДЕ)

Развитие детско-юношеского (сокращенно детского) туризма и отдыха в России признано одной из стратегических задач государственного важности. Детский туризм имеет большое значение для патриотического воспитания и гражданского становления молодежи.

В 2015 г. по заданию Регионального центра поддержки предпринимательства Вологодской области коллектив специалистов из Москвы и Ярославля проводил маркетинговое исследование перспектив развития детского туризма в г. Вологде, а также оценку рынка туристических и экспозиционных ресурсов г. Вологды в части патриотического воспитания детей и молодежи. Исследования выполнялись в тесном сотрудничестве с ООО «Вологодская

областная туристско-экскурсионная фирма «Вологдатурист»», Центром туристической информации г. Вологды «Резной палисад» и волонтерским центром. Большое внимание было уделено музеям как одному из центральных звеньев детского туризма и патриотического воспитания подрастающего поколения.

Исследования проводились методом анкетного опроса посетителей детских мероприятий («лицом к лицу» во время или сразу после окончания мероприятий). Всего было опрошено 600 человек из числа подростков и молодежи, родителей и других участников воспитательного процесса. 94% респондентов проживают в г. Вологде, 5,3% – в других населенных пунктах Вологодской области и 0,7% – из других регионов России.

Выборочный опрос был дополнен сфокусированными экспертными интервью с руководителями и представителями объектов и субъектов детского туризма, задействованными в сфере патриотического воспитания детей и молодежи (организаторы детского отдыха и туризма, авторитетные и опытные педагоги, организаторы детских и молодежных событий и экскурсий). Опросы проводились по стандартам российских и международных ассоциаций исследователей-социологов и маркетологов.

В настоящее время результаты методически правильно организованных социологических опросов дают социально-экономический «портрет» участников детского туризма, являются единственным источником сведений об их ожиданиях от детских (молодежных) мероприятий и удовлетворенности туристским (экскурсионным) продуктом, важности детского туризма для воспитательного процесса и т. д. Дополненные экспертными интервью, социологические опросы подростков и молодежи, а также родителей, педагогов и воспитателей дают сравнительно полную картину в данной области.

В ходе маркетинговых исследований были получены следующие результаты.

Респонденты принимали участие в разнообразных видах детского и молодежного туризма и экскурсий. Преимущественно они посещали экскурсии в музеи г. Вологды и выезжали в соседние города (около ¾ опрошенных). Наименее популярными среди опрошенных оказались военно-патриотические мероприятия, спортивно-оздоровительный туризм и выезды в спортивные парки (на уровне 28–30%). Однако именно в них респонденты хотели бы в первую очередь принять участие (уровень неудовлетворенности спроса доходит до 30%). Вместе с тем запрос на такие меро-

приятия, как экскурсии в музеи г. Вологды и выезды в соседние города, не так велик, и количественно (но не качественно) с запасом удовлетворяется.

По результатам опроса средняя частота посещений музеев детьми (родителями с детьми) составляет около 4 раз в год. Наиболее часто встречающееся значение числа посещений – 1–2 раза в год. Это говорит о том, что в целом и в школе, и в вузе подростки и молодежь с определенной регулярностью посещают музейные учреждения.

Один из ключевых вопросов в исследовании был сформулирован следующим образом: «Что больше всего привлекает в музеях (для походов с детьми)?». Большинство респондентов отметили осмотр экспозиций и выставок (66,9%). Однако три других вида активности в музеях – посещение событий, просмотр видеофильмов и участие в интерактивных и анимационных программах, играх – в сумме более чем в два раза превысили первую позицию, набрав в среднем 45–50% ответов каждый. Достаточно высоко оценены и образовательные программы (32,8%). Такие «необязательные» виды деятельности, как покупка сувениров и посещение кафе также имеют определенную привлекательность (около 20%). Данные результаты демонстрируют, что привлекательность музеев можно существенно (в разы) увеличить за счет разнообразия видов деятельности.

В ходе опроса респондентам предлагалось назвать объекты, в которых они побывали за последние три года. Среди них с большим отрывом лидирует Вологодский областной музей-заповедник (краеведческий музей). Другие места и музеи можно объединить в нижеследующие кластеры в зависимости от частоты упоминания, а следовательно, степени популярности среди респондентов:

– очень высокой (музей кружева, картинная галерея г. Вологды),

– значительной (музей в Семенково, центр «Yes» в Стризнево, усадьба Брянчаниновых и Софийский собор с колокольней),

– весьма популярные (музей «Мир забытых вещей», ТЮЗ, драматический театр, музей Шаламова, парки города, центр «Эврика», музей Эйнштейна, а также в целом Кремлевская площадь).

Среди загородных объектов и мест респонденты сравнительно часто называли Кирилло-Белозерский монастырь, оздоровительные лагеря, а также Череповец, Ферапонтово и Ярославскую область (по убыванию).

В отличие от объектов и мест мероприятия и события в детском и молодежном туризме опрашиваемые знают хуже. Наиболее

значимым результатом стало то, что с большим преимуществом лидируют мероприятия, требующие от участников активности («Зарница», походы, туристические слеты и пр.). Кроме того, даже самые известные туристские мероприятия в Вологде, как «Голос ремесел», фестиваль VOICES и др., имеют незначительную составляющую детского и молодежного туризма. Тем более, что упоминания данных мероприятий принадлежат преимущественно студентам.

В ответах на вопрос о том, в каких музеях г. Вологды респонденты уже побывали, наблюдается вполне закономерная картина: наиболее крупные музеи посещают значительно чаще. Однако, есть и интересные моменты, так как ответы респондентов свидетельствуют не только о фактах посещения, но и о том, какие музеи запомнились. Обращают на себя внимание высокие позиции таких музеев, как музей «Мир забытых вещей», музей Эйнштейна, «Эврика» и другие, которые, видимо, хорошо запомнились детям, учителям и родителям.

Крайне интересно и важно сравнить эти результаты с мнением о том, какие музеи Вологды стоит рекомендовать для посещения детям (или родителям с детьми). И здесь происходит смена лидеров. Вместо краеведческого музея ведущим назван музей кружева. Кроме того, такие музеи, как «Эврика», музей Эйнштейна, «Семенково» оказались выше в предпочтениях по рекомендации. Это свидетельствует о том, что развивающие, наиболее интерактивные музеи выигрывают по сравнению с остальными с точки зрения рекомендаций другим для посещения. В случае с музеем кружева имеется и еще один явный фактор – уникальность музея, осознание того, что он характеризует своеобразие Вологды.

Последний тезис подтверждается ответами респондентов, почему они рекомендуют те или иные музеи. Вызываемый музеем интерес становится, что вполне предсказуемо, определяющим фактором. Однако важными являются развивающий характер и познавательность программ музея, эмоциональность и яркость подачи экспозиций и вовлечения посетителей.

Среди основных проблем, которые препятствуют развитию туризма, в том числе посещению музеев, для детей и молодежи в Вологде, выделяются (в порядке значимости): нехватка средств у населения, нехватка времени и занятость родителей, детей, учителей, нехватка интересных объектов и экскурсий, инфраструктуры.

В качестве заключительного вопроса по теме музеев задавался вопрос «Что рекомендуете сделать, чтобы все музеи были интерес-

нее для посещения?». Результаты ответов на него (перечислены в порядке убывания) показывают основные направления работы по привлечению детей и молодежи в музеи:

– интерактивность и активные приемы работы с посетителями (нескучные экскурсии, игры, праздники и акции, мастер-классы, возможность потрогать экспонаты);

– больше выставок и мероприятий и более разнообразные, больше экспонатов, обновление экспозиций;

– снижение цен, бесплатная возможность посещения;

– ориентация на современную культуру, использование новых технологий, мультимедиа.

Массовый опрос участников детско-юношеских мероприятий был дополнен экспертным интервью, подтвердившем и углубившем ранее полученные результаты. В частности, представители туристских фирм и экскурсоводы, администрация города и государственные организации по дополнительному образованию, представители музеев и площадок, которые посещают дети и молодежь, были едины во мнении. Они констатировали, что среди музеев все большей популярностью пользуются музеи интерактивного и развивающего типа (музей «Мир забытых вещей», гридня) и те, которые предлагают значительное число таких интерактивных программ (музей-заповедник, дом Самарина, «Семенково», картинная галерея).

Популярны и специальные площадки развивающего типа, направленные на расширение кругозора, знакомство с профессиями, предлагающие мастер-классы («Кидстан», «музей Эйнштейна», «Эврика», музей ж/д депо, музей сказки, Дом Петрушки). Развиваются центры дополнительного образования со специальными мероприятиями и мастер-классами («Резной палисад», творческие, молодежные образовательные центры). Популярностью пользуются и такие площадки, как филармония и театры (ТЮЗ, драмтеатр, детский театр), библиотека.

В представлении экспертов, в Вологде

– нужно создать огромное количество объектов и площадок для семейного отдыха, которых почти нет;

– нет системы мероприятий и организации досуга детей и молодежи;

– мало обустроенных парков, спортивных парков, современных тематических парков;

– крайне недостаточно современных площадок (Интернет, мультимедиа, современные технологии);

– очень сильно не хватает недорогих объектов размещения за городом (спортивные, тематические лагеря и площадки);

– необходимо больше познавательных площадок;

– нужны полигоны и площадки для спортивного, активного туризма разных видов (пеший, водный, скалолазание, ориентирование);

– больше внимания необходимо уделять благоустройству городских общественных и рекреационных пространств;

– нужны музеи и площадки по разным периодам истории России и Вологды, например музей советского прошлого, военно-патриотические площадки.

Массовый опрос показал, что основные пожелания и рекомендации респондентов по развитию детского туризма укладываются в несколько направлений (в порядке значимости): повышение финансовой доступности музеев и мероприятий, организационные усилия, увеличение возможностей для активного отдыха и путешествий и меры по продвижению и информированию. Кроме того, предлагается проведение мероприятий более широкой тематики (спортивные, экскурсии, военно-патриотические, выставки, игры) и увеличение далеких поездок. Все эти меры в комплексе позволят активнее развивать детский туризм на Вологодчине и будут способствовать решению существующих проблем в этой области.

Раздел четвёртый

КНИГА В КНИГЕ

Копытков Василий Викентьевич,
культурно-исторический центр «Светоч», г. Москва
Кузнецов Александр Васильевич,
независимый исследователь, г. Тотьма

ТАФТЕНСКАЯ КАЗАНСКАЯ ПУСТЫНЬ ТОТЕМСКОГО УЕЗДА В СВЕТЕ «РАЗБОЙНОГО ДЕЛА» ЕЁ СТРОИТЕЛЯ СТАРЦА ФЕРАПОНТА, 1671 г.

Малые *«черносошные»* монастыри Русского Севера, по признанию д. и. н. А. В. Камкина, несмотря на свою недолговечность, были *«уникальной страницей истории монашества»*[926]. Невзирая на то, что документальные сведения по многим из них весьма скудны, тем не менее, необходимо признать, что эти небольшие духовные обители внесли значимый вклад в утверждение православной веры на территории Северного края.

Когда в 1554 г. жители посада Соли Тотемской послали челобитную царю Ивану IV (Грозному) с просьбой разрешить Феодосию Суморину[927] строительство монастыря, они писали: *«На Тотьме в городе и во всем Тотемском уезде вотчинных и иных монастырей нет»*[928]. Правда, имеются сведения, что ещё в 1514 г. у Новых Варниц на реке Ковде некий старец Серапион основал Борисоглебский монастырь, но, по всей видимости, эта обитель была разорена казанскими татарами в 1539 г., а на её месте впоследствии возвели приходскую Богословскую церковь[929].

Появление Спасо-Суморина монастыря упрочило роль православной церкви в нашем крае и способствовало дальнейшей монастырской колонизации территории Тотемского уезда. Русские монахи стремились удалиться от людей подальше, скрыться в глуши, чтобы посвятить себя служению Богу. Ничто не должно было мешать этому. Так и появлялись пустыни, скиты – маленькие монастырьки, где все строения – церкви, кельи и другие постройки – первоначально были деревянными. Обычно

[926] Камкин А. В. Православная церковь на Севере России.– Вологда, 1992. С. 63–64.
[927] *Феодосий Тотемский (Суморин)* – преподобный Русской православной церкви, основатель Тотемского Спасо-Суморина монастыря.– *Прим. авт.*
[928] Савваитов П. И. Описание Тотемского Спасо-Суморина монастыря и приписной к нему Дедовской Троицкой пустыни.– Вологда, 1896. С. 49.
[929] К истории Тотемской градской церкви во имя св. Иоанна Предтечи. // ВЕВ.– 1902.– Прибавления к № 13.– С. 389–394; Григоров Д. А. Тотьма и окрестности. // Тотьма: Историко-литературный альманах.– Вып. 1.– Вологда, 1995. С. 202, 273.

подобные обители окружались такой же простой деревянной *«рубленной»* или *«в заплотех»* оградой. Первоначально в пустыни мог жить и молиться всего один монах, затем к нему подселялись другие насельники, образовывавшие *«братию»*, а также *«бельцы»* – монастырские вкладчики. С течением времени некоторые пустыни превращались в настоящие крупные монастыри, как, например, широко известная в России Оптина пустынь.

Источники XVII в. в пределах границ Тотемского уезда зафиксировали несколько небольших монастырей-пустыней. Располагались они, как правило, в отдалённых от уездного города волостях и улусцах. В местной топонимике сохранилось свидетельство о Шахто-Печенгской пустыни на *«ходучей стороне»* Сухоны при впадении в неё речки Войманги. Время её основания неизвестно. В «Дозорной книге города Тотьмы с посадом и уездом 1619 г.», а также в «Писцовой и межевой книге Тотемского уезда 1622–1625 гг.» содержатся сведения о следующих пустынях: Леонидова на реке Реже в Важской Верхотине (ныне в пределах Сямженского района Вологодской области), Никольская Бабьеозерская у Галицкого рубежа (ныне – в Бабушкинском районе), Негренская Федосеевская на реке Сухоне в волости Сученьга (ныне – в Нюксенском районе), Введенская Зосимо-Савватиевская в волости Заозерье (на севере современного Тотемского района)[930].

Леонидова пустынь ещё в XVI в. была возобновлена преподобным Феодосием Суморинym и первоначально именовалась Спасо-Николаевской Ефремовой пустынью, а затем перешла в управление к Николо-Угрешскому монастырю[931].

После Смуты и разорения литовскими людьми и русскими *«ворами»* Тотемского посада вместе со Спасо-Суморинym монастырём уцелевшими монахами последнего была предпринята попытка создания уединённой пустыни на Блохиной горе, *«меж Печенгские и Вотчинские волости»*, однако в «Писцовых книгах Тотемского уезда 1676–1679 гг.» *«займище Блохина гора»* показано уже пустым[932]. В южной части волости Толшма в середине XVII в. зафиксирована Новая Алексеевская или Игошевская пустынь, но и она к концу того же столетия прекратила существование[933]. Неудачей закончилась и попытка создания пустыни в Тиксненской волости. В архиве Устюжской епархии хранилась челобитная грамота, которую в 1694 г. направил архиепископу Великоустюжскому и Тотемскому Александру иеромонах Спасо-Суморина монастыря Протасий. В этом документе испрашивалось архиерейское благословение о *«позволении строить церковь*

[930] Писцовые книги Русского Севера.– [Сост. Воскобойникова Н. П. и др.].– Вып. 1.– М., 2001. С. 322, 324, 327.
[931] Григоров Д. А. Указ. соч. С. 229.
[932] Там же. С. 230–231.
[933] Дудин В. А. Чаловы горы.– Кострома, 2015.– С. 71–72; Мартюкова Г. А. История толшемских храмов (по материалам исторических документов). // Толшма: Краеведческий альманах. Вып. 1.– Архангельск, 2017. С. 149–150.

над мощами преподобного отца Вассиана и собирать монахов на этом месте». Протасий просил возвести на месте погребения Вассиана храм во имя Живоначальной Троицы, выделить для содержания будущего монастыря «*чудотворную землю*», заранее оговаривая её точные границы, место под мельницу на реке и соседнее озеро. Церковь была построена, но Вассианов Спаса-Нерукотворного образа Тиксненский монастырь просуществовал недолго – он был упразднён ещё *«до штатов 1764 г.»*[934].

Голубинская[935] и соседняя с ней Ретчинские пустыни стояли во второй половине XVII в. на левом берегу Сухоны у впадения в неё речек Голубица и Ретча (ныне – в Междуреченском районе), всего в 7 верстах друг от друга. В 1687 г. Ретченская пустынь была приписана к Голубинской, а последняя просуществовала до 1764 г. Чуть выше по Сухоне, в устье реки Стрелицы с 1586 г. по начало XVIII в. стоял Усть-Стрелицкий Николаевский мужской монастырь, а по сути, опять же, небольшая пустынь[936]. Наконец, в юго-западном углу Тотемского уезда существовала Капитонова Спасская пустынь, возникшая при царе Михаиле Фёдоровиче. Она стояла на берегу Княгинина озера, из которого вытекает река Ихалица, правый приток Сухоны. Эти земли входили в Ихалицкий улусец Тотемского уезда. Уже к 1650 г. Капитонова обитель пришла в сильный упадок, церкви в ней обветшали и из-за отсутствия *«черного попа»* стояли *«без пения... лет десять»*; из монахов же осталось всего *«три брата».* По повелению царя для исправления положения пришлось даже вмешаться вологодскому архиепископу Маркелу и построить там новые церкви *«домовою казною»* и *«черного попа призвать»*[937]. Но даже это вмешательство не исправило ситуацию и «экономическая» жизнь пустыни в лучшую сторону не изменилась, о чём наглядно свидетельствуют сохранившиеся архивные документы, датированные 1654 и 1672 гг. В конечном итоге святая обитель на Княгинином озере пришла в полное запустение[938].

Близ Тотьмы, в Окологородной волости, также известно два небольших монастыря. Самый знаменитый из них располагался на Дедове острове среди реки Сухоны. Троицкая Дедова пустынь была основана

[934] Линьков А.И. Описание Тиксненской Преображенской церкви Тотемского уезда Вологодской губернии.– Вологда, 1900. С. 6–9.

[935] Зенкова О.Б., Копытков В.В. Тотемская Голубинская Богородицкая пустынь. // Материалы III Всероссийской научной конференции с международным участием «Русский Север–2019: Проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия» памяти Александра Васильевича Камкина.– 27 февраля – 3 марта 2019 г.– Вологда, 2019.– С. ?–?.

[936] Македонская Н.М. Православные приходы и монастыри Севера. [электронный ресурс]. Режим доступа: http://parishes.mrezha.ru/library.php?id=299

[937] РГАДА. Ф. 281. Оп. 18. Д. 12348. Л. 1–2.

[938] РГАДА. Ф. 281. Оп. 18. Д. 12349. Л. 1–4; РГАДА. Ф. 281. Оп. 18. Д. 12368. Л. 1–2; Македонская Н.М. Указ. соч. // Электронные ресурсы. Режим доступа: http://parishes.mrezha.ru/library.php?id=264; Кузнецов А.В. Тайны Княгинина озера и реки Ихалица. // Сухона: Краеведческий и литературный сборник на паях. Вып. 1.– Тотьма, 2014. С. 37–40.

на рубеже XVII–XVIII вв., а чуть позже приписана к Спасо-Суморину монастырю[939]. Напротив Тотемского острога, на правом берегу Сухоны, *«на дикой стороне»,* некоторое время (в архивных источниках – начиная с «Переписной книги Тотемского уезда 1646 г.») отмечалась Новая пустынь с церковью Сретенья Богородицы. Какого-то особого названия у этого монастыря не было, чаще его именовали просто Богородским[940]. В разное время он был и мужским, и «*девичьим*».

Все перечисленные выше православные пустыни просуществовали недолго и в большинстве своём ко второй половине XVIII столетия были упразднены, а их храмы превращены в приходские церкви. Специальных исследований, посвящённых небольшим монастырям Тотемского уезда, в краеведческой и научной историографии не выявлено, хотя отдельные статьи и книги, где приводятся исторические сведения по ряду пустыней, известны. В первую очередь это уже упомянутые выше в ссылках работы П.И. Савваитова и Д.А. Григорова. В очерке последнего приводится обзор и иных, небольших по объёму публикаций вологодских и тотемских краеведов XIX в., в которых они упоминают некоторые местные монастыри-пустыни. В известной публикации В.В. Зверинского большинство из перечисленных выше тотемских пустыней также присутствуют[941]. Из современных исследований нужно отметить обобщающие работы Н.М. Македонской по малым монастырям Тотемского уезда, выложенные в Интернете[942], а также обширные публикации В.В. Копыткова и О.Б. Зенковой о Негренской и Голубинской пустынях[943].

Однако, как выяснилось, в Тафтенском улусце Царевской волости Тотемского уезда в XVII столетии существовала ещё одна пустынь, сведения о которой в доступных к настоящему времени источниках практически отсутствовали.

Река Тафта протекает на западе современного Тотемского района. Её истоки находятся близ деревень Евсютино, Ездунья и Пирогово бывшего Голузинского сельсовета Сямженского района. Выходы грунтовых

[939] Григоров Д.А. Указ. соч. С. 248–259.

[940] Григоров Д.А. Указ. соч. С. 192–196.

[941] Зверинский В.В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи, с библиографическим указателем: I. Преобразования старых и учреждение новых монастырей с 1764–1795 гг. по 1 июля 1890 г.– СПб., 1890; II. Монастыри по штатам 1764, 1786 и 1795 гг.– СПб., 1892; III. Монастыри закрытые до царствования императрицы Екатерины II.– СПб., 1897.

[942] Македонская Н.М. Указ. соч.

[943] Копытков В.В., Зенкова О.Б. Негренская Успенская Федосеева пустынь в Сученгской волости Тотемского уезда: Неизвестные страницы истории XVI–XVIII вв. // Материалы II Всероссийской научной конференции с международным участием «Русский Север–2018: Проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия».– 1–4 марта 2018 г.– Вологда, 2018.– С. 373–404; Копытков В.В., Зенкова О.Б. Негренская пустынь в Сученгской волости. // Сухона: Краеведческий и литературный сборник на паях.– Вып. 6.– Вологда, 2018.– С. 153–167; Зенкова О.Б., Копытков В.В. Тотемская Голубинская Богородицкая пустынь...– С. ?–?.

Тафтенская Казанская пустынь и её окрестности. Чертёж-реконструкция А. В. Кузнецова, 2018 г.

вод на склонах песчано-глинистых холмов ледникового происхождения и небольшие болотца у их подножия дают начало нескольким ручьям, которые, сливаясь друг с другом, образуют две речки – Тафту и Тафтицу. В 6 км к востоку от Пирогова эти речки сливаются вместе. Первый приток Тафты впадает слева – речка Марокош, затем, чуть ниже, и тоже слева – река Кетла. Всего в Тафту впадает более 30 притоков. Крупных рек среди них нет, в основном это небольшие (до 10–15 км длиной) лесные речки и ручьи. Некоторые из них в своих названиях хранят память о дославянском, чудском или финно-угорском населении (Кичуга, Нореньга, Шунинга). Притоки в среднем и нижнем течении Тафты имеют русские по происхождению имена (Васильевка, Волосовка, Гремиха, Журиха, Исаевица, Лобазница, Овинцевка, Тараканиха); именно в долинах этих речек и ручьев расположены угодья, пригодные для сельскохозяйственной обработки.

У посёлка Красный Бор Тафта сливается с Вожбалом и даёт начало крупной реке Цареве, по имени которой в старину и называлась Царевская волость (в годы советской власти – Калининский сельсовет, а ныне СП «Калининское»). В среднем течении Тафты до начала 1980-х гг. стояли четыре деревни: Горка, Подгорная, Ро́дная и Остроконье. Ныне все они заброшены людьми. Ещё две деревни – Бурцево и Сидориха – располагались в верховьях Тафты, на её левом притоке реке Кетле и на водоразделе

Кетлы и Нишмы, из-за чего в «Писцовой и межевой книге Тотьмы с посадом и уездом 1622–1626 гг.» деревня Бурцево названа ещё *«Нишма тож»,* а Сидориха (Сидоровская) – *«Высокая тож»*[944]. Бурцево и Сидориха – ныне тоже нежилые деревни. Большинство жителей из них переселились в посёлок лесопункта Дружба, возникший в 1970-х гг. на 97 км Семигородней узкоколейной железной дороги при впадении реки Нореньги в Тафту. Все шесть упомянутых выше тафтенских деревень и принадлежащие им земельные угодья объединялись в старину под названием Тафтенского улусца Царевской волости. Позднее этот улусец отошёл к Тиксненской (Погореловской) волости, центр которой – деревня Погорелово – находится в 15 км южнее. При советской власти тафтенские деревни входили в Погореловский сельсовет (ныне МО «Погореловское»).

Тафтенский церковный погост располагался на окраине деревни Горка, на левом берегу речки Тафты. В № 3 «Вологодских епархиальных ведомостей» за 1864 г. сообщалось, что местным крестьянам *«разрешено вновь построить каменную церковь на Тафте».* До этого тафтенские деревни относились сначала к Царевскому Воскресенскому, а затем – к Тиксненскому Спасо-Преображенскому приходам. Каменный Никольский храм был возведён через пять лет после получения разрешения на строительство. Он сохранился до сих пор, но в полуразрушенном виде. Из архитектурных особенностей здания можно отметить восьмерик основного объёма, позаимствованный, скорее всего, из традиций более раннего деревянного церковного зодчества. Невысокая колокольня тоже имела восьмигранное сечение. Храм одноэтажный, с единственным куполом. Престолов в нём два: во имя святого Николая Чудотворца и Живоначальной Троицы. В советское время после закрытия церкви в ней размещались колхозная электростанция и пилорама.

Сведения ещё об одном объекте религиозного культа на тафтенской земле долгое время были недоступны широкому кругу вологодских учёных и краеведов. Известный русский историк С. М. Соловьёв в своём фундаментальном труде «История России с древнейших времен» писал: *«Из Тотемского уезда дали знать, что там появились разбойники; в разбоях участвовал и грабежную руxлядь укрывал строитель Тафтенской пустыни, старец Ферапонт»*[945]. При этом автор ссылался на приказные дела Московского архива министерства иностранных дел 1671 г. Затем этот факт из труда С. М. Соловьёва (без каких-либо новых дополнений) был отмечен профессором Санкт-Петербургской духовной академии Д. И. Ростиславовым[946] в публикации 1876 г., а в советские времена в книге В. И. Писарева[947].

---

[944] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 480. Л. 516–516 об.

[945] Соловьёв С. М. История России с древнейших времен.– Книга третья, том XI–XV.– Второе изд.– СПб. Б.д.– Стлб. 746.

[946] Ростиславов Д. И. Опыт исследования о доходах и имуществе наших монастырей.– СПб., 1876. С. 38.

[947] Писарев В. И. Церковь и крепостное право в России.– М., 1930. С. 16.

Однако где находилась Тафтенская пустынь, когда и кем она основана и когда исчезла? – все эти вопросы вплоть до настоящего времени оставались без ответа. Как оказалось, история Тафтенской пустыни была коротка, но весьма интересна…

В ходе изысканий в Российском государственном архиве древних актов нам удалось выявить в фонде «Приказных дел старых лет» «Дело по отписке тотемского воеводы Андрея Яковлевича Непейцына об открытии в Тотемском уезде многих разбойнических шаек в разных волостях и о всяких грабежах оными причиняемых», датированное концом мая – 30 июня 1671 г.[948]. Это и есть тот самый источник, на который ссылался в своём фундаментальном труде историк С. М. Соловьёв.

Обращаясь к царю Алексею Михайловичу, воевода Андрей Непейцын в своей «Отписке» сообщал: *«В нынешнем, государь, во 179 году в мае месяце в разных числех в Тотемском уезде в волостех объявились воры и разбойники и многих крестьян розбивают, жгут и мучат и до смерти побивают».* Далее он приводил конкретные примеры разбойных нападений на местных крестьян: в Заозерской волости – на Ивашку Дмитриева, Федьку Елисеева и Мелешку Демидова, которых *«воровские люди разбоем били и мучили, и сожгли до смерти..., и живот их пограбили».* В соседней Вожбальской волости Ивашку Машарина с невесткой разбойники также *«били и мучили, и живот его пограбили».* А 19 мая 1671 г. в другой тотемской волости, на реке Цареве, пришлые тати напали на крестьянина Ваську Тарасова. Его опять же, *«били и мучили»* и, более того, *«сына ево Андрюшку убили до смерти, и живот их пограбили».*

Не пощадили разбойники даже православную обитель – Леонидову пустынь в Режской волости. Там они напали на строителя старца Корнилия, мучили его и огнём жгли, а затем *«монастырскую всякую денежную и платежную казну и монастырских крестьян всякую рухлядь, что поставлено было в том монастыре на збереженье, все пограбили»*[949].

Все разбойные нападения были совершены в течение короткого промежутка времени и в пределах округи, не превышающей 50 вёрст в поперечнике. К сожалению, в деле не указаны конкретные деревни, где жили пострадавшие от разбойников крестьяне, но по расположению волостей можно сделать вывод, что тати для передвижения использовали лесные дороги между соседними Режской, Заозерской, Вожбальской и Царевской волостями. Быстро появлялись, *«розбивали»* и так же быстро скрывались в неизвестном направлении. В деле даже специально отмечается, что от Царевы до Тотьмы всего 20 вёрст. Иными словами, разбойники нагло орудовали прямо «под носом» у действующей власти.

При нападении на Ваську Тарасова и его сына Андрюшку последний, обороняясь, ранил двух грабителей, после чего воры *«побежали от тое их деревни».* За ними была организована погоня *«тотемцов посадских*

[948] РГАДА. Ф. 141. Оп. 4. 1671 г. Д. 250. Л. 1–11.
[949] Там же. Л. 1.

людей и... приставов с волостными крестьяны», во главе с Гришкой Зуевым[950]. По дороге, пролегавшей по левобережью рек Царевы и Тафты, посланный отряд дошёл до верховья последней и поймал там некоторых разбойников. Воевода Непейцын сообщал в Москву: *«И мая, государь, в 25 день тотемские приставы и с посадцкие и уездные люди привели ко мне, холопу твоему, на Тотму ис погони Тотемского уезду Царевские волости новые Тафтенские пустыни строителя старца Ферапонта, да дву тафтенских мужиков, да Вологоцкого уезду Рубежские волости Евфимьева монастыря деревни Ешутина крестьянина, да тое ж, государь, Рубежские волости твоего великого государя столника и спалника Бориса Васильева сына Бутурлина крестьянина деревни Нишмы Онтропка Шумилова, да жонку Федорку, а ево Онтропкову и приводного старца Ферапонта невестку родную... Да тем же воровским следом дошли до Вологоцкого уезду до Рубежские волости до деревни Нишмы во двор к столникову и спалникову к Борисову крестьянину, Васильева сына Бутурлина, к Тараску Шумилову, а того приводного старца Ферапонта брату родному»*[951].

Рубежская волость (или Рубежский *«станок»*) Вологодского уезда в XVII в. граничила с Тафтенским улусцем с запада. Своё название она как раз и получила благодаря тому обстоятельству, что по водоразделу Тафты и Нишмы издавна проходила административная граница (рубеж) двух больших уездов – Вологодского и Тотемского (образовавшегося во второй половине XVI в. из части земель Устюжского уезда). В более раннее время здесь же были размежёваны вотчины князей Пенковых и Голениных, представителей старших ветвей Ярославского и Ростовского княжеских домов[952]. На карте Генерального межевания 1780-х гг. показано, что деревня Бурцева (Нишма) стояла у самой границы Кадниковского (выделившегося из Вологодского) и Тотемского уездов, а неподалеку от неё, по линии рубежа, протекала речка с характерным названием Размежница. Часть деревни Нишма, согласно «Переписной книге Вологодского уезда 1677–1678 гг.», принадлежала боярину Борису Васильевичу Бутурлину[953] и числилась в Вологодском

[950] В архивном фонде «Приказных дел старых лет» сохранилось несколько документов, датированных 1663 г., связанных с крестьянином Царевской волости Григорием Яковлевым Зуевым и его притязаниями на *«пустошь Пугачево»*, располагавшуюся на реке Тафте.– *Прим. авт.*– См.: РГАДА. Ф. 141. Оп. 3. 1663 г. Д. 42. Л. 1–13; РГАДА. Ф. 141. Оп. 3. 1663 г. Д. 107. Л. 1–5.
[951] РГАДА. Ф. 141. Оп. 4. 1671 г. Д. 250. Л. 1.
[952] Переписные книги Вологодских монастырей XVI–XVIII вв.– [Отв. ред. М. С. Черкасова].– Вологда, 2011.– С. 20.
[953] *Бутурлин Борис Васильевич* – боярин, спальник (1671), комнатный стольник (1671, 1674, 1678), окольничий (1682), судья Московского Судного приказа (1682). Имел вотчины в Вологодском, Московском и Пусторжевском уездах. На Вологодчине, в *«Рубежском станку»,* за ним состояло располагавшееся в Нишме родовое поместье и 18 деревень, в которых по состоянию на 1677–1678 гг. насчитывалось 93 крестьянских двора, с проживавшими в них 304 *«людьми»,* а также *«двор прикащиков»,* 6 запустевших хозяйств и 2 дворовых места.– *Прим. авт.*– См.: РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 14734. Л. 293 об.– 302 об.; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 14740. Л. 467–467 об.

уезде[954], а другая её часть была населена черносошными крестьянами Царевской волости Тотемского уезда.

Водораздел Тафты и Нишмы – это ещё и естественная граница двух больших водных бассейнов – Сухоны и Кубены. Есть топонимические свидетельства о существовании здесь сухопутного волока, около которого стояла деревня Ездунья (в «Писцовой книге Вологодского уезда 1627–1630 гг.» – *«пустошь Ездилья»*[955]). Её название уникально. Оно связано с древнерусской лексикой: *езд* – «путь, езда; переправа, прогон», *ездовый* – «относящийся к езде, дорожный»[956]. Другой волок (перетаск для лодок и грузов) длиной около 4 вёрст соединял приток Тафты Кетлу и реку Нишму как раз там, где стояли деревни Сидориха и Бурцево. Второе название Сидорихи – Высокая – как раз и отмечало положение деревни в самой верхней точке водно-волокового пути – на водоразделе двух рек. Таким образом, в старину эти места были достаточно значимы в качестве важного водно-волокового маршрута. В то же время окружающие Тафтенский улусец и Рубежскую волость огромные по площади лесные массивы были привлекательны для разного рода *«воровских людей»* как убежище от возможных преследований со стороны власти.

Так, в «Указной грамоте царя Михаила Фёдоровича тотемскому воеводе Филону Михайловичу Оничкову 1623 г.» сообщается, что в уезде объявилась шайка разбойников числом 37 человек. Они *«били и мучили, и огнем жгли, и животы пограбили»* у крестьян в Печенгской, Царевской, Тиксненской и Стрелицкой волостях, в слободке Ихалице, а также *«розбили»* на Сухоне дощаник вологодского купца, после чего скрылись в лесах за Тафтой. По царскому указу для поимки тех татей из Вологды прислали *«пятдесят человек стрелцов»*[957].

Отметим, что и позднее на тотемской земле ещё неоднократно объявлялись разбойничьи шайки, грабившие местных жителей и нападавшие на проплывающие по реке Сухоне суда. В фондах Российского государственного архива древних актов сохранилось немало документов, рассказывающих о таких преступлениях[958].

Например, крестьянин Царевской волости Герасим Харабардин в 1667 г. обвинялся в организации 15 грабежей и лужении оловом (подделке) медных денег. Вместе с ним в «*татьбе*» участвовали жители той

[954] Водарский Я. Е. Вологодский уезд в XVII в. // Аграрная история Европейского севера СССР.– Вологда, 1970.– С. 348.

[955] Материалы для истории делопроизводства поместного приказа по Вологодскому уезду в XVII веке, собранные В. Н. Сторожевым.– Вып. второй. // Записки Российской Академии наук по историко-филологическому отделению.– Том IX.– Петроград, 1918.– С. 40.

[956] Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам.– Том III.– СПб., 1912. Стлб. 1622.

[957] Указные грамоты...– С. 249.

[958] РГАДА. Ф. 141. Оп. 4. 1667 г. Д. 75. Л. 1–7; РГАДА. Ф. 141. Оп. 4. 1669 г. Д. 162. Л. 1–9 об.; РГАДА. Ф. 141. Оп. 4. 1669 г. Д. 342. Л. 1–6; РГАДА. Ф. 141. Оп. 4. 1671 г. Д. 240. Л. 1–1 об.

же волости Куземка Фоминский и Нестка Леонтьев[959]. В 1669 г. ещё одна шайка разбойников напала на Сухоне, близ Берёзовой Слободки на судно, в котором *«по государеву указу»* плыл *«на Вагу»* князь Савелий Иванович Козловский: *«за ним, де, князь Савельем гнались в стругах воры и разбойники, и из луков и ис пищалей по судну ево стреляли, и гребца Тотемского уезду Ефимка Воронина да двух человек ево ранили; и хотели ево князь Савелия розграбить»*[960]. Подобные примеры по документам того времени можно продолжить...

Таким образом, в Тотемском уезде на протяжении нескольких десятилетий после окончания Смутного времени было неспокойно из-за противоправных действий уже не пришлых *«литвы и панов»*, а своих, местных *«воров и татей»*. Немаловажно, что значительная часть преступлений подобного рода приходилась на 1667–1671 гг. – время крестьянского восстания под предводительством Степана Разина[961].

Упомянутый в «разбойном деле» старца Ферапонта Спасо-Евфимьев мужской монастырь находился в 25 верстах западнее деревни Бурцева (Нишмы). Он стоял на правом берегу реки Сямжены, напротив городища Чудин Вал. Ряд деревень Рубежской волости *(«станка»)* принадлежали этой обители: Ездунья, Пирогово, Евсютино и другие[962]. Можно предположить, что именно в ней и принял постриг старец Ферапонт, ставший затем, судя по всему, основателем *«новой»* пустыни на реке Тафте.

Новая Тафтенская пустынь первую часть своего наименования получила из-за того, что была основана недавно, за несколько лет до описанных в «разбойном деле» событий[963]. По крайней мере, в «Переписной книге города Тотьмы с посадом и уездом 1646 г.» она ещё не значится[964]. На наш взгляд её возникновение следует отнести примерно к началу или середине 1660-х гг.

Строитель Ферапонт, очевидно, был местным жителем, так как в деле упоминаются его родные братья – Онтропка и Тараско Шумиловы. На разбой братья ходили вместе, привлекая для этого дела ещё некого Еську – крестьянина той же Рубежской волости, а также, возможно, и других местных мужиков. Тараско Шумилов и раненый на разбое Еська скрылись от тотемских и царевских преследователей где-то в той же волости *«у соседей своих»*. Их так и не удалось разыскать по горячим

[959] РГАДА. Ф. 141. Оп. 4. 1667 г. Д. 75. Л. 1–7.

[960] РГАДА. Ф. 141. Оп. 4. 1669 г. Д. 342. Л. 2; РГАДА. Ф. 141. Оп. 4. 1669 г. Д. 162. Л. 1–2.

[961] В качестве профилактической меры по восстановлению законности и порядка в Тотемском уезде воевода А. Я. Непейцын в конце мая 1671 г. зачитал *«тамошним жителям и крестьянам»* присланный из Москвы царский указ, касавшийся поимки *«вора и изменника Стенки Разина»* и *«истребления его разбойнической шайки».– Прим. авт.*– См.: РГАДА. Ф. 141. Оп. 4. 1671 г. Д. 240. Л. 1–1 об.

[962] Переписные книги Вологодских монастырей...– С. 256.

[963] РГАДА. Ф. 141. Оп. 4. 1671 г. Д. 250. Л. 5.

[964] Писцовые книги Русского Севера...– С. 324–326.

следам, поскольку *«приказной человек»* боярина Бориса Бутурлина Василий Гладкий их *«утаил и... приставам не отдал».* В Тотьму увели только старца Ферапонта, его брата Онтропка, их невестку Федорку, да одного рубежского и двух тафтенских мужиков, имена которых в деле не называются[965].

В Тотьму с ними доставили и улики, обнаруженные приставами в деревне Нишма, *«в голбце»* и *«в подполье»* избы, принадлежавшей Тараске Шумилову, – это были вещи, похищенные из дома царевского крестьянина Васьки Тарасова: *«полукафтанье кумачное, шапка мужская суконная красная, женский сарафан крашенинный, да белья рубах и иные разные рухледишки».* Обследовали *«погонщики»* также и Тафтенскую пустынь, где тоже нашлась *«разбойничья рухлядь»*: рубашенка и платок в крови, сушёные травы и коренья *«в семи узлах»*. Среди найденных там улик упоминается даже *«ряженая волосяная борода»,* которую тати применяли для того, чтобы скрыть свои лица. Часть этих вещей была изъята из дома крестьянина Тараски Шумилова, а другая часть – из кельи строителя Ферапонта. Недалеко от пустыни – *«по конец поля в лесу»* – приставы нашли ещё два стана *«воровских людей»*[966]. Видимо, это были небольшие избушки, похожие на те, что делают для себя охотники и рыболовы в вологодской тайге и до сих пор.

Таким образом, в материалах «разбойного дела» старца Ферапонта недавно основанная православная пустынь предстала уже не как святая обитель, а как настоящее разбойничье гнездо, откуда совершались нападения на соседние волости и где хранилось награбленное добро.

В Архиве Санкт-Петербургского института истории РАН, в коллекции известного вологодского краеведа XIX в. П.И. Савваитова находится на хранении несколько документов, непосредственно связанных с «разбойным делом» тафтенского старца Ферапонта: две «отписки» и «подорожная память» воеводы Андрея Яковлевича Непейцына, а также «отписка» вологодского архиепископа Симона[967]. Все документы датированы 1671 г. Отметим, что эти акты из коллекции П.И. Савваитова впервые указала д.и.н. М.С. Черкасова в книге «Архивы вологодских монастырей и церквей XV–XVII вв.», но отнесла их принадлежность к Рябининой Казанской пустыни на реке Маслене (Масляной) в Вологодском уезде[968].

В одной из этих воеводских «отписок» даётся полное название основанного старцем Ферапонтом монастыря: *«Тотемского уезду Тафтенского улусца пустынь Пресвятыя Богородицы Казанские»*[969]. Точное расположение пустыни из контекста документов установить пока что не удалось.

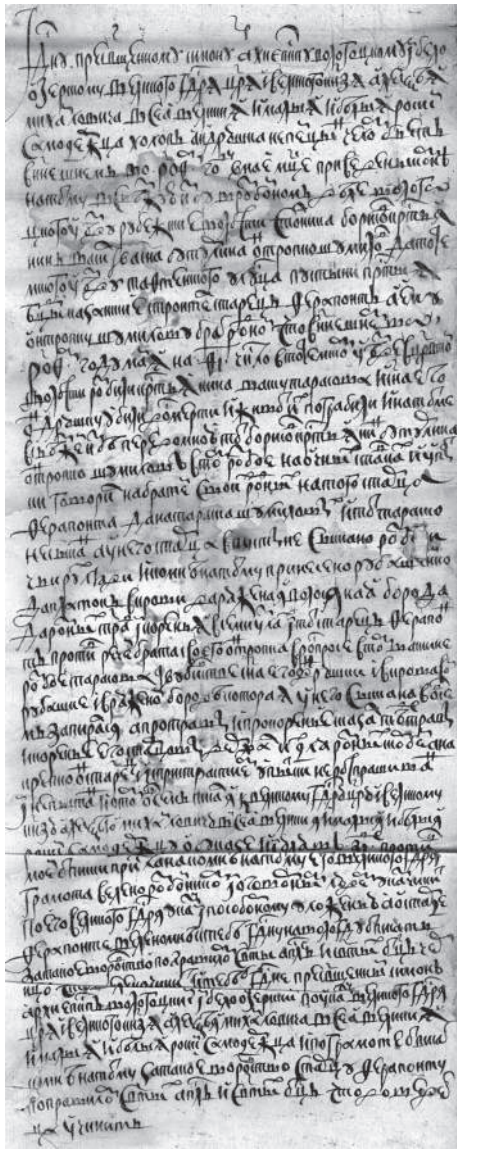
[965] РГАДА. Ф. 141. Оп. 4. 1671 г. Д. 250. Л. 1–2.
[966] Там же.– Л. 2.
[967] Архив СПбИИ РАН. Кол. 117. Оп. 1. № 972. Л. 1–5 об.
[968] Черкасова М.С. Архивы вологодских монастырей и церквей XV–XVII вв.: Исследование и опыт реконструкции.– Вологда, 2012.– С. 330.
[969] Архив СПбИИ РАН. Кол. 117. Оп. 1. № 972. Л. 1.

Единственная привязка дана к деревне Нишма, от которой она находилась *«всего в трех верстах»*[970]. Если наложить эти скудные сведения на карту, то можно предположить, что Казанская пустынь располагалась на мысу при впадении реки Кетлы в Тафту.

По состоянию на 1671 г. в Тафтенской пустыни была (как минимум) одна деревянная церковь, освящённая в честь иконы Казанской Божьей Матери. Имелся ли там второй храм – неизвестно. Документы сообщают также о келье, в которой обитал настоятель Ферапонт. Вероятно наличие и *«братской»* кельи, а также небольшой колокольни и какой-то ограды (*«заплота»*) со Святыми воротами. Так выглядели в то время на Русском Севере многие другие небольшие пустыни. У Тафтенской обители могли быть и земельные владения, возможно, принадлежавшие изначально самому Ферапонту, а также *«вклады»* его братьев Онтропки и Тараски, либо кого-то из других крестьян. Земля – непременный атрибут небольших северных монастырей, которая являлась их экономической основой.

Необходимо обратить внимание на «каноническую» часть названия пустыни – Казанская. Отметим, что около середины XVII столетия в пограничье Вологодской и

[970] РГАДА. Ф. 141. Оп. 4. 1671 г. Д. 250. Л. 2.

Отписка тотемского воеводы А.Я. Непейцына Вологодскому архиепископу Симону, 1671 г. СПбИИ РАН

Тотемской земель появилось сразу несколько одноимённых Казанских монастырей. Процесс такого храмоименования оживился в Московском государстве после 1649 г., когда, согласно царской «окружной» грамоте, по всей православной России установилось ежегодное празднование в честь Казанской иконы Божией Матери[971]. Южнее Тафтенской пустыни, в пределах того же Тотемского уезда, на реке Сухоне стояла Казанская (с 1720-х гг. – Богородице-Рождественская) Голубинская пустынь. Неподалёку в Вологодском уезде находилась Казанская Княгинина пустынь, основанная известным аскетом (впоследствии *«расколоучителем»*) старцем Капитоном. Обычным легендарным объяснением возникновения таких монастырей служило «явление» чудотворной Казанской иконы Божией Матери.

На допросе, проводившемся в Тотьме в присутствии воеводы Андрея Непейцына, *«приводной»* старец Ферапонт, несмотря на применённые к нему пытки *«с пристрастием»*, попытался оправдаться и говорил, что найденная в пустыни *«рухлядь»* ему не принадлежит. Окровавленный платок и *«рубашенка»* из его кельи, по словам старца, остались там от *«пришлого человека»* – крестьянина Сергушки из Мольской волости, который жил у него в пустыни, а потом ушёл от *«погонщиков»* в Вологодский уезд. Ряженая волосяная борода – тоже не Ферапонта. Травы и коренья старец, по его словам, собирал и сушил сам, и *«держал»* их у себя в келье *«для разных скорбей»,* то есть для лечения различных болезней. И на разбои вместе со своими братьями и с иными *«воровскими людьми»* никогда не ходил. Таким образом, Ферапонт во всём *«запирался».* Однако брат его Онтропка Шумилов, не выдержав истязания на дыбе, показывал, что в грабежах участвовал и строитель пустыни. Свои показания против Ферапонта он затем подтвердил и *«не у пытки»* на очной ставке с тафтенским старцем. При этом свою вину Онтропка Шумилов не признавал, ссылаясь на то, что узнал подробности о разбойных делах от родного брата Тараски[972].

И это не удивительно, ведь признание вины в таком тяжком преступлении как разбой, отягощённый убийством, означало лишь одно – гарантированную «Соборным Уложением 1649 г.» смертную казнь. *«Запирательство»* Ферапонта объясняется этой же причиной и отчасти ещё и тем, что применённая к нему на первом допросе пытка была несильной, потому как истязать старца в полной мере светские власти не посмели, поскольку тот находился под ведомством епархиального архиерея. На эти обстоятельства указывал и сам тотемский воевода Андрей Непейцын: *«А накрепко он старец и с пристрастием у пытки не роспрашиван и не пытан»*[973]. Для продолжения дальнейшего *«розыска»* по делу он

[971] Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией.– Т 4.– СПб, 1836. С. 61.

[972] РГАДА. Ф. 141. Оп. 4. 1671 г. Д. 250. Л. 3, 8.

[973] Архив СПбИИ РАН. Кол. 117. Оп. 1. № 972. Л. 1.

запросил дополнительных полномочий у царя Алексея Михайловича: *«И в том, государь, воровстве и в разбое… того старца пытать и в Вологоцкой уезд… к верному розысканию для поимки приставов посылать, без твоего великого государя указу я, холоп твой, не смею»*[974].

Ответ государя воеводе Непейцыну последовал 30 июня 1671 г. Уже 17 числа следующего месяца его доставил в Тотьму тот же пристав Мишка Попов, который ранее отвёз в Москву «отписку» о разбойных делах в уезде. Царский указ из Приказа Устюжской чети *«за приписью»* дьяка Аврама Кощеева[975], гласил: *«И как к тебе наша, великого государя, грамота придет, и ты б про разбой и про всякое воровство тех воров… сыскивал, и… для подлинного разыскания на Вологду к воеводе и дьяку… писал, чтоб они тех оговорных людей к тебе на Тотму… для очных ставок присылали без молчанья, и тем разбойникам и воровским людям указ чинил… по Соборному Уложенью. А о старце Ферапонте писал бы ты на Вологду к архиепископу, за такое воровство по Правилом святых апостол и святых отец чернцом, что велено чинить»*[976].

Необходимо пояснить, что находившаяся в пограничье двух уездов Тафтенская пустынь подчинялась непосредственно вологодской кафедре, хотя фактически и стояла на тотемской земле. Это объясняется тем, что *«благословенную грамоту»* на открытие новой обители дал вологодский архиерей, у которого, судя по всему, её в своё время и испросили.

Исполняя царский указ, воевода Непейцын 20 августа 1671 г. *«бил челом»* архиепископу Вологодскому и Белозерскому Симону[977] с просьбой *«отписать»* ему на Тотьму, что *«за таковое воровство старцу Ферапонту… учинить»*[978].

Послание тотемского воеводы на архиерейское подворье в Вологду доставил 25 августа пристав *«съезжей избы»* Якушка Кашников. Однако не получив должного ответа от владыки, он отбыл обратно в Тотьму. За это *«воровство»* ни в чём неповинному приставу дома было *«учинено наказанье»*. Архиепископ Симон, как явствует из дальнейших материалов дела, и не собирался посылать ответ через несчастного Якушку, потому что письмо Андрея Непейцына, по словам владыки, было запечатано воеводскою печатью, а *«подорожная»* грамотка опечатана *«другою печатью»,* и это обстоятельство ему *«явилося сумнительно»*[979].

23 сентября 1671 г. к архиепископу Симону в Вологду с очередным посланием из Тотьмы прибыл *«нарочно»* другой тотемский пристав Стенька

[974] РГАДА. Ф. 141. Оп. 4. 1671 г. Д. 250. Л. 3, 9.

[975] *Кощеев Аврам Фёдорович* – дьяк: Земского приказа (1665), приказа Устюжской чети (1671), Новгородского приказа и приказа Казанского дворца (1671–1677).– *Прим. авт.*

[976] РГАДА. Ф. 141. Оп. 4. 1671 г. Д. 250. Л. 9–11.

[977] *Симон, архиепископ Вологодский и Белозерский* – занимал Вологодскую кафедру в 1664–1685 гг. – *Прим. авт.*

[978] Архив СПбИИ РАН. Кол. 117. Оп. 1. № 972. Л. 1–2.

[979] Там же.– Л. 1 об.– 3, 5.

Андреев. Воевода Непейцын настаивал на немедленном ответе владыки, *«что б в том великого государя делу задержания не было»*. И ответ архиерея последовал: *«И тебе, господине, указ тому черницу Ферапонту учинить по указу великого государя и по градским законам чево доведется, потому что причетников в воровских винах ятых воров царю и боляром судить повелено. А буде до нево дело не дойдет и ево освободить не задержав, да не будет чин монашества во уничижении»*[980].

На этом документальные свидетельства по «разбойному делу» старца Ферапонта заканчиваются. Чем всё завершилось – доподлинно неизвестно, остаётся лишь предполагать. Во всяком случае, в «Переписной книге вотчинных и поместных земель Вологодского уезда 1677–1678 гг.» каких-либо, пусть даже косвенных, сведений о крестьянах Тараске и Онтропке Шумиловых из деревни Нишмы не содержится[981]. Возможно, ответ на поставленный вопрос кроется в недрах архивных фондов где-то среди бумаг вологодского воеводы, к которому велено было писать Андрею Непейцыну царским указом от 30 июня 1671 г. Так или иначе, но разбойникам и татям согласно «Соборному Уложению 1649 г.» грозило жестокое наказание. С ними тогда не особо церемонились и зачастую, если дело отягощалось убийством, казнили смертной казнью[982].

Интересное описание правил вершения правосудия в России, действовавших в царствование Алексея Михайловича, оставил Григорий Карпович Котошихин – подьячий Посольского приказа, перебежавший в Швецию и написавший там по заказу шведского правительства обширное сочинение, являющееся важным источником по истории России XVII столетия.

Делами, связанными с убийствами и разбоями, занимался Разбойный приказ, в штате которого только в Москве было пятьдесят палачей. В других городах расследование подобных дел производилось в *«приказных губных избах»*, и были устроены *«для всяких воров»* тюрьмы. *«И какова чину нибуди князь, или боярин, или и простой человек, изыман будет на розбое, или в тадбе, или в злом деле в смертном убийстве, и в пожоге, и в ыных воровских статьях, и приведут его на Москве в Розбойной или в Земской приказ, а в городех… в губную избу: и кто будет был на розбое и учинил убийство, или пожог и татбу, а таварыщи их розбежались и не пойманы, и таких злочинцов в празники и в иные дни пытают и мучат без милосердия... А устроены для всяких воров пытки: сымут с вора рубашку и руки его назади завяжут, подле кисти, веревкою, обшита та веревка войлоком, и подымут его к верху, учинено место что и виселица, а ноги его свяжут ремнем; и один человек палач вступит ему в ноги на ремень своею ногою, и тем его отягивает, и у того вора руки станут прямо против головы его, а из суставов выдут вон; и потом ззади палач начнет бити по спине кнутом изредка, в час боевой ударов бывает тридцать или сорок; и как ударит по которому месту по спине, и на спине станет так слово в слово будто большой ремень вырезан ножем мало не до костей. А учинен тот кнут ременной, плетеной, толстой, на конце ввязан ремень толстой шириною на палец, а длиною будет с пять локтей. И пытав его, начнут пытати иных потому ж, и буде с первых пыток не винятся, и их спустя неделю времени пытают вдругорядь и в третьие, и жгут огнем, свяжут руки и ноги, и вложат меж рук и меж ног бревно, и подымут на огнь, а иным розжегши железные клещи накрасно ломают ребра; и будет и с тех пыток не повинятца, и таких сажают в тюрму… А как они в тюрме отсидят года два и больше, а порук не будет, и таких из тюрем свобождают и ссылают в далние городы, в Сибирь и в Астарахань, на вечное житье. А которые воры бывают на разбое, хотя и дважды пойманы, а убийства смертного и пожогу не учинили: и таких бив кнутом по торгам, за первую вину отрезав левое ухо сошлют в ссылку, а за другую вину, как будет пойман в таких же делах; бив кнутом, отрезав и правое ухо, сошлют в сылку ж…»*[983].

Вынес ли повторную пытку *«с пристрастием»* старец Ферапонт? Сознался ли в своём преступлении? И что с ним стало? – история умалчивает. Но факт остаётся фактом – Казанская пустынь на Тафте прекратила своё существование. И это является, пусть косвенным, но свидетельством не в пользу оправдания её строителя. Скорее всего, имущество Тафтенской обители и земли, если таковые за ней имелись, по предписанию архиепископа Симона отошли к одному из вологодских монастырей или же напрямую к архиерейскому дому. Чтобы найти этому подтверждение, требуется кропотливый анализ «Переписных книг монастырских и церковных земель Вологодского уезда 1677–1678 гг.»[984]. Возможно, что в них же содержится и краткое описание Тафтенской пустыни, которое нам в других источниках обнаружить пока что не удалось. Но начало исследованию положено, а значит, непременно будет и его продолжение, связанное с новыми открытиями.

Список принятых сокращений

ВЕВ – Вологодские епархиальные ведомости.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов (г. Москва).

СПбИИ РАН – Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук (г. Санкт-Петербург).

[980] Там же.– Л. 3–4.

[981] РГАДА. Ф. 1209. Оп.1. Кн. 14740. Л. 467–467 об.

[982] Тихомиров М.Н., Епифанов П.П. Соборное Уложение 1649 года.– М., 1961. С. 267.

[983] Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича. – СПб., 1884. С. 128–130.

[984] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 14733.

Архивные источники

Архив СПбИИ РАН. Кол. 117. Оп. 1. № 972. – Переписка тотемского воеводы Андрея Яковлевича Непейцына с архиепископом Вологодским Симоном по делу о строителе Казанской пустыни, в Вологодском уезде, старце Ферапонте, обвинённом вместе с его братьями, крестьянами Антропом и Тарасом Шумиловыми, в разбое и грабеже, 1671 г.

РГАДА. Ф. 141. Оп. 3. 1663 г. Д. 42. – Дело по челобитью Тотемского уезда Царевской волости крестьянина Григория Зуева об отдаче ему в той волости на реке Тафте пустоши Пугачевой на льготу, и об отказе в оной крестьянину Фёдору Добрынину, 1663 г.

РГАДА. Ф. 141. Оп. 3. 1663 г. Д. 107. – Грамота на Тотьму к воеводе Григорию Михайловичу Неелову об отдаче Царевской волости крестьянину Григорию Зуеву на Тафте реке пустоши Пугачевой на льготу на десять лет, и об отказе в оной той же волости крестьянину Фёдору Добрынину, 1663 г.

РГАДА. Ф. 141. Оп. 4. 1667 г. Д. 75. – Распросные и пыточные речи приводных на Тотьму в съезжую избу воров и разбойников Герасима Харабардина с товарищи в татьбах и в воровствах, 1667 г.

РГАДА. Ф. 141. Оп. 4. 1669 г. Д. 162. – Дело по отписке тотемского воеводы Максима Григорьевича Ртищева о явившихся в Тотемском и в Устюжском уездах ворах и разбойниках, 1669 г.

РГАДА. Ф. 141. Оп. 4. 1669 г. Д. 342. – Дело о сыске по Устюгу и в уездах воров и разбойников, которые разбили и разграбили князя Савелия Ивановича Козловского с товарищи, 1669 г.

РГАДА. Ф. 141. Оп. 4. 1671 г. Д. 240. – Отписка тотемского воеводы Андрея Яковлевича Непейцына о прочтении тамошным жителям и крестьянам грамоты, касающейся до истребления разбойнической шайки и поймании предводителя их Стенки Разина, 1671 г.

РГАДА. Ф. 141. Оп. 4. 1671 г. Д. 250. – Дело по отписке тотемского воеводы Андрея Яковлевича Непейцына об открытии в Тотемском уезде многих разбойнических шаек в разных волостях и о всяких грабежах оными причиняемых, 1671 г.

РГАДА. Ф. 281. Оп. 18. Д. 12348. – Грамота царя Алексея Михайловича архиепископу Вологодскому и Великопермскому Маркелу о дозволении построить церкви в Капитоновской пустыни, 1650 г.

РГАДА. Ф. 281. Оп. 18. Д. 12349. – Грамота царя Алексея Михайловича игумену Капитоновской пустыни Вологодского уезда Даниле с братией на угодья по реке Ихалице, 1654 г.

РГАДА. Ф. 281. Оп. 18. Д. 12368. – Мировая запись крестьян Федота Антонова Кулпы и Аврама Семёнова Монзикова стряпчему Акинфию Ермолаеву Горяйнову о землях и сенных покосах между речками Ихалицей и Молонгой, находившихся в споре у крестьян и у старцев Капитоновской пустыни, 1672 г.

РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 480. – Писцовая и межевая книга города Тотьмы с посадом и уездом письма и межевания московского дворянина Фоки Ратманова Дурова и подьячего Евстафия Колюпанова 1622–1625 гг.

РГАДА. Ф. 1209. Оп.1. Кн. 14733. – Переписная книга патриарших, монастырских и церковных земель Вологодского уезда переписи стольника Петра Михайловича Голохвастова и подьячего Ивана Саблина 1677–1678 гг.

РГАДА. Ф. 1209. Оп.1. Кн. 14734. – Переписная книга вотчинных земель Вологодского уезда переписи стольника Петра Михайловича Голохвастова и подьячего Ивана Саблина 1677–1678 гг.

РГАДА. Ф. 1209. Оп.1. Кн. 14740. – Переписная книга поместных земель Вологодского уезда переписи стольника Петра Михайловича Голохвастова и подьячего Ивана Саблина 1677–1678 гг.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1671 г. – Дело по отписке тотемского воеводы Андрея Яковлевича Непейцына об открытии в Тотемском уезде многих разбойнических шаек в разных волостях и о всяких грабежах оными причиняемых[985].

1671 г. последние числа мая. – Отписка тотемского воеводы Андрея Яковлевича Непейцына царю Алексею Михайловичу

(л. 1) Государю, царю и великому князю Алексею Михайловичу, всея Великия и Малыя и Белыя России самодержцу, холоп твой Андрюшка Непейцын челом бьет.

В нынешнем, государь, во 179 году, в мае месяце в разных числех, в Тотемском уезде в волостех объявились воры и разбойники и многих крестьян розбивают, жгут и мучат**,** и до смерти побивают. И майя ж, государь, 17, в Заозерской волости крестьянина Ивашка Дмитриева**,** пришед в деревню**,** воровские люди разбоем били и мучили**,** и сожгли до смерти, и живот ево весь пограбили; да Федку Елисеева, Мелешку Демидова розбивали ж, и живот их пограбили. Да Вожбальские волости крестьянина Ивашка Машарина розбили и невестку ево Ивашкову били и мучили, и живот ево пограбили. Да Режские, государь, волости Леванидовы пустыни, что под Николским Угрешским монастырем, строителя старца Корнилия розбивали ж и мучили**,** и огнем жгли, и монастырскую всякую денежную и платежную казну и монастырских крестьян всякую рухлядь, что поставлено было в том монастыре на збереженье, все пограбили.

Да мая ж, государь, на 19 число в ночи Царевские волости крестьянина Васку Тарасова воровские люди разбойники били**,** и мучили, и сына ево Андрюшку убили до смерти, и живот их пограбили. А та, государь, Царевская волость от города от Тотмы за дватцать верст.

---

[985] РГАДА. Ф. 141. Оп. 4. 1671 г. Д. 250. Л. 1–11.

И по твоему великого государя указу посылал я, холоп твой, с Тотмы за теми ворами в погоню тотемцов посадцких людей и тотемских приставов с волостными крестьяны. И мая, государь, в 25 день тотемские приставы и с посадцкие и уездные люди привели ко мне, холопу твоему, на Тотму ис погони Тотемского уезду Царевские волости новые Тафтенские пустыни строителя старца Ферапонта, да дву тафтенских мужиков, да Вологоцкого уезду Рубежские волости Евфимьева монастыря деревни Ешутина крестьянина, да тое ж, государь, Рубежские волости твоего великого государя столника и спальника Бориса Васильева сына Бутурлина крестьянина деревни Нишмы Онтропка Шумилова, да жонку Федорку, а ево Онтропкову и приводного старца Ферапонта невестку родную. А с ними, государь, принесли ко мне на Тотму в съезжею избу Царевские волости крестьянина Васки Тарасова и убитого сына ево Ондрюшки пограбленой рухляди: полукафтанье кумачное, да шапку мужскую суконную красную, да женское сарафанишко крашениное, да белыя рубах и иныя рухлядишки; *// (л. 2)* да разбойничьи рухляди: рубашенка, да платок в крови, да ряженую волосяную бороду, да разных трав и коренья в семи узлах.

И в съезжей, государь, избе те приставы Гришка Зуев с товарыщи предо мною, холопом твоим, сказали: Как, де, те воровские люди в Царевской волости того крестьянина Васку Тарасова розбивали и мучили. И сын, де, ево Ондрюшка, боронясь от себя, тех воров ранил дву человек. И как, де, те воровские люди розбили того крестьянина Васку Тарасова, а сына ево Ондрюшку до смерти убили, и пограбя живот их с собою, побежали от тое их деревни.

И они, приставы с товарыщи, тем их воровским следом за ними гнались, и дошли, де, тем следом до тое пустыни**,** ис которые тот старец Ферапонт взят и приведен с тое разбойничьей воровской рухлядью.

Да тем же воровским следом дошли до Вологоцкого уезду до Рубежские волости до деревни Нишмы во двор к столникову и спальникову к Борисову крестьянину, Васильева сына Бутурлина, к Тараску Шумилову, а того приводного старца Ферапонта брату родному. А та, де, государь деревня от тое пустыни всего в трех верстах. И у того у крестьянина Тараска Шумилова вынели они в избе в голбце в подполье схоронено того убитого крестьянина Андрюшки Васильева пограбленое платье, которое принесли с собою на Тотму. А разбойничьи, де, рухледи: рубашенко и платок с кровью, и травы, и коренья взяли они в той пустыне у того приводного старца Ферапонта, а того разбойника Тараска Шумилова брата родного в келье.

Да под тою, де, государь, пустынею нашли они ж приставы по конец поля в лесу два станы воровских людей. А разбойник, де, Тараско Шумилов, а ево старцов брат родной, из двора своего ушол и ухоронился в той же волости у иных соседей своих. И они ж приставы, Гришка с товарищы, приходили твоего великого государя столника и спальника Борисову приказному человеку, Васильева сына Бутурлина, к Василью Гладкому и ему твой великого государя указ объявили, и о тех разбойниках о Тараске

Шумилове и о всем говорили, чтоб он тех воров и разбойников велел сыскать и им выдать. И тот приказной человек тех воров и разбойников Тараска Шумилова и Еску утаил и тем приставам не отдал. А тот, де, Тарасков товарыщ Еска на том разбое ранен.

А приводной старец Ферапонт перед мною, холопом твоим, в распросе сказал: Рубашенко, де, и платок, которые взяты у него в келье и принесены к нам в Тотму, не иво старцова, а пришлого человека *// (л. 3)* Тотемского уезду Молские волости крестьянина Сергушки, которой живет у него в пустыне, а чей сын, того не ведает. А ныне, де, он ушел ис пустыни от погонщиков в Вологоцкой уезд. И борода, де, ряженая не ево старцова, а травы, де, и коренья в семи узлах его старцовы, сказал, порознь держал, де, их для разных скорбей.

Приведенные ж мужики, Тафтенского улусца крестьяне, да два человека Вологоцкого уезду Рубежские волости Евфимьева монастыря крестьяне, в распросе и у пытки в том разбое запирались.

Да приводной же детина, твоего великого государя столника и спальника Бориса Васильева сына Бутурлина крестьянин, а того разбойника Тараса Шумилова и приводного старца Ферапонта брат родной, Онтропко Шумилов в распросе и у пытки сказал: Сказывал, де, ему, Онтропку, брат его родной Тараско Шумилов, что, де, он Тараска да товарищ ево, тое ж волости крестьянин Еска, ходили на разбой в нынешнем во 179 году мая в 19 день. И брат, де, их старец Ферапонт, которой ныне приведен на Тотму**,** с ними на разбое были, а кого розбивали и хто иных товарыщей было, про то ему Онтропку он, Тараско, не сказал. Толко, де, сказал, что товарищ его на разбое ранен. А где ныне брат его Тараско и Еска, того он не ведает.

И я, холоп твой, велел того старца для подлинного розыску и распросу против речей брата его Онтропка взять к пытке, и у пытки его старца распрашивал с пристрастием. И он, старец, в том во всем запирался, а брат его, старцов, Онтропко, на очной ставке, не у пытки, с ним старцом говорил прежние речи, что, де, он брат ево, старец Ферапонт, з братом ево с Тараском и с Ескою на разбой к Васке Тарасову ходил, то он, Онтропко, у брата своего Тараска слышал.

И в том, государь, воровстве и в разбое, и в иных прежних разбоях, и в приносных травах и коренье, и в воровских разбойничьих станех, того старца пытать и в Вологоцкой уезд для воровских людей и разбойников и в татбах по оговорным делам к очной ставке и к уликам и к верному розысканию для поимки приставов посылать, без твоего великого государя указу я, холоп твой, не смею. И о том с Тотмы, великий государь, мне, холопу своему, укажешь.

(л. 1 об.) Государю, царю и великому князю Алексею Михайловичу всея Великия и Малыя и Белыя России самодержцу.

Резолюция другим почерком:

Послать великого государя грамоту на Тотьму, коей велено про разбои сыскивать и про старца писать на Вологду к архиепископу, а по

оговору для разбойников писма на Вологду к воеводе учинить по Соборному Уложению.

1671 г. июня 30. – Указ царя Алексея Михайловича тотемскому воеводе Андрею Яковлевичу Непейцыну

(л. 4) От царя и великого князя Алексея Михайловича, всея Великия и Малыя и Белыя России самодержца, на Тотму воеводе нашему Андрею Иаковлевичу Непейцыну[986].

Писал ты нам, великому государю: В нынешнем 179 годе в мае месяце в розных числех в Тотемском, де, уезде в волостях объявились воры и разбойники и многих крестьян розбивают и жгут, и живот грабят, и мучат, и до смерти побивают. И мая в 17 день в Заозерской волости крестьянина Ивашку Дмитриева пришед, де, в деревню воровские люди разбили**,** и иво били, и мучили, и сожгли до смерти, и живот весь пограбили; да Федку Елисеева, да Мелешку Демидова розбивали ж и животы, де, их пограбили ж; да Вожбальские волости крестьянина Ивашка Машарина розбили и сноху ево, Ивашкову, били и мучили, и живот ево пограбили; да Режские волости *// (л. 5)* Леванидовы пустыни, что под Николским Угрешским монастырем, строителя старца Корнилия розбили ж и мучили, и огнем жгли, и монастырскую всякую денежную казну и платежную казну и монастырских крестьян всякую рухлядь, что было в том монастыре на збереженье оставлено, пограбили; да маия в 19 день, в ночи, Царевские волости крестьянина Васку Тарасова воровские, де, люди и розбойники били и мучили, и сына ево Андрюшку убили до смерти, и живот их пограбили. И по нашему, великого государя, указу посылал ты с Тотмы за теми ворами в погоню тотемских посадцких людей и приставов с волостными крестьяны. И маия в 25 день те погонщики привели к тебе на Тотму ис погони ис Тотемского уезду Царевские волости новые Тафтенские пустыни строителя старца Ферапонта, да дву тафтенских мужиков, да Вологоцкого уезду Рубежские волости Евфимьева монастыря деревни Ешутина крестьянина, да тое ж Рубежские волости столника и спалника Бориса Васильева сына Бутурлина крестьянина деревни Нишмы Онтропка Шумилова, да сноху ево Онтропка и *// (л. 6)* Ферапонтову сноху родную. А с ними принесли к тебе на Тотму в съежую избу Царевские волости крестьянина Васки Тарасова и убитого сына ево Ондрюшки пограбленной рухляди: полукафтанье кумачное, да шапку мужскую суконную красную, да женской сарафан крашенинной, да белья рубах и иные разные рухледишки; да разбойничной рухледи: рубашка да платок в крови, да ряженую волосяную бороду, да разных трав и коренья в семи узлах. И в съезжей, де, избе приставы Гришка Зуев с товарыщи перед тобою сказали: Как, де, воровские люди в Царевской волости того

[986] Судя по помете на документе, челобитная от Тотемского воеводы А.Я. Непейцына была получена в Москве 24 июня 1671 г. – *Прим. авт.*

крестьянина Васку Тарасова розбивали и сын, де, ево Ондрюшка, боронясь от себя, тех воров ранил дву человек, и как, де, те воровские люди, розбив того крестьянина Васку Тарасова, а сына ево Ондрюшку до смерти убив и пограбив животы их, побежали от тое их деревни, и они, де, приставы с товарыщи тем их воровским следом за ними гнались и дошли до тое пустыни**,** ис которые тот старец Ферапонт взят и приведен с розбойничьею воровскою рухлядью. Да тем же воровским следом дошли до Вологоцкого уезду до Рубежские волости до деревни Нишмы во двор к столнику и спалнику к Борисову крестьянину, Васильева сына Бутурлина, к Тарасу Шумилову, а тому приводному *// (л. 7)* старцу Ферапонту брату родному. А та, де, деревня от тое пустыни всего в трех верстах. И у того крестьянина**,** у Тараса Шумилова**,** выняли они из подполья убитого крестьянина Ондрюшки Васильева пограбленное платье, которое принесли на Тотму, а разбойничьей рухляди: рубашка и платок с кровью, и травы и коренья, взяли они в той пустыне у старца Ферапонта в келье. Да у тоя же, де, пустыни нашли они приставы по конец поля в лесу два стана воровских людей. А разбойник Тараско Шумилов из двора своего ушол и ухоронился в той же волости у иных соседей своих. И приставы Гришка с товарыщи приходили к Борисову прикащику, Бутурлина, к Ивашке Гладкому, и ему о сыску наш указ объявили о тех разбойниках: о Тарасе Шумилове и о Еске. Говорили, чтоб он тех воров и разбойников велел сыскать и отдать. И Ивашка Гладкой тех разбойников**,** Тараска Шумилова и Еску**,** утаил и приставам не отдал. А тот, де, Тарасков товарыщ Еска ранен на том розбое. А приводной старец Ферапонт перед тобою в роспросе сказал: рубашка, де, и платок, которые взяты у него в келье и принесены на Тотму, не ево старцова, а пришлого человека Тотемского уезду Молские волости крестьянина Сергушки, которой жил у него в пустыне, а чей сын, того не ведает. А ныне, де, он ушел ис пустыни от погонщиков в Вологоцкой уезд, и борода, де, *// (л. 8)* ряженая не ево старцова, а травы, де, и коренье в семи узлах ево, старцовы, держал их для разных скорбей. Приводные ж мужики Тафтенского улусца крестьяне два человека, да Вологоцкого уезда Рубежские волости Евфимьева монастыря крестьянин, в роспросе ис пытки в том розбое запирались. Да приводной же детина, столника нашего Бориса Бутурлина крестьянин, Онтропко Шумилов в роспросе и у пытки сказывал: де, ему, Онтропку, брат ево родной Тараско Шумилов в распросе сказал, что он, Тараско, да товарыщ ево тое ж волости крестьянин Еска ходили на разбой в нынешнем во 179 году маия в 19 день, и старец Ферапонт, которой ныне на Тотму приведен, с ними на розбое был, а кого пограбили**,** про то ему, Онтропку, он, Тараско, не сказывал, толко, де, сказал, что товарыщ ево Еска на разбое ранен, а где ныне брат ево Тараско и Еска**,** он не ведает. И ты велел того старца для подлинного розыску к роспросу против брата его ж Онтропка взять к пытке, и у пытки, де, старца роспрашивал с пристрастием, и он старец в том во всем запирался, а брат ево старцов Онтропка на очной ставке не у пытки с ним старцом говорил прежние речи, что он, старец Ферапонт,

с братом ево Тараском и Ескою на разбое у Ивашка Тарасова были; то он, Онтропко, де, от брата своего Тараска // *(л. 9)* слышал. И ты в том, де, воровстве и в розбое, и в иных прежних розбоях, и приносных травах и коренье, и в воровских разбойничьих станех, того старца пытать и в Вологоцкой уезд для воровских людей и разбойников и в татбах по оговорным делам к очным ставкам для поимки, приставов без нашего, великого государя, указу посылать не смеешь. И о том велел бы тебе великого государя указ учинить.

И как к тебе наша, великого государя, грамота придет, и ты б про разбой и про всякое воровство тех // *(л. 10)* воров и иных, которые в Тотме впредь объявятся, сыскивал, и по оговорным делам для подлинного разыскания на Вологду к воеводе и дьяку послал, и о том к ним писал, чтоб они тех оговорных людей к тебе на Тотму к языком для очных ставок присылали без молчанья, и тем разбойникам // *(л. 11)* и воровским людям указ чинил по нашему, великого государя, указу и по Соборному Уложенью. А о старце Ферапонте писал бы ты на Вологду к архиепископу, за такое воровство по Правилом святых апостол и святых отец чернцом, что велено чинить.

Писано на Москве лета 7179 июня в 30 день. А в Вологду переписал грамоты Еска Грамонец.

(л. 9 об.) Великого государя грамоту Тотемской пристав Мишка Попов взял, по его веленью Куземка // *(л. 10 об.)* Кузнецов руку приложил.

1671 г. – Переписка тотемкого воеводы Андрея Яковлевича Непейцына с архиепископом Вологодским Симоном по делу о строителе Казанской пустыни, в Вологодском уезде, старце Ферапонте, обвинённом вместе с его братьями, крестьянами Антропом и Тарасом Шумиловыми, в разбое и грабеже[987]

1671 г. августа 20. – Первая отписка тотемского воеводы Андрея Яковлевича Непейцына Вологодскому архиепископу Симону

(л. 1) Господину преосвященному Симону архиепископу Вологоцкому и Белозерскому великого государя, царя и великого князя Алексея Михайловича всея Великия и Малыя и Белыя России самодержца холоп Андрюшка Непейцын челом бьет.

В нынешнем во 179 году в мае месяце приведены ко мне на Тотму в съезжую избу в розбойном деле Вологоцкого уезду Рубежские волости столника Борисов крестьянин Васильива сына Бутурлина Онтропко Шумилов, да Тотемского уезду Тафтенского улусца пустыни Пресвятыя Богородицы Казанские строитель старец Ферапонт, а ему Онтропку

[987] Архив СПбИИ РАН. Кол. 117. Оп. 1. № 972. Л. 1–5 об.

Шумилову брат родной, что в нынешнем во 179 году мая на 19 число в Тотемском уезде в Царевской волости розбили крестьянина Васку Тарасова и сына его Ондрюшку убили до смерти, и живот их пограбили. И на Тотме в съезжей избе передо мною тот Борисков крестьянин Бутурлина Онтропко Шумилов в том розбое на очных ставках и у пытки говорил на братей своих родных – на того старца Ферапонта, да на Тараска Шумиловых; и тот Тараско не сыскан. А у него старца в пустыни сыскано розбойничьи рухляди и ко мне на Тотму принесено: рубашенко да платок в крови, да ряженая волосяная борода, да разных трав и коренья в семи узлах. И тот старец Ферапонт против речей брата своего Онтропка в роспрое в том Васкине розбое Тарасова и в убийстве сына его Ондрюшки и в кровавой рубашке и в ряженой бороде, которая у него сыскана, во всем запирался, а про травы и про коренья сказал: те, де, травы и коренья его старцовы, держал их для разных скорбей. А накрепко он старец и с пристрастием у пытки не роспрашиван и не пытан. И о том о всем писал я великому государю, царю и великому князю Алексею Михайловичу всея Великия и Малыя и Белыя России самодержцу о указе.

Июля в 17 день против моей отписки прислана ко мне на Тотму его, великого государя, грамота – велено: розбойником и оговорным людям указ чинить по его великого государя указу и по Соборному Уложенью, а о старце Ферапонте велено мне к тебе господину на Вологду отписать за такое воровство по Правилом святых апостол и святых отец чернцом, что велено чинить.

И тебе б господине, преосвященный Симон архиепископ Вологоцкий и Белозерский, по указу великого государя, царя и великого князя Алексея Михайловича всея Великия и Малыя и Берыя России самодержца и по грамоте отписать ко мне на Тотму за таковое воровство старцу Ферапонту по Правилом святых апостол и святых отец, что доведетца учинить.

(л. 1 об.) Господину преосвященному Симону архиепископу Вологоцкому и Белозерскому.

На обороте листа видны следы печати чёрного воска.

Другим почерком:

179 году августа в 25 день подал сею отписку тотемской съезжей избы пристав Якушко Кашников.

1671 г. августа 20. – Подорожная память тотемского воеводы Андрея Яковлевича Непейцына на проезд к Вологодскому архиепископу Симону тотемского пристава Якушки Кашникова

(л. 2) Лета 7179 августа в 20 день по государеву, цареву и великого князя Алексея Михайловича всея Великия и Малыя и Белыя России самодержца указу от Тотмы по дороге до Шуйского яму и до Вологды по ямом ямщиком, а где ямов нет, всем людем без отмены чем хто ни будь, чтоб ести давали тотемскому съезжие избы приставу Якушку Кашникову

лодку, да кормщика, да дву человек гребцов везде, не издержав ничуть по указу великого государя без прогонов. Послан он пристав Якушко с Тотмы до Вологды к преосвященному Симону архиепископу Вологоцкому и Белозерскому для государева дела с отписками наскоро.

К сей подорожной воевода Андрей Яковлевич Непейцын печать свою приложил.

Внизу приложена печать чёрного воска.

1671 г. середина сентября. – Вторая отписка тотемского воеводы Андрея Яковлевича Непейцына Вологодскому архиепископу Симону

(л. 3) Великому господину преосвященному Симону архиепископу Вологоцкому и Белозерскому, великого государя, царя и великого князя Алексея Михайловича всея Великия и Малыя и Белыя России самодержца холоп Андрей Непейцын челом бьет.

В прошлом во 179 году августа в 20 день по указу великого государя, царя и великого князя Алексея Михайловича всея Великия и Малыя и Белыя России самодержца и по грамоте из Приказу Устюжские чети за приписью дьяка Аврама Кощеева, писал я к тебе великому господину преосвященному Симону архиепископу Вологоцкому и Белозерскому на Вологду с тотемским приставом с Якушком Кашниковым Тафтенские пустыни о приводном старце Ферапонте. И тот пристав Якушко на Тотме в съезжей избе в допросе передо мною сказал, что тою мою отписку ты преосвященный Симон архиепископ Вологоцкий и Белозерский изволил у него принять; а подорожную, которая по указу великого государя дана ему приставу с Тотмы до Вологды для подвод, ты же великий святитель у него пристава взял, а против указу великого государя и моей отписки никакова указу с ним не учинил. И тому приставу по указу великого государя на Тотме учинено наказанье за ево воровство, что не дождался твоего святительского указу с Вологды на Тотму пришед.

А ныне по указу великого государя для того ж дела послал я с сею отпискою к тебе великому святителю другово пристава Стенку Андреева нарочно. И тебе великому господину преосвященному Симону архиепископу Вологоцкому и Белозерскому по указу великого государя, царя и великого князя Алексея Михайловича всея Великия и Малыя и Белыя России самодержца, и по грамоте за приписью дьяка Аврама Кощеева, и по моей прежней и нынешней отпискам велеть по своему святительскому уставному рассмотреть, ко мне на Тотму отписать против Правил святых апостол и святых отец чернцом за такие дела, что чинить повелевает, что б в том великого государя делу задержания не было.

(л. 3 об.) Великому господину преосвященному Симону архиепископу Вологоцкому и Белозерскому.

На обороте листа приложена печать чёрного воска.

Другим почерком:

180 году сентября в 23 день подал отписку тотемской пристав Стенка Андреев.

1671 г. конец сентября. – Отписка Вологодского архиепископа Симона тотемскому воеводе Андрею Яковлевичу Непейцыну

(л. 4) Смиренный Симон архиепископ Вологоцкий, Андрею Яковлевичу во Христе Бозе радоватися.

В нынешнем во 180 году сентября в 23 день писал ты к нам тотемской съезжей избы с приставом с Стенкою Андреевым Тотемского уезду о чернце Ферапонте Тафтенские пустыни, что взят по оговору брата ево родного столника Борисова, крестьянина, Васильева сына Бутурлина, Онтропка Шумилова в розбойном деле, и нам велел к тебе отписать за такое воровство по Правилам святым что велено чинить. И тебе, господине, указ тому чернцу Ферапонту учинить по указу великого государя и по градским законам чево доведется, потому что причетников в воровских винах ятых воров царю и боляром судить повелено. А буде до нево дело не дойдет и ево освободить не задержав, да не будет чин монашества во уничижении.

А что о том же деле писал ты к нам тотемской съезжей избы с приставом Якушком Кашниковым, а против *// (л. 5)* твоей отписки от нас к тебе было неписано для того, что отписка запечатана печатью, а у тово пристава Якушки подорожная запечатана другою печатью, а имя в отписке и в подорожной написано твое. И то нам все явилося сумнительно, потому что у нас на Вологде воеводы приказные всякие дела печатают одною печатью, а иными печатми печатают отводные грамотки.

Зенкова Ольга Борисовна,
Копытков Василий Викентьевич,
культурно-исторический центр «Светоч»,
г. Великий Устюг – г. Москва

ТОТЕМСКАЯ ГОЛУБИНСКАЯ БОГОРОДИЦКАЯ ПУСТЫНЬ

Страницы истории православной обители

Тотемская Голу́бинская Богородице-Рождественская мужская пустынь, в настоящее время не существующая, находилась в 93 верстах к западу от Тотьмы, *«при реке Сухоне по край берега»,* в урочище речки Голу́бица[988].

[988] На этом месте сейчас находится полузаброшенная деревня Голуби, которая входит в состав Туровецкого сельского поселения Междуреченского района Вологодской области. От райцентра – села Шуйского – до Голубей 47 км. – *Прим. авт.*

Это лишь одна из целого ряда православных обителей, стоявших на территории нынешней Вологодской области, чья история до наших дней дошла лишь в кратких описаниях, а то и просто в упоминаниях. Отсутствие научного интереса к подобным монастырям вполне объяснимо: там не случалось каких-то значимых событий, способных повлиять на окружающий мир. Такой подход, увы, создал странную ситуацию: большая часть просвещённых людей, как минимум, наслышана о том, что и как происходило в крупных центрах, но при этом не знает истории собственного края. Из этого незнания вытекает другая крайность – истина заменяется всякого рода легендами и домыслами, причём зачастую просто фантастическими.

В данной работе мы попытались проанализировать опубликованные, а также вновь открытые источники по Голубинской пустыни и изложить на их основе историю её недолгого существования.

Основной вопрос – когда, кем и по какому случаю была основана эта обитель, в исторической и краеведческой литературе до настоящего времени в полной мере никогда не рассматривался. Согласно «Истории российской иерархии» архимандрита Амвросия (Орнатского) отсчёт её существования начинается не позднее 1653 г.[989]. Основные сведения о Голубинской пустыни, изложенные в трудах преосвященного Амвросия, с некоторыми дополнениями повторяются в исторических изданиях ряда авторов XIX столетия: А. М. Ратшина, П. М. Строева, В. В. Зверинского и других[990]. Современные исследователи истории Русского Севера склонны считать, что монастырь появился несколько ранее обозначенной даты, а точнее до 1652 г.[991].

В ходе архивных изысканий нам также не удалось обнаружить достоверный источник, указывающий на точное время возникновения этой обители. Отметим, что в «Писцовой книге города Тотьмы с посадом и уездом письма и меры московского дворянина Фоки Ратманова Дурова и подьячего Евстафия Колюпанова 1622–1625 гг.» каких-либо сведений о Голубинской пустыни ещё нет[992]. Данное обстоятельство приближает время её основания ближе к середине XVII столетия.

На сегодняшний день главное подтверждение тому, что в 1653 г. Голубинская пустынь уже существовала – это челобитная строителя

[989] Архимандрит Амвросий (Орнатский). История российской иерархии.– Т. 3.– М., 1811. С. 737; Т. 6. – М., 1815. С. 236–239.

[990] Ратшин А. М. Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквах в России.– М., 1852. С. 77; Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви.– СПб., 1877. С. 775; Зверинский В. В. Монастыри в Российской империи.– СПб., 1887. С. 118.

[991] Пшеницын Д. А. Страницы истории Стрелицкой волости (XVII–XX вв.): Бияковское сельское поселение, Сокольский район Вологодской области.– Вологда, 2018. С. 69–70; Македонская Н. М. Голубинская Богородице-Рождественская мужская пустынь. // Православные приходы и монастыри Севера. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://parishes.mrezha.ru/library.php?id=270.

[992] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 486. Л. 624–723.

Голубинская Казанская пустынь и её окрестности. Чертёж-реконструкция А. В. Кузнецова, 2018 г.

Сильвестра *«с братией»* о пожаловании им на оброк земель – *«Шеюкова наволока и Реченской лопатки»,* которыми тогда *«безоброчно»* владели крестьяне деревни Кожухово[993].

Легендарным обоснованием строительства монастыря послужила явленная Казанская икона Божией Матери, в связи с чем и сама пустынь поначалу именовалась *«Казанской»*. Какого-либо исторического предания об этом происшествии не обнаружено: где явилась икона, при каких обстоятельствах и какие последовали за этим события – нам не известно. Заметим, что в относительной близости от Голубинской пустыни стояли ещё две одноимённых обители: Казанская, основанная легендарным старцем Капитоном[994] в первой трети XVII в., она же Капитонова Княгинина Спасская; и возникшая примерно в начале или середине 1660-х гг. Тафтенская Казанская пустынь[995].

[993] РГАДА. Ф. 125. Оп. 1. 1653 г. Д. 4. Л. 1–7.

[994] *Капитон Даниловский* – аскет, основатель секты капитонов или лесных старцев, расколоучитель, предтеча старообрядцев-беспоповцев. Его имя внесено в старообрядческий синодик «Виноград Российский».– *Прим. авт.*

[995] Копытков В. В., Кузнецов А. В. Тафтенская Казанская пустынь Тотемского уезда в свете «разбойного дела» её строителя старца Ферапонта, 1671 г. // Материалы III Всероссийской научной конференции с международным участием «Русский Север–2019: Проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия» памяти Александра Васильевича Камкина.– 27 февраля – 3 марта 2019 г. С.

В 1643 г. в Пензенском крае в одной версте от города Нижний Ломов у источника была найдена икона Божией Матери Казанской, которую начали почитать чудотворной после нескольких исцелений. Согласно «Сказанию...», царь Михаил Фёдорович, узнав о *«многих и великих чудесах»*, происходивших от святыни, повелел на месте её обретения построить церковь и к ней *«вдати книги, и ризы, и воск на свещи, и церковное вино, и монастырь мужеский устроить»*[996]. Построенную на этом месте часовню в 1648 г., в царствование Алексея Михайловича (а возможно, при его участии), сменил полноценный храм. Чудесные события коснулись и самой царской семьи: во время Всенощной, 22 октября (4 ноября по н. ст.) 1648 г., в празднество Казанского образа Божией Матери, установленного в Москве в 1613 г. в память освобождения столицы от поляков и литовцев, родился царевич Димитрий Алексеевич. Такой Божий знак не остался без внимания: именно на этот день, в конце сентября 1649 г., согласно царской *«окружной»* грамоте, было установлено ежегодное празднование в честь Казанской иконы по всей православной России[997].

Есть ли какая-либо связь между всеми этими событиями или здесь имеет место простое совпадение, скорее всего, установить никогда не удастся. Но, так или иначе, первые известия о Голубинской пустыни появляются после них. Возможно, как такового явления Казанского образа Божией Матери близ речки Голу́бицы, где возникла пустынь, и не было, а поводом к её основанию послужила либо московская, либо нижнеломовская икона.

Вызывает вопрос и второе, «географическое» название пустыни. По логике она должна именоваться *«Голуби**ц**кой»*, а не *«Голуби**н**ской»*. В пользу этого свидетельствует и самый ранний документальный источник – «Челобитная старца Селиверста 1653 г.», о которой уже упоминалось

[996] Романова А. А. К истории списков иконы Казанской Богоматери VII в.: Сказание об иконе Богоматери Казанской Нижнеломовской. // Исследования по истории средневековой Руси.– М.; СПб., 2006.– С. 468–480.

[997] *«От царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии, на Вологду, богомолцу нашему Маркеллу, архиепископу Вологодскому и Великопермскому. В прошлом во 121 году октября в 22 день, милостию Божиею и молитвами и заступлением Пречистыя Владычицы нашей Богородицы, явления чудотворныя иконы Казанския, на память святого Аверкия епископа Ерополского чудотворца, Московское государьство от Литовских людей очистилось, и сего ради Божия милосердия установили праздновать пречистой Богородице, явлению чудотворныя иконы Казанския, в царьствующем граде Москве, при отце нашем, блаженныя памяти при великом государе царе и великом князе Михаиле Федоровиче всеа Русии. А в прошлом во 157 году октября в 22 день, на праздник Пречистыя Богородицы, явления чудотворныя иконы Казанския, во время всенощного пения, Бог одаровал, родися нам сын, государь царевич князь Дмитрей Алексеевичь: и мы указали ныне в тот день, Октября в 22 день, праздновать Пречистой Богородице, явлению чудотворныя иконы Казанския, во всех городах, по вся годы».*– См.: Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией.– Т. 4.– СПб, 1836.– С. 61.

ранее. В ней мы впервые встречаем правильное написание названия обители – *«Голуби**ц**ына»: «Царю, государю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Русии бьет челом богомолец твой Тотемского уезду Голубицыны пустыни Пречистыя Богородицы Казанские новоявленные строитель старец Селиверст...»*[998]. Очевидно, трансформация в именовании монастыря произошла довольно быстро, так как практически во всех последующих исторических документах она уже писалась как *«Голубинская»*[999].

В «Переписной книге города Тотьмы с посадом и уездом 1676–1678 гг.» сообщается: *«Пустыня Голубинская на реке на Сухоне, а в ней церковь деревяная клетцки во имя Пречистыя Богородицы Казанские. Да в той же пустыне две кельи, а в них живут черной поп Иона да пять братов иноков. Да дворец скотей, а живут в нем работные люди наемные Еремка Петров да Микифорко Григорьев. И всего две кельи да дворец, а в них черной поп, да пять братов иноков, да два работника»*[1000].

В «Писцовых книгах Тотьмы и уезда письма и меры Богдана Григорьевича Засецкого и подьячего Емельяна Телицына 1675–1679 гг.» содержатся сведения и об угодьях, принадлежавших этому монастырю*: «В Тотемском уезде в Ихалицкой волости пустыня Голубинская на реке на Сухоне. Пашни паханые худые земли до Ретченского наволока четыре четверти в поле, а в дву по тому ж. Сена в полях и на реке Сухоне и на устье речки Ретчи сорок копен. Лесу пашенного десять десятин, а непашенного лесу и болота от реки Ретчи до реки Голубицы три версты, поперег верста»*[1001]. В целом по государеву указу братии было предоставлено *«на прокормление» «земли от Ретчи реки вниз по Сухоне реке до речки Голубицы на пять верст со всеми угодьи, а от Сухоны реки в гору до Осинового мысу на пять верст»*[1002].

В конце 1677 г. по грамоте из Посольского приказа строитель Голубинской пустыни старец Илья *«з братиею»* взяли в Ихалицкой волости на оброчное содержание сроком на два года (с 1678 по 1680 гг.) *«впредь до перекупщика»* запустевшую деревню Брюхово, а Малая тож: *«А оброку им платить по рублю по дватцати по два алтына по четыре денги на год и с пошлинами, лес вопче з деревнями»*[1003]. В 1681 г. *«перекупщиком»* деревенских угодий стала сама пустынь – смысл проведения новых

[998] РГАДА. Ф. 125. Оп. 1. 1653 г. Д. 4. Л. 1.

[999] Из установленных архивных источников исключение составляет лишь «Опись Голубинской пустыни 1702 г.», в которой наравне употребляются оба «географических» названия обители. Примечательно, что *«Голубицкой»* пустынь называет описывавший монастырь царский стольник Андрей Михайлович Вешняков, то есть лицо стороннее; а игумен Иоасаф, скрепивший документ своей подписью, обозначает родную обитель *«Голубинской».– Прим. авт.*– См.: РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 44. Л. 514, 515, 516, 521.

[1000] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 15050. Л. 624 об.–625.

[1001] РГАДА. Ф. 154. Оп. 1. Д. 85. Л. 3.

[1002] Там же.– Л. 2 об.

[1003] РГАДА. Ф. 154. Оп. 1. Д. 85. Л. 5–5 об.; РГАДА. Ф. 281. Оп. 18. Д. 12378. Л. 1–2.

торгов заключался в *«наддаче»*, то есть земля отходила к тому, кто даст больше оброка. А уже в 1685 г. пустынники били челом о государевой милости: *«того, де, им оброку платить нечим, скудны и бедны, и хлеб, де, пашут своими трудами, и чтобы великим государем пожаловати их для их скудости: дать им тое пустошь Брюхово для прокормления безоброчно вовсе»*. И им пошли навстречу – пустошь перешла в собственность монастыря[1004].

В 1682 г. старцы получили у вологодского архиепископа Симона на оброк – по 20 алтын на год – *«Княгинино озеро Капитонову пустыню с пашенною землею и сенными покосы, и с рыбною ловлею на десять лет»*[1005]. Через несколько лет из-за этой оброчной статьи у монахов возникли трения с соседями – волостными крестьянами. Строитель Тимон жаловался устюжскому архиепископу Александру: *«В том, государь, нашем оброчном озере Ихалицкого улусца и деревни Кожуховские крестьяне Якимко Ларионов с товарищи въезжают и рыбу ловят своим насилством. И от того их насилственного владенья пустыня наша оскудела»*[1006].

В 1684 г. интересы голубинской братии впервые пересеклись с интересами одного из богатейших представителей московского купечества – гостя Ивана Даниловича Панкратьева. Крестьянин Ихалицкой волости деревни Кожуховской Фёдор Ермолин продал гостю участок земли *«от Ретчи реки до Верхняго ручья»*. В челобитной, поданной в январе 1685 г., монахи жаловались государям Иоанну и Петру Алексеевичам, что *«на оной, де, земле лес росчищали они, строитель з братиею»*, и просили их велеть владеть им землёй по-прежнему, *«по писцовым книгам Богдана Засецкого»*. В затребованной *«в Устюжской чети»* для выяснения всех обстоятельств дела *«скаске»* гость Иван Панкратьев не предъявил прав на монастырские угодья, на основании чего старцам выдали грамоту о владении *«тою землею и со всякими угодьи к тому монастырю надлежащими по старым межам и по писцовым книгам»*[1007]. Однако в 1688 г. Иван Данилович Панкратьев подал челобитье на отвод *«Голубинские пустыни на усть-Ретчи речки сенной покос и новинные посечи по купчим, что продали ему гостю деревни Кожуховы Федор Ермолин с товарищи пустошь Реченское Зглавье»*[1008]. «Окружную грамоту 1685 г.» гость оспорил, а других, подтверждающих владение, у монахов, по-видимому, не имелось. Братии оставалось лишь жаловаться на несправедливость устюжскому архиепископу Александру: *«...и нам нищим с таковым богатым гостем тягатцо невозможно, твоя, государь, архиерейская воля»*[1009].

Маловероятно, что гость Иван Панкратьев польстился на заливные луга. Как солепромышленника, его, наверняка, в первую очередь привлекали возможности тотемской земли в плане добычи соли и близость рынка сбыта ценного продукта. К примеру, ещё его отец, Данила Григорьевич, пробовал добывать соль в тотемских Посухонских слободках, но качество рассола оказалось низким и он, как и предыдущие владельцы, забросил промысел[1010]. Устюжанин Василий Иванович Грудцын – шурин Ивана Даниловича Панкратьева – в 1660-х гг. начал добывать соль на Леденге. В 1670-х гг. у него уже имелось там 4 трубы с рассолом, 9 действующих варниц и кроме того – земельные угодья и лес в окрестностях. Исследователь деятельности гостей Л. А. Тимошина склонна считать, что приобретения эти осуществились не только с подсказки И. Д. Панкратьева, но и, что очень вероятно, с его финансовой помощью[1011].

Не исключено также, что место в устье речки Ретчи могло понадобиться гостю для строительства барок и дощаников под его грузы, для чего имелись все ресурсы – как строительные материалы, так и рабочие руки.

Отказался ли боголюбивый Иван Данилович от притязаний на сенокосы и новины бедной обители, неизвестно. По «Писцовой книге города Тотьмы с посадом и уездом письма и меры Никифора Кондратьевича Озерова и подьячего Ивана Гордеева 1686–1688 гг.» за монастырём числились те же угодья, что указаны в книгах 1675–1679 гг.: *«Пашни паханые монастырские худые земли до Ретченского наволоку четыре четверти в поле, а в дву по тому ж. Сена в полях и по реке по Сухоне на усть речки Ретчи сорок копен. Лесу пашенного десять десятин, а непашенного лесу и от болота от речки Ретчи до речки Голубицы три версты, поперег верста»*[1012]. Хотя, вполне возможно, перепись была проведена раньше, чем

[1004] РГАДА. Ф. 154. Оп. 1. Д. 85. Л. 5–5 об.

[1005] РГАДА. Ф. 1206. Оп. 1. Д. 459. Л. 1.

[1006] Голубинские монахи и кожуховские крестьяне пользовались *«езовищем»* и покосами гораздо раньше, по 10 алтын в год (те и другие). В 1654 г. братия Капитоновской пустыни, жалуясь на нищету, просили у государя отдать им угодья от Княгинина озерка по речке Ихалице и её притокам *«безоброчно», «для пропитания и для пустынного строения»*. В честь рождения царевича Алексея Алексеевича царь пожаловал капитоновцев просимой землёй, сенокосами и рыбными ловлями. В связи с чем вологодский архиерей отдал царское пожалование в пользование голубинских старцев – неизвестно. Видимо Капитоновская пустынь в это время совсем обезлюдела.– *Прим. авт.*– См.: РГАДА. Ф. 1206. Оп. 1. Д. 459. Л. 1; РГАДА. Ф. 281. Оп. 18. Д. 12349. Л. 1–4.

[1007] РГАДА. Ф. 154. Оп. 1. Д. 85. Л. 3–3 об.

[1008] Согласно «Переписной книге города Тотьмы с посадом и уездом 1676–1678 гг.» деревня *«Новой Починок Ретченское Зглавье на речке на Сухоне»* была взята *«на льготу»* сроком на 20 лет, с 1662 по 1682 гг., ихалицкими крестьянами *«Оской Афанасьевым с братом Ивашкой»* и *«Федкой Ермолиным»*. На момент переписи в деревне стояло два двора, в которых жило шесть душ мужского пола.– *Прим. авт.*– См.: РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 15050. Л. 625–625 об.

[1009] РИБ.– Т. XII.– СПб., 1890.– Стлб. 914–916.

[1010] Колесников П. А. Из истории классовой борьбы вологодских крестьян в XVII веке. – Вологда, 1957.– С. 14; Кузнецов А. В. Посухонские слободки. // Сухона: Краеведческий и литературный сборник на паях.– Вып. 6.– Вологда, 2018. С. 104.

[1011] Тимошина Л. А. Гости Панкратьевы и Великий Устюг в XVII в. // Великий Устюг. Краеведческий альманах.– Вып. 2.– Вологда, 2000. С. 148–149.

[1012] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 15048. Л. 286 об.–287.

случился конфликт между голубинскими монахами и гостем Иваном Панкратьевым.

Как свидетельствует указанная «Писцовая книга», в Голубинской пустыни в это время проживали: строитель иеромонах Иоасаф и *«пять братов иноков»*, обитавших в двух кельях; а также вкладчик Сёмка Черцов и работник Коземка Художилов, и ещё двое *«наемных работных людей»* – Ларка и Якушка Пошехонцевы, жившие при скотном дворе за монастырём. За пустыней в Стрелицкой волости состояла бывшая деревня Брюхово[1013], где братия поставила ещё один скотный двор, на котором работали «*наемные люди»,* нанимавшиеся *«погодно».* Из земельных угодий в Брюхове имелось: *«Пашни паханые худые земли десять четвертей, да перелогом и лесом поросло десять же четвертей в поле, а в дву по тому ж. Сена в полях десять копен, отхоже ж сена на реке Сухоне на дикой стороне ниже деревни Кожуховицы тритцать копен»*[1014].

Земельные владения и *«всякий завод»* Голубинской пустыни в 1687 г. увеличились благодаря приписке к ней соседней Ретченской пустыни[1015],

[1013] Отметим, что в 1688 г. из-за указанной *«пустоши»* произошла ссора между монастырской братией и местными крестьянами, которые *«насилно»* секли лес и травили покосы на наволоке, входившем в границы Брюхова. Дело закончилось тем, что по государевой грамоте смежным владельцам *«вступаться»* в монастырские владения запретили.– *Прим. авт.*– См.: РГАДА. Ф. 281. Оп. 18. Д. 12380. Л. 1–2.

[1014] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 15048. Л. 287–287 об.

[1015] Точное время основания Ретченской Введенской пустыни не установлено. В «Писцовой книге города Тотьмы с посадом и уездом письма и меры московского дворянина Фоки Ратманова Дурова и подьячего Евстафия Колюпанова 1622–1625 гг.» она не упоминается. В материалах архивного дела 1685 г. «О выдаче новой ставленной грамоты чёрному попу Даниле», служившему в этой обители, Ретченская пустынь названа *«новой»,* что свидетельствует об её относительно недавнем возникновении – около середины XVII столетия. Кроме того, в этом же источнике сообщается, что Данила был поставлен служить в Ретченскую обитель в феврале 1661 г. митрополитом Ростовским и Ярославским Ионой. В 1682 г. казённая келья, в коей хранилась его *«благословенная грамота»*, вместе со всем монастырским архивом *«погорела»*. В связи с чем Данила и обратился к архиепископу Александру с челобитьем о выдаче новой *«ставленной грамоты»,* которую Устюжский владыка благословил ему в сентябре 1685 г. В материалах другого дела сообщается, что в октябре 1668 г. тот же чёрный поп Данила бил челом царю Алексею Михайловичу в Приказ Устюжской чети об отдаче монахам на оброк *«из наддачи»* пустоши Осташенской, располагавшейся в Тиксненской волости Тотемского уезда: *«Нет, государь, у нас той <Ретченской> пустыни отходной пашни и сенных покосов. А в той пустыни пашни роспахать негде, и кормиться нам богомолцам твоим нечем, и сенных покосов росчищать негде же, и скота кормить нечем, по тое, что та пустыня <стоит> меж борами и сограми».* Поскольку просимые ретченской братией угодья оказались на оброке (20 алтын на год) за Спасо-Суморинским монастырём, старцев обеих обителей по царскому указу от 20 октября 1669 г. поставили в съезжей избе перед тотемским воеводой Максимом Григорьевичем Ртищевым *«с очей на очи»* и дали им торг *«кто болши наддачи даст, тому ту пустошь на оброк и отдать»*. О том кому в итоге досталась Осташенская пустошь в материалах дела не сообщается.– *Прим. авт.*– См.: РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 486. Л. 624–723; РГАДА. Ф. 1206. Оп. 1. Д. 391. Л. 1–3; РГАДА. Ф. 141. Оп. 4. 1669 г. Д. 342. Л. 24–32.

располагавшейся в семи верстах от неё: *«Да к той же Голубинской пустыне в Стрелицкой волости пустошь, что была пустыня Ретченская на речке Ретче. А в ней двор скотей, а нем живет поселной старец да скотник Спирка Кипреянов. А ис тое пустыни всякая церковная утварь и колокола и братья по указу преосвященного Александра архиепископа Великоустюжского и Тотемского переведены в тою Голубинскую пустыню во 195 (1687) году*[1016]*. Пашни паханые худые земли по обе стороны реки Ретчи двадцать четвертей, да перелогом поросло и с припашью Полянкою три четверти, да лесом поросло и с починком Брянцовым пять четвертей в поле, а в дву по тому ж. Сена сорок копен. Лесу пашенного и непашенного тридцать десятин»*[1017].

Причина слияния монастырей под «верховенством» голубинских старцев кроется, на наш взгляд, только в одном: в конфликте, разыгравшемся в стенах Ретченской обители. В начале 1686 г. Александру, архиепископу Великоустюжскому и Тотемскому, бил челом чёрный поп Данила, изгнанный своими собратьями из монастыря. Суть дела изложена в жалобе: *«Жалоба, государь, мне тое ж Ретченские пустыни на строителя на старца Матфея с братиею и с вкладчики, живут в той пустыни и страху Божия не боятся, и по новоправленным книгам служб невосприемлют, и меня били и из пустыни вон выслали, а призывают иного черного попа к себе Софонтья. А тот черной поп Софонтей служит по старине, а по новоправленным служебникам не служит. А тот строитель старец Матфей живет в той пустыне без росписки – прежнему строителю старцу Павлу росписки ни в каком церковном строенье и в хлебе и в скоте не дал, и ево ис пустыни вон выслал без твоего святителского ведома. И он строитель старец Матфей тое пустыни хлеб и скот изводит и денгами корыстуетца»*[1018].

Основное преступление помянутых Матфея, Софонтия и братии состояло, конечно, в исповедании ими старой веры. В период жесточайшей борьбы с расколом за это по закону могли не только *«посадить в железа»,* но и сжечь, и подобные казни происходили. Так что своим письмом, по сути, доносом, иеромонах Даниил, желавший просто вернуться на своё место, прекратил самостоятельную деятельность Ретченской пустыни. 29 апреля архиепископ, выслушав *«оное челобитье»,* велел до поры сослать Данилу *«на Устюг в Телегов монастырь»,* а в Ретче произвести розыск. В мае дополнительно вышел указ о присылке в Устюжский разряд

[1016] Похоже, перевезли даже церковь. Из челобитья старцев следует, что в Ретченской пустыни остался только скотный двор. «Писцовая книга» также не сообщает о храме в Ретче. Церковную дань, между тем, указом не объединили, и в 1688 г. братия просила устюжского архиепископа Александра пересмотреть *«оклад»,* так как хлеб весь *«позяб»,* и платить *«против старых окладных книг»* стало нечем.– *Прим. авт.*– См.: РИБ.– Т. XII.– СПб., 1890.– Стлб. 914–916.

[1017] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 15048. Л. 287.

[1018] РГАДА. Ф. 1206. Оп. 1. Д. 565. Л. 1.

духовных дел попа Софонтия вместе с его служебником. Итогового документа, как это обычно бывает, в материалах дела нет, но последствия говорят сами за себя: пустынь расформировали, братию, если верить «Писцовой книге города Тотьмы и уезда 1686–1688 гг.», перевели в Голубинскую пустынь (что сомнительно, так как количество иноков, по сравнению с 1677 г., в ней не увеличилось)[1019].

Последним земельным приобретением голубинских монахов стала деревня Ржаник в Мольской волости Тотемского уезда. В 1688 г. её владелец, крестьянин Владимир Савельев Леонтьев, принял постриг с именем Васьян и дал деревню *«со всеми угодьи» «закладом»*[1020] за себя и 13-летнего сына Алексея с обязательством второй стороны *«платить за него все государевы подати и ево старца Васьяна и сына ево Алексея от податей освободить»*[1021]. В том же году инок Васьян умер. *«Алексей Володимеров сын Левонтьев»,* оставшийся жить в Голубинской пустыни, «*при вкладчике великие государыни царицы и великие княгини Наталии Кириловны уставщике Сергие Иванове сыне Суворове*[1022]*, при строителе иеромонахе Иосафе и при всей братие»* отдал в монастырскую казну ещё и родительское *«благословение»* – мельницу с толчеёй на речке Вотча, рядом с деревней Ржаник – *«отдал все на помин ево отца и матери»*[1023].

Упоминавшиеся выше угодья по речке Ихалице в «Писцовой книге города Тотьмы и уезда 1686–1688 гг.» не значатся, скорее всего, их снова передали Капитоновской пустыни[1024].

По «Генеральному свидетельству 1722 г.» в Голубинской пустыни числилось: 2 иеромонаха, 9 монахов, вкладчиков мужского пола 41 душа. Пашни за пустынью на этот период имелось 19 четвертей, хлеба высевалось: ржи 22 четверти, ярового (пшеницы, ячменя или овса[1025]) –

[1019] РГАДА. Ф. 1206. Оп. 1. Д. 565. Л. 1. об.– 4; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 15048. Л. 287.

[1020] Так в документе.– *Прим. авт.*

[1021] РГАДА. Ф. 281. Оп. 18. Д. 12382. Л. 1–3.

[1022] *Уставщик – «знаток церковного устава и в то же время регент»,* начальник крестовых дьяков. Есть сведения, что С. И. Суворов руководил церковным строительством: в 1704 г. в Переславль-Залесском Фёдоровском монастыре подвергся перестройке собор Фёдора Стратилата XVI в. Царский уставщик С. И. Суворов окружил древний храм каменными папертями с нарядными крыльцами в стиле нарышкинского барокко. При этом в соборе были заложены или наоборот растесаны первоначальные дверные и оконные проемы, что повлекло за собой ремонт интерьера. Можно предположить, что вкладчик такого высокого ранга наверняка способствовал Голубинской пустыни в её различных спорных делах.– *Прим. авт.*– См.: Свирелин А. И. Переславский Фёдоровский женский монастырь.– Владимир, 1903. С. 5.

[1023] РГАДА. Ф. 281. Оп. 18. Д. 12383. Л. 1; РГАДА. Ф. 281. Оп. 18. Д. 12384. Л. 1; РГАДА. Ф. 281. Оп. 18. Д. 12387. Л. 1–3.

[1024] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 15048. Л. 288 об.–289.

[1025] В 1764 г., к примеру, сообщалось, что *«пшеницы, ячмени, гороху, семени конопляного в посеве не всегда бывает за нерождением».– Прим. авт.*– См.: РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 503. Л. 8 об.

69 четвертей 3 четверика (*«в приполоне»* – за вычетом семян – на тот год значилось ржи 76 четвертей 3 четверика, ярового – 184 четверти 17 четвериков), сена ставилось 200 копен. За приписной Ретченской пустынью состояло 24 четверти пашни, на которую высевалось 8 четвертей ржи и 18 четвертей ярового («приплод» соответственно составил 25 и 55 четвертей); сена ставилось 50 копен. Крестьянских дворов ни в той, ни в другой пустыни не записано, следовательно, обрабатывали землю служители-вкладчики.

Неокладных доходов в приходе значилось 88 рублей 89 копеек (с остатком от предыдущего года – 92 рубля 65 копеек); на церковные и монастырские потребы община потратила 80 рублей 45 копеек деньгами и хлебом 16 четвертей 4 четверика. В отличие от большинства подобных монастырьков монашествующие здесь получали и хлебное, и денежное жалованье: денег 12 рублей 20 копеек, хлеба 55 четвертей на всех. Служителям в том году выдано хлеба 97 четвертей 7 четвериков[1026].

Проведение государством церковной реформы, значительно ограничившей монастыри в правах, очень сильно отразилось на их состоянии, и до этого немногочисленные общины начинают вымирать в прямом смысле слова в силу престарелого возраста монахов. В 1752 г. согласно реестру «Тотемского уезда обретающимся в мужских монастырях и пустынях настоятелям» в Голубинской пустыне подвизался единственный черноризец – строитель иеромонах Антоний, переведённый 17 января 1740 г. из *«братства»* Устюжского Михайло-Архангельского монастыря[1027].

В 1751 г., в рамках подготовительных работ по секуляризации церковных и монастырских имений, проводившихся Правительством Елизаветы Петровны, Голубинская пустынь получает «Жалованную грамоту» с подтверждением прав на пустошь Брюхово и иные земельные угодья в Тотемском уезде, о чём ещё пятью годами ранее братия била челом русской императрице: *«Того ради Мы, Наше Императорское Величество, Всемилостивейше указали: Той Рождественской пустыни строителю Антонию з братиею, и кто впредь по нем другия строители и братия в той пустыни будут, для владения объявленными в вышепомянутых в 7193-м году генваря 2 да 8 чисел грамотах в Тотемском уезде землею и пустошью, дать в подтверждение тех прежних грамот Нашего Императорского Величества грамоту, токмо ежели с той земли и пустоши положены в казну Нашу платить оброчные денги, оные от той пустыни платить по прежнему бездоимочно. И для того сия… грамота за Нашею государственною печатью и за подписанием Нашего Правительствующаго Сената и дана в Санкт-Петербурге 1751 марта двадесять осмаго дня, государьствования Нашего десятого года»*[1028].

[1026] ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 52. Л. 23 об.–25.

[1027] ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 770. Л. 273 об.

[1028] РГАДА. Ф. 154. Оп. 1. Д. 85. Л. 7–7 об.

Жалованная грамота императрицы Елизаветы Петровны настоятелю и братии Голубинской пустыни, 1751 г. РГАДА

В 1764 г., последнем в истории обители, была сделана тщательная опись всего монастырского хозяйства: церквей, утвари, жилых и хозяйственных построек, сельскохозяйственного инвентаря, скота, хлеба и прочего; составлен *«спецыальный»* план территории.

Голубинская пустынь представляла собой комплекс из двух деревянных однопрестольных церквей – *«тёплой»* во имя Рождества Христова и *«холодной»* Рождества Богородицы, деревянной рубленой колокольни с шестью колоколами, настоятельской и хлебной келий, казённого погреба и двух хлебных амбаров. Постройки окружала деревянная, наполовину рубленая, наполовину *«в заплотех»*, ограда длиной 50, шириной 25 сажен, с одними рублеными *«Святыми вратами»,* с выходом к реке Сухоне[1029].

[1029] РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 503. Л. 2–4 об.

За монастырской стеной располагался *«сад»* для выращивания капусты, размером 10 на 7 саженей, и довольно внушительный скотный двор, на котором содержалось 14 лошадей, 32 головы крупного рогатого скота и 17 овец[1030].

«Деревенские владения» пустыни состояли из деревень Брюхово Стрелицкой волости и Ржаник Мольской волости. В обоих селениях также имелись жилые постройки и скотные дворы с немалым для бедной пустыни количеством скота, хлебные амбары, овины, гуменники. Ещё один *«дво́рец»* с жилой при нём избой стоял в приписной Ретченской пустыни[1031].

Помимо этого братии принадлежали две мельницы: в Стрелицкой волости на речке Ретче в 1,5 верстах от монастыря и на расстоянии в 25 вёрст от него на речке Вотче в Мольской волости, на которых мололи не только монастырский, но и крестьянский хлеб, получая ежегодно за это до 25 рублей (что превышало доходы от продажи скота). При незначительных пахотных площадях монастырь обладал обширными сенокосами: *«Всего сена ставится в год при оных пустынях и при вотчинных деревнях по 784 копны, болше и менше»*[1032].

Крестьянскими *«половничьими»* дворами монастырь так и не обзавёлся. Как сказано в рапорте строителя иеромонаха Павла: *«работа при оной пустыне отправляема бывает означенной Голубинской пустыни служителями и наемными людьми повсягодно»*[1033].

По данным ревизии 1744 г.[1034] за пустынью числилось работников 17 душ мужского пола и 8 служителей из крестьян разных волостей Тотемского уезда. Последние несли разные послушания, жалованья не получали, подушные деньги платили *«собою»,* довольствовались *«пищей от братцкой трапезы и одеянием монастырским».* Как и в начале 1750-х гг., в монашестве состоял только строитель – Павел, два церковных причетника, скорее всего, являлись *«бельцами».* Кроме перечисленных категорий насельников пустыни, можно упомянуть также двух отставных военных, определённых сюда *«по разнарядке»* для пожизненного пропитания. В рапорте настоятеля названы прапорщик «*Емельян Данилов на денежном жалованье Тотемского Суморина монастыря и с протчими Тотемского заказа пустынями, которому вскладство выдается в год денег по четыре рубли по тритцати по три копейки с половиной»*, и рядовой солдат Фёдор Алексеев сын Котов, которому

[1030] Там же.– Л. 4 об, 7 об.– 8.

[1031] Общее количество скота, принадлежащего Голубинской пустыни, составило: лошадей – 31 голова, крупного рогатого скота – 72 головы, овец – 57 голов, свиней – 9 голов.– *Прим. авт.*– См.: РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 503. Л. 6–7 об.

[1032] РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 503. Л. 7 об.–8 об.

[1033] Там же.– Л. 6 об.

[1034] В «Описи монастыря за 1764 г.» почему-то не приводятся данные ревизии 1762 г.– *Прим. авт.*

выдавалась только пища. Оба *«за старостью лет»* никаких работ не выполняли[1035].

Вследствие реформы 1764 г. Голубинская пустынь была упразднена, хозяйство (по аналогии с другими) отписано в казну и распродано. Бывшие вкладчики либо осели в окрестных деревнях на принадлежавших монастырю землях, либо разъехались[1036].

Тотемские корни Питирима Сорокина

В контексте рассматриваемой темы сделаем небольшое, но очень важное отступление, тесно связанное с историей Голубинской пустыни и, в частности, с некоторыми из её вкладчиков.

Голубинская пустынь оставила свой след в истории рода, наиболее ярким представителем которого стал Питирим Александрович Сорокин – русский революционер и учёный мирового масштаба[1037].

Сорокины, предположительно, – выходцы из верхней части Южской трети Устюжского уезда, с 1780 г. вошедшей в состав обособившегося Никольского уезда. Именно там мы находим максимальное количество носителей этой фамилии, тогда как в самых ранних «Исповедных книгах церквей Тотемского уезда» за 1774 г., находящихся в собрании Великоустюгского центрального архива, ни по Рождественско-Голубинскому приходу, ни по деревням уезда, ни по Тотемскому посаду людей с такой фамилией не обнаружено, за исключением диакона Богоявленского собора, двух вдов 31 и 76 лет в Тотьме и семейства 33-летнего Сергея сына Данилова с сестрой Устиньей, женой Марфой Антоновой и сыном Иваном в деревне Кожуховице Ихалицкого улусца[1038].

[1035] *«Солдат Новгороцкого гарнизонного полку»* Фёдор Котов значился в Голубинской пустыне ещё в 1752 г.– *Прим. авт.*– См.: РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 503. Л. 5–5 об.; ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 770. Л. 280 об.

[1036] Здесь, за неимением сведений о событиях в Голубинской пустыни, уместно вспомнить, как проводилась секуляризация, к примеру, в Устюжском Троице-Гледенском монастыре. В Летописце Льва Вологдина об этом сказано: *«Паки те... вотчины все отобраны, скот... продаван акционным торгом, а хлеб обран, как приполонный, так и симянной, и запечатан в казенных амбарах».– Прим. авт.* – См.: ПСРЛ.– Т. 37.– Л., 1982.– С. 146–147.

[1037] *Сорокин Питирим Александрович (1889–1968)* – российский и американский социолог. Родился в селе Турья Яренского уезда Вологодской губернии. В 1909 г. сдал экзамены за 8 классов гимназии в Великоустюгской мужской гимназии, в 1914 г. окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. В 1917 г.– член Учредительного собрания от Вологодской губернии по списку партии эсеров. С 1919 г. профессор Петроградского университета, читал лекции в других высших учебных заведениях. В 1922 г. эмигрировал из России, с 1923 г. жил в США, читал лекции в различных колледжах и университетах. В 1931 г. основал социологический факультет в Гарвардском университете и руководил им до 1942 г. В 1931–1959 гг.– профессор Гарвардского университета. В 1965 г.– президент Американской социологической ассоциации. Автор ряда научных работ по социологии.– *Прим. авт.*

[1038] См.: ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 2765. Л. 59–59 об., 245–245 об., 239–242 об.

Согласно изысканиям вологодского историка-архивиста, руководителя отдела генеалогических исследований Культурно-исторического центра «Светоч» Д. А. Пшеницына, проведённым в Российском государственном архиве древних актов, как минимум три поколения Сорокиных имели прямое отношение к деятельности Голубинского монастыря[1039]. По «Генеральному свидетельству 1722 г.», на 30 сентября, в числе вкладчиков этой обители состоял *«прописной Данила Иванов сын Сорокин, 30 лет»*[1040]. В «Ревизский сказках Тотемского уезда 1744 г.» Данила Иванов Сорокин числится с семьёй по деревне Кожухово Ихалицкой волости: *«В прежнюю перепись написанной в Голубинской пустыне Данило Иванов сын Сорокин, 52 лет, у него дети рожденные после переписи: Сергей, 5 лет; Иван, 5 недель»*[1041]. По «Ревизии Тотемского уезда 1762 г.» в деревне Кожухове отмечены: Акилина Иванова – жена Данилы Сорокина, его сын Сергей и дочь Мария. Сам глава семейства умер в 1751 г., годом раньше скончался его младший сын Иван[1042]. Таким образом, можно сделать вывод, что Данила Сорокин по каким-то причинам (вероятно, из-за женитьбы на *«старинной»* крестьянке деревни Кожуховицы) стал обычным черносошным крестьянином. *«Вкладную»* он мог переписать на родного брата и племянника: так, в материалах второй ревизии, поданной 26 октября 1744 г., а затем и третьей – за 1762 г. – по Голубинской пустыни среди вкладчиков значатся: *«Ермола Иванов сын Сорокин, 50 лет. У него сын рожденной после переписи Михайло, 15 лет»*[1043].

О Михаиле Сорокине упоминается во входящих документах Великоустюжской духовной консистории за 1755 г.: *«Месяц октябрь во 2-й день. № 698. Доношение Тотемского уезду Рожественской Голубинской пустыни строителя иеромонаха Павла, коим представляет, что записного за той пустыней Михайлу Сорокина принять желает»*[1044].

«Ревизские сказки Тотемского уезда за 1762 г.» сообщают об изменениях в составе семьи: *«Ермола Иванов сын Сорокин..., умре в 1750 г., у него сын Михайло..., умре в 1756 г., у Михайла сын рожденной после ревизии Дмитрей, 13 лет»*[1045]. Отсутствие в документе имён жён Ермолы и Михаила (тогда как у других вкладчиков жёны записаны) может означать только то, что их к 1762 г. также не было в живых.

[1039] Выражаем искреннюю признательность исследователю Д. А. Пшеницыну за предоставленные сведения по родословной Сорокиных из материалов 1-й (1719), 2-й (1744) и 3-й (1762) Ревизий населения Тотемского уезда.– *Прим. авт.*

[1040] РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3638. Л. 207 об.–208.

[1041] РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3641. Л. 276–276 об.

[1042] РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3644. Л. 647 об.

[1043] РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3641. Л. 681 об.–682; РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3645. Л. 534–534 об.

[1044] ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 948. Л. 68 об.

[1045] РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3645. Л. 534–534 об.

В «Исповедных ведомостях Голубинской Рождественской церкви» за 1777 и 1779 гг.[1046] имени младшего Сорокина нет. Возможно, Дмитрий Михайлов выехал оттуда гораздо раньше. В Великом Устюге в Петропавловской сотне (во второй части города) жила его тётка по отцу, Ирина Ермолаева, бывшая замужем за устюжским посадским человеком Егором Ивановым Манушкиным[1047], которая могла принять сироту. В «Ревизских сказках по городу Великому Устюгу 1782 г.» значится *«Дмитрей Михайлов сын Сорокин, 33 лет»*, записавшийся в устюжское мещанство в 1780 г., а до того числившийся по экономическому ведомству за упразднённой Тотемской Голубинской Богородской пустынью[1048].

Что побудило Ермолая Сорокина в своё время записаться именно за Голубинскую пустынь, что делал Михайло Сорокин в 1755 г. в Устюге – сказать трудно. Дмитрий Михайлов также не сидел на месте. В «Списке купцов и мещан первой части Устюга Великого за 1798 г.» имеется запись: *«Мещанин Дмитрей Михайлов Сорокин, 49 лет, женат на девице Катерине крестьянина Алексея Лопатина дочере 41 года. У них дети Иван – 21, Пётр – 11, Александра – 22, Марья – 18, Федора – 16, Параскева – 5 лет. Дом имеет на грацкой земле, теплых 2 покоя, во 2-м квартале под № 108. Живут в городе и в отлучках, обретаютца в работах»*[1049].

Среди потомков Дмитрия Михайловича Сорокина в XIX – нач. XX вв. были ремесленники, занимавшиеся в Великом Устюге и в Яренском уезде серебряной работой. Серебряником был и отец Питирима Сорокина – Александр Прокопьевич[1050].

[1046] Источники взяты выборочно.– *Прим. авт.*– См.: ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 3728. Л. 240–243; ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 4368. Л. 162–165.

[1047] В материалах 3-й Ревизии по Устюгу значатся: *«Егор <Иванов сын Манушкин>, 48 лет. У него жена Ирина Ермолаева, 31 года, взятая Тотемскаго уезда Голубинской пустыни записнаго Ермолая Сорокина дочь».– Прим. авт.* – См.: Устюг Великий. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий.– М., 1883. С. 266.

[1048] ВУЦА. Ф. 361. Оп. 1. Д. 11. Л. 489 об.

[1049] В «Алфавитном списке» устюжан за 1786 г. указано, что дом Дмитрия Михайлова сына Сорокина построен на *«бывшей экономической земле»,* живёт он в городе, *«находится у здешних купцов во услужении».– Прим. авт.*– См.: ВУЦА. Ф. 361. Оп. 1. Д. 75. Л. 23 об.; ВУЦА. Ф. 134. Оп. 1. Д. 155. Л. 66.

[1050] Родословное древо П. А. Сорокина (по прямой линии), составленное О. Б. Зенковой на основании архивных источников: I – *Ермолай Иванов сын Сорокин*, 1694–1750; Голубинская пустынь, вкладчик. II – *Михайло Ермолаев сын Сорокин*, 1729–1756; Голубинская пустынь, вкладчик. III – *Дмитрий Михайлов сын Сорокин*, 1749–1803; Голубинская пустынь, вкладчик, Великий Устюг, мещанин. IV – *Пётр Дмитриев сын Сорокин,* 1787–до 1851; Великий Устюг, мещанин. V – *Прокопий Петров сын Сорокин*, 1831–после 1880; Великий Устюг, мещанин. VI – *Александр Прокопьев сын Сорокин*, 1856–1900(?); Великий Устюг, мещанин. VII – *Питирим Александрович Сорокин*, 1889–1968; Великий Устюг, мещанин, с 1922 г.– эмигрант, с 1930 г.– гражданин США.

Храмы Голубинской пустыни

Несмотря на то, что подавляющее число малых северных обителей представляло собой организацию, напоминающую либо артель, либо (на современный лад) – «сельскохозяйственное акционерное общество», состоящее из вкладчиков, не стоит забывать, что это были всё же религиозные учреждения, жизнь в которых регламентировалась православными канонами и устоями веры.

Деятельность общин проходила под контролем епархиального архиерея. Он же проводил над ними суд в рамках, оговорённых законодательными актами (например, Соборным уложением 1649 г.). Настоятели не только отчитывались о количестве людей (монахов, монастырских служителей, вкладчиков, половников), размерах монастырского хозяйства, урожаях и прочем, но и делали отчисления на содержание церковного административного аппарата и учебных заведений, выполняли поручения, в том числе *«мирские»* в случаях государственной необходимости и, само собой, связанные с деятельностью епархии.

Так, например, в 1692 г. по распоряжению устюжского архиепископа Александра братии Голубинской пустыни надлежало оплатить провоз изготовленного в Москве домового архиерейского иконостаса до Векшеньги и предоставить подводы до Тотьмы[1051], а в 1694 г. казначею монаху Андрею архиерей велел *«ехать в Вологоцкой уезд в Нодимской улусец и велеть подрядить, чтоб зделать карбас длиною шти сажен трех аршын, поперег в дву сажен с четью»*[1052]. Перемещением монахов из обители в обитель также ведал владыка. В той же «Памяти 1694 г.», к примеру, говорится: *«Да послан к вам Телегова монастыря монах Макарий, и как он приедет и вы б ево в монастырь приняли и велели быть в братстве. А послан того ж монастыря со вкладчиком Ивашком с Панфиловым сыном Шмырдовым. А дано на подводу старцу денег полтина»*[1053].

Монастырский храм, если поблизости не имелось другого, служил для крестьян и для служителей монастыря – *«бельцов»* в качестве приходского. Иеромонахи совершали требы и Таинства. *«Посельские старцы»* следили не только за рабочим порядком, но и за соблюдением работниками нравственных норм.

В Голубинской пустыни, не имевшей ни большого количества земель, ни доходов, с первых её упоминаний и до закрытия находились лишь деревянные храмы.

«Переписная книга города Тотьмы с посадом и уездом 1676–1678 гг.» скупо сообщает о наличии в пустыни «*деревянной клетцки, во имя Пречистыя Богородицы Казанские»* церкви[1054]. «Писцовая книга 1686–1688 гг.»

[1051] РГАДА. Ф. 1206. Оп.1. Д. 1168. Л. 1.

[1052] РГАДА. Ф. 1206. Оп. 2. Д. 3. Л. 1.

[1053] Там же.– Л. 2.

[1054] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 15050. Л. 624 об.

содержит также весьма скромную информацию о культовых сооружениях, но при том говорит о другом типе постройки: *«...церковь во имя Пречистыя Богородицы Казанские, древяная, верх шатровой, колоколня рубленая над вороты, на колоколне одиннатцать колоколов...»*[1055].

В насыщенном для обители событиями 1688 г. произошло ещё одно, особо примечательное, на сей раз касающееся храмоздательства. В начале февраля строитель Иоасаф подал прошение устюжскому архиепископу Александру о разрешении поставить *«теплую»* с трапезой церковь во имя святых апостолов Петра и Павла, поскольку в Голубинской пустыни *«церковь Пресвятыя Богородицы холодная, а теплыя трапезы нет»*. И *«февраля в 26 день преосвященный архиепископ, слушав сего челобитья, пожаловал и благословил на новую церковь лес ронить и церковь строить, и олтарь рубить круглой, а верх бы был нешатровой, отпустить против иных отпусков, а пошлин з грамоты имать не указал»*. В тексте благословенной грамоты условия повторены, и добавлено: «*...а как построена будет и о освящении той церкви бить челом нам преосвященному архиепископу»*[1056].

24 февраля 1697 г. *«теплый»* храм в Голубинской пустыни сгорел[1057], однако уже осенью того же года его возобновили. Об этом, в частности, сообщается в письме тотемского воеводы Фёдора Авраамовича Лопухина устюжскому архиепископу Александру, отправленном 24 сентября 1697 г. В своём послании воевода ходатайствует перед владыкой о переводе в Спасо-Суморин монастырь игумена Голубинской пустыни Ионы, а также извещает о скором окончании строительства нового храма: *«Побрел, государь, к тебе Голубинской пустыни игумен Иона просить милости, чтоб ты к нему милость показал и учинил ево свободна Голубинскаго монастыря. Пожалуй, государь мой, прикажи ему бедному быть во священстве или во братстве в Суморине монастыре, а зело б, государь, ему присвоено по ево старости у раки чюдотворца Феодосия, а служить своего братьею чреда. А церковь, государь, теплая за твоим благословением строитца, а совершитца вскоре. Пожалуй, государь, прикажи прислать антиминс с ним Ионою»*[1058].

Был ли переведён игумен Иона в Спасо-Суморин монастырь, неизвестно, так как ответного письма не сохранилось. На приведённом документе есть только пометка: *«206 (1697 г.), сентября во 28 день, привез игумен Иона. Против сего (то есть в ответ) писано: с ним же Ионою и святый антиминс послан»*[1059].

[1055] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 15048. Л. 286 об.

[1056] РГАДА. Ф. 1206. Оп. 1. Д. 792. Л. 1–2.

[1057] Об этом факте архиепископу Александру доложили *«приказные»* города Тотьмы – архимандрит Спасо-Суморина монастыря Иона и священник Архангельской церкви Фёдор, которые осматривали по челобитью голубинского игумена Толшемскую Алексеевскую пустынь. В своём отчёте *«приказные»* сделали приписку о сгоревшей в Голубинской обители церкви, наименования её не уточнено. – *Прим. авт.*– См.: РИБ.– Т. XII.– СПб. 1890.– Стлб. 1368.

[1058] РИБ.– Т. XIV.– СПб, 1894.– Стлб. 1278–1279.

[1059] Там же.– Стлб. 1279.

Что случилось после – неизвестно, но из «Описи Голубинской пустыни 1702 г.», составленной государевым стольником Андреем Михайловичем Вешняковым, следует, что в этой обители снова одна церковь: *«во имя Пресвятыя Богородицы Казанские деревянная холодная. Снизу рублена клецки, верх шатровой, об одной главе. Глава обита чешуею деревянною, крест деревянной обит белым железом. А в церковь с западную сторону лесница входная в паперть»*[1060].

Наиболее примечательны в описании интерьера церкви три образа: храмовый Божией Матери Казанской; Прокопия и Иоанна Устюжских в молении Божией Матери Казанской; Господа Саваофа с житийными клеймами Прокопия и Иоанна, что свидетельствует о распространении почитания устюжских святых в границах епархии. Казанская икона Божией Матери *(«цка в вышину в аршин с четью, в ширину в аршин»)*, как наиболее чтимая, имела богатое украшение: *«...на ней венец басемной серебряной на древе позолочен, цата сребряная резная незолочена, а в цате посреди врезано Благовещение Пресвятыя Богородицы и вызолочено, а возглавии вышито золотом и серебром звезда по красному атласу, средина и поля обложены серебром басемным позолоченным»*[1061].

На надвратной шатровой колокольне с *«чешуйчатой»* главкой и крестом, обитым белым железом, находилось всего четыре колокола общим весом в три пуда[1062].

В приписной к Голубинской обители Ретченской пустыни в «Описи 1702 г.» отмечена ветхая клетская Введенская церковь с весьма скромным внутренним убранством и немногочисленной утварью[1063].

Дальнейшую историю монастырских храмов проследить не удалось из-за отсутствия документов. Когда здесь снова появилась вторая, *«теплая»* церковь и когда Казанскую пустынь переименовали в Рождественскую, и что послужило тому причиной, на данный момент не установлено. Известно лишь, что уже в начале двадцатых годов XVIII столетия она имела новое название[1064].

[1060] Скорее всего, к моменту описания Голубинской пустыни в 1702 г. новый храм в ней в очередной раз сгорел. Об этом косвенно свидетельствует тот факт, что монастырские казна и архив, которые обычно хранились в *«келарской»* при *«теплой»* церкви, здесь находились вместе с различным сельскохозяйственным инвентарём в *«казенном анбаре»,* оборудованном при *«Святых воротах»* под колокольнею. Между тем в документе примечательно описание архива обители. В нём указаны практически все *«государевы грамоты»*, *«даные»* от вкладчиков и *«памяти»* от тотемских воевод, которые использованы нами при работе над этой статьёй и, кроме того, отмечено про «*всякие старые письма..., платежные отписки, и с Устюга архиерейские указы, и старых годов приходные и росходные книги, и изветные челобитные».– Прим. авт.*– См.: РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 44. Л. 516, 518 об.– 519 об.

[1061] РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 44. Л. 516.

[1062] Там же.– Л. 518 об.

[1063] Там же.– Л. 521.

[1064] ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 52. Л. 23 об.

В 1764 г., после ликвидации обители, при Рождественских Голубинских и Введенской Ретчинской церквах на базе близлежащих деревень был образован единый приход. При этом богослужения в ветхом Ретченском храме проводились только *«по Дванадесятым Господским и Богородичным праздникам означенной Голубинской пустыни священно- и церковнослужителями»*[1065].

В сентябре 1769 г. по распоряжению Иоанна, епископа Великоустюжского и Тотемского, всем трём храмам и находящему в них имуществу снова составили подробную опись[1066].

Последняя «Исповедная книга» по Голубинскому приходу, отложившаяся в фондах Великоустюгского центрального архива, датирована 1784 г.[1067].

В 1785 г. храмы Голубинской пустыни потеряли самостоятельное значение. По распоряжению епархиального начальства их приписали к Векшенской Предтеченской церкви, причём инициатором этого стал сам причт. Голубинские священно- и церковнослужители жаловались епископу, что после проведённого капитаном Заградским межевания церковная земля, вопреки его заявлению, что без пропитания они не останутся, почти целиком отошла к крестьянину Максиму Юшманову, у которого числилось только 9 душ. На эту землю Юшманов получил и план, и межевую книгу, и *«полевую записку».* Причту же остался неудобный *«мокрый»* участок, непригодный ни для пахоты, ни для сенокоса, а кормить с него надо было 23 души. На доходы от церкви рассчитывать не приходилось, приход состоял всего из двадцати дворов, *«от коих подаяния в год приходило не более двух рублей».* Кроме всего прочего, река Сухона ежегодно отрывала от берега по сажени, до церкви осталось не более двадцати сажен, да и сама церковь стала ветха. Лучшим выходом из создавшегося положения священник, пономарь и дьячок видели в упразднении Рождественского прихода вовсе и в их переводе на праздные места в соседние церкви. Поступившее 14 июня 1785 г. прошение было рассмотрено и 23 июня удовлетворено, в полном соответствии с указом Святейшего Синода от 20 декабря 1770 г.: в случаях, если в сельском приходе насчитывалось меньше 40 дворов, их следовало приписывать *«по способности к другим церквам»*[1068].

Векшенский Предтеченский храм оказался самым ближним – всего в 12 верстах от Голубинского погоста. Дворов в приходе, по сравнению с Мольским Троицким (389) и Стрелицким Преображенским (309) насчитывалось мало – всего 53, поэтому в соединении этих двух церковных образований действительно усматривалась польза и выгода. По указу из Устюжской духовной консистории передаче в Предтеченскую церковь

[1065] РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 503. Л. 6.
[1066] ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 1490. Л. 102–104.
[1067] ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 6423. Л. 229–232 об.
[1068] ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 6534. Л. 1–13.

подлежала вся церковная ризница и денежная казна. В сентябре предтеченский причт и прихожане подали прошение о перевозе в Векшенский улусец холодной Рождественской церкви с целью замены обветшавшего деревянного Георгиевского храма. И уже 25 сентября такое разрешение было дано вместе с указанием построить на месте Рождественского престола *«голбец с водружением на нем креста»*, чтобы святое место не попирали ни человеческие, ни *«скотские»* ноги[1069].

Местные крестьяне и владельцы пытались не только сохранить Голубинский приход, но и выстроить там каменную церковь. К примеру, Максим Иванов сын Рыбников – вологодский купец и *«соляных заводов содержатель в Яренском уезде»*, которому в бывших пустынских владениях принадлежало шестнадцать дворов из двадцати, в 1783 г. ходатайствовал перед епископом о разрешении строительства небольшого каменного храма, и даже получил положительный ответ, причём даже было определено отделить недостающее количество дворов от соседних приходов. 27 сентября 1785 г. Рыбников просил о возобновлении данного ранее благословения[1070].

В октябре того же года другой ходатай, житель деревни Кожуховицы Гавриил Васильев Рычков, в поданном на имя Великоустюжского и Тотемского епископа Иоанна прошении, сообщал: *«В приходе оном <Николаевском> состоим мы с самого нашего рождения, однако по близости нашего жития более как я, так и все жители той деревни, хождение имели в воскресные и протчие праздничные дни на словословие Божие к бывшей Голубинской Рождественской церкви, что прежде была пустынею в четырех верстах с половиной, от приходской в семи верстах. Дворов при оной Голубинской Рождественской церкви состоит дватцать, в них мужеска семдесят две женска пятдесят пять, а обоего сто дватцать семь душ. На всех же священноцерковнослужителей высевается в поле ржи по восми четвертей, а в дву по тому ж. Сенных покосов по сту по дватцати возов, да кроме удобных преждевладеемых священно- и церковнослужителей мест в посеве будет, на три четверти. Сенных покосов ежели надобность тем священнослужителям будет возов на десять».* Землю, утверждал Рычков, капитан Заградский церковникам отмежевал, и сам храм находится *«во всяком благополучии».* И 20 октября 1785 г. резолюцией епископа Голубинский приход, церкви и утварь при них оставлялись *«по прежнему, по елику бывшей поп прозбою своею якобы питаться нечим, оболгал»*, нового священника туда предполагалось определить *«из праздных»*[1071].

Однако вскоре последовало новое распоряжение владыки – никаких действий по резолюции не чинить, а провести полное расследование: есть ли земля при церкви, план на неё, если нет – согласны ли жители содержать причт и т. п. Тотемских *«приказных»* также обязали дать за-

[1069] ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 6556. Л. 1–6.
[1070] ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 6566. Л. 2–3 об.
[1071] Там же. Л. 1–3.

ключение, можно ли использовать для службы *«теплый»* Голубинский храм, и обо всём немедленно *«репортовать»* в Консисторию. Этим же указом до окончательного вердикта приостанавливалось выданное ещё в июле разрешение Предтеченскому приходу на разборку и перевозку холодной Рождественской церкви и её имущества в Векшенский улусец[1072].

Уже 6 ноября 1785 г. *«приходские люди... показали»,* что земля вся отмежёвана живущему в пустыни крестьянину Максиму Юшманову, *«чего ради»* и он, и другие крестьяне готовы «*за неимением при той церкви земли священника содержать*». Христорождественская *«теплая»* церковь, по освидетельствованию, оказалась вполне пригодной, а вот *«холодную»* во имя Рождества Богородицы уже сломали и перевезли[1073].

Документальных источников о дальнейшей судьбе Христорождественской церкви нами не выявлено. По описанию архимандрита Амвросия (Орнатского), в начале XIX в. на месте *«оной пустыни»* стояла лишь часовня. О часовне в деревне *«Голубинская пустынь»* сообщал в конце XIX столетия составитель сборника «Монастыри в Российской империи» В. В. Зверинский. Современный исследователь Н. М. Македонская в справке об этом тотемском малом монастыре пишет: *«В д. Голубинская Пустынь (д. Голуби) находилась часовня, построенная на месте упразднённой в 1764 г. Голубинской Рождественской мужской пустыни».* С ней солидарен и автор труда по истории Ихалицкого Николаевского прихода Д. А. Пшеницын[1074].

Монастырскую колокольню, по-видимому, снесли чуть позже, чем Рождественскую церковь. Колокола достались Ихалицкому храму, к которому, судя по всему, в конечном итоге перешли приходские дворы. В июле 1842 г. один из старинных голубинских колоколов был обнаружен известным вологодским историком-краеведом П. И. Савваитовым именно в Ихалице: *«В полдень пристали к Никольскому погосту. Я зашел в обе церкви и на колокольню. На одном колоколе заметил надпись: «194 года марта 8 дня приложил сей колокол великой государыни, царицы и великой княгини Натальи Кирилловны уставщик Сергей Иванов сын Суворов в Голубинскую пустыню в монастырь Казанской Богородицы на Сухоне реке»*[1075].

[1072] ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 6566. Л. 4–5.

[1073] Там же. Л. 7 об.

[1074] По данным историка Д. А. Пшеницына в «Клировой ведомости Ихалицкой Николаевской церкви за 1916 г.» эта часовня уже не упоминается.– *Прим. авт.*– См.: Архимандрит Амвросий (Орнатский). Указ. соч.– Т. 3.– С. 737; Зверинский В. В. Указ. соч. С. 118; Македонская Н. М. Ихалицкая Николаевская церковь. // Православные приходы и монастыри Севера. [Электронные ресурс]. Режим доступа: http://parishes.mrezha.ru/parish_history.php?id=711; Пшеницын Д. А. Страницы истории Стрелицкой волости...– С. 69–70; Пшеницын Д. А. «Из истории Николаевского Ихалицкого прихода Тотемского уезда Вологодской епархии XVII–XXI вв. (Туровецкое сельское поселение).– Вологда, 2014. С. 8–12.

[1075] Распоряжения о приписке Голубинской пустыни к Ихалицкому приходу нами не найдено.– *Прим. авт.*– См.: Савваитов П. И. Дорожные заметки от Вологды до Устюга. // Сухона: Краеведческий и литературный сборник на паях.– Вып. 6.– Вологда, 2018. С. 36–37.

Память о чудотворной Казанской иконе и пустыни в честь неё сохранялась в здешней местности весьма своеобразно. По словам архимандрита Амвросия (Орнатского), ежегодно в канун празднования явления иконы в граде Казани[1076] и в сам праздник на этом месте проводилась многолюдная ярмарка: *«Здесь бывает июля 7-го дня ежегодной торговой съезд; на которой Вологодские, Тотемские и Солигалицкие купцы привозят разные шелковые и другие мелочные товары, а крестьяне свои домашние изделья и продолжается оной торг от одного до трех дней; стечение же народа бывает от 1000 до 4000 человек»*[1077].

* * *

В заключение приведём список имён настоятелей Голубинской пустыни, составленный нами на основании всех использованных в работе архивных источников, а также учитывающий прежние сведения о строителях и игуменах этого монастыря, собранные П. М. Строевым[1078].

Отметим, что приведённый ниже список настоятелей обители не является исчерпывающим и требует дальнейших уточнений и дополнений.

Сильвестр (1652–1653), Иоасаф (1654), Иона (1676), Илья (1677–1681), Тимон (1682), Илия (1683–1685), Иоасаф (1686–1692), Ефрем (1694), Иона (1697), Иоасаф (1701–1702), Иона (1703–1704), Иоасаф (1711), Антоний (1740–1751), Павел (1755–1764).

Список принятых сокращений

ВЕВ – Вологодские епархиальные ведомости.
ВУЦА – Великоустюгский центральный архив (г. Великий Устюг).
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.
РГАДА – Российский государственный архив древних актов (г. Москва).
РИБ – Русская историческая библиотека.

Архивные источники

ВУЦА. Ф. 134. Оп. 1. Д. 155. – Алфавитный список жителей Великого Устюга с указанием семейного и имущественного положения и данных о службе на 1786 г.

ВУЦА. Ф. 361. Оп. 1. Д. 11. – Ревизские сказки купцов и мещан города Великого Устюга 1782 г.

[1076] Канун праздника – 7/20 июля.– *Прим авт.*

[1077] Архимандрит Амвросий (Орнатский). Указ соч.– Т. 3.– С. 737.

[1078] Строев П. М. Указ соч.– С. 775.

ВУЦА. Ф. 361. Оп. 1. Д. 75. – Список купцов и мещан первой части города Великого Устюга 1798 г.

ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 52. – Ведомости о численности обывателей, приходе и расходе денежных и хлебных доходов Дома епископа, монастырях и пустынях Устюжской епархии, 1722–1726 гг.

ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 770. – Ведомости о числе дворов в приходах, населения, монашествующих в монастырях, экстракты из метрических ведомостей Устюжской епархии, 1752 г.

ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 948. – Журнал входящих документов Устюжской духовной консистории, 1755 г.

ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 1490. – Опись церквей и церковного имущества Голубинского Рождественского прихода 1769 г.

ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 2765. – Исповедные росписи церквей города Тотьмы и Тотемского уезда 1774 г.

ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 3728. – Исповедные росписи церквей города Тотьмы и Тотемского уезда 1777 г.

ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 4368. – Исповедные росписи церквей города Тотьмы и Тотемского уезда 1779 г.

ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 6423. – Исповедные росписи церквей города Тотьмы и Тотемского уезда 1784 г.

ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 6534. – Дело об упразднении Голубинской Рождественской церкви Тотемской округи по малоприходству, за неимением земли и сенокосов и приписании её к Векшенской Предтеченской церкви, 1785 г.

ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 6556. – Дело по прошению дьячка Векшенской Предтеченской церкви Тотемской округи С.Е. Архипова о перевозе здания Голубинской Рождественской Богородицкой церкви, 1785 г.

ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 6566. – Дело по прошению крестьянина деревни Кожуховица прихода Николаевской церкви Ихалицкого улусца Тотемской округи Г.В. Рычкова о сохранении Голубинской Рождественской церкви в качестве действующей, 1785 г. РГАДА. Ф. 125. Оп. 1. 1653 г. Д. 4. – Дело по челобитным строителя Голубицыной пустыни новоявленной иконы Пресвятой Богородицы Казанской, Тотемского уезда, старца Сильвестра с братиею об отдаче им на оброк Шеюкова наволока и Реченской лопатки, по реке Сухоне, которыми безоброчно владеют крестьяне и мирской дьячек деревни Кожуховы, 1653 г.

РГАДА. Ф. 141. Оп. 4. 1669 г. Д. 342. – Дело об отдаче на оброк без перекупу Тотемского уезда Староретченской Введенской пустыни пашни и сенокосов и о прочем, 1669 г.

РГАДА. Ф. 154. Оп. 1. Д. 85. – Жалованная грамота Императрицы Елизаветы Петровны Голубинской Рождественской пустыни Тотемского уезда 1751 г.

РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 44. – Переписная книга монастырей Устюга Великого и Устюжского уезда 1702 г.

РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 503. – Опись Голубинской Рождественской пустыни Тотемского уезда 1764 г.

РГАДА. Ф. 281. Оп. 18. Д. 12349. – Грамота царя Алексея Михайловича игумену Капитоновской пустыни Вологодского уезда Даниле с братией на угодья по реке Ихалице, 1654 г.

РГАДА. Ф. 281. Оп. 18. Д. 12378. – Грамота царей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича строителю Голубинской Богородской пустыни Илье на владение пустошью Брюхово в Тотемском уезде 1685 г.

РГАДА. Ф. 281. Оп. 18. Д. 12380. – Память тотемскому земскому судейке Ивану Васильеву с указанием, чтобы он принадлежащую Голубинской Богородской пустыне соседним владельцам пустошью Брюхово не велел пользоваться,1688 г.

РГАДА. Ф. 281. Оп. 18. Д. 12382. – Память строителя Голубинской Богородской пустыни Иоасафа с братиею монаху Васьяну и его сыну Алексею Владимирову сыну Леонтьеву о вкладной деревне Ржаник в Мольской волости, 1688 г.

РГАДА. Ф. 281. Оп. 18. Д. 12383. – Вкладная запись Алексея Владимирова сына Леонтьева в дом Голубинской пустыни на мельницу на реке Вотча, 1688 г.

РГАДА. Ф. 281. Оп. 18. Д. 12384. – Вкладная запись Алексея Владимирова сына Леонтьева строителю Голубинской Богородской пустыни на мельницу на реке Вотча, 1688 г.

РГАДА. Ф. 281. Оп. 18. Д. 12387. – Память земскому судейке Тотемского уезда Мольской волости об освобождении строителя Голубинской Богородской пустыни иеромонаха Иоасафа с братией от платежа стрелецких денег с вкладной деревни Ржаник, 1689 г.

РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3638. – Книга переписная государственных черносошных и монастырских крестьян, церковнослужителей, работников соляных заводов разных волостей Тотемского уезда 1719–1738 гг.

РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3641. – Книга переписная купцов и дворовых г. Тотьмы, помещичьих, монастырских, государственных, приписанных к соляному и железному заводам крестьян разных волостей Тотемского уезда 1744–1748 гг.

РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3644. – Сказки о купцах г. Тотьмы и о черносошных крестьянах разных волостей Тотемского уезда 1762 г.

РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3645. – Сказки о приписанных к соляному заводу государственных, архиерейских, монастырских и помещичьих крестьян разных волостей Тотемского уезда 1762–1764 гг.

РГАДА. Ф. 1206. Оп. 1. Д. 391. – Дело о выдаче новой благословенной грамоты черному попу Введенской церкви Новоретченской пустыни Тотемского уезда вместо сгоревшей, 1685 г.

РГАДА. Ф. 1206. Оп. 1. Д. 459. – Челобитная строителя Голубинской Богородской пустыни Тотемского уезда Тимона о незаконном пользовании крестьянами деревни Кожуховской рыбными ловлями на Княгинином озере, взятом на оброк монахами данной пустыни, 1685–1693 гг.

РГАДА. Ф. 1206. Оп. 1. Д. 565. – Дело о разрешении нести службу по прежнему черному попу Ретченской Введенской пустыни Даниле, изгнанному старцем той же пустыни Матфеем, 1686 г.

РГАДА. Ф. 1206. Оп. 1. Д. 792. – Дело о разрешении строительства новой Петропавловской церкви в Голубинской Богородской пустыни Тотемского уезда, 1688 г.

РГАДА. Ф. 1206. Оп.1. Д. 1168. – Память строителю Голубинской Богородской пустыни Иоасафу о перевозе архиепископского иконостаса из Тотьмы в Великий Устюг, 1692 г.

РГАДА. Ф. 1206. Оп. 2. Д. 3. – Память устюжского архиепископа Александра игумену Голубинской Богородской пустыни Ефрему о заключении подряда на изготовление карбаса, 1694 г.

РГАДА. Ф. 1206. Оп. 2. Д. 514. – Книга сбора зерна Голубинской Богородской пустыни 1708–1712 гг.

РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 486. – Писцовая и межевая книга города Тотьмы с посадом и уездом письма и межевания московского дворянина Фоки Ратманова Дурова и подьячего Евстафия Колюпанова 1622–1625 гг.

РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 15048. – Писцовая книга города Тотьмы с посадом и уездом письма и меры Никифора Кондратьевича Озерова и подьячего Ивана Гордеева 1686–1688 гг.

РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 15050. – Переписная книга города Тотьмы с посадом и уездом переписи писцов Богдана Григорьевича Засецкого и подьячего Емельяна Телицына 1676–1678 гг.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I

1751 г. марта 28. – Жалованная грамота императрицы Елизаветы Петровны Голубинской Рождественской пустыни Тотемского уезда[1079]

(л. 1) БОЖИЕЮ ПОСПЕШЕСТВУЮЩЕЮ МИЛОСТИЮ, МЫ, ЕЛИСАВЕТ ПЕРВАЯ, ИМПЕРАТРИЦА И САМОДЕРЖИЦА ВСЕРОССИЙСКАЯ, Московская, Киевская, Владимирская, Новгородская, Царица Казанская, Царица Астраханская, Царица Сибирская, Государыня Псковская и Великая

[1079] РГАДА. Ф. 154. Оп. 1. Д. 85. Л. 1–7. Грамота оформлена в твёрдом переплёте, состоит из десяти листов размером 33,5 на 39 см. Текст документа занимает три с половиной листа с оборотами (семь страниц), между заполненными листами проложены пустые. К переплёту на плетёном чёрно-жёлто-красном шнуре прикреплена круглая печать красного сургуча в деревянной колодке диаметром 11 см и толщиной 4 см. На печати двуглавый орёл и надпись: *«Божиею Милостию Императрица и Самодержица Всероссийская Елисавет I».* На обороте колодки надпись чернилами: *«Тотемскаго уезда».* По периметру на всех листах грамоты растительный орнамент, выполненный красными и зелёными красками. На первом листе герб России – чёрный двуглавый орел на золотом фоне – в орнаментированном картуше, украшенном цветочной гирляндой. Ранее документ публиковался в сокращённом варианте в «Полном собрании законов Российской Империи».– Т. XIII.– СПб, 1830.– № 9828.– С. 396–398. Здесь приводится его полная версия.– *Прим. авт.*

Княгиня Смоленская, Княгиня Эстляндская, Лифляндская, Карелская, Тверская, Югорская, *// (л. 1 об.)* Пермская, Вятская, Болгарская и иных; Государыня и Великая Княгиня Новагорода, Низовския Земли, Черниговская, Рязанская, Ростовская, Ярославская, Белозерская, Удорская, Обдорская, Кондийская и всея Северныя страны, Повелительница и Государыня Иверския Земли, Карталинских и Грузинских царей и Кабардинския Земли, Черкасских и Горских князей и иных, наследная Государыня и обладательница.

В 1746 году марта 4 дня НАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ в Правителствующем Сенате Великоустюжской епархии Тотемского уезду Рождественской Голубинской пустыни трудник Алексей Ефтин бил челом:

В прошлом, де, 7193-м году генваря 2 да 8 чисел при жизни вседражайшаго родителя НАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Блаженныя и вечной славы достойныя памяти Государя Императора Петра Великаго и дяди НАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Блаженныя памяти Великого Государя Царя и Великаго Князя Иоанна Алексеевича всея России, пожаловано в оную Голубинскую пустыню строителю з братиею на пропитание, в Тотемском уезде земли от Ретчи реки вниз по Сухоне реке до речки Голубицы на пять верст, а от Сухоны реки в гору до Осинового мысу на пять же верст; да в Стрелицкой волости пустошь, что была деревня Брюхово Малая, с пашнею и со всеми угодьи во все безоброчно, на которые, де, землю и пустошь с принадлежащими угодьи той Голубинской пустыни бывшему строителю Илие з братиею *// (л. 3)* и жалованные грамоты даны, с которых при том челобитье приложил копии, по которым, де, грамотам оная земля и пустошь со всеми принадлежащими угодьи и по ныне при той пустыни состоит безспорно; токмо, де, Высочайшим НАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА титулом жалованной грамоты не дано. И просил чтоб по силе оных прежних грамот для владения и ползования объявленными землею и пустошью с принадлежащими угодьи пожаловать вновь Высочайшим НАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА титулом грамоту.

А в вышеобъявленных данных в 7193-м году грамотах написано:

В 1-й. Генваря 2 дня в приказе, де, Устюжские четверти в Тотемских писцовых книгах писма и меры Богдана Засецкого да подьячего Емельяна Телицына 184, 185, 186 и 187 годов написано: В Тотемском уезде в Ихалицкой волости пустыня Голубинская на реке на Сухоне. Пашни паханые худые земли до Ретченского наволока четыре четверти в поле, а в дву по тому ж. Сена в полях и на реке Сухоне и на устье речки Ретчи сорок копен. Лесу пашенного десять десятин, а непашенного лесу и болота от реки Ретчи до реки Голубицы три версты, поперег верста.

И во 193 году били челом Тотемского уезду Голубинские пустыни, что на Сухоне реке строитель Илия з братиею; по Указу, де, Великих Государей дано им на прокормление земли от Ретчи реки вниз по Сухоне реке до речки Голубицы на пять верст со всеми угодьи, а от Сухоны реки в

гору до Осинового мысу на пять верст. И во 192-м году Тотемского уезду Ихалицкой волости крестьянин деревни Кожуховы Федор Ермолин той их монастырской земли продал гостю Ивану Панкратьеву от Ретчи реки до Верхняго ручья. А на оной, де, земле лес росчищали они строитель з братиею. И Великим Государем пожаловать бы их велеть тою землею владеть им строителю по прежнему по старым межам и по писцовым книгам писца Богдана Засецкого *// (л. 3 об.)* и о том дать им их Великих Государей грамоту.

А у выписки гость Иван Панкратьев сказал: Тотемского, де, уезду Голубинские пустыни что на Сухоне реке их монастырскою землею ничем не владеет и до монастырской земли дела нет. И по оной грамоте велено того монастыря строителю з братиею владеть тою землею и со всякими угодьи к тому монастырю надлежащими по старым межам и по писцовым книгам, потому что гость Иван Панкратьев в скаске своей написал, что он монастырскою их землею не владеет и дела ему до их монастырской земли нет.

Во 2-й. Генваря ж 8 дня, в Тотемских писцовых книгах писма и меры писца Богдана Засецкого да подьячего Емельяна Телицына 185, 186 и 187 годов написано: В Тотемском уезде в Стрелицкой волости пустошь, что была деревня Брюхово, Малая тож. Пашни паханые худые земли десять четвертей, да перелогом и лесом поросло тож в поле, а в дву по тому ж. Сена в полях десять копен, отхожих сен на реке Сухоне на дикой стороне и деревни Кожуховицы *// (л. 5)* тритцать копен. Жилцы тое деревни померли. В пусте выть с четью. Отдана тоя пустошь на оброк на два года со 187 года по 189 год и впредь до перекупщика Голубинские пустыни строителю старцу Илье з братиею. А оброку им платить по рублю по дватцати по два алтына *<по четыре денги>* на год и с пошлинами, лес вопче з деревнями.

И генваря в 1 день били челом Великим Государем Тотемского уезду Голубинские пустыни старец строитель Илия з братиею: В прошлом, де, во 190-м году отдано им из Государственного Посолского приказу на оброк пустошь Брюхово, а оброку им велено платить с той пустоши по рублю по дватцати по два алтына по четыре денги на год, и о том дана им Великих Государей даная, что владеть им тою пустошью и сенными покосы и со всеми угодьи. И того, де, им оброку платить нечим, скудны и бедны, и хлеб, де, пашут своими трудами, и чтобы Великим Государем пожаловати их для их скудости: дать им тое пустошь Брюхово для прокормления безоброчно вовсе, и о том дать *// (л. 5 об.)* Великих Государей грамоту.

И Великие Государи пожаловали Голубинские пустыни строителя старца Илью з братиею, велели им ту пустошь Брюхово, которая за ними на оброке буде, жилцов никаких нет, отдать в монастырь для прокормления безоброчно по писцовым книгам со всеми угодьи, буде спору нет, и из оброку выложить и в приходной книге под тою статьею очистить и дать им о том Великих Государей грамоту с прочетом.

Того ради МЫ, НАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, Всемилостивейше указали: Той Рождественской пустыни строителю Антонию з братиею, и кто впредь по нем другия строители и братия в той пустыни будут, для владения объявленными в вышепомянутых в 7193-м году генваря 2 да 8 чисел грамотах в Тотемском уезде землею и пустошью, дать в подтверждение тех прежних грамот НАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА грамоту, токмо ежели с той земли и пустоши положены в казну НАШУ платить оброчные денги, оные от той пустыни платить по прежнему бездоимоно. И для того *// (л. 7)* сия НАША ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА грамота за НАШЕЮ государственною печатью и за подписанием НАШЕГО Правительствующаго Сената и дана в Санкт-Петербурге 1751 марта двадесять осмаго дня, государьствования НАШЕГО десятого года.

Сенатор, Генерал и Генерал-Адъютант, Лейб-Гвардии подполковник, Камергер и Кавалер Александр Бутурлин[1080].

Сенатор, Действителной Тайной Советник, Действителной Камергер, Шляхетного кадецкого корпуса и Ладожского канала главной директор и Кавалер Борис Юсупов[1081].

Сенатор, Адмирал, Тайной Действителной Советник и Кавалер, Князь Михайла Голицын[1082].

Сенатор, Генерал-Лейтенант и Кавалер Иван Бахметев[1083].

Сенатор, Генерал-Лейтенант, Генерал-Адъютант, Действителной Камергер, Лейб-Гвардии подпорутик и Кавалер граф Петр Шувалов[1084].

Сенатор, Тайной Советник и Кавалер, Князь Иван Щербатов[1085].

Сенатор, Тайной Советник и Кавалер, Князь Алексей Голицын[1086].

Сенатор, Тайной Советник и Кавалер, Князь Иван Адоевской[1087].

Обер-Секретарь Дмитрей Невежин[1088].

[1080] Бутурлин Александр Борисович (1694–1767) – граф, русский военачальник, генерал-фельдмаршал, камергер, сенатор.– *Прим. авт.*

[1081] Юсупов Борис Григорьевич (1695–1759) – князь, действительный тайный советник, камергер, сенатор.– *Прим. авт.*

[1082] Голицын-младший Михаил Михайлович (1684–1764) – князь, русский государственный и военный деятель, дипломат, президент Адмиралтейств-коллегии, действительный тайный советник, генерал-адмирал, сенатор.– *Прим. авт.*

[1083] Бахметев Иван Иванович (1683–1760) – государственный деятель, обер-прокурор Сената, действительный тайный советник, генерал-лейтенант, сенатор.– *Прим. авт.*

[1084] Шувалов Пётр Иванович (1711–1762) – граф, генерал-фельдмаршал, камергер, сенатор.– *Прим. авт.*

[1085] Щербатов Иван Андреевич (1696–1761) – князь, дипломат, действительный тайный советник, камергер, сенатор.– *Прим. авт.*

[1086] Голицын Алексей Дмитриевич (1697–1768) – князь, действительный тайный советник, сенатор.– *Прим. авт.*

[1087] Одоевский Иван Васильевич (1710–1768) – князь, действительный тайный советник, президент Вотчинной коллегии, сенатор.– *Прим. авт.*

[1088] Невежин Дмитрий Иванович – обер-секретарь Сената.– *Прим. авт.*

Секретарь Дмитрей Хвостов[1089].
В Сенат записана под № 1.

II

1764 г. февраль. – Опись Голубинской Рождественской пустыни Тотемского уезда[1090]

(л. 1). В Консисторию Преосвященного Феодосия Великоустюжского и Тотемского, Тотемского уезду Рождественской Голубинской пустыни от строителя иеромонаха Павла, репорт о действительном исполнении по присланному указу.

По присланному Ея Императорскаго Величества из Тотемского Его Преосвященства Духовного правления заказного двора ко мне нижеименованному декабря от 29 дня прошлого 1763 года указу, велено о имеющихся оной пустыни, по силе прежней печатной формы и с приполнением к оной и состоявшихся указов, ни в чем и сведения в учрежденной при Коллегии экономии шестой экспедиции недостатку быть не могло, как о церковной ризнице, так и о пустынских владениях и к... и о вотчинных крестьянех сочинить опись, и по сочинении оной для пересылки в оную учрежденную при Коллегии экономии шестую экспедицию прислать в вышереченную Его Преосвященства Консисторию в немедленном времени. *// (л. 1 об.)*

И по тому Ея Императорскаго Величества указу в здешней Рождественской Голубинской пустыни против вышеписанной печатной формы с приполнением ко оной со стольших указов как о церковной ризнице так и о пустынских владениях и имениях и служителях и о протчем опись учинена, которая во оную Его Преосвященства Консисторию и посылается при сем репорте.

Февраля ___ дня 1764 года.

Строитель иеромонах Павел подписуюсь. *// (л. 2)*

Ведомость Тотемского уезду Рождественской Голубинской пустыни о нижеследующем.

1. Объявленная Рождественская Голубинская пустыня в Тотемском уезде при реке Сухоне по край берега оной реки состоит разстоянием от города Тотмы в девятидесять в трех верстах.

2. В той пустыне деревянных две церкви. Первая во имя Рождества Христова теплая об одном престоле. Вторая холодная во имя Рождества Пресвятыя Богородицы об одном престоле.

В означенной Рождественской теплой церкви святых образов: Царския двери гладевыя, писаны на красках.

Подле оныя двери на десной стране образ храмовой Рождества Христова с праздники, на нем венец, цата сребрянныя с позолотою, на оной

[1089] Хвостов Дмитрий – секретарь Сената.– *Прим. авт.*
[1090] РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 503. Л. 1–8 об.

же цке на протчих праздниках Собор Пресвятыя Богородицы, Введения Пресвятыя Богородицы и Успения Пресвятыя Богородицы, венцы и цаты сребрянные с позолотой. Во углу церковном против правого крилоса образ Святителя Христова Петра митрополита Московскаго и всея России Чудотворца. *// (л. 2 об.)*

На левой стране образ между Царских врат Пресвятыя Богородицы Неопалимыя Купины, венец и цата на нем сребрянные с позолотою, на оной же цке дванадесять Господских праздников.

На пономарских дверях образ святого пророка Даниила.

Против левого крилоса образ Знамения Пресвятыя Богородицы и в молении преподобных отец Изосимы и Савватия Соловецких Чудотворцев.

Над Царскими дверми Деисус со Апостолы.

Во Святом Олтаре на горнем месте образ Пресвятыя Богородицы Одигитрии, венец резной с позолотою.

За Престолом образ Пресвятыя Богородицы Казанской.

На Святом Престоле и на Жертвеннике одежды и завеса над Царскими дверми парчевыя.

Евангелиев напрестольных два дестевых, обложены бархатом, один красным, второй черным, евангелисты сребрянные.

Священные сосуды, ковчег и дароносица оловяныя. Крест напрестолной благословящей древяны, писан на красках. *// (л. 3)* Два кадила медных, подсвешник оловянный, лампад жестяных неболших пять.

В означенной Рождественской Богородской холодной церкви Царския двери гладевыя, писаны на красках. Над оными дверми дванадесять Господских и Богородичных праздников. В верхнем ставу Деисус со Апостолы.

На правой стране оных врат образ Нерукотворенный. Второй храмовый Рождества Пресвятыя Богородицы.

Третий на левой стране между врат Пресвятыя Богородицы Казанской, на нем венец, гривна и поля сребрянныя.

На пономарских дверях образ святого первомученика и архидиакона Стефана.

Против левого крилоса образ Пресвятыя Богородицы Казанской и при ней в молении святых праведных Прокопия и Иоанна Устюжских чудотворцев, на них венцы один сребрянной, второй оловянной.

Лампад медных одна, четыре жестяных, паникадило медное в один пуд.

Во Святом Олтаре на горнем месте образ Спасителев Нерукотворенный.

За Престолом образ Богоматере Казанской.

На Святом Престоле и на Жертвеннике одежды и завеса над Царскими дверми кумачная. *// (л. 3 об.)*

Крест напрестолной благословящей древянный, обложенный серебром.

Две хоругви Спасителевых образов.

Священные сосуды одни, оловянныя; покровов бумажных два; воздухов один шелковой, второй бумажной; укропников два: один медной, второй оловяной; чаша водоосвященная деревянная; крапил два; блюд оловянных неболших два; ковшичков оловянных два.

Книг: Евангелие учителное; Апостол; Октоих; Триоди постная и цветная; Минеи месячные весь год; Псалтырей три, в том числе две четвертных, третья со последованием; Прологов весь год; две Минеи празднишная и общая, десттевые; Служебников два; Часословов два; Требник дестевой, второй осминой; Ирмолог; Катихизис; Букварь; Житие святителя Николая Чудотворца; Служба святителю Дмитрию митрополиту Ростовскому, новому Чудотворцу. *// (л. 4)* И оные вышеписанные книги все новоисправные.

Священных одежд: Риз шелковых разных цветов четыре, бумажных трои, крашенинных двои, полотняных белых двои, стихаря диаконских два: шелковой да бумажной, один оларь шелковой, епитрахилей бумажных шесть, поручей четыре бумажных, два пояса нитянных.

Колоколня деревянная рубленая на ней шесть колоколов. Первой восемь, второй, третий и четвертой по пуду, пятой тридцать, шестой пятнадцать фунтов.

Кельи: Настоятельская, об одном апартаменте с сенми, в длину четырех, поперег на трех саженях. В ней святых образов: первой Воскресения Христова, второй святителя Николая Чудотворца, третий святого великомученика Георгия Победоносца, четвертой святыя великомученицы Параскови нареченной Пятницы, все пяднишные. При оной келье деревянной посуды ставцов и чашек пятнатцать, блюд четыре; медной посуды одна яндова неболшая, три стокана оловянных.

Да хлебная келья, в ней один Спасителев образ. При ней посуды медной два котла, да чаша неболшие. *// (л. 4 об.)* Деревянных чашок и ставцов дватцать пять, блюд пятнатцать.

Святыя ворота полдненныя одне к реке Сухоне, деревяные рубленые. На них на одной стране Деисус со Апостолы, на второй стране образ Богоматере Казанской, оба пяднишные.

Погреб казенной один, а в нем припасов кроме ставленного квасу и прочих съесных потребных припасов никаких не имеется.

В ограде два хлебных анбара. В них хлеба на лицо: ржи три четверти, муки ржаной одна четверть, овсяной четыре четверика, овса пять четвертей, пшеницы шесть четвериков, ячмени, гороху, семени конопляного не имеется.

Положения места пустыни длины на пятьдесят, поперег на двадцать на пять сажен. Ограды рубленные половина от Сухоны реки, а другая в заплотех.

За оградой имеется для сажения капусты один сад, которой в длину на десяти, поперег на седми саженях. А более сего садов нигде не имеется.

Оной пустыни не в каких городех и уездех домов, и подворей школ, и в них учителей и учеников, и богаделен, как прежде сего небывало, так и ныне не имеется. *// (л. 5)*

3. В той пустыне против древнего установления надлежит быть настоятель, а ныне налицо строитель иеромонах Павел. Жалования два рубли в год. А других иеромонахов и монахов и иеродиаконов не имеется.

4. При той пустыне церковных причетников двое, которым денежнаго и хлебнаго жалованья не определено, а доволствуются оне пищей и одеянием казенным. Приказных служителей при той пустыне не имеется.

При оной же пустыне записных по последней в 744 году бывшей ревизии 17 душ, да протчих служителей пустынных разных волостей крестьян Тотемского уезду 8 человек, которые подушные денги платят собой, и оным служителям никакого жалованья не определено, которыя находятся в разных пустынных послушаниях и доволствуются они пищей от братцкой трапезы и одеянием монастырским.

Отставных двое человек, ис которых прапорщик Емельян Данилов на денежном жалованье Тотемского Суморина монастыря и с протчими Тотемского заказа пустынями, которому в складство выдается в год денег по четыре рубли по тритцати по три копейки с половиной, *// (л. 5 об.)* которой никаких вотчин, деревень и за старостию ево лет никакого ремесла не имеет. Второй солдат рядовой Федор Алексеев сын Котов, которому никакого жалованья не определено, кроме одной пищи и никаких вотчин деревень и ремесла за старостию ево не имеет. Итого всем оным в год производится денег 6 рублев 33 копейки с половиной.

5. К той пустыне приписная Богороцкая Ретченская пустыня в Тотемском уезде при реке Ретче по писцовым книгам в разстоянии от Голубинской пустыни в седми верстах. При ней церковь теплая ветхая во имя Введенья Пресвятыя Богородицы, деревянная об одном престоле.

В ней святых образов: Царские двери гладевые, писаны на красках. Над ними в верхнем ставе Деисус со Апостолы.

Подле Царския двери на правой стране образ Вседержителев Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. Подле оной образ храмовой Введения Пресвятыя Богородицы.

На левой стране между врат образ Богоматере Казанской.

Во Святом Олтаре на горнем месте образ Спасителев.

За Престолом образ Богоматере Владимирской. *// (л. 6)*

На Святом Престоле и на Жертвеннике одежды и завеса над Царскими дверми парчевые, бумажные.

Крест напрестолный благословящей древянный, писан на красках.

Евангелие напрестолное, дестевое, новоправленое; Евангелисты оловяные, обложено голью красной.

А во оной церкви служенье бывает по Дванадесятым Господским и Богородичным праздникам означенной Голубинской пустыни священно- и церковнослужителями.

С церковным благолепием ризами и протчими потребными вещами, яко то есть свечами ладаном и церковным вином доволствуется от оной же Голубинской пустыни.

При оной же Ретченской пустыни скотцкой один двор. При оном дворе одна изба. При дворе скота: коней работных меринов и кобылиц пятеро, а неработных не имеется, коров дойных и недойных седмь, бычков и телиц болших и малых одиннатцать, один порос. Итого двенатцать. Овец болших и малых одиннатцать.

Онбаров хлебных два. В них хлеба налицо: ржи три четверти, овса пшеницы и ячмени не имеется.

Гумно и два овина покрыты еловым жолобьем на столбах. *// (л. 6 об.)*

При означенной пустыне по Жалованым Блаженныя и вечной славы достойныя памяти государя императора Петра Великаго самодержца Всероссийского и благочестивейшаго государя, царя и великаго князя Иоанна Алексеевича всея России и по писцовым дачам земли, на которую сеется ржи по шти, овса по шестнатцати четвертей в поле, а в дву по тому ж. Сенного покосу на сто на пятьдесять копен.

Приписных ко оной пустыне по последней в 744 году бывшей ревизии душ не написано и крестьян не имеется. А работа при оной пустыне отправляема бывает означенной Голубинской пустыни служителями и наемными людьми повсягодно.

6. За той Голубинской пустыней по Жалованым вышеписанных государей, царей и великих князей грамотам и по писцовым дачам вотчина в Тотемском уезде в Стрелицкой волости деревня Брюхово, в разстоянии от оной пустыни в 14 верстах.

При ней двор скоцкой и одна изба. При оном дворе скота: коней работных меринов и кобылиц пятеро неработных, один малой жеребчик. Итого шестеро. *// (л. 7)* Коров дойных и недойных шестеро, малых быков и телиц четверо. Итого десять. Овец болших и малых пятнатцать, свиней шесть.

Гумно и два овина некрытые.

А при оной деревне по последней 744 году ревизии душ не написано, а работают в той деревне наемныя люди повсягодно.

При оной деревне пахотной земли на которую сеется ржи по пяти, овса по пятнатцати четвертей в поле в в дву по тому ж. Сена ставится по сту по штидесяти копен.

При оной деревне хлебной онбар, в нем хлеба налицо ржи две, овса пять четвертей.

Во оном же Тотемском уезде в Молской волости в Завотченской трети деревня Ржаник, в расстоянии от оной Голубинской пустыни в 25 верстах. В ней монастырской двор и при нем одна изба. При оном дворе скота: коней меринов и кобыл работных пятеро, а неработных одна сегодная кобылочка. Итого шестеро. Коров дойных и недойных десять, телиц и бычков болших и малых седмь, один пороз. Итого восмнадцать. Овец болших и малых четырнатцать, свиней трое болших. *// (л. 7 об.)*

Хлебной онбар, в нем хлеба налицо ржи три четверти четыре четверика, овса шесть четвертей. Гумно непокрыто, и при нем два овина покрыты еловым желобьем.

Земли пахотные по писцовым 196 году дачам, на которую сеется ржи емь, овса четырнатцать четвертей в поле, а в дву по тому ж. Сена по реке Вотче и по протчим местам всего ставитца по двести копен.

При оной деревне по последней 744 годе бывшей ревизии душ не написано, а работа бывает наемными людми.

Из вышеписанной пашенной земли в деревнях в тягле осмаков по сколку быть надлежит, яко по здешнему за необыкновением разчисленья издревле не имелось, и никакого иного расположения и ныне не имеется.

На речке Ретче мукомолная мелница о двух поставах, в том числе одна толчея, со всеми мелнишными железными и древянными струменты, находу, которая в разстоянии от Голубинской пустыни в полуторе версте.

Вторая мелница в Тотемском уезде в Молской волости на реке Вотче на одной плотине о двух поставах, на ходу, в разстоянии от пустыни Голубинской в 25 верстах. При оной мелнице изба для приезжих помолцов.

При оной ж Голубинской пустыни за оградой скотцкий двор новой, в разстоянии *// (л. 8)* от ограды 60 саженях, для пустынной надобности ради содержания скота коней коров и овец, которой прежде сего имелся, длиною на 15 шириною на 5 саженях.

При том дворе скота: коней работных меринов и кобыл шестеро, неработных восмеро. Итого четырнатцать. Коров дойных и недойных двенатцать, малых телиц и быков дватцать. Итого тритцать две. Овец малых и болших семнатцать.

При той пустыне пашенной земли по писцовым дачам, на которую сеется ржи по седми, овса по четырнатцать четвертей в поле, а в в дву по тому ж. Сенных покосов на двести копен.

Гумно и при нем два овина, да соломенник на столбах, покрыты еловым жолобьем.

А рыбных ловель, поверстных лесов и заповедных рощей, как при оных пустынях и при вышеписанных деревнях, так и при других местех, и в тех деревнях управителей и писцов не имеется.

В наличности казенного хлеба в означенной Ретченской пустыне ржи три четверти, пшеницы, ячмени и овса не имеется. В деревне Брюхове ржи две, овса пять четвертей. В деревне Ржанике ржи три четверти четыре четверика, овса шесть четвертей. *// (л. 8 об.)*

7. С тех вотчинных деревень во оную пустыню неокладных хлебных доходов в зборе бывает в год ржи по тритцать овса по пятьдесят четвертей, болше и менше.

Неокладного доходу бывает в год за проданной скот коней коров и овец по 20 рублев. Да в проездные архиерейские подводы збирается вспоможение с церквей по 5 рублев. С мелниц помолных денег в год по 25 рублев. Выводных денег за баб и девок не бывает.

Хлеба при оной пустыне зростающего в полях приплодного ржи по дватцать девять, овса по шестьдесят четвертей болше и менше. Пшеницы, ячмени, гороху, семени конопляного в посеве не всегда бывает за нерождением.

Сенных покосов при той Голубинской пустыне в лугах и по реке Сухоне по двести пятдесят пять копен. Всего сена ставится в год при оных пустынях и при вотчинных деревнях по семсот осемдесят четыре копны, болше и менше.

При оных пустынях лесу пашенного десять десятин, а непашенного лесу и болота от речки Ретчи до речки Голубицы три версты, поперег верста.

Столовых припасов, яко то есть семени конопляного, сыров, масла всякого, яиц, ягод, грибов, орехов и конюшенных припасов, телег, саней хомутов, дуг, оглобель, оброт, вожжей, веревок, мешков, рогож, ведер, лубков, дров взборе никогда не бывает, да и сбирать не с кого, понеже при оных пустынях крестьян записных никого не имеется, а работают в пустынях и деревнях служители и наемные люди.

Скрепа по листам 2–8 об.:

К сей ведомосте / Тотемского / заказу / и уезду / Рождественской / Голубинской / пустыни / строитель иеромонах Павел подписуюсь.

III

1769 г. сентября 10. – Опись церквей и церковного имущества Голубинского Рождественского прихода[1091]

(л. 102) 1769 года сентября 10 дня опись учиненная в силу присланнаго Ея Императорскаго Величества из Духовной Преосвященнаго Иоанна епископа Великоустюжского и Тотемского Консистории в Тотемское духовное правление минувшаго июня 21 дня указу онаго Духовнаго правления присудствующим протопопом Иаковом Богословским коликое число имеется Тотемского уезду в упраздненной Голубинской пустыне, а ныне Рожественском приходе святых церквей, в них святых икон с приклады и всякаго церковнаго благолепия, священническаго облачения и протчаго всякаго казенного имущества, а чего имянно значится ниже сего.

В означенной Рожественской деревянной <холодной> церкви во Святем Олтаре на Престоле и на Жертвеннике одежды бумажные. Антиминс новый, литон полотняной чистой.

Священные сосуды оловянные двои ковчег и Дароносица оловянныя.

Евангелиев напрестолных два, из коих один обложен бархатом черным, второе обложено бархатом красным, Евангелисты на обоих сребрянные.

[1091] ВУЦА. Ф. 363. Оп. 1. Д. 1490. Л. 102–104.

Крест благословящий древянный, обложен серебром.

Завесы и пелены на Престоле и на жертвеннике бумажныя.

Воздухов и покровов тафтяных одни, бумажные одни ж.

Кадил два, медные. Укропник, чаша водоосвящалная, медные крушка и два блюда все оловянные, крапило <…>.

Святых образов на горнем месте: 1-й Отечество, 2-й над жертвенником Богоматере Одигитрие, 3-й Архангела Михаила, 4-й святыя великомученицы Екатерины.

Царские Двери резныя посеребрены, на них писаны Благовещение с Евангелистами на красках.

Подле оные образ Нерукотворенный.

Образ Богоматере Казанской, на нем венец и цата сребряные, поля сребряные, убрус жемчужный. *// (л. 102 об.)*

Образ храмовой Рожества Пресвятыя Богородицы.

Против правого крылоса образ Богоматере Казанския и в молении святых праведных Прокопия и Иоанна Устюжских Чудотворцев на Прокопие венец сребрянный, на Иоанне медный.

Между врат образ Богоматере Одигитрие, венец древянный с резью под золотом.

Против левого крылоса образ Богоматере Казанской, на нем венец и цата медные с позолотою.

На пономарских дверех образ святаго первомученика и архидьякона Стефана.

Над Царскими дверми Деисус с дванадесятыми празниками, над оными Господь Бог Саваоф со Апостолы и Пророки.

Две хоругви.

За правым крылосом образ святителя Николая Чудотворца.

За левым крылосом образ Богоматере Казанской, на нем венец древянной, резной, позолоченной.

Подле оного образ Спасителев и в молении святителей Модеста и Власия.

Образ святыя великомученицы Параскевы нареченныя Пятницы с житием, да образ по стене поставлен Успения Богоматере, в киоте резной, посеребренной.

Паникадило медное, неболшее.

В теплой второй деревянной же во имя Рожества Христова церкви во Святом Олтаре на Престоле и на Жертвеннике и завеса над Царскими дверми бумажныя. Антиминс новый, литон чистый.

На означенном Престоле крест благословящий древянный, писан на красках. Покров парчевой бумажной.

Во оном Олтаре святых образов 1-й Собор и суд изр<аильс>кия на Господа нашего Иисуса Христа, 2-й Преображения Господа Иисуса <и> протчих святых, на них венчиков пять, все сребряные с позолотою. *// (л. 103)*

На горнем месте образ Отечество, Апостолы и Святители, пятичной.

В церкви Царские двери гладевыя, Евангелисты писаны на красках.

Протчих святых образов подле оные: 1-й храмовой Рождества Христова, на нем венец и цата сребряные с позолотою, на той же цке в лицах святых шесть венцов маленких сребряных с позолотою, 2-й Собор Пресвятыя Богородицы, 3-й Введения Пресвятыя Богоматере, 4-й Успения Богоматере.

Против правого крылоса образ святителя Петра митрополита Московскаго.

По леву руку Царских врат образ Богоматере Неопалимыя Купины, на ней венец и цата сребрянные с позолотою, на оной же цке дванадесятые празники.

На пономарских дверех образ святаго пророка Даниила.

Против левого крылоса образ Знамения Богоматере и при ней в молении преподобных отец Зосимы и Савватия Соловецких Чудотворцев.

Над Царскими дверми Деисус со Апостолы.

На аналое положенный образ Богоматери Знамения, пятичной, венец и риза сребрянные без позолоты, да при оном же на створах писаны лики святых.

В трапезе образ Спасителев и в молении преподобных отец Зосимы и Савватия Соловецких Чудотворцев.

Образ же святыя великомученицы Параскевы, нареченныя Пятницы.

Вместо паникадила лампадка жестяная. Протчих лампад во обоих церквах: медных три; жестяных шесть, в том числе у двух кисти шелковые; подсвешник жестяной; вторый малой, который поставляется на столе при отправлении панихид.

Книг дестевых: Евангелие учительное толковое; Апостол; Триоди постная и цветная; Псалтирь следованная; Охтаев гнездо; Минеи две – общая святым и празничная; Минеи месячных весь год; Прологов весь год; Требник болшей; Межевая инструкция. *// (л. 103 об.)* В полдесть: Служебников три; Ирмолог; Требник; Канонник; Катихизисов два; Известие учителное; Евфрем <…>; Молебное пение о бездождии и ведре. В четверть: Букварь; Чин исповедания; Ектении и молитвы о победе на супостатов. И оные книги имеются все новоисправные, а старопечатных книг не имеется.

Священнических одежд: Подризников три, в том числе один китайной, второй крашенинной, третий холщевой печатной. Епитрахилей шесть, в том числе первая отласная, на ней пугвиц сребряных девять, вторая парчевая, пугвицы медные и бумажных четыре. Поясов нитяных два, поручей бумажных четверы. Риз: шелковых разных цветов четверы, бумажных трои, крашенинных двои, полотняных двои. Стихарей диаконских два, в том числе один шелковой, другой бумажной, оплечье камчатое. Орарь шелковой. Церковнической стихарь полотняной <…>.

Церковной денежной казны в наличии ныне два рубли.

Колоколня деревянная ветхая, на ней колоколов шесть, ис коих болшей девять пуд с половиною, а прочим пяти весу не показано.

В приписной ко оной бывой пустыне Ретченской в церкви Введения Пресвятыя Богородицы во Святом Олтаре на Престоле и на Жертвеннике одежды и завеса над Царскими дверми бумажные. Антиминс и литон новые.

Евангелие напрестолное дестевое, одето голью красной, на нем Евангелисты оловянные.

Крест благословящий деревянный, писан на красках.

Сосуды оловянные одни.

Воздухов и покровов бумажных одни.

Пелены на Престол и на Жертвенник кумашные.

Святых образов: 1-й Богоматере Казанской с ручкой, 2-й Крест болшей, на нем писано Распятие Господне.

Кадило медное. *///(л. 104)*

В церкви Царские двери, гладевые, Евангелисты писаны на красках.

Подле оные святых образов: 1-й Спасителев, 2-й храмовой Введения Пресвятыя Богоматере, 3-й на левой стране между оных Царских врат Богоматере Казанской, и на пономарских дверех святаго первомученика и архидьякона Стефана.

Над Царскими дверми Деисус со Апостолы.

Вместо лампад подсвешники деревянные, крашеные, старинные.

Когда во оной церкви священнослужение бывает, тогда принадлежащие к священнослужению нужнопотребности приносимы бывают из вышереченной упразненной пустыни.

Сие вышеозначенное по сей описи церковное благолепие и казенное имущество должны хранить во всяком бережении оной церкви священник с пономарем в том они при сем подписуются.

Скрепа по листам 102–104:

К сей описи / вышеписанной церкви / священник Гаврил руку приложил.

Вместо приложения
КОНФЕРЕНЦИЯ «РУССКИЙ СЕВЕР»: ИЗ ИСТОРИИ ПРОВЕДЕНИЯ

Более 80 исследователей со всей страны собрала в Тотьме Первая межрегиональная научная конференция «Русский Север».

В праздничные выходные февраля в Тотьме состоялась первая межрегиональная конференция «Русский Север-2017. Проблемы изучения и сохранения историко-культурного и природного наследия». В город на Сухоне съехалось более 80 исследователей из Москвы, Санкт-Петербурга, Волгограда, Челябинска, Архангельска, Северодвинска, Сыктывкара и ряда других городов страны, в том числе – представители МГУ им. Ломоносова, Российского государственного гуманитарного университета, Российской национальной библиотеки, библиотеки Академии наук Санкт-Петербурга.

Организатором конференции выступило Тотемское музейное объединение при поддержке Департамента культуры и туризма Вологодской области и Администрации Тотемского района.

Директор ТМО Алексей Новосёлов рассказывает: «*Наша конференция не ставит перед собой глобальной цели объединить разобщённое границами регионов, социальным положением, законами страны и повседневными хлопотами научное сообщество. Однако она способна обратить внимание исследователей – историков, культурологов, социологов – на хотя бы один конкретно взятый район Русского Севера, так называемое Среднее Посухонье. И прежде всего, безусловно, на Тотьму. Этот город нуждается не только во внимании к его существующим достопримечательностям и музейным коллекциям; он нуждается во внимании к своему прошлому и к систематическому изучению сохранившихся пластов историко-культурного наследия. Так сложилось, что Тотьма как исторический город Русского Севера изучена всё-таки меньше, нежели её «собратья» по «Серебряному ожерелью России»: Каргополь, Великий Устюг, Кириллов, Сольвычегодск».*

В рамках пленарного заседания и восьми секций конференции обсуждались различные аспекты историко-культурного и природного наследия Русского Севера: архитектура, этнография и фольклор, архивные письменные источники, содержание музейных фондовых коллекций. Был затронут широкий спектр вопросов, включающих сохранение как памятников, так и средовой застройки современной Тотьмы. Помимо того, участники конференции смогли посетить все музеи города,

пообщаться с автором макетов деревянных храмов Валентином Покладом, своими руками изготовить тотемские сувениры в Петровской детской художественной школе, посетить места, связанные с «тотемским барокко»: Матвеево, Вожбал, Усть-Печеньгу.

На конференции состоялась презентация новых книжных изданий о Тотьме. Профессор МГИК Николай Решетников представил книгу «Русский Север. Тотьма. Путевые встречи». В ней в увлекательной и доступной форме рассказывается о прошлом и настоящем Тотьмы через призму личных впечатлений автора и через взятые им у музейных сотрудников интервью. Примечателен тот факт, что книжку Николай Решетников издал на собственные средства и весь тираж (1000 экземпляров) подарил музейному объединению. Известный вологодский писатель-краевед Александр Быков рассказал собравшимся о своей новой приключенческой повести «Агдика», в которой рассказывается о тотемских мореходах и строительстве храмов города. Презентацию сопровождали музыкальные композиции в исполнении Ольги Зайцевой.

Сборник материалов конференции был издан до начала мероприятия. В ближайшее время все интересующиеся историей и культурой Русского Севера смогут ознакомиться с ним в областной библиотеке имени Бабушкина, также сборник можно приобрести в музеях Тотьмы. А само мероприятие решено сделать ежегодным.

Начальник отдела туризма и общественных проектов администрации Тотемского района Артём Чернега отмечает: *«Стимулирование процессов внимания к наследию города, привлечение в наш край учёных, краеведов-исследователей и просто энтузиастов, которые восторженно открывают для себя Север – вот одна из главных целей той конференции, что мы собрали впервые в феврале 2017 года. Мы надеемся, что благодаря объединению думающих и неравнодушных людей Тотьма станет одной из тех точек притяжения научного сообщества страны, которые станут актуальными на долгие годы».*

Портал «Культура в Вологодской области» cultinfo.ru

5 дней, 93 участника, 70 докладов: в Тотьме завершилась научная конференция «Русский Север-2018».

В течение пяти дней в Вологде и Тотьме проходили мероприятия второй Всероссийской научной конференции с международным участием «Русский Север-2018: проблемы сохранения и изучения историко-культурного наследия». Участие в ней приняло более 90 человек из целого ряда регионов России: Архангельской, Вологодской, Ярославской областей, Республик Коми и Карелия и других; наибольшее количество выступающих прибыло из Москвы и Санкт-Петербурга.

В числе участников были представлены учёные, сотрудники вузов, музеев, картинных галерей, специалисты администраций, краеведы,

эксперты из МГУ, СПбГУ, РГГУ, ЦНИИП Минстроя РФ и ряда других организаций. Почётным гостем мероприятия стал Михаил Исаевич Мильчик– кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник НИИ теории и истории архитектуры и градостроительства, автор множества книг и статей, посвящённых наследию Русского Севера.

Первый день конференции, предваряющий основную научную программу, состоялся в Вологде. Впервые соорганизатором конференции выступил Вологодский государственный университет в лице кафедры теории, истории культуры и этнологии. Выступая с приветственным докладом перед собравшимися, заведующий кафедрой Роман Красильников выделил некоторые особенности традиционного образа Русского Севера в контексте современной культуры, а также поставил вопрос о двух направлениях в сохранении наследия данного региона – музеефикации и брендировании.

Пленарное заседание, открывшееся в Тотьме, приветствовала заместитель начальника управления туризма и музейной деятельности Департамента культуры и туризма Вологодской области Ирина Велиева, отметившая всё более выдающуюся роль музеев региона в сохранении историко-культурного и природного наследия.

В рамках пленарного заседания прозвучали доклады, касающиеся города Тотьмы и его роли в контексте культуры Русского Севера. Поскольку конференция была посвящена памяти недавно скончавшегося художника Георгия Попова, состоялось также сообщение на тему тотемских мотивов в его творчестве, которое подготовила сотрудница Тотемского музейного объединения Вера Галушкина. В рамках мероприятия участники смогли ознакомиться с выставкой работ выдающегося вологжанина, мастера наивной живописи.

В рамках конференции состоялись заседания 11 секций. Рассказывает директор ТМО Алексей Новосёлов: *«Поскольку наш проект культурологичен, а культурология – междисциплинарная область, отрадно видеть, что были представлены секции по различным направлениям изучения Русского Севера. Это и литературоведение, и история, и география, и реставрация, и музеология, и туризм. Отдельная секция была посвящена проекту РГГУ «Северный шелковый путь», который вызвал бурное обсуждение среди участников мероприятия».*

На третий день мероприятия состоялось восемь дискуссионных сессий, из которых самую острую полемику вызвала сессия, проведённая Михаилом Мильчиком и касающаяся сохранения исторической застройки в малых городах. Участниками дискуссии стали мэр Тотьмы Анатолий Скорюков, сотрудник ЦНИИП Минстроя РФ Любовь Кубецкая, председатель комитета по сохранению объектов культурного наследия Вологодской области Елена Кукушкина, директор ТМО Алексей Новосёлов, градозащитник Елена Смиренникова.

Для гостей была подготовлена обширная культурная программа. С музыкальной гостиной «Русский Север» в рамках открытия конференции выступил коллектив Тотемской ДМШ. В заречном бору за рекой Сухоной состоялся «Рубцовский костёр», в рамках которого исполнялись песни и читались стихи Николая Рубцова. Участники посетили музеи Тотьмы и Вологды, стали зрителями открытия выставочного проекта Александра Пестерева и Леты Югай «Имена». В завершающий день гости совершили поездку в вологодско-костромское пограничье, посетив село Никольское, недавно ставшее выявленным объектом культурного наследия «Духовная родина Николая Рубцова», а также город Солигалич и музейно-туристский комплекс «Терем в Асташово».

В резолюцию конференции были включены пункты о необходимости разработки отдельных подзаконных нормативных актов, утверждающих понятие «историческое здание» на уровне региона, о необходимости продолжения книжной серии фотоальбомов «Осколки времени», о создании памятника Николаю Рубцову в селе Никольском.

Доклады, включённые в программу конференции, опубликованы в сборнике материалов «Русский Север-2018», который вышел в свет 1 марта. Приобрести сборник можно в музеях Тотьмы, а ознакомиться с его содержимым – в Вологодской областной научной библиотеке. Организаторы планируют, что научные встречи на тотемской земле, посвящённые Русскому Северу, продолжатся в будущем году.

Портал «Культура в Вологодской области» cultinfo.ru

НЕКОТОРЫЕ ОТЗЫВЫ УЧАСТНИКОВ

«Тотьмой я грезила давно. Как путешественнику, хотелось посмотреть на старинный городок Русского Севера. Как музейщику, познакомиться с опытом работы Тотемского музейного объединения, который в последнее время стал в профессиональной среде (по крайней мере, европейского севера страны) примером яркого динамичного развития, дающего огромный потенциал для туристического продвижения всей территории.

Случай для посещения выдался очень подходящий. От участия в программе «Музейный десант» счастливым образом остались средства (спасибо «Аэрофлоту», который к моменту покупки билетов организовал спецпредложения!). И активно проводящий в последние годы конференции Тотемский музей организовал тематически широкую конференцию – «Русский Север – 2017». С учетом небольшого количества накопленного материала по архитектуре Полярного 30-годов прошлого века решила, что участие в мероприятии – неплохой повод эту информацию представить и узнать мнение экспертов по тематике доклада.

В Тотьме провела 4 дня общероссийских выходных в феврале. Не буду останавливаться на достопримечательностях места. Хотя понимаю, что обилие проводимых в Тотьме конференций – это в первую очередь рас-

крытие и пропаганда туристического потенциала территории. Об этом напишу на другом ресурсе.

Что по итогам дало участие в конференции? Во-первых, в Тотьме собралось большое количество ученых-историков, краеведов, искусствоведов, специализирующихся на тематике Русского Севера. Безусловно, профессиональное общение дало множество интересных тем для обсуждения и наработок на будущие исследования. По результатам моего выступления, посвященного конструктивизму в архитектуре Полярного, мне удалось получить ряд советов и рекомендаций по дальнейшему исследованию данной темы. Знакомство с искусствоведом из Санкт-Петербурга Юлией Львовной Колосовой дало старт к решению проблемы реставрации некоторых наших музейных предметов. Общение с архитектором-реставратором Евгением Павловичем Варакиным позволило определить поисковые направления в исследовательской работе по конструктивизму.

Пожалуй, самые интересные моменты в посещении иногородних музее – поиск «точек соприкосновения», которые могут сыграть важную роль в возникновении межмузейного сотрудничества. Как житель морского гарнизона такую взаимосвязь между Тотьмой и Полярным я нашла, естественно, в Музее мореходов. Еварест Александрович Баландин, житель Тотьмы, во время Великой Отечественной войны служил на Северном флоте и имел разрешение на фотосъёмку военно-морской базы, кораблей, частей и моряков. А значит, он жил в Полярном, который на тот момент был главной флотской базой! Наряду с Робертом Диаментом, Евгением Халдеем он стал фотолетописцем Победы, а популяризация имени Баландина, а через его фотоработы – истории Северного флота возможно станет нашим совместным с Тотемским музейным объединением проектом.

Поездка удалась даже более полезной, чем я изначально себе представляла. Огромная благодарность всем организаторам мероприятия (не буду перечислять, дабы никого не обидеть) за отличную подготовку. Не смотря на мороз, в Тотьме было уютно и комфортно. А профессиональный кураж и дерзновения молодых руководителей вызывают огромное уважение».

Анастасия Князева,
заместитель директора музея г. Полярный ЗАТО «Александровск»,
Мурманская область.

«Огромное спасибо организаторам научной конференции «Русский Север-2017» за комплекс положительных эмоций и новых знаний! Поездка впечатлила! На центральной площади Тотьмы нас встретил глава города Николай Ярославцев. На улице морозило. Несмотря на это, глава читал нам стихи собственного сочинения – причем стихи замечательные, душевные. Проникновенность прочтения мигом согрела и самих

участников. Творческий дух сразу охватил настроение научной конференции.

Для нас провели ознакомительную экскурсию, которую многие отмечали в словах благодарности. Город действительно завораживает уютом и колоритом Русского Севера. А деятельность организаторов дополнила мои впечатления своей интерактивностью. Особенно мне запомнился Музей мореходов и командные соревнования. Это сплотило участников и дало возможность познакомиться поближе. Вечерний колокольный перезвон окунул нас в особую атмосферу. Нечто возвышенное наполнило наши сердца.

В таком возвышенном настроении прошли пленарные заседания. Были представлены весьма занимательные и необычные исследования с глубоким историческим анализом. Официальная часть мероприятия прошла на высшем уровне. Однако вновь хочется вернуться к неформальной части. Самое интересное начиналось по вечерам. Мы собирались в холле гостиницы и общались. Там образовывались новые творческие связи, знакомства и происходило обсуждение ещё не реализованных проектов. Такие встречи дорогого стоят. Ну, и чай с северными ягодами по расписанию тоже показался чем-то новым в научной среде. Весьма оригинальное организаторское решение. Да и, в целом, уровень организации мероприятия очень высокий. Спасибо!»

Василий Копытков,
историк, заместитель директора историко-культурного центра
«Светочъ», Москва.

«Хочу выразить Вам огромную благодарность за возможность участия в Вашей конференции, возможность познакомиться с Вашим удивительным городом! Он оставил цельное, яркое и глубокое впечатление – и от ландшафта, и от музеев, и от самих тотьмичей. Думаю, что эта цельность – во многом заслуга деятельности, которая объединяет и отдельные филиалы, и образовательные учреждения, и отдельных творческих личностей, и всех жителей города. Город очень вдохновляет! Дошла до Троицкого храма, рассмотрела все дымники, все картуши, пообщалась с местными жителями, которые спокойны, добры, гостеприимны».

Наталья Денисова,
заместитель заведующего Музейно-просветительским центром
Всероссийского музея декоративно-прикладного и народного искусства,
Москва.

«Большое спасибо за высокий уровень всех мероприятий конференции. Все эти дни мы были окружены заботой и вниманием. Научная программа конференции была столь насыщенная, что каждый из участников смог получить большое количество профессиональной информации, обменяться взглядами на проблемы. Велика зависть наших коллег,

которые не смогли по разным причинам поехать, и теперь вместе с нами уже с сегодняшнего дня мечтают о следующей конференции и новых встречах с Тотьмой и всем чудесным коллективом сотрудников музея. Низкий поклон Вам за самоотверженный труд и профессионализм. Желаю Вам новых успехов».

С уважением, Т. Н. Ознобишина. Санкт-Петербург.

«Добрый день, дорогие, уважаемые коллеги!

Только вернулись домой и вспоминаем эти дни конференции. Большое всем спасибо за внимание, гостеприимство, искреннее радение о сохранении нашей культуры.

Кто был в первый раз в Тотьме, полюбил этот город. В разное время суток случайно встречались с участниками конференции в разных уголках города, все были вооружены фотоаппаратами и завороженно смотрели на окружающую красоту.

Очень радостно было видеть весь ваш коллектив единомышленников.

Хотя понятно, что трудностей хватает, но тем более ценен ваш энтузиазм.

Всего самого доброго!»

С уважением, Екатерина Перова, доцент МГЛУ, Москва.

«Конференция в Тотьме оставила незабываемые и самые приятные воспоминания, которыми с удовольствием поделилась со своим коллегами. Организация, проведение, отношение к участникам и сама атмосфера заслуживают самой высокой оценки. Спасибо большое! Успехов в вашей культурно-образовательной работе!».

С уважением, М. М. Лоевская (МГУ).

«Уважаемые музейщики Тотьмы!

Большое спасибо за прекрасную организацию и все заботы об участниках – было очень интересно у вас побывать!

Особенная благодарность за оперативное издание сборника трудов и список участников с контактами – так быстро вы все сумели сделать, что сердце радуется на вашу замечательно ответственную и профессиональную работу.

С праздником и до новых встреч!».

С уважением, Тамара Юрьевна Семенова, Москва.

«За этот год посетил много конференций, редко какая выдаётся настолько колоритной, как получился «Русский Север»! Конференция в Тотьме – уникальное явление для культурной и научной среды. Немногие мероприятия, проводимые представителями гуманитарных учреждений, могут похвастаться той планкой профессионализма

и организации, что установили сотрудники Тотемского музейного объединения, начиная с первой же конференции в 2017 году.

«Русский Север» объединяет исследователей из самых разных уголков страны. Возможно, сейчас – это одна из немногих площадок, эффективных как для профессионалов, так и для начинающих деятелей науки. Доступность участия и ориентация организаторов на качественные результаты привели к созданию маленького центра научного притяжения, известного, в то же время, далеко за пределами северных широт. Центра, которого, возможно, давно не хватало.

Желаю вам дальнейших успехов, не останавливаться на достигнутом и оставаться верными своим благим идеям».

Иван Николаев, Москва.

Выступает Иван Николаев (Москва)

Выступает Ирина Савкова (Тотьма)

Мастер-классы в Петровской детской художественной школе

Николай Решетников презентует книжку «Русский Север. Тотьма»

Пленарное заседание. А. М. Новосёлов, Н. И. Решетников

Посещение творческого пространства АнтреСОЛЬ

Участники конференции 2017 года на открытии

Участники конференции 2017 года

Участники музейно-фондовой секции

Участники пленарного заседания

Участники экскурсии с главой города Н. Н. Ярославцевым

Выступление Ирины Велиевой из областного Департамента культуры и туризма

Гости пленарного заседания

Заседание филологической секции

Композиция в исполнении педагогов Тотемской детской музыкальной школы и оркестра народных инструментов

На выставке Валентина Поклада

Открытие выставки Александра Пестерева и Леты Югай в краеведческом музее

Поездка в Асташово. Перед теремом Мартьяна Сазонова

Поход по заснеженной Сухоне на Рубцовский костёр

Участники конференции 2018 года

Участники конференции на экскурсии в краеведческом музее

СОДЕРЖАНИЕ

Красильников Роман Леонидович, заведующий кафедрой теории, истории культуры и этнологии ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», доктор филологических наук, профессор
Вместо предисловия. ФЕНОМЕНЫ РУССКОГО СЕВЕРА 3

Всеволодов Антон Владимирович, Череповецкий государственный университет, г. Череповец
АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ КАМКИН: ВРЕМЕНА И ТЕМЫ (ПАМЯТИ ИСТОРИКА) 8

Раздел первый
ТОТЬМА И ТОТЕМСКИЙ КРАЙ В КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ РУССКОГО СЕВЕРА 22

Черкасова Марина Сергеевна, ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», г. Вологда
ТОТЕМСКИЕ АКТЫ XVII ВЕКА 22

Копытков Василий Викентьевич, культурно-исторический центр «Светоч», г. Великий Устюг – г. Москва
Кузнецов Александр Васильевич, независимый исследователь, г. Тотьма.
ТОТЕМСКАЯ ТРАГЕДИЯ 1674 г. ПО МАТЕРИАЛАМ «ОТПИСКИ» ВОЕВОДЫ ИВАНА ВОЛКОНСКОГО «О КАЗНЕНИИ ЖОНКИ ФЕДОСЬИ» 30

Головизнин Марк Васильевич, Институт глобализации и социальных движений, г. Москва
ХРАМОВОЕ БАРОККО ТОТЬМЫ, ВЯТКИ И ЗАПАДНОГО ЗАУРАЛЬЯ. ИРБИТСКАЯ ЯРМАРКА И КЯХТИНСКИЙ ТОРГ КАК СТИМУЛЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ШКОЛ 39

Притчина Валентина Алексеевна, МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма
ИКОНОСТАСЫ В ЦЕРКВЯХ ТОТЕМСКОГО УЕЗДА, МАСТЕРА И РЕЗЧИКИ ПО ДЕРЕВУ (XVI – НАЧ. XX ВВ.) 50

Ромашкина Светлана Николаевна, культурно-исторический центр «Светоч», г. Великий Устюг
ЦЕРКОВНЫЕ МАСТЕРА ТОТЬМЫ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX В.) 65

Пшеницын Дмитрий Александрович, культурно-исторический центр «Светоч», г. Вологда
ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКАЯ ЛЕТОПИСЬ НОВОКУНОЖСКОЙ ТРОИЦКОЙ ЦЕРКВИ ТОТЕМСКОГО УЕЗДА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВВ. 75

Полоцкая Ольга Владимировна, МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА СУЩЕСТВОВАНИЯ В ТОТЬМЕ ИЗРАЗЦОВОГО ПРОИЗВОДСТВА 90

Гладких Сергей Александрович, Котласский филиал Государственного университета морского и речного флота имени адмирала С. О. Макарова, г. Котлас, Архангельская область
ТОТЕМСКИЕ МОРЯКИ – УЧАСТНИКИ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ 1904–1905 гг. 96

Коренева Наталья Ивановна, МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма
ПО ТУ СТОРОНУ ПРАВДЫ: ИЗ ИСТОРИИ СПЕЦПОСЕЛКОВ ТОТЕМСКОГО РАЙОНА (НА ОСНОВЕ СЕМЕЙНОГО АРХИВА ШАМУРИНЫХ – МАЛЫШЕВЫХ) 105

Коренева Наталья Ивановна, МБУК «Тотемское музейное объединение», Рычкова Александра, МБОУ «Тотемская СОШ № 3», г. Тотьма
СПЕЦПОСЕЛЕНИЯ ВЕЛИКОДВОРСКОГО СЕЛЬСОВЕТА ТОТЕМСКОГО РАЙОНА ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ 112

Кузнецова Светлана Васильевна, МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма
ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ САНАТОРИЯ «ЗЕЛЁНЫЙ БОР» В ТОТЕМСКОМ РАЙОНЕ 116

Пахнин Анатолий Владимирович, МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма
ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ТРАДИЦИОННОМ ПОСЕЛЕНИИ РУССКОГО СЕВЕРА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ДЕРЕВНИ СЕРЕДСКАЯ ТОТЕМСКОГО РАЙОНА) 125

Новосёлов Алексей Михайлович, МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма
ГОРОД ТОТЬМА В СУДЬБЕ И ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ ПОЭТА НИКОЛАЯ РУБЦОВА 132

Лу Вэнья, Сычуаньский университет иностранных языков, Чунцин, КНР
«ОСЕННЯЯ» ЭЛЕГИЯ НИКОЛАЯ РУБЦОВА: МОТИВЫ, ОБРАЗЫ, СИМВОЛЫ 163

Савкова Ирина Сергеевна, МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма
СИСТЕМАТИЗАЦИЯ, КЛАССИФИКАЦИЯ И КОМПЛЕКТОВАНИЕ КОЛЛЕКЦИИ «ДРЕВНЕРУССКАЯ ЖИВОПИСЬ» ИЗ СОБРАНИЯ ТОТЕМСКОГО МУЗЕЙНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ 168

Правдина Мария Борисовна, МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма
ИСТОРИЧЕСКАЯ КОЛЛЕКЦИЯ ФАРФОРА И ФАЯНСА В СОБРАНИИ ТОТЕМСКОГО МУЗЕЙНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ: СОСТАВ, ИСТОЧНИКИ ПОСТУПЛЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ АТРИБУЦИИ 180

Макарова Ольга Николаевна, МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма
КОЛЛЕКЦИЯ УТЮГОВ В СОБРАНИИ ТОТЕМСКОГО МУЗЕЙНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ 188

Филиппова Елена Валериевна, МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма
КОЛЛЕКЦИЯ ФОТОМАТЕРИАЛОВ Е. А. БАЛАНДИНА В СОБРАНИИ ТОТЕМСКОГО МУЗЕЙНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ 197

Фирсова Наталья Игоревна, МБУК «Тотемское музейное объединение», г. Тотьма
НАГРАДЫ СССР В КОЛЛЕКЦИЯХ ТОТЕМСКОГО МУЗЕЙНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ (ВОЕННЫЙ ПЕРИОД 1941–1945) 204

Андреева Елена Павловна, ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», г. Вологда
ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «КРЕСТЬЯНСКАЯ УСАДЬБА» КАК ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ О ЖИЗНИ СЕВЕРНОРУССКОГО КРЕСТЬЯНИНА: НА МАТЕРИАЛЕ ТОТЕМСКИХ ГОВОРОВ 222

Варникова Евгения Николаевна, ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», г. Вологда
ЦАРЕВА – ОСТРОВНАЯ РЕКА (К ВОПРОСУ ОБ ЭТИМОЛОГИИ ГИДРОНИМА) 231

Раздел второй
РУССКИЙ СЕВЕР: ИСТОРИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, ЛЮДИ 234

Андрианова Лариса Сергеевна, АОУ ДО ВО «Региональный центр дополнительного образования детей», г. Вологда
ИЗУЧЕНИЕ ВЛАЖНОГО КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ В ГРАНИЦАХ КРЕПОСТИ ИВАНА ГРОЗНОГО В ВОЛОГДЕ 234

Адаменко Ольга Николаевна, ООО «Старый город», г. Вологда
РАЗОРЕНИЕ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ В ВОТЧИНЕ СПАСО-КАМЕННОГО МОНАСТЫРЯ: ПРОБЛЕМА «БЕЗВЕСТНО УШЕДШИХ» КРЕСТЬЯН 246

Пугач Иван Васильевич, ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», г. Вологда
ГОСУДАРЕВА РУГА НА РУССКОМ СЕВЕРЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ СМЕТНЫХ СПИСКОВ НОВГОРОДСКОЙ ЧЕТВЕРТИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII В.) 257

Порохина Светлана Сергеевна, ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», г. Вологда
ВОЛОГОДСКИЕ ПОДЬЯЧИЕ В XVII В. (ПО МАТЕРИАЛАМ СМЕТНЫХ СПИСКОВ НОВГОРОДСКОЙ ЧЕТВЕРТИ) 267

Белогай Оксана Ивановна, Корикова Надежда Николаевна, БУ ХМАО-Югры «Музей Природы и Человека», г. Ханты-Мансийск
РУССКОЕ СТАРОЖИЛЬЧЕСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ЮГРЫ: САМАРОВСКИЙ ЯМ 275

Столбова Валентина Петровна, культурно-исторический центр «Светоч», г. Санкт-Петербург
ВКЛАД КАМЕНОТЁСА САМСОНА СУХАНОВА В ЦЕРКОВНУЮ АРХИТЕКТУРУ 283

Ульянова Елена Софична, ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», г. Вологда
СЕМИОТИКА АРХИЕРЕЙСКОГО БЫТА: РЕКОНСТРУКЦИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО АРХИЕРЕЯ КОНЦА XIX ВЕКА 294

Даен Мира Евсеевна, независимый исследователь, г. Вологда
«МЕЖ ПОРТРЕТОМ И ИКОНОЙ». ДВА ЦАРСКИХ ПОРТРЕТА XVIII ВЕКА ИЗ СОБРАНИЯ ВОЛОГОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА. ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ 302

Лескова Ольга Владимировна, ВООО «Клуб делового общения», г. Вологда
ХРОНОТОП ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ В МЕМУАРАХ П. В. ЗАСОДИМСКОГО 309

Дубровская Елена Юрьевна, Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, г. Петрозаводск, Республика Карелия
РЕВОЛЮЦИЯ 1917 Г. И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА РУССКОМ СЕВЕРЕ В ВОСПРИЯТИИ УЧАСТНИКОВ И ОЧЕВИДЦЕВ СОБЫТИЙ 315

Синицына Дженни Петровна, МБУК «Бабушкинский районный исторический музей», село им. Бабушкина, Вологодская область
СКВОЗЬ ВЕКА: ОТ ЗЕМСКОЙ К СОВРЕМЕННОЙ БИБЛИОТЕЧНОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ. ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XXI ВВ. (НА ПРИМЕРЕ ЛЕДЕНГСКОЙ РАЙОННОЙ БИБЛИОТЕКИ) 324

Якушева Людмила Алентиновна, ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», г. Вологда
ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТВОРЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ: ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ СЮЖЕТЫ ВОЛОГДЫ И ЯРОСЛАВЛЯ 336

Ванеева Светлана Михайловна, Иванова Ольга Александровна, ГПОУ «Сыктывкарский политехнический техникум», г. Сыктывкар
САМОРОДОК ЗЕМЛИ КОМИ В. А. САВИН 341

Слепцова (Кызласова) Ирина Семёновна, Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва
СИМВОЛИКА И СЕМАНТИКА МАСЛЕНИЧНЫХ КОСТРОВ (НА ПРИМЕРЕ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ) 346

Воронина Татьяна Александровна, Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва
ВОЛОГОДСКИЕ КРАЕВЕДЫ О ТРАДИЦИОННОМ ПИТАНИИ КРЕСТЬЯН (XIX – НАЧАЛО XX В.) 356

Фролова Александра Викторовна, Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва
ФОРМИРОВАНИЕ СОВЕТСКОЙ ПРАЗДНИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX В. (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХАНГЕЛЬСКОГО СЕВЕРА) 367

Югай Елена Федоровна, Liberal Arts College Института общественных наук Российской Академии народного хозяйства и государственной службы, г. Москва
ПОСЛЕДНИЕ ПЛАКАЛЬЩИЦЫ И ИХ ВОСПРИЯТИЕ 376

Кортович Андрей Владимирович, Московский институт бизнеса и дизайна, г. Москва
О ДВУХ ПРОСТРАНСТВАХ ОРНАМЕНТИКИ СЕВЕРОРУССКОГО ТЕКСТИЛЯ И ИХ КОРРЕЛЯЦИИ С ПРОСТРАНСТВОМ ПРЕДМЕТНОГО МИРА 385

Буковецкая Оксана Александровна, лаборатория естествознания КЦ ЗИЛ, г. Москва
ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ ТРАДИЦИОННОГО КРАШЕНИЯ ТКАНЕЙ МЕСТНЫМИ ПРИРОДНЫМИ КРАСИТЕЛЯМИ 392

Меккюсярова Ия Александровна, Музей музыки и фольклора народов Якутии, г. Якутск Республика Саха (Якутия)
ИГРА НА ХОМУСЕ – ИСКУССТВО И ТРАДИЦИОННАЯ ОЗДОРОВИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА В РЕСПУБЛИКЕ САХА (ЯКУТИЯ) 399

Раздел третий

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ И МУЗЕЙНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ РУССКОГО СЕВЕРА 408

Решетников Николай Иванович, ФГБОУ ВО «Московский государственный институт культуры», г. Москва
«ВОЛОГОДСКАЯ ПРОГРАММА» И СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ 408

Терюков Александр Иванович, Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН, г. Санкт-Петербург
МАТЕРИАЛЫ ПО РУССКОМУ СЕВЕРУ В СОБРАНИИ МУЗЕЯ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ ИМЕНИ ПЕТРА ВЕЛИКОГО (КУНСТКАМЕРА) РАН 420

Назанян Карина Георгиевна, ФБУ ВО «Санкт-Петербургский государственный институт культуры»,
Одинцов Алексей Михайлович, ФГБУ ВО «Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина при Российской академии художеств», г. Санкт-Петербург
РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И ОХРАНА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ 429

Николаев Иван Романович, Институт современных исследований морского наследия,
Горлов Иван Олегович, ООО «ЦМИ МГУ», г. Москва
АКТУАЛИЗАЦИЯ РЕЧНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НА РУССКОМ СЕВЕРЕ: ПЕРСПЕКТИВЫ И ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ 434

Чайка Елена Андреевна, Московский архитектурный институт (Государственная академия), г. Москва
РУССКИЙ СЕВЕР. КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ КАК ОБЪЕКТ НАСЛЕДИЯ 439

Сорочинский Глеб Романович, Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина, г. Санкт-Петербург
СВЯТО-ТРОИЦКАЯ ФИЛИППО-ИРАПСКАЯ ПУСТЫНЬ – ОБЪЕКТ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ 444

Исаченко Григорий Анатольевич, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», г. Санкт-Петербург
ХРАМОСТРОИТЕЛЬСТВО НА КАРЕЛЬСКОМ ПЕРЕШЕЙКЕ В XX–XXI ВВ. 452

Голядкина Ангелина Игоревна, Ковалёва Юлия Владимировна, Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина, г. Санкт-Петербург
ДЕРЕВЯННЫЙ ХРАМ УСПЕНИЯ БОГОРОДИЦЫ В СЕЛЕ НЕЛАЗСКОЕ КАК ЧАСТЬ СРЕДОВОГО АНСАМБЛЯ: ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ КОМПЛЕКСА, ПРОБЛЕМЫ ЕГО ИЗУЧЕНИЯ И РЕСТАВРАЦИИ 462

Митюшева Татьяна Павловна, ИГ Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар, Республика Коми
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ «СЕРЕГОВСКИЙ СОЛЕВАРЕННЫЙ ЗАВОД» (РЕСПУБЛИКА КОМИ) 470

Кильдюшова Наталья Алексеевна, Вологодский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, г. Вологда
ПРОЕКТИРОВАНИЕ ЭКСПОЗИЦИИ «НОЧЛЕЖНЫЙ ПРИЮТ» В «ДОМЕ ХРАПОВА» АРХИТЕКТУРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ «СЕМЁНКОВО» 476

Луцковская Елена Фёдоровна, МБУК «Северодвинский городской краеведческий музей», г. Северодвинск, Архангельская область
КОЛЛЕКЦИЯ БУТЫЛЕЙ ИЗ ДЕРЕВНИ АМБУРСКОЙ: КОМПЛЕКТОВАНИЕ, АТРИБУЦИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ 484

Александрова Анна Юрьевна, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва,
Цапук Дмитрий Анатольевич, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, Ярославль
МУЗЕИ И ИХ ВОСПРИЯТИЕ В ДЕТСКО-ЮНОШЕСКОМ ТУРИЗМЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ МАРКЕТИНГОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В г. ВОЛОГДЕ) 494

Раздел четвёртый

КНИГА В КНИГЕ 500

Копытков Василий Викентьевич, культурно-исторический центр «Светоч», г. Москва
Кузнецов Александр Васильевич, независимый исследователь, г. Тотьма
ТАФТЕНСКАЯ КАЗАНСКАЯ ПУСТЫНЬ ТОТЕМСКОГО УЕЗДА В СВЕТЕ «РАЗБОЙНОГО ДЕЛА» ЕЁ СТРОИТЕЛЯ СТАРЦА ФЕРАПОНТА, 1671 г. 500

Зенкова Ольга Борисовна, Копытков Василий Викентьевич, культурно-исторический центр «Светоч», г. Великий Устюг – г. Москва
ТОТЕМСКАЯ ГОЛУБИНСКАЯ БОГОРОДИЦКАЯ ПУСТЫНЬ 525

Вместо приложения

КОНФЕРЕНЦИЯ «РУССКИЙ СЕВЕР»: ИЗ ИСТОРИИ ПРОВЕДЕНИЯ 564

Научное издание

РУССКИЙ СЕВЕР - 2019: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Сборник работ III Всероссийской научной конференции с международным участием

Подписано в печать 00.02.2019. Формат 60×84/16.
Гарнитура Cambria. Бумага офсетная. Усл. печ. л. .
Тираж . Заказ .

ООО ПФ «Полиграф-Периодика».
160001, г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3.
Тел. 8 (8172) 72-61-75. E-mail: price@pfpoligrafist.com